

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[104]

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(57)

Редакционный совет:

академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (со-председатель);
д.иск., проф. И.И. Тучков (со-председатель);
член-корреспондент РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов;
д.и.н. проф. Н.С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л.И. Бородкин;
д.и.н., проф. А.Г. Голиков; д.и.н., проф. С.В. Девятов;
д.и.н., гл.н.с. Л.В. Кошман; д.и.н. А.Р. Канторович;
академик РАН, д.и.н., проф. Ю.С. Кукушкин;
д.и.н., проф. Л.С. Леонова; к.и.н. Н.В. Литвина;
д.фил.н., проф. О.В. Раевская; д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев;
д.и.н., проф. С.В. Мироненко;
д.и.н., член-корреспондент РАН, проф. Е.И. Пивовар;
д.и.н. А.В. Подосинов; к.и.н., доц. Ю.Н. Рогулев;
д.и.н. С.Ю. Сапрыкин; д.и.н., проф. В.В. Симонов;
д.иск., проф. В.В. Седов; к.и.н. О.В. Солопова;
к.и.н. А.А. Талызина; д.и.н. проф. Д.А. Функ

Москва 2017

Отделение историко-филологических наук РАН

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

Российский гуманитарный научный фонд

Русь, Россия: Средневековье и Новое время

Выпуск 5

Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова

Материалы к международной научной конференции
Москва, 9-10 ноября 2017 г.

Москва 2017

УДК 930
ББК 6.3.3

Редакционная коллегия

В.Л. Янин (председатель), Н.С. Борисов, Л.Н. Вдовина, А.А. Голубинский, А.А. Горский (заместитель председателя), Л.П. Горюшкина, С.П. Карпов, Н.В. Козлова, В.А. Кучкин, О.Л. Милова, И.Е. Тришкан, И.И. Тучков, Б.Н. Флоря (заместитель председателя), Д.А. Хитров (ответственный секретарь), Д.А. Черненко, Е.Н. Швейковская

*Конференция проводится при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
Проект № 17-01-14063*

Рецензенты

член-корр. РАН, проф. Л.И. Бородкин, д.и.н., проф. Н.Б. Селунская

*Печатается по решению
Ученого совета исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
(протокол № 5 от 6 сентября 2017 г.)*

P899

Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9-10 ноября 2017 г. – М., 2017. – 669 с. – (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 104. Сер. II. Исторические исследования: 57)

ISBN 978-5-87468-127-2

Научное издание

© Редакционная коллегия, составление, 2017
© Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, 2017

ISBN 978-5-87468-127-2

Содержание

Пленарное заседание

<i>Флоря Б.Н.</i> Крестьянские переходы в Северо-Восточной Руси в середине – второй половине XV в.	10
<i>Аракчеев В.А.</i> Помещик-стяжатель первой половины XVII века: К вопросу о «неадекватных формах капитала» в России	11
<i>Черников С.В.</i> Факторы служебного роста и формирование служилой элиты послепетровского времени	16
<i>Кошман Л.В.</i> Градское общество российских городов. Социально-правовой статус. Конец XVIII – XIX вв.	23
Средневековая Русь. X–XIV вв.	
<i>Лукин П.В.</i> Еще раз о вирах и казнях князя Владимира Святославича: южнославянская параллель к статье начального летописания под 6504 (996) г.	28
<i>Конявская Е.Л.</i> Смоленск в конце XII – первой трети XIII в. по летописным и агиографическим источникам	34
<i>Горский А.А.</i> 700 лет первому шагу Москвы к статусу общерусской столицы	40
<i>Борисов Н.С.</i> К вопросу о переносе митрополичьей кафедры из Киева во Владимир	44
Средневековая Русь. Конец XIV–XVI вв.	
<i>Полехов С.В.</i> Об употреблении слова «княжество» в грамотах Юго-Западной Руси конца XIV века	51
<i>Пономарева И.Г.</i> Ранние известия о постельниках, постельничих и Постельничем пути	57
<i>Грязнов А.Л.</i> «А землю поделят себе по жеребьям»: идея и практика сохранения родового землевладения князьями Кемских	62
<i>Володихин Д.М.</i> Характер конфликта полковых воевод князя Д.В. Щени и боярина Ю.З. Кошкина в 1500 г.	69
<i>Назаров В.Д.</i> Иван III, Софья Палеолог и князь Василий Холмский (к истории политической борьбы в России на рубеже XV–XVI веков)	75
<i>Матасова Т.А.</i> Некоторые истоки «положительного» образа Софьи Палеолог в российской историографии	90
<i>Черный В.Д.</i> Культура на службе государственной идеологии Московского царства эпохи Ивана Грозного	96
<i>Тарасов А.Е.</i> Верблюд Ивана III: о великокняжеском даре псковскому посольству в 1463/1464 г.	101

Источниковедение истории средневековой Руси

<i>Хазанова С.И.</i> Две редакции «Лествицы Иакова»: сравнительный анализ текстов	106
<i>Мошкова Л.В.</i> Древнейшие посольские книги: время формирования	109
<i>Усачев А.С.</i> Об одном заказчике рукописных книг и «троицкой гегемонии» в Русской церкви на рубеже XV–XVI вв.	114
<i>Горюшкина Л.П.</i> Прием посольств Польско-Литовского государства при Василии III и Иване IV: некоторые наблюдения над точными датами	118
Общинные институты в России раннего Нового времени	
<i>Соколова Н.В.</i> Лексема «волость» в нижегородских источниках XVI–XVII вв. (Опыт историко-семантического анализа)	121
<i>Иванов А.Г., Иванов А.А.</i> Ясачная марийская община Козьмодемьянского уезда в конце XVII – первой четверти XVIII в.	127
<i>Никулин В.Н.</i> Сельская община новгородских крестьян в первые пореформенные десятилетия	132
Административно-территориальное деление XVII–XVIII вв.	
<i>Зинько М.А.</i> Микулинский уезд Русского государства: статус и структура	137
<i>Черкасова М.С.</i> Заволочье: К расширению и обновлению понятия	142
<i>Хитров Д.А.</i> Границы уездов на русских крупномасштабных картах XVIII века	148
<i>Мининков Н.А.</i> Сыскные начальства на Дону XVIII в. и начало формирования донского войскового административного деления	150
Вопросы источниковедения XVI–XVII вв.	
<i>Миц С.С.</i> Об изменениях в источниковедении эпохи Постмодерна	156
<i>Фролов А.А.</i> Писцовые книги по Новгородской земле: коллекция Поместного приказа, ф. 1209 РГАДА, опись 3	161
<i>Французова Е.Б.</i> Новый вид источников по социально-экономической истории России XVI – XVII вв.	166
<i>Семенов О.В.</i> Уставные ямские грамоты как источник по истории правительственной связи в Московском государстве середины XVI – XVII вв.	171
Освоение окраин в XVII–XVIII вв.	
<i>Папков А.И.</i> «Фронтир» или «украина»: два подхода к изучению истории российской колонизации Днепро-Донской лесостепи в XVI–XVII в.	176
<i>Лазарев Я.А.</i> Эволюция представлений российской правящей	

элиты об идеальной форме управления «Малой Россией» в 1654-1764 гг. (к постановке вопроса)	182
<i>Акишин М.О.</i> Право войны в вооруженном конфликте русских и енисейских кыргызов (XVII век)	187
<i>Смирнов Ю.Н.</i> Вклад В.Н. Татищева и сотрудников Оренбургской экспедиции (комиссии) в культурное развитие российского «фронта»	192
Южные окраины Московского государства в XVII в.	
<i>Мизис Ю.А.</i> Особенности формирования социальной психологии населения юга Русского государства в XVII в.	199
<i>Глазьев В.Н.</i> Служба и участие в местном управлении дворян и детей боярских Центрального Черноземья в XVII в.	202
<i>Жуков В.Д.</i> «Памяти о полоняниках» как источник по истории государственного выкупа пленных из Крыма (1620–1630-е гг.) ...	207
<i>Ляпин Д.А., Афанасьева И.Н.</i> Сельские храмы Елецкого уезда по материалам писцового описания 1691 г.	214
Внешняя политика России XVII в.	
<i>Кочегаров К.А.</i> Бунт «полка» Григория Косагова на Запорожье: малоизвестный эпизод первого Крымского похода 1687 г.	218
<i>Лазарева А.В.</i> «И меж Государств учинить мир и покой»: русские представления о Европе при первых Романовых	225
<i>Прудовский П.И.</i> «А учнут ево отпускати в Стекольну...»: происхождение и бытование одной формулы в посольских наказах XVII в.	230
Местное управление и служилые корпорации XVII в.	
<i>Булгаков М.Б.</i> Воеводские рассыльщики в XVII веке	232
<i>Камараули Е.В.</i> О перспективах сопоставительного анализа сведений писцовых книг и десятиен 20-30-х гг. XVII в.	250
<i>Чеченков П.В.</i> Элита нижегородской служилой корпорации накануне Смоленской войны	256
<i>Дубман Э.Л.</i> Служилые люди Южного Средневожья и восстание под предводительством С.Т. Разина	262
Массовые источники о торговле и предпринимательстве XVII – начала XVIII вв.	
<i>Раздорский А.И.</i> Правительственные мероприятия по борьбе с пьянством в XVII веке: предпосылки, реализация, результаты	267
<i>Жиброва Т.В.</i> «Ценовные росписи» южнорусских таможен и кружечных дворов XVII в. как исторический источник	274
<i>Башнин Н.В., Поляков И.А.</i> Разработка базы данных о ценах в России XVII в. (по материалам приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома)	278

<i>Ковригина В.А.</i> Государевы пороховые мельницы на р. Яузе и их арендаторы: К вопросу о деятельности западноевропейских предпринимателей в России XVII – первой четверти XVIII вв.	294
Управление и правящие элиты в XVII–XVIII вв.	
<i>Петров К.В.</i> От принятия закона до его доведения до населения: организационные приказные процедуры в России XVII в.	299
<i>Пермякова А.Н.</i> «Государева опала»: между правом и традицией. Правовое оформление института во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.	303
<i>Сергеев А.В.</i> Местнические конфликты княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII вв.: динамика и тенденции	308
<i>Богданов В.П.</i> Статус «именитых людей» Строгановых: о чем говорят записи на книгах	313
Северное мореходство и морское хозяйство в XVII–XVIII вв.	
<i>Богомазова А.А.</i> Приобретение Соловецким монастырем морских судов в XVI – первой половине XVII вв.	318
<i>Лаушкин А.В.</i> Навигационные функции береговых крестов в поморских рукописных лоциях XVIII–XIX вв.	324
<i>Никонов С.А.</i> Морское прибрежное хозяйство саамов Кольского уезда во второй половине XVIII в.	327
<i>Богданова А.В.</i> Мирское население при Соловецком монастыре в XVIII в.	334
Источниковедение и публикация источников, XVIII в.	
<i>Юркин И.Н.</i> Переписка князя М.П. Гагарина и Разрядного приказа 1701 и 1702 годов: принципы публикации источника по истории науки и техники Раннего Нового времени	342
<i>Мустафазаде Т.Т.</i> О классификации и характеристике русских архивных документов по истории Азербайджана первой четверти XVIII века	347
<i>Быков Д.А.</i> Некоторые соображения о публикации хозяйственных документов из архивных фондов светских землевладельцев России середины XVIII – середины XIX в.	353
<i>Черная Л.А.</i> Надписи на триумфальных вратах Петровской эпохи как исторический источник	357
Земельные ресурсы и природно-географический фактор в хозяйстве XVIII в.	
<i>Канищев В.В.</i> Влияние «малого ледникового периода» на крестьянское хозяйство юга Центральной России в первой половине XIX в.	362
<i>Акманов И.Г.</i> Хозяйственная деятельность башкир в XVII – первой половине XVIII вв.	367
<i>Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю.</i> Природно-	

географический фактор развития хозяйственной деятельности крестьян-корелян в Бежецком и Новоторжском уездах во второй половине XVII – начале XVIII вв.	374
<i>Зайтунов Р.Б.</i> Вопросы земельного обеспечения сельского населения Оренбургской губернии во второй половине XVIII века	380
Демографические процессы XVIII в.	
<i>Жиборкина А.В.</i> Демографическое поведение крестьян Устюжского уезда в первой четверти XVIII в.	385
<i>Пушков В.П.</i> «Портретная галерея» верхокамских рекрутов 1738 г.	391
<i>Суслина А.Г., Богомолов М.Л.</i> Родственные связи между крестьянами по материалам с. Спасского с деревнями Рuzского уезда во второй половине XVIII в.	396
<i>Перечицкая С.Л.</i> Беглые люди на Волго-Донской переволоке в конце XVIII в.	401
Материалы Генерального межевания	
<i>Степанова Л.Г.</i> Региональная экологическая история по материалам Экономических примечаний к Генеральному межеванию земель Российской империи: сравнительный аспект	407
<i>Акманов А.И.</i> Землемеры и ревизоры Генерального межевания Оренбургской губернии в конце XVIII – начале XIX вв.	412
<i>Голубинский А.А.</i> Межевание Троице-Сергиевой Лавры – привычное и необычное в землемерном процессе	417
<i>Фельдман Д.З.</i> К вопросу о девиантном поведении сторон при проведении межевых работ в Бессарабской области (из материалов следствия о еврейских колонистах 1854–1856 гг.)	428
<i>Черненко Д.А.</i> ГИС-картографирование и статистическая обработка сведений Экономических примечаний о населении городов и пригородов Центральной России в конце XVIII – начале XIX в.: первые результаты	434
Органы государственного управления XVIII в.	
<i>Воробьев А.В.</i> Палата по составлению Уложения 1700 г. и судьба Сыскного (Разбойного) приказа в начале XVIII в.	443
<i>Мустафин А.Р.</i> К вопросу о роли проектов А.Х. Любераса в коллегиальной реформе Петра I	448
<i>Бабич М.В.</i> К проблеме военных реформ 1730-х гг.: Проект Походного комиссариата	453
<i>Агеева О.Г.</i> Церемониальная коронационная комиссия 1797 г.	458

Императорская власть и ее взаимодействие с обществом в XVIII в.

<i>Вдовина Л.Н.</i> Об истории некоторых понятий русской политической культуры XVIII в.	463
<i>Ибнеева Г.В.</i> Екатерина II и купеческая община г. Ярославля: опыт политического разрешения проблем городского самоуправления в 60-е гг. XVIII в.	473
<i>Калинин М.В.</i> Подготовка путешествия Екатерины II в Остзейский край	479
<i>Моряков В.И.</i> Самодержавие и крепостное право в России в оценке Дидро и Рейналя	482
Дворяне и их служба в первой половине XVIII в.	
<i>Петрухинцев Н.Н.</i> Офицерский корпус Ингерманландского полка А.Д. Меншикова в начале 1720-х гг.	487
<i>Курукин И.В.</i> «В страхе предбудущего беспокойства»: подлинник т.н. «первого прошения» дворян императрице Анне Иоанновне и его авторы в государственном перевороте 25 февраля 1730 г. ...	497
<i>Юссон А.</i> Организация обороны на территории Донского войска в 1738 г.	501
<i>Киселев М.А.</i> Объявление о вольности российского дворянства служить и не служить 17 января 1762 г.	508
Дворяне на службе и в частной жизни во второй половине XVIII в.	
<i>Смилянская Е.Б.</i> Автобиография, или Счет по государственному долгу? Повествование контр-адмирала Джона Эльфинстона о его службе в екатерининской России	513
<i>Круглова Т.А.</i> Современники гетмана К.Г. Разумовского о причинах его отставки в 1764 г.	519
<i>Корчмина Е.С.</i> Соглашение между кредиторами и должником как способ выплаты дворянского долга на рубеже XVIII–XIX вв. (дело князя А.Н. Голицына)	525
<i>Борисов В.Е.</i> Родственное окружение депутата екатерининской законодательной комиссии Г.С. Коробьина: материалы к биографии	531
Город и купечество XVIII в.	
<i>Беспалёнок Е.Д.</i> Проект Смоленской торговой компании как отражение менталитета элиты западнорусского купечества второй половины XVIII в.	537
<i>Козлова Н.В.</i> «И всякая служня работа работать...»: «послуживцы» в домах жителей Москвы первой четверти XVIII в.	542
<i>Санников А.П.</i> Иркутские богадельни XVIII века: первый опыт социального призрения в Байкальском регионе	555

<i>Четырина Н.А.</i> Внутрисемейные документы из фонда ратуши Сергиевского посада (1782-1866)	559
Вопросы истории культуры и просвещения XVIII в.	
<i>Крылов А.О.</i> Ссылки на источники поучений в сочинении свт. Димитрия Ростовского «Чуда пресвятой и преблагословенной девы Марии»	564
<i>Ткаченко В.В.</i> Киевские древности глазами путешественников XVIII века	570
<i>Артамонова Л.М.</i> Школа для крещеных ставропольских калмыков в контексте этноконфессиональной и образовательной политики XVIII века	575
<i>Белов А.В.</i> Проблема «устроения» учебных заведений в Москве в преддверии преобразований Екатерины II: сеть частных школ и пансионов в 1785-1786 гг.	581
Война как социальный лифт в раннее Новое время	
<i>Селин А.А.</i> Новгородские татары и новокрещены XVI–XVII вв.: Опыт просопографического изучения	589
<i>Гаврон П.</i> Офицерская служба в подразделениях иноземного строя Речи Посполитой как социальный лифт в правление двух первых Вазов (1587–1648)	596
<i>Скобелкин О.В.</i> Служилые «немцы» в годы Смуты: карьерные взлеты и падения	602
<i>Курбатов О.А.</i> Начальные люди рейтарского строя в 1653–1658 гг.: Опыт просопографического анализа выпускников первого в России строевого офицерского училища (по материалам РГАДА)	608
<i>Малов А.В.</i> Головы и сотники московских стрельцов при отражении вторжения войск королевича Владислава в 1617–1618 гг. ...	615
<i>Романов М.Ю.</i> К вопросу о служебной «чести» начальных людей московских стрельцов в иерархии чинов Государева двора XVII в.	623
<i>Кроль П.</i> Коллективный портрет старшины Запорожского войска в 1648-1687 гг.	630
<i>Великанов В.С.</i> Просопографический анализ высшего командного состава русской армии в Первом Крымском походе 1687 года .	632
<i>Рогожин А.А.</i> А.Д. Меншиков и его «креатуры»: патронаж в служебной карьере генералитета русской армии начала XVIII в.	637
<i>Чещельский Т.</i> Офицеры польской и литовской армии в 1717-1733 гг.	643
Abstracts	647
Список сокращений	667

Крестьянские переходы в Северо-Восточной Руси в середине – второй половине XV в.

Крестьянские переходы; запреты крестьянских переходов; условия крестьянских переходов.

В статье устанавливаются причины запрета крестьянских переходов в Северо-Восточной Руси в середине XV в., и прослеживается судьба запретов. В ней также сопоставляются условия крестьянского перехода в Северо-Восточной Руси во второй половине XV в. и в Польше второй половины XIV в.

Вопрос о крестьянских переходах в Северо-Восточной Руси в середине – второй половине XV в. был предметом серьезных дискуссий в отечественной историографии. Некоторые важные итоги были подведены в монографии А.Л. Шапиро [1]. Но некоторые аспекты темы остаются еще непроясненными. К их числу относится вопрос о причинах запрета крестьянских переходов в середине XV в.

Исследование корпуса документов содержащих сведения о таких запретах позволяет установить, что запреты носили односторонний характер, запрещая духовным и светским землевладельцам принимать «данских людей» с земель великокняжеского (или: княжеского) домена, в то время как княжеская администрация использовала в своих интересах институт крестьянского перехода, неоднократно нарушая при этом существующие нормы. В таких установлениях и действиях получила выражение реакция власти на развитие крупного привилегированного землевладения, с одной стороны, и запустение земель домена в ходе длительной феодальной войны. Аналогичные действия, вызванные сходными причинами, могут быть указаны в польских источниках XIII–XIV вв. С ликвидацией последствий феодальной войны постепенно отменялись и эти запреты.

Представляется также важным сопоставить условия крестьянского перехода, как они сформулированы в ст. 57 «Судебника» 1497 г., с условиями крестьянского перехода в соседних странах в эпоху развитого феодализма. Показательным представляется сопоставление этих норм с нормами «Статутов Казимира Великого» – памятника польского права второй половины XIV в. «Статуты» были, как известно, записаны в эпоху сильного развития внутренней колонизации и

¹ Флоря Борис Николаевич, МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), член-корр. РАН, feodal.msu@gmail.com.

распространения денежной ренты и благоприятного для крестьян держания на «немецком праве».

Сопоставление показывает, что условия перехода крестьянина «на польском праве» в «Статутах» Казимира и русского крестьянина в «Судебнике» были схожими: если в «Судебнике» 1497 г. говорилось об уплате «пожилого», то в «Статутах» содержалось обязательство крестьянина передать землевладельцу двор в добром порядке и огороженный. Вместе с тем обращает на себя внимание присутствие в «Статутах» ряда установлений, которые не имеют аналогов в «Судебнике». Так, в «Статутах» устанавливались карательные санкции за нарушение установленных норм – размеры штрафов, которые должны были уплатить беглый и принявший его землевладелец, а в одном из «Статутов» – малопольском читалось установление, принятое по инициативе «баронов», по которому разрешалось уходить из владения одновременно только 1-2 крестьянам.

Все это позволяет сделать вывод, что положение русского держателя в конце XV в. было более благоприятным, чем положение польского держателя XIV в. и соответствовало нормам, характерным для развитого феодального общества в странах восточной части Европы до того, как в этом регионе начался процесс закрепощения.

1. *Шапиро А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XV–XVI вв.). Л., 1987.

УДК 930.2

В.А. Аракчеев¹

**Помещик-стяжатель первой половины XVII века:
К вопросу о «неадекватных формах капитала» в России**

Капитал; служилые люди; гости; посадские люди; фискальная политика.

В статье рассмотрены особенности торгово-финансовой деятельности помещика первой половины XVII в. На основании впервые вводимых в научный оборот архивных источников автор развивает концепцию Л.В. Милова о «неадекватных формах капитала» в России.

Вклад Л.В. Милова в концептуальное осмысление русской истории велик и многообразен, и одной из наиболее значимых его концепций является новая теория зарождения капиталистических отношений,

¹ Аракчеев Владимир Анатольевич, Институт истории и археологии УРО РАН (РФ, Екатеринбург), д.и.н., arakk@rambler.ru.

которые применительно к XVII в. осмыслены им как «неадекватные формы капитала» [8, с. 483–553]. В его понимании «неадекватность» капитала состояла в отсутствии границы между работником и хозяином и низком уровне получаемой последним прибавочной стоимости. Однако выявленный Леонидом Васильевичем феномен имел и обратную сторону: накопление денег, не включенных в промысловую деятельность.

Факты тезаврации капитала крайне редко находят отражение в архивных источниках. Как писал Ф. Бродель, «отдать себе отчет в том, как велик был этот второй сектор капитализма, можно только благодаря тем случаям, когда в силу удачного стечения обстоятельств эти скрытые денежные резервы внезапно вырываются на поверхность» [2, с. 344–345]. Следы ростовщического характера займов удалось обнаружить С.В. Бахрушину при исследовании записных книжек новгородских купцов Кошкиных [1, с. 204–205]. Констатировал факты «раздачи взаем средней руки торговцам» приказчиками Строгановых и А.А. Введенский [3, с. 284–285].

Наш доклад основан на изучении дела о торгах псковского помещика Г.В. Бешенцова в 1630-х гг.² В 1633 и 1634 гг. в Пскове, как и по всей России, осуществлялся сбор запросных и пятинных денег, которые собирали, как известно, исходя из двух принципов. Запросные деньги собирали с воевод и приказных людей и церковных корпораций, а пятинные – с гостей и тяглых людей, «промышлявших» промыслами и торговавших. Рядовые служилые люди, как правило, не облагались чрезвычайными налогами в силу их крайнего разорения и скудости. На этом фоне в Пскове и развернул свою стяжательскую деятельность местный помещик Григорий Бешенцов. В августе 1634 г. городской дьяк Томило Истомина составил пространную выпись о торгах и промыслах предприимчивого служилого человека, констатируя, что в 1633–1634 гг. Бешенцов «в запрос... не дал ни единые деньги», потребовав включить его в число плательщиков запросных денег³.

Предпринимательская деятельность Бешенцова приняла три направления. Во-первых, он, по выражению людей того времени, «пускал деньги в торг», т.е. активно торговал на псковском рынке, главным образом, с немецкими купцами. Обороты торговли были впечатляющими: в 1630 г. у «любского» купца А. Ондrejaнова он купил

² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41178. 1634 г., сентября 8. Окладная роспись псковичам посадским людям и дело о торговле помещика Бешенцова.

³ Там же. Л. 8.

104 меха соли за 33 руб.; в 1632–1634 гг. у немецких купцов и русского гостя он купил 10 лошадей на общую сумму 380 руб.; кроме того, он скупал у немецких купцов сукна и серебряную посуду.

Его доходы имели два источника: первый состоял в поставках зерна государству и, несомненно, был связан с бурным ростом его земельных владений. В историографии провинциальные помещики XVII в. традиционно рассматриваются как чрезвычайно бедная страта, представители которой едва сводили концы с концами, располагая полностью или частично разоренными в годы Смуты поместьями [6; 7]. Бешенцов на этом фоне выглядит исключением. Еще в начале XVII в. он ничем не выделялся из числа своих сослуживцев по псковскому «городу»: в десятне 1614 г. он входит в число городских детей боярских с земельным окладом в 550 четей, из которых 100 были приданы ему «за тульскую и калужскую службу и за рану». Его денежный оклад составлял 14 руб. с придачей за те же службы⁴.

Но в деле 1634 г. приведены впечатляющие факты расширения земельных владений Бешенцова. Помимо своего старого поместья, он смог получить «в додачу» уже при «царской державе» Михаила Федоровича три поместья в разных уездах Псковской земли: поместье Нащокиных в Завелицкой засаде Псковского уезда, поместье Ногина в Изборском уезде и поместье Елагиных в Гдовском. Беспрецедентным фактом было получение им в 1634 г. бывшего дворцового села Жидилов Бор: «он же Григорей в нынешнем во 142-м году выждав то время, как по твоему государеву указу твоему государеву окольному князю Алексею Михайловичю Львову ис приказы Большого Дворца сказано было на посольство, взял по своему ложному челобитью во Псковском уезде в Бельской засаде твое государево старинное дворцовое сельцо Жидилов Бор себе в поместье сверх тех своих четырех поместей»⁵.

Верхом стяжательства Бешенцова стало временное овладение им вотчиной Петра Лихарева, которую владелец заложил Бешенцову за 300 руб. Заклад вотчины, в том числе выслуженной, был разрешен по указу 1618/19 г., где говорилось, что «вольно ему [вотчиннику. – *В.А.*], и ево детем, и внучатом, и правнучатом та вотчина продать, и заложить, и в приданные дать, и монастырь по душе до выкупу дать» [4, с. 94]. Однако Бешенцов без колебаний пошел и на нарушение закона, приняв в залог за 50 руб. поместье Г. Харламова. По словам челобитчиков, «Григорей Бешенцов хотел тем ево поместьем завладети, и

⁴ РНБ. Эрмитажное собр. Кн. 394. Л. 145.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41178. Л. 7.

воеводы ему владеть помещьем не дали, и Григорей Бешенцов взял на Григорье Харламове на те деньги росту 10 рублей»⁶. Как видно из обстоятельств дела, воевода настоял на переквалификации закладной грамоты в обычную долговую кабалу, по которой предприимчивый помещик получил-таки свои проценты.

Из материалов дела известно, что в 1630 г. Бешенцов продал в «государевы житницы» в Пскове 500 четей ржи на сумму в 430 руб., и на следующий год еще 156 четей ржи на сумму 148 руб. Исходя из данных Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова, в 1624–1679 гг. казенная четверть составляла 6 пудов ржи, а псковская торговая четверть в 1620-х–1660-х гг. была почти в три раза больше московской казенной [5, с. 106–125]. Даже если предположить, что при приемке ржи в казну счет велся на московские приемочные четверти, 500 четвертей ржи должны были весить около 48 тонн. Четыре поместья (без учета полученного в 1634 г. бывшего дворцового села) и находящаяся в закладе вотчина вряд ли могли дать Бешенцову 156, и тем более 500 четей ржи для продажи в «государевы житницы». Не будет слишком смелым предположить, что предприимчивый помещик скупал хлеб у своих соседей и их крестьян, получая прибыль и в ходе этих операций.

Но основной источник доходов Бешенцову давало третье направление его предпринимательской деятельности – ростовщичество. Ростовщичество было регламентировано указами 1626 и 1628 гг. [4, с. 126, 148], которые с дополнениями были систематизированы в известных постановлениях Соборного уложения [9, с. 60–61]. Практика ростовщичества слабо представлена в делопроизводственных материалах, но размах ростовщических операций Бешенцова поражал воображение его современников. В 1621 г. Бешенцов дал займы «ругодивскому немчину» Христофорову 150 руб. под залог его товаров, получив после возвращения долга 30 руб. роста.

В 1633–1634 гг. 700 руб. в рост получили от него кабацкие откупщики; 50 руб. в долг взял богатейший человек Пскова и единственный в этом городе гость Микула Хозин. 730 руб. были даны псковским торговым людям, причем К. Остафьев и Г. Подберезкин «ездили теми ево григорьевыми деньгами торговать в Колывань и в Ярославль». Получивший от Бешенцова кредит в 100 руб. московский хамовник Г. Тимофеев «ездил теми ево деньгами торговати в Ригу». В 1634 г. Бешенцов, находившийся в Москве, ссудил суммой в 100 руб. псковичей Г. Попугаева и К. Резца, которые в это время приехали в столицу «от города в челобитчикех». Зная практику решения дел в

⁶ Там же. Л. 34.

московских приказах, не приходится сомневаться в конечной цели этого кредита, который был возвращен Бешенцову по долговой кабале уже в Пскове всегородными старостами из «градских денег».

Общая сумма данных Бешенцовым в рост денег составляет 1890 руб., а проценты по ним исходя из принятых в законодательстве 20 % годовых, должны были составить 378 руб. Причем материалы дела не оставляют сомнений, что исчисленные в выписях суммы не отражают подлинного размаха его кредитных операций. Челобитчики подчеркивали, что Бешенцов «псковичем торговым людем многие свои деньги из росту давал, и те псковичи правды сказати не смели, а которые и сказали, и он тем грозил продажею и государевыми зазывными грамоты». В сравнении с суммой ежегодного импорта богатейших торговцев железом конца XVII в. Кошкиных (4000–5000 руб.) [1, с. 197] операции Бешенцова в не оправившейся от разорения Смуты стране кажутся фантастическими.

Финал инициированного псковским дьяком Истоминым дела не известен; Бешенцов пытался приуменьшить масштабы своего богатства и в сказке объяснял извет дьяка «недружбой», обвиняя его в государственной измене (ездил к шведскому губернатору Ливонии Я. Делагарди «с вестьми») и сокрытии доходов. По словам Бешенцова, дьяк Истомин, давший в запрос всего 15 руб., обладает «голыми деньгами» за исключением двора, платья и пожитков на 15000. Видимо, Бешенцову пришлось заплатить государству «в запрос» изрядную сумму, и кроме того, вернуть родственникам Лихаревых заложенную вотчину. В переписной книге 1646 г. никаких следов владения Бешенцевым сельцом Оршо нет: оно принадлежит как вотчина Семену Алексееву сыну Лихарева, видимо, племяннику Бориса и Федора⁷.

Изложенные факты обнаруживают острейший парадокс социальной и экономической жизни России первой половины XVII в. Среди сотен беспоместных и мелкопоместных дворян выделяется предприимчивый делец, который во время Смоленской войны ссужает купцов и даже гостя крупными суммами денег, в 1633/34 г. оказывается в Москве, где кредитует городских челобитчиков, берет в заклад вотчину и даже поместье служилых людей. Челобитчики отмечали его особое положение в составе городской корпорации: «на твоих государь на дальних службах под Смоленском и в ыных ни в которых городех он Григорей не бывал – все был во Пскове». Возможно, он был к этому времени отставлен от службы по возрасту, но все же очевидна и избирательность воевод и дьяков, которые явно не

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8561. Л. 69.

без корыстного умысла закрывали глаза на масштабы промыслов этого дельца.

Не менее важным является тот факт, что деятельность Бешенцова тесно связана с зарубежной торговлей. Имея в виду размах ростовщических операций новгородских бояр республиканской эпохи, логично предположить, что, невзирая на полную смену землевладельцев на новгородско-псковских землях после их инкорпорации в состав единого государства, экономические обстоятельства подталкивали потомков помещиков, осевших на бывших боярских землях к аналогичному роду деятельности.

Концептуально изложенные факты подтверждают результаты исследований Л.В. Милова, вскрывшего противоречия экономической жизни в допетровский период. Используя метафору Ф. Броделя, можно заключить, что «спящий капитал», исчислявшийся значительными суммами, породил торговую активность, но препятствовал индустриальному развитию России.

1. *Бахрушин С.В.* Торги новгородцев Кошкиных // *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. II.
2. *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1997. Кн. 2.
3. *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.
4. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986.
5. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.Е.* Русская метрология. М., 1975.
6. *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века. М., 2000.
7. *Лантева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010.
8. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российской исторического процесса. М., 1998.
9. Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987.

УДК 94(47).06

С.В. Черников¹

Факторы служебного роста и формирование служилой элиты послепетровского времени²

Генералитет; правящая элита; армия; служба.

Анализ показал, что русская военная элита, чья деятельность была неразрывно

¹ Черников Сергей Васильевич, Липецкий государственный технический университет (РФ, Липецк), к.и.н., zserg72@gmail.com.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00001(а).

связана с эпохой Петра Великого, сделала свою карьеру, в основном, благодаря происхождению, родственным и патронажным связям. Воздействие профессиональных навыков и способностей на рост в чинах в это время было слабым. К новым «рациональным» требованиям верховной власти русская элита сумела адаптироваться лишь во второй трети XVIII в.

Реформы Петра Великого и их влияние на дворянскую службу неизменно вызывают интерес у исследователей. По мнению сторонников теории модернизации, переход к обществу Нового времени должен был сопровождаться усилением рациональных факторов карьерного роста (образования, профессиональных навыков и умений) и снижением роли традиционных (унаследованного статуса, родственных и патронажных связей). Но реальная картина, наблюдаемая в России первой половины XVIII в., была не столь однозначна. Как справедливо заметила Б. Михан-Уотерс, Табель о рангах не являлась попыткой Петра I превратить способности и личные заслуги в базовый принцип продвижения по чиновной лестнице. Царь-реформатор был заинтересован в «возрождении» старых дворянских фамилий, а не в их замене на представителей более низких социальных групп или создании для последних «равных возможностей» [8, p. 40; 6, p. 161].

По мнению того же автора, аристократия сохранила лидирующие позиции в элите благодаря тому, что сумела приспособиться к требованиям петровской эпохи – «the “old dogs” survived by learning “new tricks”» [7, p. 94]. В борьбе за высшие посты, к прежним конкурентным преимуществам московской элиты (знатности, богатству и родственными связями), при Петре добавились новые (образованность и профессиональная компетентность) [6, p. 162]. Однако данное суждение Б. Михан-Уотерс выглядит не вполне убедительно, поскольку не известно, когда именно проявились «меритократические черты» новой системы: уже при жизни Петра I, к началу 1730-х гг. (период, о котором пишет Б. Михан-Уотерс) или даже в более позднее время. Также не ясно, в какой мере «годность» учитывалась при повышении по службе, в частности, при формировании правящего слоя.

Обозначенные проблемы требуют оценки тех факторов, которые влияли на рост в чинах. Успешные исследования такого рода (в основном, по другим социальным группам) хорошо известны. Убедительные свидетельства взаимосвязи социального происхождения с уровнем образования и карьерой содержатся в трудах С.М. Троицкого (по чиновникам середины XVIII в.), М.Д. Рабиновича и Г.В. Калашникова (по офицерскому корпусу 1720-1745 гг.) [1, с. 127–133, 151–271; 2, с. 133–171; 3, с. 212–223]. Анализ дел дворян-отставников 1750-1770-х гг., про-

веденный И.В. Фаизовой, наглядно показал, что образование, характер, условия и сроки службы, а также чины, полученные при отставке, во многом зависели от благосостояния дворян. По подсчетам того же автора, за 50 лет действия Табели о рангах состав российского дворянства обновился за счет выходцев из непривилегированных слоев населения лишь на 9 % [4, с. 48, 54–57, 63]. Работы Б. Михан-Уотерс о «генералитете 1730 г.» основаны на менее представительной источниковой базе, но ей удалось доказать, что социальное происхождение³ существенно влияло на карьеру лиц из правящего слоя [7, р. 91–94].

Подчеркну особо, что в перечисленных работах рассматривалось ограниченное число факторов карьерного роста (происхождение, родство, собственность, образование), причем они анализировались независимо друг от друга, а задача создания общей «модели», объясняющей хотя бы часть карьеры дворян, даже не ставилась. Кроме того, авторы доказывали лишь наличие взаимосвязи фактора и карьеры, а количественные и качественные характеристики этой связи оставались неисследованными (сила воздействия, место фактора в ряду других). Наконец, в работах не рассматривался вопрос об изменении значимости факторов чиновного роста с течением времени. Представленные вопросы несомненно требуют своего разрешения.

Для этого на основе авторской базы данных по правящей элите России⁴ были сформированы две репрезентативные выборки – по ге-

³ Другие факторы (образование, родственные связи, собственность), по данным Б. Михан-Уотерс, не оказывали статистически значимого влияния на рост в чинах. Эти результаты, вероятно, обусловлены незначительным объемом выборки, которую автор использовала при расчетах.

⁴ Основные источники: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Кн. 20 (ч. 1–9), 36, 38, 81, 101, 134 (ч. 1–5), 135, 140–141, 168 (ч. 7), 223; Ф. 20. Оп. 1. Кн. 16 (ч. 1–2), 20, 21 (ч. 1–2), 50 (ч. 1–3), 61, 70–73, 75, 79 (ч. 1–2), 151, 219 (ч. 1); Ф. 248. Кн. 21, 33, 46, 380, 387, 391, 394, 413, 421, 424, 428–430, 432, 437, 439–440, 442, 455, 464, 467, 528, 605–606, 608, 633–634, 654, 661, 673, 689, 768, 780, 788, 904, 985, 1088, 1090, 1097, 1107, 1109–1110, 1121, 1134, 1137, 1142, 1150, 1152, 1155, 1176, 1179, 1248, 1514–1515, 1519, 1522, 1899–1905, 1933–1942, 1947, 1950–1952, 2189–2198, 2484, 2666, 2806, 3140, 6416, 7303, 7307–7308, 7313, 7458, 7465, 7469, 8110–8111, 8114, 8120, 8122 (ч. 1–3), 8123, 8286–8292; Оп. 113. Кн. 1079, 1092, 1233, 1345–1347, 1349, 1353, 1365, 1530, 1635, 1662; Ф. 286. Оп. 1. Кн. 1, 7, 9, 14, 17, 19, 27, 31–32, 36, 38–39, 45, 49, 61, 63, 74–75, 78, 82, 84, 93, 106, 108, 111, 117, 119, 122, 125, 131, 133, 139, 143, 145, 148, 160, 167, 170, 181–182, 208, 215–216, 220, 222, 228, 231, 238–239, 245, 260, 262, 271, 273, 310, 331, 418 (ч. 1–2), 419, 421, 424 (ч. 1–2), 437–440, 442, 446, 456–457, 468, 501, 503, 509, 947, 1034, 1036, 1121, 1125; Оп. 2. Кн. 6; Ф. 350. Оп. 3. Кн. 1; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Кн. 7006–7007, 7010, 7122, 7134, 7339, 7386–7388, 7391, 7395; Ф. 490. Оп. 2. Кн. 6–8, 11, 13, 19–21, 25, 28, 33–35, 37–38, 40–42, 44–45, 47, 50–53, 55–56, 58; Оп. 3. Кн. 1, 4, 45–46, 205–210; Ф. 846. Оп. 16. Д. 81 (ч. 2).

нералитету 1730-1743 гг. (108 лиц) и 1750-1763 гг. (176 лиц)⁵. Успешность карьеры оценивалась по возрасту, в котором военный достигал младшего генеральского ранга. В зависимости от скорости продвижения по служебной лестнице аннинские и елизаветинские генералы были поделены на три примерно равные по численности группы: с медленной, средней и быстрой карьерой. Без априорно заданных «возрастных интервалов» эти понятия отражают не абсолютную скорость карьеры, а относительную – сравнительно с генералами, служившими в одно время. Этот подход представляется оптимальным, поскольку он отражает реальную практику чинопроизводства – «типичной», «нормальной» карьерой здесь считается средняя (для каждого периода) скорость продвижения по службе⁶.

Исходная гипотеза состоит в том, что на карьеру генералов 1730-1743 гг. тем или иным образом влияли: 1) социальное происхождение⁷, 2) близкое родство⁸ с другими представителями элиты, 3) опыт службы за границей, 4) полученное образование⁹, 5) служба в гвардии, 6) в ландмилиции, 7) в нерегулярных войсках, 8) в артиллерии или инженерных частях, 9) при дворе, 10) на адъютантских должностях при генералитете, 11) участие в военных действиях¹⁰. Для генералов 1750-

⁵ Потребности российской власти в европейском военном опыте и модернизации армии были гораздо сильнее аналогичного интереса правительства к гражданской сфере. Приоритеты государства, в частности, хорошо заметны по правящему слою 1725-1741 гг.: на армейской службе доля иностранцев составляла 46-48 %, а на статской – лишь 19 %.

⁶ Подробно о методах и результатах анализа см.: [5].

⁷ Переменная имеет три градации: русские-«традиционная элита», русские-«новички» и иностранцы. К «традиционной элите» отнесены фамилии, представители которых служили до 1689 г. в думных чинах. К иностранцам – лица, родившиеся за пределами России. Потомки выходцев из других государств, проживавшие в России, считались русскими только в случае наличия сведений о переходе в православие (их самих, либо их предков) до начала царствования Петра I. Все остзейцы, независимо от года рождения, отнесены к иностранцам. Дополнительно было проведено сравнение карьер выходцев из Прибалтики с генералами-иностранцами (в основном, уроженцы Центральной и Западной Европы). Статистически значимые различия между этим группами появились лишь у генералов 1750-1763 гг.

⁸ Кровные родственники – отец, оба деда (по отцовской и материнской линии), братья, дяди, двоюродные братья, а также родственники жены – ее отец, оба деда и братья.

⁹ Для генералов 1730-1743 гг. наличие образования оценивалось по факту обучения за границей или в одном из учебных заведений петровского времени, для генералов 1750-1763 гг. – в Кадетском корпусе.

¹⁰ Для аннинских генералов – участие в войнах 1733-1743 гг., а для елизаветинских – в Семилетней.

1763 гг. был добавлен еще один фактор – 12) служба в лейб-кампании.

Перечисленные факторы можно объединить в три группы. К первой отнесены «происхождение» и «родство» (1-2). Они характеризуют «социальный капитал» (П. Бурдьё) – принадлежность к социальным группам, устойчивые и долговременные межличностные связи, которые являются ресурсом для достижения целей, получения выгод и преимуществ – в данном случае, успешной карьеры. Вторая группа факторов характеризует профиль службы генералитета (5-10, 12). Третья группа отражает знания, умения, навыки и способности, т.е. «человеческий капитал» (Г. Беккер). Сюда можно отнести образование (4) и службу за границей (3), благодаря которой приобретался необходимый военный опыт. Так как боевые действия являлись наилучшей возможностью отличиться и продемонстрировать свои профессиональные навыки, то в эту группу также включена переменная 11 – «война».

Для оценки влияния того или иного фактора на карьеру использовались таблицы сопряженности и коэффициент Крамера (V), который изменяется от 0 до 1. «Суммарно» представленные факторы объясняют карьеру примерно на 40 %. Полученный результат следует рассматривать как достаточно высокий, поскольку ряд факторов, игравших значительную роль в продвижении по службе, не поддается формализации и учету (патронажно-клиентские связи, личные способности генералов в мирное время и т.д.)¹¹.

Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Факторы карьерного роста (значимость, сила воздействия)

фактор	1730-1743 гг.		1750-1763 гг.	
	p	V	p	V
происхождение	0,00	0,37	0,00	0,28
родство	0,00	0,49	0,00	0,41
служба за границей	0,04	0,24	0,31	0,12
образование	0,58	0,10	0,00	0,31
гвардия	0,02	0,28	0,04	0,19
ландмилиция	0,19	0,18	0,07	0,18
нерегулярные части	0,19	0,18	0,60	0,08
артиллерия / фортификация	0,93	0,04	0,52	0,09
двор	0,00	0,34	0,00	0,32

¹¹ Кроме того, к настоящему времени я не обладаю полными сведениями о собственности, принадлежавшей генералитету.

адъютанты	0,67	0,09	0,02	0,22
война	0,02	0,26	0,00	0,38
лейб-кампания	–	–	0,21	0,13

Прим.: Ключевым для сравнения является коэффициент Крамера (V); статистически значимые факторы (при $p < 0,05$) выделены заливкой.

Попытаемся оценить общее воздействие на карьеру генералитета трех групп факторов, которые ранее были условно обозначены как «социальный капитал», «профиль службы» и «человеческий капитал». В таблице 2 представлены коэффициенты множественной корреляции (R) и детерминации (R^2). Первые характеризуют силу совместного влияния факторов, вторые – показывают, какую долю карьерного роста объясняет та или иная их совокупность. Поскольку набор факторов для генералов 1730-1743 гг. и 1750-1763 гг. одинаков¹², то сравнение групп вполне корректно.

Таблица 2

Воздействие трех групп факторов на карьеру

Группы факторов	1730-1743 гг.	1750-1763 гг.
I. Социальный капитал [1, 2]	R= 0,51 p<0,00 $R^2= 0,26$	R= 0,41 p<0,00 $R^2= 0,17$
II. Профиль службы [5-10, 12]	R= 0,45 p<0,00 $R^2= 0,20$	R= 0,39 p<0,00 $R^2= 0,15$
III. Человеческий капитал [3-4, 11]	R= 0,29 p<0,03 $R^2= 0,08$	R= 0,38 p<0,00 $R^2= 0,15$
Общее влияние [1-12]	R= 0,64 p<0,00 $R^2= 0,41$	R= 0,61 p<0,00 $R^2= 0,38$

Как видим, воздействие традиционных факторов (происхождения и родства), вошедших в группу I – «социальный капитал» – понизилось с 26 до 17 %. Основной вклад в эту динамику внесло «происхождение» – скорость карьеры у выходцев из разных социальных групп в течение первой половины XVIII в. постепенно сближалась. Родственные связи, напротив, продолжали оставаться важнейшим фактором роста в чинах. Как и в допетровской Руси, брачные союзы являлись главным способом инкорпорации новичков в состав правящего слоя и помогали удержаться на вершине власти. Общее влияние

¹² Единственное исключение – дополнительная переменная 12 (в группе II) для елизаветинских генералов. Пересчет данных без этой переменной дает аналогичные результаты. Влияние всех факторов: R= 0,61; $R^2= 0,37$; $p<0,00$. Влияние факторов группы II: R= 0,39; $R^2= 0,15$; $p<0,00$.

профиля службы (группа II) на чиновничество также снизилось (с 20 до 15 %). Вместе с тем, привилегированные ее виды (придворная, адъютантская и гвардейская) все еще оказывали существенное воздействие на карьеру. Крайне интересно, что роль «меритократических» факторов – знаний, умений, профессиональных навыков и способностей, составлявших «человеческий капитал» (III группа) – выросла почти вдвое – с 8 до 15 %. Кроме того, увеличилась их статистическая значимость ($p < 0,03$ и $p < 0,00$, соответственно). Также можно заметить, что для аннинских генералов совокупное влияние «происхождения» и «родства» на карьеру более чем в три раза превышало воздействие «человеческого капитала» (26 и 8 %), а для елизаветинских – оно почти сравнялось (17 и 15 %).

Представленные данные не позволяют согласиться с упомянутым выше мнением Б. Михан-Уотерс, согласно которому уже в первой трети XVIII в. европейское образование, профессиональные навыки и умения стали весомыми «конкурентными преимуществами» в продвижении по службе. Исходя из анализа карьер генералитета 1730-1743 гг., петровскую систему чиновничества, скорее, следует считать «традиционной». Поколение русской элиты, чья молодость и зрелые годы были неразрывно связаны с эпохой масштабных реформ и Северной войной, сделало свою карьеру, в основном, благодаря происхождению, родственным и патронажным связям. Воздействие «рациональных факторов» на рост в чинах в это время было слабым, и проявлялось, как правило, среди иноземцев. Таким образом, реальная «модернизация» русской элиты началась уже после Петра I. Главная заслуга царя-реформатора заключалась в том, что ему удалось создать новые «рамочные условия» для карьер следующего поколения дворян (Табель о рангах, постоянная служба, обязанность получения образования). Русская элита сумела адаптироваться к новым требованиям верховной власти лишь во второй трети XVIII в. – именно в это время служебная «годность» превратилась в действительно важный фактор чиновного роста, а социальное происхождение отошло на второй план.

1. *Калашников Г.В.* Офицерский корпус русской армии в 1725-1745 гг. Дисс. ... к.и.н. СПб., 1999.
2. *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
3. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974.
4. *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII

- столетии. М., 1999.
5. *Chernikov S.* Les carrières des généraux en Russie de 1730 à 1763: L'influence des réformes de Pierre le Grand sur la mobilité sociale dans la composition des élites // Cahiers du Monde russe. 2016. Vol. 57. № 2-3.
 6. *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, New Jersey, 1982.
 7. *Meehan-Waters B.* Social and Career Characteristics of the Administrative Elite, 1689–1761 // Russian Officialdom: the Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill, 1980.
 8. *Meehan-Waters B.* The Muscovite Noble Origins of the Russians in the Generalitet of 1730 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1971. Vol. 12. № 1-2.

УДК 94(47)

Л.В. Кошман¹

**Градское общество российских городов.
Социально-правовой статус. Конец XVIII – XIX вв.**

Город нового времени; горожане; сословия; интеллигенция; избирательное право.

Градское общество – социально-правовой институт в городе нового времени. Анализ его состава, состояния и трансформации на протяжении XIX в. позволяет рассмотреть один из аспектов социально-правовой жизни города в пореформенной России.

В одном из официальных изданий 1860-х гг. отмечалось, что «город в том значении, которое соединяется с этим словом в настоящее время, является у нас не ранее 1785 года» [3, с. 5]. В этот год, как известно, была издана Жалованная грамота городам, один из законов в серии законодательных актов екатерининского времени. Этот правительственный акт стал принципиально важным для судеб города Нового времени и буржуазной эпохи и основные правовые нормы, заложенные в нем, во многом сохранились в русском городе на протяжении всего дореволюционного времени.

Градское общество было новым социально-правовым институтом, впервые зафиксированным в Жалованной грамоте городам. В законе определялись состав и права, главным из которых было избирательное право, выборность органов общественного управления. Только горожане – члены Градского общества, имели право избирать или быть избранными в гласные городской думы. Такой орган распоря-

¹ Кошман Лидия Васильевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., culture@hist.msu.ru.

дательной власти в городе также впервые был зафиксирован в Жалованной грамоте. Не все, проживавшие в городе, составляли это новое сообщество. Основным критерием для этого был имущественный ценз, буржуазный по своей сущности. К городским обывателям, входившим в Градское общество, относились старожилы (родившиеся или долго жившие в городе), имевшие недвижимую собственность или занимавшиеся промыслами и торговлей². Но наряду с имущественным цензом вводился признак принадлежности к определенному сословию. Горожане записывались в Городскую обывательскую книгу, разделенную на 6 разрядов, в которых, наряду с имущественными критериями учитывались и признаки сословного характера. Городской голова не вносил в Обывательскую книгу тех, «кто не представит доказательства своего состояния» (т.е. сословия)³. Таким образом, уже в законе 1785 г. было заложено несоответствие теории и практики.

Законодательство екатерининского времени нельзя рассматривать только как фактор, отражавший процессы внутренней социально-экономической жизни. Правовые нормы закона 1785 г. были в какой то степени «заимствованы» из практики жизни западноевропейского города. И.И. Дитятин, один из известных дореволюционных исследователей русского города, справедливо отмечал, что «мысль императрицы относительно городского и общественного управления та среда, то общество, ради которого создавались эти учреждения не понимала» [4, с. 65]. Жалованная грамота, декларировавшая создание нового социально-правового института, бессословного по сути, не отражала реалии российской жизни того времени, когда в обществе шел процесс оформления и существования сословий, укрепления сословного начала в социальной структуре.

Практически до появления Городового положения 1870 г. Жалованная грамота городам 1785 г. оставалась основным законом, определявшим правовую жизнь города. Она была включена в Свод действующих законов Российской империи, впервые изданный в 1832 г. по инициативе М.М. Сперанского⁴.

В XIX в. Градское общество как социально-правовой институт сохранился в городе. Однако его состав существенно трансформировался: с одной стороны – происходило укрупнение социально-сословных групп, с другой – лишение некоторых категорий горожан членства в этом сообществе. В XVIII в. социально-сословные категории го-

² ПСЗ. Т. XXII. № 16 188. Ст. 29, 50, 55.

³ Там же. Ст. 69.

⁴ СЗ. СПб, 1832. Т. 9. Раздел «О городских обывателях».

рожан, составлявших Градское общество, отличались чрезвычайным разнообразием⁵.

В своде действующих законов издания 1857 г., упоминаются следующие социально-сословные группы – гильдейское купечество, почетные граждане, мещане или посадские, ремесленники, дворяне, имевшие в городе собственность, – которые с учетом имущественного ценза, входили в градское общество⁶.

В Городовом положении 1870 г., провозглашенный принцип бессословности законодательно закреплял бессословность состава Градского общества – «всякий городской обыватель, независимо от состояния, имеет право голоса при избрании гласных». Однако при этом вводились ограничения: возрастной ценз, время проживания в городе, наличие недвижимой собственности, занятие торгов и промыслом, уплата налоговых сборов в городскую казну [2, ст. 17]. В результате бессословность оставалась только в «букве» закона. В жизни реально сохранялись и сословия, и их социально-правовое неравенство.

По существу те же сословные группы – гильдейское купечество, мещане и посадские, ремесленники, дворяне, имеющие собственность – упоминаются в Своде законов издания 1899 г.⁷.

Таким образом, в процессе трансформации Градского общества в его составе даже в конце XIX столетия сохраняются сословные страты. Оно становилось «совокупностью торгово-промышленных сословий».

Законодательно закрепленное разнообразие сословий, отсутствие в составе Градского общества социальных групп жителей города, помимо занимавшихся торгово-промышленной деятельностью, свидетельствует о степени «укорененности» буржуазных начал и сохранении сословного начала в социальной структуре российского общества пореформенного времени.

Наличие сословных групп в Градском обществе свидетельствовало об отсутствии в этот период городского сословия как органически единого социально-правового сообщества.

«Городское сословие» как термин отсутствует в действующем городском праве начала XX в. В справочной юридической литературе ему соответствовало выражение «средний род людей» или «городские обыватели в особенности», к которым причисляются: почетные граж-

⁵ ПСЗ. Т. XXII. № 16 188. Ст. 62–68.

⁶ СЗ. Издания 1857 г. Т. 9. Ст. 423–425.

⁷ СЗ. Издания 1899 г. Т. 9. Ст. 502–504.

дане, купцы, мещане или посадские, рабочие люди [10, с. 255–257].

Отсутствие единого городского сословия как реальной социальной категории отмечали ученые-юристы. К.К. Арсеньев, выступая в 1886 г. в Петербургском юридическом обществе, выделял в сословии городских обывателей «подразделения» – почетное гражданство, купечество, мещанство. Ученый подчеркивал, что «соединить купечество и мещанство в одно органическое целое нельзя» [1, с. 815].

Не только в правовой культуре, но и в массовом сознании устойчивым было мнение о существовании и необходимости сохранения сословий, прежде всего мещанского.

Когда в начале XX в. правительство рассматривало вопрос о переименовании мещан в городских обывателей, мещанские старосты высказались против «уничтожения мещанского сословия» и просили только «реформировать сословную организацию» [6, с. 1171].

Принципиально важным моментом в трансформации Градского общества стало отсутствие в его составе интеллигенции, «представителей капитала умственного и нравственного». Это был достаточно большой социальный слой жителей в пореформенном городе, которые не владели, как правило, недвижимой собственностью, капиталом. Адвокаты, врачи, учителя были квартирнанимателями в доходных домах.

В XVIII в. научная и художественная интеллигенция входила в состав Градского общества, что было зафиксировано в Жалованной грамоте⁸.

Уже в первой половине XIX в. в городских уставах некоторых городов интеллигенция исключалась из состава Градского общества. В 1846 г. в уставе Петербурга, разработанном Н.А. Милютиным, одним из представителей либеральной бюрократии, из числа выборщиков гласных, а, следовательно, из Градского общества исключались артисты, люди с университетским образованием [5, с. 181].

По Городовым положениям 1870 и 1892 гг. квартирнаниматели не получили избирательных прав и тем самым подтверждалось их отсутствие в составе Градского общества.

Таким образом, правительство в условиях формирования в России основ буржуазного общества, отказывало интеллигенции, слою горожан, по существу, рожденному этим временем, в участии в общественной жизни города.

Уже современники, исследователи проблем местного самоуправления отмечали, что «избирательная система была наиболее сла-

⁸ ПСЗ. Т. XXII. № 16 188. Ст. 67.

бым местом реформы 1870 г.», которое проявилось «в недоверии к молодым общественным элементом города» [8, с. 9, 13].

Предоставление избирательных прав интеллигенции было одним из ключевых вопросов в «диалоге» городской общественности с коронной администрацией при обсуждении городского законодательства в правительственных комиссиях. В этом, по мнению общественности, состояло «преодоление неразвитости большинства городов <...>, нуждающихся в оживлении их общественной деятельности образованным элементом» [7, с. 42].

Однако правительство при издании законов в 1870 и 1892 гг., к этому «зову» общественности не прислушалось.

Принципы избирательной системы, характер избирательного ценза, определявшего участие горожан в выборах городского общественного управления, имели первостепенное значение в развитии местного самоуправления. Правительство рассматривало избирательное право в качестве инструмента, с помощью которого можно было регулировать этот процесс.

Не случайно расширение социальных границ применения избирательного права активно поддерживалось общественностью и не находило поддержки у правительства.

Нежелание правительства распространять избирательное право на интеллигенцию объяснялось, прежде всего, общественно-политическим противостоянием интеллигенции и власти в пореформенной России. При обсуждении в Государственном совете внесения изменений в Городовое положение 1892 г., что не отрицало и правительство, рекомендации общественности включения в число избирателей квартиранимателей не были приняты. Это объяснялось тем, что «от введения в думы квартиранимателей деятельность этих учреждений будет направлена на ложный путь увлечений как хозяйственного, так и политического свойства» [9, с. 34]. Правительство опасалось «ненужных радикальных последствий» от возможных преобразований городского законодательства.

Таким образом, состояние и трансформация Градского общества на протяжении XIX в. позволяет рассматривать еще один аспект социально-правовой жизни российского города и взаимоотношение городской общественности и власти в пореформенный период.

1. *Арсентьев К.К.* Сословное начало в местном управлении и самоуправлении // Вестник Европы. 1887. Апрель, кн. 4.
2. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями / Сост. М.И. Мыш. СПб., 1876.

3. Городские поселения в Российской империи. СПб., 1860. Т. 1. Предисловие.
4. *Дитятин И.И.* Столетие С-Петербургского городского общества. 1785-1885. СПб., 1885.
5. *Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учреждений в России. СПб., Б.г.
6. К вопросу об упразднении мещанского сословия // Городское дело. 1910. № 17.
7. Материалы, относящиеся до настоящего устройства в городах Империи. СПб., 1877. Т. III.
8. *Михайловский А.Г.* Реформа городского самоуправления в России. М., 1908.
9. *Пажитнов К.А.* Городское и земское самоуправление. СПб., 1913.
10. Словарь юридических и государственных наук. СПб., 1901. Т. 2. Вып. 6.

УДК 94(47).025

П.В. Лукин¹

**Еще раз о вирах и казнях князя Владимира Святославича:
южнославянская параллель к статье начального
летописания под 6504 (996) г.**

Древнерусское право; славянское право; Л.В. Милов; древнерусские летописи; Венеция; Дубровник; Сербия; Владимир Святославич.

В статье предлагается новая интерпретация весьма спорного вопроса о достоверности известия начального летописания (под 996 г.) о так называемой неудачной «правовой реформе» князя Владимира Святославича, направленной на замену судебных штрафов за убийство смертной казнью. Многие историки (вопреки Л.В. Милову) склоняются сейчас к скептическим оценкам в отношении возможности отражения в данном известии реальных событий. Напротив, сравнительное исследование конфликта в Дубровнике в начале XIV в. по поводу схожей ситуации, в которой были вовлечены Сербия и Венеция и которая отразилась в дубровницких и венецианских источниках, показывает, что его достоверность может быть подтверждена несомненно достоверными данными.

Важнейшее место среди научных интересов Л.В. Милова, особенно в последние годы жизни, занимало, как известно, древнерусское право. Ему, в частности, принадлежит гипотеза о попытке реформы, предпринятой в княжение Владимира Святославича после Крещения Руси, которая имела своей целью переформатировать древнерусское законодательство в соответствии с византийскими моделями. Здесь не место останавливаться на этой концепции в целом (ее центральный тезис – об осуществленном на Руси переводе византийской «Эклоги»

¹ Лукин Павел Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., lukinpavel@yandex.ru.

уже в конце X – начале XI вв. вызвал острую дискуссию) [5, с. 79-153, 173-186; ср.: 2, с. 734–736]. Для нас важно, что Л.В. Милов усматривал отражение вполне реальных коллизий в связи с противоречиями между византийской и древнерусской правовыми системами в известной статье начального летописания под 996 г., где рассказывается о неудачной попытке отмены вир за разбой князем Владимиром Святославичем. Статья эта читается и в «Повести временных лет», и в Новгородской первой летописи младшего извода и, следовательно, сохранилась уже в «Начальном своде», который, как показал А.А. Шахматов, был составлен в 90-е гг. XI в. Приведем это известие полностью по Лаврентьевской летописи, отмечая существенные в смысловом плане разночтения по другим спискам ПВЛ и по НПЛ мл.:

«Живяше же Володимеръ в страѣ Божьи, и умножишася [*далее: зело. – Радз., Ак.*] разбоеве. И рѣша епископи [*рече епископъ. – Ин., Хл.*] Володимеру: “Се умножишася разбоиници! Почто не казниши ихъ?” Он же рече имъ: “Боюся грѣха”. Они же рѣша ему: “Ты [*то. – НПЛ*] поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Достоить ти казнити разбоиника, но со испытномъ [*испытаниемъ. – Радз., Ак., Ин., Хл., НПЛ*]”. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбоинику. И рѣша епископи и старци [*старци епископи. – НПЛ*]: “Рать многа: оже вира, то на оружьи и на коних буди”. И рече Володимеръ: “[Тако буди.” И живяше Володимеръ. – *Радз., Ак.*] по устроенью [*Божию, – НПЛ*] отню и дѣдню» [8, стб. 126-127; 9, стб. 111-112; 10, с. 167].

Недавняя публикация статьи П.С. Стефановича, посвященной данному известию, где представлен подробный историографический обзор интересующего нас сюжета, избавляет от необходимости характеризовать все высказывавшиеся по его поводу мнения [11, с. 22-49]. Достаточно сказать, что на сегодняшний день существует три основных взгляда на его достоверность: одни ученые воспринимают его как свидетельство о реальных мероприятиях Владимира [5, с. 127-129; 13, с. 12-21], другие интерпретируют его как «мифологическое повествование», не имеющее прямого отношения к конкретным событиям, но связанное, тем не менее с эпохой, о которой в нем идет речь [2, с. 733-736; 11], третьи считают его поздней выдумкой [14, с. 349-350].

Время написания этого известия определить сложно. У текстологов по этому поводу разные мнения. А.А. Шахматов на основании общих соображений относил его к «Древнейшему своду», который датировал 30-ми гг. XI в. [16, с. 161, 569-570], однако не так давно было предложено считать его вставкой «Начального свода» [7, с. 111-112].

Аргументом в последнем случае служит параллель – действительно, достаточно очевидная – с фразой из Предисловия к «Софийскому временнику» о использовании древними князьями «правой виры» для обеспечения дружины [10, с. 104]. Однако точно так же можно допустить, что автор Предисловия просто использовал тему, отразившуюся в более раннем летописном тексте [см.: 1, с. 182]. В целом, данных для отнесения этого текста к тому или иному своду, предшествовавшему «Начальному», пока явно недостаточно (не говоря уже о том, что их количество, хронология и состав – также вопросы весьма дискуссионные). Что касается разночтений в текстах, то – кроме явно ошибочного варианта Ип.-Хл. с одним епископом – определенное значение для понимания смысла известия имеет лишь добавочный эпитет «божию» в НПЛ мл. (к «устроенью»). Несмотря на то, что в НПЛ мл. отразился в принципе более ранний текст, чем в ПВЛ, представляется, что в данном случае, на основании текстологического принципа *lectio brevior potior*, следует предпочесть чтение ПВЛ: решительно невозможно представить себе, зачем киевскому монаху понадобилось изымать такой эпитет, зато добавление его одним из позднейших редакторов новгородской владычной летописи кажется вполне вероятным [4, с. 204-206]. Согласимся поэтому с А.А. Шахматовым, исключившим это слово из своей реконструкции «Древнейшего свода» [16, с. 570; см. также правдоподобное объяснение того, как могло появиться это добавление, сделанное «религиозным летописцем»: 17, р. 224. Ср.: 11, с. 38-39]².

Таким образом, попытки, оставаясь на русской почве, вычленив из этого известия достоверное ядро или, напротив, доказать его полную недостоверность, как представляется, зашли в тупик. В частности, наличие сомнений в том, что изложенные в нем события могли иметь место в реальности, а не служить символическим описанием неких глобальных процессов или даже просто выдумкой – одна из причин того, что гипотеза Л.В. Милова об отражении в летописи реальной реформы Владимира остается гипотезой. Тем не менее, у интересующего нас известия есть весьма любопытная параллель, которая, как кажется, позволяет вновь поставить вопрос о принципиальной достоверности его исторического ядра.

В начале XIV в. в далматинском городе Дубровнике, который

² В НПЛ, кстати, судя по всему, имеется и еще одно смысловое искажение. В издании между «старцами» и «епископами» запятую поставил, естественно, публикатор – А.Н. Насонов, знавший текст ПВЛ. В оригинале же НПЛ читалось «старци епископи», т.е. переписчик, очевидно, считал, что это одни и те же люди – «старцы-епископы», что вполне логично (элиминирует неизвестно откуда взявшихся старцев), но явно противоречит аутентичному чтению.

тогда представлял собой автономную республику под верховным сюзеренитетом Венеции, разразился конфликт, приобретший некоторый международный масштаб, поскольку дело касалось как отношений Дубровника с Венецией, так и с могущественным соседним Сербским королевством [см. об этом: 18, р. 171-176]. Причиной его стал вопрос, что делать с совершившим убийство серба дубровчанином. Убийство, по-видимому, произошло в первой половине 1306 г. [15, с. 38]. По законам Дубровника, за убийство в принципе полагалась смертная казнь: «На большом совете и на общем собрании с одобрения народа, по обычаю собравшегося на звон колоколов, принято и утверждено: что кто бы ни совершил убийство, если только не вынужден был обороняться, что может быть установлено, подлежит смерти» [19, lib. VI. I. C., р. 124]. В этом усматривается влияние венецианских юридических установлений, основанных в то время, в конечном счете, на римском праве. Относительно существования тогда в Сербии смертной казни высказывались разные мнения (прямо она упомянута в более позднем Законнике Стефана Душана), однако, в любом случае большое распространение имели штрафы за преступления – так называемая «вражда» [12, с. 307-308; 18, р. 172]. Относительно сербской вражды (как и относительно древнерусских штрафов) еще в старой историографии шла дискуссия между сторонниками того, что это была частная композиция в пользу пострадавшей стороны, и того, что это было публично-правовое наказание – штраф, платившийся в государственную казну. Наиболее убедительной выглядит более нюансированная интерпретация, согласно которой «вражда» испытала в этом отношении эволюцию, и уже в XIII в. сложилась система, в соответствии с которой государство получало половину штрафа, а половина шла пострадавшей стороне. Такое положение сохранялось и при Стефане Душане, внуке Милутина [12, с. 267-271; ср.: 6].

Именно «вражда» в виде выплаты 500 гиперперов применялась на тот момент в случае убийства серба дубровчанином и наоборот. Однако, как мы узнаем из дубровницкого статута 1308 г., в этот раз все произошло иначе. Венецианский граф, т.е. нечто вроде венецианского наместника в Дубровнике, Беллетти Фальер презрел «древний обычай» (*antiqua consuetudo*) вражды и потребовал, чтобы дело решалось в соответствии с установлениями Джованни Тьеполо, одного из предыдущих дубровницких графов, предусматривавшими смертную казнь. В результате в Дубровнике, оказавшемся между венецианским молотом и сербской наковальней, возникла коллизия по поводу того, как поступить с преступником. Были отправлены посольства, сначала

в Венецию, потом в Сербию, пытавшиеся найти компромисс. Венецианцы настаивали на следовании своим законам. Дож и венецианская коммуна (*commune Veneciarum*) ответили, что «Богу, и людям, и всему миру приятно», чтобы убийца карался смертной казнью, и это нужно довести до сведения сербского короля. Однако у сербского короля Стефана Уроша II Милутина было на этот счет совсем другое мнение. Он заявил, что «он на это ни в коей мере не согласен и что не хочет проливать кровь своих людей, но хочет соблюдать и хранить древний обычай вражды, свой и своих предшественников (*antiquam consuetudinem vrasde predecessorum suorum et suam*), и что по-другому не будет поступать ни при каких обстоятельствах, так как это он утвердил с помощью клятвы». Новый венецианский граф Андреа Дауро и Дубровник после этого согласились придерживаться «древнего обычая вражды» и соответствующих выплат. Если же виновный не платил штрафа в 500 гиперперов, он изгонялся из города и области Дубровника, до тех пор пока не заплатит требуемой компенсации (*et si dictam vrasdam non solvet, sit in banno civitatis et districtus Ragusii, donec dictam vrasdam integer soluerit*). Обращает на себя внимание то, что даже в случае невыплаты «вражды», преступнику грозит не смертная казнь как таковая, а то, что на Руси называлось «потоком», — изгнание из политической общности и лишение соответствующих прав [19, vol. IX. lib. VI. I. C].

Казус в Дубровнике, несмотря на все географические, хронологические и прочие отличия, убедительно показывает, что за рассказом ПВЛ вполне могла стоять историческая действительность. Столкновение между различными правовыми системами было не мифом и символами, а реальным фактом, который, естественно, передавался в источниках, особенно нарративных, с помощью характерной для них стилистики и «торжественной» терминологии. В частности, в литературе обращалось внимание на то, что в реальном древнерусском социуме, очевидно, не было такой категории знати, как старцы [3, № 2]. Вероятнее всего, «старцами» в этой статье названа верхушка дружины, больше всего заинтересованная в доходе с судебных штрафов. Однако другие, самые важные, детали рассказа, которые у исследователей часто вызывали сомнения, оказываются, как это демонстрирует дубровницкая параллель, вполне достоверными. Прежде всего, это относится как к самой сути конфликта между римско-византийской и «варварской» системами права (виры/вражда vs. смертная казнь), так и к мотивации правителей, относящихся к смертной казни как к явлению морально и религиозно недопустимому. Король Милу-

тин в XIV в. говорит об этом практически словами древнерусского князя, жившего несколькими столетиями ранее. Отнюдь не только риторикой оказываются слова киевского летописца об «устроении отнем и деднем»: в них нужно усматривать вполне реальную апелляцию к – изначально «варварским» – традициям древнерусского права, равнозначную апелляции Милутина к обычаю своему и своих *predecessorum*. Наконец, находит полное подтверждение и такая деталь, как участие в обсуждении вопроса о казнях представителей духовенства. Помимо религиозной риторики, которая обильно присутствует в спорах между венецианцами, властями Дубровника и сербским королем, имеется и прямое совпадение. Когда казус обсуждался в Большом совете Венеции, там был поставлен вопрос о том, не противоречит ли отказ от смертной казни за убийство Божьей воле (!). В результате четверо членов совета отправились консультироваться с духовенством (*iverunt ... ad habendum consilium cum religiosis personis*) и выяснили, что это все же *non est contra deum* [20, № CCCXLI, p. 224].

Дубровницкая параллель может, между прочим, прояснить, как кажется, и некоторые другие неоднозначные реалии извещения начального летописания (в первую очередь, более точно определить содержание упомянутых там правовых понятий), но это уже – задача отдельного исследования.

1. Гиппиус А.А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20).
2. Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002.
3. Лукин П.В. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // Славяноведение. 2010. № 2.
4. Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996.
5. Милов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.
6. Михальчић Р. Вражда // Лексикон српског средњег века / Прир. С. Ђирковић, Р. Михальчић. Београд, 1999.
7. Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
8. ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Лаврентьевская летопись.
9. ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Ипатьевская летопись.
10. ПСРЛ. М., 2000. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
11. Стефанович П.С. Летописное известие 6504 (996) г. о «казнях» и «вирах»: попытка интерпретации // Исторический вестник. 2016. Т. XVII.
12. Тарановски Т. Историја српског права у Немањинској држави. Београд,

- 2002.
13. *Флоря Б.Н.* Отмена вир Владимиром Святославичем // Исторический вестник. 2016. Т. XVII.
 14. *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. СПб., 2009.
 15. *Тук Р.* Србија и Венеција у XIII и XIV веку. Београд, 1986.
 16. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
 17. *Kaiser D.H.* The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.
 18. *Krekić B.* An International Controversy over the Death Penalty in the Balkans in the Early Fourteenth Century // *Byzantine Studies / Études byzantines*. 1978. Vol. 5. P. 1-2.
 19. *Liber statutorum civitatis Ragusii compositus anno 1272.* Zagrabiae, 1904 (Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium). Vol. IX.
 20. *Listine o jednošajih izmedju južnoga slavenstva i Mletačke republike / Sk. S. Ljubić.* Kn. I. U Zagrebu, 1868 (Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium. Vol. I).

УДК 94(47)

Е.Л. Конявская¹

Смоленск в конце XII – первой трети XIII в. по летописным и агиографическим источникам

Смоленск; летописные известия; Житие Авраамия Смоленского; суд.

В статье рассмотрены данные ранних летописей и Жития Авраамия Смоленского относительно внутренней жизни Смоленска конца XII – первой трети XIII в.

Летописные известия о Смоленске конца XII – первой трети XIII в. весьма скупы и лаконичны. Мы не встречаем о событиях в Смоленской земле таких подробных повествований, как рассказы о разного рода коллизиях в других регионах (таковы, например, повествования о соперничестве в 1164 г. после смерти Святослава Ольговича Черниговского между Олегом Святославичем и Святославом Всеволодовичем; о борьбе за Киев Ярослава Изяславича в 1173–1174 гг.; об убийстве Андрея Боголюбского; о захвате в плен венграми Романа Игоревича в 1209 г. в Галиче и др.). Однако мы располагаем агиографическим памятником, созданным в первой трети XIII в., – Житием Авраамия Смоленского, который дает важный материал относительно внутренней жизни Смоленска указанного времени.

Центральное место в Житии занимает рассказ о гонениях на Авраамия. На основании данных Жития можно попытаться датиро-

¹ Конявская Елена Леонидовна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.ф.н., ekonyavskaya@gmail.com.

вать эти события. Сам преподобный в Житии говорит о 5 годах своих страданий от поношения: «Быхъ 5 лѣтъ искушеніа терпя, поносимъ, бесчестуемъ, яко злодѣи» [9, с. 6]. Известно, что гонения на Авраамия закончились после избавления города от засухи (характерно, что летописи об этой засухе в Смоленске не сообщают). В это время еще был жив епископ Игнатий, стало быть, время засухи нужно искать до 1219 г. Согласно дендрохронологическим данным, такими годами для Смоленска были 1210–1212 г. [4, с. 84]. Именно к этим датам засухи склонялся М.В. Печников [6], не согласившись на временной промежуток 1217–1222 г., который был определен в работах Б.А. Рыбакова [10] и И.Я. Фроянова [11]. Однако далее М.В. Печников делает вывод, что гонения и суды над Авраамием проходили именно в эти годы. М.В. Печников указывает, что участником суда со стороны светских властей был Мстислав Романович, который, как пишет исследователь, занял в 1214 г. киевский стол [6, с. 353]. С тем, что во время рассматриваемых событий в Смоленске княжил Мстислав Романович, следует согласиться, но на киевский стол этот князь сел раньше, скорее всего, в 1212 г.², а датировать начало гонений на Авраамия нужно, соответственно его собственными словами, более ранним временем – на 5 лет раньше конца засухи – т. е. примерно 1206–1208 гг.

Самую главную загадку представляет сама суть обвинений, выдвинутых против преподобного. Ефрем говорит о ревности духовенства к его популярности у паствы. Подчеркивая этот аспект, А.И. Гайденко и В.Г. Филиппов находят в конфликте причину, в первую очередь, материальную [2]. Богатство монастырей могло раздражать белое духовенство. Действительно, об обильных дарах в монастырь, где подвизался Авраамий, говорится в Житии: «подавааху емоу на потребу и ліше потребы» [9, с. 7]. Предположение о противоречиях между монастырями и епархиальным белым духовенством находит подкрепление в некрологах смоленским Ростиславичам Ипатьевской летописи [3]. Во всех некрологах есть слова о том, что князя монастыри «набда . и черныцѣ оутѣшеваа . и мирьския цркви набда и попы . и весь . стльскій чинъ . достоиноу чѣтью чташе» [7, стб. 550–551]. Такое подчеркнутое разделение благодеяний князя черному и бе-

² 1214 г. как год вокняжения в Киеве Мстислава Романовича появляется в работах историков, видимо, из известия Новгородской первой летописи, где эта информация расположена под 6722 г. Однако Н.Г. Бережков показал, что этот текст должен быть отнесен к 6720 г. [1, с. 248]. Правильное же расположение более подробного известия (с сообщением о том, что до Мстислава Романовича киевский стол занимал Ингварь Ярославич) мы находим в Московском своде конца XV в. [8, с. 109].

лomu духовенству является характерной чертой именно этих посмертных похвал.

Но только такого рода антагонизмом объяснять столь резонансный конфликт в Смоленске было бы неверно. Ибо, как тогда понять всеобщую враждебность и желание расправы над святым со стороны людей мирских, которых подобного рода амбиции, ревность, зависть не должны были касаться? Первый рассказ о вражде и хулении на Авраамия называет в качестве его недоброжелателей священников и черноризцев, но далее говорится о каких-то людях, приходящих «отъ града», которые стремились «потязати и укорити» игумена.

Такая же картина наблюдается и во второй компании против Авраамия: «И начаша ови клеветати епископу, иниі же хулиті и досажати, ови еретика нарицати, а иниі глаголахоу на нь — глубинныя книги почитаетъ, иниі же къ женамъ прикладающе, попове же зиающе и глаголюще: “Уже наши дѣти вся обратилъ есть”; друзии же пророкомъ нарицающе и ина же многа на нь вѣщанія глаголюще, их же блаженны чюжь» [9, с. 10]. Такой набор обвинений создает впечатление серьезно организованной компании, когда одни называют преподобного еретиком, другие винят в опасном мудрствовании, третьи обличают как лжепророка, а четвертые простодушно возмущаются, что к нему ушли их духовные чада. Обвинения в блуде, рассчитанные на простой народ, заставляют вспомнить историю Ильи-Иоанна Новгородского. И как бы ни велика была роль духовенства в гонениях на Авраамия, нельзя закрывать глаза на то, что в конечном счете на него ополчился весь город: «събраша же ся отъ мала и велика весь градъ на нь, иниі глаголють заточити, а иниі къ стѣнѣ тоу пригвоздити и зажещи, а друзииі потопиті и, проведше въсквозе градъ» [9, с. 10]. Настроения, как можно видеть, были решительные, заточение среди них было самым гуманным требованием. «Весь градъ», когда преподобного влечат на суд, проявляет себя весьма агрессивно: «овии роугахоуся ему, иниі же насмихаахоуся емоу и бесчинная словеса кыдающе» [9, с. 10].

О присущей жителям Смоленска активности говорят многие летописные свидетельства второй половины XII века. Выражение «все смольняне» для демонстрации единого положительного отношения к князю используется в статье 1180 года Ипатьевской летописи. Так встречают въезжающего в город Давыда – процессия, которую возглавляет епископ Константин; а затем во время похорон Романа по нему плачут «вси Смолнѣнѣ поминающе добросердье его до себе» [7, стб. 616]. К этой же группе упоминаний можно отнести и выражение

«малѣ не весь градъ» [7, стб. 528] – о встрече в Смоленске Ростислава Мстиславича в 1167 г. Есть известия, в которых речь идет и о действиях смольнян, где они проявляют самостоятельный выбор и волю. В Ипатьевской летописи говорится, что в начале 1175 г. «Смольнянѣ выгнаша ѿ себе Романовича Ярополка . а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленску княжить» [7, стб. 598]. Возможно, сын Романа Ростиславича был слишком молод, а стало быть, не самостоятелен. Авторитет же брата Романа – Мстислава Ростиславича – напротив, был весьма высок. Так или иначе, смольняне имеют по этому поводу свои представления, которые отстаивают. В повествовании о кончине Романа (в плаче его вдовы) говорится, что он «многие досады» принял от смольнян, но сам никогда «противоу ихъ злоу . никотораго зла въздающа» [7, стб. 617]. Правда, прямых указаний на конфликты между Романом и смольнянами летописи не обнаруживают (за исключением изгнания сына). Возможно, тем не менее, что такие факты летописцы просто не зафиксировали.

Есть подобного рода информация и относительно Давыда Ростиславича, при княжении которого прошла юность и молодые годы Авраамия. Князь «злыга кажна такоже подобаеть. цѣрмь творити» [7, т. 2, стб. 703]. В отличие от Романа Ростиславича в биографии Давыда факт открытого противостояния князя и горожан отмечен – правда, новгородскими летописцами (1186 г.): «Въстань бысть Смоленске промежи княземъ Давыдомъ и смольняны, и много головъ паде луцьшихъ муж» [5, с. 38].

Хотя страсти бушевали и на улицах Смоленска, для суда над Авраамием на епископском дворе собрались «игоуменомъ же и попомъ, и черньцемъ, княземъ и боляромъ, діакони и всі церьковници» [9, с. 10]. Подробности суда также весьма ценны. Ефрем говорит, что мирским участникам снema («князю бо и властелемъ») по молитве Авраамия «оумягъчи Богъ сердце». Очевидно, что серьезное влияние на их позицию оказали слова Луки Прусина, который, судя по тому, что он служил в княжеском храме архангела Михаила, весьма вероятно, был княжескими духовником. Кроме того, имело значение и благородное происхождение самого Авраамия, об отце которого в Житии говорится: «Бѣ же отецъ его всѣми чтѣмъ и любимъ, отъ князя честь приемля, бѣ бо воистинну отъ всѣхъ опознанъ, яко и правдою украшенъ, и многимъ въ бѣдахъ помагая, милостивъ и тихъ къ всѣмъ, къ молитвѣ и ко церквамъ прилежа» [9, с. 2]. Коль скоро его родитель «отъ князя честь приема», при этом всем известен и любим, многим помогал, – стало быть, он имел такую возможность, располагая сред-

ствами и влиянием. Хотя к этому времени родителей преподобного не было в живых, из сочинений Ефрема мы знаем, что Авраамий был далеко не первым их ребенком (но первым мальчиком) – до него в семье родилось 12 девочек, что дает возможность предполагать его родство с боярами и «вельможами» из окружения князя.

Ефрем не сдерживал себя в выражениях, говоря о врагах преподобного: игумены и иереи готовы были «жива его пожрети» [9, с. 10], попы «рыкают», как волы. Несмотря на это, князь и вельможи делают вполне определенное заявление: обвинители Авраамия «все лжоуть». Видимо, ложью оказались какие-то очень тяжкие обвинения, за которые ему грозила смерть, что было подсудно князю. По словам Ефрема, «князю же и велможамъ не обрѣтающимъ такыя вины» [9, с. 11], они просят у преподобного прощения и благословения и покидают епископский двор. Оставшиеся же представители духовенства не могли найти «конца», за который можно ухватиться в судилище. Собрание завершили, приставив к Авраамию и двум его ученикам стражу. На следующий день суд возобновился, причем Ефрем пишет, что «вины, яже преже глаголаахоу, оукоривше, озлобивше, възложиша на нь» [9, с. 11]. Эти прежние «вины», тем не менее, дали основание лишь отправить преподобного в Успенский монастырь на Селище, где он в свое время принял постриг. Видимо, отказавшись от обвинений в неподобающем поведении, ереси и других непростительных деяниях, мысли участников суда вернулись к мудрствованиям, которые им не дано понять и оценить.

Важна информация Ефрема о том, что в связи с запретом посещать кому-либо преподобного, находящегося, по сути дела, под арестом в монастыре, «мнози же мечници на всѣхъ путехъ стрѣжааху, а нѣции разграблени быша» [9, с. 12]. Мечники известны по Русской правде и ранним летописным упоминаниям. Новый источник (цилиндры, замыкающие мешок) был приобщен к исследованию В.Л. Яниным, который заключил, что мечники представляли административных лиц, причастных «к княжескому суду» [12, с. 37], в частности, они были сборщиками «накладов» в процессе судопроизводства. Однако В.Л. Янин отмечает, что не во всех случаях термин *мечник* имеет административно-должностной характер. Иногда им обозначается «воин, член младшей дружины». Словари древнерусского и древнеславянских языков дают также значения «страж», «палач» – это по отношению к сюжетам библейской и византийской истории. В рассматриваемом случае слово «мечник», видимо, было употреблено именно в таком значении: мечники выполняли полицейские функции.

Но необычным остается то, что мечники оказываются на службе у церковных иерархов (ведь решение об изоляции Авраамия было принято церковным судом). О каких-то стражах, «отъ епископа на се приготованнымъ», говорится, как отмечалось, и ранее, но в этом случае стражи не назывались мечниками.

Таким образом, Житие Авраамия Смоленского представляется выдающимся памятником с точки зрения наполненности реальными сюжетами и деталями. Оно в известной степени восполняет недостаток информации о внутренней жизни Смоленска конца XII – первой трети XIII в., который отмечается в летописях.

1. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
2. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI – середины XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 45. 2011. 12 (227).
3. *Коняевская Е.Л.* Некрологи Ростиславичам в Ипатьевской летописи: биография и похвала // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVI Международной конференции. М., 2017.
4. *Колчин Б.А., Черных Н.Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
6. *Печников М.В.* Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003.
7. ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2.
8. ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
9. *Розанов С.П.* Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.
10. *Рыбаков Б.А.* Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах» // Советская археология. 1964. № 2.
11. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
12. *Янин В.Л.* У истоков Новгородской государственности. В. Новгород, 2001.

700 лет первому шагу Москвы к статусу общерусской столицы

Московское княжество; великое княжение владимирское; Юрий Данилович.

Рассматривается факт первого вступления московского князя на великокняжеский стол в контексте традиций престолонаследия на Руси.

В 1317 г. московский князь впервые получил великое княжение владимирское. Обычно это событие рассматривается в контексте борьбы Москвы и Твери, Юрия Даниловича Московского с Михаилом Ярославичем Тверским, причем сам факт вступления московского князя на великокняжеский стол заслоняют последующие коллизии – разгром Михаилом Юрия в битве при Бортеневе в декабре 1317 г. и казнь тверского князя в Орде в ноябре следующего, 1318 г. Между тем происшедшее в 1317 г. имело весьма серьезные долгосрочные последствия.

Ко второй половине XIII в. в Северо-Восточной Руси сформировалась политическая система, характеризующаяся наличием нескольких (более десятка) княжеств, управлявшихся определенными ветвями потомков Всеволода Юрьевича «Великое Гнездо», а также великого княжества Владимирского (в источниках именуемого «великим княжением»), самого крупного и освоенного. Великое княжение получал по ярлыку хана Орды правитель одного из княжеств. Причем его обладатель становился главным князем не только в Северо-Восточной Руси («Суздальской земле», как она именуется в источниках), но, пусть номинально, на всей Руси. Он имел право именоваться «князем всея Руси» (с начала XIV в. – «великим князем всея Руси»). До конца XIII столетия это общерусское «старейшинство» владимирских князей было обусловлено тем, что они владели Киевом – древней столицей Руси. Позднее Киев был утрачен, но номинальное главенство владимирских князей над всей Русью продолжало признаваться [2].

Однако борьбу за ярлык на великое княжение могли вести не все князья Суздальской земли. Это было право только потомков Ярослава Всеволодича – первого князя, получившего ярлык на великое княжение от монгольских ханов. Великими князьями, следова-

¹ Горский Антон Анатольевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., gog-ks@yandex.ru.

тельно, не могли стать князья ростовские, ярославские, углицкие, белозерские, стародубские, галицкие, дмитровские. Круг претендентов ограничивался князьями переяславскими, городецкими, московскими, тверскими, костромскими и суздальскими. Но и из этого круга права на великое княжение мог предъявлять не каждый. Монгольские правители в основном следовали нормам наследования княжеской власти, принятым на Руси. Соответственно, ярлык должен был принадлежать «старейшему» среди потомков Ярослава Всеволодича. Оспорить его право мог только следующий, второй по старшинству – в случае, если ему удавалось обосновать какую-либо вину «старейшего» перед ханом. Кроме того, необходимо было соблюсти принцип «отчины» – на великое княжение мог претендовать только тот князь, чей отец побывал на владимирском столе.

После княжения старшего сына Ярослава Всеволодича – Александра «Невского» (1252-1263) – на великокняжеском столе последовательно побывали его младшие братья Ярослав, князь тверской (1264-1271), и Василий, князь костромской (1272-1276). Далее пришел черед внуков Ярослава Всеволодича. Великим князем стал старший из них – старший сын Александра Ярославича Дмитрий, князь переяславский (1277). Его права вскоре (с 1281 г.) стал оспаривать следующий по старшинству Александрович – Андрей, князь городецкий. В Северо-Восточной Руси сложились две княжеские коалиции: одна, во главе с Андреем Александровичем, ориентировалась на сарайских ханов, а другая, возглавляемая Дмитрием Александровичем – на Ногая, фактически самостоятельного правителя западной части Орды [1, с. 12–28].

Московский князь, младший из сыновей Александра – Даниил – был сторонником Дмитрия. После смерти последнего в 1294 г. он стал вторым по старшинству после Андрея Александровича, возглавил коалицию сторонников Ногая и начал борьбу за великое княжение. В 1296 г. Даниил некоторое время занимал княжение в Новгороде, бывшее частью великокняжеских прерогатив [3, с. 99–101]. Но в 1300 г., после поражения Ногая от хана Тохты и его гибели, коалиция, возглавляемая Даниилом, распалась: его двоюродный брат и главный союзник, тверской князь Михаил Ярославич, перешел на сторону Андрея Александровича. Тем не менее Даниил продолжил борьбу с братом (чему способствовал переезд в Москву большого количества служилых людей из княжеств Южной Руси, ранее входивших в сферу влияния Ногая [1, с. 30–41]).

Ситуацию резко поменяла смерть Даниила Александровича 5

марта 1303 г. Великий князь Андрей пережил младшего брата – на один год (ум. 27 июля 1304 г.). В результате старейшим среди потомков Ярослава Всеволодича оказался Михаил Ярославич Тверской – он оставался единственным из поколения его внуков. Что касается московских Даниловичей, то они должны были навсегда выбыть из числа претендентов на великое княжение. Старший из сыновей Даниила, Юрий, был в 1304 г. третьим по старшинству среди потомков Ярослава – после Михаила Тверского и сына Андрея Александровича Михаила. Но даже если он в будущем оказался бы «старейшим» (такая ситуация возникнет после гибели Михаила Ярославича в 1318 г.), это не позволяло занять великокняжеский стол, ибо у Юрия отсутствовало на него «отчинное» право – его отец, Даниил, великим князем не побывал.

Тем не менее Юрий Данилович отправился наряду с Михаилом Ярославичем в Орду оспаривать великое княжение. Хан Тохта принял в 1305 г. решение в пользу тверского князя – в соответствии со старшинством и отчинным правом. Однако Юрий не прекратил борьбы. До 1308 г. он претендовал на княжение в Новгороде, а в 1314 г., воспользовавшись пребыванием Михаила в Орде у нового хана Узбека, занял новгородский стол. После этого последовал вызов Юрия к хану в Орду. Узбек принял здесь решение в пользу Михаила: Юрий был задержан в Орде, а Михаил отправлен на Русь в сопровождении сильного отряда во главе с ханским послом Таитемером, поддержка которого позволила ему нанести в начале 1316 г. поражение стоявшим на стороне Юрия новгородцам.

В 1317 г., после двухлетнего пребывания Юрия в Орде, Узбек принял решение о передаче великого княжения московскому князю, более того – замуж за Юрия была выдана сестра хана (причины такой перемены позиции правителя Орды из источников неясны).

Когда Юрий пришел на Русь с ханским послом Кавгадыем, Михаил уступил ему великое княжение и уехал в Тверь. Но после того как Юрий начал разорять собственное Тверское княжество Михаила, тот оказал сопротивление и разбил нового великого князя. Затем оба соперника договорились отправиться на суд в Орду. Здесь Михаил был обвинен в неуплате положенной дани, умерщвлении ханской сестры (жена Юрия попала в плен и умерла в Твери) и сопротивлении ханскому послу. 22 ноября 1318 г. Михаил Ярославич был казнен.

Юрий Данилович сохранял за собой великое княжение пять лет. В 1322 г. он не передал собранную дань ханскому послу, а уехал с ней в Новгород, чьи западные рубежи требовалось защищать от шведов и

ливонских немцев. После этого тверской князь Дмитрий Михайлович, старший сын Михаила, отправился в Орду с жалобой на Юрия и получил великое княжение. Юрий, однако, продолжал считать себя великим князем. В 1325 г. ему пришлось поехать на разбирательство в Орду. Здесь 21 ноября 1325 г. без ханского разрешения Юрий Данилович был убит великим князем Дмитрием Михайловичем.

Несмотря на то, что московский князь не сумел сохранить за собой великое княжение, факт его получения имел долгосрочные последствия. После 1317 г. перестали действовать оба основания для вступления на великокняжеский стол, нарушенные благодаря деятельности Юрия Даниловича: «старейшинство» среди потомков Ярослава Всеволодича и «отчинное» право.

Прав на великое княжение «по отчине» не имели Александр Васильевич Суздальский (1328-1331 гг.), Иван Данилович Калита (1328-1340 гг., до 1331 совместно с Александром Васильевичем), претендовавший на великое княжение в 1354 г. Константин Васильевич Суздальский и занимавший великокняжеский стол в 1360-1362 гг. его сын Дмитрий. «Старейшими» среди потомков Ярослава Всеволодича не были при вступлении на великое княжение Дмитрий Михайлович Тверской (великий князь в 1322-1326 гг.) и его брат Александр (1326-1327 гг.), уступавшие по этому принципу Ивану Калите; Семен Иванович (великий князь в 1340-1353 гг.) и его брат Иван (1354-1359 гг.), уступавшие младшим из тверских Михайловичей Константину и Василию, а также Константину Васильевичу Суздальскому; Дмитрий Иванович Донской, который был младше сыновей Константина Васильевича, Василия Михайловича Тверского и сыновей Александра Михайловича. Традиция была сломана.

Для Москвы вокняжение Юрия во Владимире создало прецедент: после него брат Юрия Иван Калита, а затем его сыновья с полным правом могли претендовать на великокняжеский стол. Впервые Москва стала резиденцией главного из русских князей – «великого князя всея Руси». Сложилось так, что она переставала впоследствии быть ею только дважды – с 1322 по 1328 г. и с 1360 по 1362 г., в общей сложности не более восьми лет. Разумеется, это не было еще приобретением статуса общерусской столицы (таковой продолжал считаться Владимир), но 700 лет назад был сделан первый и необходимый шаг к этому, несмотря на то, что традиционные нормы наследования власти такому шагу препятствовали.

2. Горский А.А. Титулование «всея Руси» и русские князья XI-XIII вв. // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь, 2008.
3. Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1.

УДК 94(47). 03

Н.С. Борисов¹

К вопросу о переносе митрополичьей кафедры из Киева во Владимир

История России; История Церкви; митрополия.

В рамках доклада рассматриваются предпосылки, обстоятельства и значение переноса митрополичьей кафедры из Киева во Владимир в 1300 году.

Важным событием стал для Руси неожиданный перенос митрополичьей кафедры из Киева во Владимир в 1300 году. Об этом много говорили тогда и в княжеских теремах, и в избах простонародья. Такого рода новшества – разрыв с древней традицией Киевской митрополии – всегда вызывали тревогу и воспринимались как дурное предзнаменование. Летописец выделил это событие особым заголовком: «Остави Киев митрополит»:

«Того же лета (6808/1300) митрополит Максим, не терпя татарскаго насилия, остави митрополию, иже в Киеве, и избеже ис Киева и весь Киев розбежеса, а митрополит иде къ Бряньску, оттоле въ Суждалскую землю, и тако седе въ Володимери с клиросом и съ всем житием своим» [5, с. 84].

Объясняя поступок первосвященника на первый взгляд вполне уважительной причиной – «не терпя татарскаго насилия», – летописец применяет излюбленный прием русских книжников: избегая прямого осуждения или хвалы, выносить нравственную оценку поступку через цитату из Священного писания. При этом и сама цитата давалась не дословно, а как бы намеком, вскользь. В течении рассказа ее могли заметить только посвященные. Так возникал своего рода «подтекст», скрытый от непосвященных тайный смысл написанного. Не нарушая обета монашеского смирения и не претендуя на роль судьи, летописец с помощью этой тонкой интеллектуальной игры мог выразить свое личное отношение к поступкам исторических лиц.

¹ Борисов Николай Сергеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., muksalma@gmail.com.

Приведенный выше текст из Симеоновской летописи полон сокровенных смыслов.

Терпение – одно из ключевых понятий христианской этики, обязательное условие подлинного благочестия. Библия, и в особенности Новый завет, полны суждений на эту тему. «С терпением будем проходить предлежащее нам поприще» (1 Евр 12, 1). «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами как с сынами» (1 Евр 12, 7). «Если терпим, то с Ним и царствовать будем» (2 Тим 2, 12). «Гонят нас, мы терпим» (1 Кор 4, 12).

На этом фоне проявленное митрополитом отсутствие терпения воспринимается как явный и тяжкий грех. В качестве архипастыря он должен был в первую очередь заботиться о своих «словесных овцах». Однако он бежал от них, спасая себя, свой двор и свое «житие» – то есть имущество. Следствием этого малодушия стала гибель всего города. Но дело не только в бедах Киева. Митрополит оставил свою митрополию, «бежал», то есть, по сути, уподобился часовому, который бросил свой пост, или воину, бросившему свой стяг. Это уже не только малодушие, но и прямое преступление перед Богом и Церковью...

Краткое летописное сообщение о бегстве митрополита Максима из Киева во Владимир в Своде 1305 г. проникнуто плохо скрытым осуждением этого поступка, а стало быть, и самого святителя. Такого рода оценки обычно давались по горячим следам события, под впечатлением вызванных им пагубных последствий. В данном случае мы можем предположить, что запись о бегстве Максима впервые возникла в Своде 1305 г., заказчиком которого, по мнению некоторых исследователей, был только что вернувшийся из Орды с ярлыком на великое княжение Владимирское князь Михаил Ярославич Тверской [7, с. 163]. Анализируя тверские известия в своде, исследователь высказал интересное предположение. «Весьма вероятно, что эти записи велись самим князем (о его грамотности есть известия) в той или иной какой-либо книге; таких семейных записей много можно встретить на переплетах старых книг. К этому семейному Летописцу князя позднее, по припоминанию, собран был ряд тверских известий, которые теперь в составе свода 1305 г. читаются без точных дат» [7, с. 160].

Этот свод, на основе которого возникла Лаврентьевская летопись, по-видимому, был составлен во Владимире. Судя по крайне скудному и, как показано выше, порой критическому отражению в своде деятельности митрополита Максима, отношения святителя с Михаилом Тверским были весьма натянутыми.

На это указывает и маршрут, который избрал Максим для переезда во Владимир. Проторенный еще киевскими князьями путь из Киева в Залесье шел вверх по Днепру и далее через волок и Вазузу – на Верхнюю Волгу. Значительная часть пути проходила по территории Тверского княжества. Но именно это и не устраивало Максима. Он предпочел более сложный путь через брянские леса и перепутья Московского княжества. Зная прямой и вспыльчивый характер Михаила Тверского, Максим легко мог предвидеть его возмущенную реакцию на раскол митрополии. Иное дело Москва. Даниил Московский – как впрочем, и святитель Максим – гораздо лучше Михаила умел скрывать свои мысли и ладить с полезными людьми.

(Лет пять спустя мать Михаила Тверского будет просить митрополита вразумить московского князя Юрия Даниловича не затевать новую усобицу за великое княжение Владимирское. Максим на словах согласился и даже вступил в переговоры с Юрием Даниловичем. Но, кажется, старый грек не слишком старался в своей роли миротворца. Грозное слово «отлучение» не прозвучало на этих переговорах. В итоге Юрий не отказался от своих замыслов и вскоре над Северо-Восточной Русью запылало пламя новой княжеской войны. Впрочем, Максиму не суждено было увидеть последствий своих неудачных переговоров. 6 декабря 1305 г. он завершил свой земной путь и был похоронен в загодя устроенном им приделе святого Пантелеймона в Успенском соборе во Владимире)...

Рассуждая о судьбе митрополита Максима, трудно не посетовать на обычную для летописей этого периода расплывчатость хронологии. В новгородских летописях отъезд митрополита датируется 6807 мартовским годом, а в Симеоновской – 6808 ультрамартовским [1, с. 279]. Проще говоря, митрополит бежал из Киева в период с 1 марта 1299 г. по 28 февраля 1300 г. Затем его следы теряются. Вновь на хронологической шкале он появляется только 29 июня 1300 г., когда в день памяти апостолов Петра и Павла митрополит совершил поставление на кафедру новгородского владыки Феоктиста. Никаких сведений о его пребывании в Твери летописи не сохранили. Скорее всего, он все же был там проездом из Владимира в Новгород. Но тверские летописцы не сочли это важным событием или демонстративно проигнорировали эту новость. Судя по всему, в Твери Максима ждал холодный прием.

Почему митрополит Максим покинул свое традиционное «седалище» в Киеве? Почему это решение должно было вызвать возмущение у всех, кто был искренне озабочен судьбами православия в

русских землях?

Известно, что Русская церковь как институт в условиях ига пользовалась значительными привилегиями. Она не платила ордынский «выход», не привлекалась к обслуживанию ханских послов. За это духовенство во главе с иерархами должно было молиться о здравии татарских ханов и призывать народ к покорности новому «вавилонскому плену».

Однако церковь как сообщество православных людей разного чина и звания не менее других страдала от произвола ордынцев. Ханские ярлыки давали некоторую безопасность только в мирное время. Но все менялось в условиях войны. Летописи полны рассказов о том, как во время татарских набегов гибли или подвергались насилию разного рода «церковные люди» от приходских священников и монахов до епископов и самого митрополита.

Колыбель русского православия, Киев, был страшно разорен во время Батыева нашествия. Однако тут есть над чем задуматься историку.

Проезжавший через Киев в 1245 г. францисканец Плано Карпини писал: «Победив ее (страну половцев. – *Н.Б.*), они (татары. – *Н.Б.*) пошли против России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Россию» [3, с. 51].

Легко заметить, что этот хрестоматийный текст полон внутренних противоречий. Так, остается непонятным, где же увидел Карпини «бесчисленные головы и кости мертвых людей» – в городе или «на поле», то есть в степи? Если он говорит о самом Киеве – то непонятно, как могли жители пять лет оставлять непогребенными останки своих родственников и друзей, соседей и земляков. Если же кости были разбросаны в чистом поле – то это вполне могли быть и кости ордынцев. Русские не имели желания хоронить степняков, а монголы, как известно, не хоронили своих мертвых в могилах, а оставляли лежать на земле на добычу зверям и птицам, полагая, что при такой участи тела душа быстрее покинет останки и улетит к небу.

Разорение Киева во время Батыева нашествия – исторический

факт, засвидетельствованный русскими летописями. Однако как политическое, так и экономическое значение Киева позволило ему быстро подняться после катастрофы. В городе вели дела многочисленные купцы, как русского, так и иностранного происхождения. Об этом говорит сам же Карпини, называя в качестве свидетелей своего пребывания в Киеве целый ряд тамошних персонажей:

«Свидетелями служат все граждане Киева, давшие нам провожатых и коней до первой татарской заставы и встретившие нас при возвращении с провожатыми из татар и их конями, которые к нам возвращались, и все русские люди, через землю которых мы проезжали и которые приняли запечатанную грамоту Бату и приказ давать нам лошадей и продовольствие; если же они этого не сделали бы, то были бы казнены им. Сверх того, свидетелями служат бреславльские купцы, ехавшие с нами вплоть до Киева и знавшие, что наш отряд въехал в землю татар, а равно и многие другие купцы как из Польши, так и из Австрии, прибывшие в Киев после нашего отъезда к татарам.

Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Руссию через землю татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли татар. Имена же купцов этих следующие: Михаил Генуэзский, а также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский; это более главные. Другие, менее важные, суть Марк, Генрих, Иоанн Вазий, другой Генрих Бонадиес, Петр Пасхами; было еще и много других, но имена их нам неизвестны» [3, с. 84].

Перечень иноземных купцов говорит о многом. Судя по нему, Киев быстро возродился, хотя, конечно, не имел уже прежнего блеска.

Благодаря своему географическому положению на сходе нескольких водных торговых путей, благодаря своим древним соборам и монастырям Киев оставался достойным местом для резиденции главы Русской церкви. Он служил своего рода «замком», соединявшим западную и восточную часть Русской митрополии. Стоило митрополиту навсегда покинуть Киев, перебравшись в Галицкую или Владимирскую Русь – и раскол митрополии становился лишь вопросом времени.

Понимая это, митрополит Кирилл III (1242–1281) всю жизнь провел в скитаниях по своей митрополии, сшивая нитями своих бесконечных дорог ее расплзающееся пространство. Он и умер в дороге, 6 декабря 1281 г. в тихом Переяславле Залесском, а похоронен был – вероятно, согласно его завещанию – в Киеве, в древнем Софийском соборе.

Понимал это и митрополит Максим. И тоже в меру сил собирал

приходы и епархии. Но стоило ему переехать из Киева во Владимир, как шесть западнорусских епархий – Галичская, Перемышльская, Владимиро-Волынская, Луцкая, Холмская и Туровская – объявили себя самостоятельной Галичской митрополией (1303). Князь Юрий Львович Галицкий (1301–1316) – женатый на сестре Михаила Тверского, хотел иметь собственного митрополита. По его хлопотам византийский император Андроник Палеолог Старший и константинопольский патриарх Афанасий утвердили новую митрополию.

Благодаря родственным связям с галицким княжеским домом в Твери как нигде на северо-востоке отчетливо представляли перспективу и последствия церковного раскола. Вероятно, искренне болевший за будущее православия Михаил Тверской имел на сей счет какие-то беседы с митрополитом Максимом. Но когда настал час принятия решений, Максим выбрал собственную безопасность. Михаил Тверской, как известно, в критическую минуту рассудил иначе...

Перенос митрополии – точнее говоря, резиденции митрополита – из одного города в другой был, вообще говоря, делом противозаконным с точки зрения церковных канонов. Во всяком случае, он требовал санкции патриарха или императора, или поместного собора [2, с. 95]. Максим уехал безо всяких санкций и чувствовал необходимость хоть как-то оправдать этот акт. Так родилась чудесная история о том, как уже во Владимире митрополиту «в тонком сне» явилась Богородица и вручила ему омофор. С этим небесным благословением перезд митрополита – по сути, обычное бегство от опасности – получал более благопристойный вид.

Что касается земных причин, заставивших Максима предпринять такой многотрудный шаг, то здесь для начала следует согласиться с мнением современного исследователя: «Перенос митрополии, конечно, имел более серьезные причины, чем просто очередное разорение Киева татарами» [8, с. 127]. Далее позволим себе некоторые предположения относительно этих «серьезных причин». Судя по всему, бегство Максима из Киева связано с грандиозными битвами между Токтой и Ногаем, которые развернулись в степях в 1298–1300 гг.

«К 1298 г. у Тохты окончательно созрел план освобождения от власти Ногая. Хан весьма резко ответил на его очередные требования о выдаче Салджида и Тама-Токты и начал собирать войска, чтобы выступить против бекляри-бека. Его 300-тысячная армия двинулась к владениям Ногая...» [6, с. 77].

Заметив, что хан быстро усиливает свои позиции, многие сторонники бекляри-бека в 1299 г. начали перебегать к Токте вместе со

своими войсками [6, с. 78]. «В результате к концу 1299 года Токта оказался во главе куда больших сил, чем Ногай, и сам решил перейти в наступление, воспользовавшись смутами в улусе бекляри-бека» [6, с. 70].

Решающая битва, в которой Ногай был разбит, взят в плен и убит, состоялась на рубеже 1299/1300 гг.

Находясь в Киеве, митрополит – как впрочем, и все киевляне – внимательно следил за развитием степной войны и принимал решения в зависимости от ее перипетий. Только на этом фоне можно понять его внезапный отъезд из Киева, неведомые скитания и появление во Владимире, где правил давний вассал Токты великий князь Андрей Городецкий. Именно Андрей с его ордынскими связями и острой потребностью в поддержке митрополита в русских делах, был тем человеком, который мог спасти Максима как давнего вассала Ногай от ханской кары.

О том, что отъезд Максима из Киева был скоропалительным, свидетельствует одна деталь. «В 1295 году он поставил во Владимир епископа и следовательно – не думал о собственном в него переселении» [2, с. 95].

Киев по своему географическому положению входил во владения Ногай. Разгром Ногай в решающей битве и его гибель вызвали торжество победителей, обычно проявлявшееся в тотальном разгроме владений побежденного. На этой волне воины Тохты ринулись на Киев и учинили там страшный погром. Митрополит Максим – вероятный сторонник Ногай – в панике бежал из Киева. Примеру владыки последовал и весь его двор, судьба которого могла быть весьма плачевной. Предвидя возможную погоню, митрополит бежал из Киева в сторону Брянска какими-то потаенными тропами. Однако и Брянск, где шла непрерывная резня между местными и смоленскими князьями, не дал ему надежного пристанища. Отсюда он двинулся дальше на север, в московские земли. Там следы его на какое-то время затерялись. Вероятно, он просто выжидал пока определится новая расстановка сил на Руси. Во всяком случае, в Великом Новгороде, куда митрополит должен был приехать для поставления нового архиепископа Феоктиста, это мероприятие пришлось отложить «дондеже уведают, где митрополит» [4, с. 250]. А между тем новгородские купцы находились во всех крупных городах. И уж конечно они были в Брянске и Владимире. Они должны были немедленно сообщить в Новгород о местопребывании главы Русской церкви. Однако, судя по всему, митрополит какое-то время скрывался во владениях Даниила Москов-

ского. Умение держать паузу – сильное оружие политика. И митрополит в полной мере умел пользоваться этим оружием...

События 1299–1300 гг. во многом предопределили весь ход церковно-политической борьбы в первой четверти XIV в.

1. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
2. *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 2. Первая половина тома.
3. Джованни дель Пано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.
4. ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1.
5. ПСРЛ. М., 2007. Т. XVIII. Симеоновская летопись.
6. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.
7. *Приселков М.Д.* История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996.
8. *Соколов Р.А.* Русская церковь во второй половине XIII – первой половине XIV в. СПб., 2010.

УДК 93/94

С.В. Полехов¹

Об употреблении слова «княжество» в грамотах Юго-Западной Руси конца XIV века

Дипломатика; историческая терминология; Подолье; сфрагистика; Юго-Западная Русь.

В работе рассматривается вопрос о значении слова «княжество» в корроборации грамот правителей Юго-Западной Руси – князей Кориатовичей и Владислава Опольского – в свете их сфрагистики, западнорусской и латинской дипломатики. Сделан вывод о том, что это слово обозначало не территорию во главе с князем, а княжеское достоинство, величество, а его появление было вызвано стремлением этих князей утвердить свою власть.

В лексикографической и исследовательской литературе наиболее ранние случаи употребления слова «княжество» – в формах «кназьтво», «кназьство», «кназство» – зафиксированы для Юго-Западной Руси 70-х гг. XIV в., в грамотах подольских князей Кориатовичей (из династии Гедиминовичей) и князя Владислава Опольского (из династии Пястов), который получил от польского и венгерского короля Людовика I Анжуйского в управление его русский до-

¹ Полехов Сергей Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., sergey.polekhov@gmail.com.

мен². При этом утверждается или молчаливо подразумевается, что это слово имело то же значение, что и в современном русском языке, – «государственное образование, территория, область во главе с князем» [17, с. 482; 16, с. 365; ср.: 2, с. 8]. Насколько справедливо это утверждение?

Поскольку ученые ограничиваются отдельными примерами употребления слова «княжество» в княжеских грамотах, ниже приводится более полный перечень таких случаев по грамотам подольских Кориатовичей и Владислава Опольского, сохранившихся в подлинниках, списках и переводах (цитаты из грамот, сохранившихся в подлинниках, выделены полужирным шрифтом; для подольских грамот параллельно указаны номера по перечню Я. Куртыки [23], в котором приводятся подробные данные о рукописях, публикациях, датировке, идентификации упоминаемых топонимов и лиц и др.):

- 1) В грамотах Кориатовичей:
 - a. «А на то zapisališmy swoi list i pieczęc zawiesili swego xięstwa» (7 ноября (?) 1374 г., Каменец. – Жалованная грамота кн. Юрия и Александра Кориатовичей г. Каменцу на городское право³) [13, с. 209, прим.; 23, № 9a].
 - b. **«А на то дали єсмо свои листь и печать завѣсили своєго князьтва»** (17 марта 1375 г., Смотрич. – Жалованная грамота кн. Александра Кориатовича смотрицкому доминиканскому монастырю на мельницу и разные льготы) [15, № 10; 23, № 11].
 - c. «А tomu vsemu na svedočstvo i na potverženie zavesili es'my rečaty našego knjazstva k' semu listu» (19 сентября 1388 г., Каменец. – Жалованная грамота кн. Константина и Федора Кориатовичей Немире на замок Бакоту) [28, прил. 1, с. 171; 23, № 24]. В описании отмечено, что к грамоте привешены две печати с «Погоней Литовской» (возможно, в действительности – с изображением св. Георгия или князей, которым принадлежали печати).

² Обоснование термина «Русский домен короля» см.: [12]. Упоминание слова «княжество» в жалованной грамоте Витовта берестейским евреям 1388 г., на которое дана ссылка в «Словаре староукраинского языка», здесь не принимается в расчет, поскольку, как выяснили С. Лазутка и Э. Гудавичюс, первичным является латинский текст грамоты, где в этом месте употреблено слово «ducatus» [8, с. 32, 64, 65, § 33].

³ Сокращенная версия грамоты имеет дату 7 февраля, но в ней corroborация отсутствует [6, № 2; 23, № 9b].

- d. «А тому всему на крѣпость и на свѣдочство, и на потвержѣнье за|вѣсили ѳсмы печать наше²(о) князства к сему листу» (20 июня 1391 г., Смотрич. – Подтверительная грамота кн. Федора Кориатовича Гриньку на г. Соколец и другие владения) [5, с. 133; 23, № 26].
 - e. «А temu wszystkiemu potwierdzeniu na świadectwo, przywiesi-liśmy pieczęć naszego księstwa ku temu listu» (1 июля 1392 г. – Жалованная грамота кн. Федора Кориатовича Бедришку на села) [33, с. 21–22; 23, № 27].
 - f. «А тому всему на ѳтверженье и на сведомье своего кн(я)зства завесили есмо печать своего кн(я)зства» (9 августа 1392 г., Каменец. – Жалованная грамота подольского кн. Федора Кориатовича Пашку Васневичу на села в Брацлавской волости) [7, с. 149–150; подробный комментарий: 11].
- 2) В грамотах Владислава Опольского:
- a. «А на то дали ѳсмы грамоту нашу и печать привѣсли велебного князства нашего» (25 декабря 1377 г. – 24 декабря 1378 г.⁴, Бохур. – Жалованная грамота кн. Владислава Опольского Ладомуру Волошину на Годле поле и земли по р. Тернаве) [15, № 12].
 - b. «А на потверженіє тому листови велѣли есми привѣсити печат нашего великаго князтва» (13 или 14 ноября 1378 г.⁵, Львов. – Жалованная грамота Владислава Опольского Драгомиру и Некре на села в Галицкой волости) [3, № 29].

Обращает на себя внимание, что слово «княжество» постоянно встречается в корроборации княжеского акта, где идет речь о его удостоверении «печатью княжества». Между тем в других грамотах князей Южной и Западной Руси конца XIV в. всегда говорится о скреплении документа «нашей печатью» или «своей печатью» [см., например: 18, № 1, 6, 11, 13, 14, 16–19, 21–31, 33–36, 40–43; 4, с. 90]. Эта формула имеется и в жалованной грамоте того же Владислава Опольского Данилу Дажбоковичу на села в Зудечовской волости 1375 г.: «А на то дали есмы листь нашъ и печать нашу завѣсили есмы»⁶. Тронная

⁴ В подлиннике грамота датирована 1378 г. Скорее всего, в канцелярии Владислава Опольского год отсчитывали от 25 декабря.

⁵ В списке грамота датирована «в недѣлю на канонѣ Филипа, по Божомъ нароженію 1000 лѣтъ и 300 и 70 лѣт и осмое лѣто». В 1378 г. память апостола Филиппа 14 ноября праздновалась в воскресенье.

⁶ Archiwum Narodowe w Krakowie. Oddział III. Archiwum miasta Krakowa. Perg.

печать при этой грамоте сохранилась; известно, что Владислав пользовался ею и впоследствии [26, с. 238–239], т. е. в вышеприведенной формуле со словом «княжество» речь идет о той же печати⁷. В немецкоязычных жалованных грамотах Александра и Константина Кориатовичей жителям г. Кракова 1375 и 1385 гг. на право свободной торговли говорится о скреплении документа «нашей печатью» (т. е. князя – юридического автора грамоты) [21, № 47, 60; 23, № 12, 20], при этом печать одной из этих грамот сохранилась: она принадлежит к тому же типу *княжеских* конных печатей, какие явно были привешены к грамоте Константина и Федора Кориатовичей Немире 1388 г. [28, s. 170; 27, s. 237]. Понятно, что две печати последней грамоты были не у упомянутого в формуле корроборации «княжества», если понимать это слово в современном значении, а у каждого из двух подольских князей-«диархов»⁸. Вообще печати XIV в. снабжались легендами типа «печать князя N.», в них никогда не говорится о печати того или иного княжества [20; 14]. Все это заставляет задуматься о смысле слова «княжество» в приведенных цитатах.

Следует учитывать, что в канцеляриях подольских Кориатовичей и Владислава Опольского сосуществовали и взаимодействовали традиции латинской и русской дипломатики. Так, судя по набору сохранившихся документов, Кориатовичам должны были служить не только русские, но и латинские писцы; часть кириллических документов этих князей датирована по латинскому образцу – от Рождества Христова и без указания индикта [27, с. 234–237]. Приведенная формула корроборации соответствует латинским образцам, которые время от времени появляются в документах Казимира III Великого⁹: «*sigillum nostre maiestatis regalis maior*» – в 1356 г. [32, № 2531], «*nostre magestatis sigillum*» – в 1359 г. [29, № 90, 92], «*sub nostre magnificencie sigillo*» – в 1369 г. [29, № 130]. В корроборации документов Казимира Великого [29, № 36, 96; 30, № 956; 32, № 2532] и в особенности Владисла-

пг 861.

⁷ К грамотам Владислава Опольского привешивалась, как правило, именно большая (тронная) печать; использование малой печати было исключением, как можно судить по оговорке в корроборации одной грамоты, согласно которой малая печать имеет ту же силу, что и большая, и привешивается лишь из-за отсутствия последней под рукой (ZDM. Cz. 4. № 1043).

⁸ О диархии как системе власти Кориатовичей на Подолье см.: [22, s. 108–110].

⁹ Примеры взяты из документов Малой Польши, соседствовавшей с владениями Кориатовичей и Владислава Опольского. Более полный перечень документов Казимира Великого, снабженных полной хронологической и топологической датой, см.: [19].

ва Опольского [29, № 139, 144, 149; 30, № 1022, 1026, 1028, 1037, 1066] нередко отмечалось, что они утверждаются большой печатью. Все это заставляет думать, что и в западнорусских формулах корроборации имеется в виду не «княжество» как государственное образование во главе с князем, а княжеское достоинство, величество (*maiestas, magnificentia*). Таким было и одно из значений слова «księstwo» в старопольском языке, «ducatus» – в средневековой латыни, «Fürstenthum» – в средне- и нововерхненемецком [25, с. 429; 24, с. 361].

Возникает вопрос: не стоит ли понимать в территориальном значении слово «княжество» в корроборации грамоты Федора Кориатовича 1392 г. («А тому всему на Ѹтверженье и **на сведомье своего кн(я)зства** завесили есмо печать своего кн(я)зства»)? Однако, во-первых, грамота сохранилась в списке XVI в. [1], поэтому не исключено, что писец по ошибке повторил формулу, которая в прочих грамотах Кориатовичей относится к печати. Во-вторых, уже в промульгации говорится: «Чиним ведомо тым листом каждому добромѸ, хто ж на тот лист наш посмотрить и Ѹслышит его чтучи» [7, с. 149]; значит, грамота была адресована вовсе не только жителям Подольского княжества, а приведенные выше соображения о значении слова «княжество» остаются в силе.

Появление этого слова в западнорусской деловой письменности объясняется политическими обстоятельствами. Если король Людовик Анжуйский, передавая русский королевский домен в управление силезскому князю Владиславу Опольскому, пытался тем самым оторвать его от Польского королевства и присоединить к Венгерскому, то сам Владислав, вокняжившись там, принялся разными способами утверждать свою личную власть на этой территории [26, с. 90–113, 219–224, 230–243, 277–306]. Точно так же Кориатовичи стремились утвердить свою власть на Подолье, которое с 70-х гг. XIV в. до 1394 г. не раз оказывалось на стыке интересов Литвы, Польши и Венгрии [9; 10, с. 47–63; 22, с. 107–111]. Документ правителя в Средние века был важным средством пропаганды, легитимизации и утверждения его власти, и одной из составных частей этих процессов стало появление слова «княжество» в корроборации княжеских грамот.

1. *Вихованець Т.* «Папери Пісочинських» у Дзиківському архіві Тарновських // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 30. Київ, 2015.
2. *Горский А.А.* Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11.
3. Грамоти XIV ст. / Упор. М.М. Пещак. Київ, 1974.

4. *Груша А.І.* Мянoўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошняй трэці XIV – першай трэці XV ст. Мінск, 2010.
5. *Груша А.І.* Невядомая грамата Фёдара Карыятавіча за 1391 г. // Беларускі гістарычны агляд. Т. 8. Сш. 1–2. Снежань, 2001.
6. *Грушевський М.С.* Матэрыялы до історіі суспільно-політичних і економічних відносин Західньої України // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1905. Т. 63.
7. З архіўных і бібліятэчных сховішчаў (XIV–XVII ст.) / Падрыхт. Ю.М. Мікульскі // Беларуская даўніна. Мінск, 2014. Вып. 1.
8. *Лазутка С., Гудавичюс Э.* Привилегия евреям Витаутаса Великого 1388 года. М.; Иерусалим, 1993.
9. *Михайловський В.М.* Васальні стосунки князів Коріатовичів із Казимиром III та Людовіком Угорським // Український історичний журнал. 2010. № 4.
10. *Михайловський В.М.* Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI століття. Київ, 2012.
11. *Михайловський В.М.* На маргінесі документа подільського князя Федора Коріатовича від 1392 р. // Ruthenica. Київ, 2016. Т. 13.
12. *Михайловський В.М.* Руський домен короля // Енциклопедія історії України. Т. 9 (Прил – С). Київ, 2012.
13. *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (преимущественно по летописям). Киев, 1885.
14. *Однороженко О.* Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. (Monumenta Rutheniae heraldica. Vol. 2.). Харків, 2009.
15. *Розов В.* Українські грамоти. Т. 1: XIV і перша половина XV в. Київ, 1928.
16. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4 (изживати – моление). М., 1991.
17. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1 (А – М). Київ, 1977.
18. Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791 / Wyd. St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932.
19. *Gąsiorowski A.* Itinerarium króla Kazimierza Wielkiego. Materiały 1333–1370 // Roczniki Historyczne. Т. 64. Poznań, 1998.
20. *Gumowski M.* Pieczęcie książąt litewskich // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. № 3–4.
21. Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa (1257–1506) / Wyd. F. Piekosiński. Cz. 1. (Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 5.) Kraków, 1879.
22. *Kurtyka J.* Podole w średniowieczu i okresie nowożytnym: obrotowe przedmurze na pograniczu cywilizacji // *Kurtyka J.* Podole w czasach jagiellońskich. Kraków, 2011.
23. *Kurtyka J.* Repertorium podolskie. Dokumenty do 1430 roku // *Kurtyka J.* Podole w czasach jagiellońskich. Kraków, 2011.
24. *Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976.
25. Словник старопольский. Т. 3. Зеш. 6 (19) (Królewski – Kwitować). Wrocław etc., 1962.
26. *Sperka J.* Władysław, książę opolski, wieluński, kujawski, dobrzyński, pan Rusi, palatyn Węgier i namiestnik Polski (1326/1330 – 8 lub 18 maja 1401).

- Wyd. 2. Kraków, 2016.
27. *Tęgowski J.* Dokumenty Koriatowiczów władców Podola w XIV wieku. Tendencje kulturowe za Koriatowiczów // *Tekst źródła. Krytyka. Interpretacja / Pod red. B. Trelińskiej.* Warszawa, 2005.
 28. *Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku // *Teki Krakowskie.* T. 5. Kraków, 1997.
 29. Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. 1: Dokumenty z lat 1257–1420 / Wyd. S. Kuraś. Wrocław etc., 1962.
 30. Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. 4: Dokumenty z lat 1211–1400 / Wyd. S. Kuraś i I. Sułkowska-Kurasiowa. Wrocław etc., 1969.
 31. Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. 6: Dokumenty króla Władysława Jagiełły z lat 1386–1417 / Wyd. S. Kuraś i I. Sułkowska-Kurasiowa. Wrocław etc., 1974.
 32. Zbiór dokumentów małopolskich. Cz. 8: Dokumenty z lat 1435–1450. Uzupełnienie: Dokumenty z lat 1286–1442 / Wyd. I. Sułkowska-Kurasiowa i S. Kuraś. Wrocław etc., 1975.
 33. *Źródła dziejowe.* T. 5: Lustracye królewsczyzn ziem ruskich Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej połowy XVII wieku / Wyd. A. Jabłonowski. Warszawa, 1877.

УДК 94(47).035

И.Г. Пономарева¹

Ранние известия

о постельниках, постельничих и Постельничем пути

Дворец; дворцовые чины; постельник; постельничий; Постельничий путь.

В докладе рассмотрены известия о постельниках, постельничих и Постельничем пути до правления Ивана III. Материалы не противоречат представлениям о них в более позднее время. Можно предположить, что постельники были при московском дворе уже в XIV в. Чин постельничего, возможно, появился только в XV в. наряду с выделением его ведомства из Дворца.

Первое упоминание «постельничя княжаго» (1171 г.) встречается в Никоновской летописи среди лиц, пострадавших от притеснений и грабежей ростовского епископа Феодора. Другие летописи яркий эпизод расправы над ним не излагают. Вымысел факта на фоне описанных летописями примеров произвола епископа сомнителен, но название должности, вероятно, осовременено. Троицкая летопись, описывая преследования слуг Андрея Боголюбского после его убийства (1174 г.) сообщает, что тогда в числе прочих «дѣтыцкыѣ постельники и мечники избиша». Но в оригинальном тексте «Повести

¹ Пономарева Ирина Гавриловна, Московский государственный лингвистический университет (РФ, Москва), к.и.н., vasiliiy_ii@mail.ru.

об убиении Андрея Боголюбского», включенном в свод 1177 г., постельники, похоже, не упоминались. В дошедшем летописании это место выглядит иначе: «дѣтскиѣ его, и мечники избиша» [16, с. 254; 10, стб. 370; 11, стб. 592].

Два следующих упоминания связаны с ханским двором. В 1393 г. из Орды к Василию I приехали служить три татарина, «двора царева постельники его суще» [13, с. 64]². В рассказе о пребывании в Орде в 1431–1432 гг. претендентов на московский престол летописец упоминает ханского постельника Хусейна [15, с. 249]. В существовании должности для летописца не видно какой-либо необычности, и, очевидно, что, не позднее 30-х гг. XV в. в Москве для ее обозначения использовалось название «постельник».

В «Повести об Ионе, архиепископе новгородском» говорится о чудесном воскрешении и исцелении от неизлечимой болезни у гробницы Варлаама Хутынского во время пребывания Василия II в Новгороде в 1460 г. его постельника отрока Григория Тумгеня [4, с. 242; 12, стб. 132; 14, с. 264]. Некую реальность описанного подтверждает создание по возвращении в Москву велением великого князя при храме Иоанна Предтечи у Боровицких ворот придела в честь Варлаама Хутынского в память о чуде воскрешения великокняжеского слуги [12, стб. 147].

В родословцах об Иване (в источниках фигурирует также с именами: Полуект и Василий) Васильевиче Море (род Редеги, ветвь Сорокоумовых-Глебовых) сказано, что он был «постельничей по свою смерть» [17, с. 69]. А.А. Зимин отнес информацию к правлению Ивана III, но служба Моря фиксируется с середины 30-х гг., когда он ездил послом (достаточно взрослым человеком) в Константинополь (прозвище это доказывает). Упоминания его братьев не выходят за рамки начала 70-х гг., а старший брат пожизненно был дворецким Василия II [17, с. 69]. Так что Море, скорее всего, начал службу постельничим у Василия II, чему есть и другое подтверждение (см. далее).

Известия конца века называют десятки постельников. В свите княжны Елены Ивановны в 1495 г. «за постелею» следовали (очевидно, как постельники) 4 человека. В списке членов великокняжеского Двора 1495 г. перечислены 76 постельников и два постельничих. Документ тщательно изучен В.Д. Назаровым [8, с. 139–145], что позволяет

² В Троицкой летописи: «иже бѣша почестни и знакомити двора царева» [16, с. 443].

соотнести его наблюдения с ранними известиями.

О Григории Тумгане сообщается, что он сын боярина Василия из «рязаньских боляръ». Редегины в правление Василия II преуспевали, некоторые поднялись до высших думно-дворцовых чинов, но в целом род оставался в разряде второстепенных. По всей видимости, на должности постельников и постельничих при Василии II, как и позднее, попадали члены знатных родов (в постельники, возможно – в числе прочих). Определение Григория Тумгана отроком, показывает исполнение обязанностей постельников людьми молодыми, как в конце XV в. [9, с. 580–581].

Определяя статус постельничего, А.А. Зимин ограничился замечанием, что он был «одним из наиболее приближенных к государю лиц» [6, с. 248]. И.Б. Михайлова, комментируя запись в родословце о Море (был постельничим «с судом з боярским и в думе у великого князя з бояры был»), отвергла возможность его боярства, определив при этом его должность как самую низкую при дворе [7, с. 377]. Между тем, об одном из племянников Моря сообщается, что он тоже был «постельничий у великого князя Василия (Ивановича), с судом з боярским и в думе был» [17, с. 70]. Речь идет, по-видимому, об увязанной с должностью прерогативе участвовать в судебных коллегиях и думских совещаниях. Можно предположить получение постельничими (только главами ведомства) чина путного боярина. Во всяком случае, в посланиях Василия II императору и патриарху его посол Василий (Море) назван боярином [12, стб. 95; 1, № 39, с. 73].

Распространено мнение, что дворцовые ведомства сформировались как устойчивые учреждения лишь в правление Ивана III. Вероятность службы Моря постельничим Василия II позволяет считать, что уже при нем существовали две штатные должности: постельничего (может быть, вновь введенный чин) и постельников (похоже, появившихся ранее, может быть, еще в XIV в.). Это свидетельствует о реструктуризации Дворца к середине XV в. с выделением Постельничего пути (название впервые фигурирует при упоминании службы постельничим Моря, возможно, его главы). Реформирование было следствием развития дворцового быта, сопровождавшегося повышением статуса придворных должностей, что проявилось в данном случае в появлении близкого по названию, но более престижного нового чина с подчинением ему старого. Принимая во внимание древность дворцовых служб и их значение для жизнеобеспечения семьи государя, можно думать, что в основе своей ведомство постельничего сложилось еще в рамках Дворца.

Ко времени назначения Моря определилась форма его оплаты в соответствии с практиковавшейся системой кормлений. «К постельничему пути было на нем (следует: «за ним». – *И.П.*) волость Катка (позднее – Кадка. – *И.П.*) в пути» [17, с. 69]. Аналогичная запись сопутствует упоминанию о племяннике Моря Иване Дмитриевиче («А х постельничему пути от великого князя Василия была за ним волость Ухра с мыты в путь»), показывающая неизменность формы оплаты службы чина по меньшей мере в течение следующих десятилетий. Как платили в XV в. другим чинам можно только догадываться³. В частности, в 1491 г. истобник Ивана III Антон Гладкий был пожалован землей в Машутинской волости Переяславского уезда [2, № 563, 564].

Известие о волости Катке помогает предположительно датировать ее передачу в кормление Морю и соответственно уточнить время получения им должности. Эта угличская волость была включена Василием II в удел сына Андрея Большого, но по завещанию великого князя отошла пожизненно к его вдове (умерла в 1484 г.) с последующим возвращением сыну. Угличский князь Дмитрий Иванович по душевной (1521 г.), передал в монастырь село из этой волости [5, № 61, с. 196, № 99, с. 410], значит распоряжение Василия II было выполнено, Катка вернулась в угличский удел, Иван III ею не распорядился, следовательно, Море получил ее от Василия II до передачи ее Андрею (род. в 1446 г.) – не позднее середины 50-х гг.

О масштабах ведомства постельничих в конце XV в. отчасти можно судить по числу лиц, названных в списке 1495 г. (78 человек). В контексте становления пути интересно упоминание летописцем XV в. при пересказе известия 6725 (1217/18) г. «постельного шатра». Этот термин в раннем тексте при описании тех же событий (пир в княжеском шатре) отсутствует [10, стб. 440; 15, с. 115], но, очевидно, что со временем усложнение быта и расширение запросов государя отразилось и на походной жизни, приведя к увеличению сопровождавшего его скарба и численности требуемой obsługi. По списку слуг Постельничего приказа 1573 г. в нем было 188 человек. В его штате были истобники, сторожи, шатерники, плотники, чемоданник, кузнец, столечники, дьяки, портные, колпачники, чеботники, строчники, скорняки, стригальник, пугвичник, гвоздочник, рожечники, епанечник [3, с. 30–39]. Большинство из перечисленных должностей несомненно существовали и в Постельничем пути.

³ От царя слуги Постельничего приказа получали «жалование по окладу» [3, с. 20–62].

Так, согласно родовой легенде, предок графов Барановых мурза Ждан, по прозвищу Баран, выехал из Крыма к Василию II, крестился и стал великокняжеским комнатным [18, с. 107]. Возможную достоверность предания показывает имя родоначальника. Мурза несомненно происходил из рода Барын (от монг. – тигр), второго по знатности в Крыму в XV в.

Первое упоминание истобника связано с событиями династической войны. В январе 1447 г. сторонники свергнутого Василия II заняли Москву, наместник одного из князей-мятежников попытался бежать, но его «изнимал истобничишко великие княгини, Ростопчею звали, и приведе его к воеводамъ» [15, с. 269]. Прозвище, несомненно, отражает обязанности. Истобники наряду с постельничими входили в состав свиты княжны Елены в 1495 г. [19, № 31, с. 164].

Согласно еще одному родовому преданию, «к великому князю Василию Васильевичу из Польши выехал муж честен именем Воропан, которого за выезд великий князь пожаловал многими вотчинами. У сего Воропана был сын Иван Чемоданов, коего потомки Чемодановы»⁴. Фамилия происходит от слова «чемодан» – адаптированного персидского слова (вероятно через тюркский язык) «мешок, сундук для одежды», и вполне увязывается с обязанностями слуги Постельного пути.

К косвенным сведениям о штате Постельничего пути можно отнести редкие упоминания в актах XV в. швецов и портных. Трудно усомниться в давнем существовании и других слуг, без которых не могло обойтись дворцовое хозяйство, даже в завещаниях знати конца XV в. упоминаются: дьяк, плотник, чеботник, сапожник, строчник.

1. АИ. СПб., 1841. Т. I.
2. АСЭИ. М., 1952. Т. I.
3. *Альшиц Д.Н.* Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1472 года // Исторический архив. М.; Л., 1949. Т. 4.
4. БЛДР. СПб., 1999. Т. 7.
5. ДДГ. М.; Л., 1950.
6. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV – XVI столетий. М., 1982.
7. *Михайлова И.Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003.
8. *Назаров В.Д.* Генеалогический состав постельников Ивана III (по списку двора 1495 г.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XII Чтения памяти чл.-корр. РАН В.Т. Пашуто. Материалы конференции.

⁴ Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. СПб., 1799. Т. III. С. 30.

- М., 2001.
9. Назаров В.Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002.
 10. ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1.
 11. ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2.
 12. ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. Вып. 2.
 13. ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8.
 14. ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Первая половина.
 15. ПСРЛ. Т. 25.
 16. Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950.
 17. Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2.
 18. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1.
 19. Сборник РИО. СПб., 1882. Т. 35.

УДК 94(47).043

А.Л. Грязнов¹

**«А землю поделят себе по жеребьям»: идея и практика
сохранения родового землевладения князей Кемских²**

Землевладение; вотчина; собственность; род.

В статье рассматриваются использовавшиеся князьями Кемскими механизмы сохранения родового землевладения.

Белозерские князья, как и ряд других княжеских династий Северо-Восточной Руси, сохраняли на протяжении XV и XVI вв. земельные владения, образовавшиеся в результате дробления их родного княжества. В той или иной степени родовое землевладение Белозерских князей подвергалось разрушению и к началу XVII в. фактически исчезло. Вместе с тем, характер мобилизационных процессов, их интенсивность, отличались у отдельных фамилий Белозерских князей [12, с. 164-169; 11, с. 59-60]. Массив документов, связанных с князьями Кемскими, показывает не только эволюцию землевладения этого рода, но и раскрывает механизмы его сохранения.

Первый крупный комплекс документов связан с разделом во второй половине 1470-х – начале 1480-х гг. вотчины князя Давыда

¹ Грязнов Анатолий Леонидович, НП НИЦ «Древности» (РФ, Вологда), rubicon@vologda.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Родовое землевладение Белозерских князей в XV–XVI вв.» № 17-01-00073.

Семеновича между пятью сыновьями и женой. Текстуально известны три деловые и межевая грамоты, составленные Давыдовичами, а еще два-три документа, вероятно не сохранились. Такое количество актов связано с довольно необычной схемой раздела вотчины. По первой деловой вотчина разделялась на две равные части (Ильинскую и Никольскую стороны), каждая из которых доставалась трем наследникам. Дальше уже каждая половина Кемы делилась между тремя ее владельцами. Причем, деловые могли быть как трехсторонними, так и двухсторонними.

В первой деловой прописано традиционное положение вдовой княгини. Она получала равное с детьми земельное обеспечение и должна была поделить между ними оставшееся движимое и недвижимое имущество мужа. В этой же деловой, была заложена основа земельной политики всех представителей рода на протяжении четырех поколений: «А которому нашему брату будет не до земли, ино ему мимо свою братью не продати, ни менити, ни дати никому» [3, № 227а]. Эти слова деловой грамоты не остались пустым звуком и были реализованы, когда бездетный князь Федор Давыдович продал свою треть Ильинской половины («его удел в Кеме... с судом и з данию») брату Фунику [4, № 475, с. 459].

После этого во владении Федора осталась вотчина в Пошехонье. Ее бездетный князь продал сыновьям своего брата Юрия, оговорив право пожизненного проживания [4, № 475, с. 458]. В этой сделке впервые встречается еще один элемент, использовавшийся Кемскими в сфере родового землевладения. Покупателями вотчины выступил не кто-то один, а все представители ветви. Одним из пунктов купчей было обязательство братьев не отчуждать вотчину «мимо своих дядь», а послухами выступили еще жившие в то время Иван и Афанасий Давыдовичи.

Братья Юрьевичи, видимо, так и не разделили вотчину отца и владели ей и прикупом совместно. Во всяком случае, в 1515 г. последний из братьев – Данила Юрьевич, в духовной распоряжается всей вотчиной отца и прикупом на Кодобое³.

Реализация завещания Данилы Юрьевича знаменует собой важный этап в развитии родового землевладения Кемских. Ветвь Юрьевичей на нем пресеклась. Формально никого из Кемских уже не связывала договоренность о неотчуждении вотчин за пределы рода, прописанная в документах конца XV в. Все дети Давыда Семеновича к тому

³ ОР РНБ. СПбДА. А1/16. Л. 914 об.–917 об.

времени умерли, а общее число мужских представителей рода к концу второго десятилетия XVI в. приближалось к полутора десяткам. По завещанию половина вотчин Данилы должна была перейти в монастыри, а вторая – быть продана. Общая их стоимость – 200 руб. делала затруднительной выкуп одним лицом. В обычной ситуации это стало бы предпосылкой для выхода вотчины из рода и, соответственно, началом разрушения родового землевладения. Однако, потенциальный кризис был успешно преодолен. Возможным это стало потому, что в духовной было прописано право родственников Данилы Юрьевича выкупить вотчину, и указана ее справедливая, а не завышенная цена. Но ключевым стало то, что Кемские применили наиболее рациональную в сложившихся условиях тактику. Стоимость всех вотчин была разделена на три равные доли, по количеству оставшихся ветвей Кемских, вне зависимости от числа мужских представителей в каждой из них. Таким образом, на долю каждой ветви пришлось всего 66 руб. По этому же принципу позднее была поделена и вотчина (по третям в 1520 г. разделено с. Гридинское, а в 1524 г. и вотчина в Кеме). Дальнейшее распределение получившихся третей было уже внутренним делом каждой из ветвей.

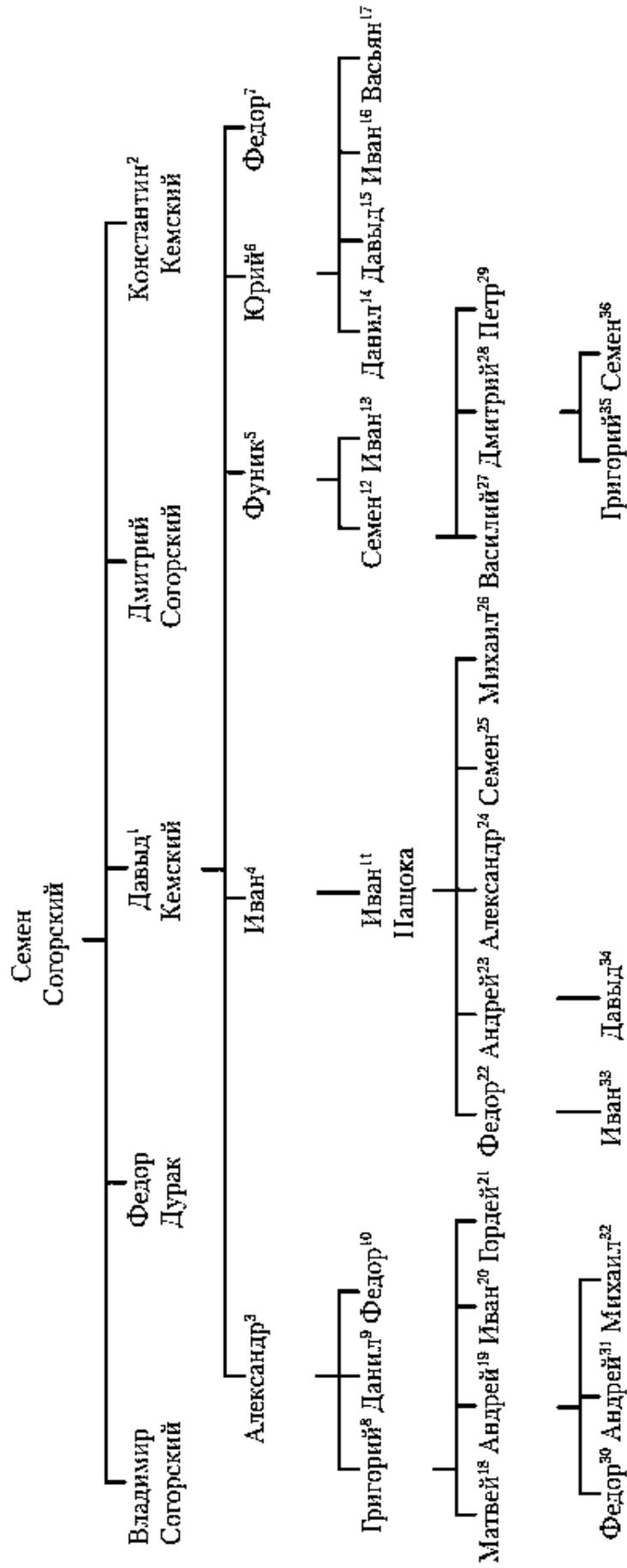
В последующем четыре десятилетия больше ни одна из ветвей не пресекалась, и основой земельной политики Кемских стал принцип распределения выморочных вотчин внутри отдельных ветвей.

В старшей ветви дети Григория Александровича первое время владели вотчиной, не разделяя ее. В документах 1524 г. Матвей и Андрей действуют еще и от имени младших братьев Ивана и Гордея. Однако, после выкупа вотчины Данилы Юрьевича, братья делят отцовскую вотчину и прикуп на четыре выти⁴. Таким образом, вотчина старшей ветви оказалась раздроблена на пять частей (отдельная вотчина на тот момент уже была у Федора Александровича). В 1530/31 г., вероятно, после гибели младших братьев, Матвей и Андрей делят выморочные вотчины между собой, а в 1538/39 г. они же поровну разделяют и вотчину своего дяди Федора⁵. Таким образом, владения старшей ветви Кемских, образовавшиеся в последней трети XV в., к 1540-м гг. были разделены всего на две части.

⁴ Там же. Л. 887–889.

⁵ Там же. Л. 893–893 об.; 935 об.–936 об.

Князья Кемские в XV – XVI вв.

Крупнейший землевладелец Белозерского у. первой трети XVI в. Иван Нащока Кемский в своем завещании (1533 г.) продолжил многолетнюю родовую традицию. Он разделил обширную вотчину между пятью сыновьями, завещав в монастыри только денежные вклады. Его духовная грамота завершалась пространным наказом сыновьям о правилах распоряжения родовой вотчиной: «А опроче того моего благословения жаловал я моим детем Федору, и Андрею, и Александру, и Семену, и Михаилу о землях, о моей вотчине и о моем прикупе, как есми их пожаловал и благословил: о тех землях спору меж собою нет, ни переделу. А которому сыну моему будет не до земли, и ему мимо свою братю не продати, ни променити, ни отдати никому. А которой мой сын кончатца бездетен, и братья велят землю оценити людем добрым по пряму, чего земля стоина, да цену роздадут по монастырем и по церквам божьим по его душе и по всему роду, а землю поделят себе по жеребьем»⁶.

Земельных споров между братьями Нащокиными действительно неизвестно, однако сразу же после утверждения завещания Андрей и Семен Ивановичи нарушили один из его пунктов, поменявшись всеми вотчинами⁷. Как бы то ни было, но в следующие два десятилетия пятеро братьев Нащокиных руководствовались завещанием отца и неоднократно упоминали его наказ о сохранении вотчин в руках семьи.

По какой-то причине Андрей решил расстаться с вотчиной в Кеме и в 1541/42 г. продал ее брату Семену⁸. В 1547 г. умер один из братьев Нащокиных – Михаил. Наследников у Михаила не осталось и поэтому двое его братьев и двое племянников составили договорную грамоту в соответствии с родовой традицией: «что божья воля стала, брата нашего князя Михаила... в животе не стало бездетна... и приказал нам отец наш князь Иван... которой из братьи кончается бездетен и нам его жеребей земли велети оценити людем добрым попряму, чего земля стойна, да цену роздати по монастырем и по церквам божиим по его душе и по всему роду, а землю себе поделити» [5, № 259]. Вотчина была оценена в 300 руб. и каждый из родственников заплатив четверть этой суммы, получил право на четверть вотчины Михаила Ивановича⁹.

⁶ Там же. Л. 912–912 об.

⁷ Там же. Л. 933–934.

⁸ РГАДА. Ф. 281. № 783.

⁹ Во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря записан вклад Давыда

Принцип пропорционального участия каждой из линий наследников в выкупе и разделе вотчины в этом случае был соблюден, да и вотчина по сложившейся традиции была оценена сравнительно недорого. Однако в случае с Михаилом Нащокиным проявляется новый момент. Договорная грамота была составлена в 1550/51 г., но еще в июле 1548 г. Федосей, Александр и Семен Нащокины по душе брата дали в Корнилиево-Комельский монастырь вотчину в Ухтоме, которую Михаил купил в 1545/46 г.¹⁰ Следовательно, купля самого Михаила, не зафиксированная в духовной отца, могла быть отчуждена.

1550/51 г. датируется духовная грамота Семена Нащокина. По ней бездетный князь завещал свои вотчины в Кириллов монастырь, но оговаривал возможность их выкупа родственниками: «А будет моей братьи и моим племянником до тех земель, и оне велят землю оценить людем добрым по отца нашего духовной грамоте, да цену дадут в Кирилов монастырь» [10, с. 82].

Поскольку из Казанского похода Семен Иванович вернулся живым, его духовная не была реализована, а со второй половины 1550-х гг. характер распоряжения вотчинами у Кемских меняется.

В 1556/57 г. Александр Нащокин начинает подготовку к продаже своей пошехонской вотчины в Кириллов монастырь. Он проводит межевание с князьями Дябринскими¹¹, выменивает у брата Семена его часть вотчины на Кодобое [5, № 05] и в итоге продает комплекс с. Николькое Кукобой Кириллову монастырю¹². В этом же году свою кемскую вотчину продет в Кириллов монастырь и Семен Иванович [10, с. 83-84]. Грамоты братьев составлялись одновременно, в них одни и те же послухи и писец. Ключевым пунктом обеих сделок был запрет на выкуп вотчин.

Причины, заставившие братьев отказаться от традиционной родовой практики Кемских, пока неясны¹³. Во всяком случае, Александр Иванович продолжал владеть вотчиной в Кеме, которая после его

Андреевича Кемского в 75 руб. «за вотчину, что ему досталось княж Михаиловы отчины четвертой жеребей» [1, с. 36].

¹⁰ РГАДА. Ф. 281. № 9755. Л. 25; ОР РНБ. Q.IV.1136. Л. 204 об.–205.

¹¹ ОР РНБ. СПбДА. А1/17. Л. 199–202.

¹² Там же. Л. 164–164 об.

¹³ Эти сделки не были вызваны тяжелым материальным положением братьев (по духовной 1550/51 г. у Семена Ивановича в казне Кириллова монастыря хранилось 200 руб., половину из которых он завещал брату Александру), а, вероятнее всего, связаны с получением Кирилловым монастырем в 1556 г. разрешения на приобретение вотчин стоимостью 2000 руб. [2, № 246].

смерти в 1564 г. была отписана на царя¹⁴. Как бы то ни было, но в последующие годы остальные Кемские продолжали сохранять верность семейным традициям. Например, Давыд Андреевич Нащокин видимо, специально для вклада в Кириллов монастырь в три приема приобрел у князей Ухтомских доли в с. Борисоглебском и на следующий год (в 1570/71 г.) дал его в монастырь¹⁵. Из вкладов старшей ветви Кемских известна только данная 1567 г. на луг в Ферапонтов монастырь [5, № 116], что явно не могло привести к значимому ущербу для родового землевладения этой ветви.

Реконструкция истории землевладения князей Кемских показывает, что вплоть до 1560-х гг. в руках рода сохранялась большая часть наследственных владений [6, с. 296-298]. Кемскими был найден довольно тонкий баланс между индивидуальными и коллективными интересами [8]. Положения семейной традиции, ограничивающей выход вотчины из рода, многократно, на протяжении четырех поколений артикулировались в духовных и деловых грамотах. Практическая реализация этих установлений выработала разделение потенциальных участников раздела выморочной вотчины на три уровня. Первый – братья. Второй – дядья и племянники. Третий – представители разных ветвей рода.

Эффективность этой стратегии видна в сравнении с историей родового землевладения Ухтомских и Шелешпальских, которые к 1570-м гг. потеряли контроль над большей частью территории Ухтомы и Шелешпала [7, с. 14; 9, с. 136-137]. Успешная реализация стратегии Кемских была возможна только при условии того, что ее поддерживали все представители рода. Важно это было и в том плане, что в каждом из поколений были бездетные князья и, соответственно, выморочные вотчины. Тем не менее, неизвестно ни одного случая, когда представители какой-либо ветви вмешивались в поземельные отношения другой ветви, а переход в Кириллов монастырь кемской вотчины Семена Нащокина остался единственным эпизодом выхода крупной вотчины из рода. Усложнение и модифицируемость стратегии Кемских свидетельствуют о ее практическом применении и трансформации в соответствии с изменяющимися обстоятельствами. Эффективность и адекватность этих изменений позволили сохранить в Белозерье крупное княжеское землевладение вплоть до 1570-х гг.

¹⁴ РГАДА. Ф. 281. № 9694.

¹⁵ ОР РНБ. СПбДА. АИ/17. Л. 143–146.

1. *Алексеев А.И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. №3/4.
2. ААЭ. Т. I.
3. АСЭИ. М., 1958. Т. II.
4. АСЭИ. М., 1964. Т. III.
5. АЮ. СПб., 1938.
6. *Грязнов А.Л.* Землевладение князей Кемских в XV – XVI вв. // Исследования по истории средневековой Руси. СПб., 2006.
7. *Грязнов А.Л.* Кризис родового землевладения князей Ухтомских во второй половине XVI в. // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. Вологда, 2014.
8. *Грязнов А.Л.* Отражение индивидуальных и коллективных интересов в сфере родового землевладения князей Ухтомских // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
9. *Грязнов А.Л.* Родовое землевладение князей Шелешпальских в XV–XVI вв. // Историческая география. М., 2014. Т. 2.
10. *Дебольский Н.Н.* Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900.
11. *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
12. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI веков. М.; Л., 1951.

УДК 94(47).045

Д.М. Володихин¹

Характер конфликта полковых воевод князя Д.В. Щени и боярина Ю.З. Кошкина в 1500 г.

Россия; московско-литовские войны; аристократия; военно-политическая элита; родовая честь; местничество.

В конце XV – начале XVI столетия в новорожденном Московском государстве складывалась военно-политическая элита. В связи с этим чрезвычайно важным оказались сформировать единый организм элиты из нескольких разнородных элементов, обеспечить ей сохранение родовой чести и высокий уровень материального благосостояния. Названные задачи выполнялись через преодоление конфликтов, один из которых, самый известный, анализируется в статье.

На рубеже XV–XVI столетий Россия вела масштабную войну с Великим княжеством Литовским за территории «Литовской Руси». Наступление на литовском направлении являлось на тот момент для Москвы приоритетной задачей. Важность его была очевидна как для великого князя Ивана III, так и для рождающейся российской военно-

¹ Володихин Дмитрий Михайлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., volodih@yandex.ru.

политической элиты.

Тем не менее, незадолго до битвы на Ведроше 14 июля 1500 г. в среде полковых воевод возник острый конфликт, потребовавший прямого вмешательства Ивана III. Предыстория его такова: в первой половине 1500 г. Москва двинула полки на Дорогобуж. Полевое соединение, отправленное Иваном III, возглавлял боярин Юрий Захарьич (первый воевода Большого полка) [12, с. 60] из древнего рода Кошкиных. Весной 1500 г. Дорогобуж был взят [13, с. 250].

Падение Дорогобужа спровоцировало контрнаступление литовских войск. Как свидетельствует летопись, Иван III направил на подмогу войскам Ю.З. Кошкина «тверскую силу»; новое русское наступление было направлено к Ростиславлю и Ельне, «ходили» с московскими полками князь Даниил Васильевич Щеня (Гедиминович), а с ним отряды удельных князей Семена Ивановича Стародубского и Василья Ивановича Шемячича [12, с. 60-61; 13, с. 250].

Перед столкновением с главными силами ВКЛ русские полки из состава двух полевых соединений слились в одно, и произошло «перераспределение» воевод по «разрядным» спискам, присланным из Москвы. Место первого воеводы Большого полка (в сущности, командующего полевым соединением) занял князь Щеня, а Ю.З. Кошкин получил пост первого воеводы в Сторожевом полку [12, с. 61].

Ю.З. Кошкин, увидевший, что его после взятия Стародуба оттеснили от командования и поставили возглавлять слабейший или, во всяком случае, один из слабейших полков, возмутился. В Москву полетела грамота, отражающая величайшую досаду полководца. А из столицы пришел весьма строгий ответ: «Писал к великому князю боярин Юрьи Захарьич, что... ему в сторожевом полку быти немочно»...: «То де мне стеречь князя Данилова полку Щенятева». И князь великий приказал Юрью...: «Горазда ль так чинить, говоришь, что не хочешь быть в Сторожевом полку? И тебе стеречь не князь Данила, стеречь тебе меня да мое дело, а каковы воеводы в большом полку, таковы воеводы чинят и в Сторожевом полку, ино не сором тебе быть в сторожевом полку» [11, с. 30; 12, с. 61].

Как полководцы Ю.З. Кошкин и князь Д.В. Щеня далеко не равны по заслугам перед престолом. Так, Юрий Захарьич известен в качестве военачальника с похода на Казань 6993 (1485/1486) г., где он был вторым воеводой при князе В.И. Оболенском; до того вельможа фигурирует в источниках лишь как сын боярский, сопровождавший великого князя в походе к Новгороду 1479-1480 гг., да как волостель на Двине [11, с. 19, 20; 12, с. 26; 8, с. 184]. В августе 1499 г. его, в чине воеводы полка Правой руки, вновь послали под Казань (защищать тамошнего подручника Москвы хана Абдул-Латифа от «шибанских царевичей») [11, с. 28; 12, с. 56]. Первым и единственным назначением Юрия Захарьича на пост первого воеводы Большого полка в са-

мостоятельном полевом соединении (иначе говоря, на должность «командарма») относится к 1500 г., т.е. к эпизоду с завоеванием Дорогобужа. Служилая биографии князя Д.В. Щени – более насыщенная; ее уже изучили В.В. Каргалов и Н.С. Борисов [9, с. 195–222; 12, с. 132–150]; вкратце, Даниил Васильевич ко времени военной кампании 1500 г. уже занял место одного из самых высокопоставленных полководцев Ивана III; именно он взял Вятку (Хлынов) в 1489 г. и отобрал у литовцев Вязьму (зима 1492/1493 г.) [9, с. 195–196; 14, с. 74–75], а также возглавлял русские войска в целом ряде иных походов. Для всего воеводского корпуса России было ясно: Щеня стоит и по заслугам, и по тактическому опыту выше Юрия Захарьича.

Во время предыдущей московско-литовской войны в 7001 (1493/1494) г., состоялся поход московских полков во главе с сыном Ивана III Василием к Твери (где Василий Иванович получил княжение), во время которого Юрия Захарьича поставили иерархически ниже князя Д.В. Щени (вторым воеводой, в то время как Щеня числился первым воеводой), однако недовольства в тот раз Юрий Захарьич не высказал [11, с. 23; 12, с. 36]. А во время русско-шведской кампании 1495–1496 гг. воеводское старшинство князя Д.В. Щени без споров дважды принимал старший брат Юрия Захарьича, Яков [11, с. 26–27; 12, с. 38, 42, 49].

И вдруг – столь явное, столь необычное для московского военного быта тех лет проявление коренного несогласия со старшинством вышестоящего военачальника! Коллизия 1500 г. имеет социальную подоплеку, притом весьма серьезную, и подоплека эта уже дискутировалась в трудах целого ряда историков.

Некоторые специалисты видели в яростном выступлении Юрия Захарьича исток местнической системы, которая утвердилась в вооруженных силах России в XVI столетии и фактически подчинила себе кадровый подбор на уровне воевод². Если рассматривать столкновение Юрия Захарьича с князем Щеней через призму местнических канонов, то досаду боярина следует объяснять тем, что его род поставлен слишком низко, ниже рода Щени. Соответственно, боярин не признает правоты государя, наносящего урон родовой чести, но государь все равно сообщает ему: пост придется занять.

С точки зрения обычаев и порядков второй половины XVI столетия, конечно, виден проигрыш местнического столкновения, но, надо отметить, в конце XV столетия названной системы еще не существует.

Поэтому другие историки отрицали подобный подход к инциденту 1500 г. Так, А.И. Маркевич писал: «Мы полагаем, что Юрий

² Н.С. Борисов, например, четко высказался на сей счет: «Этот конфликт – первый в московской истории местнический спор» [2, с. 487].

Захарьич не местничался с князем Д. Щеней, а не хотел лишь быть в сторожевом полку, полагая, что эта служба для него низка. Отказ этот, собственно говоря, не имеет даже местнического характера». Не увидел в столкновении Ю.З. Кошкина с князем Д.В. Щеней «в полном смысле местничества» и А.А. Зимин [10, с. 246; 6, с. 110; 8, с. 298–299].

Действительно: во-первых, от того времени не дошло ни единого свидетельства о «местнических тяжбах», столь обычных для более позднего периода³; во-вторых, странно то, что семью годами ранее в аналогичной ситуации Ю.З. Кошкин промолчал; в-третьих, о совершенно ином характере конфликта говорит разъяснение, которое отправил в войска сам великий князь. Иван III велел напомнить боярину о примере, который, с точки зрения государя, отлично подходил к ситуации. Относительно недавно «...были на Костроме воеводы по полкам: в Большом полку – князь Олександр Федорович Ростовской; в Передовом полку – князь Иван Васильевич Стригин Оболенской; в Сторожевом полку – Федор Давыдович» [12, с. 62].

Федор Давыдович Хромой – один из крупнейших государственных деятелей эпохи Ивана III, видный полководец, знатнейший аристократ из рода Акинфа Великого, к тому же, супруг дочери Я.З. Кошкина. Боярский чин он получил раньше Юрия Захарьича, притом минуя чин окольникового [4, с. 72–73]. По понятиям того времени, положение Федора Давыдовича при дворе сопоставимо со статусом самого Юрия Захарьича, если не выше. Иными словами, если уж сам Ф.Д. Хромой, человек великого рода и высокого положения, не протестовал против назначения его воеводой в сторожевой полк, то и Юрию Захарьичу, вроде бы, не на что обижаться.

Но такая аргументация очень далека от обычного хода местнического дела. Случись местническая тяжба, и обе стороны стали бы приводить собственные службы и службы своих родственников (как живых, так и уже почивших), отыскивая, кто из них стоял выше, сопоставляя служебный статус прямо и косвенно – порой, через очень дальнюю родню. Подобного рода «дел» известно огромное количество, они однотипны. В данном случае все выглядит иначе: Иван III напоминает Юрию Захарьичу, что другой знатный человек из его социального слоя (нетитулованная знать, древние московские бояр-

³ Древнейшее местническое дело опубликовал Ю.М. Эскин [15, с. 75]. Оно относится к 1534 г. Что же касается более раннего периода, то можно проследить, как формировалась система местнического старшинства еще в XV столетии, но за все правление Ивана III не получается назвать строго определенно хотя бы одну из местнических тяжб, хотя бы по косвенным свидетельствам источников. Они начинаются в правление Василия III. Тот же Ю.М. Эскин, на протяжении многих лет исследовавший местничество, считает, что о функционировании этого института «можно говорить только с XVI в.» [16, с. 30].

ские рода) согласился возглавить слабый Сторожевой полк, притом в ситуации, когда во главе полевого соединения стоял не сам государь, не член его семьи, а всего лишь один из служилых князей. Значит, речь идет не о личном и не о родовом ущербе, который был ему нанесен, как считает З.Ю. Кошкин, а об ущербе иного рода: унижении общественной группы, представителем которой он являлся.

Боярские рода Москвы, столетиями верно служившие государям московским, имевшие значительный вес при дворе, в то же время, не могли похвастаться хотя бы каплей княжеской крови в жилах.

При Иване III, в начальный период строительства Московского государства, выходцы из боярских семейств все еще занимали высокие посты в московской администрации, пребывали на наместничестве в иных городах России, а также на воеводстве в крепостях и действующих на фронте полевых соединениях. Однако изменения в политическом устройстве державы необходимо вели к метаморфозам в социальном статусе московского боярства. Удовлетворяя амбициозные запросы княжеской аристократии, Иван III должен был отдать часть военных, судебных, административных компетенций титулованной знати. Следовательно, нетитулованную знать (боярские рода Москвы) ожидало прощание с той частью управленческого «пирога», которая отныне отымалась у них и переходила к новым «пользователям».

Специалисты отмечают: при Василии III «...нетитулованная часть боярства в Думе стала уменьшаться... Княжата Северо-Восточной Руси потеснили старомосковских бояр». Но еще при его отце, в 1490-х гг., чин боярина и место в Боярской думе стали занимать в большинстве своем именно княжата: уже в 1498 г. из 12 держателей боярского чина только три (!), а именно Яков и Юрий Захарьичи, а также А.Ф. Челяднин, представляли старинные боярские семейства Москвы, прочие же являлись выходцами из различных княжеских домов» [7, с. 171; 8, с. 286–289].

Схожие процессы начались и в вооруженных силах.

О масштабе их судить трудно, поскольку полноценную картину происходящего в вооруженных силах Московского государства дает лишь один источник – разрядные записи, а они сохранились со всей подробностью и регулярностью только с последней четверти XV столетия, не ранее. Однако обилие разрозненных известий в ранней части разрядных книг и в летописании о военно-административных поручениях, которые великий князь московской Василий II а затем его сын Иван III возлагали на выходцев из древних родов нетитулованной московской знати, позволяет высказать приблизительную оценку: примерно 30-40 % крупных воинских операций совершается тогда под командованием представителей этой части служилой аристократии. Ситуация коренным образом изменяется примерно с середины 1480-х:

с этого момента на протяжении полутора десятилетий московскими полевыми командованиями командует почти исключительно «княжье»; лишь в виде исключения старшим воеводой нечасто назначается Яков Захарьич Кошкин⁴.

Думается, в середине 1480-х – второй половине 1490-х социальный слой старинного московского боярства, традиционных привилегированных «слуг государевых», должен был почувствовать серьезное кадровое ущемление как в Боярской думе, так и в войсках. Притом ущемление это не являлось случайным или временным, оно успело превратиться в целенаправленную политику.

Первая половина 1500 г. как будто обозначила поворот в противоположную сторону. Незадолго до того подверглась опале крупная придворная «партия» княжат-Гедиминовичей Патрикеевых с родней, брачными свойственниками и союзниками. А в первые месяцы боевой кампании 1500 г. на места «командармов» в войсках, направленных «на литву» были поставлены Я.З. Кошкин (традиционно), Ю.З. Кошкин и новгородский наместник А.Ф. Челяднин (старший государев воевода в большой рати, где «по чести» формально первенствуют удельные князья Волоцкие Федор и Иван Борисовичи) [11, с. 29–30; 12, с. 57–58].

С большой долей вероятности можно предположить, что этот административный поворот 1500 г. вселил в представителей древних родов нетитулованной московской знати неоправданную надежду на возврат прежнего ее положения, на усиление ее влияния в вопросах рекрутирования управленческих кадров. И последовавшее вскоре назначение Я.З. Кошкина на должность, которая предполагала, что он будет «сторожить» армию Д.Н. Щени во главе слабейшего из полков, очевидно, привела к жестокому разочарованию. А за ним последовала раздраженная реакция боярина. Однако это разочарование носило, скорее всего, характер обиды социальной (а не личной и не родовой), обиды, проартикулированной одним крупным военным деятелем за весь слой старомосковского боярства. Как Я.З. Кошкин, так и прочие представители названного слоя получили от великого князя ясный сигнал: никакого возврата не произойдет.

1. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного госу-

⁴ Возможно, роспуск целого ряда «дворов» московского боярства накануне последней московско-тверской войны, опала на бояр В.Б. и И.Б. Тучко-Морозовых (в то же самое время) и «оттаскивание» представителей этого слоя от руководства вооруженными силами взаимосвязаны [5, с. 162; 1, 358]. Видимо, происходило своего рода «усмирение» московского боярства, привыкшего к ведущей роли в делах государственного правления да и, в какой-то степени, на ниве воинского командования.

- дарства. Вторая половина XV века. М., 1952.
2. *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.
 3. *Борисов Н.С.* Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993.
 4. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
 5. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910.
 6. *Зимин А.А.* Источники по истории местничества XV – первой половины XVI в. // АЕ за 1968. М., 1970.
 7. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982.
 8. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
 9. *Каргалов В.В.* Полководцы X–XVI вв. М., 1989.
 10. *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888.
 11. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
 12. Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.
 13. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859.
 14. *Темушев В.Н.* Первая Московско-литовская пограничная война 1486-1494. М., 2016. Изд. 2-е, перераб.
 15. *Эскин Ю.М.* Литва и Русь в 1534-1536 гг. Новые документы // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. Сер. 8. История. 1999. № 4.
 16. *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.

УДК 94(47). 041

В.Д. Назаров¹

**Иван III, Софья Палеолог и князь Василий Холмский
(к истории политической борьбы в России
на рубеже XV–XVI веков)**

Династический кризис конца XV – начала XVI веков; Иван III как арбитр политической борьбы придворных «партий»; Софья Палеолог и Василий III; клан кн. Патрикеевых; кн. Д.Д. Холмский и его сыновья, Семен и Василий.

В работе предпринят системный анализ политического процесса в Российском государстве в 1490-е – 1500-е гг. в контексте комплекса внутренних и международных событий с уточнением персонального состава противостоящих группировок и их ориентации на того или иного претендента на статус соправителя-наследника Ивана III. Основанием служит получение новой, ненамеренной (попутной) информации из традиционных нарративных и документальных текстов. Это позволило во многом уточнить мотивы и формы борьбы придворных «партий», меняющийся статус Ивана III как модератора и арбитра, роль

¹ Назаров Владислав Дмитриевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), vnaz@zmail.ru.

Софьи Палеолог и старшего ее сына Василия, позиции кн. Холмских и клана кн. Патрикеевых.

В недавней нашей работе [19, с. 73-81] мы обратились к дискуссионным вопросам политической жизни русской элиты в 1497-1502 гг. (краткую характеристику новейшей историографии см.: [19, с. 73, 76-77]). Суммируем ее выводы. Только контекстный и системный анализ летописных известий и документальных текстов позволяет объективно оценить политическое влияние великой княгини Софьи Палеолог. В частности мы выделили цепочку важных событий с указанием не только точной даты, но и дня недели, а именно четверга – знакового, счастливого дня в ее московской жизни [19, с. 73-76]. Ниже мы несколько «удлиним» событийный ряд четвергов. Сейчас же скажем о второй составляющей такого анализа. Только максимально полный биографический контекст (и диахронный, и синхронный событиям названных пяти лет) позволит сравнительно объективно описать позиции, ориентации и мотивы противостоящих придворных «партий», роль самого великого князя как арбитра и решающей силы. В ряду «четвергов» свое немаловажное место занимает и свадьба дочери Ивана III и Софьи Феодосии и кн. Василием Даниловичем Холмским. Мы уже отчасти касались этого сюжета [19, с. 75, 78-79], но он требует более детального рассмотрения.

1. Ах, эта свадьба.

Информацию о ней находим в летописях и текстах разрядной документации. Сначала о первых. Остается дискуссионным вопрос о своде 1500 г. или его фрагменте о событиях за 1497-1500 гг. [14, ч. 200-2020]. На наш взгляд, речь должна идти о подготовительных материалах, своеобразном черновике нереализованного проекта, в котором, скорее всего, известие о свадьбе Феодосии и Холмского отсутствовало [28, с. 211]; впрочем, в данном фрагменте свода 1539 г. налицо механическая утрата части начала годовой статьи за 7008 г.; ср. также: [12, с. 279-280]. Нет ее и в некоторых иных памятниках, к примеру в Типографской летописи, которая в этой части была неофициальным продолжением ростовского вкладычного свода 1489 г. [25, с. 214]. Но официальные летописи первой половины XVI в. сообщают об этом факте. Архетипным является известие великокняжеского свода 1508 г.: «Того же месяца февраля 13 в четверток князь великий Иван Васильевич дал дочь свою Феодосию за князя Василья Даниловича Холмского, и венчал их митрополит Симон в церкви Пречистыя» [27, с. 173]. Несмотря на лапидарность, текст весьма показателен.

Венчание происходит в кафедральном храме Московской митрополии, венчает же вступающих в брак сам митрополит. Подобной информации не содержат тексты о свадьбах младших братьев Ивана III, кн. Андрея Большого и Бориса, хотя происходили они в Москве. Аналогична ситуация и с браком великого князя Ивана Ивановича, сына и соправителя Ивана III от первой жены. А ведь его невестой была Елена, дочь господаря Великого княжества Молдовы Стефана Великого. В январе 1506 г. Василий III «пожаловал» новокрещеного царевича Петра (Кудайкула, из династии казанских Чингисидов), женил его на своей родной сестре Евдокии. Но венчал их в Успенском соборе архимандрит Новоспасского монастыря Афанасий [27, с. 148-149, 162, 177].

Проведенное сравнение однозначно фиксирует высокий знаковый статус события в контексте семейной жизни Ивана III, а соответственно и политической истории общества. Впрочем, есть одна странность, требующая разъяснений: 13 февраля 1500 г. было не четвергом, а вторником. Пасха в этом году пришлась на 19 апреля и в точном соответствии с этим 12 апреля (в «неделю цветную») великий князь принял перешедшего к нему на службу кн. С.И. Бельского, а выступление из Москвы рати во главе с боярином Я.З. Кошкиным-Захарьиным имело место в воскресенье 3 мая [27, с. 173]. Не исключено, что перед нами простая ошибка. Но скорее более вероятно другое объяснение: свадебные торжества такого ранга продолжались 3 дня. Начавшись во вторник 13 февраля, они завершились в четверг 15 февраля. Использование же четверга как дня события в целом предполагает и знакомую роль Софьи в нем, и тот факт, что составители свода 1508 г. сохраняли эти ее предпочтения.

Знаковость свадьбы Холмского и Феодосии еще нагляднее фиксирует ее разряд. Его текст содержит только имена и фамилии (или отчества) участников торжеств с выделением думных чинов и очень кратким описанием функций отдельных лиц. При этом налицо большие расхождения в их численности в различных источниках. В официальной разрядной книге 1598 г. (а она восходит к аналогичному источнику 1556 г.) названо 29 чел. [29, с. 16-17], в частной редакции 1605 г. 9 чел. [30, с. 63], а в так называемых свадебных сборниках фигурируют более 160 чел. [7, с. 1-5; 31, с. 36-37]. К сожалению, системного анализа этих источников в литературе нет, отсутствуют и качественные публикации их текстов, издания же конца XVIII и середины XIX в. (при всем уважении к публикаторам) вряд ли могут претендовать на соответствие современным археографическим требованиям.

Тем не менее, приходится ими воспользоваться при обязательном последовательном сличении их текста² и проверке именованных по иным источникам. Стоит добавить, что М.Е. Бычкова в свое время дала первичную классификацию около 10 рукописей свадебных сборников с привлечением ряда подлинников свадебных разрядов XVI в. [6, с. 104-139, особенно с. 107-115].

Какова же структура разряда свадьбы 1500 г.? В источнике фигурируют 164 чел. Исключим двух великих княгинь (Софью и вдову великого князя Ивана Ивановича Молодого), трех жен высокопоставленных участников действия (тысяцкого и двух дружек), священника Успенского собора Афанасия и 15 чел. детей боярских (их имена не приведены), составлявших свиту конюшего кн. В.Д. Холмского. Всего остается 143 чел., распределенных по трем группам. В первую входят главные организаторы и модераторы действия: тысяцкий (боярин кн. Д.А. Пенко Ярославский), дружки (боярин кн. П.В. Нагой Оболенский и окольный И.В. Чобот), трое их помощников (братья из рода Осокиных-Травкиных) и еще три человека со специальными функциями, включая Г. Афанасьева, конюшего [8, с. 1-2; 31, с. 36]. Остальные участники поделены между свадебными свитами, «поездами» Софьи (56 чел.) и кн. В.Д. Холмского (78 чел.), причем «поездане» великой княгини делились на думно-приказную часть – два боярина (Д.М. и Ю.М. Траханиоты, а также Юшка Малой, сын старшего Траханиота; о нем см.: [20, с. 358]), двое окольных (Г.А. Мамон и Д. Иванов, двоюродные братья из родового клана от А.Ю. Нетши) и двое дьяков³.

Какой же уровень представительности двора, разных его структур, первостатейной и второстепенной знати, титулованной и нетитулованной, дворцово-приказной среды демонстрируют перечни участников свадебных церемоний? Коротко говоря, весьма и весьма впечатляющий. Четверо бояр, из которых как минимум двое (кн. Д.А. Пенко, сохранявший наряду с боярством положение служилого князя с индивидуальным статусом, и блестящий дипломат Ю. Траханиот) входили

² Вот почему никак нельзя согласиться с тем, как использует источник при определении состава двора Ивана III А.Л. Корзинин – он опирается только на публикацию 1790 г. Н.И. Новикова [13, с. 363]. Большие возражения вызывает сам принцип построения подобных приложений.

³ Отметим композиционные отличия изданий. У Н.И. Новикова после организаторов церемоний названы поездане кн. В.Д. Холмского, а затем свита Софьи, причем думцы открывают ее список, а дьяки заключают. У И.П. Сахарова первыми названы поездане Софьи, а дьяки названы в конце списка думных лиц.

в ближний круг при монархе.

Трое окольничих, из которых особенно заметные в 1480-е-1490-е гг. Г. Мамон и Д. Иванов [7, с. 1, 3-4; 31, с. 37]. Не считая двух бояр-князей, титулованную знать представляли 45 чел.: 4 чел. из княжеского дома суздальских Рюриковичей (в т.ч. три брата, кн. В.В., Д.В., И.В. Шуйские), 9 чел. из числа кн. Оболенских (двое в свите Софьи), 5 кн. Ростовских (двое у Софьи), 12 чел. ярославских Рюриковичей (трое при Софье), 9 чел. из корпорации Стародубских Рюриковичей, 3 чел. из числа Гедиминовичей (три кн. Булгаковы), 2 чел. из Белозерских Рюриковичей (один в свите Софьи) и 1 чел. из рязанских Рюриковичей. Итак, представители 8 княжеских домов, причем в свите великой княгини было 8 чел. Рюриковичей из четырех родовых кланов.

Не менее выразителен состав нетитулованной знати. Представлены две ветви (фамилии) Протасьевичей (Воронцовы, Вельяминовы), потомки Акинфа Великого (Давыдовы-Федоровы, Чулковы, Слизневы) и Ивана Морхини (Товарковы), Андрея Кобылы (Синие, Колычевы, Беззубцевы, Шереметьевы), фамилии Морозовых, Сабуровых, Плещеевых, Всеволож-Заболоцких, Добрынских (Хабаровы, Гусевы). Представительна и дворцово-приказная страта (Беклемишевы, Моревы, Еропкины, Плотовы, Травины, Голохвастовы и др.).

Итак, и количественный состав участников свадьбы 1500 г., их генеалогический спектр и принадлежность к разным статусным позициям в государевом дворе убедительно свидетельствуют: Иван III был едва ли не главным инициатором события и оценивал он его очень высоко. Ряд деталей позволяет думать, что и Софья сыграла активную роль в подготовке свадьбы и в ее ходе: дьяки были только в ее свите (а на них возлагались организационные заботы), в ее санях должна была сидеть Елена Волошенка, что подразумевало ее подчиненный, сугубо демонстрационный статус. И еще одно. Авторы синхронной летописной записи, а вслед за ними составители свода 1508 г. переименовали вторник 13 февраля в четверг, любимый день Софьи Палеолог. Показательно, что свита великой княгини была старше поезжан кн. Холмского (по совокупности данных об их службах).

2. Главные герои, мотивы, планы, результаты.

О главной героине до 1500 г. можно сказать только одно – она родилась 28 мая 1475 г. А всего в ее жизни три зафиксированных факта: рождение (она была вторым по счету ребенком Ивана III и Софьи), свадьба и смерть 19 февраля 1501 г. Как ни странно, но и о женихе биографических данных не больше. В октябре 1495 – марте 1496 г. он вместе со старшим братом Семеном фигурирует в списке

походного двора Ивана III [29, с. 25]. В разделе «князья и дети боярские с великим князем» они записаны на четвертой и пятой позициях. По косвенным данным думаем, что родился кн. Василий ок. 1472-1475 гг., что одним из результатов его пребывания в Новгороде в свите монарха стало получение им обширных поместий в Бежецкой и Деревской пятинах из конфискованных вотчин заметных новгородских бояр (частью вместе с братом). Конечно, те или иные военные службы в конце 1480-х-1490-х гг. он исполнял, но их уровень был таковым, что они не отразились в разрядах и иной документации. В отличие от него кн. Семен уже получал воеводские назначения в 1496 и 1497 гг. В последнем случае он во главе небольшой рати возвел на ханский трон в Казани царевича Абдул-Латифа [29, с. 28 с неточной годовой датой; 25, с. 243; 27, с. 170-171; 33, с. 239]. Другие его службы неизвестны, так что к 1500 г. его явно бы было в живых. Несколькими годами ранее, скорее всего ок. 1494-1495 гг. умер их отец кн. Д.Д. Холмский (см. ниже). Итак, вступивший в пору ранней зрелости тверской Рюрикович, единственный мужчина в семье (были живы его мать и вдова брата), аристократ, не обремененный думским чином и сколь-нибудь заметным опытом военных назначений, в одночасье оказывается мужем дочери великого князя. Случай совершенно уникальный. В XIV–XV веках московские княжны выдавались замуж за владетельных князей Северо-Восточной Руси, а также за зарубежных князей и будущих императоров. Но за своих бояр, а тем более за сыновей бояр (кн. Д.Д. Холмский стал боярином Ивана III не позднее октября 1479 г.) московские монархи своих дочерей не отдавали⁴.

Беспрецедентность возвышения кн. Василия Даниловича в литературе фактически не объяснена. А.А. Зимин в одной работе констатировал: «некоторых из влиятельных княжат венчали на великих княжнах», ссылаясь на брак в феврале 1500 г. [9, с. 245]. В другом исследовании он видит в кн. Василии «крупную политическую фигуру» (видимо, и до февраля 1500 г., хотя в контексте речь идет о 1505 г.), его брак он оценивает как «знак величайшего доверия к нему» со стороны Ивана III. При этом автор включает кн. В.Д. Холм-

⁴ Очень отдаленные параллели со свадьбой 1500 г. таковы. Кн. Ф.М. Мстиславского, эмигранта Гедиминовича, выехавшего на службу в Россию летом 1526 г., Василий III женил на своей племяннице, дочери царевича Петра и Евдокии, родной сестры московского государя. На второй их дочери, также Анастасии, 6 июня 1538 г. женился фактический правитель, кн. В.В. Шуйский. Кн. Холмский не был выезжим Гедиминовичем и тем более фактическим правителем.

ского в аристократические круги, «ориентировавшиеся в свое время» на Дмитрия-внука. К этим слоям он причисляет и кн. Д.В. Патрикеева Щеню [10, с. 112, 286, 288; о кн. Д.В. Щене см.: 10, с. 32-33; 18, с. 454-455]. Речь идет о переменах в Боярской думе в 1505 г. Аргументация не удивляет развернутостью: кн. Василий «происходил из среды тверских княжат, кн. Д.В. Щеня – из Гедиминовичей». Вряд ли такие доказательства могут считаться достаточными.

Если предположить наличие у кн. Василия покровителей, то следует говорить о двух боярах. Первый – А.Ф. Челядин, дочь которого Мария была замужем за кн. С.Д. Холмским. Боярин не позднее 1490 г., он был авторитетной фигурой, но, по нашему мнению, вряд ли входил в ближайшее окружение Ивана III. К тому же с 1498 г. и по лето 1500 г. он был наместником в Новгороде [10, с. 172; 24, с. 148]. Второй – кн. Данило Александрович Пенко, тысяцкий на свадьбе кн. Василия. Василиса, вдова кн. Д.Д. Холмского (она была дочерью И.И. Заболоцкого и внучкой знаменитого боярина 1420-х – 1430-х годов И.Д. Всеволож Заболоцкого) в своем завещании 1511 г. называет сыновей кн. Д.А. Пенко, Василия и Ивана, «моими внучатами». Характер родственных отношений остается неясным, но крепость связей двух семей подтверждает соседство в синодике Московского Успенского собора имен иноки Варсонофии кн. Д.Д. Холмского, в миру Василисы и иноки Марфы кн. Д.А. Ярославского в миру Марии [1, № 78, с. 84-85, 311-312]. Сомневаемся, однако, в реальных возможностях кн. Данила Александровича реализовать подобную протекцию. Решение такого уровня принимал исключительно Иван III.

Можно предположить, что он руководствовался как минимум двумя мотивами. Первый был связан со своеобразием положения кн. Д.Д. Холмского после выезда на службу в Москву в середине 1460-х гг. Это был именно выезд с утратой родовых вотчин и прав на них в Холмском уделе великого Тверского княжения. Последующие события ничего не изменили в этом плане. Ни присоединение Твери в 1485 г. и опала его старшего брата, кн. М.Д. Холмского (а это предполагало конфискацию его владений), ни годы правления в Твери великого князя Ивана Ивановича Молодого, ни последовательное описание тверских территорий «в московские сохи» в начале 1490-х не привели к восстановлению родовых вотчин у кн. Данилы и его сыновей. Тверским писцовым материалам первой половины XVI в. кн. Холмские неизвестны. Не было у кн. Д.Д. Холмского и служебно-статусных отношений ни с тверской Думой (ее состав осенью 1495 г. см.: [29, с. 26]), ни с «тверской силой».

Его родственные связи в московские годы его биографии (строго говоря, у него другой по сохранившимся источникам нет) ограничены старомосковскими боярскими фамилиями (Челядины, Заболоцкие, Ховрины; дочь кн. Данилы была замужем за И.В. Ховриным Третьяком). Возможное исключение – кн. Д.А. Пенко, который и сам отличался своеобразием: он был служилым князем с индивидуальным статусом (как единственный наследник последнего стольного Ярославского князя – см.: [16]) и боярином Ивана III. Тот же по составу, но более объемный, круг связей кн. Данилы фиксируют его поземельные акты [см., к примеру, 2, № 492, с. 532; 4, № 81, с. 163-165; № 227, с. 227 и др.]. Одним из поручителей по нему в дни недолгой опалы был И.Н. Воронцов, а свидетелями в поруке В.И. Замыцкий, И.К. Судимонт, И. Зиновьев [3, № 19, с. 35-36].

При этом кн. Д.Д. Холмский был блестящим военачальником, на протяжении 1468 – начала 1490-х гг. сыгравший решающую роль в масштабных победных кампаниях 1471 г., 1480 г., 1487 г. Боярство кн. Холмский получил не позднее осени 1479 г. и с этого времени он входил в ближний круг советников Ивана III. В конце 1492 – начале 1493 г. он был вторым после кн. И.Ю. Патрикеева в группе наиболее влиятельных и опытных воевод при Иване III наряду с кн. А.В. Оболенским и кн. С.И. Ряполовским [5, с. 52, 102-103, 113-117, 182-183 и др. с пропусками и неточностями; 10, с. 112 с неточностями; 23, с. 130-131; 29, с. 24].

Итак, перед нами тверской Рюрикович, не сохранивший никаких корней и связей ни с сородичами, ни с Тверской землей; не обросший поземельными, родственными и корпоративными связями с иными княжескими домами; не получивший от великого князя земель «в вотчину и в удел», и обязанный успехами своим трудам и талантам, а возможностью их реализовать и статусом исключительно московскому государю. Полагаем, что эти особенности биографии и статуса кн. Д.Д. Холмского Иван III так или иначе проецировал на единственного его живого сына.

Второй и, пожалуй, основной мотив Ивана III в «свадебном проекте» его дочерью с кн. Холмским – кризис политической системы и дисбаланс в окружении московского государя, в его думе. Наличие кризиса власти наглядно демонстрировала сохраняющаяся неопределенность с наследником: после марта 1499 г. в стране было два великих князя-соправителя при действующем монархе. Это противоречило нормам института соправительства, складывавшимся в Московском княжестве с конца XIV в. Дисбаланс разных фракций в окружении

великого князя отчетливо проявился в опале на старшего сына Софьи и Ивана III кн. Василия, саму Софью, в жестокой казни их сторонников в конце 1497 г. Но особенно наглядным дисбаланс стал в результате падения группы кн. Патрикеевых в конце 1498 – начале 1499 г. Кн. Иван Юрьевич, его сын кн. Василий «по печалованию» митрополита и владык не были казнены, их постригли и отправили «в железех» в Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри. Казни подвергся 5 февраля кн. С.И. Ряполовский, зять кн. Ивана. Характерно, что именно после этой опалы были прощены последовательно Софья, и затем и кн. Василий [27, с. 172; 12, с. 279; 19, с. 75, 79-81; 17, с. 455; 10, с. 31-32 с неточностями].

Одномоментно состав Боярской думы уменьшился на трех человек или примерно на 25 %. Но еще существеннее другое: кн. Иван Юрьевич был формальным и неформальным главой думы, его стаж великокняжеского наместника в Москве приближался к 30 годам, вообще в повседневности управления внутри страны и на международной арене он был в 1470-е – 1490-е годы вторым или третьим (при соправительстве с отцом кн. Ивана Ивановича Молодого) лицом в государстве. И еще. Гедиминович по происхождению, он по матери приходился близким родственником и Василию II, и Ивану III, он не был связан (как и его отец) поземельными или корпоративными связями с кланами Рюриковичей (брак его дочери имеет иное объяснение), это самостоятельная и притом мощная политическая фигура с огромным административным и военным опытом под сенью родственной близости к московским правителям.

Резюмируем. Иван III, по-видимому, имел намерение с помощью брачного проекта найти в лице нового родственника, кн. Василия Даниловича Холмского, своеобразную замену кн. И.Ю. Патрикееву и в своем ближнем круге, и в Думе. Конечно, с учетом разницы в возрасте (ок. 50 лет) и особенно в политическом и военном опыте, подобная смена никак не могла быть одномоментной. Указание на четверг как на дату свадьбы (причем неточное), сигнализируют нам, что планы Ивана III не вызвали противодействия со стороны Софьи (а значит и кн. Василия), ее отношение к проекту было, скорее всего, позитивным.

В литературе нет единой точки зрения на время получения боярства кн. В.Д. Холмским. Не входя в детальную дискуссию, отметим два обстоятельства. В источниках 1500-1508 гг. нет даже намек на то, что кн. Василий обладал статусом удельного князя или близкого к нему положения. Чиновная структура элиты не знала также статуса

«зятя великого князя». Нельзя полагать, что реальный зять государя на протяжении как минимум двух лет (а по Зимину и четырех: [10, с. 288, 290]) в практиках и в документации фиксировался в перечне «князья и дети боярские». Это было бы оскорблением особы монарха. Вот почему следует считать верной датировку в Шереметьевском списке думных чинов получения Холмским боярства 7008 годом.

Насколько намерения Ивана III были реализованы? Информация о назначениях и службах кн. В.Д. Холмского 1502-1508 гг. объемна, но в ней мы не найдем однозначного ответа. Прежде всего, нет никаких сведений за 1500-1501 гг. Для нас остается неясным, почему это так. Последующие годы четко делятся на два периода: 1502-1504 и 1505-1508. Приглядимся к его службам. Уже первое воеводское назначение оказалось не только военной службой. Во главе похода на Смоленск летом-осенью 1502 г. Иван III поставил третьего сына от Софьи кн. Дмитрия Жилку. С ним были московские и рязанские удельные князья, служилые князья с индивидуальным статусом с уже московской Северы. Но реально пятью полками командовали великокняжеские воеводы, первым их которых (в Большом полку) назван кн. В.Д. Холмского [29, с. 34]. Показательно, что вслед за ним фигурирует Я.З. Кошкин-Захарьин (боярин с 1479 г., военный стаж более 30 лет), что воеводствовали в менее значимых полках кн. И.М. Репня Оболенский, кн. Ф.В. Телепень Оболенский, кн. М.Ф. Карамыш Курбский, поезжане в свите кн. Василия в феврале 1500 г. [29, с. 34; 7, с. 2; 31, с. 37; 10, с. 183-184]. Главная цель операции не была выполнена, Смоленск не была взят, зато по приказу из Москвы была предпринята дипломатическая акция.

В документе от 27 августа предлагалось отправить грамоту радным панам Великого княжества Литовского (текст ее прилагался) от имени «боярина кн. Василия Даниловича, воеводы московского, боярина кн. Данилы Васильевича [Щени. – *В.Н.*] воеводы новгородского, Якова Захарьича воеводы коломенского» [32, с. 335-357] (кн. Д.В. Щеня действительно был новгородским наместником: [22, с. 148]; его воеводства в 1602 г.: [29, с. 32]). Сюжет имел продолжение, но пока обратим внимание на два обстоятельства. В апреле завершился династический кризис: 11 апреля были арестованы Дмитрий-внук и его мать. 14 апреля, в любимый Софьей Палеолог четверг Иван III венчал сына Василия «великим князем Владимирским и Московским самодержцем всея Руси» [27, с. 175; 19, с. 77-78]. Не исключено, что перед нами случайное совпадение двух событий одним годом. Но также возможно, что победа «партии» Софьи и Василия пробудила кн.

Холмского от служебной «спячки» в 1500-1501 г. Но вот другой факт не случаен: рать во главе с князем Дмитрием выступила из Москвы в четверг 14 июля 1502 г.

Ответные послания из Литвы поступали в Москву с гонцами в самом конце 1502 – начале 1503 г. Новые гонцы из Польши и Литвы появились в столице России в конце января 1503 г., а в марте начались переговоры с послами. Именованье кн. Холмского как в русской, так и в польской и литовской документации идентично: «боярин и наместник Московский», «боярин и воевода Московский». Великокняжеский дьяк расспрашивает гонцов от имени кн. Василия, а тот (по распоряжению Ивана III) приказывает гонцам быть «у себя на подворье». Прибывшие на переговоры литовские и польские послы обращаются к кн. Холмскому и боярам с просьбой о свидании, на котором передают грамоту на имя кн. Василия и других бояр с информацией об избрании литовского великого князя Александра, зятя Ивана III, польским королем. В марте 1504 г. Василий Данилович устроил в своей резиденции прием литовским послам накануне их отъезда [32, с. 339-340, 360, 362-363, 381-382, 463]. Кн. Холмский не возглавлял ответных боярских комиссий на переговорах, его статус первого боярина в Думе, наместника и воеводы Московского был иерархически выше. Его положение в эти годы в политической элите Русского государства хорошо сопоставимо (на основе дипломатических дел в обоих случаях) со статусом кн. И.Ю. Патрикеева в первой половине 1490-х гг. по основным параметрам. И тогда, и в 1502-1504 гг. речь идет о первых боярах в Думе, входивших в круг ближайших советников Ивана III, лицах, занимавших самые высокостатусные посты в системе управления. Эти наблюдения подтверждаются и другими данными.

В декабре 1503 г. при написании завещания Ивана III (датировка по С.М. Каштанову: [11, с. 198-202]) присутствовали четыре светских лица. Первым из них назван боярин кн. В.Д. Холмский, вторым – боярин кн. Д.В. Щеня, третьим – боярин Я.З. Кошкин-Захарьин, последним – казначей Д.В. Ховрин (сводку сведений о нем см.: [10, с. 272 с неточностями; 21, с. 111]). Высокая значимость этой службы понятна. Завещания великих князей были своеобразной конституцией для одного-двух поколений их наследников и, соответственно, для населения страны [8, с. 364]. Второй факт связан с местническим конфликтом между П.М. Плещеевым и П.Г. Заболоцким, который судил Иван III. Выданная Плещееву после процесса правая грамота от 3 июня 1504 г. зафиксировала присутствовавших на великокняжеском суде бояр кн.

В.Д. Холмского (он назван первым) и Я.З. Кошкина-Захарьина [28, с. 86].

Существенно иным было положение кн. Василия, начиная с 1505 г. Сфера его занятий – почти исключительно военная служба. Правда, практически во всех случаях он получал назначения в пяти-полковых войсках и исключительно первым воеводой Большого полка. Он участвовал в русско-казанской войне 1505-1507 гг.; в 1507 г. возглавлял поход к Мстиславию, осенью 1508 г. его войска взяли Дорогобуж. Впрочем, каких-либо успехов, решавших судьбу кампании в целом, как будто не было [29, с. 36-39, 42; 30, с. 87-88, 90-91, 93, 106, 108, 109-111; 22, с. 130]. Ему не были чужды и судебно-административные занятия: в апреле 1508 г. он присутствовал при докладе Василию III громкого поземельного конфликта между кн. Кемскими (из белозерских Рюриковичей). И как всегда он назван первым из трех бояр [3, № 475, с. 457-460].

Вскоре по возвращении из похода в Дорогобуж он попал в опалу и был арестован (видимо, между 8 и 26 ноября). Позднее его отправили в заключение на Белоозеро, где он и умер в 1510 г., а в январе 1511 г. кн. Василиса Холмская дала большой поминальный вклад вотчинами по мужу и двум сыновьям [1, с. 84-85]. Причины репрессий остаются неясными, хотя, скорее всего, они были связаны с придворной борьбой. Нельзя исключать, что были какие-то его воеводские промахи осенью 1508 г. Помимо всего прочего происходил естественный во все времена процесс: смена на троне влекла за собой кадровые перемены в верхушке правящей элиты. Кн. Василий Данилович был слишком заметной фигурой в 1502-1504 гг. И последнее. Падение кн. В.Д. Холмского не повлекло за собой опалы на всех Холмских. В первой половине XVI в. были известны сыновья и внук кн. М.Д. Холмского (попавшего в опалу в 1485 г.), а также сын и внук кн. И.Д. Холмского. Они получали именные разрядные назначения, однако их карьерные успехи на два порядка ниже князей Данилы Дмитриевича и Василия Даниловича.

Итак, предположенные нами планы Ивана III в отношении В.Д. Холмского в контексте его брака в феврале 1500 г. с великой княжной были реализованы. Но только на короткое время в те последние годы его долгого правления, когда физическое состояние позволяло ему править. И.Ю. Патрикеева и В.Д. Холмского сближают, на наш взгляд, не только общие черты в годы их могущества – долгие у Патрикеева и краткие, менее выразительные у Холмского, – но и схожие причины их падения. Видимо, уходило время таких политических

фигур.

3. А четверги продолжались.

В предшествующей работе мы собрали сведения о семи четвергах, связанные с событиями в жизни Софье Палеолог и Ивана III, их семьи с 1472 по апрель 1502 г. [19, с. 73-78]. Как оказалось, мы пропустили еще один четверг в 1480 г., а кроме того есть возможность пополнить перечень за 1502-1505 гг.

Первое добавление связано с рождением второго сына у Софьи – Георгия (Юрия) 23 марта 1480 г. [27, с. 161 с ошибочной датой 24 марта, но с правильным днем недели; верную дату находим в продолжении великокняжеского свода 1479 г.]. Это событие независимо от желаний и планов Софьи Палеолог. Но стоит восхититься заданностью ее женской природы: и первенца, и второго сына она производила на свет именно в четверг.

Теперь о пяти пополнениях. Первый случай – великокняжеский выезд из Кремля в с. Воронцово (сейчас это центр Москвы) «жыти». Въезд в ближнюю подмосковную резиденцию состоялся 9 июня «в четверток» 1502 г. Напомним, что в четверг 14 апреля старший сын Василий был венчан отцом на великие княжения и «самодержем всеа Руси», династический кризис завершился. К тому же в Кремле развевалось масштабное строительство. Так что у Софьи были и политические, и бытовые мотивы для того, чтобы настоять именно на четверге как дне въезда. Воронцовское село, «где мой двор» упоминается в завещании Ивана III, он отдает его своему сыну Василию [27, с. 175; 8, с. 354]. Месяц спустя, 14 июля в «четверток» великий князь «отпустил» войска во главе с сыном Дмитрием в поход на Смоленск [27, с. 175]. Допустимо думать, что великая княгиня повлияла на принятие мужем решения о дне выступления войска. Но более вероятна мысль о том, что связь четверга с успехом в самых различных делах и начинаниях закреплялась в качестве семейной традиции. А сложилась она благодаря энергичному воздействию Софьи.

Самые наглядные примеры относятся к 1503 и 1505 гг. 21 сентября 1503 г. «в четверток» Иван III «с детьми» (персонально назван только Василий) отправился в объезд по маршруту: Троица, Переяславль, Ростов, Ярославль. Поездка была длительной, в столицу семья вернулась 9 ноября и, конечно, в четверг. А теперь вспомним, что великая княгиня скончалась еще 17 апреля 1503 г. Похоже на то, что конкретные решения такого уровня принимал уже великий князь и соправитель Василий Иванович, усвоив предпочтения и привычки матери [27, с. 176].

Наиболее выразительный в этом плане пример – свадьба самого Василия Ивановича. Его брак с Соломонией Сабуровой состоялся «в четверток» 4 сентября 1505 г. Венчал митрополит Симон «в великом зборном [соборном. – *В.Н.*] храме, в преименитом и преславном граде Москве». Понятно, что согласно трафарету первая роль в летописи отведена Ивану III: он «женит» своего сына, он «берет за него» дочь Ю.К. Сабурова [27, с. 176-177]. Почему торжества состоялись именно тогда? Здесь вероятны разные мотивы. 4 сентября было четвергом и это соответствовало дню брака родителей жениха в 1472 г. (четверг 12 сентября), а значит и семейной традиции, выпестованной Софьей. Да и начало нового (7014) года почиталось тогда благоприятным временем для бракосочетания. Торопили практические, а в монаршей жизни они же политические, обстоятельства. Прежде всего – здоровье Ивана III и весь клубок острых и привычных, внутренних и международных проблем в связи с близившемся его уходом из жизни.

Иван III скончался 27 октября в ночь на вторник. Больше специально выбранных четвергов в связи с какими-то знаковыми событиями разного уровня в жизни Василия III как будто не было.

Резюмируя, снова подчеркнем, что эвристический смысл этой и предшествующей работы заключается в попытке извлечь и закрепить ненамеренную (попутную) информацию в нарративах и документальных текстах. А на этой основе более объективно анализировать политическую культуру на Руси XV-XVI веков в ее разнообразных смыслах и практиках.

1. Акты Русского государства. 1505-1526. М., 1976.
2. АСЭИ. М., 1958. Т. II.
3. АСЭИ. М., 1964. Т. III.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951. Ч. 1.
5. *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
6. *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.
7. ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. XIII.
8. ДДГ. М.; Л., 1950.
9. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.
10. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
11. *Кашианов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М., 1967.
12. *Клосс Б.М.* Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976. М., 1976.
13. *Корзинин А.Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период. 1550-1565. СПб., 2016.
14. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. Париж; СПб., 1994.

15. *Назаров В.Д.* Князья Ромодановские в эпоху становления Российского централизованного государства // Государев двор в истории России XV–XVI столетий. Владимир, 2006.
16. *Назаров В.Д.* О включении Ярославского княжения в состав Российского Государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
17. *Назаров В.Д.* Патрикеев И.Ю. // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25.
18. *Назаров В.Д.* Патрикеев Д.В. Щеня // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25.
19. *Назаров В.Д.* Софья Палеолог, князь Василий и князья Патрикеевы (замечки о политической борьбе в России в конце XV – начале XVI в.). // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2013. Вып. 10.
20. *Назаров В.Д.* Траханиот Ю.Д. // Большая Российская энциклопедия. М., 2016. Т. 32.
21. *Назаров В.Д.* Ховрин В.Д. Овца // Большая Российская энциклопедия. М., 2017. Т. 34.
22. *Назаров В.Д.* Холмский В.Д. // Большая Российская энциклопедия. М., 2017. Т. 34.
23. *Назаров В.Д.* Холмский Д.Д. // Большая Российская энциклопедия. М., 2017. Т. 34.
24. *Паикова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. М., 2000.
25. ПСРЛ. М., 2000. Т. 24.
26. ПСРЛ. М., 2006. Т. 26.
27. ПСРЛ. М., 1994. Т. 39.
28. ПСРЛ. М., 2004. Т. 43.
29. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
30. Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.
31. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. II. Кн. VI.
32. Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35.
33. Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41.
34. *Штыков Н.В.* Князья Холмские в политической системе Тверской земли в XV – XVI в. // Древняя Русь. 2011. № 3 (45).
35. *Штыков Н.В.* Холмское княжество // Большая Российская энциклопедия. М., 2017. Т. 84.

Некоторые истоки «положительного» образа Софьи Палеолог в российской историографии

Софья Палеолог; Н.М. Карамзин; историография; легенды.

Статья представляет собой рассуждение о том, почему, когда и как в историографии складывался привычный многим поколениям исследователей образ Софьи Палеолог как видной деятельницы русской истории. На основании широкого круга источников автор приходит к выводу о том, что переломным временем в данном случае стало XVII столетие.

Софья Палеолог – одна из самых ярких фигур русского средневековья. С легкой руки Н.М. Карамзина за ней прочно закрепились такие характеристики, как «красивая женщина», «любящая жена» и «мудрая советчица» Ивана III, помнившая о своем славном происхождении и имевшая непосредственное отношение к целому ряду положительных изменений в Русском государстве. Среди них – прекращение зависимости от Орды, расширение контактов с Европой, привлечение итальянских мастеров в Москву, появление нового герба – русского двуглавого орла [4, с. 58, 64, 71-72, 99 и др.]... До революции подобные сугубо положительные трактовки роли Софьи в истории России можно было встретить в работах практически всех ученых. Исключением был, пожалуй, только В.И. Савва, справедливо призывавший «осторожно относиться к показаниям некоторых современников и близких к ним по времени свидетельствам, широко, но не всегда определенно рисуя сферу влияния Софьи на ее супруга. В противном случае силуэт Софьи затемнит облик наиболее выдающегося политика из племени Калиты» [7, с. 57].

Советская наука в целом поддержала карамзинскую оценку вклада Софьи в дело государственного строительства и развитие культуры. Сегодня, однако, можно сказать, что подобный взгляд на Софью устарел [6, с. 126-127]. Во-первых, стоит различать ее личные начинания (которых было немного) и вклад некоторых талантливых людей из ее окружения. Во-вторых, источники свидетельствуют, что Софья приехала в Москву не как носительница высоких идей и богатого наследия процветающей империи, а как несчастная сирота-беспридан-

¹ Матасова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., tamatt2009@gmail.com.

ница, окруженная толпой обнищавших греков [5].

Примечательно, что «положительные» оценки Софьи, данные классиками российской историографии, контрастируют с «отрицательными» характеристиками великой княгини, которые встречаются практически во всех источниках конца XV – середины XVI вв. Для людей того времени Софья – «грекия», «римлянка», «чародеица греческая», беглянка (гневно осуждали ее «бегство» на Белоозеро осенью 1480 г.) и виновница дворцовых «смут»... К образу Софьи никак не обращаются ни старец Филофей, ни авторы «Сказания о князьях владимирских», что также может говорить о неприязни к ней. Впрочем, между оценками есть и сходство: в обоих случаях подчеркнута значительная личная роль Софьи при московском дворе.

И все же противоречие налицо. В чем причины такого положения дел? Почему на протяжении длительного времени маститые историки, рассуждая о Софье, не считали важным учесть в первую очередь мнения современников? Почему ученые – хорошо зная известия XV – середины XVI вв. – во что бы то ни стало стремились создать «положительный» образ второй жены Ивана III? В данной заметке предложены размышления, которые могут помочь ответить на эти вопросы.

Карамзин исходил из представления, что историю государства во многом определяют мудрые государи. Для него – человека екатерининской эпохи – не было ничего удивительного в том, что женщина могла оказывать колоссальное влияние на политическую жизнь и даже определять ее. Однако та же оценка Софьи содержится и в исследовании С.М. Соловьева [8, с. 56, 173 и др.], в основе концепции которого лежит поиск объективных предпосылок складывания тех или иных явлений. Поэтому ответ на поставленные вопросы стоит искать гораздо глубже.

Ранняя российская историография – при всей новизне ее подхода к осмыслению прошлого – имела неразрывную связь с предшествующей традицией историописания. На историческую рефлексию Карамзина – видного идеолога самодержавия – и его последователей, бесспорно, большое влияние оказывали составленные в грозненскую эпоху «программные» тексты российской монархии. Среди них важное место занимают Степенная книга царского родословия и Лицевой летописный свод. В них образ Софьи – бабушки «великого тирана» – представлен весьма основательно. Само ее присутствие в Москве с середины XVI в. воспринималось важным элементом в складывании сильного Российского государства. В Степенной книге образ дочери

«царя» Фомы Палеолога самый положительный, она уподоблена «лозе благоплодной», воспитавшей «сыновей и дочерей добродородных и благообразных» [9, с. 278-279]. В Лицевом своде содержится не менее пятидесяти пяти миниатюр с ее изображением – в разы больше, чем миниатюр, представляющих других женщин-правительниц.

Однако только ли дело в идеологии XVI в.? Между веком Ивана Грозного и временами Карамзина и Соловьева простирается немалый временной промежуток, за который могли сложиться особые представления о Софье. В связи с этим рассмотрим подробнее образ великой княгини, как он запечатлен в источниках XVII – начала XVIII в. В чередѣ свидетельств той поры выделяются известия из ранней редакции Жития прп. Кассиана Учемского² (середина XVII в.), Летописи Учемского монастыря³ (рубеж XVII–XVIII вв.), а также данные родословных книг.

Прп. Кассиан (в миру – князь Константин Мангупский) – один из многих греков, прибывших в свите Софьи в Москву осенью 1472 г., и один из немногих, кто известен по имени. Учемская пустынь, основанная Кассианом в конце XV в., была важной святыней Угличской земли вплоть до упразднения монастыря в 1764 г. Канонизация прп. Кассиана пришла на 1629 г. В это время обитель из монастыря местного значения превратилась в значимый общегосударственный духовный центр. Во второй половине XVII в. с обителью были связаны многие приходы Москвы. Так, во вкладной книге монастыря сообщается о щедрых пожертвованиях от некоторых приходов столицы (среди них – приход храма свв. Космы и Дамиана на Тверской⁴ и прп. Сергия Радонежского на Петровке⁵). Ближе к концу XVII в. в монастыре развернулось каменное строительство.

Именно в Кассиановой пустыни с большой долей вероятности можно предполагать сохранение каких-то исторических воспоминаний (в том числе переосмысленных в русле настроений рубежа XVII–XVIII вв.), связанных с жизнью основателя монастыря до принятия пострига, а значит и с Софьей.

Главной особенностью, которая бросается в глаза при чтении учемских источников, является большое количество «фактических ошибок» и/или неточностей в сравнении с данными XV – первой

² Соотношение различных редакций жития не вполне ясно [3, с. 361–366]. Публикацию ранней редакции Жития (без чудес) см.: [2, с. 117-130].

³ НИОР РГБ. Ф. 299 (Тихонр.). № 234. Л. 111 об.–117 об.

⁴ Там же. Л. 114 об., 115, 147 об.

⁵ Там же. Л. 115 об.

трети XVI в.

Так, в Житии говорится о том, что инициатива заключения брака Ивана III с Софьей исходила исключительно из Москвы. Утверждается, что исполненный решимости жениться Иван III отправляет за Софьей послов в Рим непосредственно к правителю Морей Фоме Палеологу. «Благочестивый и христоролюбивый царь Фома» с радостью «царю самодержцу русския земли прошение исполняет» и отправляет Софию в Москву с большой свитой, состоящей из множества «благородных... боярь же и князеи и воевод силных и панов и гетмановъ и детеи боярскихъ и множество людеи и много священноиноков и инокин и всяких хитроков и многихъ мастеров множество» [2, с. 119]. Упомянуто, что папа римский позаботился о безопасности кортежа дочери Фомы Палеолога, разослав по всему пути следования грамоты о том, чтобы «честно царевне учредить станы и всякими брашны и питии различными в доволство якоже бе лепо царевне и благородных с нею» [2, с. 120].

Источники XV – начала XVI в. рисуют иную картину. Рим не менее Москвы был заинтересован в браке Ивана III с Софьей и, более того, инициатива брака исходила из Вечного города. Пропагандировавший унию с «латинянами» деспот Морей (а не «православный царь»!) Фома не мог иметь никакого отношения к организации брака своей дочери, поскольку умер в 1465 г. Отправке из Москвы посольства за Софьей в 1472 г. предшествовало два посольства из Рима в Москву и одно из Москвы в Рим, а также длительные «советы» великого князя с приближенными.

Из данных Жития верна лишь информация о том, что папа римский и правда позаботился, чтобы Софью со свитой пропускали и с честью принимали во всех подвластных ему городах. Важно отметить, что гораздо большее внимание Софье и ее пути на Русь уделял ее опекун – кардинал Виссарион, вовсе не упомянутый в источнике. Если сохранившиеся папские грамоты составлены в один день, по одному шаблону и носили сугубо формальный характер, то дошедшие до нас письма Виссариона в эти же города были написаны в разное время и не «по формуляру» и отражают искреннее беспокойство кардинала о судьбе его воспитанницы.

Сведения о том, что с Софьей на Русь прибыло множество греков, в тексте Жития переданы также с искажениями: известно, что невеста Ивана III прибыла со свитой от пятидесяти до ста человек, в которую входило несколько знатных греков, однако *ни один* ранний источник не подтверждает, что среди приехавших в 1472 г. греков

были «хитроки и мастера». Они стали приезжать позже, причем вопрос о причастности Софьи к их приглашению стоит признать по меньшей мере дискуссионным.

Задержимся особо на именовании приближенных Софьи в Житии «боярами». Боярин – это прежде всего представитель знатного рода и землевладелец. Но кто же приехал с Софьей? Это были, по-видимому, не только византийские аристократы (разумеется, безземельные после 1453 г.), но и люди простого происхождения. И ни один из «бояр» (за исключением, кажется, только Константина-Кассиана), не был аристократом «первого ряда».

Другое дело, что сколько-нибудь знатным спутникам Софьи (а также некоторым из греков, кто приехал позже) удалось пустить в Москве глубокие корни и стать родоначальниками многих авторитетных российских аристократических родов: Траханиотовы, Ларевы, Ангеловы, Ласкаревы... Эти (и, возможно, другие) греки были «пожалованы» Иваном III землями. Еще С.Б. Веселовский обнаружил связь ряда подмосковных сел с родоначальниками этих кланов [1, с. 66-67]. Таким образом, в известии из Жития прп. Кассиана представлена не реальность 1472 г., а *желаемый образ* греков из свиты Софьи, актуальный для их потомков, живших в XVII в.

Летопись Кассиановой пустыни, частично повторяя указанные неточности, сообщает уникальные подробности о спутниках Софьи: «Приидоша из Риму, з царевною Софиєю, дщерию Фомы царя Аммо-реискаго со внукою царя Мануила Греческаго, к... великому князю, Иоанну Васильевичу, греческие дворяне... Карпубусь, Аталыкъ, Ар-маметь, прозваниемъ Кашкины»⁶. Эти загадочные имена греков не встречаются ни в одном источнике XV–XVI вв. Однако уже в конце XIX в. род Кашкиных однозначно возводится к «Корбуше Кашкину» из свиты Софьи [10, с. 824]...

Не в XVII ли столетии стоит искать и корни легенды о некоем греке из свиты Софьи по имени Афанасий Чичерини, которого в XIX в. совершенно однозначно считали основателем рода Чичериных [11, с. 901-902] и о котором в сохранившихся источниках нет ни слова?.. Просмотренные родословцы XVII в. (более пятидесяти экземпляров), содержащие легенды о происхождении русских аристократических родов, пока не дали ответа на эти вопросы. Но не исключено, что, скажем, Б.Н. Чичерину – ученику западника Т.Н. Грановского – импонировала мысль о том, что он являлся потомком грека из свиты

⁶ НИОР РГБ, Ф. 299. № 234. Л. 111 об.

Софьи. (Из труда Карамзина ему было известно, что главным действием брака Ивана III с дочерью Фомы Палеолога «было то, что Россия стала известнее в Европе...» [4, с. 71])

Заметим, что в целом ряде родословцев XVII в. содержится записанная в Москве легенда о происхождении семьи Ласкаревых⁷ (потомков Димитрия Ласкариса, приехавшего в Москву в 1496 г. с сыном). Предание гласит, что основатель фамилии – Ласкарь – был одним из сподвижников императора Константина. В легенде даже утверждается, что род Ласкаревых благороднее рода Палеологов... В реальности Ласкарисы впервые упоминаются в источниках не ранее XI в.

Рассмотренные несоответствия имеют свое объяснение. Житие прп. Кассиана и Летопись Учемской пустыни как бы «обобщают» события XV в., довольно сильно искажая их суть. Составители этих текстов невольно сделали ошибку, емко выраженную в латинском изречении *post hoc ergo propter hoc* — после этого значит вследствие этого.

Данные родословных книг отражают факт постепенного встраивания греков в русскую жизнь. В XVII–XVIII вв. имели место серьезные изменения в положении русской аристократии. Ее представителям было исключительно важно сберечь память о своем происхождении и заслугах предков. Этим привычным способом (вразрез с инициативами власти!) они надеялись сохранить за собой былые привилегии и социальный статус. В конце XVII в. – в эпоху, когда формировались предпосылки будущей «европеизации» России в родословных книгах была зафиксирована связь некоторых фамилий с Софьей. К образу «государыни» апеллировали, чтобы подчеркнуть свою близость русской монархии. «Древнее» и/или «византийское» происхождение рода было немаловажно в эмоциональном смысле и в эпоху Карамзина... Отсюда вытекала неизбежная «положительная» трактовка образа Софьи.

Итак, рассмотренные известия XVII в. отразили важнейший этап переосмысления личности Софьи Палеолог и сыграли свою роль в становлении ее «положительного» образа. Ориентация на трактовки XVI–XVII в. не могла не сказаться на формировании оценки Софьи в

⁷ ВОИДР. Кн. X. М., 1851. С. 176–178. О популярности этой легенды говорит ее включение во многие родословцы с начала (!) XVII в. Всего выявлено более десяти списков. См., напр.: ОР ГИМ. Увар. № 157. 1°. Л. 126–129; № 570. F°. Л. 163 об.–164; № 820. 4°. Л. 164–167; № 766. 4°. Л. 91–94. И др.

трудах классиков российской историографии.

1. *Веселовский С.Б.* Московское государство XV–XVII вв.: Из научного наследия. М., 2008.
2. Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Учемского / Ред. А.С. Гердта. СПб., 2008.
3. *Каган М.Д.* Житие Кассиана Угличского // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. А-З.
4. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1819. Т. 6.
5. *Матасова Т.А.* Софья Палеолог. 2-е изд. М., 2017.
6. *Назаров В.Д.* Палеолог Софья // БРЭ. М., 2014. Т. 25.
7. *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
8. *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1989. Кн. III.
9. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии в трех томах / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2008. Т. 2.
10. Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1895. Т. 28.
11. Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1903. Т. 76.

УДК 930.85

В.Д. Черный¹

Культура на службе государственной идеологии Московского царства эпохи Ивана Грозного

Московское царство; воплощение в памятниках; особенности интерпретации; репрезентация.

Рассматривается вопрос об особенностях отражения в памятниках русской художественной культуры идеологии государственного строительства Московского царства. Анализируются способы репрезентации основных актуальных в то время политических идей и положений по утверждению государственности.

Эпоха Ивана Грозного — время глобальных исторических обобщений, преследующих цель обосновать право России на наследие Византийской империи и утвердить свою идеологию на обширных территориях, включенных за минувшие столетия в состав Московского царства и далеко за его пределами. По словам А.М. Сахарова, «русская культура конца XV–XVI в. во всех ее проявлениях была связана,

¹ Черный Валентин Дмитриевич, Московский педагогический государственный университет (РФ, Москва), доктор культурологии, tchernic@rambler.ru.

прежде всего, с образованием и развитием Российского <...> государства, она активно служила этому исторически прогрессивному процессу» [10, с. 37]. Свой вклад в решение этих актуальных задач надлежало внести и художественной культуре, также поставленной на службу государственного строительства.

Ключевую роль в данном процессе имели идеи, провозглашенные в литературных произведениях, — посланиях псковского монаха Филофея [10, с. 358-359], «Сказании о князьях владимирских» [2, с. 171-213] и некоторых других сочинениях [3, с. 20-214]. Выраженные в них притязания Московского царства и Церкви на особый статус в контексте мировой истории нашли свое прямое или опосредованное воплощение в конкретных памятниках.

В первую очередь восстановленную государственность нужно было вписать в «историческую вертикаль» — связать Москву с центрами мировой цивилизации, к которым в то время относились Рим, Константинополь, Иерусалим. Стремление к системному осмыслению этапов Русского царства воплотилось в «Степенной книге царского родословия», в которой происхождение царской власти исходило, как и в «Сказании о князьях владимирских», от римского императора Августа, а каждая «степень» русской истории была представлена определенным князем и митрополитом. Такая периодизация русской истории оставила заметный след в историографии XVI–XVIII вв. [12].

Свой вариант истории Московского государства предложил Лицевой летописный свод XVI в. Дошедшие до нас 10 томов с 17 тысячами миниатюр воссоздают наглядную картину с интерпретацией событий и прижизненными изображениями Ивана IV и выделяют более крупные периоды отечественной истории. Начинается Лицевой свод тремя хронографами, повествующими о древних событиях всемирной истории. Русский же период открывается княжением Владимира Мономаха (остается загадкой, существовал ли предыдущий том) и рассказом о «Мономаховых дарах». На многих тысячах листов Лицевого свода славянской вязью одинаково отмечено только три киноварных заголовка (Голицинский том, л.1, Лаптевский том, л. 333, Шумиловский том, л. 1). Первый из них обозначал правление Владимира Мономаха в Киеве («Княжение великаго князя Володимера Всеволодича Манамаха в Киеве...»), второй — Всеволода «Большое Гнездо» во Владимире («Княжение в Володимере великаго князя Всеволода Юрьевича внука Владимера Маномаха»), а третий — Василия Темного в Москве («Княжение великаго князя Василия Васильевича внука благочестиваго князя Дмитрия Ивановича Доньскаго»; ниже уточ-

няется: «на великом княжении на Владимирском и на Московском»). Таким образом, в этих заголовках составитель Лицевого свода фиксировал три периода отечественной истории — «киевский», «владимирский» и «московский». Можно допустить существование и отдельных других подобных разделов, например, начинающего отсчет Московского царства, но в сохранившихся листах их нет.

Использование заданной идеологией исторической тематики в художественном творчестве стало характерной приметой времени при Иване Грозном.

Особенно показательно в этом плане оформление Царского места 1551 г. в Успенском соборе Московского Кремля. Сооружение представляет собой сень, огороженную со всех сторон стенками и удерживаемым четырьмя колонками высоким восьмигранным шатром с кокошниками, напоминающим парадную княжескую шапку. Помимо изысканной декоративной резьбы, внимание в нем привлекают двенадцать рельефов, подробно иллюстрирующих легенду о дарах Константина Мономаха из «Сказания о князьях владимирских». Речь здесь идет не о сплошной передаче содержания легенды, а о продуманном отборе сюжетов для изображения. Получение атрибутов царского достоинства показано в этих сценах как результат военной победы. Военской теме посвящено шесть рельефов. При этом, решение о походе, судя по последовательности расположения композиций на стенках, предварял «совет» князя с боярами. Вторая часть сюжетов имеет прямое отношение к передаче «Мономаховых даров» — от «совета царя Константина Мономаха» (т.е. официального государственного решения) до непосредственного венчания великого князя Владимира Мономаха царским венцом. Для рельефов Царского места характерна ярко выраженная «изобразительность», которая по формальным признакам идентична произведениям изобразительного искусства [13, с. 40-41].

Из этих памятников выделяется близкая по времени создания к покорению Казани икона «Благословенно воинство Небесного Царя» («Церковь воинствующая»), которая висела в Успенском соборе рядом с Царским местом. Не касаясь множества толкований содержания этого памятника [5, с. 185-194], — от изображения похода Ивана Грозного на Казань до полного отрицания связи данного сюжета с конкретными историческими событиями [4, с. 324—325], — в нем нельзя не увидеть прямых параллелей произошедшего завоевания Казани с более древними событиями и персонажами. В любом случае, у исследователей нет сомнений, что всадник в царском одеянии, будь то

Владимиром Мономахом, Константином Великим или иным правителем «славного прошлого», ассоциировался с образом правящего тогда царя. Достаточно обратиться к посланиям митрополита Макария, обращенным к царю, где Иван IV уподоблялся великим правителям прошлого [9, с. 114 и др.].

Тема воинского подвига нашла блестящее продолжение в несохранившихся росписях Золотой палаты и Архангельского собора, осуществленных в 1550-1560-е гг. В этих фресках, вслед за иллюстрациями сказания о Мономаховых дарах, появляются и ветхозаветные аналогии Казанской победе в виде воинских подвигов Гедеона, избавившего народ Израиля от врагов [7, с. 59-68].

Важным проектом молодого Московского царства стало создание собственных святых мест и сонма святых подвижников. Первым в ряду таких сооружений стал храм Покрова «на рву». С одной стороны, он был посвящен победе над Казанским ханством, с другой — являл собой образ Иерусалима. О таком его втором названии и значении свидетельствуют иностранцы, побывавшие в Москве в последующие после строительства десятилетия [1, с. 24-35]. При этом, храм в первую очередь должен был произвести внешнее впечатление, поскольку его ничтожное по площадям внутреннее пространство не предусматривало проведения многолюдных служб.

В ряде случаев архитектура оперативно реагировала на текущие, пусть менее значимые события, чем взятие Казани. Например, в ходе кратковременных успехов царя в Ливонской войне, в 1563-1566 гг., в честь завоевания Полоцка к кремлевскому Благовещенскому собору пристраиваются новые приделы [7, с. 77-79].

Грандиозным проектом по духовному объединению всех русских территорий можно считать составление митрополитом Макарием Великих Миней Четых, представлявших собой свод едва ли не всех известных в то время, преимущественно житийных, и других произведений, бытовавших на Руси. В результате, на церковных соборах 1547 и 1549 гг. многочисленные местных святые получили статус общерусских, став достоянием всего населения [6, с. 80].

Свою роль в использовании исторической темы сыграли церковные соборы, указавшие на необходимость ориентироваться на высокие стандарты в художественном творчестве, такие, как работы Андрея Рублева и греческих мастеров. Одновременно, были расширены возможности художника по отражению актуальных тем, связанных с изображением живого царя и «народов» [14, с. 303-305]. Произведения XVI в. носят подчеркнуто репрезентативный характер. Многие

из них, часто в красочных подробностях, демонстрируют актуальные политические идеи, связь с историческими корнями и значение для всех территорий России.

Указанные и многие другие памятники XVI столетия были призваны увековечить достижения Московского царства и обосновать его права на особое положение в христианском мире. Готовность к этому отечественной художественной культуре была обусловлена с одной стороны усилившейся повествовательностью ее изобразительного языка, способного передать заданную тему в деталях, и с другой — использованием для этого более доступных материалов. В архитектуре повсеместно стал применяться кирпич, а в книгах — бумага.

1. *Баталов А.Л., Вятчина Т.Н.* Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI-XVII вв. // Архитектурное наследие. М., 1988.
2. *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
3. *Зимин А.А. И.С.* Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.
4. *Квливидзе Н.В.* Благословенно воинство Небесного Царя // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5.
5. *Кочетков И.А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя») // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38.
6. Макарий // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2.
7. *Маркина Н.Д.* Из истории возникновения приделов Благовещенского собора в 60-х годах XVI века // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1973. Вып. 1.
8. *Подобедова О.И.* Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х – 70-х годов XVI в. М., 1972.
9. ПСРЛ. М., 1965. Т. 29.
10. *Сахаров А.М.* Россия и ее культура в XVI веке // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Часть 1.
11. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
12. *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010.
13. *Соколова И.М.* Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001.
14. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. М., 1985. Т. 2.

**Верблюд Ивана III:
о великокняжеском даре псковскому посольству в
1463/1464 г.**

Средневековая Русь; книжность; архиепископ Иона; каноническое право; ментальности; Великий Новгород; символическое восприятие; сакральный характер; образы животных.

В работе делается попытка определить символическое значение дара Ивана III, которым стал верблюд, в ответ на просьбу псковичей учредить в их городе епархию.

В декабре 1463 г. и затем январе 1464 г. псковское вече обратилось к великому князю Московскому Ивану III с просьбой вывести Псковскую землю из подчинения архиепископа Новгородского и образовать здесь епархию во главе с собственным владыкой [16, с. 297]. Считается, что псковичи и ранее неоднократно предпринимали попытки добиться церковной независимости от Новгорода, но не имели успеха вплоть до конца 1437 – начала 1438 г., когда митрополит Исидор «постави им анхимандрита Геласья и дасть ему суд владычен и вси пошлины» [17, с. 419; 8, с. 359]. Это решение означало переподчинение псковской церковной организации непосредственно митрополиту с назначением митрополичьего наместника, а не создание отдельной епархии, однако возник прецедент. И по прошествии относительно небольшого времени после восстановления канонической власти новгородского архиерея над Псковом (вероятно, в 1447 г.) [16, с. 290] псковичи заново поднимают вопрос о своем особом церковном статусе.

Попытка веча закончилась неудачей, великий князь Московский ответил отказом. Обстоятельства обращения псковичей к Ивану III отражены в псковском летописании. При этом летописи содержат интересное свидетельство, завершающее повествование об этой миссии – Иван III подарил послу верблюда. Согласно Погодинскому списку Псковской 1-й летописи, этим послом был Исаак Шестник [21, с. 71], в соответствии с текстом Псковской 2-й летописи – посадник Максим Ларионович [22, с. 53].

¹ Тарасов Аркадий Евгеньевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., varzuga@gmail.com.

В.Н. Бернадский так прокомментировал дар великого князя: «Получив вместо согласия на поставление владыки верблюда, псковичи вынуждены были сами искать путей соглашения с Новгородом» [5, с. 268]. Н.С. Борисов высказался в том же духе: «Неизвестно, как распорядились псковичи этим диковинным животным, само имя которого на Руси произносили не иначе как “вельблуд”, то есть “очень (“вельми”) блудливый”. Однако этот подарок немало позабавил насмешливых новгородцев: псковичи просили себе у великого князя отдельного владыку, а вместо епископа получили верблюда...» [9, с. 211]. По мнению Ю.Г. Алексеева, дарение Иваном III верблюда было «несколько неожиданно» [1, с. 107].

Верблюды действительно попадали на Русь в эпоху Средневековья. Кости этих животных обнаружены археологами в Киеве, Вышгороде, Суздале, Москве, городищах Боршевское и Титчиха, ряде других мест; древнейшее изображение верблюда в землях восточных славян, вероятно, сохранилось на фреске киевского Софийского собора, относящейся к XI веку [14, с. 178]. Образ экзотического, но известного русским людям верблюда стал основой для описания других животных – невиданных. Так, от смешения верблюда и леопарда появились характеристики вельбудопардуса (жирафа), а вельбуд-птицей был назван страус [10]. Однако же письменные упоминания о верблюдах в русских источниках не так часты. Их можно разделить на два типа: «исторические» (совсем редкие) и «книжные» (относительно распространенные).

К первому типу отношу примеры реальных случаев упоминания верблюдов. Наиболее ранним «историческим» является свидетельство «Повести временных лет», содержащее под 6603 г. известие о походе князей Святополка и Владимира на половцев, в результате которого они «полониша скоты и кони и вельблуды и челядь и преведоста в землю свою» [18, стб. 228; 19, стб. 219]. Похожее известие читается также под 6611 г. в связи с очередной русской победой, одержанной над половцами: «Взяше бо тогда скоты и овце и коне и вельблуды и веже с добытком и с челядью» [18, стб. 279; 19, стб. 255]. Подобный перечень трофеев, включавший верблюдов, был традиционным для древнерусской литературы при описании сражений с кочевниками и, не исключено, восходил к Библии [12, с. 227-228]. В качестве одного из ранних «исторических» отмечу и свидетельство Новгородской 1-й летописи о дарах, направленных половцами русским князьям перед битвой на Калке (6732 г.): «И дары принесе многы: кони и вельблуды и буволы и девкы» [17, с. 62, 265].

Совокупность «книжных» упоминаний верблюдов в основном связана с литературой природоведческого и назидательного характера (притчами, баснями и т.д.), а также текстами Священного Писания и Предания (зачастую также в форме нравоучений, например, в сборнике изречений «Пчела» [11, с. 29]). Известно, что животные воспринимались в Средневековье не только как существа фауны с их биологическими свойствами, но и с точки зрения заключенного в них, по мысли современников, сакрального смысла, указывающего на незримую связь между телесным и духовным мирами [3, с. 162]. «Истолкованию подвергался не только образ в целом или отдельные его стороны, но также материальная оболочка образа – его имя; символика мыслилась изначально заложенной как в природе животных, так и в их именах» [2, с. 9]. Символическое восприятие животных было сложным и многогранным, оно основывалось не на очевидном, художественно наблюдаемом сходстве, а на трудно объяснимых, традиционно закрепленных смысловых тождествах [15, с. 99-105]. Следует отметить, что в XV в. корпус произведений, содержащих символические характеристики верблюдов, расширяется. В это время на Русь проникают переводные книга басен «Стефанит и Ихниллат» [24], собрание житейских наставлений по различным вопросам «Тайная Тайных» [6].

О.В. Белова выделила несколько символических свойств верблюдов, которые нашли распространение в славянской книжности: двойственность человеческой природы, обозначение злопамятных людей, обозначение гневливого / некрасивого человека, обозначение осмотрительности [2, с. 69-70]. Могло ли какое-то из данных свойств верблюда определить символический смысл подарка Ивана III?

Обратимся к «Летописи Авраамки». В настоящее время доказано, что кодекс, содержащий «Летопись Авраамки», является конволютом, который состоит из древнего основания новгородского происхождения, датируемого концом 60-х – началом 70-х гг. XV в., и заключительной части, написанной смоленским книжником Авраамкой по благословению епископа Иосифа в 1495 г. Особый интерес в летописи представляют известия, часто уникальные, 1450 – 1460-х гг., которые существенно дополняют картину новгородских внутренних и внешних церковно-политических отношений этого периода. Не вызывает сомнений, что автор известий «Летописи Авраамки» за 1447-1469 гг., был официальным летописцем архиерейской кафедры Новгорода [13, с. IV-VI; 7, с. 229-233]. Под 6971 г. этот летописец записал о попытке псковичей выйти из подчинения новгородскому владке: «[Псковичи] с новгородци жиша не братолюбно, и хлебъ отъяша домовный святей

Софеи и отца своего архиепископа владыки Ионы, а свой злый нароть обнажиша, ослепи бо злоба ихъ» [20, с. 213]. Данное решение псковичей предварило отправку ими посольства в Москву.

К сожалению, грамоты, посланные псковичами Ивану III с просьбой о владыке, и ответные грамоты великого князя не сохранились. Аргументация и риторика адресатов в подробностях не известны. Однако из Псковской 3-й летописи (похоже, ее автор использовал в своем тексте выдержки из грамоты Ивана III) мы узнаем, что Иван III о просьбе псковичей обещал «гораздо мышлити» с митрополитом, а также посоветоваться с иными архиереями Русской Церкви, включая архиепископа Новгородского: «...Язь, князь великой, хоцю о том слати своихъ пословъ в Великой Новьгород...» [22, с. 158-159].

Нет оснований считать, что обещание великого князя было «пустышкой». Какие-то переговоры с владыками, пусть и формального характера, имели место, причем в первую очередь необходимо было обратиться к Дому святой Софии. Согласно каноническому праву, светская власть не может разделять епархию, что прямо запрещено 12 правилом Халкидонского собора. А для принятия решения о разделении епископии, в соответствии с 56 и 97/98² правилами Карфагенского собора, необходимо согласие того архиерея, чью епархию хотят разделить. Кроме того, норма 32 канонического ответа митрополита всея Руси Иоанна II (1080-1089 гг.), основанная на 97/98 правиле Карфагенского собора, одним из условий открытия новой архиерейской кафедры указывала согласие «первого столника русского», т.е. митрополита, и архиерейского собора «страны всея тоя» [23, стб. 19]. Таким образом, даже если сам Иван III и не думал об удовлетворении просьбы псковичей, церковно-политическая дипломатия диктовала необходимость «игры» в соборность при обязательном учете мнения архиепископа Ионы, которое было очевидно не в пользу псковского веча.

Скорее всего, от Новгородской архиерейской кафедры был получен очень жесткий ответ, в котором архиепископ, как и его летописец, «прошелся» по злонравию псковичей, покусившихся на вековые устои и прерогативы владык Новгорода. Не эта ли реакция могла стать поводом для своеобразного подарка, который ясно давал современникам понять, что великий князь Московский даже в непростых

² Данное правило имело номер 98 в Древнеславянской редакции Кормчей книги, которую использовал митрополит всея Руси Иоанн II (см. [4, с. 406]). А псковичи, обращаясь к Ивану III, скорее всего, имели на руках одну из русских редакций Кормчих, где правило фигурирует под номером 97. Выражаю признательность А.А. Манохину, обратившему мое внимание на это.

отношениях с Новгородом стоит за «старину» и закон³, выступая против «злых» устремлений псковичей?

1. *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992.
2. *Белова О.В.* Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2001.
3. *Белова О.В., Петрухин В.Я.* Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М., 2008.
4. *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Том первый.
5. *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961.
6. БЛДР. СПб., 2000. Т. 9.
7. *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
8. *Бобров А.Г.* Новгородско-псковские отношения и Флорентийская уния // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. L.
9. *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.
10. *Буцких Н.В.* «Велбуд образом нелеп»: экзотические звери в древнерусской литературе и миниатюре [электронный ресурс]. 2016. URL: <http://expositions.nlr.ru/literature/drevrus/articles/verblud.pdf> (дата обращения 31.05.2017).
11. *Григорьев А.В.* Русская библейская фразеология в контексте культуры. М., 2006.
12. *Дёмин А.С.* О художественности древнерусской литературы. М., 1998.
13. *Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. М., 2000. Т. 16.
14. *Курбатов А.В.* Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // *Stratum plus*. 2010. № 5.
15. *Лихачева О.П.* Некоторые замечания об образах животных в древнерусской литературе // *Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции)*. М., 1976.
16. *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.
17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
18. ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Изд. 2-е.
19. ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Изд. 2-е.
20. ПСРЛ. М., 2000. Т. 16.
21. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1.
22. Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.
23. РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Изд. 2-е.
24. Стефанит и Ихниллат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV–XVII веков. Л., 1969.
25. *Тарасов А.Е.* Церковь и подчинение Великого Новгорода // *Новгородский исторический сборник*. М.; СПб, 2011. Т. 12.

³ О московско-новгородских отношениях в 1460-е гг. и тонкой политике Ивана III, осторожно, но настойчиво, претворявшего в жизнь идею подчинения Новгорода власти великого князя Московского, см.: [25, с. 73-93].

Две редакции «Лествицы Иакова»: сравнительный анализ текстов

Лествица; редакции; перевод; список.

«Лествица Иакова» сохранилась в двух редакциях. Отличие первой редакции от второй: молитва Иакова к Богу, в которой встречаются непереведенные еврейские слова. Апокриф существует только на славянском языке, поэтому затруднительно определить, когда возникли обе редакции. Возможно, разные редакции возникли уже на греческой почве, а потом были переведены у славян. «Лествица Иакова» получила довольно широкое распространение в славянской литературе, она читалась во всех списках Палеи, вне Палеи он обнаружен только в одной рукописи из собрания РГАДА.

Видения будущей жизни, пророчества о грядущем – тема, которая всегда интересовала составителей апокрифов. Одним из таких апокрифов является и «Лествица Иакова». Содержание апокрифа следующее: по пути в Харран патриарх Иаков уснул и во сне видел лестницу от земли до неба, с двенадцатью ступенями, вверху ее было огненное человеческое лицо, на каждой ступени лестницы справа и слева было человеческое лицо, всего 24 лица, «среднееже лица прежде всехъ бяше, еже видехъ изъ огня до рамоу и до руку излиха страшно паче оныхъ двадесяти и 4 лицъ» [5, с. 91]. По лестнице спускались и поднимались ангелы. Ангел, посланный Иакову для растолкования его сна, объясняет, что восходящие ангелы – это крещенные народы, и нисходящие – непокорные иудеи. Ангел также рассказывает Иакову о будущем еврейского народа, в том числе о рабстве в Египте, избавлении от него и о главном событии – пришествии Христа.

«Лествица Иакова» сохранилась только на славянском языке. Но еще Д. Святский писал, что, вероятно, апокриф попал к нам из Византии, и поэтому является переводом с греческого [4, с. 17]. О том, что какой-то апокриф о лестнице существовал на греческом языке, свидетельствует приведенная Д. Святским ссылка на Епифания Кипрского (332-403 гг.), который «упоминает о существовавшем в его время произведении о лестнице Иакова» [4, с. 24]. Ученый предположил, что первоначально «Лествица» существовала на еврейском языке [4, с. 30]. Современные исследователи предполагают, что славянский апокриф, скорее всего, был переведен с греческого, а греческий текст, в свою

¹ Хазанова Софья Игоревна, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., hazanovasi@mail.ru.

очередь, являлся переводом с семитического языка, еврейского или арамейского [1, с. 73]. Дореволюционный ученый П.Е. Шеголев выделил две редакции славянского сказания о лестнице: характерный признак второй – распространение воззвания Иакова к Богу, где читаются оставшиеся без перевода еврейские слова, и эпизод с архангелом Сариилом, имя которого в первой редакции не упоминается [6, с. 1331]. Обе редакции напечатаны: первая Н.С. Тихонравовым [5, с. 91-95] и И.Я. Порфирьевым [2, с. 138-149], вторая – А.Н. Пыпиным [3, с. 27-32]. Но различия между редакциями еще требуют исследования.

Между списками первой редакции, напечатанными Н.С. Тихонравовым и И.Я. Порфирьевым, различия очень незначительны. У И.Я. Порфирьева приведены отсутствующие у Н.С. Тихонравова слова Моисея к евреям: «нимъ же и Моисей рече: родъ строптивъ и завращень, сия ли Господеви воздаете» [2, с. 138]. После слов «и яко оуслышахъ с высоты, трепет и оужась нападе на мя» в списке И.Я. Порфирьева читается следующий текст, которого нет у Н.С. Тихонравова: «Въставъ же, рече, Иякове, от сна своего. И еже же гласоу сущоу въ оушию моею. Въставъ же, рече, на ногу свою и помолися Богоу и рече тако» [2, с. 139]. Далее идет молитва Иакова к Богу, которой также нет в списке Н.С. Тихонравова. В «Лестнице», изданной И.Я. Порфирьевым, встречаем «и оумершоую плодомъ древа Адама и Евву» [2, с. 141], у Н.С. Тихонравова названа только Ева. Вероятно, составитель Палеи И.Я. Порфирьева сделал вставку об Адаме. В Палее, изданной Н.С. Тихонравовым, отсутствуют толкования, приведенные в списке И.Я. Порфирьева.

Вторая редакция, изданная А.Н. Пыпиным, содержит гораздо более обширную, чем в первой редакции, молитву Иакова к Богу, в ней встречаются в искаженном виде непереуведенные еврейские слова: Савалофъ (видимо, Саваоф), омлелех (возможно, «малех» – посланник), иловаръ, амисъми (возможно, «амин» – верный). Ангел, посланный к патриарху для толкования его сна, во второй редакции назван Сариклом. Это, несомненно, искажение имени Сариил. Во второй редакции ангел Сариил сказал Иакову, что его имя будет Израиль, что он будет коп-зуль (еще одно непереуведенное еврейское слово) [3, с. 28]. Другим отличием является то, что во второй редакции обращение к иудею следует в другом порядке, чем в первой у И.Я. Порфирьева, после слов «и потом поборет Господь племени твоему» [3, с. 31]. В списке же И.Я. Порфирьева обращение к иудею и толкование идет позже, после слов «того же самого власть и лета не оскоудеють во веки» [2, с. 142-149], то есть после окончания основного текста, а не в

середине, как у А.Н. Пыпина. Конец обеих редакций также различен. У И.Я. Порфирьева читаем: «Повествовавъ же Ияковъ со аггеломъ, и отиде от него аггель. Ияков же рече: яко страшно место се. Нестъ се, но домъ божии и сия врата небесная» [2, с. 149]. Во второй же редакции в конце речь идет о Христе: «Но аще злодея нарекоште, мы же сына божия проповедаем, якож рече великый Павелъ: жидомъ убо бысть соблазнь» [3, с. 32]. Текст же о доме Божиим первой редакции во второй редакции читается раньше, после того, как Иаков очнулся от сна. Особенностью славянского апокрифа «Лествица Иакова» является вставка из другого апокрифа, «Сказания Афродитиана», о чуде в Персидской земле, когда все идолы возвестили пришествие Христа: «Въ приходъ же его телища меденая, каменная и всяка изваяния гласъ дадять по три дни. Тоу мудрецемъ о нем вестъ вздадять, и ведати будуща на земли и звездою до него путь доправять, хотящи ведати на земли» [5, с. 95]. П.Е. Щеголев считал, что соединение «Сказания Афродитиана» с «Лествицей Иакова» произошло уже у славян [6, с. 1338]. Так как «Лествица Иакова» существует только в славянском переводе, трудно сказать, когда она была переведена и как возникли две редакции памятника. Нельзя исключать того, что в двух редакциях памятник существовал уже на греческом языке. Первая редакция получила более широкое распространение, чем вторая, которая представлена пока только одним списком, напечатанным А.Н. Пыпиным. «Лествица Иакова» читается во всех списках Палеи, вне Палеи она находится только в одном сборнике². Время появления апокрифа на Руси тоже неизвестно, но так как он читается уже в древнейшем списке Коломенской Палеи 1406 г., то можно предположить, что на Руси «Лествица Иакова» появилась не позднее этого времени.

1. Орлов А.А. Потаенные книги: иудейская мистика в славянских апокрифах. М., 2011.
2. Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877.
3. Пыпин А.Н. Ложные и отреченные книги русской старины // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3.
4. Святский Д. Лествица Иакова или сон наяву. СПб., 1911.
5. Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1.
6. Щеголев П.Е. Очерки истории отреченной литературы. Сказание Афродитиана // Известия отделения русского языка и словесности имп. Ака-

²РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание МГАМИД. Оп. 5. Д. 482. Рукопись XVII в. Л. 214 об.–221 об.

УДК 930.22; 94(47).042

Л.В. Мошкова¹

Древнейшие посольские книги: время формирования

Посольские книги; кодикология; палеография; начало XVI в.

Статья посвящена определению времени создания древнейших посольских книг, содержащих документы последней четверти XV – начала XVI в.

В Российском государственном архиве древних актов хранятся пять посольских книг, содержащих копии документов последней четверти XV – начала XVI в. Предпринятый автором кодикологический и палеографический анализ преследовал одну цель – уточнить время создания указанных рукописей. Поскольку описание методики работы изложено в тезисах [см.: 1], далее приводятся выводы, сделанные в отношении четырех книг.

Ногайская посольская книга включает документы 1489–1508 гг.² Это рукопись в 4^о, на 66 листах³. Состоит из 8 тетрадей, написанных на разной бумаге (нумерация тетрадей сделана на первом и последнем листах людьми, которые переписывали текст⁴). Первые три тетради сформированы из бумаги с одной филигранью; далее водяные знаки в каждой тетради свои, т.е. всего их 6, и количество «бумажных швов» на первый взгляд достаточно велико. Это может говорить о следующем. Во-первых, о том, что между написанием некоторых тетрадей был временной интервал. Во-вторых, о том, что бумага для великокняжеской канцелярии приобреталась небольшими партиями. Но из этого можно сделать вывод, что еще не сложилась практика больших поставок и крупных закупок.

Датировка филиграней по альбому Н.П. Лихачева (которому отдается предпочтение, так как можно не давать поправку на залежность, если знак извлечен из русской рукописи) располагается в пределах 1504–1514 гг.

Анализ почерков свидетельствует, что «почерковый шов» при-

¹ Мошкова Людмила Владимировна, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), lvmoshkova@gmail.com.

² Ф. 127. Оп.1. № 1.

³ Здесь и далее не учитываются листы, добавленные в XVIII в.

⁴ Это характерно для всех рассматриваемых книг.

ходится на середину л. 33, поскольку далее в написании книги принимали участие другие люди (ранее их почерки в кодексе не встречаются). Отмеченный «шов» проходит между документами весны 1497 г. и ноября 1501 г. (далее идут материалы сентября – октября 1504 г.). Хорошо видно, что на л. 34–34 об. (последнем листе 4-й тетради) подъячий на соблюдает размера текстового поля, желая вместить как можно больше текста. С л. 35 текстовое поле постепенно уменьшается до привычных размеров. Однако схожая ситуация повторяется в 8-й тетради: на некоторых листах практически отсутствует внешнее поле, и текст доходит до края листа. Других «почерковых швов» в книге не обнаружено.

Оформление книги неровное. Первые 3 тетради и часть 4-й напоминают Писцовую книгу Деревской пятины 1499 г.⁵ (далее – ПКДП; о датировке см.: [2]) использованием малых инициалов в начале блока текста, употреблением в заголовках букв крупного размера, неторопливыми почерками, чистыми строками между текстом двух документов. Это говорит о том, что к книге, содержащей делопроизводственные материалы, относились как к кодексу, который в сознании людей того времени ассоциировался в первую очередь с литургическими и паралитургическими книгами. Но в конце 7-й тетради и особенно в 8-й явно видна торопливость и небрежность.

Кодикологический анализ показывает, что часть, включающая тетради 5–8, написана последовательно с минимальной разницей во времени. Так как последние документы относятся к 1508 г., то время написания этой части формально не ранее 1508 г., а на самом деле несколькими годами позднее (см. датировку филиграней). Первая часть (тетради 1–4) написаны раньше, но временной разрыв не слишком велик. В этой части встретились почерки, которые крайне близкие к ПКДП. Так 3-й почерк Ногайской книги (им переписаны л. 3 об.–4 об. и др.) идентичен почерку «озерника» – человека, который в ПКДП добавлял сведения об озерных угодьях владельца земли. Почерк, который встречается на л. 27а Ногайской книги, близок к почерку «передатчика»: человека, отмечавшего в пометах на полях ПКДП передачу земельного владения иному лицу.

Общее число почерков в Ногайской книге свыше 20⁶ (точное определение их числа не было первоочередной задачей⁷). Подобная че-

⁵ РГАДА. Ф. 137. Новгород, № 1. Ч. 1–2.

⁶ Некоторые почерки встречаются и в других книгах (см. ниже).

⁷ Надо отметить, что смена почерка в посольских может приходиться на: текст

респолосица может свидетельствовать о следующем. Например, о том, что темп работы был «рваный». То есть, нашли один или несколько документов – переписали, позднее обнаружили следующий – копировал уже другой человек. Немало примеров, когда заголовок (легенда) написан одним почерком, а текст – другим. Поскольку книга включает не слишком большое число документов, они могли выделяться при разборке архива постепенно (возможно, лежали в разных местах).

Кодикологический анализ дает основания считать, что Ногайскую книгу не переписывали с более раннего «оригинала», а именно составляли – т.е. подбирали и систематизировали включенные в нее документы. Формировали ее в начале XVI в.: с некоторой натяжкой начало этого процесса можно отнести к последним годам жизни Ивана III, но более вероятно уже следующее правление – Василия Ивановича.

Крымская посольская книга содержит документы 1474–1505 гг., и в настоящее время разделена на 2 единицы хранения⁸. Это также рукопись в 4°, на 583 л. (в обеих частях).

Анализ филиграней (всего их 20) показывает, что хотя небольшая часть знаков (№ 5, 7, 9) может датироваться концом XV в., остальные располагаются в пределах 1504–1517 гг.⁹ Полагаю, большое количество «бумажных швов» подтверждает ранее высказанное предположение о запасах бумаги в великокняжеской канцелярии.

В Крымской посольской книге почерки меняются очень часто, иногда почти на каждом листе, хотя встречаются и целые тетради, переписанные одним человеком. Однако не столь важно определить точное количество почерков, сколько проследить их смену: частоту и текст, на который они приходятся. И то, и другое может говорить о том, что в процессе переписки был или перерыв, или смена «исполнителя». Явных «почерковых швов» в книге не обнаружено. Смена почерков происходит постепенно, и в конце книги мы не видим тех, которыми написано ее начало. Можно предложить такое объяснение: более ранние документы разбирали и копировали одни люди, более поздние (их, кстати, больше по количеству) – систематизировали другие. Надо сказать, что именно здесь появляются довольно большие

документа; эпизод; год (документы следующего по счету года); границу двух тетрадей. Возможно, в этом можно найти какую-либо закономерность или дать логичное объяснение замеченным особенностям.

⁸ Ф. 123. № 1, 2.

⁹ Одна филигрань из конца второй части встречается в Ногайской книге (л. 35–42).

группы документов, переписанные одним почерком. Возможно, эти документы хранились вместе.

В рукописи можно найти почерки, которые есть в Ногайской книге. Так, в первой части на л. 114, 133 об. мы видим тот же почерк, что на л. 1 об. Ногайской; на л. 199 – почерк л. 3 и др. Ногайской; л. 132 писал человек, копировавший документы в Ногайской с л. 22 об. Во второй части Крымской почерк на л. 225 об. совпадает с почерком л. 61 об. Ногайской.

Полагаю, Крымскую посольскую книгу писали последовательно (но не слишком долго) в то же время, что и Ногайскую. Почерковая чересполосица говорит о том, что процесс переписки проходил практически одновременно с разборкой старого архива. Тетради, в которых есть замена и добавление листов, это подтверждают: вероятно, копировались документы, найденные чуть позже и включенные в книгу в процессе переписки.

Имперская посольская книга, содержит документы 1488–1517 гг.¹⁰ Это рукопись в 8°, на 202 л. Поскольку л. 168–182 содержат документы о связях с венгерским королем и являются, вероятно, частью иной, формировавшейся в то же время рукописи со своей нумерацией тетрадей, собственно Имперской книгой далее считаются л. 3–167 и добавленные л. 183–204 (не ранее 1517 г.).

Семь филиграней, которые встречаются на л. 3–167, четко разделяются на две группы. В одну, которую можно датировать 1512–1517 гг., входят знаки № 1, 5, 6. В другую, которая относится к последней четверти XV в., входят знаки № 2–4, 7. В части, содержащей документы XV в. (л. 3–124), встречаются знаки № 1–3. Часть, включающая документы следующего столетия, написана на бумаге со знаками № 3–7. То есть в первой части преобладают более ранние филигранные, во второй – более поздние. Однако в обеих частях встречаются филигранные, резко контрастирующие по датировке с остальными. Для первой части это знак № 1, для второй № 4¹¹.

Отмеченный разницей в датировке нуждается в объяснении. Полагаю, самый простой вариант ответа следующий: для создания книги использовали остатки, залежавшиеся в коробьях, и поэтому ранняя бумага оказалась перемешана с более поздней.

Определенное недоумение вызывает формат рукописи. Восьмая

¹⁰ Ф. 32. № 1.

¹¹ Надо отметить, что филигранные № 2–4 встречаются и в Крымской посольской книге.

доля листа не слишком удобна: небольшое текстовое поле заставляет уменьшать размер букв. В рукописных книгах подобный формат характерен для сборников, написанных монашествующими для себя. Однако вряд ли Имперская книга имела подобное «личное» назначение. Малый формат кодекса можно попытаться объяснить «поисками формы» (позднее отвергнутыми), т.е. считать книгу самой ранней из имеющихся¹². Но свою роль мог сыграть и возраст писавших начальную часть этой книги. Их почерки можно определить как «старые», т.е. люди обучались письму примерно в 1470-х гг., и к моменту сознания рукописи перешагнули 40-летний рубеж. Возможно, «светское» назначение книги и заставило их предпочесть указанный выше формат.

Видный по филиграням «бумажный шов» проходит между л. 129 и л. 130, т.е. после 16-й тетради. Однако «почерковый шов» приходится на л. 124 об.–125, где заканчиваются материалы 1493 г. и начинаются документы 2 июля 1504 г. Поскольку самый поздний документ этой части относится к 9 августа 1505 г., она не может датироваться ранее конца этого года. Необходимо отметить, что на лицевой стороне л. 167 помещена только одна строка текста, а оборот чистый. Это может говорить о том, что другие материалы в книгу не копировали¹³. Однако на ранее 1517 г. были добавлены л. 183–204, содержащие «тетрадь как чтят Максимьяновых послов наместники по городом». Поскольку ее формат соответствует рассматриваемой книге, можно предположить, что иного сборника документов в то время не было.

Как и в других рукописях, почерки в Имперской книге сменяют друг друга достаточно часто. Также можно найти листы, переписанные людьми, участвовавшими в создании Ногайской и Крымской книг.

Приведенные данные свидетельствуют, что Имперская книга создавалась примерно в то же время, что и рассмотренные выше. Полагаю, что часть, включающая документы XV в., была написана старыми подьячими из канцелярии Ивана III¹⁴.

Заключительный вывод формулируется так. 1. Рассмотренные посольские книги создавались в начале XVI в., вероятно, в начале

¹² Филиграни этому не противоречат.

¹³ Хотя они могли просто отсутствовать.

¹⁴ Создается впечатление, что эти документы были лучше систематизированы и хранились в одном месте (у одного человека?).

княжения Василия III. 2. До этого времени книг не было: документы хранились в иной «форме». 3. Появление посольских книг – результат планомерной и масштабной работы по разборке старого архива и созданию «новых» делопроизводственных сборников, в которых документы систематизированы по странам и хронологии. Большой объем проводимой работы по копированию старых документов приводил к тому, что рукопись, первоначально воспринимавшаяся как кодекс, довольно быстро приобретала черты сборника копий (эта особенность прослеживается по всем книгам).

1. *Мошкова Л.В.* Кодикологический анализ посольских книг конца XV – начала XVI в.: поиск методики // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Международной научной конференции. Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017.
2. *Фролов А.А.* Некоторые вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины письма 1495–1496 годов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3.

УДК 94(47).043

А.С. Усачев¹

Об одном заказчике рукописных книг и «троицкой гегемонии» в Русской церкви на рубеже XV–XVI вв.²

История Русской церкви; XVI век, Троице-Сергиев монастырь; рязанская епархия; рязанский епископ Протасий; рукописная книга; записи на книгах.

Рассматривается личность заказчика ряда рукописных книг XVI в. Выясняется, что в этой роли выступил рязанский епископ Протасий (1496–1515/16 гг.). Судя по всему, он являлся выходцем из Троице-Сергиева монастыря. В него он удалился после ухода с кафедры. Устанавливается, что поставление Протасия на рязанскую кафедру было связано с процессом усиления позиций постриженников Троице-Сергиева монастыря, игумен которого в 1495 г. стал митрополитом.

Исследователи на протяжении ряда лет уже уделяли внимание определенным группам иноков, игравшим заметную роль в управлении Русской церковью в XVI в. При этом свое внимание они, как правило, концентрировали на рассмотрении деятельности волоколамских иноков. В литературе в целом был выявлен круг из нескольких

¹ Усачев Андрей Сергеевич, РГГУ, МГИМО (РФ, Москва), д.и.н., asuuas@mail.ru.

² Работа выполнена при поддержке РФФИ-РГНФ (проект № 15-01-00089а).

десятков выходцев из обители Иосифа, ставших настоятелями обителей и архиереями [4, с. 305 – 310; 3, с. 238–298; 10, с. 151–169]. Роль иных обителей в управлении Церковью изучена меньше. Это создает впечатление исключительности «волоколамского казуса». Стремясь восполнить столь очевидный пробел в историографии, ниже свое внимание мы сосредоточим на одном заказчике рукописей. Некоторые факты его биографии, как нам представляется, дадут возможность нанести дополнительный штрих на картину роли постриженников другой обители в управлении Русской церковью интересующего нас периода.

Главной трудностью в изучении биографий руководителей Церкви XVI в. является состояние источниковой базы. Духовное происхождение (место пострига или длительного проживания) большинства из них неизвестно. Как правило, в источниках более или менее полно освещен лишь период руководства той или иной кафедрой или обителью. Именно с этим связано то, что в целом ряде случаев фундаментальный справочник П.М. Строева сообщает лишь сведения о времени пребывания того или иного лица в роли архиерея или настоятеля монастыря [8]. Привлечение неизвестных П.М. Строеву источников позволяет прояснить ряд вопросов в биографиях, по крайней мере, некоторых руководителей Русской церкви. Об одном из них и пойдет речь ниже.

В собрании рукописей Троице-Сергиева монастыря хранится несколько служебных миней, которые, по-видимому, составляли один комплект. Две из них содержат выходные записи, сообщающие сведения о дате и месте переписки рукописей, а также об имени заказчика. Как сообщает выходная запись октябрьской минеи, «многогрешный и недостойный раб Божии диякон Моисеи списах своею грешною рукою дванадцати минеи, а замышлением осподаря нашего святаго владыкы Протасья резанского и муромскаго, при благоверном великом князе Иване Ивановичи резанском в лето 7017» (т.е. в 1508/09 г.)³. В состав этого комплекта миней входила и августовская минея, переписанная в том же году⁴. Как нетрудно заметить, в роли заказчика рукописи выступил рязанский владыка Протасий. Согласно данным П.М. Строева, он занимал кафедру с 1496 по 1516 гг. [8, стб. 414]. Важно отметить, что в библиотеку Троице-Сергиева монастыря рукописи поступили не позднее XVI–XVII вв. На это указывает полууставная

³ НИОР РГБ. Ф. 304.I (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 483. Л. 269 об.

⁴ Там же. № 590. Л. 315.

запись по нижнему полю Л. 1–4 октябрьской минеи («Минѣя Троецка[го] Сергиева монастыря»). Есть веские основания полагать, что рукописи поступили в Троицу значительно ранее.

Определяя этот период, обратим внимание на запись еще одной рукописи, переписанной по поручению Протасия, – Октоиха 1515/16 г. Согласно тексту выходной записи, рукопись переписывалась «по благословению государя моего бывшего епископа Протаса Рязанскаго и Муромскаго... А писал сию книгу многогрѣшнии диак Федко Иевлев сын, а паробок живоначальные Троици и чудотворца Сергия»⁵. Как нетрудно заметить, рукопись переписывалась по заказу уже покинувшего кафедру владыки подчиненным ему лицом – троицким «паробком» (возможно, состоявшим при нем служкой обители). Точно место переписки рукописи не указано, но есть определенные основания полагать, что речь шла о Троице.

Рязанский владыка Протасий (Тарасий) занимал кафедру с 18 декабря 1496 г. По новгородской II летописи, он оставил кафедру в 1515 г. [6, с. 142] По данным П.М. Строева, это произошло в 1516 г. (смерть владыки этот историк относит к апрелю 1520 г.) [8, стб. 414]. Подобное разночтение может быть связано с тем, что П.М. Строев, как, впрочем, и многие другие дореволюционные исследователи, от даты от сотворения мира механически отнимал 5508 даже в тех случаях, когда событие приходилось на период с 1 сентября по 31 декабря. Если разночтение новгородской летописи и П.М. Строева связано с этим, то можно думать, что Протасий мог оставить кафедру в период с 1 сентября по 31 декабря 1515 г. Судя по тексту записи, можно полагать, что он удалился в Троицу. Есть определенные основания полагать, что место ухода Протасия могло быть обусловлено тем, что он на рязанскую кафедру был поставлен из Троицы. Прямо на это источники не указывают. Однако необходимо иметь в виду следующее.

В 1495 г. на всероссийскую кафедру был поставлен троицкий настоятель Симеон (1495–1511 гг.). Известно, что он ставил на владычные кафедры выходцев из Троицы: Серапиона (1506 г.) – на новгородскую кафедру, Евфимия (1496 г.) и Досифея (Забелу) (1508 г.) – на крутицкую⁶. В свете этого допустимо думать, что поставление Протасия через год после поставления Симона было не случайным. С веро-

⁵ Цит. по: [1, с. 119–120].

⁶ О роли троицких постриженников в управлении Русской церковью во второй половине XV – первой трети XVI в., например, см.: [9, с. 55–56].

ятным троицким происхождением Протасия, в частности, может быть связан вклад (50 руб.) еще находящегося на рязанской кафедре Протасия в Троицу 2 января 1512 г. [2, с. 39] Несмотря на то, что Протасий делал вклады и в другие монастыри⁷, место его вероятного ухода с кафедры делает гипотезу о его троицком происхождении более предпочтительной. Соответственно, допустимо думать, что и появление рукописей этого владыки в Троице было связано с его возвращением со своим имуществом в свою Alma Mater на покой (вполне обычная практика для церковной истории XVI в.).

Подводя итог, зафиксируем, что есть основания полагать, что рязанский владыка Протасий являлся одним из выходцев из Троицы, поставленных происходившим из этой обители митрополитом Симонном. Это в свою очередь побуждает расширить круг руководителей Русской церкви конца XV – начала XVI вв., которые были связаны с Троице-Сергиевым монастырем. Можно думать, что «троицкая гегемония» по числу архиереев (митрополит и четыре епископа за 16-летний период) в определенные моменты была не менее значимой, чем волоколамская. Данное обстоятельство лишает «волоколамский казус» при всей его значимости уникальности.

1. *Артемьев А.И.* Описание рукописей, хранящихся в Библиотеке Казанского императорского университета. СПб., 1882.
2. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
3. *Дайкстра Т.* Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. М., 2007. Вып. 2.
4. *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977.
5. *Никольский А.И.* Описание ркп., хранящихся в Архиве св. Синода. СПб., 1904. Т. 1.
6. Новгородские летописи. СПб., 1879.
7. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1888 г. СПб., 1891.
8. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.
9. *Тарасов А.Е.* Троицкие выходцы на архиерейских кафедрах Русской церкви в XV–XVI вв. // VIII Междунар. науч. конф. «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материальные сви-

⁷ Так, в 13 июля 1511 г. он вложил Октоих в Спасо-Каменный монастырь [5, с. 47], а 28 марта 1503 г. «в дом великого мученика Дмитрея в великого князя село в Гледяное Евангелие опракос, на память себе и своим родителем, в Муромскую десятину» (во вкладной записи представлены иноческие имена четырех родственников Протасия) [7, с. 10].

детельства, 3-5 окт. 2012 г.»: Тезисы докладов. Сергиев-Посад, 2012.
10. Усачев А.С. Когда закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Исторические записки. М., 2014. Вып. 15 (133).

УДК 94(47)«15»

Л.П. Горюшкина¹

**Прием посольств Польско-Литовского государства при
Василии III и Иване IV: некоторые наблюдения над
точными датами**

Посольские приемы; точные даты; церковный календарь; недельный цикл.

Рассматриваются точные даты приема польских и литовских послов при московском дворе: их соотношение с церковным календарем и недельным циклом.

В XVI в. отношения России с находящимися в личной унии Великим княжеством Литовским и Королевством Польским были весьма оживленными, но и весьма непростыми. Постоянные территориальные споры осложнились в середине XVI в. спором о титуле правителя России. Впрочем, военными столкновениями отношения не исчерпывались, и страны регулярно обменивались посольствами. За 1505-1561 гг. сохранились известия о приеме свыше 80 посольств разного ранга из Польско-Литовского государства².

Прием дипломатов сопровождался сложным церемониалом, включавшим аудиенции у государя. Независимо от ранга посланники и послы должны были предстать перед главой государства на приеме и отпуске посольства, а если целью миссии было урегулирование того или иного спорного вопроса – то и перед каждым раундом переговоров (отступления от этого правила специально отмечались). Таким образом, в дипломатических приемах сочетались церемониальная сторона придворной жизни и практическая сторона работы служащих внешнеполитического ведомства. Обращение к точным датам (датам с точностью до дня) приема послов дает возможность посмотреть, как соотносились эти две стороны придворной жизни: существовали ли приоритеты в выборе дней недели, стремились ли назначить прием на

¹ Горюшкина Людмила Павловна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), alae@mail.ru.

² Включая посольства от панов рад к боярам. В таком случае церемониал копировал государевы приемы, но посланников принимал боярин или митрополит.

праздничный день или, наоборот, праздник предполагал отказ от практических дел и т.д.

Поскольку Польско-Литовское направление внешней политики было одним из важнейших для России в XVI столетии, посольские документы собирались, систематизировались и хранились. В нашем распоряжении имеются посольские книги за 1517-1538 гг., 1542-1544 и 1549-1561 гг. (за 1505-1514 и 1539-1541 гг. книги утрачены). Частично сведения за пропущенные годы можно восстановить по Выписке из посольских книг и официальному летописанию. Тем не менее, бóльшая часть хронологической информации происходит из посольских книг, поскольку Выписка представляет собой реестр посольств с самыми общими хронологическими указаниями, а официальные летописи сообщают далеко не о всех посольствах и содержат весьма мало точных дат, которые, к тому же, относятся к разным этапам посольства (приезд посольства в Москву, приемы у государя, отпуск), не образуя системы.

К сожалению, точная хронологическая информация сохранилась не для всех прибывших в страну посольств: мы располагаем сведениями только о 56 (47 прибыли к государю и 9 – к боярам).

Иностранные посольства не могли свободно передвигаться внутри страны, а сопровождавшие их приставы получали от государя инструкции не только о маршруте, которым следовало везти послов, но и о скорости движения процессии. Посольство могли поторопить или, наоборот, задержать. Последней возможностью не злоупотребляли: необходимость замедлить движение дипломатов возникала в случае отсутствия государя в столице или военных действиях на границе. Важно, что возможность режиссировать и корректировать сроки прибытия миссии в столицу была.

Первый прием, как правило, назначался спустя 3-5 дней после приезда дипломатов в Москву (хотя послов могли как принять уже на следующий же день, так и задержать на две-три недели). Чаще всего он приходился на воскресенья (треть случаев), реже – на четверги и вторники (в сумме около трети случаев).

знаком расположения государя к послу было приглашение к столу, и большинство литовских послов удостаивались этой чести. Обычно «стол» для посла устраивали только один раз – после первого приема у государя (в редких случаях – дважды, столь же редки и столы на отпуске, а не встрече). При организации этой статьи протокола необходимо было принимать в расчет календарь, поскольку помимо четырех многодневных постов в течение года постными были среды и

пятницы. Сохранились даты 35 посольских «столов» – 29 были устроены государем и 6 – боярами и митрополитом. Чаще всего столы назначались на воскресенье (37 % случаев), причем в случае, когда посольство прибывало в дни одного из многодневных постов, воскресные столы устраивались чаще (больше половины всех случаев). В то же время стол вполне могли устроить в заведомо постный день (среду, пятницу или первый день многодневного поста), однако число подобных примеров невелико.

Посланники и гонцы редко бывали на государевой аудиенции чаще двух раз (на встрече и отпуске), для послов же с нее начинался почти каждый раунд переговоров. Наиболее подходящими днями и здесь оказываются воскресенье, четверг и вторник, на которые вместе пришлось 64 % случаев (распределение между ними – приблизительно поровну).

Отпуска послов также чаще всего назначались на воскресенья (44 % случаев), вслед за ними с большим отрывом шли четверги и вторники (вместе – 28 %). К дню отпуска приурочивалось утверждение государем грамот и крестоцелование (поскольку отношения с западным соседом у России были непростыми, регулярно возникала необходимость продлевать перемирие). Следует отметить, что специально этот день не выделялся: большинство государевых присяг состоялись в самые будничные дни. Исключение составили только заключения перемирий в 1522 и 1537 гг. – приурочены они были к воскресным дням и почитаемым праздникам (Крестовоздвижение и Торжество Православия).

Отдельно следует сказать о соотношении дней посольских приемов с церковным календарем. Аудиенций в дни двенадцатых праздников и памяти почитаемых святых скорее избегали, назначая прием либо накануне праздника, либо днем позже. Случаи-исключения приходятся на дни встречи и отпуска послов, когда прием ограничивался церемониальными действиями и не предполагал ведения переговоров.

Обобщая изложенное, можно отметить: на примере приема польских и литовских послов заметно, что преимущественными днями, к которым приурочивались официальные приемы при дворе, были воскресенья, четверги и вторники. Церковный календарь (в том числе календарь постов) принимался в расчет, но на значимые дни церковного календаря приходились преимущественно церемониальные приемы, ведение же собственно переговоров стремились на такие дни не назначать.

Лексема «волость» в нижегородских источниках XVI–XVII вв. (Опыт историко-семантического анализа)

Волость; община; Нижегородское Поволжье; метонимия; неопределенность (vagueness); лексико-семантический архаизм.

В статье представлены результаты историко-семантического исследования лексической единицы «волость» на широком круге источников XVI–XVII вв., относящихся к Нижегородскому Поволжью. Изучение контекстно-зависимых значений в динамике подтвердило гипотезу об эволюции содержания данного понятия.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приведены следующие значения лексемы «волость»: 1) «власть, господство»; 2) «область, находящаяся под одной верховной властью (княжение, удел и т.п.)»; 3) «сельская территориально-административная единица, волость; население волости» [12, с. 9]. Примеры из текстов XVII в. в словарной статье отсутствуют. Соответственно, не нашла отражения и существующая в историографической традиции презумпция о том, что лексема «волость» могла иметь значение «сельская крестьянская общность», «община-волость» [3, с. 93-97; 4, с. 80; 16, с. 24]. Сведения о «волостях» Нижегородского Поволжья неоднократно привлекались при изучении проблем аграрной истории, сельского расселения, исторической географии, однако попытка историко-семантического исследования лексемы «волость» на нижегородских материалах XVI–XVII вв. предпринимается впервые².

Целью исследования было определение семантики, выявление контекстно-зависимых значений лексической единицы «волость». Полученная картина ее употребления в актах, прежде всего жалованных, правых, «сотных» грамотах, в материалах делопроизводства, в том числе в указных грамотах и судных списках, в писцовых, дозорных, межевых, отказных и отдельных книгах, в «платежницах», в монастырских хозяйственных книгах и переписке в целом позволяет, как кажется, довольно полно судить о ее возможных коннотациях.

Для нижегородского Поволжья самым ранним актом с упоми-

¹ Соколова Наталья Викторовна, МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), к.и.н., natalia_sokolova@outlook.com.

² О семантике понятия «волость» применительно к более раннему периоду см. работы А.А. Горского и А.П. Толочко [2, с. 9-32; 14, с. 151-162, 166, 169].

нением «волости», вероятно, следует считать жалованную несудимую грамоту Василия III Ивановича (1505-1533) Амвросиеву Дудину монастырю на деревни в *Коршевской волости*, содержание которой реконструируется по тексту жалованной грамоты царя Федора Ивановича от 6 января 1586 г. [6, № 48, с. 66-67]³ 25 апреля 1560 г. Дудин монастырь получил жалованную грамоту Ивана IV Васильевича на оброчную бортную деревню Тредворицы в соседней *Селейкинской волости*⁴. Коршевская и Селейкинская волости источниками XVII в. уже не фиксируются. Согласно межевым книгам Г.И. Заболоцкого и дьяка Т.М. Дубровина (1562 г.)⁵, вотчина монастыря граничила, в основном, с землями помещиков, что позволяет предположить, что волости прекратили существование в результате поместных и вотчинных раздач. Весьма лаконичные сообщения актов с использованием лексемы «волость» зачастую не могут служить для определения ее семантики.

В документах писцового делопроизводства материала для семантического анализа больше. Среди них особое место занимают сохранившиеся в копии XVIII в. «Книги Зауольской волости и Богородецкой писцов Михаила Жедринского да Карпа подьячего лета 7041-го августа в день» [10, с. 119-169]. Есть основания предположить, что протограф представлял собой фрагмент подлинных писцовых книг М.А. Жедринского и подьячего Карпа Игнатьева. Изначально рукопись, по-видимому, содержала описания Балахны и ее округа на правом берегу Волги, а также левобережья – от р. Узолы до р. Везломы. Но на определенном этапе своего бытования она была «расширена», о чем свидетельствуют как заголовки (с явными анахронизмами), так и содержание документа. Атрибуция его при публикации как «сотной грамоты» Узольской волости ошибочна.

Отметим, в частности, что в «Узольскую волостью» для писцов явно не входило «селцо Спаское в *Узольской слободе* ... Дмитриеево з братьею Семеновых детей Перепечина», которые оброк собирали «на себя», а не на великого князя⁶. Земли, которые отдаются новым держателям на льготу, также отнесены ими к «*Узольской слободе*». Судя по упоминаемым в тексте «межам», по крайней мере часть из них «инфильтрирована» в ранее освоенные земли «волости», т.е. в

³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 13. Д. 7977; Д. 8184. Л. 15–19.

⁴ Там же. Д. 8184. Л. 44–47 об.

⁵ Там же. Оп. 14. Д. 8449. Л. 1–8.

⁶ В писцовой книге 1558/1559 г. сельцо Спаское названо бывшей «вотчиной Перепечиных» [11, с. 143].

рамках дихотомии «волость» – «слобода» обе лексемы не имели значения «территория»⁷. Иными словами, привычное для узуса XIX–XX вв. значение «сельская административно-территориальная единица» в данном случае очевидно не приемлемо – требуется иной семантический вариант.

Если понимать текст писцовых книг буквально, «волостью» является совокупность деревень и починков, которые платят великокняжеские оброки, включая и те, что имели на момент описания «льготу», но в ходе его были «досрочно» пооброчены («А се деревни Узольские ж волости, которые льготы не отсидели, а оброку давать с тех деревень впервые лета 7042-го»). Единицей описания (и обложения) была деревня, для которой указан совокупный оброк (медом или денежный). Кроме того, волость платила «дворецкого и ключничьи пошлины и записного стола оброк». Держателями земель выступали «бортники» и «оброчники», причем оброчные деревни еще не выделены в отдельную группу, хотя уже в середине XVI в. они составляют особую категорию государственных земель [9, с. 579]. Наряду с крестьянами-земледельцами держателями оброчных деревень выступают жители Балахны. Таким образом, «волость» в 1530-х гг. представляла собой социально гетерогенную общность. В источнике присутствуют лишь некоторые косвенные признаки самоорганизации ее жителей.

В сотной грамоте 1560 г. с писцовых книг 1558/1559 г. Ю.Г. Мещерского и М.И. Ростопчина Узольская волость по-прежнему не названа дворцовой («волость Узола, а в ней царя и великого князя села и деревни дворцовые»). В источнике отчетливо проявляется (вероятно, как следствие земской реформы) «территориальный» аспект значения лексемы «волость». Запустевшие «от Казанской войны» земли, которые вновь отдаются «на льготу», по мнению писцов, уже являются частью «волости». Заметен он и в описании промысловых угодий («В Узольской же волости реки и озера рыбные и бобровые гоны...») [11, с. 120, 140, 149]. Сопоставление книг 1530-1550-х гг. и выписи на Заузольскую волость из писцовых книг Т.И. Хлопова и дьяка Семена Суморокова (1590/1591 г.) позволяет проследить процесс складывания крестьянской «общины-волости» на землях дворцового ведомства [13].

В сохранившихся в списке XVII в. дозорных книгах дворцовых

⁷ По мнению С.В. Сироткина, «Заузольская волость Балахнинского уезда... в XVI в. чаще именовалась Узолою или Узольскою волостью, а прежде – Узольской слободой» [11, с. 115].

владений Нижегородского у. В.Ф. Борисова и подьячего Третьяка Аврамова (1587/1588 г.) все три случая использования лексемы «волость» приходятся на один лист, где размещены итоговые данные текущего описания «Матюшевской волости» и сведения о ней из приправочных книг (с книг письма и дозора Петра Бурунова 1577/1578 г.)⁸ [1, с. 5-76]. В нижегородских отказных и отдельных книгах конца XVI в. к Матюшевской волости добавились Кожуховская, Шахмановская, Сосновская⁹, а также Мурашкинская и Лысковская в Курмышском у. Лексема «волость» используется здесь в типовых формулах с именами крестьян, участвовавших в отводе или межевании («Кожуховские волости бортники...», «Да старожилец Шахмановские ж волости крестьянин...», «Шахмановские волости деревни Курашкины крестьянин...»). Неоднократны упоминания «волости» во взаимосвязи с приходом («Спаской поп Онтон Шахмановские волости», «Сосновские волости Фроловской поп Филип Петров сын»). Таким образом, «волость» здесь уже не совокупность деревень, а некая общность людей, население определенной территории, как правило, совпадавшей с церковным приходом. Источники фиксируют существование мирских выборных – старост, «губного соцкого», десятского, а также института круговой поруки внутри «общины-волости» [1, с. 228, 234, 239-240, 259, 260-261, 274, 308, 399]. Новеллой отказных и отдельных книг стало применение лексемы «волость» не только к коронным владениям, состоящим из некоторой совокупности деревень, где центром округа был погост, но и к дворцовым селам с тянувшими к ним деревнями. В приобретении лексемой «волость» – вследствие метонимии – нового значения заметную роль, по-видимому, сыграла гомогенизация населения, которое становится по преимуществу крестьянским.

В царских указных грамотах, на основании которых эти отказы и отделы проводились, как и в самих книгах, лексема «волость» встречается также в составе устойчивой формулы: «А велели ему, взяв с собою тутошних и сторонних попов и дьяконов, и старост, и целовальников, и крестьян, сколько пригоже... сыскати всякими сыски накрепко... ныне та деревня порозжа ль, наперед сево кому не отдана ли и к нашим дворцовым селам, и к черным волостям, и к оброчным деревням, и к ямским слободам не приписана ли» [1, с. 136, 155 и др.⁷ №

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 1–83.

⁹ Это «бортники Кожуховские», села Шахманово и Сосновское с тянувшими к ним деревнями дозорных книг 1587/1588 г.

3, 4, 7, 69, 122, 163]. В данном перечне категорий земель, различающихся по своей социальной принадлежности и финансово-податному статусу, понятие «дворцовые села», видимо, «поглощало» и существовавшие *de facto* дворцовые волости. Однако, и возникающие ассоциации с другим перечнем, из княжеских/царских духовных, вероятно, не случайны: «Да сына же своего Ивана благословляю великим княжеством Нижегородским, даю ему Новгород Нижней *с волостми, и с путми, и с селы*» [5, № 104, с. 437]. Как представляется, именно «пути», очевидно отличающиеся не только от черных волостей, но и от «сел» как личных владений князей, исторически были основой формирования дворцовых «волостей», аналогичных Узольской. Применительно к Нижегородскому Поволжью речь идет, прежде всего, о деревнях великокняжеских бортников как части «чашнича пути» [15].

Изменения происходят не одномоментно, следствием чего являлись переходные состояния, которые можно охарактеризовать как *семантическую неопределенность*. Так, в нижегородской платежнице 1607/1608 г. зафиксировано уже более двух десятков волостей, в том числе Вельдемановская, Лекеевская, Лукинская, Поповская, Толоконцевская, Княгининская, восходящие к дворцовым хозяйственным комплексам дозорных книг 1587/1588 г., а также Белгородская. Однако в платежнице 1611/1612 г. ряд из них вновь отсутствует. Анализ показал, что лексема «волость» нередко не употребляется в «титульной» записи того или иного дворцового комплекса, поскольку при создании новой платежницы за основу брали писцовые или дозорные книги, но содержится в части, касающейся более изменчивых оброчных статей, и в разного рода «дописках». Как оказалось, в данном случае лексема «волость» появляется в записях об индивидуальных платежах (государственных налогов или «владельческой» ренты) крестьян, земельное держание которых «вышло из льготы в нынешнем во 116-м году», в связи с необходимостью «привязать» их к ранее внесенной их «волостью» сумме [8, с. 3, 5, 97].

Согласно нижегородским писцовым книгам Д.В. Лодыгина, В.И. Полтева и дьяка Дементия Образцова в 1620-х гг. значительная часть земель дворцовых волостей оказалась в руках новых владельцев, на поместном или вотчинном праве [7, с. 556-824]. В результате дробления дворцовых хозяйственных комплексов исчезает из употребления и лексема «волость». Другие же были отданы целиком в одни руки, и еще довольно долго назывались волостью¹⁰. Царские пожалования в

¹⁰ А.А. Давыдова вводит термин «волость-владение» для случаев, «когда во-

вотчину без права наследования, как это случилось, например, с Белгородской волостью, в результате неоднократно в XVII в. возвращавшейся в дворцовое ведомство, приводили не только к сохранению лексемы «волость» в названии, но и к определенной консервации системы управления и социальной структуры. Появление в XVII в. новых «волостей», во владениях патриарха (Ярымовская, Скоробогатовская, Спасская), было обусловлено сходством системы управления и делопроизводства Приказа Большого Дворца и патриаршего Дворцового приказа. Приведенные примеры использования лексемы «волость» в XVII в. – это явный лексико-семантический архаизм, когда слово продолжает существовать в языке, но обозначает уже совсем иной предмет или явление.

1. *Антилогов Г.Н.* Нижегородские документы XVI века (1588-1600 гг.). М., 1977.
2. *Горский А.А.* Земли и волости // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
3. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.
4. *Давыдова А.А.* Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI – XVII вв. Дисс. ... к.и.н. Нижний Новгород, 2005.
5. ДДГ. М.; Л., 1950.
6. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Грамоты Коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. I. (1498-1613 г.) / Под ред. А.К. Кабанова // Действия НГУАК. Т. XIV. Отд. III. Нижний Новгород, 1913.
7. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М., 2015. Ч. 1.
8. Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. // Смутное время Московского государства 1604-1613. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1910. Вып. 7.
9. ПРП. М., 1956. Вып. 4.
10. *Сироткин С.В.* Сотная 1533 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6.
11. *Сироткин С.В.* Сотная 1560 г. с писцовой книги 1558/59 г. на Узольскую волость Балахнинского уезда // Очерки феодальной России. М.;

лость представляла собой не совокупность дворцовых владельческих населенных пунктов, а полностью принадлежала одному вотчиннику, т.е. была владельческой» [4, с. 110]. Предлагаемая дефиниция вызывает искреннее недоумение по поводу того, что исследовательница вкладывает в понятия «владение» и «владельческий».

- СПб., 2016. Вып. 19.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3.
 13. Соколова Н.В. Община и мирское самоуправление в Заузолской волости во второй половине XVI в. // Городецкие чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Александр Невский и его эпоха». Городец, 20–23 марта 2000 г. Городец, 2000. Вып. 3.
 14. Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.
 15. Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных славян // Отечественная история. 1992. № 2.
 16. Чеченков П.В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004.

УДК 94(47)05(1-2)(470.343)

А.Г. Иванов, А.А. Иванов¹

Ясачная марийская община Козьмодемьянского уезда в конце XVII – первой четверти XVIII в.

Ясачная марийская община; функции; Козьмодемьянский уезд.

В статье рассматриваются важнейшие аспекты деревенской общины горных марийцев Козьмодемьянского уезда, связанные с землевладением, землепользованием, фискально-податными функциями, состоянием крестьянского двора и положением ясачных людей в годы петровских преобразований.

В изучении института общинной самоорганизации российского крестьянства имеются несомненные достижения. В этой связи для нас по заявленной теме особый интерес представляют труды исследователей, посвященные изучению крестьянской общины народов Поволжья [2, с. 270–293; 4, с. 126–190] северорусской общины и крестьянской семьи конца XVI – начала XVIII в. [1; 6; 7], а также крестьянской общины монастырской деревни Центральной России второй половины XVII – первой четверти XVIII в. [5, с. 65–76].

Применительно к марийской деревне наиболее полно сущность крестьянской общины XVII–XVIII вв. охарактеризовала К.И. Козлова, считавшая ее «поземельной», «соседской», «крестьянской», «общинной-волостью», выступавшей как «землевладельческая и фискально-административная организация» марийского населения [4, с. 159–190]. На наш взгляд, этот перечень определений можно дополнить «дере-

¹ Иванов Ананий Герасимович, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н.; anani@marsu.ru; Иванов Алексей Ананьевич, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н.; anani@marsu.ru.

венской общиной», бытовавшей среди горных марийцев («горная черемиса», «горные люди», «ясашные люди», «черемиса») Козьмодемьянского уезда второй половины XVI–XVIII вв.

Здесь следует пояснить, что с присоединением Казанского ханства к Русскому государству в середине XVI в. московская администрация провела поуездное межевание территории Марийского края, и это межевание было совершено довольно удачно, так как в основном учитывало давно сложившееся «земляческое самоопределение» коренного населения. В обширный Козьмодемьянский уезд вошли земли по Горной и Луговой стороне р. Волги на крайнем западе расселения марийцев. Еще до официального учреждения вышеназванного уезда в 1583 г. и его волостных подразделений здесь существовала организация населения по «сотням» и «пятидесятням», возникшая не без воздействия со стороны Казанского ханства. Эти подразделения местного населения имели какое-то тяготение друг к другу, если московская администрация сочла необходимым объединить их в один Козьмодемьянский уезд. В языковом отношении все эти группы относились к *кырык мары* – горным марийцам и были связаны единством происхождения, местом проживания, культуры и этнического своеобразия [4, с. 118–119].

Во многом устойчивости горномарийского крестьянского социума способствовал и такой важный институт как община, о чем убедительно свидетельствуют изученные нами архивные документальные материалы переписной ландратской книги, ревизских сказок, частных актов, книг канцелярских сборов и копии владенных выписей по Козьмодемьянскому уезду конца XVII – первой четверти XVIII в., хранящиеся в различных фондах РГАДА. В этих источниках ясачная марийская община Козьмодемьянского уезда зафиксирована как «деревня». Каждая деревенская община являлась наследственным владельцем земли – держателем государственной земельной собственности. Как «вотчинному» землевладельцу, ей принадлежали пашни, сенокосы, леса, водоемы, промысловые угодья (бортные ухожаи, бобровые гоны, рыбные ловли и прочие). Исконные свои права на землю община подтверждала хранившимися у старожилов крепостями – владенными выписями с писцовых, переписных книг и ссылками на ясачное законодательство XVI–XVII вв. Типичным в этом отношении представляется утверждение мирских властей ясачной общины д. Чермышево Акпарсовой сотни Козьмодемьянского уезда 1686 г. о том, что «земля с угодья изстари после Казанского взятия ясашныя и оброшныя прадедов и дедов и отцов их Ахпарсовой сотни черемис, и в писцо-

вых, ясашных, оброчных книгах как та земля, так и состоящие в тех урочищах озеро Мамгачево написано за оными предками»².

Владенные крепости позволяли ясачной общине отстаивать свои жизненные интересы. При земельных спорах они выступали «за один» и при этом опирались на свои владенные земельные крепости. Одновременно эти поземельные документы прикрепляли ясачных крестьян к земле со всеми обязательными казенными ясачными платежами и повинностями [3, с. 108–109]. В частности, из числа 72 деревенских общин Акпарсовой, Аказиной, Кобяшевой, Токсубаевой сотен, а также Тохпаевой и Яныгитовой пятидесятен Козьмодемьянского уезда Свияжской провинции Казанской губернии, ясачная община д. Апшат Пеляк в 30 дворов (135 душ муж. пола) имела в 1723 г. в своем владении «пашни 155 четвертей в поле, и в дву по тому ж», сенных покосов на 465 копен. С каждого из 15,5 ясака, налагавшегося на общину, «по окладу и протчих всяких зборов» ежегодно взималось в казну по 14 руб., не считая хлебных сборов по 2 четверти ржаной муки и овса, осьмине ржи³. В среднем на 1 ясак приходилось 15 дес. пашни (в трех полях) и 31 копна сена; соответственно на 1 двор (0,5 ясака) – 7,75 лес. пашни (в трех полях) или 2,5 дес. (в 1 поле) и 15,5 копен. На 1 душу муж. пола пришлось бы 1,7 дес. пашни (в трех полях) и 3-4 копны сена.

По данным ландратской переписной книги Козьмодемьянского уезда 1717 г. средняя норма подворного поземельного пользования и обложения во всех марийских деревенских общинах, за редким исключением, составляла 0,5 ясака⁴. Кроме того, ясачные люди владели общинными и семейными мукомольными мельницами и другими промысловыми угодьями на определенных условиях аренды с уплатой казенного оброка⁵.

Марийские крестьянские дворы традиционно пользовались своим «паем» – частью ясачной общинной земли. Так, в 1702 г. «своего пая для ясаку и всяких податей пашенную землю и сенные покосы» имел марийский ясачник д. Шурмары Акпарсовой сотни Эпай Похтубаев. Сами размеры тягловых земель крестьянских дворов в разных общинах-деревнях не были одинаковыми. По данным 1700 г. дворовладелец Ахмат Адискин из Яныгитовой пятидесятни был написан в

² РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Д. 1230. Л. 10, 14–18.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 480. Д. 7. Л. 641 об.–642; Ф. 350. Оп. 2. Д. 1418. Л. 625–626.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 192. Л. 151–201 об., 231–376 об., 431–803 об.

⁵ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 31 766. Л. 8–24.

«целого двора ясак», что равнялось 15 дес. пашни и 100 копен сена. Однако из-за «скудости своей» в 1701 г. «полдвора пахотной своей земли на 22 овина да сенных покосов в трех местах на 50 копен вечно и з городьбою» вынужден был отдать марийскому крестьянину той же пятидесятни Обаку Тулибекову. Некоторые деревенские общинники-марийцы вынуждены были отдавать свои земельные участки в аренду русским посадским людям, ямщикам, священникам и другим жителям Козьмодемьянска⁶.

Кроме долевого принципа землепользования в некоторых деревенских общинах имело место наследственное подворное владение землей. Во многом это было связано с наличием свободной земли, когда состоятельные крестьянские семьи распахивали общинные леса под пашню и сенокосы и на новых местах застраивались своими дворами. Такие зажиточные дворохозяева могли без согласия общины распоряжаться своими землями⁷. Новоросчищенные земли отдельных дворовладельцев на длительное время оставались в их индивидуальном владении. Однако по мере увеличения крестьянского населения и нарастания земельной «тесноты», деревенские общины запрещали отчуждать надель, передавая по наследству, продавать и закладывать в аренду. Со временем индивидуальные новоросчищенные земли включались в общий фонд общинных земель и распределялись между семьями [3, с. 121].

В Козьмодемьянском уезде каждой деревенской общине, едва превышавшей по численности 50 крестьянских дворов при средней людности семей в 5–6 человек, как фискально-податной единице, с большим трудом удавалось справляться с обрушившимися казенными ясачными платежами и повинностями. В это время денежная часть ясака реально возросла примерно в 4 раза, а хлебных сборов в 2 раза. В 1723 г. с 1 ясака в разных общинах выплачивали в казну от 9 до 14 руб. и по 4,5 четверти ржи, овса и муки. В среднем на 1 ясачный двор приходилось по 5 руб. 11 коп. С проведением в 1704–1707 гг. новой переобработки заметно возросли размеры денежных сборов с бортных и хмелевых угодий, звериных и рыбных ловель, меленок-колотовок, мест языческих молений-кереметей, свадебных вывозных («куничные») денег и прочих сборов⁸.

⁶ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4632. Л. 2–3, 7–7 об.; Д. 4633. Л. 19 об.–20, 25 об.–26 об., 43–43 об.

⁷ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4633. Л. 73 об.–75 об.

⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1418. Л. 87–92, 194, 239–271, 321–350, 355–515,

Особенно тяжелыми оказались трудовые мобилизации. По все-российским и местным наборам ясачные марийцы наравне с другими крестьянами привлекались на различные работы, главным образом, на заготовку корабельного леса. Начиная с 1701 г. каждая деревенская община обязана была наряжать с 5 дворов по 1 пешему работнику и с 50 дворов по 1 конному работнику. Ясачные работники должны были на 6–8 месяцев «ехать в работу и лесной воске на шмаковое дело с лошедми и с хомутом и с припасами и с полным хлебом припасы» для отработки лесных повинностей в Казань. Не желая отрываться от своего хозяйства, многие марийские общины нанимали временных работников из числа русских крестьян и горожан. В 1702 г. пешие и конные работники, нанятые ясачниками, были отправлены для отработки на Симбирские селитренные заводы. Постоянными для деревенских общин являлись повинности по строительству и содержанию в исправности казенных хлебных амбаров и других строений в уездном городе, починке двух казенных мукомольных мельниц на р. Рутке. Подводная, подорожная, постоянная и другие повинности еще более усугубляли тяжелое положение ясачных людей⁹.

В этих условиях ясачная марийская община Козьмодемьянского уезда использовала различные методы, включая массовые подачи челобитных губернским властям о снижении ясачных податей и повинностей, стихийные побегии, «утаивание» наличной численности крестьянских дворов и ясачных людей в ходе проведения переписей 1704, 1712, 1717, 1719, 1723 гг., способствовавшие защите своих крестьянских интересов.

1. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере (Конец XVII – начало XVIII в.). М., 1976.
2. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары, 1986.
3. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995.
4. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
5. *Соколова Н.В.* О роли общины в системе налогово-повинностных практик в монастырских вотчинах Центральной России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 2014. Вып. 1.
6. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997.

662–671; Ф. 273. Оп. 1. Д. 31 766. Л. 8–24; Д. 32 647. Л. 413 об.–414.

⁹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4632. Л. 11 об.–13 об.; Д. 4633. Л. 114 об.–116, 139 об.–140 об., 259 об.–264, 271–273.

7. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М., 2012.

УДК 94(47) «18»

В.Н. Никулин¹

Сельская община новгородских крестьян в первые пореформенные десятилетия

Новгородская губерния; крестьянство; община; крестьянские органы самоуправления; сельский староста; сельский сход.

Статья содержит характеристику сельской общины одной из северо-западных губерний России. Рассмотрена структура органов сельского самоуправления, их функции и практическая деятельность. Показан характер отношений между членами «мира» и выборной сельской администрацией.

Состав сельских обществ, структура органов крестьянского самоуправления и их компетенция были прописаны в «Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»². Позднее в ходе реализации реформ 1863 и 1866 гг. аналогичная система управления была распространена на бывших удельных и государственных крестьян.

Сельские общины Новгородской губернии делились на простые, включавшие жителей одного села, и многодеревенские, состоявшие из крестьян нескольких соседних деревень. В простых общинах имелся единый сельский сход. Он собирался как большой, если поставленные на обсуждение вопросы касались экономических и др. интересов всех общинников. Решение вопросов, затрагивавших только часть членов общины, возлагалось на малый сход. Участники большого схода принимали решения о раскладке податей и повинностей, переделе земельных угодий, избирали своих представителей на волостной сход. Принятые решения фиксировались в приговоре³. Ну а подтвердить, что «семейное положение призываемых на службу в армию, внесенных в список, показано правильно» мог и малый сход сельской общины⁴.

В многодеревенских общинах были общие, т. е. всего сельского

¹ Никулин Валерий Николаевич, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, (РФ, Калининград), д.и.н., nikuliny@mail.ru.

² См.: Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Раздел 2. Об устройстве сельских обществ и волостей и общественного их управления [5, с. 45-51].

³ ГАНО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 35-36.

⁴ Там же. Д. 49. Л. 5.

общества, сходы, и малые – подеревенские или поселенные. Малые сходы осуществляли повседневное управление, решали проблемы местного деревенского значения: опекунов, призрение малолетних и стариков⁵. Но всегда основным вопросом для схода было внутридеревенское землепользование. Так в сельском обществе Борок Заозерской волости Крестецкого уезда, состоявшем из трех поземельных общин, вопросы, связанные с распределением и использованием земли, решались в каждой деревне самостоятельно [6, с. 257-258]. «Мир одной из общин решает все дела, касающиеся земли, только ей принадлежащей, а общество всей деревни входит в дела, касающиеся всех трех общин»⁶. На сельском сходе каждой деревни распределялись общественные работы: ремонт и поддержание в исправном состоянии дороги, моста либо плотины. Общий сельский сход собирался, когда необходимо было принять решение по фискально-административным вопросам: избрание должностных лиц сельского общества, раскладка податей и повинностей, внесение изменений в сроки сбора недоимок⁷.

На общие сходы созывались все приписанные к данному сельскому обществу крестьяне-домохозяева. В приговорах схода обязательно фиксировали общее число душ мужского пола в общине и количество присутствовавших на сходе домохозяев. Если на сход являлось менее 50 % домохозяев, то он считался не состоявшимся. Сход вел сельский староста. Без его присутствия любое решение схода могло быть признано недействительным. Основную массу присутствовавших на сходе составляли главы семейств, что вполне объяснимо – они владели надельной землей, были ответственны за своевременную уплату платежей и исправное выполнение повинностей. На сходы нередко приглашались сельские священники, ремесленники, учителя, мелкие торговцы, при решении отдельных вопросов – даже безземельные крестьяне. На малые сходы приходили исключительно жители той деревни, где такой сход созывался. Правом решающего голоса на сходах пользовались только домохозяева – главы семейств.

В отдельных случаях присутствовали на сходах женщины. Крестьянка имела право голоса, если «оставалась большухой в доме, пока дети еще не взрослые работники», при условии внесения в срок всех платежей и повинностей, приходившихся на двор⁸. Если крестья-

⁵ ГАНО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 774. Л. 21.

⁷ ГАНО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16, 19, 21.

⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 774. Л. 45.

янка хлопотала о собственном деле, например, о наследстве, или назначалась опекуной собственных детей после смерти мужа, то в этом случае она выступала как полноправный член схода⁹.

Возможность замещать на сходах отсутствующего домохозяина, получившего паспорт и занимавшегося отхожим промыслом за пределами волости, предоставлялась сыновьям и зятьям по старшинству, при отсутствии таковых – женам или соседям. Знакомство с приговорами сельских сходов различных общин Белозерского, Боровичского, Новгородского и Тихвинского уездов Новгородской губернии позволило заметить особенность их функционирования в отличие от сходов крестьян Петербургской губернии. Если на сельских сходах в новгородской деревне подсчитывались все голоса, в том числе и отсутствующих, то в столичной губернии крестьянин, представлявший интересы своего отсутствующего односельчанина, на сходе только доводил до сведения членов общины его мнение. Голоса отсутствующих при баллотировке не учитывались. Из этого обстоятельства возникали жалобы волостному старшине или земскому начальнику со стороны крестьян, оставшихся на сходе в меньшинстве, и считавших, что «мирской» приговор составлен неверно, поскольку в нем не учтено мнение отсутствующих однообщинников.

Инициатором созыва схода мог выступить как сельский староста, так и любой член общины. Староста определял время и созывал сход, ставил перед крестьянами вопросы, подлежащие обсуждению и решению. Решение схода по земельному вопросу, занесенное в приговор, признавалось действительным, если за него голосовало 2/3 домохозяев. В отдельных общинах для принятия решения необходимо было согласие 3/5 или даже 4/5 участников схода.

Приговоры по земельным вопросам, раскладке податей и повинностей записывались на специальных стандартных бланках, которые сельские старосты получали в волости. Прочие же приговоры – о семейных разделах, воинской повинности, опекунстве оформлялись на обычных листах бумаги и подшивались в специальные книги, которые велись счетчиками, избравшимися на сельском сходе. По мелким вопросам и в небольших общинах часто практиковались устные приговоры.

Необходимо упомянуть о так называемом «совете стариков», роль которого в жизни дореформенной крестьянской общины была значительна. Некоторые свои полномочия «совет стариков» сохранил

⁹ ГАНО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 35. Л. 26.

и в пореформенный период. Все чаще он использовался как совещательный орган при обсуждении наиболее сложных вопросов, связанных с лишением недоимочного хозяйства земли и передаче ее другому дворовладельцу, проведением в общине коренного передела и др.¹⁰. В отдельных случаях «совет стариков» подменял собой волостной суд, которому крестьяне не доверяли.

В пореформенные годы происходил резкий рост отходничества новгородских крестьян, что сопровождалось ростом влияния крестьянок в хозяйственной жизни деревни и более активным участием их в решении общинных вопросов [3, с. 173-180; 4, с. 119-138]. В 70-80-е гг. на сходы все чаще стали допускать вдов, имевших наделы, и жен, мужа которых ушли на заработки.

Центральной фигурой в пореформенной сельской общине был староста. Его избирали из крестьян-домохозяев, имевших наделенную землю, трезвого поведения и не судимого. Чаще всего это были крестьяне-середняки. Зажиточные крестьяне стремились уклониться от такой «чести», поскольку должность старосты была больно хлопотной. Постоянные разъезды старосты отрывали его в страдную пору от сельскохозяйственных работ, тяжелым бременем ложилась на плечи ответственность перед «высшим начальством». В некоторых общинах был установлен порядок поочередного пребывания крестьян в должности сельского старосты. Свою лепту в формирование корпуса сельских старост вносили волостные старшины, мировые посредники и земские участковые начальники.

В отдельных случаях сельские старосты принимали участие в социальных протестах крестьян. Когда временнообязанные крестьяне д. Манцы, Большое и Малое Демкино Демянского уезда оказали сопротивление местной полиции при продаже их имущества за недоимки, «сельские старосты указанных деревень, вопреки приказанию, не пригнали на место имеющийся у них описанный скот» [1, с. 343]. Сельский староста общины с. Раменья Валдайского уезда Ильин, поддерживая однообщинников, мешавших работам по размежеванию земель, заявил: «Мы не пустим никого проходить по своим межам...» [2, с. 478-479].

В обязанности сельского старосты входил контроль над выполнением приговоров схода, надзор за порядком и «благочестием», арест бродяг и беглых, обеспечение своевременного и полного сбора податей и выполнения повинностей.

¹⁰ ГАНО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.

Переизбрание сельского старосты проводилось через каждые 3 года. Для этого собирался сход, на котором заслушивались отчеты сельской администрации и рассматривались финансовые дела. Избранная общинниками комиссия крестьян-счетчиков проверяла не только работу сельского старосты, но также сборщика податей и смотрителей хлебозапасных магазинов.

В многолюдных общинах наряду с сельским старостой выбирали его помощников. Так в Заозерской общине Крестецкого уезда на 3 года избирались «сельский староста, пожарный староста... и два десятских в помощь сельскому старосте: годовой и недельный – в них обязан прослужить каждый земельный крестьянин определенный миром срок: в должности годового четыре недели с души в год, в должности недельного – два дня с души в год» [6, с. 293-294]. Годовой десятский созывал сход, недельный вел учет отбыванию повинностей. На полевых, сенокосных и лесных старостах лежали обязанности по организации и контролю земледельческих работ. Они были подотчетны непосредственно сельскому сходу и пользовались большим авторитетом среди членов крестьянского «мира».

Несомненно, что в пореформенные годы происходила сложная эволюция сельской общины новгородских крестьян. Одни ее компоненты утрачивали былое значение, другие приобретали главенствующее значение. В этом процессе играли свою роль как аграрно-крестьянская политика правительства, так и развитие капиталистических отношений в деревне.

1. Крестьянское движение в России в 1870-1880 гг. Сб. док-тов. М., 1968.
2. Крестьянское движение в России в 1881-1889 гг. Сб. док-тов. М., 1960.
3. *Никулин В.Н.* Из истории лесных промыслов сельского населения северо-западных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. темат. сб. науч. тр. / Под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2012. Вып. 19.
4. *Никулин В.Н.* Отхожие промыслы крестьян Новгородской губернии в пореформенные десятилетия // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы. Вторые чтения, посвященные 90-летию со дня рождения историка-аграрника, профессора Хамзы Фатыховича Усманова. Уфа, 2013.
5. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М., 1989.
6. Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880. Т. 1.

Микулинский уезд Русского государства: статус и структура

Писцовые книги; уезд; стан.

Статья посвящена изучению статуса и структуры Микулинского уезда. Автором показано, что в середине XVI в. Микулинский уезд вошел в состав Тверского уезда, став его станом к концу столетия.

Процесс интеграции бывших княжеств в состав единого Русского государства в первой половине XVI в. подробно исследовался нами на примере территории бывшего удельного Микулинского княжества², входившего в XIV – последней четверти XV вв. в состав великого княжества Тверского [4]. Вместе с тем вопрос об эволюции статуса и структуры обозначенной территории не являлся предметом специального изучения. В рамках данной работы предпринята попытка восполнить указанный пробел³.

В XVI в. основной административно-территориальной единицей Русского государства стал уезд⁴. Территорию бывшего удельного Микулинского княжества в этом столетии принято считать составной частью Тверского уезда: как правило⁵, волостью [7, с. 15, 27, 40, 47, 103, 104; 10, с. 40, 141] или станом [6]. Анализ комплекса источников позволяет скорректировать сложившееся мнение.

В дошедших до нас документах первой половины XVI в., главным образом в актах 1530-х – 1540-х гг., изучаемая нами территория именуется исключительно «Микулинский уезд» [1, № 127, с. 120; № 154, с. 148; № 191, с. 192; № 200, с. 201] и «Микулин»⁶. Подобная стабильность позволяет нам предположить наличие у этой территории полно-

¹ Зинько Мария Алексеевна, Научное издательство «Большая Российская энциклопедия» (РФ, Москва), к.и.н., mazinko@yandex.ru.

² Границы территории установлены в наших работах [напр., 4, с. 162].

³ Ранее нами были высказаны предварительные соображения по этому вопросу [4, с. 159–161].

⁴ Об изменениях значения слова «уезд», см., напр.: [5].

⁵ А.В. Антонов без объяснений использует термин собственной конструкции – «стан-уезд» [11, с. 5, 7, 9, 107–143, 185–205, 385–423], по-видимому, подразумевая под этим «стан, в источниках именующийся уездом».

⁶ [1, № 171, с. 163]; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 466. Л. 301 об. В связи с необходимостью провести кодикологический и палеографический анализ источников, а также вследствие неоднократного обнаружения существенных расхождений между публикациями писцовых материалов [10; 11] здесь и далее мы обращаемся к подлинникам.

ценного уездного статуса. Действительно в начале второй трети XVI в. писцы описали Микулинский уезд отдельно от Тверского, составив «книги Микулинские четвертные»⁷. Сохранившаяся часть этих книг⁸ позднее, когда Микулинский уезд уже входил в состав Тверского, скорее всего в ходе копирования в 1570-е гг. писцовых материалов, оказалась присоединена к писцовой книге Тверского уезда 1539/40 г.⁹ Об этом красноречиво, в частности, свидетельствует их общий заголовок¹⁰: «Книги четвертные поместные Тверских станов и волостей и Микулинские книги Васильевские вотчины Ондрейцова (так в тексте. – М.З.) Микулинскаго письма Ивана Петровича Заболоцкого да Михаила Иванова сына Усова Татищева лета 7048»¹¹. Хотя в последней четверти XVI в. описания Тверского и Микулинского уездов еще разделяли, у исследователей возникла иллюзия существования единого источника. Уже в XVIII в. перед описаниями был вставлен новый заголовок: «Тверь[.] Книга писцовая писма и меры Ивана Заболоцкого да Михаила Усова Татищева 7048 году»¹². В XIX в. благодаря работе Н.В. Калачова это представление окончательно закрепилось в науке [8, с. 265, № 2595; 10, с. 40].

В середине XVI в. описание Микулинского уезда впервые было включено в писцовые материалы Тверского уезда¹³. Однако территория продолжала именоваться уездом¹⁴, а составители дозорной книги Тверского уезда 1550-1554 гг.¹⁵ отметили важное обстоятельство: «наместничьими пошлинами» поместные владения, располагавшиеся в Микулинском уезде, «не тянут к городу ко Твери»¹⁶. В актах 1560-х – 1570-х гг. исследуемая территория называлась и Микулинским станом Тверского уезда¹⁷, и Микулинским уездом¹⁸. Показательно ее упо-

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 466. Л. 230.

⁸ Там же. Л. 230–327 об.

⁹ Там же. Л. 1–229 об.

¹⁰ Текст приведен по расшифровке, сделанной сотрудником Московского главного архива Министерства иностранных дел «22 авг. 1835 г.».

¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 466. Л. IV об.

¹² Там же. Л. III.

¹³ Там же. Л. 436 об.–491 об.

¹⁴ Там же. Л. 436 об., 445, 481, 487 об. Микулинский уезд как «Микулин» упоминался в важных документах тех же лет – приговоре о вотчинах от 11 мая 1551 г., присоединявшемся к тексту «Стоглава» в виде 101 главы (напр., см.: ОР РГБ. Ф. 304/1. Кн. 215. Л. 313 об.), и «Боярской книге» 1556/57 г. [2, с. 85, л. 16].

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 466. Л. 328–773 об.

¹⁶ Там же. Л. 436 об.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 303/1. Кн. 532. Тверь. № 15. Л. 273 об.; № 16. Л. 274; № 65. Л. 313; № 89. Л. 335; [1, № 301, с. 314; № 348, с. 387; № 349, с. 388; № 350, с. 389;

минание как уезда, входившего в Тверской уезд, в данной грамоте 1566/67 г. Троице-Сергиеву монастырю кн. Е.Ф. Микулинской: «...вотчины его и свою во Тверском уезде и в Микулинском»¹⁹. В писцовой книге 1580 г. Микулинский уезд, по-прежнему называясь уездом, вновь фигурировал в качестве составной части Тверского уезда²⁰, а села, находившиеся на его территории, обозначались как «тверские и... микулинские»²¹ одновременно. В отдельной книге 1588 г. Тверского уезда изучаемая территория 34 раза из 39 (или почти в 90 % случаев) была названа станом²² и лишь пять раз – уездом [11, с. 589, л. 394; с. 590, л. 398; с. 593, л. 408; с. 596, л. 416; с. 600, л. 430]. Таким образом, изменение терминологии показывает, что во второй половине XVI в. Микулинский уезд постепенно превратился из самостоятельного уезда в стан Тверского уезда. В источниках XVII в. понятие «Микулинский уезд» не встречается.

Центром Микулинского уезда являлся г. Микулин²³ на р. Шоша, до середины XVII в. (с перерывами) принадлежавший представителям рода князей Микулинских [4, с. 183–185, 225–226, 255, 239]. В первой половине XVI в. источники зафиксировали нахождение в составе Микулинского уезда стана (Шиловского)²⁴ и волости (Отъездец)²⁵, существовавших в XV в.²⁶, а также волостки (Савинской)²⁷.

№ 360, с. 401].

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 303/1. Кн. 532. Тверь. № 12. Л. 271; № 58. Л. 308; № 59. Л. 308 об.; № 67. Л. 314; № 77. Л. 321.

¹⁹ Там же. № 12. Л. 271.

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 16 056. Л. 161, 181, 210, 222, 229.

²¹ Там же. Л. 249, 252, 253.

²² Чаще в сочетании «во Тверском уезде в Микулинском стану...» [11, с. 589, л. 394; с. 592, л. 405; с. 595, л. 413; с. 597, л. 421; с. 599, л. 427; с. 602, л. 435; с. 603, л. 439; с. 609, л. 456; с. 610, л. 460; с. 613, л. 468; с. 615, л. 474; с. 616, л. 480; с. 617, л. 484; с. 619, л. 490; с. 620, л. 494; с. 622, л. 500; с. 624, л. 508; с. 626, л. 512; с. 626–627, л. 516; с. 628, л. 520; с. 629, л. 524; с. 631, л. 528; с. 632, л. 534], чем самостоятельно [11, с. 505, л. 45; с. 607, л. 450 об.; с. 612, л. 463 об.; с. 614, л. 469 об.; с. 615, л. 476; с. 623, л. 502; с. 625, л. 509 об.; с. 627, л. 516 об.; с. 628, л. 520 об.; с. 630, л. 525; с. 633, л. 535].

²³ Ныне с. Микулино Лотошинского района Московской области.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 466. Л. 486 («...в Шиловском стану на реке на Шоше...»).

²⁵ ОР РГБ. Ф. 303/1. № 286. Л. 1 («...да отъездецкое деревни и пустоши...»); № 291. Л. 1 («...волости в Отъездеце в Микулинском уезде...»); Кн. 532. Тверь. № 79. Л. 322 («...волости в Отъездеце в Микулинском уезде...»).

²⁶ Там же. Кн. 530. Рознь. № 50. Л. 1432 об. («...половину Отъездеца на двое...»); Кн. 530. Москва. № 62. Л. 81 об.–82 («...в Отъездеце, а выменил есмь <...> от Шиловского стану...»).

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 466. Л. 321 об.–325 об. Упоминалась еще в конце

Во второй половине XVI в. в источниках появилось название еще одной волостки – Загостенья, неизвестной по более ранним документам, например, по писцовому описанию Микулинского уезда начала второй трети столетия²⁸. Волостка Загостенья состояла из деревень, завещанных Старицкому Успенскому монастырю кн. А.Б. Горбатым²⁹. Деревни располагались³⁰ по обеим сторонам левого притока р. Лобь – р. Гостенка³¹ (Дорки, Коростелево, Митино, Остреево, Петрушино, Стровенино³², Зятково³³ и др.) и в некотором отдалении от Гостенки (среди них – Березовка, Олпатово³⁴, Плеханово³⁵, а также Макарово, Малеево, Шевково Городище³⁶). Эти деревни³⁷ примыкали к деревням с. Калицыно на р. Русса³⁸, также принадлежавшим обители (по завещанию кн. А. Микулинской), но не объединялись с ними. В описи актов обители упоминается позднейшая «Жалованная грамота его же (царя Ивана IV Васильевича. – М.З.) на волостьку Загостенья (в публикации ошибочное прочтение текста: «волость Кузагостенья». – М.З.) в Микулинском стану Тверского уезда 7076 (т.е. 1567/68. – М.З.) года» [3, с. 54]. Два раза наименование «Загостенья» (без уточнения «волостка») встречается в писцовой книге Тверского уезда 1580 г.³⁹ В «книгах переписных Успения Пречистыя монастыря» 1607 г. названы

XVI в. как «волость» [11, с. 617, л. 481; с. 619, л. 491 об.; с. 631, л. 529 об.] и ошибочно в качестве «слободки» [11, с. 627, л. 517].

²⁸ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 466. Л. 301 об.–305 об.

²⁹ Там же. Кн. 875. Л. 100.

³⁰ Деревни, существовавшие в первой половине XVI в., локализованы главным образом благодаря Экономическим примечаниям к планам Генерального межевания Старицкого уезда Тверской губернии, а также при помощи Топографического межевого атласа Тверской губернии (1853 г.). Локализация, осуществленная нами впервые в диссертационном исследовании [4, с. 190–191], дополнена в настоящей работе.

³¹ Ныне р. Частена.

³² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1731. Л. 127 об. Дача № 1189; Л. 122 об. Дача № 1134; Л. 122 об. Дача № 1133; Л. 127. Дача № 1184; Л. 122 об. Дача № 1132; Л. 122 об. Дача № 1131.

³³ Там же. Ф. 1209. Кн. 884. Л. 94 об.–95.

³⁴ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1731. Л. 123. Дача № 1147; Л. 127. Дача № 1183.

³⁵ Там же. Л. 126. Дача 1172; Л. 126 об. Дача № 1174, № 1776.

³⁶ Из этих деревень в настоящее время существует только деревня Макарово, входящая в Лотошинский район.

³⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1731. Л. 127 об. Дача № 1186.

³⁸ Там же. Л. 121 об. Дача № 1127. Ныне деревня Калицыно Лотошинского района.

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 16 056. Л. 163 об. («а вывезли всех в Загостенья Пречистенского монастыря, что в Старице»), 169 («вывезли в Загостенья Пречистенского монастыря»).

дважды загостенские деревни⁴⁰ и однократно Загостенская волость⁴¹. Вместе с тем при описании этих деревень в писцовой книге Тверского уезда 1628-1630 гг. название Загостень⁴² не использовалось⁴³.

Итак, Микулинский уезд в первой половине XVI в. не являлся ни станом, ни волостью, а был отдельной единицей, напрямую входившей в Русское государство. В процессе интеграции земель, однако, в середине XVI в. территория Микулинского уезда оказалась в составе Тверского уезда, постепенно став его частью в качестве стана к концу столетия.

1. Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. II.
2. Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10.
3. Арсений, игумен. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь, 1895.
4. Зинько М.А. Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – первой половине XVI вв. (на примере рода князей Микулинских). Дисс. ... к.и.н. М., 2012.
5. Зинько М.А. Уезд // Большая Российская энциклопедия: в 35 т. М., 2016. Т. 32.
6. Кутаков С.С., Степанова Ю.В. «Волостька Загостень» Микулинского стана Тверского уезда XVI–XVII вв. по письменным и археологическим источникам // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. I.
7. Лаппо И.И. Тверской уезд в XVI веке. М., 1894.
8. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерстве юстиции. СПб., 1869. Кн. 1.
9. Описные книги Старицкого Успенского монастыря 7115–1607 г. Старица, 1912.
10. Писцовые книги XVI века. СПб., 1877. Отделение II.
11. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005.

⁴⁰ «Да к тому ж селу к Калицину деревни Загостенския», «И всего к селу к Калицину Загостенских тридцать пять деревень» [9, с. 71, 72].

⁴¹ «...а в пусе в Заустенской (так в тексте. – М.З.) волости пус.[,] что была деревня Дорище...» [9, с. 73].

⁴² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 875. Л. 100–107 об., 232–237 об.

⁴³ В первой трети XVII в. известна еще одна волостка (или волость) – Пневичи, возникновение которой, к сожалению, сохранившиеся документы уточнить не позволяют. См.: Там же. Л. 10, 98, 98 об.–99, 133; ОР РГБ. Ф. 303/1. Кн. 605. Л. 75, 79.

Заволочье: К расширению и обновлению понятия

Русский север; Новгород и Ростов; колонизация; водоразделы рек; приходы; епархии.

Приведены и проанализированы новые документальные известия о Заволочье в XVI–XVII вв. – Заволоцком уезде в Важской земле и Заволоцкой десятине Ростовской архиерейской кафедры на сопредельных землях с Вологодским уездом.

В изучении промыслово-земледельческого освоения огромных пространств на водно-волоковых путях в бассейнах рек Онеги-Ваги-Двины-Сухоны, (= Заволочье) и расширения государственной территории Руси в древнерусский, удельный, московский периоды ряд вопросов остается дискуссионным или слабо разработанным. К их числу можно отнести распространение и хронологию ареалов новгородской и ростовской колонизации, уточнение локализации отдельных «волоковых микрорегионов», разграничение церковных юрисдикций Новгорода, Ростова, Москвы [4; 7; 9]. Если для древнерусского периода интенсивно используется уставная грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г., рисующая область распространения дани в казну новгородского дома св. Софии, то для последующего времени не до конца еще исчерпаны ретроспективные возможности письменных источников церковного характера и происхождения по формированию приходской сети.

В предлагаемой заметке приведены некоторые новые наблюдения о бытовании историко-географического термина Заволочье в его позднейших (XVI–XVII вв.) модификациях – как Заволоцкий уезд и Заволоцкая десятина. Территориально первый относится к Важской земле и связан с Ростовской епархией, второй – к Вологодской земле и связан с сопредельными землями Вологодской и Ростовской архиерейских кафедр.

В декабре 1551 г. от имени Ивана IV был направлен «окружной наказ» (так он назван в первой публикации: [2, № 231, с. 226-227], или уставная грамота «в Заволочье о церковном благочинии» (заголовок в повторном издании: [14, Т. 32, № 187, стб. 338-342]). Поскольку документ

¹ Черкасова Марина Сергеевна, Вологодский государственный университет (РФ, Вологда), д.и.н., mscherkasova@mail.ru.

был приобретен П. Строевым в Верховажском посаде, нет сомнений в его обращенности к Важской земле или ее части, относящейся по церковному управлению к Ростовской архиепископии. Употребление в нем термина *Заволоцкий уезд* вместо более подходящего для данного случая *Заволоцкая десятина* объясняется, вероятно, тем, что грамота исходила от царя, а не от церковного иерарха. Имя его не указано, но в 1551 г. ростовскую кафедру занимал Никандр, один из участников Стоглавого собора, которым были упорядочены выборные институты духовенства – поповские старосты и десятские попы.

В грамоте 1551 г. отражено стремление Ивана IV поддержать церковно-земскую организацию на Ваге в ее взаимодействии в судебной и налоговой сферах с агентами ростовского архиерея. Церковную дань и «десятильничьи» пошлины (а еще заезд, корм, венечные) собирали выборные попы. В их присутствии десятильники с неделщиками осуществляли ряд судебных процедур. Отменялось «поклонное», поневоле созвучное с упомянутым в Русской Правде Поконом вирным. В сочетании с опубликованной в том же томе [2, № 234, с. 231-239; 14, Т. 32, № 189, стб. 345-366] и также обнаруженной П. Строевым в Верховажском посаде Важской уставной земской грамотой от 21 марта 1552 г. рисуется взаимное уподобление происходящих на Ваге преобразований в декабре 1551 – марте 1552 г. Земским старостам передавались налоговые и судебные прерогативы отменяемых наместников, а поповские старосты с десятскими попами получали судебные и налоговые полномочия за счет сокращения таковых у архиерейских десятильников и неделщиков.

Однако территориальная приуроченность двух грамот разная: в акте 1551 г. Заволоцкий уезд (включающий, по-видимому, наряду с основной группой Устьянских волостей – изначально устюжско-ростовских, еще и Пежемскую с Чушевицкой на Ваге), а в земской 1552 г. – «весь Важский уезд», охватывающий Вельский и Шенкурский посады, Подвинский, Ледцкий, Ровдинский, Слободской и Кокшенгский станы.

В отношении Слободского стана (Великой слободы) можно утверждать московскую митрополичью подведомственность [18, с. 85-90]. В.Л. Янин предположил, что Великая слобода принадлежала к числу старых «ростовщин», которые оказались под суверенитетом Москвы еще с покупкой ею Сретенской половины Ростова, а при Василии II были променены на задвинские волости Пинегу и Мезень [19, с. 204-205]. Во втором списке Двинских земель (по датировке Янина 1474-1475 гг.) Великая слобода названа старинной оброчной волостью

великих князей.

По мнению А.А. Честнейшина, под Великой слободой следует понимать погост Валдит уставной грамоты 1137 г. Автор исходит, во-первых, из созвучия: в вепском, карельском и саамском языках корень – «vald, – vallus» означал свободу, волю (отсюда Великая слобода). Во-вторых, из факта расположения на ее территории, между известными по уставу 1137 г. погостами «у Пуите и у Вели», Валдовского болота, фиксируемого позднейшими писцовыми и переписными книгами [16, с. 63-64]. Если принять данную точку зрения, то к четырем бесспорно важским погостам устава 1137 г. (усть-Ваг, у Вели, у Пуите и Нижней Тоймы) прибавляется еще один – Валдит, центр которого мог быть на месте позднейшей ц. Воскресения Христова в Великой слободе, но для полной уверенности требуются дополнительные историко-археологические исследования. В XIV–XVI вв. в Важской земле была сильна чересполосность владельческих прав (ростовский, новгородских, московских), административной принадлежности, церковной юрисдикции разных волостей, с учетом перехода части ростовских князей на службу к Москве и острой борьбы Новгорода и Москвы за Двинские земли [12, с. 67; 17, с. 161; 19, с. 197]. Не случайно в 1397/98 г. софийский волостель Исайя находился на Вельском погосте, а в 5 верстах выше по р. Вели на погосте Ростовской Вознесенской церкви была резиденция московского наместника кн. Федора Ростовского [16, с. 67; 19, с. 210].

Какой водно-волоковый путь в бассейне Сухоны и Ваги можно связать с упомянутым в уставной грамоте 1551 г. Заволоцким уездом? В литературе отмечен волок между притоком Ваги р. Кулоем и притоком Сухоны р. Вожбал. Н.А. Макаров на основе летописной статьи о зимнем походе княжича Ивана (будущего Ивана III) и татарского царевича Якуба по преследованию кн. Дмитрия Шемяки 1452 г. указывает еще на р. Саленгу, от которой шел волоковый путь на приток Ваги р. Кокшенгу [9, с. 99]. По устному сообщению вологодского археолога И.Ф. Никитинского, в этом районе до сих пор есть дер. *Подволочная*, относящаяся ныне к Тарногскому району Вологодской области.

Не исключено, что Заволоцкий «уезд» на средней и верхней Ваге представлял собой северную оконечность более обширной по охвату *Заволоцкой десятины* Ростовской архиерейской кафедры на верхней Сухоне. Она упомянута в явочной челобитной ростовского десятильника Булата Ковезина от 9 февраля 1612 г. [3, № 94, с. 49] с жалобой игумену Спасо-Прилуцкого монастыря Тихону (ввиду отсутствия

в тот момент на ростовской кафедре митрополита Филарета) на заказного поповского старосту, священника Спасской церкви в волости Стрелище за отказ платить церковную дань. Приход «Спас на Стрелище» был расположен по левому притоку Сухоны, и это дает некоторое основание для предположения о сплошной протяженности Заволоцкой десятины Ростовской кафедры от верхней Сухоны до южных пределов Важской земли.

Десятина эта соприкасалась с приходом «Заволочьской церкви Василия Великого» на правом берегу р. Монзы, в вологодской волости Лежский волок (он же «Волочек»), а в церковном отношении – с Вологодской епархией. Между Монзой (притоком р. Костромы) и Лежей (притоком р. Сухоны) проходил волок с Верхневолжья на Сухону. Этим путем продвигался в начале 1370-х гг. преп. Димитрий Прилуцкий из Переславской земли к верховьям Лежи, на р. Великую [5, с. 78-79; 13, с. 491; 13, Карта, Л. 8, № 156].

Разведочная экспедиция на пространстве Монза-Лежа была проведена в 2011 г. [10, с. 83-92; 11]. Приход ц. Василия Великого «в Заволочье» на р. Монзе соседствовал с приходом ц. Св. Николая на р. Леже, а соединявшая их дорога у местных жителей до недавнего времени называлась Волоковая и Церковная [8, Ч. 1, с. 60; Ч. 2, с. 118, Пункт № 47-10, с. 119, Пункт № 50-10]. Название церкви и топоним «в Заволочье» неоднократно отмечены в приходо-расходных и окладных книгах Вологодского архиерейского дома с 1612/13 и до 1702/03 г. [13, с. 57, 68, 124, 218, 356, 490, 524, 524, 582, 583, 676, 712 и др.]. Примечательно, что к Васильевскому приходу относилось несколько деревень соседнего с Вологодским Галицкого уезда, и это отражено в писцовой книге 1627/30 г. и окладной книге вологодского архиеп. Маркела 1647/48 г. [13, с. 524]. Показательна и формула передачи Лежского волока в третьем варианте духовной 1417 г. Василия I Софье Витовтовне: «*ис Костромы* Иледам и с Обнорой и с Комелой и с Волочком», а основанная Дм.Прилуцким ц. Воскресения на р. Великой, до 1567 г. относилась к *Костромской* десятине московской митрополии.

После опустошительного набега казанских татар на Галицко-Костромские и Вологодско-Устюжские земли (зима 1538 г., а останавливались они на «Лиском волоку» [6, с. 127]) боярское правительство направило старцу Арсению Сахарусову грамоту на владения его монастыря в «Комельском лесу меж Галического уезда и Лежского волока». В ней фигурируют дороги, мосты, перевозы, гати, а от взимаемых на них великокняжеских пошлин обитель освобождалась – мыта, мостовщины, перевоза, гатовщины. Прямого указания на использо-

вание в это время волока Монза-Лежа в грамоте, как будто, нет [15, с. 28]. Нет его и в направленной в августе 1538 г. жителям сопредельных костромских и вологодских волостей (из последних названы «Лиской волок» и Обнора) грамоте на построение города Любима в устье р. Учи, впадающей в Обнору, приток р. Костромы [1, № 514].

Воспоминание о волоковом переходе между Монзой и Лежей встречается в межевой части писцовой книги Вологодского уезда 1627-1630 гг.: «...а от тово Каменного болота *судовая переволока, что переволачивали суды сухим путём из речки Монзы в реку Лежу*»² [10, с. 56, 60]. Таким образом, предположение Н.А. Макарова о Монзенско-Лежском пути через Волжско-Сухонский водораздел как наиболее реальном из всех прочих можно считать подтвержденным, хотя необходимы дальнейшие историко-археологические исследования этого «волокового микрорегиона» [7, с. 98].

Не исключено, что к Заволоцкой десятинае Ростовской митрополии можно отнести еще один приход, расположенный западнее Спаса-на-Стрелице, в районе волости Молаы, занимавшей промежуточное положение между Вологодскими и Устюжскими землями. В сентябре 1617 г. ставленую грамоту попу Никольской церкви в Замолоцкой волости (к востоку от реки Молаы) Устюжского уезда (с 1620-х гг. Тотемского) выдал вологодский архиепископ Макарий II, вскоре (не позднее 1619 г.) она была подтверждена Ростовским митрополитом Варламом II, а не ранее 1682/83 г. – великоустюжским архиепископом Геласием [14, Т. 14, стб. 852-853]. Отмеченные подписания грамоты одной и той же церкви разными иерархами свидетельствуют о близком соприкосновении и «наложении» друг на друга епархиальных границ. Приходы ц. Св. Николы в Замолоцкой волости и ц. Спаса-Преображения на Стрелице соседствовали [8, Ч. 1, с. 79-80; Ч. 2, с. 73, Пункты № 21-17 и 22-17].

Таким образом, расширение и обновление термина Заволочье достигается обращением к поздним церковным по происхождению источникам. Это подчеркивает значение формирования приходской структуры в ходе промыслово-земледельческой колонизации севера на протяжении XII–XVII вв., роль в нем различных церковных институций Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Попутно в качестве «незапланированных результатов» возникают наблюдения о возмож-

² Вологодский государственный историко-художественный музей-заповедник. Отдел фондов. Ф. 2. Кн. 91. Л. 57 об. (Сведения были предоставлены Д.А. Пшеницыным).

ной связи церковных преобразований эпохи Стоглава и земской реформы в Важской земле.

1. АСЗ. М., 2002. Т. 3.
2. ААЭ. СПб., 1836. Т. 1.
3. АЮ. СПб., 1838.
4. *Васильев Ю.С.* Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII вв. Вологда, 2013.
5. Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. СПб., 2003.
6. Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского. СПб., 2005.
7. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.
8. *Македонская Н.М.* Церковно-исторический атлас Вологодской области. М.; Вологда, 2007. Ч. 1-2.
9. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
10. *Никитинский И.Ф.* О водно-волоковых путях подвоза белого камня в Вологду и регион в XV–XVI вв. // Мариинская водная система: культурологический, экономический и социально-экологический потенциал развития. Вологда, 2010.
11. *Никитинский И.В., Белов А.В.* Волок Монза-Лежа и что такое «канал Ивана Грозного». Вологда, 2014.
12. *Истомин А.А.* Границы средневековых ростовских и новгородских владений на Кокшенге, Мине и Заячьей // Заволочье. Устьянская земля. Исследования и материалы. Вып. 2. Пос. Октябрьский, 2014.
13. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016.
14. РИБ. Т. 14. СПб., 1894; Т. 32 (Архив П. Строева. Т. 1). Пг., 1915.
15. *Суворов Н.* Описание Арсениево-Комельского монастыря Вологодской епархии. Вологда, 1870.
16. *Честнейшин А.А.* К вопросу о локализации древнерусского погоста Валдит // Заволочье. Устьянская земля. Исследования и материалы. Пос. Октябрьский, 2014. Вып. 2.
17. *Черкасова М.С.* Актовые источники в составе некоторых «Историко-статистических описаний церковных приходов севера» // Важский край: Источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вельск, 2006. Вып. 3.
18. *Черкасова М.С.* Новое свидетельство о местном управлении на Ваге в первой половине XVI в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
19. *Янин В.Л.* Борьба Новгорода и Москвы за двинские земли в 50-х – 70-х годах XV в. // Исторические записки. М., 1982. Т. 108.

Границы уездов на русских крупномасштабных картах XVIII века²

Историческая география; историческая картография; ГИС в исторических исследованиях; карты петровских геодезистов; Генеральное межевание.

Рассматриваются источниковедческие особенности русских крупномасштабных карт XVIII в. и особенности отображения на них уездных границ.

Реконструкция уездных границ XVIII в. (до губернской реформы 1775 г.) – актуальная, но весьма сложная задача. Как известно, в распоряжении историков имеется большое количество статистических материалов разного рода, от демографических, причем до нас дошли как первичные, так и обобщенные данные этих описаний [3; 7]. Точные карты существовавших на протяжении XVIII столетия административных единиц необходимы для удобства поиска при обращении к первым и для правильной интерпретации вторых.

На сегодняшний день проблема составления таких карт остается нерешенной. Имеющиеся исследовательские карты, сопровождающие книги М.М. Богословского, Ю.В. Готье и других исследователей, относятся к более раннему периоду и выполнены в мелком масштабе, которые позволяет только приблизительно определить очертания уездных границ. Исследования Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана, проведенные в 1960-х – 1980-х гг. в рамках работы над «Атласом истории СССР», завершились только публикацией серии мелкомасштабных схем уездов на 1678 г. [2]. Периодически появляющиеся новые работы [4; 6] посвящены сугубо локальным сюжетам.

Одна из причин подобного положения дел состоит в том, что имеющийся в распоряжении исследователей комплекс карт (основной массив этих материалов был выявлен и описан В.М. Кабузаном [5]) разнороден, причем особенности нанесения такого специфического объекта, как уездные границы, на разных картах не вполне прояснены. Как известно, в Российской империи XVIII в. крупномасштабные полевые съемки осуществлялись дважды – речь идет, во-первых, о работах т.н. «петровских геодезистов» в 1720-х – 1750-х гг., а во-

¹ Хитров Дмитрий Алексеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., dkh@bk.ru.

² Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-01-00068.

вторых, о съемках Генерального межевания, начавшихся с 1760-х гг. Оба цикла работ оставили после себя обширные комплекты детальных поездных планов [1; 8].

Изучение уездных ландкарт, созданных в ходе работ «петровских геодезистов», показывает, что на них уездная граница представлена исключительно как общий контур, которым обводится совокупность нанесенных на карту поселений и других объектов. При обработке нескольких смежных планов средствами ГИС видно, что контур наносился приблизительно, и в связи с этим очертания смежных уездов, как правило, сильно не совпадают. Это особенно очевидно, когда существенно искажено взаимное расположение поселений уезда; в таких случаях контуры уезда следуют за этим искажением. Представляется, что исключительные сложности, с которыми столкнулась Академия наук при объединении уездных ландкарт при работе над атласом Российской империи, в значительной степени связаны с этой особенностью первоначальной съемки.

Уездные планы Генерального межевания имеют совершенно другой характер, поскольку в их основе лежал большой массив планов дач, причем объектом внимания землемеров были в первую очередь не поселения и дороги, а именно границы. При сведении воедино этих планов с неизбежностью возникали искажения, причем, поскольку сводка осуществлялась в порядке от центра уезда к его окраинам, именно на границах эти искажения были особенно существенными [9]. Ситуация отчасти исправлялась в ходе специальных работ по обмежеванию уездных границ. В результате очертания границ уездов сходны, но при их привязке края планов почти всегда накладываются.

Таким образом, если ландкарты первой половины XVIII в. позволяют установить лишь принадлежность поселений, то планы Генерального межевания в значительной степени отражают и размежевание угодий пограничных владений. Восстанавливая границы уездов, разумно, таким образом, ориентироваться именно на результаты межевых съемок. К сожалению, для большей части территории страны уездные планы составлялись уже после открытия губерний и зафиксировали новое уездное деление. Поэтому при сопоставлении ландкарт и уездных планов ключевое значение имеет локализация приграничных поселений, граница же уездов должна определяться как зафиксированные межеванием границы принадлежащих к ним владений.

2. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
3. *Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А.* Итоговые материалы Генерального межевания: О возможностях обобщения и анализа // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2011. № 3.
4. *Дедук А.В.* К вопросу о границе между Владимирским и Рязанским уездами в XVII-XVIII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015.
5. *Кабузан В.М.* Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720-1770 гг. // Историческая география России XVIII в. Ч. II. Источники и их характеристика. М., 1981.
6. *Контев А.В.* Размежевание земель Томского и Кузнецкого уездов во втором десятилетии XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374.
7. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизии (1646-1858 гг.) / Под ред. Л.Г. Бескровного, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана. М., 1972. Вып. 1-6.
8. *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989.
9. *Golubinsky A.A., Alyabina I.O., Shalashova O.V., Khitrov D.A.* From survey plans to land cover maps: Data generalization in the cartographic materials of the general land survey in Russia (1765-1800) // 26 International Cartographic Conference. Dresden. Germany, August 25 – 30, 2013. Proceedings. Dresden, 2013.

УДК 930

Н.А. Мининков¹

Сыскные начальства на Дону XVIII в. и начало формирования донского войскового административного деления

Войско Донское; административное деление на Дону; сыскные начальства; движение донских казаков 1792-1794 гг.

Возникновение административного деления на Дону в XVIII в. вызывалось необходимостью сыска беглых. С конца 80-х гг. административные единицы на Дону назывались сыскными начальствами. Система их была еще не вполне четкой.

Одним из крупных изменений во внутренней жизни войска Донского в XVIII в. стало начало формирования административного деления его территории. Это соответствовало процессам развития террито-

¹ Мининков Николай Александрович, Южный федеральный университет (РФ, Ростов-на-Дону), д.и.н., namininkov@sfedu.ru.

риального администрирования в России того времени и определялось задачами совершенствования государственного управления. Этот процесс имел в качестве предпосылки изменения в поземельных отношениях на Дону. По мере распространения земледелия возрастала ценность земли. Между соседними станицами иногда возникали поземельные споры, что ускорило разграничение между станичными юртами. На примере самой верхней по Дону станицы Казанской донской экономист и статистик И.В. Тимощенко показал, как постепенно закреплялась в XVIII в. земля за станичными юртами, при этом границы станичных юртов закреплялись с достаточной четкостью, поскольку это имело хозяйственное значение [5, с. 139-181].

Однако решающей предпосылкой складывания на территории войска Донского административного деления стали не только процессы в поземельных отношениях, сколько заинтересованность властей в розыске беглых, уходивших на Дон и находивших себе пристанище в хозяйствах, которые велись казачьей верхушкой. Борьбу с побегами на Дон русское правительство начало вести еще до Разинского восстания. Выдача С. Разина с Дона в Москву означало создание прецедента, по которому вообще выдача людей с Дона стала возможной. При Петре I меры по выдаче беглых стали проводиться значительно более активно. Розыск, начатый осенью 1708 г., привел к Булавинскому восстанию. После подавления восстания и истребления значительной части казачества последовало еще более полное подчинение войска Донского русским властям, что было в конечном счете оформлено переводом его в 1721 г. из ведения Иностранной коллегии в ведение Военной коллегии.

Существенным дополнением этих мер могло стать усиление сыскного аппарата на территории самого Дона. Предшественником сыскных начальств становились особые части войсковой территории, выделенные в войске Донском в 1743 г., во главе которых стояли нарочные старшины, направлявшиеся войском. Всего, как указывал А.П. Пронштейн, было выделено шесть таких частей. Он отмечал, что в 1769 г. академик И.А. Гильденштедт, прибывший в станицу Михайловскую на Хопре, обращал внимание на то, что в ней находится старшина, который управляет двадцатью станицами на Хопре. В станице Глазуновской на Медведице была резиденция старшины, управлявшего станицами по Бузулуку и Медведице [4, с. 248]. Современный исследователь Ю.А. Чижикова писала, что нарочные старшины на первых порах занимались делами неказачьего населения к которому относились крестьяне-малороссияне и бурлаки, не имевшие статус

казака, но постепенно в их ведение также все чаще стали поступать дела, относившиеся к казачьему населению Дона [6]. А.П. Пронштейн указывал, что с конца 80-х гг. старшины, стоявшие по главе этих частей войсковой территории, стали называться сыскными начальниками [4, с. 250], а сами эти территории, соответственно, сыскными начальствами.

Более значительный комплекс сведений о сыскных начальствах в войске Донском появился в связи с событиями 1792-1794 гг., когда происходило массовое движение казаков, недовольных нарушением принятых на Дону традиций переселения на другие территории, допускавшихся центральной властью и местным начальством. В ходе этого движения казаки ряда станиц решительно отказывались принимать войсковые грамоты о переселении на Кавказскую линию. Поэтому за эти годы сыскные начальства по существу занимались делами только казачества. Документы Канцелярии войска Донского содержат более конкретные и полные указания на территориальное расположение сыскных начальств и на станицы, которые являлись их центрами, чем это было у академика Гильденштедта. Вместе с тем сведения о разных сыскных начальствах представлены в разной степени. Так, наиболее полные и четкие сведения имеются о Нижнем Хоперском сыскном начальстве, расположенном по Хопру начиная от станицы Тишанской² до впадения Хопра в Дон. Центром этого сыскного начальства была самая нижняя станица по Хопру Букановская, документы из станиц направлялись «в Буканов»³. К этому же начальству относилась и станица Алексеевская на реке Бузулук⁴, находившаяся вблизи впадения ее в Хопер. Значительно меньше упоминаний о Верхнем Хоперском сыскном начальстве, в которое входили станицы от самой верхней по Хопру Михайловской до Бурацкой. В документах Канцелярии войска Донского не заметно отдельного Бузулуцкого сыскного начальства. Гильденштедт относил станицы по Бузулуку к территории, управлявшейся совместно со станицами по Медведице. Но в фонде Бузулуцкого сыскного начальства содержатся документы с 1774 г., и, следовательно, ко времени событий 1792-1794 гг. оно уже существовало. Отсутствие в документах Канцелярии сведений о Бузулуцком сыскном начальстве может объясняться тем, что в станицах по Бузулуку каких-либо событий, связанных с этим движением, не было.

² ГАРО-1. Ф. 341. Оп. 1. Д. 142. Л. 102.

³ Там же. Д. 144.

⁴ Там же. Л. 115.

Еще одно сыскное начальство на севере войска Донского – Медведицкое. По документам Канцелярии войска Донского центр Медведицкого сыскного начальства не назван, несмотря на то, что в пределах этого сыскного начальства движение казаков развертывалось в Скуришенской и отчасти в Раздорской станицах. Для несколько более раннего времени Гильденштедт называл центром этой части войска Донского станицу Глазуновскую, расположенную по соседству со Скуришенской.

Еще один массив документов этого времени из Канцелярии войска Донского относится к Чирскому сыскному начальству, поскольку в пределах этого начальства находилось пять станиц, где казаки выступали наиболее активно: Пятиизбянская, Верхне-Чирская, Нижне-Чирская, Кобылянская и Есауловская. Они упоминаются как станицы «Чирского ведомства». Еще одно прямое указание на Чирское сыскное начальство давалось в связи с посылкой рапорта старшины Алексея Туроверова⁵. Также упоминалась канцелярия этого начальства. Ниже по Дону находилось Цымлянское сыскное начальство. Упоминается оно мимоходом, в сообщении о том, как некий офицер ехал от «цымлянского начальника» к майору Денисову в станицу Пятиизбянскую⁶. Казак Пятиизбянской станицы Василий Жмурин после побоев в станицы «выбежал к цымлянскому начальнику»⁷. Также мимоходом сказано о Кочетовском сыскном начальстве. Оно, находилось по Дону еще ниже Цымлянского, в связи с упоминанием сыскного начальника Ивана Попова⁸. Выше Чирского сыскного начальства по Дону располагалось Качалинское сыскное начальство, в которое входили станицы Трех Островянская, Иловлинская, Сиротинская, Старогригорьевская, Новогригорьевская, Кременская. Самым верхним по Дону сыскным начальством было Мигулинское, в которое входили, в частности, станицы Мигулинская и Казанская. Гильденштедт указывал, что центр этой территории был в станице Казанской, тогда как в документах Войсковой канцелярии центр был в Мигулинской, казаки которой решительно выступали в ходе событий 1792-1794 гг.

Среди сыскных начальств в документах Канцелярии войска Донского не встречается указаний на Донецкое сыскное начальство, охватывавшее станицы по Северскому Донцу, несмотря на то, что в

⁵ Там же. Д. 145. Л. 7, 36, 38.

⁶ Там же. Д. 165. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 160. Л. 12 об.

⁸ Там же. Д. 142. Л. 90 об.

станции Каменской на территории этого начальства казаки решительно противились властям. Неоднократно упоминался посылавшийся из войска Донского на Донец старшина Иван Миллер. Однако о сыскном начальнике не говорилось ничего. Можно также предположить, что существовало сыскное начальство, охватывавшее самые нижние станицы по Дону, в том числе столицу войска Донского Черкасск.

Документы Канцелярии войска Донского свидетельствуют, что во главе сыскных начальств могли ставиться как офицеры, так и чиновники, причем офицеры могли иметь как чины, принятые в войске Донском, так и чины по табели о рангах. Часто упоминался сыскной начальник Нижнего Хоперского начальства Иван Екимов, который был в чине полкового есаула. Сыскным начальником Верхнего Хоперского сыскного начальства назван секунд-майор Иван Погорелов⁹. Часто упоминался чирской сыскной начальник премьер-майор Варлам Денисов¹⁰. В Казанском сыскном начальстве начальником был капитан Каньков¹¹, в Кочетовском – полковой есаул Иван Попов. Начальником Медведицкого сыскного начальства был войсковой толмач Котломин¹², названный по должности. О его чине при этом ничего сказано не было. Вообще, таким образом, в документах канцелярии были названы не все сыскные начальники, имевшиеся в то время.

Сыскные начальства имели свой аппарат, очевидно, небольшой, и канцелярии. Писарем Чирского сыскного начальства с начала 1793 г. был Евлампий Кательников¹³, казак станицы Нижне-Курморской, будущий историк своей станицы и фактический руководитель религиозного движения духоносцев на Дону, служивший в начальстве под руководством В. Денисова. В сыскные начальства посылались рапорты из станиц об отправке казаков на поселения на Кавказскую линию [2, с. 42-46]. От сыскных начальств рапорты направлялись в Войсковое гражданское правительство. Сыскные начальники отдавали рапорты представителям Войскового гражданского правительства, которые прибывали в сыскные начальства. Так, 14 декабря 1793 г. последовало два рапорта от чирского сыскного начальника В. Денисова прибывшим из Черкаска от правительства бригадиру Иловайскому и подполковнику Манькову¹⁴.

⁹ Там же. Д. 164. Л. 25 об., 26 об.

¹⁰ Там же. Д. 165. Л. 39.

¹¹ Там же. Д. 162. Л. 63.

¹² Там же. Л. 116, 122 об.

¹³ Там же. Д. 160. Л. 11.

¹⁴ Там же. Д. 165. Л. 4 об.

Документы Канцелярии войска Донского, относящиеся к концу царствования Екатерины II, свидетельствуют, что система сыскных начальств на Дону еще не была сформирована на уровне законодательства. Не был определен статус сыскного начальника, которым мог оказаться офицер или чиновник войска Донского. Круг дел, которыми занималось сыскное начальство, зависел от ситуации. Это могли быть дела и о крестьянах-малороссиянах и бурлаках, проживавших в станицах, но не принятых в казаки, и дела, связанные с казачеством. Все начальства располагались по рекам, что отражало расселение казаков.

Более четко о сыскных начальствах говорилось в войсковой грамоте от 11 августа 1797 г. майору Максиму Ермольеву, назначавшемуся сыскным начальником на Хопер. В ней были обозначены начальства, которых было три по Дону: «1-му от Маноцкой до Кумшацкой, 2-му от Цымлянской до Трехостровянской, 3-му от Качалинской до Казанской», а также по Хопру, Бузулуку, Медведице и Донцу. Жалованье сыскным начальникам не предусматривалось, а назначались они не более чем на год или два. На сыскное начальство возлагались судебные функции, и поэтому в них назначались трое судей, жалованье которым определялось «из станичных доходов» [3, с. 10-11]. На сыскных начальников были возложены и некоторые другие задачи [1, с. 156]. При этом граница между сыскными начальствами по-прежнему четко не определялась, и даже значительно позже, к началу 30-х гг. XIX в., она не была определена.

Дальнейшее развитие сыскных начальств на Дону происходило уже в XIX в.

1. *Агафонов А.И.* Область войска Донского в дореформенный период. Ростов-на-Дону, 1986.
2. *Лысенко Д.В.* Станичные рапорты как источник по истории массового движения донских казаков 1792-1794 годов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 2.
3. Материалы к истории Дона. Собраны действительным членом Областного войска Донского Статистического Комитета Ив.П. Поповым. Новочеркасск, 1900.
4. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.
5. *Тимощенков И.В.* Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. 2.
6. *Чижикова Ю.А.* Институт атаманства на Дону (середина XVI – начало XX вв.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Ростов-на-Дону, 2007.

Об изменениях в источниковедении эпохи Постмодерна

Эпоха Постмодерна; историографические источники; исторический контекст; массовые источники.

В статье акцентируется внимание на операциональной природе понятия «исторический источник» и связанные с ней особенности источниковедения эпохи Постмодерна: изменение приоритетов в отношении историков к источнику, трансформация «традиционных» и появление новых видов источников, складывание источниковедения историографии и других системных исторических дисциплин. Примером подобных трансформаций показывается превращение исторического контекста (внеисточниковое знание в классическом источниковедении) в источниковый вид.

Вопросы источниковедения занимали ведущее место в творчестве и педагогической деятельности Леонида Васильевича Милова. В своих трудах он отдавал предпочтение массовым источникам. В его лекциях по источниковедению и математическим методам в истории проблемы массовых источников рассматривались не только на социально-экономической проблематике, но и применительно к социокультурным сюжетам. Как и академик И.Д. Ковальченко, Леонид Васильевич Милов подчеркивал, что исторический источник – понятие операциональное. Его характер и функции в историческом исследовании определяются задачами, которые ставит перед собою исследователь. А уже в профессиональном мастерстве историка Л.В. Милова видел связь с тем, какие черты и свойства ученый сумеет выделить в источнике или собранном источниковом комплексе для достижения намеченной исследовательской цели.

В своих статьях о «Татищевских известиях» [8] или первом прижизненном отклике на «Путешествии из Петербурга в Москву» [6], в первой ли крупной монографии об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию [7] или в ставшей итоговой работе «Великорусский пахарь» [5], в совместном ли с И.Д. Ковальченко труде «Все-российский аграрный рынок» [3] или в серии работ самого Л.В. Милова и его учеников об установлении авторства [10] отношение к историческим источникам, как к операциональной категории, проходит красной нитью. Опираясь на общую теорию систем как на общенаучный

¹ Минц Светлана Самуиловна, Кубанский государственный университет (РФ, Краснодар), д.и.н., culture@kubsu.ru.

метод, используя понятие изоморфизма для выстраивания стратегии и алгоритма своего исследования, академик Л.В. Милов стал одним из пионеров источниковедения эпохи Постмодерна.

Мне уже приходилось писать, что модное ныне понятие «постмодерн» с культурологической точки зрения может рассматриваться в разных масштабах исторического времени и пространства. И если мы говорим об эпохе Модерна как культурно-историческом периоде большой исторической длительности, то с таким же основанием можно и нужно говорить об эпохе Постмодерна как особой стадии культуры со своим набором социально-экономических, политических и культурных характеристик, типом мышления, личности, способов понимания и приемов социокультурных трансформаций мира [9, с. 296-297].

Классическое источниковедение (источниковедение эпохи Модерна) сосредоточивало внимание на тех видах источников, которые позволяли, как казалось ученым, получить «точное» знание о том, как что-то некогда происходило «на самом деле». В первую очередь их интересовали точные данные о событиях, процессах и конкретных людях. Стоило историкам проявить интерес к состояниям, как стали сказываться методологические ограничения классической источниковедческой парадигмы с ее негласно преобладающим делением источников на «остатки» и «предания».

Источниковедение эпохи Постмодерна фокусируется в первую очередь на формах и способах человеческого мышления, на том, как видят, воспринимают и осмысливают мир люди определенных социокультурных эпох.

Постмодерн как культурно-историческая эпоха обладает собственным типом мышления. Он достаточно четко обозначил себя уже к 1980-м – 1990-м гг. и продолжает совершенствоваться и распространяться сейчас. На глазах меняются представления о точности и способах верификации исторического знания, о природе и наполняемости самого понятия «исторический факт». В соответствии с изменением фокуса меняется и ракурс поисков источников, понимание их информационной ценности и полезности для исторического исследования.

В современном источниковедении меняется иерархия источниковых видов. То, что еще в 1970-х гг. лишь упоминалось в профессиональной подготовке историков, вдруг выходит на первый план, поскольку верность исторической картины мира все больше начинает связываться с исторической оптикой, со способами моделирования картины мира, с идентификационными потребностями и возможнос-

тями разных исторических эпох и цивилизаций.

Историков все больше интересуют источники, некогда относившиеся к не слишком достоверным. Из источников личного происхождения, к которым историк, как когда-то писал даже великий Е.В. Тарле, должен прибегать лишь в том случае, когда исчерпаны возможности всех других более достоверных архивных данных, те же мемуары превращаются в «эгоисточники» и становятся составной частью «автотекстов». Интерес к личности в культуре эпохи Постмодерна уже не удовлетворяется только исторической биографией. В ней множатся смежные области, изучающие личность во множественности ее ипостасей, рождая эгоисторию, интеллектуальную историю, историю повседневности, культурологию наконец.

Весьма показательно в историческом источниковедении изменяется интерес к произведениям искусства.

Уже в работах классиков культурологического исследования Я. Буркхардта (1860) и Й. Хейзинги (1919) меняется источниковедческий статус не только литературных или религиозных произведений, но и художественных полотен. Творения художников дают информацию в системе, описывающей разные стадии культуры Возрождения. Они не перестают быть шедеврами (единичными и уникальными), но приобретают и другое свойство, более ценное в данном исследовательском поле. На историко-психологическом и культурологическом уровнях шедевры приобретают черты массовости, то есть определенной общности в границах конкретных социальных групп и сообществ, очерченных историческими формами развития культуры и авторами, их исследующими.

Историкам, как и культурологам, мало изучать произведения искусства как шедевры. Да и чаще всего в поле их внимания оказываются материалы, далекие от представлений эпохи Модерна о шедеврах. Человек во всех проявлениях своей индивидуальности пока скрыт от глаз историков и предстает перед нами только через его связи с обществом. Не случайно Л.П. Карсавин в своей «Философии истории» (1923) считал предметным содержанием исторического знания и исторической науки именно социально-психологическое.

Для источниковедческого знания произведения искусства и, шире, визуальные источники стали особенно важными как источники сведений о мировоззрении и мышлении их авторов. Определенную веху в изменении отношения историков и научного сообщества обозначила публикация в 1974 г. книги В.А. Плугина «Мировоззрение Андрея Рублева (некоторые проблемы). Древнерусская живопись как

исторический источник» [11]. То, с какими оговорками и уточнениями сюжет репрезентировался научному сообществу и читательской аудитории, свидетельствует не только о положении социогуманитарного знания в общественно-политическом и социокультурном дискурсе советского общества. Это и признак отношения самих историков к нему, как к частному случаю источниковедческой практики, имевшему достаточно узкий прикладной интерес. И хотя в книге А.Г. Голикова и И.С. Рыбачонок «Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре», вышедшей в 2010 г., превалирует конкретно-историческое описание истории через карикатуру, источниковедческий аспект изучения карикатуры как разновидности изобразительных источников властно обозначает себя в серии статей, связанных с написанием этого произведения. Источниковедческие штудии последнего десятилетия идут еще дальше. В материалах недавно вышедшего сборника «Актуальные проблемы источниковедения» (Витебск, 2017) среди статей, касающихся исторических свойств визуальных произведений и документов есть небольшой текст об артионимах (названиях произведений визуального искусства) как историческом источнике. Опираясь на них, автор определяет поэтапное формирование ментальной карты Северного Причерноморья конца XVIII – первой половины XIX в. [12, с. 39-41].

Особую роль в изменениях источниковедения эпохи Постмодерна играют системные дисциплины. Одной из них является историография. Она принадлежит к разным областям исторического знания (культурологии, истории культуры, интеллектуальной истории, исторической биографике, социальной и исторической психологии, психологии личности и т.д.), нуждается в историческом синтезе, требует междисциплинарной кооперации, предпочитает структурный анализ в изучении источниковой базы, стремится сделать системное моделирование ведущим методом исследования. В последние пару десятилетий активно отрабатывается особый раздел источниковедения, который конституируется как источниковедение историографии. Он представлен довольно большим количеством статей, фигурирует в монографиях, оформился настолько, что репрезентируется в учебной литературе [подробнее об этом см.: 2, с. 592-609, 683-684].

В учебной литературе описывается порядок источниковедческого анализа в историографическом сочинении. В статьях, посвященных источниковедению историографии, в духе классического источниковедения, рассматриваются каждый из выделенных видов историографических источников, определяются их видовые характеристики и

границы применения понятия. Необходимый и трудоемкий этап кодификации источниковедческих источников, без которого не обойтись при конституировании области источниковедения как дисциплины профессиональной подготовки. Но выходя на моделирование личности, все еще несовершенное в современной науке, исследователи неизменно отмечают, что научную значимость построениям историков придает не только обращение к собственно источникам, как бы ново они ни назывались, но и к историческому контексту, вне которого невозможна адекватная интерпретация источников [см., напр.: 4].

В классическом источниковедении то, что характеризует исторический контекст, принято называть внеисточниковым знанием. В источниковедении эпохи Постмодерна исторический контекст превращается в вид источника. Он имеет конкретные черты, четкую привязанность к конкретному времени, типу культуры, социальному окружению и совокупному социокультурному опыту, обладает конкретными личностными характеристиками. В каждом объекте историографического исследования исторический контекст не только присутствует, но и имеет собственную структуру и функции. Следовательно, в рамках источниковедения историографии исторический контекст выступает в качестве особого вида историографического источника. В таком же качестве он присутствует в источниковедении интеллектуальной истории, истории культуры, историософии или исторической психологии, а также в других областях исторического знания, занимающихся изучением субъектности истории.

Исторический контекст не представлен каким-то конкретным материальным носителем. Он – следствие существовавших взаимосвязей в культуре времени возникновения историографического сочинения или историографической ситуации. Историограф должен воссоздать его конкретное содержание через реконструкцию его структуры. То есть, по аналогии с современным исследовательским аппаратом социологии, исторический контекст можно было бы назвать вторичным историографическим источником. Главное отличие от социологической интерпретации понятия «источники второго порядка» состоит в том, что в историческом источниковедении исторический контекст – это объективная характеристика. Правильно реконструированный, он содержит объективную информацию об авторе историографических текстов и историографической ситуации вокруг них. При обработке информации, содержащейся в историческом контексте, к ней применимы приемы работы с массовыми источниками.

1. Голиков А.Г., Рыбачонок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010.
2. Источниковедческий подход к изучению историографических источников // Источниковедение: учеб. пос. / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015.
3. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XIX в.: опыт количественного анализа. М., 1974.
4. Кулакова И.П. История субъективности и становление российских традиций автобиографического письма // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
5. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
6. Милов Л.В. «Дорожник» Ивана Глушкова (к вопросу о прижизненном отклике на «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева) // Русская литература. 1980. № 3.
7. Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
8. Милов Л.В. Татищевские портреты-характеристики и Симонова летопись // История СССР. 1978. № 6.
9. Минц С.С. Концепция А. Тойнби в контексте культурологической мысли эпохи Постмодерна // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния. Краснодар, 2015.
10. От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства / Отв. ред. Л.В. Милов. М., 1994.
11. Плугин В.А. Мироззрение Андрея Рублева (некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974.
12. Филас В.Н. Названия произведений живописи и графики как исторический источник: к постановке проблемы // Актуальные проблемы источниковедения. Вып. 4. Витебск, 2017.

УДК 930.253

А.А. Фролов¹

**Писцовые книги по Новгородской земле:
коллекция Поместного приказа, ф. 1209 РГАДА, опись 3**

Писцовые книги; Поместный приказ; РГАДА; фонд 1209; Новгородская земля.

В статье ретроспективно прослеживается судьба рукописей, составивших ф. 1209 РГАДА – в особенности описи 3, содержащей документы из новгородского поместного архива. Установлено, что в основе ее лежат остатки архива Новгородской приказной избы, отложившегося главным образом еще до эпохи Смуты.

¹ Фролов Алексей Анатольевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., npkfrolov@gmail.com.

Фонд 1209 РГАДА – основное хранилище писцовых книг и документов поместно-вотчинного приказного делопроизводства Русского государства второй половины XVI – XVII в. В МАМЮ они составляли с 1852 г. Вотчинное отделение, куда попали из Вотчинного департамента, образованного в 1786 г. для подготовки к сдаче в Архив старых дел бумаг упраздненной (в связи с губернской реформой) Вотчинной коллегии. Последняя была создана в 1722 г. и наследовала Поместному приказу, который был упразднен в 1719 г. Помимо дел XVII – начала XVIII в., созданных в Поместном приказе, и дел XVIII в., созданных в Вотчинной коллегии, в сформировавшийся к 1780-м гг. архив вошли еще и дела, присылавшиеся сначала в Поместный приказ, а позднее в Вотчинную коллегию из других учреждений – местных и центральных. Причем помимо канцелярской рассылки, связанной с текущим обменом информацией по насущным надобностям, собрание документов пополнялось и архивными материалами – в частности, новгородскими. Так формировалось ядро документации ф. 1209, составившее опись 1 [1; 4].

Поместные и вотчинные дела по Новгороду и Пскову ведались не в Поместном приказе, а новгородскими и псковскими дьяками соответственно. Так повелось еще до возникновения самого Поместного приказа, с момента падения независимости Новгорода и Пскова и распространения на их землях поместной системы землевладения. Поэтому в Новгороде (а также и во Пскове) сформировались свои поместно-вотчинные архивы. Именно поэтому, между прочим, древнейшими из сохранившихся русских писцовых книг являются новгородские: кремлевский пожар в Москве в мае 1626 г. уничтожил почти весь комплекс документов Поместного приказа XVI – первой четверти XVII в. А большая часть коллекции новгородских книг древнее 7090 г. попала в Москву только в 1688 г. [3]. Правда, эти книги оказались в составе другого фонда РГАДА, «Боярские и городские книги», ф. 137, поэтому в данной статье не рассматриваются.

Документация, не переданная в Москву в 1688 г., находилась в Новгороде до 1738 г., пока не была сдана в Санкт-Петербургскую вотчинную контору. Последняя, как и Вотчинная коллегия в Москве, была упразднена в 1780 г., а ее документы были переданы в Санкт-Петербургский архив старых дел. В Москву этот архив был перевезен только в 1834 г., где образовал «пятую часть» упомянутого выше Архива Вотчинного департамента, вошедшего в конечном итоге в ф. 1209 РГАДА [2, с. 42–74] и образовавшего здесь особую опись 3.

Название описи 3 прямо сообщает, что здесь находятся дела

Петербургской вотчинной конторы. Их современные шифры – в диапазоне от 16 165 до 17 779, но писцовые книги Новгородской земли занимают здесь скромное место. В основном же это платежные, оброчные, записные и прочие книги новгородские и псковские. Пятизначные номера архивного шифра, как выяснил Д.Я. Самоквасов, отражают место документа в общей нумерации книг и столбцов архива Вотчинного департамента. Они были присвоены делам в 1834 г. при поступлении в Москву и вписаны в качестве общего номера на этикетки «комитетом 1835 года» [2, с. 51–65]. Кроме того, эти дела сохранили номера, присвоенные им еще в Санкт-Петербургском архиве старых дел – на ярлыках, наклеенных в МАМЮ в ходе составления описей дел с 1852 г. по 1864 г. (номер документа в однородной группе книг / общий номер бывшего архива Вотчинной конторы).

Однако 34 дела, успев получить номера 16 817–16 850, были через некоторое время перенумерованы, получив шифры 957–9886 и, соответственно, оказавшись по современной системе учета в описи 1. Наиболее вероятно, что это произошло в период после 1892 г., когда в архиве начали разбирать сборники сложного состава (и составившие в результате оп. 3 ф. 1209), используя найденные там же архивные описи XVII–XVIII вв. [2, с. XV, 42]. Именно в результате этой работы книги и столбцы бывшего архива Поместного стола новгородской Съезжей избы «были открыты для публичного пользования». При этом

Д.Я. Самоквасов отмечал, что книги с номерами Вотчинной конторы 1/765, 216/980–229/993, на которых значится «А которого году знать не по чему, – начала и конца нет», отличаются ветхостью, поэтому «сохранившиеся в них дела и акты можно сделать доступными для публичного пользования только посредством их издания» [2, с. 74].

В описи дел, составленной для передачи документов Санкт-Петербургской вотчинной конторы в Санкт-Петербургский архив старых дел в 1781 г., напротив каждого конторского номера карандашом указаны и пятизначные комитетские номера. Напротив 34-х дел, сменивших шифр, проставлены оба номера, причем новый снабжен пометой «Подлинная архива», а старый – «Вотчинная контора»². Благодаря этому легко установить, что приведенные Д.Я. Самоквасовым шифры ветхих дел без начала, конца и даты соответствуют современным номерам 16 924, 17 140–17 153 описи 3. Собственно, это все новгородские писцовые книги, которые до сих пор находятся в описи 3³.

Таким образом, разделение новгородских книг из Санкт-Петербургской вотчинной конторы между двумя описями ф. 1209 восходит к рубежу XIX–XX вв. и связано со степенью их сохранности. Книги наилучшей сохранности заполнили пробелы в нумерации первой тысячи дел фонда Поместного приказа и попали в результате в опись 1. Остальные, прямо охарактеризованные Д.Я. Самоквасовым как ветхие, сохранили свои пятизначные номера. Почти все они входят в состав конволютов, объединяющих фрагменты документов по разным пятинам различного времени. Очевидно, что состав сборников описи 3 совершенно случаен, к тому же большинство вошедших в них дел не имеет начала или конца, или того и другого одновременно. Первые листы документов часто начинаются с полуслова, а последние на полуслове обрываются, внутри текста есть перебивки листов. Поэтому данную серию конволютов следует рассматривать как результат объединения в вязки или переплеты тетрадей, утративших признаки, необходимые для надлежащей идентификации, то есть «россыпи».

Статистическое распределение дел «россыпи» по десятилетиям позволяет понять, какой исторический период отражен в документах этой части архива Поместного стола Новгородской приказной избы. Но поскольку включение интересующих нас писцовых книг в тот или иной конволют не было обусловлено каким-то особым замыслом, в расчеты следует на тех же основаниях включить и остальные сбор-

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 300. Л. 1–41.

³ К ним можно добавить только сборник 17 139.

ники описи 3, касающиеся Новгорода, а также те немногие книги, которые, находясь в описи 3, образованы одним единственным делом. Если учитывать каждое дело как единицу и сгруппировать их по десятилетиям, то распределение 96 документов по младшим датам будет следующим (Диаграмма 1): в отрыве находится небольшое количество дел древнейшего этапа создания писцовой документации (конец XV в.), в чуть большем количестве представлены дела следующих писцовых кампаний – рубежа 1530–1540-х гг., 1550/51 г. и делопроизводство второй половины 1550-х – 1560-х гг. Основное же количество дел приходится на 1570–1580-е гг. Количество дел последующих двух десятилетий значительно сокращается. Практически полное отсутствие в описи 3 дел с младшей датой между 1607 и 1624 гг. (кроме одного дела 1615/16 г.) объясняется прежде всего вывозом бумаг из Новгорода в Швецию Я. Делгарди. Но и более поздние дела здесь крайне немногочисленны. Таким образом, дела описи 3 ф. 1209 РГАДА представляют собой остатки архива Новгородской приказной избы, отложившегося главным образом до эпохи Смуты. Его плачевное состояние следует предполагать уже к 1688 г.: сам факт нахождения среди дел описи 3 документов, датирующихся временем ранее 1700 г., означает, что новгородские подьячие, отправившие из своего архива все книги древнее этого года в Москву в 1688 г. (в соответствии с царским указом), уже не могли идентифицировать их в этой массе бумаг.

1. *Ардашев Н.Н.* История вотчинного архива до 1812 года // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5.
2. *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. 1.
3. *Фролов А.А.* Происхождение коллекции новгородских писцовых книг XVI в. фонда 137 РГАДА // Отечественные архивы (*в печати*).
4. *Чернов А.В.* К истории Поместного приказа (Внутреннее устройство приказа в XVII в.) // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. IX.

Новый вид источников по социально-экономической истории России XVI – XVII вв.²

Солеварение; Соловецкий монастырь; учетные документы; хозяйственные книги; приходо-расходные книги.

Статья посвящена характеристике сводных источников, отражающих основные показатели развития солеваренного производства в Соловецком монастыре, оценке степени их достоверности.

Солеварение в XVI – XVII вв. являлось главной отраслью хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря, основой экономического процветания этой крупнейшей обители Русского Севера. Так, согласно осуществленной В.И. Ивановым на материалах соловецких приходо-расходных книг реконструкции монастырского бюджета 1620/21 г., в этом году от продажи соли, выработанной соловецкими варницами, монастырь получил не менее двух третей своего совокупного дохода [1, с. 135–136].

До недавнего времени основные сведения о солеваренных промыслах XVI – первой половины XVII в. можно было почерпнуть лишь в приходо-расходных книгах, составлявшихся старцами-приказчиками усоллий, а также в книгах холмогорской (позднее курейской) службы монастыря, фиксировавших приемку выработанной соли в монастырские амбары и выдачу в промыслы продовольственных и иных запасов и денег. Однако количество сохранившихся учетных документов этих двух видов крайне незначительно, поэтому исследование экономических показателей солеварения по названным источникам сильно затруднено.

В ходе подготовки к изданию всего комплекса приходо-расходных книг обители начала XVII в. в коллекции А.А. Савича были выявлены две книги³, аналогов которым ни в соловецком хозяйственном архиве, ни в документальном наследии других монастырей пока не обнаружено. В отличие от приходо-расходных книг, являвшихся доку-

¹ Французова Екатерина Борисовна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), histgeogr@yandex.ru.

² Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-01-00440.

³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. № 1000 и № 200 (временные номера). Далее ссылки на кн. 1000 в тексте статьи.

ментами текущего хозяйственного учета, эти две книги, имеющие самоназвание «книги приходу и расходу», по сути были сводными документами вторичного, аналитического учета и представляют собой своеобразные памятники экономической мысли XVII в. Условно эти два источника называем «книги учета расходов на содержание солеваренных промыслов Соловецкого монастыря и полученных с них доходов» (далее: «книги учета расходов на промыслы»).

Решение об «уложении» этих книг, принятое монастырским собором 11 сентября 1591 г., было мотивировано монастырскими властями следующим образом: «чтобы вперед было ведомо, сколько от тех промыслов в монастыре будет приходу и что из монастыря к тем промыслам расходу» (л. 2-2 об.). Целями их создания, как видим, было осуществление контроля за деятельностью монахов, возглавлявших усолья, а также оценка рентабельности вложений в промыслы, анализ их экономической эффективности. Поскольку денежные суммы и материальные запасы на содержание промысла поступали из разных источников – из монастыря, из холмогорской службы, иногда из Сумского острога, из соседних промыслов (например, поставки рыбы из рыболовных служб), монастырь был заинтересован в сводных сведениях о денежных затратах и суммарной стоимости отправленного в каждый промысел продовольствия и прочих товаров. Произведенная соль также могла поступать не только в Холмогоры на соляные склады для отправки в Вологду, но и в другие службы обители – в Сумский острог, в рыболовные промыслы, в сельскохозяйственные службы, а также в монастырь. Кроме того часть выработанной соли реализовывалась промыслами самостоятельно. Было важно получить суммарные данные о количестве соли, поставленной каждым промыслом в монастырскую казну.

В настоящий момент исследована только одна из двух сохранившихся книг (№ 1000). Рукопись беловая. Разделы, посвященные тому или иному промыслу, выделены заголовками, писанными вязью на полях. В каждом разделе сообщается, когда конкретно был назначен в данное усолье старец-приказчик, кто осуществлял «отвод», то есть передачу промысла новому приказчику, какова суммарная стоимость построек, оборудования, материальных запасов, отведенных ему, перечисляются погодно и даже зачастую с точной датой денежные суммы, полученные им, продовольственные и прочие запасы с указанием их стоимости, перечисляется погодно, сколько от него получено соли, указывается ее стоимость «по холмогорской торговой цене». Затем, после передачи усолья следующему приказчику, в ряде случаев под-

водится итог пребывания его предшественника на приказе, а именно указывается, какой доход тот принес монастырской казне. Так последовательно в хронологическом порядке приводятся сведения о деятельности каждого приказчика в данном промысле.

Поскольку сведения разделов рукописи соотнесены со сроком пребывания на приказе руководивших промыслами монахов, датировка разделов сильно разнится (срок этот мог длиться от нескольких месяцев до пяти и более лет). Самые ранние сведения приводятся в разделе, посвященном усолью Пияла, который открывается сообщением о назначении в нее приказчиком старца Иллариона 28 октября 1590 г. (л. 161), то есть ранее решения монастырского собора о начале составления данных книг. Наиболее поздняя запись – о деятельности весной-летом 1612 г. приказчика промысла в волости Колежма старца Онуфрия (л. 188–188 об.), решение о смене которого старцем Неофитом, согласно приходу-расходной книге последнего, было принято монастырской администрацией 12 мая того же года⁴. Передача промысла новому приказчику на месте должна была произойти несколько позднее, поэтому хронологические рамки источника: 1590 г. октября 28 – 1612 г. позднее мая 12.

Судя по всему, первоначально записи в хронологической последовательности велись в казенной палате самой обители по каждому из промыслов по отдельности, а объединение их в сводную беловую книгу произошло не ранее мая 1612 г. Впоследствии продолжающиеся записи по каждому из промыслов не ранее 1627 г. были объединены в новую сводную книгу⁵.

Источниками для последовательных записей в первичные сводные документы по каждому промыслу служили прежде всего отводные книги⁶. Еще один важный источник – учетные документы холмогорской службы монастыря, регистрировавшие поступления соли из промыслов и выдачу приказчикам денег и материальных запасов. Самый ранний такой документ, дошедший до наших дней, – книга старца Филарета 1602 г.⁷, однако в «книге учета расходов на промыслы» 1590-1612 гг. содержатся ссылки на книги старцев Исидора 1592 г. (л. 139-139 об.), Сильвестра 1593 и 1594 гг. (л. 140, 141 об.), Симона 1597 г. (л. 106 и др.), Филарета 1600 и 1601 гг. (л. 23-23 об., 24 об.,

⁴ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. № 486. Л. 2.

⁵ Записи второй сводной книги охватывают 1607-1627 гг.

⁶ Наиболее ранние из сохранившихся отводных книг относятся ко второй половине 40-х гг. XVII в.

⁷ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. № 474. Л. 2.

37 об., 58 и др.).

Проведенное сопоставление сведений «книги учета расходов на промыслы» с книгами холмогорской службы 1607 и 1608 гг.⁸ продемонстрировало совпадение их данных при наличии некоторых текстологических различий соответственно: «масло коровье» / «масло»; «семя конопляное» / «семя»; «четверть» / «четы»; «мера» / «осмина»; «жито» / «ячмень»; «16 алтын 4 денги» / «полтина». Единственное выявленное смысловое расхождение – неверно (в сторону уменьшения – 6 руб. 25 алт. 3 д.) вычисленная ценность отправленных в Пильскую губу в 1607 г. 10,25 пуд. коровья масла в книге холмогорского приказчика⁹ и приблизительно верно (7 руб. 5 алт. – не учтены лишь 5 денег) определенная сумма за то же количество масла в сводном источнике (л. 159-159 об.), в то время как общие суммы за все продовольствие, отправленное в данное усолье, в обеих книгах совпадают и являются верными. Этот факт, вероятно, указывает на использование составителями сводного источника черновых документов холмогорской службы.

Другой существеннейший пласт информации – сведения о выдаче в промыслы денег и материальных запасов непосредственно из самой обители. Источником сведений о полученных приказчиками денежных суммах было бы логично считать приходо-расходные книги денежных казначеев монастыря. Тем не менее проведенное сопоставление данных «книги учета расходов на промыслы» с книгой казначея Вассиана 1602-1608 гг.¹⁰ дало неожиданные результаты: несмотря на совпадение большинства записей или вполне объяснимое механическими пропусками отсутствие некоторых из них в сводном источнике, в последнем выявлена отсутствующая в казначейской книге запись о выдаче из монастыря 20 мая 1603 г. 80 руб. в Кузему (л. 247). Некоторые факты выдачи денег, не датированные в казначейской книге, в сводном документе имеют точную хронологическую привязку, например, выдача в Лямцу 19 сентября 1605 г. 20 руб. (л. 66 об.), отправка 7 июня 1607 г. в Чупу 50 руб. (л. 113 об.–114), в Кузему 55 руб. (л. 157), в Порью губу 100 руб. (л. 135) и др.¹¹

Наличие в сводном источнике информации, отсутствующей в казначейских книгах, может свидетельствовать либо об использовании создателями «книги учета расходов на промыслы» черновых ва-

⁸ Там же. Оп. 4. № 939, 940.

⁹ Там же. Оп. 4. № 939. Л. 12.

¹⁰ Там же. Оп. 1. № 214.

¹¹ Ср.: Там же. Л. 179 об., 199 об.–200.

риантов казначейских книг, записи которых при переписке набело могли претерпевать сокращения и механические пропуски, либо, что более вероятно, о ведении в обители особых учетных документов, регистрировавших выдачу денежных сумм в усолья. Возможно, в эти же документы вносились также сведения об объеме и стоимости выданных материальных запасов, которые потом переносились в «книгу учета расходов на промыслы». Из числа сохранившихся рукописей соловецкого хозяйственного архива своего рода иллюстрацию подобной документации можно найти в дошедшей до наших дней книге келарской службы монастыря 1676-1701 гг.¹², названной В.И. Ивановым «раздаточной» книгой денег и запасов приказчикам всех служб [1, с. 155].

Источником записей «книги расходов на содержание промыслов», по-видимому, послужили и учетные документы монастырских платяных (портных) и сапожных казначеев, выдававших одежду и обувь монахам и слугам (примером учетной документации платяного казначея может служить денежная расходная книга старца Созонта 1581 г. [2, с. 206-208]). Совершенно очевидно, что некоторые сведения черпались из отчетных документов других материковых служб обители, прежде всего сумской.

В «книге учета расходов на промыслы» можно обнаружить ссылки и на приходо-расходные книги старцев, руководивших усольями. Так, в ней упоминается о поставках 234 пуд. соли в Сумский острог и 100 пуд. соли в рыбный промысел в Кильбоостров в 1599/1600 г., которые были зафиксированы в «книгах» приказчика Летнерецкого усолья старца Иакова (л. 211). Под 1601 г. обнаружена ссылка на «книги» унежемского приказчика старца Пимена, «каковы он дал в монастыре ко счету» (л. 83 об.), причем было обнаружено расхождение в отчетностях этого приказчика и руководителя холмогорской службы монастыря старца Филарета. В книге старца Пимена значилась отправленная в Холмогоры лодья, груженная 2300 пуд. соли, которая в холмогорской книге не значилась, поэтому в сводном документе появилась запись: «И о том справитись» (л. 83 об.). Тем не менее использование данных приходо-расходных книг приказчиков солеваренных промыслов, по-видимому, было явлением чрезвычайным.

Тексты «книг учета расходов на промыслы» предполагается включить в готовящуюся публикацию «Хозяйственные книги солева-

¹² Там же. Ф. 1201. Оп. 5. № 612-а. См. также: Оп. 1. № 23.

ренных промыслов Соловецкого монастыря конца XVI – первой четверти XVII в.». Сводный характер этих документов позволяет получить системные и наиболее адекватные данные об объемах производства соли монастырскими варницами на протяжении длительного времени (1590–1627 гг.), о всей совокупности хозяйственных связей внутри обители и за ее пределами. Аккумулированный в «книгах расходов на промыслы» исторический опыт прошлого демонстрирует внимание наших предков к эффективности хозяйственного управления, контролю за движением материальных ресурсов, обеспечению рациональной организации производства, созданию транспортной инфраструктуры. Бытовавшая в Соловецком монастыре практика исчислять стоимость материальных запасов в ценах рынка открывает богатые возможности для формирования в будущем банка данных о ценах XVII в., для установления корреляции цен на важнейшие продукты жизнедеятельности общества эпохи Средневековья и раннего Нового времени – на хлеб и соль.

1. *Иванов В.И.* Бухгалтерский учет в России XVI – XVII вв. Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005.
2. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря: 1571 – 1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.; СПб., 2013.

УДК 94(47) + 656.1(09)(47)

О.В. Семенов¹

**Уставные ямские грамоты как источник по истории
правительственной связи в Московском государстве
середины XVI – XVII вв.**

Уставные грамоты; ямская гоньба; ямщик.

Характеризуются уставные грамоты ямским слободам, анализируются их статьи. Показано, что с юридической стороны привилегии ямщиков не имели принципиальных отличий от пожалований другим грамотчикам.

Древнейшей формой правительственной связи в восточнославянских землях было неорганизованное сообщение, функционировавшее посредством подводной повинности населения. В XIV в. возникла ямская гоньба. Благодаря этому повысилось качество передачи госу-

¹ Семенов Олег Владимирович, Уральский федеральный университет (РФ, Екатеринбург), к.и.н., helg2008@list.ru.

дарственной информации, а также переброски следовавших по казенной необходимости людей и грузов. История ямского строя в Московском государстве изучена недостаточно. Отсутствует и сколько-нибудь удовлетворительная характеристика источниковой базы по этой теме.

Ценным источником по истории организованной связи являются уставные ямские грамоты. Они дают представление о социальном статусе ямщиков, их правах и обязанностях, должностных лицах ямского управления и др. В литературе этой разновидности законодательных актов уделено незаслуженно скромное внимание. Настоящая работа отчасти восполняет данный пробел.

Практика пожалования уставными ямскими грамотами оформилась в ходе ямской реформы середины XVI в. Вероятно, в одних случаях инициатором выдачи документа выступало государство, в других – население. Полный текст уставных грамот сохранился лишь по Переславль-Рязанской (1557 г.)² и Касимовской (1567 г.)³ ямским слободам. Однако они имели более широкое распространение⁴ [4, с. 422–423; 11, с. 44]. До конца XVII в. уставные грамоты с некоторыми изменениями (как правило, в сторону сокращения льгот) подтверждались. В то же время в европейской России они не были повсеместными. Об этом свидетельствует то, что на части ямов нормы известных нам уставных грамот не действовали⁵. Не знала их и Сибирь.

По мысли И.Я. Гурлянда, появление уставных грамот привело к складыванию особого права ямских слобод [8, с. 149, 152]. С этим не

² Уставная грамота Переславль-Рязанской ямской слободы была обнаружена в списке начала XIX в. (в фондах РГАДА) и опубликована в 2001 г. Ю.В. Анхимоком. [6, с. 290–292].

³ Уставная грамота касимовским ямщикам впервые была опубликована в 1863 г. В.В. Вельяминовым-Зерновым по списку, найденному им «в бумагах» собирателя древностей г. Касимова И.С. Гагина. В 1900 г. ее перепечатал (с ошибками) И.Я. Гурлянд. Еще одна публикация источника была предпринята в 1891 г. Н.И. Шишкиным. По признанию автора, он «видел» документ «в подлиннике у старосты ямской слободы». При сверке со списком, обнародованным В.В. Вельяминовым-Зерновым, их тексты совпали. Тем не менее, публикации 1863 и 1891 гг. имеют разночтения, что, вероятно, объясняется невнимательностью Н.И. Шишкина или небрежностью типографа [7, с. 474–483; 8, с. 151–154, прим. 1; 14, с. 182–187].

⁴ ПСЗ. Т. 1. № 518а. С. 11–12.

⁵ Основные нормы, известные по Переславль-Рязанской и Касимовской уставным грамотам, должны были содержаться во всех документах этой разновидности, поскольку для них существовал общий формуляр. Отсутствие следов льгот, скорее всего, говорит о том, что слобода не получала грамоты.

согласился М.А. Дьяконов [10, с. 18]. Действительно, сравнение норм уставных грамот ямщикам и другим категориям населения показывает отсутствие между ними серьезных отличий. Основной набор пожалований (зафиксированный в общих для всех уставных грамот статьях-трафаретах) совпадал. Разница здесь была количественная. По одним вопросам объем ямских льгот превышал привилегии иных грамотчиков, по другим – соответствовал им, по третьим – уступал. Уникальными можно назвать лишь те сравнительно немногочисленные статьи, в которых отражались условия ямской службы и местности.

Уставные грамоты предоставляли ямским слободам широкую судебно-административную автономию, заметно ослабляя вмешательство уездно-волостных властей. По всем гражданским и большинству уголовных правонарушений (в том числе по душегубству и, вероятно, татьбе), где тяжущимися сторонами выступали слобожане, разбирательства проводились (с самостоятельным расследованием дела и вынесением вердикта) ямскими приказчиками и старостами. Лишь в случае разбоя с поличным предполагалась совместная деятельность ямских и губных органов. По спорам слобожан гражданского и уголовного характера с проживавшими в той же местности сторонними людьми, устраивался местный суд. «А прав или виноват слобожанин – приказщику и старостам, городской или волостной человек прав или виноват – наместнику и волостелем и их тиуном». Однако «на ином городе» чужому администратору «ни в каких делах» не позволялось судить ямщика. Последнего следовало давать на поруки и отсылать для разбирательства к приказчику⁶. Отдельной статьей регламентировались судебные пошлины, размер которых был меньше, чем в общероссийском масштабе. За вызов в суд тяжущихся сторон в пользу приказчика шла денга «хоженого» и по денге за каждые две версты пути «езда», «а на правду вдвое». Ему же за вершение дела с проигравшей стороны полагалось 3 коп. с рубля⁷. За ямщиками подтверждалось также право центрального суда, причем, в

⁶ По сравнению со многими грамотчиками, ямщики получали расширенный судебный иммунитет. В неямских уставных грамотах судебные полномочия местной администрации зачастую не ущемлялись. Даже при ограничении компетенция властей распространялась не только на «вопчие» дела, но и на тяжёлые уголовные преступления [1, с. 180, 256, 385; 9, с. 23].

⁷ Сравнение норм уставных грамот показывает, что для ямщиков установили минимальный размер судебных пошлин. В этом они не были одиноки. Аналогичная ставка «хоженого» и «езда», а также пошлины с судебного процесса прописывалась в некоторых неямских уставных грамотах [1, с. 180, 256; 9, с. 24; 12, с. 173].

определенной инстанции. В то же время, его сроки не оговаривались [6, с. 290–291; 7, с. 474–475, 476–477]⁸.

Часть статей была посвящена вопросам финансового характера. Ямщики освобождались от тягла. Их основной обязанностью оставалась ямская служба. Для XVI в. полный бессрочный податный иммунитет – льгота редкая, однако не уникальная⁹. Кроме того, слобожане не несли постоя. «Всяким посланникам и гонцам» предписывалось останавливаться «на яму (на постоялом дворе. – *О.С.*)» и покупать у ямщиков людской и конский корм по свободной цене¹⁰. Не платили жители слободы и «кормы» представителям местного аппарата власти¹¹. Отдельная статья фиксировала свадебные пошлины. Убрбус составлял 4 денги, выводная куница – алтын. «От знамен» митрополичьему приказчику с холостого слобожанина шло 3 денги, со вдовца – алтын, «с трехженца» – 2 алтына. Размеры этих пошлин были сопоставимы с пожалованиями другим грамотчикам. Кроме того, ямщики наделялись торговыми льготами. Они освобождались от пятна – пошлины с купли, продажи и мены лошадей. Лишь за регистрацию сделки с них взималось писчее – «по денге с лошади»¹². Наконец, грамота устанавливала право слобожан на изготовление хмельных напитков для личного потребления при условии «явки» приказчику и старосте. За нелегальное производство алкоголя нарушителя ожидала кара – от 2-рублевого штрафа до наказания кнутом, выселения из слободы и конфискации в казну двора и остального имущества [6, с. 290, 291, 292; 7, с. 474, 477, 478–479]¹³.

⁸ В ряде неямских уставных грамот прописывались сроки явки в столичный суд [1, с. 115, 153, 157, 180, 256–257; 2, с. 78; 9, с. 24; 12, с. 173–174; 13, с. 309–310].

⁹ Помимо тарханщиков, полный бессрочный податный иммунитет получали обладатели некоторых неямских уставных грамот [1, с. 114, 155–156, 385, 386].

¹⁰ Освобождение от постоя и право продажи путникам питья и продовольствия по свободной цене закреплены во многих тарханных и в ряде неямских уставных грамот [1, с. 115, 117, 157, 180; 3, с. 200]. В некоторых уставных грамотах первая льгота имела ограниченный характер [1, с. 122; 9, с. 25].

¹¹ В большинстве неямских уставных грамот регламентировалась величина отдельных «кормов». Однако население от них не избавлялось. Лишь в единичных случаях грамотчик освобождался от обязанности содержать администрацию [1, с. 385].

¹² Льготы при сделках с лошадьми содержали тарханные и некоторые неямские уставные грамоты.

¹³ Норма, регламентировавшая производство и потребление алкоголя, содержалась во многих уставных грамотах. В некоторых случаях она была шире, чем для ямщиков [9, с. 25; 13, с. 308–309]. Иногда «питейные» привилегии других

К статьям, оберегавшим внутреннюю жизнь общины, следует отнести запрет посторонним лицам являться без приглашения на пиры и братчины. «За гибель» с незваного гостя взималась сумма ущерб «вдвое без суда»¹⁴.

Отмеченные выше статьи, как и освобождение населения от уплаты пошлины за представление местному администратору уставной грамоты, а также необходимость явки пришлых людей, являлись стандартными для данной разновидности актового материала. Наряду с ними уставные ямские грамоты содержали нормы, относившиеся к профессиональной деятельности ямщиков. В ряде постановлений оговаривались условия ямской службы: регламентировалась численность подвод на пай, вводился запрет на привлечение к перевозкам с ямов лошадей «городских людей и волостных». Отдельные положения регулировали порядок гоньбы и защищали ямщиков от злоупотреблений. Согласно им, слобожане должны были предоставлять средства передвижения только при наличии подорожных. При этом выдача местными властями проездных документов ставилась под контроль правительства¹⁵. Также ямщикам гарантировался возврат транспорта. Часть статей была посвящена вопросам обеспечения. Прописывались размеры прогонов, за ямщиками закреплялось право на их получение [6, с. 291; 7, с. 475–476, 477, 480].

Таким образом, уставные грамоты являются важным источником по истории правительственной связи. Система привилегий способствовала более качественному выполнению ямщиками своих обязанностей, формированию их сословно-социальной группы и мирской организации. Тем не менее, уставные грамоты не были повсеместными, их нормы нарушались и менялись. Одни они не могут дать адекватной картины происходившего. При изучении ямского строя необходимо задействовать всю совокупность сохранившихся материалов.

1. ААЭ. СПб., 1836. Т. 1.
2. ААЭ. СПб., 1836. Т. 3.
3. АИ. СПб., 1841. Т. 1.
4. АСЗ. М., 1998. Т. 2.

грамотчиков уступали ямским [2, с. 78].

¹⁴ Статья общая для большинства уставных грамот. Отличия – в объеме компенсации. В одних случаях нарушителю следовало заплатить штраф равный «гибели» [1, с. 122, 157; 2, с. 78; 5, с. 69; 12, с. 173; 13, с. 309], в других – в двойном размере [1, с. 115, 117, 153, 256, 386; 3, с. 199].

¹⁵ Статья содержалась только в уставной грамоте ямщикам г. Касимова.

5. Антонов А.В. Рыльская уставная наместничья грамота 1549 г. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3.
6. Анхимюк Ю.В. Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 г. // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1.
8. Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.
9. ДАИ. СПб., 1846. Т. 1.
10. Дьяконов М.А. Разбор изданий И.Я. Гурлянда «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века», «Новгородские ямские книги 1586–1631 гг.». СПб., 1902.
11. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986.
12. ПРП. М., 1955. Вып. 3.
13. Семенов О.В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7.
14. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891.

УДК 94(47).04

А.И. Папков¹

«Фронтир» или «украина»: два подхода к изучению истории российской колонизации Днепро-Донской лесостепи в XVI–XVII в.

Российское царство; Юг России; Днепро-Донская лесостепь; Крымское ханство; Речь Посполитая; порубежье.

В статье рассматривается процесс расширения государственной территории России в южном направлении, происходивший в XVI–XVII вв., и сравниваются возможности использования различных терминов для описания этого процесса.

Теория фронта, предложенная американским ученым Ф. Тернером, использовалась им для объяснения особенностей образования американского государства, его общественного строя и менталитета граждан [24]. В российской историографии концепция фронта использовалась при рассмотрении истории Сибири [1; 6; 10; 15; 22; 23; 26]. Ряд американских исследователей используют термин фронт при изучении истории Юга России [29; 30; 31].

В отечественной исторической науке сложилось два подхода к

¹ Папков Андрей Игоревич, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (РФ, Белгород), к.и.н., papkov@bsu.edu.ru.

трактовке фронта. Первый подход концентрируется на территориальном аспекте [15]. М.В. Шиловский выделял три вида сибирского фронта: внешний, внутренний и внутрицивилизационный [28]. Сущность второго подхода – фронт – это «зона особых социальных условий, а не граница территории» [8, с. 77]. По мнению А.С. Хромых, современное представление о фронте значительно отличается от выдвинутого Тернером определения, согласно которому фронт – это точка встречи дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формирование основания нового общества, «...можно определить фронт как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества» [27, с. 112]. Таким образом, фронт трактуется как зоны экономического, социального, политического и культурного взаимодействия пришлого населения с местными народами, в результате которого происходит становление нового, нередко локального, сообщества.

В России термину «фронт» существовала альтернатива – «колонизация». Колонизация – это в первую очередь процессы заселения и освоения, включающие в себя взаимодействие жителей и административное вхождение новой территории в состав государства.

Со времени образования Российского государства, после присоединения к нему земель Рязанского княжества и Северной земли, вдоль южной границы страны возникла территория, имеющая ряд отличий от основной территории государства. В российских источниках XVI в. отдельные ее части называются по-разному: «северские города», «рязанские города», «украинные города», «города от польской украины»; позже, с основанием городов на территории Поля, появляются «польские города» [6, с. 20–21]; после возведение Белгородской черты, составители документов в качестве географического ориентира стали использовать понятие «черта», употребляя понятия «города на черте», «города в черте», «города за чертой». Имеющиеся источники позволяют говорить, что современники воспринимали южные приграничные уезды как некое единое целое, обладающее спецификой в сравнении с остальной территорией государства. Однако единого термина для обозначения этой территории не было [18; 19]. Использование ряда упомянутых терминов эпохи требует от исследователя каждый раз оговаривать, о какой конкретно местности идет речь, поскольку, по мере продвижения границы на юг, один и тот же термин в различные хронологические периоды мог обозначать разное

географическое пространство. С другой стороны, весьма специфические названия – «польские города», «украинные города» – понятны лишь узкому кругу специалистов [25, с. 379; 6, с. 19].

Помимо терминов, взятых из исторических источников, в литературе принято употреблять понятия, введенные историками: «порубежье», «пограничные уезды», «приграничные уезды». Использование термина «порубежье» связано с некорректностью применения по отношению к окраинным территориям XVI–XVII вв. понятия «граница», которое подразумевает, как правило, четкое определение государственной принадлежности смежных территорий. В рассматриваемом случае государственные границы не были маркированы до второй половины XVII в. Следует обратить внимание на то, что термин «порубежье» использовался применительно к рассматриваемым регионам [21, с. 135], но в современном русском языке осталось слово «рубезж», а «порубежье» исчезло [14, с. 709].

Указанные обстоятельства послужили причиной привнесения в терминологию понятия «фронтир», которого нет в источниках. Применительно к Югу России этот термин был введен сравнительно недавно [4; 5; 9; 12; 16; 17; 20]. Внедрение нового термина, изначально описывающего явление, находившееся на другом континенте; термина, позаимствованного у зарубежной историографии – приводит к тому, что разные исследователи вкладывают в него различное содержание.

В последнее время была произведена попытка рассмотреть историю заселения лесостепи и степи юга России с точки зрения фронта, в результате было сформулировано следующее видение данного концепта [13]: фронтир – это территория, которая: а) примыкает к границе государства и б) по ряду признаков отличается от остальной территории данного государства, включая другие приграничные территории.

К особенностям южного фронта России можно отнести следующие:

- в основе массового переселения людей на новую территорию лежала государственная политика;
- присоединяемой к России и колонизируемой территорией было Поле, где не было оседлого аборигенного населения, однако через эту территорию пролегали пути нападений на Российское государство крымских и ногайских татар и черкас;
- на территории фронта существовала особая система сторожевой и станичной службы;

- базой для заселения и освоения фронта служила система укреплений, защищающая пограничную территорию, создававшаяся государством;

- на новых землях практически не было местного оседлого населения;

- служилое население преобладало над прочими категориями населения, а среди владельцев поместий и вотчин преобладали мелко-поместные и беспоместные служилые люди.

А.В. Головнев обратил внимание на то обстоятельство, что использование понятия «фронт» применительно к России и Сибири всегда нуждается в разъяснении и сравнении. По его мнению, понятие «украина» содержит в себе целый спектр значений, базовых для историко-антропологического изучения реалий российской колонизации, и в первую очередь следует осмыслить ее русский облик, а уже затем, сравнивать русскую «украину» и американский «frontier» [3, с. 532–533]. Исходя из этого посыла, можно отметить существенную разницу фронта и «украины». Для фронта характерна экспансия, постоянное поступательное движение вперед по освоению «диких» территорий. Российская «украина» – это не только «живая граница» с «варварским миром», перемещающаяся вперед по мере освоения территории, это определенное состояние, которое могло меняться в зависимости от складывающихся условий. Еще М.К. Любавский отметил изменение содержания термина «украина» в XVI–XVII вв. Изначально «украиной» в Литве и Польше называлась вся южная окраина обоих государств. Со второй половины XVI в. это название стало утверждаться за Киевским и Брацлавским воеводствами. После Деулинского перемирия 1618 г. данное наименование распространилось и на ту часть Чернигово-Северской земли, которая отошла к Польше от России и в 1635 г. образовала Черниговское воеводство [11, с. 335].

На южных окраинах России в XVI–XVII вв. в силу географических особенностей региона (лесостепь и степь), граница России была неустойчивой, в отличие, к примеру, от западных рубежей страны, где прочности обороны способствовало наличие естественных преград: рек, озер, болот и лесов. Днепро-Донская лесостепь, примыкавшая к южной окраине Руси, являлась объектом притязаний со стороны сразу нескольких держав: Российского царства (с 1547 г.), Речи Посполитой и Крымского ханства. В итоге, взаимодействие земледельческого населения, прибывавшего сюда из центральных уездов страны, происходило не только с кочевым татарским миром, но и с населением Великого княжества Литовского (затем Речи Посполи-

той), которое по своему цивилизационному укладу было достаточно близко российским подданным. Специфический уклад пограничной жизни привел к складыванию особого сообщества, однако это сообщество не только вписывалось в систему достаточно жесткой российской государственной власти (при всех своих вольностях и сложности управления им), но и существенно влияло в определенные периоды на развитие центра. Самым ярким проявлением данного обстоятельства является Смута начала XVII в., когда фактически «украины» распространили свой стереотип поведения на всю страну. С другой стороны, после Смуты алгоритм территориального управления сложившийся на «украинах», основанный на наделении воеводы всей полнотой власти в уезде, постепенно распространился на всю страну.

Высказанные замечания дают основания говорить о том, что при изучении и описании колонизации Юга России XVI–XVII вв. целесообразно использование категории «украина». Вместе с тем, наличие сопоставимых процессов, проявившихся при продвижении европейцев в Северной Америке и россиян в Сибири, а также на южном и примыкающих к нему направлениях, позволяют проводить сравнительный анализ, и в этом случае категория «фронт» будет вполне уместной, особенно, при изложении на английском языке.

1. *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтов. М., 2005.
2. Американский и сибирский фронт (Американские исследования в Сибири. Вып. 2). Томск, 1997.
3. *Головнев А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.
4. *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Конкретно-историческое обоснование расчета значений управляющих факторов динамики южнорусского фронта в XVII – середине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10.
5. *Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.* Моделирование исторической динамики южнорусского фронта. XVII – первая половина XIX вв. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, технологии, методы. Специальный выпуск. Материалы XIV конференции ассоциации «История и компьютер». М., 2014. Вып. 41.
6. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
7. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
8. *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5.
9. *Канищев В.В.* Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
10. *Каппелер А.* Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках //

- Ab Imperio. 2003. № 1.
11. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
 12. *Мизис Ю.А., Кащенко С.Г.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. № 1.
 13. *Мизис Ю.А., Папков А.И., Скобелкин О.В.* Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10.
 14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.
 15. *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
 16. *Скобелкин О.В.* «Украины» Разрядной книги 1475–1605 гг. // Российская история. 2015. № 5.
 17. *Скобелкин О.В.* Служилые «немцы» в военных действиях на территории южного фронта (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Т. 20. Вып. 10.
 18. *Скобелкин О.В.* Служилые люди южного фронта: особенности земле-владения, земельной и сословной политики государства во 2-й половине XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 1.
 19. *Скобелкин О.В.* Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2011. Вып. 18.
 20. *Скобелкин О.В.* Уездные элиты южного фронта России во 2-й половине XVII века: некоторые вопросы методики исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 1.
 21. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1991. Вып. 17.
 22. *Соболева Т.Н., Бобров Д.С.* Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1(72).
 23. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сборник статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012.
 24. *Тернер Ф.Д.* Фронт в американской истории. М., 2009.
 25. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
 26. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. общее и особенное. Новосибирск, 2001–2003. Вып. 1–3.
 27. *Хромых А.С.* К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов III Региональной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2009.
 28. *Шиловский М.В.* Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3.

29. *Khodarkovsky M.* Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002.
30. *Khodarkovsky M.* Taming the «Wild Steppe»: Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // *Russian History / Histoire Russe.* 1999. Vol. 26. № 3.
31. *Shaw D.J.B.* Southern Frontier of Moscow 1550–1770 // *Studies in Russian Historical Geography.* London; New York, 1983. Vol. 1.

УДК 94(470)«18»

Я.А. Лазарев¹

**Эволюция представлений российской правящей элиты
об идеальной форме управления «Малой Россией»
в 1654-1764 гг. (к постановке вопроса)²**

Малая Россия; российская правящая элита; Войско Запорожское; Гетманская Украина.

В работе рассматриваются представления российской правящей элиты об идеальной форме управления «Малой Россией» в 1654-1764 гг. и причины их эволюции. Автор анализирует недостатки сложившихся социологических схем российско-украинских отношений.

Истории региона, вошедшего в российский политический лексикон XVII–XIX вв. как «Малая Россия», досталась непростая историографическая судьба. С XIX в. в эпоху формирования современных наций и национальных мифологий история «Малой России» рассматривалась как исключительно важная часть в процессе конструирования проектов большой «русской нации» и украинской нации. Концептуальные поиски в рамках формирования проекта современной украинской нации сказались на научном восприятии истории «Малой России» в составе Российского государства. В результате этого сформировался подход, согласно которому суть всех моделей управления «Малой Россией» (Украиной–Гетманщиной–Гетманской Украиной–Украинской казацкой державой) естественным образом сводилась к уничтожению автономного статуса региона и, прежде всего, институтов казацкого самоуправления (Войско Запорожское реестровое). Главными проводниками данной политики являлись представители российской правящей элиты. Исходя из такой позиции делаются кон-

¹ Лазарев Яков Анатольевич, Лаборатория эдиционной археографии ИГНИ УрФУ (РФ, Екатеринбург), к.и.н.; 9lazarev@gmail.com.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых. Договор № 14.У30.17.97-МК от 22.02.2017 г.

цептуальные выводы о деспотическом характере Российского государства, цивилизационных различиях и культурной чуждости последнего и населения «Малой России». Этот подход, начав свое формирование в середине XIX в. (Н.И. Костомаров, П.И. Кулиш, Т.Г. Шевченко), успешно развивался на протяжении XX–XXI вв., особенно в украинской диаспорной историографии, оказав влияние на западные историческую науку и историческую социологию [1, с. 660-661; 3-4; 8; 9, с. 208]. Данный подход в полной мере представлен и в работах современных украинских (В.А. Смолий, Т.В. Чухлиб, В.Н. Горобец и др.) и российских историков (Е.В. Анисимов, А.Б. Каменский, Т.Г. Таирова-Яковлева).

В контексте дискуссий последних шести лет по поводу статуса «Малой России», реформ Петра I в отношении региона (особенно в работах Т.Г. Таировой-Яковлевой) были представлены серьезные аргументы, поставившие под сомнение отмеченную социологическую схему [5, с. 192-221]. В частности, в работах современных российских историков (Б.Н. Флоря, И.В. Курукин, К.А. Кочегаров, А.С. Алмазов, Я.А. Лазарев) на материалах второй половины XVII – первой четверти XVIII в. были показаны особенности выработки политического курса в среде российской правящей элиты в отношении социальных групп «Малой России», которые не вписываются в доминирующую схему.

Согласно переговорам 1654 г., российская правящая элита не вынашивала планов по изменению управленческих практик, сложившихся в регионе до 1654 г. «Малая Россия» рассматривалась как регион, должный обеспечивать военные ресурсы и налоговые поступления в царскую казну с неказацкого населения (мещане и крестьяне). Насколько можно судить, данная модель изначально не предполагала внедрение «великороссийских» институтов управления, кроме редких анклавов царской власти, не имевших полномочий в отношении местного населения, – царские воеводы и гарнизоны в замках Киева и Чернигова. В реализации подобной модели российская сторона целиком и полностью полагалась на местные сословные группы. Первоначально роль исключительного посредника занимало Войско Запорожское и казацкие институты самоуправления, но уже на переговорах в Москве (весна-лето 1654 г.) конкуренцию им составили города, самоуправлявшиеся по Магдебургскому праву (Переяславль, Киев, Чернигов), стремившиеся обезопасить себя от казацкого самоуправления. Именно, благодаря их политической деятельности представители российской правящей элиты вместе с патриархом Никоном смогли настоять на том, чтобы роль налоговых агентов выполняли институты

городского самоуправления. Отмеченная идеальная модель управления закреплялась царской волей в специальных жалованных грамотах, где подтверждались и гарантировались права и привилегии сословных корпораций «Малой России» (Войско Запорожское, православные церковь и шляхта, города, самоуправлявшиеся по Магдебургскому праву). Собственно, права сословных групп «Малой России» определяли в своей совокупности особый автономный статус края.

Однако украинские гетманы, начиная с самого Б.М. Хмельницкого, были против того, чтобы управленческая модель, практически идентичная польской, воплотилась в реальности. В этих устремлениях украинских гетманов поддерживала часть казацкой элиты. Вплоть до поражений российских войск под Конотопом (1659 г.) и Чудновом (1660 г.) российская правящая элита стремилась запустить данную модель. Через царских посланников (А.С. Матвеев, В.П. Кикин, Б.М. Хитрово) на протяжении 1655-1657 гг. закидывались предложения о расширении военно-административного присутствия в малороссийских городах и сборе налогов [2, с. 56-93; 11, с. 119-175]. Возникшее сопротивление, приведшее к фактическому расколу «Малой России», заронила мысль в умы некоторых представителей правящей элиты, что лучшее политическое состояние региона – это удержание только левобережной части (А.Л. Ордин-Нащокин) [10, с. 18-23].

Только с приходом к власти гетмана И.М. Брюховецкого (1663-1668 гг.) московскому правительству были даны обещания («Батуриные статьи») по сбору налогов согласно переговорам 1654 г. Благодаря оживлению политической активности малороссийских городов с «магдебургиями» в среде российской правящей элиты посчитали необходимым создать 14 налоговых округов, где основную фискально-административную нагрузку должны были взять на себя представители городского самоуправления, а царским воеводам отводилась роль хранителей правопорядка и обеспечения налоговой логистики [11, с. 225-294]. Вплоть до создания Петром I Малороссийской коллегии (1722-1727 гг.) это было самое большее политическое допущение в управлении «Малой России». В результате выступления гетмана Брюховецкого царское правительство в обмен на лояльность согласилось на своеобразный неформальный «пакт» с казацкой элитой, т.е. неофициальное признание за казацкими институтами самоуправления практически полной монополии на власть в «Малой России». В таком виде неформальный «пакт» просуществовал до выступления гетмана И.С. Мазепы (осень 1708 г.).

Это неожиданное событие породило излишнюю подозритель-

ность среди российской элиты, представители которой стали задумываться о пересмотре сложившейся неформальной модели управления. Например, предложения кн. Д.М. Голицына (1710 г.) сводились к поощрению доноительства, назначению несогласных с гетманом полковников. В своих «пропозициях» Ф.С. Салтыков (1712-1713 гг.) акцентировал внимание на продвижении дворянских неженатых отпрысков на казацкие должности и межэлитарных браках [7, с. 69-70]. Подозрительность, отмеченная во взглядах Д.М. Голицына и Ф.С. Салтыкова, нашла свое отражение в изменении формата российско-украинских отношений после 1708 г. Например, при гетмане появились специальные резиденты, с 1715 г. вводился новый порядок назначений полковников (только при одобрении правительства), а в 1722-1727 гг. функционировала Малороссийская коллегия. При этом данные новации не привели к кардинальному пересмотру автономии «Малой России» и роли казацкой элиты в управлении.

Интенсификация неформальных отношений с российской элитой привела к тому, что казацкая элита превратилась в самостоятельную силу, независимо от гетмана выстраивавшую отношения с российским престолом. Например, летом 1733 г. правящая элита Гетманской Украины планировала коллективно управлять регионом. Со своей стороны, российское правительство учло это после смерти гетмана в начале 1734 г., создав Правление гетманского уряда, половину из шести членов которого должны были составлять представители казацкой старшины. Несколько позднее, в 1736 г., кабинет-министр А.И. Остерман отмечал, что адаптировать местную элиту к российским практикам удастся лишь благодаря стимулированию их собственного желания участвовать в подобной инкорпорации [7, с. 71-72]. Как показывают сохранившиеся бумаги Правления, основная управленческая нагрузка ложилась на плечи казацкой элиты³. Отмеченная модель совместного управления сохранялась до 1749 г. В рамках ее реализации российская правящая элита не считала необходимым включать налоги с малороссийского населения в царскую казну, компенсируя издержки из имперского бюджета (например, в годы русско-турецкой войны 1735-1739 гг.) [5, с. 208].

С приходом к власти гетмана К.Г. Разумовского (1750-1764 гг.) заметным образом меняется отношение российской правящей элиты к статусу украинской казацкой элиты и образу правления «Малой России». Положительная реакция российской правящей элиты на про-

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1144. Л. 391–392, 401, 407.

екты и предложения казацкой верхушки об ее дворянском (шляхетском) происхождении свидетельствовали о наличии многих точек соприкосновения, что «вписывало» казацкую элиту в общероссийские процессы и демонстрировало ее высокий статус. На этом фоне гетман Разумовский имел все шансы добиться создания наследственного княжества, чей глава обладал бы правом пожалования казацкой элиты в российские чины вплоть до подполковника. Такая тактика получила поддержку среди российской правящей элиты, выдвинувшейся при Елизавете Петровне. Однако лишь специфика представлений Екатерины II о государственном устройстве, роли монарха в управлении и подозрительное отношение к институту гетманства не позволили этому осуществиться [6, с. 77-82].

Таким образом, предварительные наблюдения относительно эволюции представлений российской правящей элиты об идеальной форме правления «Малой Россией» показывают их практически полную зависимость от конъюнктур внутри казацкой элиты (особенно с конца 1660-х гг.), когда планы по реализации модели управления 1654 г. откладываются на отдаленную перспективу. Измена гетмана И.С. Мазепы и подозрительность среди части российской элиты не привели к кардинальному изменению модели управления регионом и отстранению от власти казацкой верхушки. Наоборот, мы видим важный политический симбиоз в периоды бесгетманства (1722-1727, 1734-1749 гг.). Более того, российская правящая элита допускала появление в политическом теле Российской империи наследственного княжества во главе с К.Г. Разумовским. Однако политические ставки на Екатерину II обманули ожидания многих.

1. *Алексюн Н., Бовуа Д., Дюкрё и др.* История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009.
2. *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.
3. *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.
4. *Когут З.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини (1760–1830). Київ, 1996.
5. *Лазарев Я.А.* «Не-каноничные» версии истории Украины второй половины XVII–XVIII в. в новых исторических курсах // Исторический вестник. Т. 16 (163). М., 2016.
6. *Лазарев Я.А.* Место украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. // Вопросы истории. 2017. № 3.
7. *Лазарев Я.А.* Проект экономических преобразований на Гетманской Украине генерала И.Б. Вейсбаха 1733 г. // Славянский альманах 2016. М., 2016. Вып. 3-4.
8. *Плохий С.* Походження слов'янських націй: домодерні ідентичності в

- Україні, Росії, та Білорусі. Київ, 2015.
9. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М., 2009.
 10. *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
 11. *Шевченко Ф.П.* Историчні студії: збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження). Київ, 2014.

УДК 341.3; 93/94

М.О. Акишин¹

Право войны в вооруженном конфликте русских и енисейских кыргызов (XVII век)

Право войны; Русское государство; история Сибири; Хакассия.

В статье устанавливается, что вооруженный конфликт с енисейскими кыргызами не подпадает под европейское понятие «войны» XVI – XVII вв. В условиях военных действий русские служилые люди по указам московских самодержцев гуманно обращались с мирным населением и пленными. Значительное внимание в отношениях с кыргызами придавалось двухсторонним переговорам и шертным договором. Кыштымная зависимость кыргызов от государства Алтын-ханов и Джунгарского ханства обусловили использование этими государствами института международно-правового посредничества в русско-кыргызских отношениях.

Теория завоевания Сибири является одной из доминирующих в историографии на протяжении нескольких веков. Ее основоположник Г.Ф. Миллер считал, что продвижению русских на восток сопротивлялись «дикие сибирские племена» [4, Т. I, с. 166, 294; Т. II, с. 14 и др.]. В XVIII–XIX вв. эти взгляды были поддержаны И. Фишером, П.А. Словцовым, П.Н. Буцинским и др. Теория завоевания имеет сторонников и в новейшей историографии (А.С. Зувев, Л.Р. Кызласов, В.А. Тураев и др.).

При всей дискуссионности тезиса о «завоевании» Сибири, сам факт вооруженных столкновений русских землепроходцев с родоплеменными и раннегосударственными образованиями сибирских народов не вызывает сомнений. Одним из самых драматичных таких столкновений был вооруженный конфликт с енисейскими кыргызами. Дискуссию среди историков вызывал вопрос о характере этого конфликта. В.В. Бартольд и Н.Н. Козьмин оценивали его как движе-

¹ Акишин Михаил Олегович, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (РФ, Новосибирск), д.и.н., к.ю.н., Akishin-MO@yandex.ru.

нием кыргызов за независимость. Л.Р. Кызласова – борьбу кыргызов за свою землю и суверенитет. Напротив, С.В. Бахрушин доказывал, что причина агрессивности кыргызов заключалась в «своекорыстной политике» их князцов, которые «видя в военных набегах одно из средств обогащения ... стремились всеми мерами сохранить за собой право беспрепятственно совершать грабительские набеги на соседей» [1, с. 197–198]. В последующем эту позицию поддержали и развивали Л.П. Потапов, В.А. Александров, Г.Ф. Быконя, В.Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков и др.

В настоящей работе акцент сделан на одном из вопросов, который фактически выпал из предмета исторических исследований – понимания и соблюдения участниками конфликта законов и обычаев права войны. Рассмотрение этой проблемы предполагает анализ, во-первых, понятия «война» в праве XVII в. и обоснования сторонами ее справедливости; во-вторых, изучения регулирования статуса военнопленных и мирного населения; в-третьих, использования дипломатических средств в ходе этого конфликта.

Право войны XVI–XVII вв. основывалось на отграничении понятия «война» от произвольного физического насилия и на положении о том, что «война» должна быть «справедливой». Голландский юрист Г. Гроций считал, что, во-первых, война должна вестись «волею тех, кто в государстве облечен верховной властью», частные войны запрещались; во-вторых, война должна быть торжественно объявлена; в-третьих, справедливой причиной начала войны могла быть защита нарушенного права, защита от нападения, возвращение незаконно захваченного имущества, наказание [3, с. 187, 196 и др.]. Этих требований придерживалась русская дипломатия. Переводчик Посольского приказа Н.Г. Спафарий говорил: «...воры начинают внезапно и без ведомости войны, а у великого государя такой обычай, что буде кто ис порубежных государей неправдою поступает и причины такие дает, тогда прежде посылает посольство и объявляет неправды ево, и буде не престанет, скажет ему и войну» [5, Т. II, с. 507–509].

Русское государство последовательно применяло это понимание войны в конфликте с енисейскими кыргызами. На границу с их землей русские вышли после разгрома Сибирского ханства. В 1603 г. князец еуштинских татар Тоян, расселявшийся в низовьях р. Томи, приехал в Москву и подал челобитную на имя царя Бориса Годунова, в которой просил принять его в подданство, построить острог на р. Томи и защитить от набегов ойратов и кыргызов. По этому челобитью уже в 1604 г. русские служилые люди заложил Томский острог [4, Т. I, с. 403–

407].

После основания Томска началось приведение к шерти енисейских кыргызов и их кыштымов. Кыргызская земля в это время состояла из Езерского, Алтысарского, Алтырского и Тубинского улусов, находившихся под властью княжеского рода енисейских кыргызов. Помимо власти в своих улусах кыргызы установили от себя кыштымную зависимость целого ряда народов – красноярских качинцев, тюрко-кетоязычных ангарских аринцев, народов, населявших Кузнецкую котловину, бассейны р. Томи, Среднего Чулыма, Маны и Кана.

В январе 1609 г. служилые люди привели к шерти «царя» Номчу, князца Алтысарского улуса. Алтырский князец Ноян и езерский князец Кочербай сначала ясак платить отказались, но после похода русских служилых людей также вынуждены были дать шерть и обязательство платить ясак [2, с. 11, 28–32]. В Москве принесение шерти кыргызами и их кыштымами на подданство квалифицировалось как установление полной юрисдикции над их землей.

Однако енисейские кыргызы находились на раннегосударственной стадии развития, сохраняя многие черты родоплеменного быта. Для решения общих дел собирались съезды представителей четырех улусов, на которых князья совместно «удумывают обо всяком земляном деле» и выбирали старшего по возрасту «лучшего» князя, которому поручалась верховная власть. Следует учитывать также, что енисейские кыргызы, во-первых, не знали института подданства в том смысле, который ему придавался земледельческими народами, а шерть они рассматривали по сути, как свободный вассалитет; во-вторых, кыргызы сами были кыштымами с конца XVI в. государства Алтын-ханов, а с 1635 г. Джунгарского ханства [8].

Эти особенности социально-политического развития кыргызов почти сразу привели к вооруженным конфликтам. В 1610 г. князцы Кочербай «с товарищами» «изменили» и ни один из кыргызских улусов не уплатил ясак. «Изменил» шерти и «лучший» князец Номча. Начались набеги кыргызов на ясачные чулымские волости Томского уезда. В 1614 г. кыргызы, склонившие на свою сторону кыштымов, живших по Чулыму, и шорцев, объединенными силами выступили против томских воевод [2, с. 30–34; 6, с. 30–32]. Эти действия открыли историю кыргызских набегов на русские поселения, которые продолжались до конца столетия.

Русские власти проводили политику превращения номинального подданства кыргызов и их кыштымов в реальное. В 1618 г. был основан Кузнецкий острог. В 1621 г. – Мелецкий острог. В 1628 г. – Крас-

ноярский острог. В 1637 г. на Братском перевозе через Кан был поставлен новый острог (современный г. Канск). В 1641 г. на р. Чулыме был поставлен Ачинский острог. В 1675 г. красноярские служилые люди на верхнем течении Енисея, на острове Карагас (Сосновый) «острог поставили и крепости учинили». Затем между Красноярском и устьем Абакана был поставлен Караульный острог и небольшой Ломовский острог на берегу р. Кемчикаг, который преграждал так называемую Ломовскую дорогу. В 1697 г. на севере Кыргызской земли был поставлен Каштацкий острог.

Итак, уже в 10-х гг. XVII в. начались вооруженные конфликты с кыргызами, растянувшаяся до конца столетия. Исходя из европейского правового понятия «войны», московские власти рассматривали враждебность кыргызов как «измену» и требовали от сибирских воевод укрепить их в подданстве. Енисейские кыргызы пытались отстоять общее положение справедливости их противостояния русским, время от времени признавая, что тот или иной набег был совершен самовольно тем или иным степным владетелем.

Важнейшим институтом права в период вооруженных конфликтов является институт защиты жертв войны – военнопленных и гражданского населения. Русское законодательство XVII в. содержало достаточно развитую систему юридических норм, регулиующую правовое положение «иноземцев» в ходе присоединения Сибири. В отношении мирных «иноземцев» предписывалось действовать «ласкою, а не жесточью», чтобы не нанести ущерб плательщикам ясака. Тех «иноземцев», которые попали в плен в ходе вооруженного конфликта, предписывалось после его окончания «прощать их на окуп». Эти нормы соблюдались в ходе русско-кыргызских вооруженных столкновений.

Для разрешения русско-кыргызского конфликта широко использовались дипломатические средства. Поражения в вооруженных столкновениях приводили к переговорам и заключению новых шертовых договоров. После разгрома в 1615 г. два «лутчих» кыргызских князька Номча и Кар-Сакул «со всеми своими людьми учинились под государевою рукою и по своей вере шертовали..., а ясак государю в Томской город ... послали». В 1631–1632 гг. посланцы Кыргызской земли в Томске от имени всех князей дали новую присягу служить русскому царю, жить мирно, ясак давать ежегодно, а ясачных людей, принявших подданство России, не угонять. В 1642 г. кыргызы вновь шертовали, «что им быть под твоею государевою царскою высокою рукою со всеми улусными людьми на веки неотступно и ясак бы тебе

государю давати». В 1678, 1680, 1682 и 1684 гг. шертовал на подданство енисейский князец Ереняка, который организовал наиболее длительное и ожесточенное сопротивление русским [1, с. 221; 2, с. 113–116, 135–140; 6, с. 59].

Кыштымная зависимость кыргызов от государства Алтын-ханов, а затем Джунгарского ханства обусловила использование в ходе русско-кыргызского конфликта не только институтов двухсторонних переговоров и договоров, но и международного посредничества. Впервые к нему прибег в 1616 г. Алтын-хан, который в присутствии русских послов, принуждал кыргызов прекратить войну с русскими. В 1620-х гг. Алтын-хан приказывал кыргызским князям и их улусным людям «в винах своих добити челом» московскому царю и «быть под царскою высокою рукою по-прежнему» [6, с. 59–68].

После разгрома в 1667 г. государства Алтын-ханов владельцы Джунгарии посылали в Кыргызскую землю своих наместников (русские называли их «посланцами»). Полномочия «посланца» включали ведение переговоров с русскими властями. Продолжилась и практика международного посредничества. Так, в июле 1680 г. улусные люди джунгарского хана, которым была «приказана без Галдана-контайши земля его», ейзаны Ейзуйту и Манжин, в своей «судейской юрте» давали русским посланцам очные ставки с представителями кыргызов. Выслушав обе стороны и указав неправоту той и другой, ейзаны «заказывали накрепко» кыргызам, чтобы они с русскими жили мирно «и задоров никаких не чинили» [7, № 99].

В 1703 г. по указу правителя Джунгарии Цэван-Рабдана енисейские кыргызы были выведены в монгольские степи, что навсегда изменило судьбу населения Хакасско-Минусинской котловины. Оставшиеся в Кыргызской земле кыштымы принесли свои вины русским властям и просили о постройке на их земле острога. Подданство народов Верхнего Енисея, Томи и Иртыша из номинального окончательно стало реальным. Границы Русского государства в Хакасско-Минусинской котловине были признаны цинским Китаем при заключении Буринского трактата от 20 августа 1727 г.

Подведем итоги. Вооруженный конфликт с енисейскими кыргызами не подпадает под европейское понятие «войны» XVI–XVII вв. В ходе переговоров 1610-х гг. кыргызские князцы шертовали на подданство, почему в последующем московские власти рассматривали враждебность кыргызов как «измену» и требовали от сибирских воевод укрепить их в подданстве. Долгое время набеги кыргызов на русские поселения были частным делом степных владельцев и только

в 1660-х – 1680-х гг. князец Ереняк сумел придать им характер консолидированного противостояния русским. В условиях военных действий русские служилые люди по указам московских самодержцев гуманно обращались с мирным населением и пленными. Значительное внимание в отношениях с кыргызами придавалось двухсторонним переговорам и шертным договором. Кыштымная зависимость кыргызов от государства Алтын-ханов и Джунгарского ханства обусловили использование этими государствами института международно-правового посредничества в русско-кыргызских отношениях.

1. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955.
2. *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан, 1995.
3. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994.
4. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999-2000. Т. I-II.
5. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы: в 2 т. Т. 2. 1686–1691 /Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М., 1972.
6. Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. док. /Отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1959.
7. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
8. *Чертыков В.К.* Кыргызская земля в XVII – начале XVIII вв. и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии: Автореф. дисс. ... к.и.н. Абакан, 2006.

УДК 94(47).06

Ю.Н. Смирнов¹

**Вклад В.Н. Татищева и сотрудников Оренбургской
экспедиции (комиссии) в культурное развитие
российского «фронта»**

Россия в XVIII в.; колонизация; история культуры; просвещение; языкознание.

Оренбургская экспедиция (комиссия), в которой работали выдающиеся деятели государства, науки и просвещения, в том числе И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, П.И. Рычков, внесла большой вклад в создание государственных школ на территории Заволжья и Урала, в изучение языков народов России.

Политика России в первой половине XVIII в. диктовалась необходимостью решения социальных, административных, культурных за-

¹ Смирнов Юрий Николаевич, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева (РФ, Самара), д.и.н., smirnov195503@yandex.ru.

дач, возникавших перед страной как в ходе ее внутренней модернизации, так и в условиях колонизации имперского порубежья, которую все чаще в историографии предлагается рассматривать «по фронтальной модели» [13, с. 1037]. К числу важнейших из перечисленных задач относилась интеграция различных народов и территорий империи в сферу российской государственности и цивилизации. Эта задача решалась, в том числе, в ходе обучения их представителей на родном и на русском языке в общественных учебных заведениях под контролем властей, а также путем изучения языков этих народов.

Наиболее остро указанная задача вставала на окраинных и новоприсоединенных землях со сложным этноконфессиональным составом населения. К числу таких земель относились территории лесостепного и степного Заволжья и Приуралья на юго-востоке России, вошедшие в состав государства в ходе Оренбургской экспедиции (комиссии) 1734-1744 гг. Высказывается мнение о незначительности геополитических рисков на заволжско-южноуральском «фронтире» [13, с. 871]. Его следует принять с оговорками, потому что роль этого направления российской экспансии и народной колонизации была велика, как и цена возможных политических ошибок или административных неудач.

Возникновение первых государственных школ на рассматриваемых территориях связано именно с деятельностью указанной экспедиции (затем – комиссии), местом пребывания руководства и служб которой с сентября 1736 г. по август 1743 г. была Самара. В этих школах готовились кадры служащих для самой экспедиции и давалось образование детям военных, специалистов, других лиц, служивших при этой комиссии. Учителя, школьная прислуга и сами ученики считались на государственной службе, за которую получали казенное жалование. Учебные заведения при Оренбургской комиссии современники называли как во множественном числе «школами», так и одной «комисской школой». Хотя в учебном процессе данные «школы» или специализированные классы были практически независимы друг от друга, но в отношении управления они являлись единой учебной командой этой комиссии. Для профессиональных школ того времени это было обычным явлением. Так, знаменитая Славяно-греко-латинская академия в документах тоже нередко именовалась во множественном числе «Законопасскими школами».

По данным 1741 г., при Оренбургской комиссии в Самаре состо-

яло следующее число учителей, учеников и школьных служителей²:

«науки» и «школы»	«звания» и «чины»	количество (чел.)
В певческой	Учитель	1
В певческой	Школьников	3
В словесной	Учитель	1
В словесной	Школьников	19
В писчей	Учитель	1
В писчей	Школьников	15
В татарской	Учитель-«ахун»	1
В татарской	Школьников	10
В калмыцкой	Школьников	5
При школах	Сторож	1
При школах	Писчик	1
ИТОГО		58

Первый руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов, один из основателей русской статистической и географической науки, уделял большое внимание школе при своем ведомстве. Обучение в ней не ограничивалось обычной начальной подготовкой в чтении, письме, счете. В справке об учениках Заиконоспасских школ, присланных в Академию Наук для продолжения образования в начале 1736 г., указывалось, что двое из них, Дмитрий Виноградов и Михайло Ломоносов отправлены в Германию (и это общеизвестно), «а Яков Виноградов – в Оренбургскую экспедицию, для обучения тамошних обывательских детей латинского языка» [6, с. 595].

Вместе с тем Кирилов считал необходимым давать образование жителям России разных национальностей и еще до присылки преподавателя латыни поднял вопрос о поиске учителя калмыцкого языка, на что получил согласие императрицы. Привести в исполнение свое намерение Кирилов не успел, скончавшись в 1737 г. [9, с. 50].

Однако, как показывают современные исследователи, «путь к самым разным модернизационным преобразованиям был долгим и нелегким». Этот путь, в том числе в культурной и образовательной сферах, начинался «не с реальных административных и законодательных шагов, а с идеальных представлений», теоретических разработок [12, с. 900].

Возглавивший после Кирилова Оренбургскую комиссию В.Н. Татищев как ученый и государственный деятель придавал большое

² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 45 об.

значение изучению языков народов России. В его трактате «Разговор дву приятелей о пользе наук и училищах» (1733) доказывалась необходимость образованным людям знать не только древние и современные европейские, но и «подданных российских народов языки». Среди «внутренних» многочисленных языков России самыми необходимыми назывались татарский, калмыцкий и «сарматский» (так Татищев в совокупности именовал финно-угорские языки), поскольку имела нужда в чиновниках, знающих эти языки, и грамотных переводчиках [3, с. 139].

Говоря о значимости изучения и преподавания этих языков для научных целей и административных нужд, Татищев подчеркивал особо, что «сия польза еще не так велика, как нужда в научении их закону христианскому». Он считал, что в городах Поволжья, Приуралья и Сибири «нужно школы такие устроить, чтоб русские младенцы их языка, а их младенцы русской грамоте языка и закона божия учиться возможность имели». При этом Татищев ссылаясь на шведский опыт просвещения жителей Лапландии. Для них и «книги на их языке напечатаны», хотя лапландцы, скотоводы-кочевники, были «гораздо дичае, нежели мордва, чуваша, вотяки, тунгусы и пр.» Подданных же России из народов Поволжья и Урала, «яко живущих деревнями», по его мнению, «весьма легче научить и на путь спасения наставить», нашлись бы только «ученые и прилежные духовные» при выполнении еще одного важнейшего условия – языковой подготовки: «Неведующему языка их, хотя бы и лучший феолог или ритор был, ничего полезного учинить в них невозможно». Тому есть немало доказательств в виде бесплодных попыток крещения. Когда тех людей, которые «сами русского, а крестящих их языка не зная, учили... через толмачей», то когда «те крестители... в дома возвратились, так крещенные скоро все забыли, и что верят, не знают» [11, с. 102-104].

При Татищеве появляются в Самаре татарская и калмыцкая школы. В них работали «студент калмыцкого языка» Иван Ерофеев и знаток татарского, арабского, персидского, турецкого языков ахун (учитель и богослов. – Л.А.) Махмуд Абдурахманов [8, с. 206].

Завершить организацию этих школ Татищеву, отставленному от комиссии в 1739 г., не удалось [9, с. 99]. В полной мере их работа развернулась после назначения руководителем комиссии В.А. Урусова. В реестре дел Оренбургской комиссии говорится, что именно при нем «во исполнение сего пункта определено завести татарскую и калмыц-

кия школы, кои и заведены»³.

Урусов писал из Самары Татищеву, продолжавшему интересоваться деятельностью школ, в марте 1741 г.: «Во всем том старается у меня г. Рычков, и ему оное поручено, которого в том охота и прилежность, надеюсь вашему превосходительству известны». Сам П.И. Рычков, видный сотрудник Оренбургской комиссии, который позже стал первым в истории членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, сообщал Татищеву: «Я ныне особливо рад, что его сиятельство (князь Урусов. – Л.А.), все заведенные здесь школы, над коими никакого призрения не было, приказал в один... дом собрать и все надсматривать приказал. В высочайший Кабинет не без основания от его сиятельства представлено о распространении здешних училищ: ежели бы милостивая резолюция воспоследовала, то б я надеялся не малому плоду от того произрасти» [7, с. 11].

Заботами Урусова и Рычкова произошло придание обучению более правильной организации, обеспечение учебного процесса постоянным помещением, установление должного контроля за этим делом. О высоком уровне знаний преподавателей самарской школы говорит то, что в ней велась работа над татаро-калмыцко-русским лексиконом и переводами с восточных языков, их услугами пользовалась и Академия наук. На одной из переведенных книг сохранилась следующая приписка: «Я, всенижайший и многогрешный раб, ахун Махмут Адрахманов, по просьбе моего почтенного друга... перевел с арабского на татарский язык сию малую книжицу..., дабы всенародно татарскому языку она я книжка известна бысть могла. С татарского на русский язык переведена при учрежденной в Оренбургской комиссии татаро-калмыцкой школе в феврале месяце 1741 г.» [5, с. 82].

Сам Татищев упомянул М. Абдурахманова в своей знаменитой «Истории Российской». Ученый богослов, до поступления на службу в Оренбургскую экспедицию бывший учителем и переводчиком влиятельного казахского султана Эрали, не владел русской грамотой, поэтому переводы осуществлялись в два шага. Сначала ахун переводил по-татарски, а затем его ученики готовили русский текст. «Почтенный друг», упоминаемый ахуном, – это П.И. Рычков. В свою очередь, последний также тепло отзывался о татарском учителе, интересовался системой традиционного мусульманского образования, о чем писал В.Н. Татищеву: «Прилагаю реестр арабским наукам, которые мне ахун, по-татарски записав, дал и сказывал, что некоторые

³ Там же. Д. 9. Л. 17 об.

книги о тех науках из Бухар достать можно» [7, с. 12]. Это вполне соответствовало высказываниям Татищева о том, что знание татарского языка открывает путь к изучению других восточных языков, прежде всего – арабского.

Знатоками восточных языков успешно выполнялись секретные поручения разведывательного и дипломатического характера, что также свидетельствует о высоком профессиональном мастерстве. Так, в 1741 г. в Самаре был задержан джунгарский посол, направлявшийся к волжским калмыкам. Руководством Оренбургской комиссии «всякие вымыслы чрез переводчика употреблены были, чтоб имеющийся у него лист к хану Дондук Омбе посмотреть, которой не только высмотрен, но и копия с него чрез переводчика получена». Эту копию отослали в Иностранную коллегию⁴.

В связи с постройкой Оренбурга и превращением его в 1744 г. в центр новой губернии туда были переведены из Самары различные подразделения бывшей комиссии, включая школы. Татарская школа переводчиков действовала при Оренбургской губернской канцелярии в течение всего XVIII века. Образование, здесь полученное, открывало возможность для дальнейшей карьеры. Например, в ней обучался будущий видный оренбургской чиновник П.Н. Чучалов, активный участник налаживания дипломатических и торговых отношений с народами Казахстана и Средней Азии, обороны Оренбурга от пугачевцев и следствия по делу видных башкир-повстанцев Юлая Азналина и Салавата Юлаева [10, с. 148-150]. В этой же школе некоторое время учился И.А. Второв [2, с. 12]. Позднее он получил известность как литератор и мемуарист [1, с. 442].

Кроме школы переводчиков, в Оренбурге со второй половины 1740-х гг. существовала также школа для детей ссыльных, где обучали грамоте, арифметике, письму, пению. Здесь также работала школа младших военных инженеров [4, с. 72]. К числу первых школ на юго-востоке Европейской России следует также отнести школу для крещеных калмыков в г. Ставрополе на Волге [8, с. 207].

Таким образом, для полиэтничного Заволжского и Оренбургского края характерным было одновременное появление здесь государственных школ как для русских детей, так и для представителей других народов, что способствовало процессу взаимопроникновения и взаимовлияния различных культур. Можно утверждать, что культурное развитие юго-восточной части российского «фронта» стояло в

⁴ Там же. Д. 9. Л. 80 об.–81.

одном ряду с задачами его обороны, заселения, хозяйственного освоения. Заметный вклад в дело развития здесь образования и в христианское просвещение внесли руководители новоприсоединенных территорий юго-востока Европейской России, в т.ч. В.Н. Татищев и его современники – выдающиеся администраторы, деятели науки и культуры XVIII в. Их передовые для своего времени взгляды на проблемы обучения молодых людей разных национальностей вполне соответствовали целям государственной политики освоения российских окраин.

1. *Артамонова Л.М.* Истоки провинциальной интеллигенции в симбирских записях дневника И.А. Второва (1791-1793 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3.
2. *Артамонова Л.М.* Приобщение к культуре и просвещению как источник счастья молодого провинциала конца XVIII века // Счастливые страницы в истории человечества и повседневной жизни людей: материалы Международной научной конференции. Тула, 2009.
3. *Демидова Г.И.* Татищев как лингвист-просветитель // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 2.
4. *Злобин Ю.П., Поляков А.Н.* История Оренбургского региона. Ч. 1. Оренбург, 2006.
5. История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Самара, 2011.
6. Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886. Т. 3.
7. *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.
8. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007.
9. *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.
10. *Таймасов С.У.* Переводчик Оренбургской губернской канцелярии Петр Чучалов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170).
11. *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
12. *Artamonova L.M.* Modernization of «Collective Beliefs» and «Cultural Capital» in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3).
13. *Mironov B.N.* Do Russians Need Cliotherapy? // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3-1).
14. *Poberezhnikov I.V.* Russian Imperial Modernization: the General and the Specific // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3).

Особенности формирования социальной психологии населения юга Русского государства в XVII в.

Южная граница; психология; колонизация; воеводы; служилые люди.

Статья рассматривает особенности формирования социальной психологии на южнорусском пограничье в XVI–XVII в., переплетение старой крестьянской психологии холопов, крепостных крестьян и формирование новой психологии служилого «государевого» человека.

Заселение районов лесостепи в XVI–XVII в. сформировало не только территорию южнорусского пограничья, но определенную социальную психологию основных групп местного населения. Социальная психология изучает закономерности, особенности поведения и деятельности людей, обусловленные их социальным взаимодействием, что включает общение, коммуникативность, социальные нормы, социальные роли, статус личности в группе и др. показатели. Особое место занимает понятие групповой психологии [1, с. 5, 18]. Мы попытаемся рассмотреть как заселение и освоение южнорусского фронта повлияли на особенности формирования населения новых уездов в процессе их колонизации, формировании групповых интересов. После начала строительства новых линий укреплений: Белгородской, Тамбовской, Шацкой, Нижне- и Верхне-Ломовской и других черт, сюда устремились крепостные крестьяне светских и духовных феодалов, бывшие и действующие служилые люди, посадские люди добровольно или незаконно сменившие свое место жительства, донские и запорожские казаки.

Причины переселения больших масс населения Русского государства были связаны со многими обстоятельствами. Сильное похолодание климата на староосвоенных территориях, начавшееся в XVI в. и продолженное в XVII в., привели к попыткам переселения в более южные регионы с мягким климатом, длительным циклом сельскохозяйственных работ, плодородными черноземами. Смутное время способствовало разорению ряда центральных уездов и местного населения, высвобождению значительных масс населения, которое искало свое применение на новых землях. Именно плодородные земли были

¹ Мизис Юрий Александрович, Тамбовский государственный университет (РФ, Тамбов), д.и.н., ymizis49@yandex.ru.

главным двигателем значительной части переселенцев.

Правительственная политика по освоению новых земель и укреплению границ от набегов кочевников, формирование новых военных гарнизонов, значительные денежные вливания способствовали быстрому освоению Центрального Черноземья. Сюда массово устремилось огромное количество переселенцев. Здесь на линии фронта они могли радикально сменить свой социальный статус, записаться в различные категории служилых людей.

Формирование новых общин мелких служилых людей приводило к общим элементам складывающейся психологии русского фронта. Он позволял сделать быстрый карьерный рост и стать владельцем достаточно большого по крестьянским меркам земельного надела, рассчитывать на денежное жалование и государеву помощь в освоении новых территорий, сменить социальный статус от холопа отдельного феодала к «государевому холопу». Проводниками государственной политики на южной границе становились воеводы, наделенные полномочиями от лица царя и представлявших его интересы. Взаимоотношения воевод и общин служилых людей определялись воеводскими наказами, местными традициями и личностными отношениями.

Сложности в процессе образования единой социальной психологии южнорусских уездов состояли в значительной дифференциации местного населения на профессиональные группы: стрельцов, пушкарей и затынщиков, полковых, сторожевых, городских казаков, посадских людей, черкасс, выходцев из донских и запорожских казаков [2, с. 84-91], а так же традициями староосвоенных территорий. Особое место занимали дети боярские и, возникшие в середине XVII в. новые категории: солдаты, рейтары, драгуны. Каждая подобная военно-профессиональная группа была связана общинными традициями, совместным земельным оборотом, военной службой. Особенности социальных образований шли по линии профессиональных групп, а так же местнических территориальных объединений, связанных сложившимися традициями территориального деления России в XVI–XVII в. в виде уездов. Каждый южнорусский уезд на протяжении формирования границ своей территории одновременно образовывал единую социальную общность. Она определялась подчинением уездному воеводе, общностью задач по воинской службе, хозяйственной деятельностью. Это проявлялось, например, в челобитных в центральные органы власти от имени всего уезда на деятельность воевод [4, с. 92-93; 7, с. 235-239], в постоянных земельных конфликтах.

Определенный характер воинских служебных обязанностей также способствовал формированию единства определенных групп. Основными профессиональными группами в южнорусских уездах были дети боярские и различные категории служилых казаков. В городах преобладали сторожевые, полковые и городовые казаки, стрелецкие общины. Небольшие группы посадских людей имелись в нескольких городах южных пограничных уездов: Курск, Елец, Острогожск, Козлов, Коротояк, Воронеж, Белгород [5, с. 13-14]. Они несли, кроме своих прямых обязанностей связанных с торговлей и ремеслами, различные посадские службы: ремонт и постройка городских укреплений, выплата налогов, подводная повинность, работа в таможенных избах и питейных заведениях [2]. Конкуренция в торговле и ремеслах с местными служилыми людьми заставляла посадских людей южнорусских городов отстаивать свои интересы, добиваясь права на создание губных изб [3].

Особое место в местных гарнизонах занимали городовые стрельцы. Они группировались в уездных городах и некоторых небольших городках по черте. На протяжении XVII в. стрельцы окончательно превратились в городские гарнизоны в основном с полицейскими функциями. В такую же закрытую группу превратились пушкарки, которые несли службы главным образом по городским укреплениям, крайне редко участвуют в военных действиях, одновременно занимаясь торговлей и ремеслами.

Другой важной группой населения южнорусских уездов были дети боярские, которые на границе в ряде уездов, как например в Козловском, представляли большую часть населения. Они юридически относились в категории помещиков, получая в личную собственность значительно больше земли, чем другие группы. Для них важной проблемой становилась борьба за рабочие руки, в виде крепостных крестьян, наемных работников, или «позятьевщиков» для расширения возможностей в своей хозяйственной деятельности.

Новые группы служилых людей: солдаты, в том числе солдаты выборных полков, драгуны и рейтары сразу же стали преследовать свои интересы. Все они, кроме драгун, набранных из бывших крепостных местных помещиков, так же имели право на получение земельных наделов в личную собственность. Однако большинство солдат так и не воспользовались такой привилегией, а основная масса детей боярских перешла в рейтарскую службу.

Таким образом, на юге России к середине XVII в. сформировалось несколько профессиональных групп со своими особеннос-

тями социальной психологии, опирающиеся на специфический характер своих воинских обязанностей и землепользования. Одновременно сложилась определенная территориальная уездная общность, которая корпоративно отстаивала свои интересы.

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М., 2001.
2. *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004.
3. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
4. *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы. Воронеж, 2007.
5. *Кондратьева С.К.* Посадские люди Юга России в XVII веке. Автореферат дисс. ... к.и.н. Воронеж, 2012.
6. *Ляпин Д.А.* Колонизация Юга России переселенцами с Малороссии в середине XVII века // История в подробностях. 2013. № 10(40).
7. *Мизис Ю.А.* Воевода Московского царства. Р.Ф. Боборыкин на государственной службе. Тамбов, 2012.

УДК 94(47).044

В.Н. Глазьев¹

Служба и участие в местном управлении дворян и детей боярских Центрального Черноземья в XVII в.

Центральное Черноземье; XVII в.; дворяне; дети боярские; служба; местное управление.

Несение полковой и городской службы способствовало социальному расслоению детей боярских Центрального Черноземья в XVII в. В награду за службу дворянская элита получала доступ к местному управлению.

В XVII в. происходило заселение и освоение Центрального Черноземья в условиях острой внешней опасности. Одну из сословных групп населения в XVII в. в Черноземье, как и в городах и уездах исторического центра страны, составляли дворяне и дети боярские. Объединенные в служилые «города» дворяне и дети боярские обладали сословным самоуправлением [7].

Служилые люди Центрального Черноземья по социально-экономическому положению различались. Основная их часть в XVII в. были близки крестьянам и посадским людям. Из общей массы выделялась

¹ Глазьев Владимир Николаевич, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), д.и.н., bob60_12@mail.ru.

служилая элита [10, с. 121-123]. По отношению к отдельным представителям местных служилых верхов в XVII в. употреблялся термин «дворяне» в противоположность основной массе детей боярских.

Формирование сословных корпораций дворян и детей боярских в Центральном Черноземье началось в конце XVI в. (в Рыльске это происходило раньше) и продолжалось в XVII в. Одновременно со строительством Ельца в 1592 г. производилось верстание в елецкие дети боярские. В 1593-1594 гг. им была отведена земля в окрестностях елецкой крепости [8, с. 32-41]. Вскоре после строительства Курска в 1596 г. производилось испомещение в округе города детей боярских. Когда происходило первое верстание в воронежские дети боярские и наделение их землей пока сказать не представляется возможным, несомненно, в 1613 г. служилые люди «по отечеству» были испомещены в окрестностях Воронежа.

В Разрядных книгах за 1615/16 г. сообщалось о численности детей боярских в Центральном Черноземье: в Елецком уезде – 846, в Курском – 753, в Воронежском – 283, в Оскольском (Ст. Оскольском) – 223, в Белгородском – 136, в Лебедянском – 70 человек [6, стб. 192-194]. В окрестностях Валук дети боярские не испомещались.

В первой половине XVII в. в годы войн с Речью Посполитой в эпоху Смуты и в 1632-1634 гг. дети боярские Центрального Черноземья несли службу по охране своих городов, а также привлекались к полковой службе вдали от своих уездов. В мирное время они несли только городовую службу. Интенсивность неприятельских нападений на юг России менялась. В периоды обострений борьбы с крымскими и ногайскими татарами и «воровскими черкасами» объем городской службы увеличивался.

История борьбы с крымскими и ногайскими татарами в первой половине XVII в. подробно рассмотрена в классическом труде А.А. Новосельского [9]. По его данным, после Смуты российская оборонительная система была восстановлена. В 1620-х – начале 1630-х гг. в набегах установилось относительное затишье. В период «Смоленской войны» 1632-1634 гг. происходили крупные нападения неприятеля. Строительство новых южнорусских крепостей с 1635 г., взятие и оборона донскими казаками Азова в 1637-1641 гг. сдерживали натиск степняков. Однако после возвращения Азова Османской империи набеги вновь участились. Самый большой ущерб от набегов крымских татар Центральному Черноземью был нанесен в первой половине 1640-х гг.

На плечах южнорусских служилых людей лежала основная тя-

жесть обороны от врагов. До 1646 г. основная российская армия прикрывала центральные уезды и располагалась в районе Оки и несколько южнее, в тульской и рязанской землях. Жители выдвинутых в Поле городов-крепостей – Воронежа, Ливен, Ельца, Курска, Белгорода, Оскола, Валук, Лебедяни – должны были защищать себя сами.

Против неприятеля, как правило, посылались конные сотни под командованием голов. Сотни состояли из детей боярских, поместных казаков, беломестных и полковых казаков. В качестве руководителей подвижных конных отрядов посылались казачьи и стрелецкие головы, сотенные головы из числа местных детей боярских, поместных казаков и атаманов.

Как правило, бои происходили вблизи крепостей, в уезде, около сел и деревень, на которые нападал неприятель. Но случались и столкновения на дальних расстояниях. В 1637 г. служилые люди сражались «за 4 днища» (т.е. на расстоянии четырех дневных конных перехода) от Воронежа². В апреле 1637 г. произошел бой в верховьях реки Богучара «от Воронежа днищ с восемь»³.

О боях известно по сообщениям в Москву воевод. Воевода готовил отписки в Москву, в которых со слов участников подробно описывал бои с неприятелем и их результаты. Воеводы и служилые люди, участвовавшие в боях с татарами, были заинтересованы показать свои заслуги. В отписках преобладают сообщения о победах, иногда, видимо, преувеличенные. Сотенные головы заверяли своими руками послужные списки. В послужных списках отмечались заслуги ратных людей⁴. Послужные списки впоследствии служили основанием для выдачи жалования, назначения приращ к поместным и денежным окладам. Отписки, послужные списки, роспись освобожденного полна воевода направлял в Москву с сотенным головой или наиболее отличившимся в бою служилым человеком. В Москву отсылались материалы допросов взятых в плен «языков» и сами пленные⁵.

Во второй половине XVII в. характер службы для значительной части детей боярских Центрального Черноземья изменился. В 1653 г. в результате разбора дворянской конницы были отобраны «лучшие» 4650 дворян и детей боярских. В том же году из числа родственников

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 96. Л. 367–372.

³ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Стб. Московск. ст. Д. 191. Л. 194.

⁴ См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 111. Л. 1–2.

⁵ Там же. Л. 11.

служилых людей городов Белгородской черты были сформированы пехотные солдатские полки, которыми командовали приглашаемые иностранцы [5, с. 145-147, 152-153]. В 1657 г. служилых людей из уездов по Белгородской черте и их родственников записывали в рейтарскую, драгунскую и солдатскую службы.

В 1658 г. было создано крупное военное соединение – Белгородский полк. В подчинении белгородского воеводы оказывались подвижная армия, составленная в основном из полков нового строя – рейтарских, драгунских, солдатских. В состав Белгородского полка входили также дворяне и дети боярские сотенной службы. Белгородский полк участвовал в боях русско-польской и русско-турецкой войн на Украине. Другая часть – служилые люди городской службы составляли гарнизоны городов [4, с. 42-47].

На протяжении XVII в. дворяне и дети боярские Центрального Черноземья участвовали в местном управлении, занимая различные посты в своих городах, за исключением воеводского. Воеводами в южные города-крепости назначались стольники и московские дворяне, не имевшие поместий в уездах Центрального Черноземья.

В последние годы Смуты и вскоре после нее в Черноземье появились губные учреждения. Их возглавляли выбираемые всем населением уезда губные старосты из числа местных дворян и детей боярских. Основной обязанностью губных старост был сыск разбойников, татей, убийц [2].

В конце XVI – начале XVII в. дворяне и дети боярские Черноземья выбирали из своей среды городских приказчиков. В их ведении находились городские укрепления, артиллерия и боеприпасы. Постепенно городских приказчиков сменили назначаемые из Москвы осадные головы. В отсутствие воевод на осадных головах возлагалась оборона крепости, отделение земель в поместья и вотчины.

Осадным головой мог стать как местный сын боярский, так и иногородний. Подобным образом назначались казачьи и стрелецкие головы и сотники. Протесты населения вызывало назначение иногородних дворян в осадные, казачьи и стрелецкие головы. В 1644 г. курские монастыри и дети боярские подали в Разряд коллективную челобитную. Они напоминали о прошлом: «При государе... Федоре Ивановиче и при царе Борисе Федоровиче всеа Руси в Курске наезжих осадных голов не бывало, а бывали... при прежних государех городские приказчики курчания дети боярские, ведали они твою государеву казну, и погреб казенной, и житницы, и ключи городские». Челобитчики просили, чтобы в Курске в городских приказчиках были курские

дети боярские. Грамотой от 29 сентября 1644 г. курянам предлагалось выбрать «всем городом» осадного голову — курского сына боярского⁶. Приведенное распоряжение носило частный характер. Впоследствии осадными головами в Курск назначали как местных, так и иногородних дворян [1, с. 196].

Местные дети боярские занимали выборные посты голов у житниц. Если в городах центра и севера страны таможеню и кабак (кружечный двор) возглавляли посадские люди, то на юге в отсутствии или слабости посада таможенными и кабацкими головами становились местные служилые люди.

Во второй трети XVII в. в связи с крупным оборонительным строительством число городов, сел и деревень в Черноземье увеличилось. Для верхов дворянства Центрального Черноземья появились новые возможности участвовать в местном управлении. Местных детей боярских назначали воеводами, приказными людьми, стрелецкими и казачьими головами в новые города Центрального Черноземья.

Среди дворян и детей боярских Центрального Черноземья выделялась группа родов, принимающих активное участие в местном управлении. Для дворян и детей боярских участие в местном управлении было более «спокойным», чем полковая служба. В то же время, занимая должности местного управления, дворяне и дети боярские оказывали влияние на различные его сферы: сыск уголовных преступников, отвод и размежевание земель, сбор податей, суд. В ряде случаев губные старосты, осадные, казачьи и стрелецкие головы из числа местных детей боярских как должностные лица создавали альтернативу присланным из центра воеводам.

Знание грамоты для дворянина и сына боярского открывало возможности сделать административную или духовную карьеру. На посты в местном управлении, в основном, назначали грамотных людей. Губным старостой по закону мог стать только грамотный. Умение читать и писать укрепляло авторитет человека в обществе, делало его более значимым в глазах соседей и знакомых. Об этом свидетельствует тот факт, что при составлении коллективных обращений на царское имя требовалось заверение его «рукоприкладствами», для чего привлекались грамотные люди. Грамотные были на виду, их знали, все это создавало стимул для обучения и приводило к умножению числа грамотных людей в российской провинции [3, с. 14-15].

Таким образом, на протяжении XVII в. социальный статус

⁶ Там же. Д. 157. Л. 29–31.

элиты дворян и детей боярских Центрального Черноземья повышался. В то же время основная масса служилых людей постепенно сближалась с крестьянами. Этот процесс завершился в XVIII в. оформлением сословной группы однодворцев, составной части государственных крестьян.

1. Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2.
2. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
3. *Глазьев В.Н.* Грамотные дворяне и дети боярские Воронежского уезда первой половины XVII в. // Из истории Воронежского края: Сборник статей. Вып. 21. Воронеж, 2014.
4. *Дудина О.В.* Служилые люди Белгородского разряда (по материалам разбора 1697 года) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. 2014. № 2.
5. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
6. Книги разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1853. Т. 1.
7. *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII в. (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
8. *Ляпин Д.А.* Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. Елец, 2008.
9. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
10. *Скобелкин О.В.* Уездные элиты южного фронта России во второй половине XVII в.: некоторые вопросы методики исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. 2015. № 1.

УДК 94(47).046

В.Д. Жуков¹

«Памяти о полоняниках» как источник по истории государственного выкупа пленных из Крыма (1620–1630-е гг.)

Выкуп пленных; памяти; Крымское ханство; Иван Фустов; Иван Ломакин; Дмитрий Скуратов; Никита Постников.

В работе рассматривается ранее не привлекавшийся в исследованиях вид документов в составе комплекса делопроизводства Посольского приказа – памяти на выкуп пленных. Показано их место и значение в деятельности московских посольств в Крыму.

В Посольском приказе отложилось значительное количество документов, относящихся к государственному выкупу пленных. Сре-

¹ Жуков Вячеслав Дмитриевич, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), zhvd@list.ru.

ди них особое место занимают памяти на выкуп пленных, дававшиеся русским посланникам, направлявшимся в Крым. Несмотря на то, что деятельность и делопроизводство Посольского приказа основательно изучены [4; 6; 8; 9; 11], эти документы не находят отражения в историографии. Памяти являлись компонентом государевых наказов посольствам, направлявшимся в Крым, и являются ключевым источником для понимания политики московского правительства в области выкупа пленных – важного элемента дипломатических связей Москвы и Бахчисарая [1; 3]. Государевы указы представлены как в качестве самостоятельных дел, так и в виде составной части внутри документов, посвященных отправлению в Крым московских посольств [4, с. 296]. Периодически в указах можно встретить перечень документов, взятых посланниками при отправлении из Москвы в Крым. В одном из таких перечней мы находим «память о полоняниках»².

Рассмотрим памяти посланникам Скуратову и Постникову³, и посланникам Фустову и Ломакину⁴. Обе они связаны с выкупом сотрудников посольства Бегичева, которое в 1623/1624 г. было послано в Турцию и по дороге оказалось в Крыму, где *«крымские люди по велению калги Шан Гирея царевича Ивана Бегичева с товарищи побили, а иных людей живых поимали»*⁵. Насилие над московскими посланниками и нарушение дипломатического этикета со стороны крымской стороны были постоянным фоном русско-крымских отношений [11, с. 35]. Причина таких нарушений заключалась в том, что *«крымские ханы упорно не признавали равноправие русских государей»* [11, с. 16]. Поводом к третированию московских послов чаще всего служили размеры и качество поминок [7, с. 203].

Память Скуратову и Постникову 1625 г. предписывает посланникам *«проведывать... накрепко всякими мерами»*⁶ о судьбе попавших в плен членов посольства Ивана Бегичева. В случае появления информации о каком-либо из указанных в памяти полоняниках, посланники должны были сообщить об этом хану, калге или любому другому крымскому чиновнику с тем, чтобы показать крымцам, каких именно полоняников нужно освободить. Стоит сказать, что *«даже находясь в Крыму русские дипломатические представители с трудом могли выяснить действительное местонахождение пленных соотечест-*

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1620 г. Стб. 4. Л. 324.

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Стб. 7. Л. 204–207.

⁴ Там же. 1637 г. Стб. 12. Л. 185–189; Там же. 1638 г. Стб. 15. Л. 382–387.

⁵ Там же. 1625 г. Стб. 7. Л. 204.

⁶ Там же.

венников» [10, с. 212].

Попытки московской и крымской сторон организовать освобождение пленных без выкупа известны еще с 1474 г., когда был заключен договор о безвозмездном обмене пленниками [10, с. 210]. В дальнейшем эти инициативы были продолжены и отражались в шертных грамотах крымских ханов [5]. Исходя из этого, начальным требованием московской стороны к хану было «тех пленных людей сыскав им отдать без окупу для того, что они взяты в полон неправдою за царевым утверженьем и мучат живот свои в полону невинно»⁷, что соответствовало шерти хана Магмет Гирея великому государю от 1623 г. [5, с. 48-49]. Однако в памяти посланникам также оговаривалось что делать, если крымская сторона откажется отдавать невольников без выкупа и потребует деньги. В этом случае следовало решительно напомнить хану и калге о взятых обязательствах:

«...Царю надобно то исправить, чтоб шертная его грамота была верна и на душе б иво тот грех не лежал, и бедные полоняники безвинно не мучились, и чтоб в том государскои любви помешки не было. И говорить о том накрепко, чтоб тех людие взять»⁸.

Между тем, тяжелое психологическое и нередко физическое давление на московских дипломатов со стороны представителей крымской политической элиты, считавших себя прямыми наследниками Золотой орды и отрицавших равноправие русских государей [2; 7, с. 203], порождало опасность, что доводы русских посланников останутся тщетными. Поэтому в памяти посольские дьяки оговаривали случаи, при которых договориться с крымцами о возврате пленных без окупа не удастся:

«А будет отнюдь уговорить на то не мочно, чтоб отдали без окупу, и им по самой конечной неволе дать за них и окупу из запасные рухледи рублев по пяти и по шти, и по десети, и болии за человека, чтоб их однолично ис полону свободить»⁹.

Понимая, что предсказать, как будет складываться ситуация, практически невозможно, дьяки Посольского приказа лишь примерно обозначали возможный интервал цен, допуская и их увеличение и фактически не ограничивая посланников. Главной задачей было выкупить пленного, не смотря на запрашиваемую сумму; после этого следовало высказать ближним людям хана свое неудовольствие:

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Стб. 7. Л. 204–205.

⁸ Там же. Л. 205–206.

⁹ Там же. Л. 206–207.

«А то ближним людем выговорить, что они то дадут из своих животишников. А то царева и калгина к царскому величеству не любовь, что тех полоняников без окупу отдают не велели»¹⁰.

В итоге выкупленные или освобожденные без окупа пленники отправлялись в Москву либо с вместе с посольством, либо отдельно от него. При этом следовало *«ко государю о том отписать, кого именем выкупят и что дадут окупу или кого отпустят без окупу, чтоб то ведать»¹¹.*

Несмотря на все усилия, даже спустя десять лет поиски в Крыму следов посольства Ивана Бегичева продолжались, что ясно следует из памятей посланникам Ивану Фустову и Ивану Ломакину 1637 и 1638 гг., которые в целом совпадают с памятью 1625 г. Имеется, однако, и важное отличие. Теперь, если *«на то уговорить не мочно, чтоб дали без окупу»*, хозяевам пленников предлагалось, чтобы они их *«везли с собою на розмену или с кем посылали, кому верят. А как будут на розмену и государевы люди племя их тех полонеников окупят»¹².*

Здесь упоминается о посольской «розмене», которая происходила близ города Валуйки на р. Ураеве. Здесь на официальной границе русских владений и Поля, где совершалась перемена приставов у посольств, один раз в год организовывался обмен и выкуп пленных. Если посланникам не удавалось осуществить процедуру выкупа в Крыму, то они договаривались с хозяевами невольников, чтобы их везли на размену, где их выкупят родственники.

Еще одним новшеством, отражающим изменение политики русского правительства в отношении выкупа, стало предписание посланникам заключая договор о выкупной цене за пленного, учитывать его положение в Московском государстве до момента захвата в плен. Причем, в отношении посольства Ивана Бегичева рассматривался только выкуп всех без исключения пленников. Что же касается других полоняников, пришедших со стороны – здесь посланники должны были выбирать. Безусловное обязательство государство берет на себя лишь в отношении служилых людей по отечеству, за которых оно готово было заплатить мерную цену:

«Да и о цене договариватца, что за ково дать окупу, чтоб не по велику и смотря по людем, дать рублев по пяти и по шти, и по десяти, и болиши за человека, чтоб их однолично ис полону свобо-

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Стб. 7. Л. 207.

¹¹ Там же.

¹² Там же. 1637 г. Стб. 12. Л. 187.

дить. Да и иных полоняников им в Крыме будет учнут к ним приходить и бить челом о окупу, а люди будет надобные, дворяне или дети боярские, или дворянские жены и дети, и им тако ж говорить, чтоб везли на розмену. А окуп за них будет мерную цену положат»¹³.

Несмотря на то, что московские дипломаты нередко сталкивались с напористостью крымских купцов, которые пытались уговорить их выкупить пленных на месте, в Крыму, в памяти посланникам предписывалось, чтобы имеющиеся у них и без того небольшие деньги, «запасную рухлядь», они берегли как зеницу ока, в тайне, и расходовали их только в крайнем случае:

«А запасная рухлядь, что с ними послано, держать у себя таино, чтоб про нее, oprич их и инои хто, однолично не ведал»¹⁴.

Есть горькая ирония в том, что посольство Фустова и Ломакина, одной из задач которого было вызволить оставшихся в плену членов посольства Бегичева, само стало жертвой насилия, и на следующее десятилетие приоритетной задачей московской дипломатии стало уже освобождение его членов [2, с. 306].

Выкуп пленных непосредственно посольством был редким случаем. Он позволял освободить человека максимально быстро, но зато ставил дело выкупа и даже само посольство под удар: чем больше они везли ценностей, тем сильнее был соблазн их ограбить. Лишь в исключительных случаях правительство шло на это. Кроме членов посольств, известны и случаи выкупа в таком порядке частных лиц, но их немного. Любопытен тот факт, что подобные памяти формировались на основе челобитных родственников пленных. За 1620 г. мы обнаруживаем несколько памятей, где есть ссылки на такие челобитные, но сами челобитные отсутствуют¹⁵. Пожалуй, более показательным документом служит память посланникам Д. Остафьеву и О. Кузовлеву 1636 г., где челобитные сохранились¹⁶. Кроме того, примечательно, что в одной памяти фигурируют представители разных сословий:

«...Били челом г. ц. и в. к. Михаилу Федоровичу всеа Руси князь Сава Горчаков да Семен Корсаков, да ис Переславля Резанского села Мосолова николскои поп Иван. В прошлом де во 141-м году как приходили в Московское государство в украинные города

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1637 г. Стб. 12. Л. 188.

¹⁴ Там же. Л. 189.

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1620 г. Стб. 4. Л. 191–203.

¹⁶ Там же. 1636 г. Стб. 10. Ч. 1. Л. 59–59 об., 60–60 об., 62–63 об., 142–145.

воиною крымские люди и взяли де у них в полон у князя Савы Горчакова в Ярославецком уезде дочь Окулину Ильину жену Сюлменева, и ныне де она в Крыме у татар, а просят за ¹⁷него¹⁷ окупу. А у Семена Корсакова взяли дочь девку Настасью со князь Савельевою ж дочерью Горчакова вместе, и ныне де она в Крыме у Маметши мурзы князь Алеива сына Мангитцкого, а просят де за нее окупу ж. А у попа Ивана взяли попадью иво, и ныне де та иво попадьа живет у Маметши аги»¹⁸.

Финансовая составляющая вопроса решалась за счет денег родственников, которые платили их вперед. Малые суммы, выделявшиеся на выкуп в Крыму, обуславливали и малое количество выкупаемых, что четко видно по памятям о полоняниках – как правило, это 1-3 человека. Перед челобитчиками ставилось условие – они должны были возместить казне потраченные на выкуп деньги:

«...А что за них окупу дадут и то указал государь взяти на них, князь Саве и на Семене, и на попе Иване вперед. А на окуп им и иным руским людем, которые сыщутца в Крыму в полону по государеву указу послано с ними пятьсот шестдесят ефимков крестовых, по полтине ефимок. И того денгами двесте восемьдесят рублей да два сорока соболей, один в 65 рублей, а другои в 35 рублей. Всего ефимков и денег на 380 рублей»¹⁹.

Таким образом, памяти о полоняниках являются одним из звеньев системы государственного выкупа пленных. Содержание памятей показывает достаточно широкий спектр полномочий и ответственности со стороны московских посланников. На практике это приводило к тому, что система выкупа была достаточно гибкой – логика указаний великого государя двигала в сторону сговорчивости с крымцами в вопросах окупа полоняников, т.к. главной задачей посланников всегда оставалось освобождение невольников.

Однако выкуп полоняников непосредственно в Крыму был не столь массовым явлением, потому и суммы, выделявшиеся на окуп были не значительны. Это связано со значительным риском, которому подвергалось посольство, отправляясь в Крым, где оно могло подвергнуться ограблению. Гораздо безопаснее было договориться о выкупе на валуйской размене.

Памяти могли предписывать выкуп как большого количества

¹⁷⁻¹⁷ Так в тексте. Следует читать: «нее».

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1636 г. Стб. 10. Ч. 1. Л. 142.

¹⁹ Там же. Л. 142–143.

пленных, что видно из истории с поисками плененных сотрудников посольства Ивана Бегичева, так и незначительного их числа. Во втором случае памяти формировались на основе челобитных родственников плененных.

Кроме того, в памятях видно, что государство отдает предпочтение в выкупе служилым по отечеству и берет на себя ответственность заплатить за них мерную цену. Однако, как показывают памяти на основе челобитных родственников плененных, это не мешало посольским дьякам писать плененных разных социальных категорий вместе – «полоняничные деньги» декларировались в законодательстве как общая милостыня на выкуп невольников: к этому налогу были причастны не только все податные категории населения России, но нередко и богатые люди, жертвовавшие на выкуп из своих средств. Тем самым, все общество осознавало свою сопричастность к судьбе полоняников, ровно как и самих плененных сближала общая участь.

1. Жуков В.Д. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х гг. XVII в.: К истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник РУДН. Серия «История России». 2012. № 4.
2. Жуков В.Д. К вопросу о судьбе посольства Ивана Фустова и Ивана Ломакина в Крым в 1639 г.: «заемные кабалы» рядовых членов посольства и их оплата Московским государством // Русь, Россия: Средневековье, Новое время. М., 2013. Вып. 3.
3. Жуков В.Д. Общая милостыня: Выкуп плененных Московским государством из Крыма в середине XVII в. // Родина. 2014. № 11.
4. Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613-1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Дисс. ... к.и.н. Брянск, 2007.
5. Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и в XVII вв., хранящиеся в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь, 1891.
6. Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
7. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
8. Рогожин Н.М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) М., 1990.
9. Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.
10. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию (конец XV – начало XVI в.). М., 2001.
11. Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай: обиход, этикет, церемониал (конец XV – первая половина XVII в.). СПб., 2007.

Сельские храмы Елецкого уезда
по материалам писцового описания 1691 г.²

Юг России; Елецкий уезд; сельские церкви; писцовое описание 1691 г.

Статья посвящена описанию размеров сельских храмов Елецкого уезда (на примере Засосенского стана) по данным писцовой книги 1691 г. Авторы приходят к выводу о явной недостаточности церквей в уезде.

Сельские храмы представляли собой важную составляющую уездной жизни, влияли на определение статуса сельского поселения, были показателем его богатства. О сельских храмах южнорусского региона XVII в. известно не много. Работы, связанные с изучением истории церкви, отражают хозяйственные и социальные аспекты, не упоминая о внешнем виде храмов и их внутреннем устройстве. Однако писцовые описания южнорусских уездов 1691-1693 гг., как правило, содержат подробную информацию о внешнем виде храма: его параметрах, размерах земли, кладбища и наличии церковной утвари³, на основании которой можно сделать несколько интересных наблюдений.

К сожалению, в 1691 г. было составлено описание только одного стана Елецкого уезда – Засосенского, находящегося за рекой Быстрой Сосной. История колонизации этого региона уже была в центре внимания одного из авторов данной статьи [2]. Отметим, что Засосенский стан территориально относился к правобережной части Елецкого уезда с преобладанием степей над лесными массивами. В 1691 г. здесь находились 44 населенных пункта, из них сел было 10. Показательно, что в четырех селах (Пятницкое, Богоявленское, Липовка и Покровское) церкви не упоминаются, хотя судя по поздним данным и по названиям трех из них, они явно должны были там находиться. Это могло быть связано с временным закрытием храмов из-за нехватки священнослужителей или ветхости строений. Села в этих случаях не потеряли свой статус и не стали деревнями.

¹ Ляпин Денис Александрович, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (РФ, Елец), д.и.н., denis-l@mail.ru; Афанасьева Ирина Николаевна, afanaseva19960@gmail.com.

² Статья выполнена по гранту гуманитарного отделения РФФИ и администрации Липецкой области, проект № 16-11-48001 0/Ц.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 138.

Церковь обычно располагалась в центре села и была деревянной. Она состояла из основного здания, колокольни, трапезной и паперти. К храму примыкало кладбище, а за селом располагалась церковная земля. Трапезная представляла собой помещение, где находился общий стол для приема пищи, а папертью называли непокрытую кровлей площадку перед внутренним притвором храма. Здесь обычно подавали милостыню нищим.

Итак, рассмотрим описание шести сельских храмов Засосенского стана Елецкого уезда.

В селе Хмелинец на берегу небольшой речки Хмелинец располагалась деревянная церковь в честь Василия Кесарийского. Длина ее вместе с алтарем, трапезой и папертью составила 5 сажень с полусажанью (11, 88 м). Ширина церкви составляла 3 сажени (6,48 м). Общая площадь церкви составляла 76,9824 м². Рядом с церковью находилось кладбище, восточная сторона которого составляла 7 сажень с полусажанью (16,2 м), южная и северная – 13 сажень (28,08 м), а западная сторона 15 сажень (32,4 м). Общая площадь кладбища составляла 653,427 м².⁴

На речке Каменке находилось село Никольское, получившее свое название по храму Николая Чудотворца. Длина этой церкви с папертью, алтарем и трапезой составляла 6 сажень в длину (12,96 м), в ширину – 4 сажени (8,64 м). Общая площадь церкви составляла 111,97 м². Это была самая большая из церквей стана. Около храма находилось огороженное кладбище. Восточная сторона от алтаря составляла 3 сажени с полусажанью (7,56 м), северная – 4 сажени (8,64 м), южная – 5 сажений (10,8 м), западная – 6 сажений (12,96 м). Общая площадь кладбища составляла 93,57 м².⁵

Село Дмитриевское находилось на обеих сторонах реки Нережи. В этом селе располагалась церковь святого великомученика Дмитрия. Длина церкви с алтарем, трапезой и папертью – 5 сажений (10,8 м), ширина – 3 сажени (6,48 м). Общая площадь церкви составляла 69,984 м². Около церкви располагалось огороженное кладбище, восточная сторона которого составляла 3 сажени (6,48 м), южная – 4 сажени (8,64 м), северная – 5 сажень (10,8 м) и западная сторона 6 сажень (12,96 м). Общая площадь кладбища, таким образом, составляла 83,98 м².⁶

⁴ Там же. Л. 73 об.

⁵ Там же. Л. 136.

⁶ Там же. Л. 190.

В селе Архангельское, которое находилось на реке Слепуха, располагалась церковь Архистратига Михаила. Длина этой церкви с алтарем, папертью и трапезой составляла 5 сажень (10,8 м), а ширина 3 сажени (6,48 м). Общая площадь церкви составляла 69,984 м². Рядом с церковью также находилось огороженное кладбище. Восточная сторона кладбища составляла 4 сажени (8,64 м), южная – 5 сажень (10,8 м), северная – 6 сажень с полусаженью (14,04 м) и западная сторона 6 сажень (12,96 м). Общая площадь кладбища составляла 154,84 м².⁷

В селе Рождественское находилась церковь Рождества Иисуса Христа. Длина ее с алтарем, трапезной и папертью составляла 6 сажень (14,04 м), а ширина – 3 сажени (6,48 м). Общая площадь церкви составляла 90,98 м². Как и в других селах, рядом с церковью находилось огороженное кладбище. Восточная сторона его составляла 3 сажени (6,48 м), южная – 5 сажень (10,8 м), северная – 3 сажени с полусаженью (7,56 м) и западная сторона 6 сажень (12,96 м). Общая площадь кладбища равнялась 83,75 м².⁸

В селе Козьмодемьянское находилась церковь святых Кузьмы и Даниила. Размеры данной церкви не известны. Кладбища рядом с храмом не было.⁹

Таким образом, средний размер сельского храма составлял 83,98 м². Сегодня принято делить размер храма на три вида, в зависимости от числа прихожан: малые, средние, большие и очень большие. Общепринятой в церковном строительстве считается норма 0,3 м² на человека. Традиционно вместимость православного храма определяется по формуле: $V = S_{\text{осн}} / K$, где V – основная вместимость; $S_{\text{осн}}$ – пространство, с которого видно и слышно службу; K – пространство, занимаемое одним человеком, присутствующим на службе. При этом, $S_{\text{осн}}$ – пространство, с которого видно и слышно службу, проводимую у главного алтаря. Размер малого храма составляет от 25 до 90 м², вместимость его колеблется от 75 до 300 человек [1, с. 55]. Следуя этой логике, а также принятой формуле, сельский храм Елецкого уезда при средней площади 83,75 м² был рассчитан на 280 человек. Только одну церковь в селе Никольском на реке Каменке можно отнести к категории средних храмов, ее площадь составила 111,97 м². Она могла вместить около 370 человек.

Сравним общую вместимость храмов с численностью жителей

⁷ Там же. Л. 210.

⁸ Там же. Л. 276.

⁹ Там же. Л. 316.

всего Засосенского стана. По нашим подсчетам в 1691 г. здесь проживали около 5700-6300 человек. Суммарный размер площади всех храмов составил более 433 м² (с учетом церкви в селе Козьмодемьянское, размеры которого мы приравниваем к среднему показателю). Используя приведенную выше формулу, получаем 1445 тысяч человек – столько могли вместить все храмы Засосенского стана Елецкого уезда. Это составляет 24 % от средней численности местных жителей на 1691 г. (6 000 человек).

Если бы церкви работали еще в четырех селах (Пятницкое, Богоявленское, Липовка и Покровское), то суммарная вместимость составила бы (при средних показателях размера 83,98 м²) 2563 человека, или 42 % от общего числа потенциальных прихожан. Однако если учесть, что размер храма, который мы брали за основу, включает трапезную и алтарную части, в которых прихожане не должны находиться во время службы, то цифру в 24 % можно смело уменьшить до 18 %, а 42 % до 36 %, беря во внимание традиционное соотношение основной части храма с алтарем и трапезной.

Несмотря на приблизительный характер полученных данных совершенно ясно, что вместимость церквей была катастрофически недостаточной для прихожан. Это обстоятельство закономерно соотносится с небольшим числом священнослужителей: в 15 дворах проживали около 75-90 человек. Количество священнослужителей составляло менее 1,5 % от общего числа жителей стана. Если учесть, что собственно священники составляют только около половины от числа всех служителей храма, то получается, что один священник приходился в среднем на 134 человека.

Интересно отметить, что при описании церквей «церковные образы и книги и ризы и всякая церковная утварь и колокола и строение» делились на «мирское» и «попово»¹⁰. Иногда указывается конкретный священник, который обеспечил храм всем необходимым, вместе с «миром». Например, в церкви Василия Кесарийского «образы, книги, ризы, колокола, и все церковное строение бывшего попа Тихона Степанова и мирское»¹¹. Однако в четырех из шести известных нам описаний церковная утварь, колокола и строение были полностью «мирскими».

Средний размер сельских кладбищ составил – 212,9 м². Трудно судить о том, какова была вместимость сельского кладбища, поскольку

¹⁰ Там же. Л. 190.

¹¹ Там же. Л. 73 об.

ку нам не известны все детали его устройства и порядка захоронений относительно этого времени.

Таким образом, полученные нами данные, на основании описания храмов Засосенского стана Елецкого уезда в 1691 г., свидетельствуют о явном недостатке числа храмов. Во время церковных служб прихожане не могли вместиться в имеющийся храм. Показательно, что постройка и ремонт здания церкви и снабжение ее всем необходимым происходили силами местного «мира», иногда совсем без участия со стороны официальной церкви.

1. *Возняк Е.Р., Горюнов В.С., Семенцов С.В.* Архитектура православных храмов на примере храмов Санкт-Петербурга. Учебное пособие. СПб., 2010.
2. *Ляпин Д.А., Жиров Н.А.* Колонизация Верхнего Подонья в XVII веке (Засосенский стан Елецкого уезда) // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8 (86).

УДК 94(47).05

К.А. Кочегаров¹²

Бунт «полка» Григория Косагова на Запорожье: малоизвестный эпизод первого Крымского похода 1687 г.

Первый Крымский поход; Г.И. Косагов; Запорожская Сечь.

Бунт «полка» генерала Г.И. Косагова вспыхнул в конце июля – начале августа 1687 г. на Запорожье. Войска, зимовавшие в регионе в 1686/1687 гг. были недовольны тяготами службы и перспективой новой зимовки и самовольно покинули укрепленный лагерь.

Крымские походы 1687 и 1689 гг. до сих пор еще недостаточно исследованы отечественными учеными, несмотря на сохранившуюся солидную архивную источниковую базу и появившиеся некоторые работы последних лет. К малоизвестным сюжетам данной темы следует отнести и бунт солдат нескольких полков, которыми командовал генерал Григорий Иванович Косагов, в конце лета 1687 г.

Силы Г.И. Косагова были высланы на Запорожье в рамках исполнения Россией союзнических обязательств по договору о Вечном мире и союзе с Польшей еще летом 1686 г. Они насчитывали около 6 тыс. человек, включая солдатские Старооскольский и Хотмыжский

¹² Кочегаров Кирилл Александрович, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), к.и.н., kirill-kochegarow@yandex.ru.

полки, рейтарский полк И.М. Гопта, солдатский «новоприборный» полк, а также казаков сумского, ахтырского и острогожского слободских полков. В 1686 г. активных действий корпус не вел, ограничившись строительством укрепленного лагеря в Каменном Затоне (так назывались залив на р. Днепр и каменистое урочище на его побережье), на одном из островов днепровской дельты недалеко от Запорожской Сечи. Важными задачами Косагова были охрана провианта для российских войск, которые должны были действовать на нижнем Днепре, взаимодействие с запорожскими казаками, сбор информации о действиях крымских татар [2, с. 393–395, 401–405].

В июне 1687 г., после решения о прекращении похода основных сил русской армии к Перекопу, в район турецкой крепости Казыкермен в низовьях Днепра был направлен корпус под командованием окольного Л.Р. Неплюева и отряд украинских казаков Г.И. Самойловича. В конце июня – начале июля эти войска переправились на правый берег Днепра возле Каменного Затона. Однако крымские татары 5 июля атаковали лагерь Косагова, захватив часть обоза. Войска Неплюева вернулись на выручку, сумев отбить часть добычи. В условиях близости неприятеля, Неплюев и Самойлович отказались от похода на Казыкермен, а вскоре, получив известие об отрешении от гетманства своего отца – Ивана Самойловича, Григорий двинулся с казаками на Гетманщину. В погоню за ним 30 июля отправился и Неплюев [1].

Корпусу Косагова, к которому был придан солдатский полк М.З. Вестова (как отмечал Косагов, Неплюев сделал это из-за его «малолюдства») было приказано остаться в Каменном Затоне. Брожение среди солдат, которые по выражению Г. Косагова «многажды о побеге бунтовали», шло уже некоторое время¹³. Недовольные условиями службы и не желая оставаться вторично на зимовку на Запорожье, они направили в «Большой полк», к главнокомандующему В.В. Голицыну челобитчиков, по всей видимости с просьбой вывести оттуда корпус Косагова. Ответ, судя по всему, был отрицательным, и когда 31 июля Неплюев со своим полком пошел от урочища Микитин Рог к Кодак, вспыхнул открытый бунт. Уже на первом же «стане» на речке Томаковке Неплюева нагнал Косагов, сообщив, что «донские казаки да салдаты Михайлова полку Вестова и все русские ратные люди забунтовали». Он просил выделить ему силы для подавления недовольства.

¹³ Отписка Г.И. Косагова – Л.Р. Неплюеву. 2 августа 1687 г. – РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1316. Л. 6.

Дав генералу две роты рейтар, Неплюев двинулся дальше¹⁴.

На следующий день восставшие решили самовольно покинуть лагерь. Пример подали донские казаки, которые 1 августа 1687 г. в час дня «из обозу... подняв знамя со всем обозом пошли». Косагов, ехавший им навстречу с рейтарами, попытался задержать дезертиров на переправе через речку Ширяевку. Однако после того, как примеру донцев последовали рейтары И. Гопта, полк Михаила Вестова, Хотмыжский и Старооскольский полки, которые двинулись «с знаменами и с пушками, и в ружье как к бою пристойит, прибрався», Косагов вынужден был уступить, перейдя от силовых действий к уговорам.

В своей отписке Л.Р. Неплюеву он писал: «Я поехал в табор и увещал их на дороге и в обозе, обнадеживал великих государей милостью за службу, чтоб таковым бунтом не утратили нужной своей службы и опалы великих государей на себе не понесли, и многим государским страхом и казнию, и сыском стращал и знамена и пушки нудился у них взять». Однако мятежники вели себя агрессивно. Как писал Косагов, они «хотели по мне... и по началным людям стрелять и списами колоть и бердышами сечь замерялися, а иных началных людей били и знамена и пушки и всякую казну у полковников и лошади казенные побрали силой». Перейдя р. Ширяевку, взбунтовавшиеся полки двинулись вверх по Днепру «кодацким шляхом» вслед ушедшим войском Л.Р. Неплюева¹⁵. Посланные Неплюевым рейтары добавляли, что Косагов даже «выняв... из остра пистол, намеряясь на них стрелят». В ответ на это один из солдат «противно на него, генерала и воеводу, намерялся ж колоть копьем»¹⁶.

На все уговоры солдаты отвечали, что решили покинуть лагерь, поскольку узнали о некоем письме В.В. Голицына к Косагову с сообщением, что его корпус не будет оставлен «в Запорогах» после ухода оттуда Неплюева. «Списки» с указанной грамоты якобы распространяли по полкам рейтар Авраам Переверзев и солдат Старооскольского полка Артемий Котенев, ездившие ранее в челобитчиках. Косагов пытался убедить бунтовавших, что Неплюев выступил из Запорожья «для поимки гетманского сына, а не в дома свои», однако это не подействовало. Лишь немногие, по выражению Косагова «Бога

¹⁴ Отписка Л.Р. Неплюева на царское имя. – Там же. Л. 4–5; Отписка Л.Р. Неплюева – В.В. Голицыну. – Там же. Л. 9–12. См. также свидетельства полковника И. Гопта и офицеров его полка: Там же. Л. 24.

¹⁵ Отписка Г.И. Косагова – Л.Р. Неплюеву. 2 августа 1687 г. – Там же. Л. 6–8.

¹⁶ «Распросные речи» рейтар в разрядном шатре «полка» Л.Р. Неплюева. 6 августа 1687 г. – Там же. Л. 15–17.

бояся и страшного гневу царского», остались в лагере: около пятисот солдат Новоприборного полка и 400 чел. сумских казаков, харьковские казаки, а также калмыки. В какой-то момент уговорам царского генерала поддались около ста острогожских «черкас», которых Косагов «завернул... с возами назад к обозу», однако вернувшиеся солдаты силой заставили тех продолжить поход.

На следующий день, 2 августа, волнения охватили и солдат «новоприборного» полка. К Косагову прибыли капралы и сержанты, заявив, что им «у полковых запасов и у хлебных припасов быть не в мочь», ширились разговоры, что «пошли де все люди, а нам де одним стоят нечего». Дисциплина упала, солдаты по выражению Косагова пили «беспросыпно», караул, стоявший в «малом городке» «сшол своевольно и знамя снесли». Генерал пытался восстановить порядок, арестовав одного из вожаков недовольных – капрала Осипа Бухастова, однако за него вступились остальные солдаты во главе с десятником Логвином Романовым, заявив Косагову: «покин де ево лутче, а не покинешь, будет худо». Генералу, «бояся от них дурна», вновь пришлось уступить, тем более, что не приставшие к бунту служилые черкасы также были не надежны («боятся и сами домов мыслят»). В результате и новоприборные солдаты, взяв знамена и барабаны, пушки «и всякие полковые припасы», покинули Каменный Затон.

Взбунтовавшиеся полки расположились лагерем на р. Суре. Оставшись один с небольшими силами, Косагов с острова, где располагался укрепленный лагерь, переправился на правый берег Днепра, «где была старая сеча», а на следующий день двинулся вслед за вышедшими из повиновения подчиненными. «Ей-ей государь, пришла беда великая, николи не было», – сетовал он в отписке Неплюеву, сообщая что с ним на Запорожье фактически остались лишь одни офицеры, да присланные тем рейтары. «Для Господа Бога, государь мой, – просил Косагов Неплюева, – умиловивис над нами остальными как твое милосердие усмотрит, а погибелное нам всем близко». Особенно, по мнению генерала следовало опасаться запорожских казаков, которые «из лугов прибираются на нас»¹⁷.

Неплюев получил отписку Косагова 4 августа. Привезший ее Василий Вит сообщил, что немалую роль в подстрекательстве русских солдат к бунту сыграли запорожцы, которые подговаривали солдат «новоприборного» полка убить Косагова, а они «помогут побит»

¹⁷ Отписка Г.И. Косагова – Л.Р. Неплюеву. – Там же. Л. 6–8; «Распросные речи» рейтар... – Там же. Л. 15–17.

остальных офицеров, при этом солдатам «никакова дурна не учинят». Запорожцы, по словам Вита, даже «намерялись застрелить» Косагова из мушкета, а его «товарища», Сидора Каменева «заколоть копьем».

Генерал пытался договориться с запорожцами через посредничество «знатного» сечевика Ивана Черного, прося, чтобы его товарищи не продавали ратным людям вино, однако тот открыто заявил, что ему казаков «унять невозможно» и от них «на него генерала и воеводу и начальных людей пущая беда будет», хотя сам он их действия не поддерживает и к такому «дурну... не пристанет»¹⁸.

Взбунтовавшиеся войска не имели никакой программы действий, желая лишь окончания службы и роспуска по домам. Подойдя к месту дислокации войск Л.Р. Неплюева, они не проявляли враждебности, расположившись 6 августа в урочище «выше Кодака» на р. Каменке (из позднейших показаний в ходе следствия известно, что лагерь все же был укреплен). Неплюев послал подполковника Павла Беника и майора Ивана Офенберха «ведать» взбунтовавшиеся полки до прибытия Косагова и остальных офицеров¹⁹.

Вскоре после приезда Косагова и расположения его отрядов лагерем в Путивльском уезде у р. Виры началось предварительное разбирательство. Где-то в это время находившийся в Путивле Неплюев получил две грамоты (от 12 и 15 августа) от князя В.В. Голицына. В первой из них было указано произвести розыск, зачинщиков бунта «казнить... смертно сколко доведетца», а остальных бить кнутом. Однако следующая грамота уже предписывала «заводчиков» не казнить, а держать под стражей до особого указа²⁰. 21 августа Косагов прислал Неплюеву списки зачинщиков бунта²¹. «Пущих заводчиков» оказалось 248 человек, включая нескольких офицеров и атамана донских казаков («в воровском побеге... выбран был в атаманы») Митрофана Кудрявцева²². Для подведения итогов «розыска» Неплюев 15 сентября направил в «полк» Косагова дьяка Петра Исакова. При нем заводчики были «вновь пытаны накрепко, а иные... и огнем жжены». Главной задачей было выяснить, было ли причиной ухода из Запорожья общее недовольство солдат условиями службы или же некое подстрекательство со стороны. Однако все подследственные, повторно допро-

¹⁸ «Распросные речи» В. Вита в разрядном шатре Неплюева. 4 августа 1687 г. – Там же. Л. 13–14.

¹⁹ Там же. Л. 18–19.

²⁰ Грамоты В.В. Голицына – Л.Р. Неплюеву – Там же. Л. 20–21.

²¹ Там же. Л. 22. См. также Л. 25–42 (списки «своевольников» по полкам).

²² Там же. Л. 41–42.

шенные с пристрастием, хором повторяли, что «умыслу и подсылки о том их самовольном походе ни от кого... не было», а основным мотивом стал страх перед новыми болезнями и смертями, выкашивавшими гарнизон. Так, солдаты полка М.З. Вестова говорили, что к началу бунта многие из их полка «померли от болезней», а другие лежали «при смерти».

А. Переверзев, обвинявшийся в распространении ложного распоряжения об отводе полков на допросе признался, что сам текст отписки, которую они получили в разрядном шатре «Большого полка», он не читал, но подьячие якобы сказали ему, что речь в ней идет о столь желанном для солдат Косагова отводе войск. Отрицал он и распространение «списка» грамоты по полкам.

Среди нарушивших присягу и покинувших лагерь самовольно оказалось офицеры – поручик Лаврентий Экерт и острогожский наказной полковник Д. Хижняк. Оба они настаивали, что были больны и лежали «при смерти» и поэтому бунтовщики увезли их силой. Это, впрочем, не уберегло их от обвинений и пыток, хотя Хижняка из-за болезни били батогами, а не кнутом. Еще один офицер – капитан «новоприборного» полка Иван Малеев оправдывался, что ушел «для того, что де лошадей у него... худа и с простоты своей», а впоследствии хотел оставить бунтовщиков по призыву Косагова, но те не пустили его. Он даже принял временное командование взбунтовавшимися солдатами, руководил укреплением лагеря (как сам объяснял, «для государские казны, чтоб дорогою неприятельские люди не напали»), из-за чего считался властями одним из главных «заводчиков» мятежа.

В итоге пытке при следствии подверглись 33 человека, наказаны кнутом 167 человек, из них 9 человек главных зачинщиков отправили в тюрьму в Путивль. С остальных взяли поручные записи и отпустили. При этом стоит отметить, что к приезду П. Исакова умерли, были при смерти или бежали 32 человека, тем самым избежав наказания²³.

Девятеро путивльских узников просидели в тюрьме до лета 1688 г., когда сын, одного из них, «туленин» Иван Кудрявцев подал челобитную, прося освободить своего отца «донского кормового казака» и «атамана» бунтовщиков М. Кудрявцева «за многую его службу» и для своего «сиротства»²⁴. 8 июня власти указали отпустить всех домой, взяв на поруки, с оставлением их на службе «в прежних статьях и чинех». При этом путивльскому воеводе М.И. Голенищеву-Кутузову в

²³ Там же. Л. 43–68, 110. См. также: Там же. Л. 154–156.

²⁴ Там же. Л. 153.

грамоте от 13 июня было указано сначала всех «привести... к виселице», только там зачитав указ о помиловании. 7 августа в Разряде получили отписку воеводы о частичном исполнении распоряжения. В тюрьме остались трое, о судьбе которых Голенищев-Кутузов не получил точных указаний²⁵. В итоге уже осенью И. Малеева было приказано отправить в Киев для службы в рейтарском полку, а двух солдат «новоприборного» полка – «на вечное житье» в Переяславль, куда еще 24 августа 1687 г. был отправлен их полк²⁶.

Зимовка корпуса Г.И. Косагова в низовьях Днепра стала одной из первых в череде попыток русского правительства создать форпосты постоянного влияния в регионе в рамках активизации политики в отношении Северного Причерноморья. Она оказалась связана со значительными трудностями, выразившимися в полном отсутствии какой-либо инфраструктуры, возможностей ротации и полноценного снабжения войск в условиях угрозы татарских нападений и враждебности запорожцев. Итогом этого стало масштабное возмущение солдат и нижних чинов, практически в полном составе самовольно покинувших место службы. Реакция русского правительства, видимо понимавшего обоснованность бунта, была достаточно мягкой – от первоначальных планов казнить «заводчиков» было решено отказаться. Были скорректирована и тактика закрепления в низовьях Днепра. Вместо оставления на зимовку крупных контингентов войск в регионе, правительство уже со следующего, 1688 г., перешло к строительству там полноценных крепостей, более пригодных для длительной службы, нежели каменнозатонский укрепленный лагерь.

1. *Великанов В.С.* Днепровский поход Л.Р. Неплюева в 1687 г. // Крым – связующее звено и неприступный форпост на стыке двух империй: Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2015.
2. *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

²⁵ Там же. Л. 168–170.

²⁶ Там же. Л. 42, 178–193.

**«И меж Государств учинить мир и покой»:
русские представления о Европе при первых Романовых**

Безопасность; тишина; космография; Россия; Священная Римская империя.

Статья посвящена представлениям о Европе в России при первых Романовых. Необходимость признания легитимности новой правящей династии была связана с поиском равновеликого партнера в Европе. Опираясь на целый ряд мировоззренческих стереотипов, русские политики видели в качестве такого партнера Священную Римскую империю.

Семнадцатое столетие стало для становления внешнеполитических связей в Европе во многом поворотным этапом, который характеризуется становлением качественно нового уровня международных связей. «Традиционные связи не исчезли, но они стали частью более обширного целого. Перестройка этой системы отношений связана с процессом активного вовлечения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в общеевропейское развитие» [7, с. 4]. Важнейшим потенциальным партнером западноевропейским политикам в XVII в. начинает видеться Россия, попытки установить контакты с которой начали предприниматься еще с конца XV в.²

Для русской внешней политики переломным этапом стало воцарение новой династии Романовых, перед которыми одной из главных внешнеполитических задач было признание их власти в Европе. Проблема внешнеполитического утверждения новой правящей династии в раннее новое время была тесно связана с созданием системы безопасности вокруг собственной державы. Мир и социальный покой внутри страны достигался отказом от военных действий. Термин «безопасность» (и его русские производные раннего нового времени «безопаство», «безопасно») является, согласно современным данным, одним из ключевых понятий международных отношений раннего Нового времени³. В XVII в. в русских источниках можно обнаружить и сам термин «безопасность». В данном случае речь идет изначально о переводной литературе – новостных сводках, бывших основой для

¹ Лазарева Арина Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., unimoskau@yandex.ru.

² Подробнее см.: [9].

³ Подробнее см.: [10].

«Вестей-Курантов»⁴. Однако в русском языке этот термин имеет очень давние корни и семантически близок к «тишине», «покою» – излюбленным категориям русских книжников. Именно необходимость «тишины и покоя» стала одной из основополагающих категорий внешнеполитической доктрины первых Романовых. Для достижения «тишины» было необходимо составить свою иерархию европейских государств, чтобы найти среди них «достойных» партнеров, с помощью которых можно было бы, с одной стороны, противостоять польским амбициям⁵, а с другой – утвердить идею о мощи и влиянии Русского государства.

Этой цели служили в первую очередь знаменитые космографии – историко-географические трактаты «обо всем свете». Все известные в России космографии были переводами трудов крупнейших западно-европейских космографов раннего нового времени, в первую очередь Г. Меркатора и А. Ортелиуса⁵. Как замечает А.В. Барандеев, само слово «космография» подразумевало очень широкий круг сведений, среди которых были не только данные по географии, этнографии, истории различных стран, но также информация по астрономии, метеорологии, геологии [1, с. 103]. В данном контексте русские «переводы» космографий представляют собой уникальные сочинения, в которые переводчики – служащие Посольского приказа – нередко добавляли как тексты других аналогичных сочинений, так и собственные представления об окружающем мире⁶. Несмотря на достаточно пристальное внимание ученых к теме космографий за скобками пока остается вопрос о формировании с помощью этого богатого информацией материала основных линий русского внешнеполитического курса при первых Романовых. Однако увеличение числа космографий как раз в середине – второй половине XVII в. свидетельствует о востребованности подобной литературы именно с точки зрения активного вхождения России в западноевропейскую политику.

⁴ В данном случае можно несколько уточнить хронологию Ф.П. Сергеева, считающего, что категория безопасности появляется в русском внешнеполитическом дискурсе лишь в 1660-е гг. [См.: 4, с. 57]. Основываясь даже лишь на данных «Вестей-Курантов» становится очевидным, что представления о безопасности приходят в Россию сразу после Вестфальского мирного договора 1648 г.

⁵ В историографии давно подмечено, что именно отношения с Речью Посполитой определяли весь внешнеполитический курс Московского государства в XVII в. [Подробнее см.: 6].

⁶ Общие тенденции и характерные особенности русских переводов космографий прослежены в работах А.В. Барандеева, С.М. Глускиной, О.А. Белобровой.

Сегодня в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранилось около 20 космографий, дошедших до нас от XVII в.⁷ Вторая половина столетия представлена увеличением подобных сочинений, их активным включением в различные литературно-духовные сборники, а также азбуковники⁸. От предыдущих периодов сохранившихся космографий значительно меньше. Сохранившиеся в НИОР РГБ космографии XVII в. представлены в двух основных вариантах – это отдельные издания рукописей, такие как, например, огромная космография из собрания Е.Е. Егорова – «перевод» Меркатора, или же краткие космографии, скорее даже выжимки из них, писавшиеся как составная часть сборников, в которых, как правило, шло лишь перечисление стран, с весьма короткой общей характеристикой⁹.

Стремясь понять расстановку сил в Европе, царский двор живо интересовался историей и географией не только непосредственных соседей, но и более отдаленных стран. Западноевропейские космографии в русле традиций раннего нового времени предлагали четкую иерархию частей света и стран. Безусловно, в основе этой иерархии лежали религиозные библейские шаблоны, которые, впрочем, в XVII в. уже соседствовали с Великими географическими открытиями и новыми реалиями. Так традиционно в любой космографии XVII в. было деление на 4 части света: Европа, Азия, Африка и Америка. Однако Европе уделялось особое внимание: «Европа начало и власть всей вселенной»¹⁰. В русском варианте космографий при описании Европы появляются апелляции к древним авторитетам, которых нет ни у Меркатора, ни у Ортелиуса: «Плиний называет ее (Европу. – *А.Л.*) победитель всех иных стран, (она. – *А.Л.*) мужественна и храбра и красовита»¹¹. «Страбон мудрец приравнивает Европу к драку, сиречь к змии полозу, главу называет шпанскою землею, шею французскою

⁷ Особенно ярко это было выявлено С.М. Глускиной, доказавшей самобытность русской космографии 1637 г., переводчиком которой был Богдан Лыков [2].

⁸ НИОР РГБ. Собрание Н.С. Тихонравова. Ф. 299. № 445 (Азбуковник, конец XVII в.).

⁹ Самые яркие оригиналы находятся в НИОР РГБ в собраниях Е.Е. Егорова (Ф. 98. № 230), Д.В. Пискарева (Ф. 228. № 174), Н.Р. Румянцева (Ф. 256. № 368) и Н.С. Тихонравова (Ф. 299. № 1, № 249, № 283).

¹⁰ Космография Герарда Меркатора [рукопись]: Вводение в Космографию из Большого атласа Блеу, конец XVII – начало XVIII веков. НИОР РГБ. Собрание Е.Е. Егорова, Ф. 98. № 230. Л. 56 об.

¹¹ Там же. Л. 52 об.

землю, тулово цесерскою землею. Правое крыло <...> сиречь Дацкою землею. Левое крыло – Римское царство»¹². Географически Европу описывали с Запада на Восток, но русские авторы тем не менее подчеркивали свои важные для внешней политики характеристики европейских нравов: «шведские клеветники, ябедники, туринские грозны, сердиты, бельгийцы сиречь воинские, непостоятельные, италиане горделивы, високоумны, мсительны, шпанские завидливы, корыстники, французские боязливы»¹³. Среди такой нелюбезной картины явно выделялось отношение к Священной Римской империи германской нации. «А ныне римская храбрость в Германии сиречь в цесарской земли: от Рима перенесена власть и держава, сила и крепость, и одоление против всякого их врага, с ким ни воюют, ни от кого побеждения не было; там вера и правда, суд истенен, храбрость и мужество»¹⁴.

Подобное отношение к Империи в русских придворных кругах формировалось на протяжении долгого времени, однако с XVI в. наблюдается явная попытка идеологически обосновать родственную близость русского и императорского домов. Этой цели служил целый ряд сочинений о происхождении царствующего дома от императора Августа¹⁵ и на основе этого «реальное» родство с «братом» русского царя – императором. В XVII в. при воцарении Михаила эти идеи были весьма укоренены в сознании, и внешнеполитический курс ориентировался скорее на мнимое родство, чем на реальную оценку соотношения сил в Европе. В действительности, императоры Маттиас и Фердинанд II, в отличие от их предшественника Рудольфа II, заняли ярко выраженную пропольскую позицию, не признавали долгое время Михаила законным царем¹⁶. Не смотря на это, характеристики империи в космографиях на протяжении всего XVII в. были позитивными, хотя в западноевропейских оригиналах они гораздо более сдержанные. Даже в издании 1637 г. – в период не просто охлаждения, а прекращения любых контактов с Империей – русские книжники делали специальный отступ, использовали растительный орнамент красной крас-

¹² Там же. Л. 56.

¹³ Там же. Л. 58.

¹⁴ Там же. Л. 56 об.

¹⁵ А.В. Барандеев считает, что «выжимки» делались непосредственно из перевода 1637 г. Полным вариантом он называет 223 главы Космографии 1637 г., а краткие варианты содержали не более 69 глав [1, с. 105].

¹⁶ Безусловно, на первом месте здесь стоит «Сказание о князьях Владимирских».

кой, делали специальные рамки, переходя к описанию Империи¹⁷. В русском варианте подробно рассказывается о природе власти императора, подчеркивается, что «цесарь всему цесарству голова», а все немецкие земли называют «вотчиною цесаря»¹⁸. Правда не смотря на очень подробный рассказ – Империи во всех космографиях уделено наибольшее количество страниц по сравнению с другими странами – русские авторы чаще не понимали политические реалии организации империи. Тем не менее, именно обладание империей и библейские традиции восприятия ее на первом месте в иерархии государств делали эту страну самым желанным стратегическим партнером молодой династии. Посольства, направляемые как при воцарении Михаила, так и позже [Подробнее см.: 8; ср. 7], в годы нормализации и активизации отношений с империей при Алексее Михайловиче, должны были в качестве главной цели визита пропагандировать желание царя поддерживать в Европе «тишину и покой» [3, с. 1149; 5, с. 108].

Таким образом стремление к признанию прав Романовых на престоле в международном контексте и созданию безопасного пространства вокруг России способствовали повышению интереса к публикациям и переводам космографий. В огромном перечне стран и земель, перечисляемых в космографиях, особое место играла Священная Римская империя, которая, не смотря на совершенно не соответствовавший русским интересам внешнеполитический курс в первой четверти XVII в., представлялась важным и желанным партнером, единственно достойным русского царя, с помощью которого возможно было создать «тишину и покой».

1. *Барандеев А.В.* Русские космографии XVI–XVII вв. // Русская речь. М., 1991. № 1.
2. *Глускина С.М.* Космография 1637 г. как русская переработка «Атласа» Меркатора // Геогр. Сборник Геогр об-ва СССР. М.; Л. 1954.
3. Отчет Ивана Фомина о посольстве, писанный в 1617 г. // Памятники дипломатических сношений России и Римскою империей. Т. 2. 1594–1621 гг. СПб, 1852.
4. *Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971.
5. Статейный список посланников Баклановского и Михайлова (1654) // Памятники дипломатических сношений России и Римскою империей. Т. 3. СПб., 1853.
6. *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М.,

¹⁷ Космография Герарда Меркатора... НИОР РГБ. Собрание Е.Е Егорова, Ф. 98. № 230. Л. 375.

¹⁸ Там же. Л. 375 об.

- 2010.
7. *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986.
 8. *Leitsch W.* Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhunderts, Bd. 1. 1604–1654. Wien, 1960.
 9. Russen und Russland aus deutscher Sicht 11.–17. Jahrhundert, West-östliche Spiegelungen, hg. von D. Hermann. (Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew, Reihe B, Bd. 1). München, 1988.
 10. Sicherheit in der Frühen Neuzeit. Norm –Praxis – Repräsentation, hg. von Ch. Kampmann und U. Niggemann. Köln, 2013.

УДК 94(47).046.047

П.И. Прудовский¹

«А учнут ево отпускати в Стекольну...»: происхождение и бытование одной формулы в посольских наказах XVII в.

Источниковедение истории России; Посольский приказ; дипломатическая документация; «наказы»; XVII в.; Россия и Швеция.

Выясняются время и причины появления в наказах русским посольствам в Данию, Голландию и другие государства, проезжающим через прибалтийские владения Швеции, формулы об их возможном отправлении в Стокгольм.

Изучение канцелярских практик Посольского приказа имеет большое значение для понимания того, как в Московском государстве XVII в. функционировала такая отрасль государственного управления, как организация дипломатической службы. Представляется, что одна из основных функций канцелярии внешнеполитического ведомства – составление инструкций дипломатам («наказов») требует, несмотря на наличие ряда работ, посвященных их источниковедению [1; 3, с. 261], более детального исследования различных своих аспектов. Настоящий доклад посвящен изучению примера, в котором слиты проблемы и приемы составления и текстологической взаимосвязи посольских наказов, и соотношения конструируемых в их рекомендациях ситуаций с прошлой, состоящей из предшествовавших дипломатических событий и предстоящей, осуществившейся в действительности реальностью. Иначе говоря, рассматриваются проблемы работы Посольского приказа с информацией и адекватности результатов этой работы актуальной внешнеполитической действительности.

В конце 1653 и первой половине 1654 г. из Москвы был отправ-

¹ Прудовский Петр Игоревич, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), к.и.н., hypolimnion@gmail.com.

лен целый ряд посольств в европейские страны с целью дипломатического обеспечения готовящейся войны с Речью Посполитой [2, с. 30–39]. Прежде чем добраться до пункта назначения, всем этим миссиям предстояло пересечь шведские владения в Прибалтике. Наказы говорят об этом этапе путешествия практически одними и теми же словами; среди прочего предусмотрен вариант, что шведские власти велют посольству до продолжения своего пути заехать сначала к королеве Кристине в Стокгольм: «а будет его ругодивской [нарвский. – П.П.] генерал или кому ныне в Ругодиге приказано из Ругодига прямо в Галанскую [для одного из гонцов – «Датскую». – П.П.] землю отпустить не похотят, а учнут ево отпустить в Стекольну [Стокгольм. – П.П.] и скажут, что ему отпуск в Галанскую землю будет от королевы из Стекольна, а им без королевина ведома отпустить ево не мочно...»² Иными словами, в Посольском приказе предполагали, что шведская администрация готова пойти на нарушение условий Столбовского мира (1617 г.) о беспрепятственном пропуске послов. Какие основания были у посольских дьяков для подобного предположения?

Известно, что наставления дипломатам, предусматривающие какие-либо неприятные сюрпризы, появлялись в наказах по результатам миссии, реально столкнувшейся с соответствующим инцидентом. В соответствии с этой логикой следует ожидать, что в какой-то момент одно из проезжавших транзитом через шведскую Прибалтику русских посольств столкнулось с требованием отклониться от своего маршрута и нанести визит королю (или королеве Кристине, 1632–1654 гг.), чтобы получить разрешение на дальнейшее путешествие.

В задачи настоящего исследования входит проверить, по такой ли модели развивались события, приведшие к появлению в наказах подобной формулы, и, если это предположение окажется верным, рассмотреть, в чем заключалась политическая суть этого инцидента: каковы были позиции сторон, приведшие к нарушению взаимопонимания, какую роль сыграли расчеты и опасения верховной власти, а какую – действия местной администрации и самих русских дипломатов.

По-видимому, как свидетельствует устойчивость данной формулы, породивший ее инцидент прочно вошел в анамнез русско-шведских отношений и, возможно, стал одним из важных эпизодов, определявших отношение к Швеции как политическому партнеру в русском внешнеполитическом ведомстве в какой-то период между Столбовским миром и началом русско-шведской войны 1656–1658 гг.

² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1653 г. № 6. Л. 212–213, 253–254, 312.

Анализ выборки наказов этого периода показывает, что формула об отправлении транзитного посольства «в Стекольну» стереотипно повторялась в большом количестве случаев. При этом текстологически наказания объединяются в группы, внутри каждой из которых обнаруживается зависимость более поздних памятников от более ранних. Это обстоятельство диктует необходимость поэтапного ретроспективного изучения всего привлеченного корпуса наказов¹ с целью определить, в какой момент в них появляется исследуемая формула. Установление этой хронологической вехи, в свою очередь, становится отправной точкой для изучения донесений и отчетов дипломатов, в которых должен был отразиться предполагаемый исходный инцидент с требованием посольству ехать «в Стекольну».

1. *Жулякова А.В.* Опыт исследования «наказов» русским послам в Константинополь для изучения греческо-русских связей XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 6: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время: Сборник статей к 70-летию академика Геннадия Григорьевича Литаврина. М., 1996.
2. *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981.
3. *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003.

УДК 9.94

М.Б. Булгаков²

Воеводские рассыльщики в XVII веке

Государева служба; служилые люди; служебно-профессиональный статус; воеводское управление; приказные избы.

Актуальность выбранной темы определяется относительной малоизученностью затрагиваемых в публикации вопросов, посвященных социальному положению и содержанию профессиональной деятельности воеводских рассыльщиков в XVII веке.

Рассыльщики при воеводах, как и приставы при городских приказных (съезжих) избах, составляли низшее звено местного административного аппарата. Высшим звеном этого аппарата являлись дьяки и подьячие, выполнявшие распоряжения воевод. Приставы были за-

¹ В него включены все известные наказания посольств, чей маршрут пролегал через прибалтийские владения Швеции в 1617-1653 гг., хранящиеся в фондах-коллекциях РГАДА по сношениям России с западноевропейскими странами.

² Булгаков Михаил Борисович (РФ, Москва), д.и.н., vtubell14@yandex.ru.

действованы при воеводском суде, а рассыльщики – по посылкам воевод и приказных людей, направленных из центра. Отметим, что рассыльщики фиксируются и при других городских учреждениях, например, при губных и земских избах, при таможняк и кабаках [3, с. 25, 28, 30]. Рассыльщики выбирались из посадских людей в порядке выполнения ими государственной службы – повинности, сроком на один год, или нанимались посадским земством из «охочих людей» на определенный срок за установленную плату.

Источники содержат весьма скудные сведения о воеводских рассыльщиках XVII в. и по ним трудно составить полную картину их служебной деятельности, хозяйственно-бытовой и семейной жизни, поэтому в отечественной историографии нет специальных тематических работ, посвященных только рассыльщикам. По имеющимся в нашем распоряжении источникам, был собран определенный материал, характеризующий некоторые моменты их работы и принципы отношений с государством.

Воеводское управление стало складываться на Руси с конца XVI в., тогда же при воеводах появились рассыльщики. Так, в Коломне писцовая книга 1577/78 гг. перечисляет 5 дворов рассыльщиков в городе (в крепости), в Михайловской слободе еще 2 двора. Всего в 7 «белых дворах» проживало 8 рассыльщиков. Кроме того, в крепости в осадных дворах коломенских дворян в качестве дворников проживало еще 5 рассыльщиков. Всего в Коломне было отмечено 13 рассыльщиков [8, с. 26-34]. В Туле писцовая книга 1587/88 – 1588/89 гг. отмечает за 7 рассыльщиками «по кропивенской дороге пашни паханные, добрые земли – 50 чети, да перелогу – 55 чети, и обоего 105 чети в поле, а в дву по тому же, по 15 чети за человеком» [9, с. 289]. В Угличе в 1591 г. по делу об убийстве царевича Дмитрия расспросные речи, в том числе, были взяты у рассыльщиков Разрядной избы [5].

Рассыльщики относились к разряду служилых людей «по прибору» и за свою службу получали вместо денежного жалования определенную компенсацию. Из дела о вологодских рассыльщиках первой половины XVII в., где приводятся их челобитные и решения по ним из центральных приказов, выясняется, что их судьба (служба и отставка) определялась из Москвы. В челобитной бывших вологодских рассыльщиков, а на момент ее подачи – уже отставленных московских стрельцов – Митрошки Екимова, Васьки Федорова и Мишки Селиванова – от 1648 г. на имя царя Алексея Михайловича сообщается, что отцы их «служили блаженные памяти прежним государем, и отцу твоему Михаилу Федоровичу, и тебе, праведному государю, у твоего

государева дела на Вологде, в съезжей избе, в розсылщиках, многое время; и взяты мы были, холопы твои, с Вологды к Москве для допросу по мирскому челобитью про прежнего воеводу, про Левонтья Плещеева, и без нас на Вологде, на наши места, без твоей государевой грамоты в розсылщики поставлены иные, а мы стали на твою государеву службу в стрельцы в Ондреев приказ Остафьева, и на Белгороде город делали, и ров копали и всякую <...> службу служили, и работу работали с приходу и до отпуску», а также содержится просьба: «вели, государь, нам быть на Вологде, на старые наши места, в приставах для розсылки»³. Из этого челобитья видно, что сами рассыльщики не отличали свою работу от работы приставов, потому что как первые, так и вторые при съезжей избе были «в розсылке». Впрочем, в другом документе подьячие Устюжской четверти присланного к ним служилого человека Ивана Сабурова из Соли Вычегодской в 1634 г. с колодником (арестантом) и с отпиской воеводы, называли то приставом, то «розсылщиком» [10, с. 365].

Из челобитной других вологодских рассыльщиков, Васьки Истошина и Онтошки Васильева с товарищами, от 1649 г. устанавливаются потребности их службы и перипетии их судеб. Челобитчики сообщали, что их деды, отцы и дядья служили царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу на Вологде в съезжей избе без государева жалованья и «ходили в розсылке и с отписками, и к Москве ездили и за государевыми казнами, и с государевыми грамотами, и с колодниками по разным городам для ради государевых всяких дел, и во всю поморскую Украину посыланы были, и по наказным памятям в уезды ездили, и у сыщиков, и у полевщиков, и у конюхов ходили с пожалованными пушкарями и воротниками вместе рядовые службы государевы служили, а на Вологде де почасту служили с ними, с вологодскими пушкарями от вологодского литовского разорения, когда пушкарям других служб не было, а тогда их рассыльщиков было 20 человек». Далее рассыльщики написали, что в 1638 г. по государевой грамоте по челобитью вологодских пушкарей и воротников «велено им быть в съезжей избе без государева жалованья, а розсылщикам отказать». В следующем 1639 г. пушкарям за эту службу «велено быть в половине жалованья и быть в розсылке попрежнему». Воротники, очевидно, также были от рассылки отставлены и в съезжей избе служили одни пушкарями из половины своего пушкарского жалованья. По случаю рождения у царя Алексея Михайловича «благоверного царевича

³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Приказные дела старых лет. Ед. хр. 117. Л. 279. 1649 г.

Дмитрия Алексеевича» отставленным рассыльщикам в 1649 г. «веле-но для государева дела на Вологде в съезжей избе ходить с пушкари по росчету в розсылке попережнему и взять с них крепкие поруки з записьми – над государевой казной хитрости не учинить и казны не покрасть и не потерять»⁴.

Из последнего челобитья вологодских рассыльщиков явствует, что они и сменившие их на время пушкари и воротники в съезжей избе служили без государева жалованья. Однако, за свою работу все они получали «хоженное» или «ездовое», как это практиковалось в местных государственных учреждениях. Так, тотемские рассыльщики и приставы в 40-х гг. XVII в. по государеву указу получали «хоженное» за 1 версту по 3 ден.⁵ Правда, приставы еще имели в свою пользу с истца за вызов его к суду 10 ден., а с ответчика после суда также 10 ден.⁶ Рассыльщики же ограничивались только «хоженным» (или «ездом»), величина которых зависела от объема их работы – количества и дальности «посылок». Выплата им производилась из неокладных доходов приказной избы или из средств волостных или посадских земских изб, если дела, по которым они были посланы в уезд или в другие города, касались компетенции местных «миров».

При посылке рассыльщика с поручением воевода выдавал ему наказную память за своею печатью, в которой было расписано по какому делу и куда он посылается. Так 31 мая 1631 г. ростовский рассыльщик Василий Потулкин по государевой грамоте из приказу Галичской четверти и по наказной памяти воеводы В.П. Наумова «проводил сыск про земского старосту 1629 г. Митрофана Кичигина всеми ростовцы посадскими людьми и вдовами в ряд без выбору»⁷. После своего хождения («доезда») рассыльщик подавал воеводе свой отчет, «доезжую» память, в которой сообщал о выполнении или невыполнении задания.

Из челобитной вологодских рассыльщиков от 1649 г. также видно, что при временной совместной службе пушкарей и рассыльщиков «в розсылку» они «ходили по росчету», т.е. соблюдая очередность исполнения поручений. Из этого источника попутно выясняется, что из всех категорий вологодских приборных служилых людей статус рассыльщиков был самым низким.

Из приведенных двух челобитных вологодских рассыльщиков

⁴ Там же. Л. 77. 1649 г.

⁵ Там же. Ед. хр. 38. Л. 322. 1640 г.

⁶ Там же. Л. 330.

⁷ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 183. 1631 г.

также видно, что их статус был наследственным и автоматически переходил от отца к сыну – их деда, отцы и дядья служили в съезжей избе «прежним государям». Сыновья рассыльщика по достижению 15-летнего возраста «верстались» (определялись) в ту же должность, а если не было вакансий, то их «верстали» в другие категории приборных служилых людей и не обязательно в родном городе. Так, в 1672 г. в Бежецком Верху (Городецке) у рассыльщика Ефима Жукова был «неверстанный сынишка Ивашко», который сначала был «пожалован» в площадные подьячие у Земского приказа в Москве, но «прокормитца там ему было нечем» и он просит в своей челобитной «дать ему грамоту о подьячестве в Бежецком Верху, а посадским людям не велети на площади писати, потому что они пишут всякие крепости без записи в приказной избе и без поручных записей», т.е. с нарушением государева указа. Его просьба была удовлетворена⁸.

Отметим, что городские площадные подьячие были полуслужилые люди, они находились под контролем воевод, и часто работали по его поручениям и по поручению приказных людей, присылаемых из Москвы. Из них в местные съезжие избы вербовались подьячие, рассыльщики и приставы. В некоторых городах площадные подьячие освобождались от посадского тягла в силу их загруженности по воеводским делам.

Из упомянутого дела о вологодских рассыльщиках выясняется, что их было до Смуты 20 человек. Они жили в своих дворах в городе (крепости) и на посаде, где была особая «Розсылщичья слобода около улицы Гасилка», в которой по переписи 1646 г. было только два двора рассыльщиков с тремя рассыльщиками и двор попа слободской церкви Николая Чудотворца [12, с. 40]. Зато вне слободы насчитывалось 9 дворов рассыльщиков, еще отмечен двор вдовы рассыльщика, а про трех рассыльщиков сказано, что они жили «на дворничестве» во дворах вологодских дворян – служилых людей [12, с. 15-17]. Всего же в городе насчитывалось 15 рассыльщиков. У рассыльщика Василия Аристова было два двора. В одном дворе, в городе, на улице Соловецкой, он жил сам, а в другом его дворе, на посаде, на улице Введенской, жил «на дворничестве» посадский бобыль [12, с. 6, 51]. Сыновья Василия Аристова, Семен и Марк, жили отдельно от отца своим двором на той же улице Введенской, но они названы посадскими людьми, т.е. не стали наследственными рассыльщиками [12, с. 6, 51].

По переписи 1678 г. в Вологде также упоминается «Розсыл-

⁸ Там же. Ф. 210. Ед. хр. 796. Л. 130–131.

щичья слобода за р. Золотухой недалеко от улицы Гасилка», но в ней уже не было дворов рассыльщиков. Там отмечено только два двора церковников: попа и пономаря, два двора посадских людей, один из которых был иконописцем, пустой двор церковный и пустое место дворовое еще одного посадского человека [13, с. 113]. Вне слободы, в городе и на посаде, как и в 1646 г. насчитывалось 9 дворов рассыльщиков и один двор вдовы рассыльщика Василевской жены Неквасина с сыном Оськой Неквасиным, рассыльщиком [13, с. 120, 168]. Еще два рассыльщика жили «на дворничестве» в чужих дворах: один – у посадской вдовы, а другой – у посадского бобыля [13, с. 83, 122]. В городе, на улице Соловецкой, упомянуто пустое дворовое место рассыльщика Савки Опенкова [13, с. 82]. Всего в 1678 г. в Вологде насчитывалось 12 человек рассыльщиков, живших как в своих дворах, так и в чужих. По сравнению с началом XVII в. заметно уменьшение их числа, что было связано с временной службой некоторых рассыльщиков и с тем, что для этой службы воеводы использовали стрельцов, пушкарей и других приборных служилых людей.

Количество рассыльщиков при съезжей избе (при воеводе) в каждом городе можно выяснить из документов писцового и приказного делопроизводства. Так, дозорная книга Касимова 1614 г. зафиксировала в городе 6 дворов рассыльщиков⁹, дозорная книга Хлынова (Вятки) 1615 г. – 2 двора [7, с. 25], писцовая книга Ростова Великого 1624 г. – 8 дворов¹⁰, писцовая книга Галича 1628 г. – 17 дворов¹¹, писцовая книга Суздаля 1628-1630 гг. – 3 двора [6, с. 39, 43-44]. Отметим, что не в каждой городской писцовой книге фиксировались дворы рассыльщиков, поскольку они были из разряда беломестных дворов и не всегда попадали в поле зрения писцов, у которых основной задачей было описание черных посадских дворов. Так, во Владимире в 1625-1626 гг. писцы И.А. Головленков и подьячий Василий Львов отметили на церковных землях дворы только вдов рассыльщиков, но при описании «подгородных сенокосных оброчных пожен» они упомянули владельцами пожен трех действующих владимирских рассыльщиков: Федьку Дубина («пожня на 40 копен сена»), Осташку Семенова (на 40 копен) и Гришку Остафьева (на 3 копны)¹². Возможно, эти рассыльщики жили во дворах у других людей и не попали во внимание писцов, потому что были в это время в рассылке.

⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 2–3. 1623 г.

¹⁰ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 380. Л. 141–142.

¹¹ Там же. Кн. 92. Л. 164.

¹² Там же. Кн. 71. Л. 14 об.–15, 83, 250, 252.

В Путивле в то же время, в 1625-1626 гг., писцы М.И. Беклемишев и подьячий Осип Трофимов не отметили дворы рассыльщиков, но в 1628-1629 гг. писцы П.И. Мусорский и подьячий Гаврило Федотов при описании «оброчных пожен и сеножатий» Путивльского уезда зафиксировали оброчное угодье одного путивльского рассыльщика – «за путивльским розсылщиком за Куземкою Моисеевым сыном Масковым да за племянником ево за жилым казаком за Митьком Ивановым сошной пашни на Путивльском поле на реке Кубре меж Кубрявских верхов с усадьем гуменным пашни перелогом 40 чети в поле, да им же на выпуск и на сеножать половина логу реки Кубри против их гуменного усадья и пашни, оброку старого 8 алт. 2 ден. да прибавлено 10 ден. обоего 10 алт.»¹³. Возможно, что временами в Путивле не было рассыльщиков или их было мало (1–2 чел.), а как отписывали воеводы, служилые люди (стрельцы, пушкари, казаки) кроме сторожевой службы на заставах и на «сторожах», караульной на крепостных стенах города и охранной на «селитренных варницах», несли еще и «посылочную службу» при съезжей избе по заданиям воевод, т.е. выполняли работу рассыльщиков. Как видим, в пограничных городах Русского государства «розсылочной» (посылочной) службе придавалось большое значение¹⁴. Например, во Пскове в первой половине XVII в., кроме рассыльщиков и недельщиков, которые служили при воеводах днем и ночью по неделям, переменяясь на дежурстве сразу по 4–6 чел., в зависимости от потребности «в розсылке», упоминаются еще и «посылочные подьячие»¹⁵.

Наиболее частые упоминания о воеводских рассыльщиках содержатся в росписных и сметных списках и перечневых росписях служилых, приказных и посадских людей городов при смене воевод (обычно каждые 2–3 года), когда такие список и росписи составлялись в съезжей избе при передаче управления городом новому воеводе. Так, в 1638 г. в Зарайске отмечено 6 рассыльщиков¹⁶; в 1640 г. в Переяславле-Рязанском – 10 рассыльщиков¹⁷; в 1649 г. в Ярославле – 5 рассыльщиков¹⁸; в 1681 г. в Михайлове – 16 человек рассыльщиков¹⁹.

¹³ Там же. Кн. 348.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 203. Л. 133–133 об.

¹⁵ Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Ед. хр. 36. Л. 336, Ед. хр. 68. Л. 112.

¹⁶ ЧОИДР. Кн. 1. 1870. С. 72.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Ед. хр. 138. Л. 257.

¹⁸ Там же. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Ед. хр. 96. Л. 305.

¹⁹ Там же. Ф. 210. Столбцы Поместного приказа. Ед. хр. 106. Л. 495.

В некоторых небольших городах: Волоколамске, Серпухове, Вязьме, Шуе, Ярославле Малом, Торжке, Белоозере и других, рассыльщиков было всего по 1–2 человека. В таких городах для рассылки воеводы зачастую использовали также стрельцов, пушкарей, площадных подьячих и посадских людей. Последние, однако, на такие действия воевод жаловались в Москву, как это было в Городецке (Бежецкий Верх) в 1663 г. и в 1667 г. и по государевой грамоте из Устюжской четверти, ведавшей городом, воеводам было предписано «в уезд вместо стрельцов и розсылщиков посадских людей с подводы посылать не велети»²⁰.

Рассыльщики, как и другие служилые люди, временами привлекались на военную службу вне своего города. Так, в 1689 г. в Кашире рассыльщиков не было, так как они вместе с каширскими пушкарями, стрельцами и воротниками «по указу великих государей высланы в Крымский поход» [1, с. 8-9].

При нехватке рассыльщиков и небольшом числе других приборных служилых людей в городе воеводы производили «прибор» рассыльщиков из желающих, в основном из посадских тяглых людей и из служилых людей разных категорий. При нескольких кандидатах на одно место предполагался выбор рассыльщика. Так, в 1617 г. в Устюжне Железопольской пушкарям и посадским людям предстояло выбрать в рассыльщики из нескольких претендентов²¹. В том же 1617 г. в Переяславле-Рязанском по сыску Елизарья Головина были возвращены в тягло в черную слободу «старожильцы» – посадские люди, которые «стали» в пушкари, затинщики и рассыльщики, очевидно, не по выбору посадских людей²². В 1668 г. в г. Лухе отмечены три рассыльщика: Андрей Бухалов, Никандрко Федоров и Якимко Лазарев. Все они были из семей луховских посадских тяглецов²³.

В том же городе переписная книга 1678 г. зафиксировала двор бобыля, рассыльщика Федьки Якимова, который жил с братьями, Куською и Оксенком, и тремя своими малолетними (до 15 лет) детьми. Эти братья Якимовы были пришлыми крестьянами из Юрьева-Повольского уезда. Здесь в рассыльщики был «прибран» малосостоятельный человек (бобыль), «недавно пришедши на посад»²⁴.

О том, что должность рассыльщика могла худо-бедно прокор-

²⁰ Там же. Ф. 1106. Оп. 1. Бежецкая приказная изба. Ед. хр. 5. Л. 1.

²¹ Там же. Ф. 210. Столбцы Безгласного стола. Ед. хр. 14. Л. 177–178.

²² Там же. Ф. 396. Столбцы Оружейной палаты. Ед. хр. 40226. Л. 18а.

²³ Там же. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 620. Л. 54.

²⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11838. Л. 6.

мать человека, свидетельствует показание белозерца, посадского человека Ивашки Акинфиева сына Поздынина от 1691 г. В своем городе Белоозере он «собрал по себе поручную запись, что был при приказной избе для прокормления в россылке»²⁵.

Для вступления в должность рассыльщика претендент должен был написать челобитную государю об этом, а если он не один претендовал в рассыльщики, то заручиться «выбором» посадских людей и поручными записями (поручиков должно быть не менее 6–8 человек). Основываясь на этих документах, московский приказ, ведавший городом, давал разрешение на определение претендента в рассыльщики. При выборе рассыльщика в службу, выборщики, равно как и поручики за него, исходили из того, что он должен быть, по возможности, грамотным, определенно честным и не бражником. Поручные записи на рассыльщиков («поруки по рассыльщикам») хранились в архивах съезжих городских изб, как это было, например, в Ростове Великом в начале 60-х гг. XVII в., а не отсылались в московские приказы: в Стрелецкий, Пушкарский, Казачий и в Разрядный, как это было для поручных записей на стрельцов, пушкарей, воротников, казаков²⁶. Этот факт говорит о том, что рассыльщики ведались в основном местными воеводами и лишь в редких случаях видно вмешательство московских приказов в дела рассыльщиков.

Вновь прибранным рассыльщикам для жительства предоставлялись по государевой грамоте пустые места беломестцев, как это было в Ростове Великом в 1624 г., когда рассыльщику Онкудинке Самойлову было дано под двор место казенного (записного) кирпичника Богдашки Меньшого сына Просковкина, в длину 30 саж., поперек 8 саж.²⁷. Если же они селились на посадской черной (тяглой) земле, то выплачивали за дворовой участок подать – «позем», как это было в Торжке в 1626 г., где один рассыльщик и 28 ямских охотников выплачивали со своих дворов «позему» по 10 ден. со двора²⁸. Если рассыльщики жили дворами на церковной земле, то выплачивали земельный оброк церковным властям, как это было во Владимире, где в 1625 г. вдовы рассыльщиков платили со дворов оброк соборному протопопу²⁹. Конечно, вновь поступившие в рассыльщики сразу не обеспечивались земельным пожалованием – они его получали года

²⁵ Там же. Ф. 1107. Оп.1. Белозерская приказная изба. Ед. хр. 3495. Л. 21.

²⁶ Там же. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Ед. хр. 296. Л. 8, 25.

²⁷ Там же. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 380. Л. 141.

²⁸ Там же. Ф. 396. Столбцы Оружейной палаты. Ед. хр. 40226. Л. 14.

²⁹ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 71. Л. 14 об.–15.

через 2–4, при усердной службе, по челобитью с разрешением из Москвы.

Потомственные рассыльщики пользовались земельными дачами своих отцов. Так, суздальские рассыльщики, Федька Андреев, Якушка и Осипко Мартьяновы дети Деева, в первой половине XVII в. владели земельными дачами своих отцов в Суздальском уезде, где у них была деревня, а в 1649 г. рассыльщик Осип Деев в съезжей избе стал подьячим, и о нем сказано, что он «емлет государево годовое жалованье»³⁰. Отсюда видно, что потомственные рассыльщики в съезжей избе могли дослужиться и до более высокой должности, например, до должности подьячего, имеющего стабильное годовое жалованье.

Великолукская писцовая книга 1627/28 г. И.В. Беклемишева и подьячего С. Кирина отмечает, что на городской стороне у рассыльщика имелось «прежние их надолбные долничные пашни паханные доброй земли 2 чети с осьминою и с четвериком»³¹. Здесь, очевидно, имелось в виду коллективное владение пашенной землей рассыльщиками, что практиковалось у всех категорий приборных служилых людей. Эта земля была разделена на небольшие полосы (клинья) и через какое-то время (через 2–3 года) подвергалась переделу.

Кроме коллективной пожалованной пашни за великолукскими рассыльщиками были подгородные индивидуальные оброчные «пашенные нивки» от одной до двух четвертей, за оброк в 10–15 алт. в год. За ними же были и оброчные индивидуальные «сенокосные нивки» (пожни). Например, «за розсылщиком Артюшкой Олешиним под Луками Великими вниз реки Ловати против дубровицы пустые пожни Евсеевская и другие пожни, 295 копен, оброку 22 алт. 4 ден., да за ним же еще 90 копен, оброку 10 алт. 2 ден.»³². Надо сказать, что оброчное землепользование государевыми пашнями и пожнями было доступно всем слоям населения, в том числе и приборным служилым людям, к которым принадлежали и рассыльщики. Мы уже упоминали об оброчных подгородных пожнях владимирских рассыльщиков. Приведем некоторые данные о хлебопашестве рассыльщиков других городов. Так, в грамоте из Устюжской четверти от 1617 г. можайскому таможенному и кабацкому голове Якову Ладе предписывалось выплатить деньги можайскому рассыльщику Алексею Лукьянову за пять острошков (островок – небольшая копна. – М.Б.) яровой соломы 20 алт. Это

³⁰ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 1. Л. 189 об.

³¹ Там же. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 402. 1649 г.

³² Там же. Л. 404. 1649 г.

солома была взята у него для корма «подъемным лошадям», доставлявшим стрельцов со снаряжением на службу в Дорогобуж из Москвы [11, с. 81].

Еще из одного любопытного документа – челобитной властей Кирилло-Белозерского и тверского Афанасьева монастырей от 1626 г. выясняется, что под Тверью на берегу Волги у пристани в приходе церкви Рождества Христова у монастырей были места, где стояли их дворы и соляные амбары и были капустные огороды и «в приход литовских людей они были позжены и после литовского пожару с 1613 г. земские старосты отдавали те места под хлеб и подо всякий овощ всяким людем из оброку, а те места пахал розсылщик Кузьма Сергеев»³³.

Из дела о монастырских местах под городом неизвестно, как оно было решено, но скорее всего эти места были возвращены монастырям. Возможно, что монастыри продолжили практику отдачи в наем (аренду) части земельных угодий из этих мест «разных чинов людем».

О спектре служебной деятельности рассыльщиков можно судить по челобитным вологодских рассыльщиков, о которых мы уже упоминали. В рассылку по государевым делам они отправлялись как в ближние места – в свой уезд или в соседние уезды, так и в дальние места – в Москву и в другие города. Рассыльщики действовали по поручению воевод и по поручениям приказных людей, присланных из московских центральных приказов, когда они «придавались», т.е. поступали в распоряжение этих приказных людей на время выполнения их миссии.

Приведем несколько примеров, когда рассыльщики из разных городов направлялись в посылки в ближайšie и дальние места. Так «обыск» про люблинский перевоз под Каширой в 1620 г. проводили «обыщики», каширский рассыльщик Павел Вокшин и пушкарь Клим Ширяев, которым священник села Люблино, дворяне и дети боярские, приказчики и крестьяне этого села и окрестных деревень сказали, что «перевоз со 124 (1616) г. с водополя до заморозов лежал в пусте, никто тогда перевозу не держал и откупщиков не было до 128 (1620) г., потому что была война от татар и от черкас и от казаков и держать было тово перевозу в те лета немочно, а от 128 (1620) г. держал перевоз деревни Ниженки Каширского уезду крестьянин Мишка

³³ ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. хр. 8. Л. 62–67.

Боконин помещика Данилки Ильина»³⁴. Этот «обыск» воевода со своей отпиской отправил в приказ Галицкой четверти, откуда ему ранее было прислано распоряжение провести «обыск» [2, с. 198].

В 1640 г. переяславль-рязанские рассыльщики, 10 чел., солдаты, 5 чел., по отписке губного старосты Григория Лопырева по государеву указу были разосланы от сыщиков Лариона Сумина и подьячего Григория Пушникова, которые были присланы из Сысского приказа «для свозки переяславцев, а иные посланы в Переяславский уезд для твоих государевых денежных сборов»³⁵.

В 1646 г. сольвычегодскому воеводе из Устюжской четверти была послана грамота о предоставлении переписчикам сольвычегодского уезда Б.Г. Приклонскому и подьячему Осипу Трофимову дворов, кормов, подвод и рассыльщиков для продолжения их работы по составлению переписных книг³⁶.

В 1649 г. в Ярославле, присланному из Новой чети сыну боярскому Александру Александрову «для табашной и винной выемки» воеводой было выделено 5 рассыльщиков и 17 пушкарей³⁷. Приказ Новой четверти осуществлял борьбу с продажей табака и корчемного вина и воеводы каждого города для этой цели обеспечивали сыщиков Приказа служилыми людьми «сколько человек пригоже».

В июле 1676 г. владимирские площадные подьячие и рассыльщики посылались в уезд «для справок и конском и животинном падеже»: в каких волостях у крестьян, у кого в поместьях и вотчинах у дворян был падеж и сколько «пало лошадей и скотины» для отправки этих справок в Москву³⁸. В тот же 1676 г. по грамоте из приказа Большого Дворца в Одоев воеводе предписывалось выделить стряпчему Хлебного Дворца Ивану Рыкову целовальников и дьячка для покупки в городе и уезде 150 чети орехов в московскую таможенную меру, а для необходимых рассылок ему же – стрельцов, пушкарей и рассыльщиков³⁹. В 1677 г. из Малоярославца в уезд «в доезд для поимки беглой жонки Маньки» в поместье Емельяна Суровцева в деревню Беловцову по челобитью помещика был послан рассыльщик Михаил Тимо-

³⁴ РГАДА. Ф. 396. Столбцы Оружейной палаты. Ед. хр. 39643. Л. 39.

³⁵ Там же. Ф. 371. Оп. 2. Преображенский и Семеновский приказ. Ед. хр. 31. Л. 44.

³⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 107. 1625 г.

³⁷ Там же. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Ед. хр. 96. Л. 305.

³⁸ Там же. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 826. Л. 258.

³⁹ Там же. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Ед. хр. 733. Л. 35.

феев⁴⁰. В 1680 г. ростовский отставной сын боярский Л.П. Быков проводил сыск о конфликте ростовского воеводы Александра Шелля со стольником А.А. Козловским, последний «бесчестил» воеводу в съезжей избе при свидетелях. Сыщик посылал в уезд рассыльщиков, 8 чел., для вызова свидетелей конфликта в Ростов, чтобы они дали показания по делу. Если дворян – свидетелей не было дома, то «доезжие памяти» рассыльщиков свидетельствовали церковные дьячки помещий или сами за рассыльщиков писали такие памяти⁴¹.

Как видим, в свои уезды по небольшим местным делам воеводами могли посылаться одни рассыльщики, а по более значительным мероприятиям общероссийского масштаба, которыми занимались приказные люди из Москвы, им для рассылки «придавались» не только рассыльщики, но и служилые, и полуслужилые люди (площадные подьячие).

В более дальние «посылки», в основном в Москву, рассыльщики отправлялись в качестве сопровождающих лиц, везущих какие-либо грузы, колодников (арестантов) и государеву казну.

Так, по подорожной грамоте воеводы Устюжны Железопольской Самуила Микулина в 1607 г. рассыльщику Третьяку Ярославкину и кузнецу Михаилу Алфереву, которые везли в Москву пушечные ядра, изготовленные устюжскими кузнецами, на «ямах» по пути следования должны были предоставляться подводы⁴². В 1617 г. один рассыльщик Дружинка Тимофеев, без товарищей, был отправлен в столицу с большими и малыми образами (иконами), выполненными новгородскими иконописцами по заказу из Москвы.⁴³ Летом 1629 г. вологодские рассыльщики, сначала Демка Савельев, а затем Осипко Милкин, каждый отдельно, доставляли в Москву в Разрядный Приказ колодников по одному человеку. Интересно, что они следовали с колодниками пешком и когда они приходили с колодниками в Троице-Сергиев монастырь, им было придано в сопровождение до Москвы каждому по два монастырских стрельца⁴⁴. В 1639 г. из Москвы из Разрядного приказа в Архангельск для покупки бумаги писчей был послан подьячий приказа Иван Песков. Купив на ярмарке 8 кип бумаги (в кипе по 50 стоп, в стопе по 20 дестей), он «2 кипы бумаги привез в Москву и 6 кип оставил в Вологде в съезжей избе за своею

⁴⁰ Там же. Л. 307.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 606. Л. 15, 24.

⁴² Там же. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 13. 1606 г.

⁴³ Там же. Л. 93.

⁴⁴ Там же. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Ед. хр. 10. Л. 517, 609.

печатью для последнего санного пути, что де вести ему к Москве было немочно – дорогою едучи подмочит». Эти 6 кип бумаги вологодский воевода Иван Волконский «по последнему санному пути послал в Москву с розсыльщиком с Ивашком Михайловым»⁴⁵.

В 1676 г. великолукский рассыльщик Кирилл Хрептов был послан в Москву для отдачи государевой казны – 102 руб. 22 алт. 2 ден., недобранных в 1625 г. с торговых людей таможенных пошлин⁴⁶. Обычно же с государевой казной посылались не только рассыльщики, но и посадские таможенные и кабацкие целовальники и стрельцы для береженья ее от разбойников. Так, в 1686 г. волоколамский воевода Матвей Юровский «стрелецких денег на 194 (1686) г. 42 руб. 13 алт. 2 ден. выслал в Москве с посадскими людьми с Венькою Селезевым да с Ивашкою Киселевым да с провожатым с розсыльщиком Ивашкою Тимофеевым»⁴⁷. Как видим, здесь в «росылке» рассыльщик выступает только в качестве провожатого везущих в Москву государеву денежную казну.

Рассыльщикам, посланным в Москву для доставки государевых грузов, казны и колодников, в соответствующих приказах выдавались отписки для воевод в получении присланного и подорожные грамоты для предоставления им ямских подвод для следования в свои города, за исключением тех случаев, когда они пешком приводили в Москву колодников. Являясь представителями низшего административного звена местного правительственного учреждения съезжей (приказной) избы, рассыльщики были, конечно, необходимой опорой для воевод в их многотрудной управленческой, общественно-политической, финансово-хозяйственной и военной деятельности. В судебной деятельности, как мы уже отмечали, воевода опирался на приставов.

Кроме перечисленных поручений воевод и присланных из Москвы приказных людей: сыщиков, писцов, закупщиков товаров для царского обихода и других, рассыльщики по наставлениям воевод, оповещали («доводили») о противоправных действиях горожан и уездных крестьян.

Например, 6 апреля 1616 г. рассыльщик г. Лу́ха «Микитка Офонасьев прозвище Лиса пришел к воеводе и сказал, что посадский человек Митька Васильев сын Оголихин являл многим людям на кабаке, что крестьянин стольника князя Семена Куракина Милятка Олексеев

⁴⁵ Там же. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Ед. хр. 115. Л. 176, 233.

⁴⁶ Там же. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Ед. хр. 1187. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Ф. 159. Оп. 6. Ед. хр. 421. Л. 39.

сын, кузнец говорил про государя неподобное слово»⁴⁸. Интересно, что рассыльщик передал воеводе речи человека, услышавшего «неподобное слово» о государе из уст уездного крестьянина и в этом случае воевода должен был начать политическое дело – допросы фигуранта и свидетелей, оповещение об этом Москвы и ждать оттуда указаний. Однако, о развитии этого дела у нас сведений нет. В 1619 г. белозерский рассыльщик «Первунька Киприянов прозвище Бес бил челом на рыбных просолов на Овдокимка Левонтьева сына Зинина и на Микиту Петрова сына Огваздина в медных (фальшивых) деньгах», которыми они расплачивались с рыбными ловцами за купленную у них рыбу для соления⁴⁹. По «извету» рассыльщика воевода начал разбирательство, в ходе которого выяснилось, что брат одного из просолов был серебряником и мог быть замешан в изготовлении фальшивых денег, но чем дело закончилось неясно, так как оно без конца.

Рассыльщики, как и другие приборные служилые люди: стрельцы, пушкари, воротники и т.д., чтобы прокормить свои семейства, занимались различными промыслами: хлебопашеством, торговлей и мелким предпринимательством. Так, у белозерского рассыльщика Иева Кондратьева сына Панкова «по росписи 1645 г. сборщика подьячего Федора Приклонского на Белоозере на посаде за городом на площади объявился вновь анбаришко в Рыбном ряду», который был обложен оброком в 10 ден. (1 алт. 4 ден.)⁵⁰. Через 10 лет в 1655 г. оброк с этого «анбаришка» составлял уже 4 алт.⁵¹. У этого же рассыльщика в 1645 г. в Мясном ряду также отмечен «анбаришко» (оброк 10 ден.)⁵². Как видим, рассыльщик в своих оброчных амбарах разделявал и продавал рыбу и мясо, т.е. «рыбничал и мясничал».

В Кашире по переписной книге оброчных статей 1696 г. у каширского рассыльщика Алексея Селинова отмечена в Хлебном ряду лавка размером 2 саж. в длину и 1 саж. в поперечнике, а у лавки – передняя скамья, лавкой «владеет з братею после отца своего лет с шесть, а отец его владел по писцовой книге, оброк с лавки 3 алт. 2 ден.», «в зборной книге полуголовы московских стрельцов Ивана Грибоедова 178 (1670) г. написано: «с клетки Сеньки рассыльщика 3 алт. 2 ден., а скамья в Калачном ряду дворницы Федоса Косикина Любки Ждановой дочери, оброк 8 ден.». После переоброчки в 1696 г.

⁴⁸ Там же. Ф. 210. Ед. хр. 2. Л. 143.

⁴⁹ Там же. Ф. 396. Столбцы Оружейной палаты. Ед. хр. 39865. Л. 9–12.

⁵⁰ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Кн.13. Л. 155. Галич.

⁵¹ Там же. Кн. 3. Л. 209. Галич.

⁵² Там же. Кн. 13. Л. 155. Галич.

рассыльщику было предписано выплачивать с лавки и скамьи оброку 5 алт. 4 ден.⁵³. Обращает на себя внимание, что лавка перешла к рассыльщику по наследству после его отца, который, очевидно, купил и скамью в этом же ряду. Эти каширские рассыльщики – отец и сыновья занимались хлебным промыслом – выпекали на продажу хлеб, калачи, пироги и т.д., т.е. были мелкими товаропроизводителями. В лавке и за скамьей сидели их домочадцы, поскольку они сами находились на государственной службе в съезжей избе, разъезжая по посылкам воевод и приказных людей.

О мелком предпринимательстве рассыльщиков, выражающемся в держании некоторых откупных статей, имеются данные по Курску и Соли Галицкой. Например, «в Курску на реке на семи на устье речки Москвы от города 5 верст перевоз по государственной грамоте воевода Семен Жеребцов отдал в откуп на 128 (1620) г. впервые курскому рассыльщику Дорофейку Рожкову откупу 2 р.»⁵⁴. На следующий год этот перевоз был уже «в откупу за курским розсылщиком за был уже в откупу за курскими рассыльщиками за Надейком Пономаревым да за Сенькою Лихвинцовым, откупу против 128 г. 2 р. да откупные наддачи 1 р. после сметного списка по дозорным книгам Константина Опухтина да подьячего Федора Кунакова 129 г., итого откупу в 129 г. 3 р.»⁵⁵. В дальнейшем, в 1629 г. этот перевоз был «в откупу за курскими розсылщиками за Федькою Манюковым с товарищи за 10 человеки, а откупу на них 137 (1629) г. против 136 (1628) г. 3 р.»⁵⁶.

Как видим, откуп речного перевоза могли держать по 1–2 чел. рассыльщика, так и по 10 рассыльщиков, т.е. всей корпорацией курских рассыльщиков. Небольшая годовая сумма откупа (3 руб.) легко ими уплачивалась (всего по 60 ден. на человека), зато их монопольное право на оказание услуг по перевозу через реку людей и грузов позволяло им сверхоткупные деньги распределять между собой. Кроме того, как это обычно практиковалось у откупщиков, они, конечно, допускали кое-какие финансовые злоупотребления. Возможно, они сами по очереди обслуживали переправу или нанимали для этого переправщиков и гребцов со стороны.

В 1639 г. в Соли Галицкой «на посаде сусло и квас и брага бесхмельная в откупу за рассыльщиком за Микифорком Масловым, а откупу на нем взято на 147 (1639) г. против прошлого 146 (1638) г. 7

⁵³ Там же. Кн. 2. Л. 720 об.–721. Коломна.

⁵⁴ Там же. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 77. Л. 7.

⁵⁵ Там же. Кн. 276. Л. 10.

⁵⁶ Там же. Кн. 89. Л. 45 об.

р. 20 алт. 3 ден.»⁵⁷. Возможно, что и в 1638 г. этот откуп был за ним же. Он же держал этот откуп и в 1640 г. за ту же сумму⁵⁸. Здесь перед нами случай, когда местный рассыльщик занимался сусленным, квасным и бражным бесхмельным промыслом и через откуп на несколько лет монополизировал производство и продажу в своем городе компонентов бесхмельных напитков и кваса. Как известно, изготовление и продажа хмельных напитков: браги, пива, меда и вина частным лицам не разрешалась, так как для этого были государевы кабаки.

Из всего сказанного можно заключить, что воеводские рассыльщики в XVII в., как и другие приборные служилые люди, кроме своей прямой службы занимались различными промыслами и мелким предпринимательством [4].

Таким образом, изучив деятельность рассыльщиков XVII в. при городских съезжих (приказных) избах, можно отметить, что их служба была необходимой для выполнения воеводами их разнообразных управленческих функций на местах и распоряжений из московских центральных приказов. Рассыльщики представляли низшее звено административного аппарата приказных изб, но выполняя поручения воевод, были им ощутимой опорой. Без них не могли обходиться и присланные из Москвы приказные люди и правительственные агенты, выполняющие на местах общегосударственные мероприятия. При недостатке рассыльщиков при съезжих избах их службу выполняли молодые подьячие изб, стрельцы, площадные подьячие и посадские люди.

Потомственные рассыльщики за свою службу получали государевы пожалования – индивидуальные земельные дачи, а давно служащие и вновь прибранные – общие коллективные земельные наделы, которые они делили между собой на пахотные участки.

Специфической чертой их службы было то, что они не получали стабильного определенного годового жалованья, а довольствовались лишь оплатой за «хоженное» и «ездовое» незначительными суммами, поскольку в дальние посылки они отправлялись не часто и по очереди. Это ставило их в невыгодное положение по сравнению с другими приборными служилыми людьми и понижало и без того их низкий служебно-должностной статус. Это заставляло их, чтобы прокормить свои семейства, заниматься разными промыслами и мелким предпринимательством.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 7. Л. 158. Галич.

⁵⁸ Там же. Л. 231.

В общем же, рассыльщики XVII в. представляли собой одну из исполнительных структур воеводской власти – местного управленческого органа феодального централизованного государства.

1. *Арсеньев Ю.В.* Из делопроизводства каширских губных старост во второй половине XVII в. М., 1900.
2. *Барсукова А.В.* Торговля Коломны в XVII веке: дисс. ... к.и.н. Коломна, 2001.
3. *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004.
4. *Булгаков М.Б.* Организация мелких откупов в России в первой половине XVII столетия. Тюмень, 1997.
5. *Богданов А.П.* Обыскное дело о смерти царевича Димитрия в Угличе 15 мая 1591 г. // История и палеография. М., 1993.
6. Город Суздаль в 7136-7138 (1628-1630) гг. Список с писцовой книги г. Суздаля. Владимир-на-Клязьме, 1905.
7. Город Хлынов в 1615 г. по дозорной книге князя Ф. Звенигородского. Вятка, 1906.
8. Извлечение из приправочного списка с писцовой книги г. Коломны 1577/78 гг. писцов Галицкой четверти Д.П. Житова и Ф. Комынина (1618 г.?) // Города России XVI века: материалы писцовых описаний / Отв. ред. М.Я. Волков, З.В. Дмитриева. М., 2002.
9. Извлечение из приправочного списка с писцовой книги г. Тулы и Тульского уезда окольного И.А. Жеребцова и Т.И. Хлопова, дьяка И. Мешаева и подьячих К. Приклонского и Ф. Колюпанова 1587/88 – 1588/89 гг. // Города России XVI века: материалы писцовых описаний / Отв. ред. М.Я. Волков, З.В. Дмитриева. М., 2002.
10. История форм труда в Русском государстве первой половины XVII века: материалы по истории ремесленного труда и форм найма на посадах Русского государства: Документы по г. Москве / Сост. А.Н. Сперанский, Н.В. Устюгов, В.И. Шунков; Подгот. к изд. Н.Ф. Демидовой. М., 1989.
11. *Кистерев С.Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII в. М., 2003.
12. Переписная книга Вологды 1646 г. // Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. В 2-х тт. Т. I. / Подг. к изд. И.В. Пугач (отв. ред.), М.С. Черкасова. М., 2008.
13. Переписная книга Вологды 1678 г. // Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. В 2-х тт. Т. I. / Подг. к изд. И.В. Пугач (отв. ред.), М.С. Черкасова. М., 2008.

**О перспективах сопоставительного анализа сведений
писцовых книг и десятен 20-30-х гг. XVII в.²**

Писцовые книги; десятины; землевладение; военно-служилые корпорации; служилый «город»; Воронежский уезд.

В статье рассматривается научный потенциал сопоставительного анализа данных писцовых книг первого валового письма и десятен 20-30-х гг. XVII в. Цель работы: показать возможности комплексного анализа источников для исследования глубинных взаимосвязей службы и землевладения.

В начале XVII в. многообразные социальные группы русского общества постепенно консолидировались в сословия [13, с. 33]. Сформировалось военно-служилое сословие, бытие которого определялось двумя категориями – землей и службой. Применительно к первой половине столетия, реальная служба отразилась в десятинях как основном виде военно-учетной документации, фактическое землевладение – в писцовых книгах первого валового описания земель, приведшего к созданию общерусского земельного кадастра. Впервые на связь десятен и писцовых книг обратил внимание В.Н. Сторожев, отмечая, что «десятина констатирует обязанность записанного в нее к личной военной службе и право этого лица на известный поместный и вотчинный оклад, писцовая книга осуществляет это право, закрепляя за ним известную поместную или вотчинную дачу» [12, с. 66].

Изучение двух групп источников долгое время шло параллельно, вследствие чего в отечественной историографии сложились две самостоятельные источниковедческие традиции, занимавшиеся изучением десятен и писцовых книг по отдельности. Современное состояние историографии десятен нашло отражение в работах В.Н. Козлякова, Т.А. Лаптевой, П.В. Чеченкова [5; 6; 16]. Итоги изучения писцовых книг первого валового письма были подведены Л.В. Миловым [8, с. 6-55]. Несмотря на сложное источниковедение, сведения писцовых книг на сегодняшний день чрезвычайно востребованы исследователями [3; 10; 14; 15; 18]. Тем не менее, попытки сопоставления сведений

¹ Камараули Елена Владимировна, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), к.и.н., kamarauli@bk.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ в Воронежском государственном университете, проект № 16-01-00058а.

писцовых книг с данными десятиен были предприняты только в отношении нижегородской служилой корпорации 20-х гг. XVII в. [17]. Вместе с тем, знаток служилого «города» первой половины XVII столетия, В.Н. Козляков, говоря о перспективах изучения десятиен, настаивал на необходимости их комплексного исследования вместе с другими документами [5, с. 86].

В настоящем исследовании комплексный подход к изучению данных десятиен и писцовой книги апробирован на материалах Воронежского уезда, относящихся к 20-30-м гг. XVII в. Ценно то, что в этот период на территории уезда, с его обширными массивами «дикого поля», служилое землевладение динамично развивалось, в то время как в центральных уездах старинного освоения землевладение приобрело более статичные формы [4; 14; 15]. Поскольку в первой трети XVII в. территории, окружавшие Воронеж, представляли собой опасное пограничье, подвергавшееся татарским набегам из степи, большинство населения уезда составляли служилые люди [2, с. 25]. На южной окраине, где шла беспрестанная борьба с татарами, сложился специфический военизированный быт населения, и наиболее отчетливо проявился военно-служилый характер Московского государства [7].

Воронежский уезд был описан в период масштабных работ по составлению общероссийского земельного кадастра. Писцовая книга Воронежского уезда писца Романа Киреевского и подьячего Леонтия Недовескова сохранилась в подлиннике³, что весьма значимо, так как позднейшее копирование неизбежно деформировало бы текст, исказив имена собственные и внося разнообразные неточности. Описание уезда происходило в течение 1627/28, 1628/29, 1629/30 гг.

Относительно учетно-служебной документации, по Воронежскому уезду сохранились данные трех десятиен. Десятни были опубликованы в конце XIX в. В.Н. Сторожевым [11, с. 77-110]. Добросовестность археографа, его скрупулезный подход к изданию источников predeterminedли доверие современных исследователей к публикациям Сторожева. Тем не менее, в публикации имеются некоторые погрешности в написании имен собственных. Большинство подобных искажений выявляется и корректируется при сопоставлении с данными писцовой книги 1627–1629 гг. и, в случае необходимости, при соотнесении с персоналиями переписной книги 1646 г. [9].

Наиболее информативна разборная десятня 1621/22 г. воеводы Б.И. Нащокина, которая описывает все служилое население Воронеж-

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Ч. 1–2. Л. 1–1104.

ского уезда. Особенность десятины в том, что помимо дворян и детей боярских в ней учтены другие служилые группы: беломестные и слободские атаманы, поместные казаки и их командиры – атаманы и есаулы. Указанная десятина была утрачена в ходе московского пожара 1626 г., восстановлена в Воронеже по черновикам и спискам служилых людей, сохранившимся за 1621/22–1625/26 гг., и доставлена в Разряд в мае 1627 г. Исследовательская традиция, заложенная В.Н. Сторожевым, датирует документ как десятню 1622 г. [11].

От разборов, проводившихся в Воронеже в связи с подготовкой и началом Смоленской войны, сохранилась верстальная десятина 1632 г. воеводы М.Т. Измайлова. Позднее, в 1635/36–1638 г. верстанием новиков занимался воевода С.И. Козловский⁴, по итогам верстания была составлена десятина 1638 г. Сведения верстальных десятен соотносятся с десятиной 1622 г., но необходимо отметить также пересечение персоналий и возможность некоторого сопоставления данных верстальных десятен 1630-х гг. и писцовой книги.

Для наших целей важно проанализировать, насколько сопоставимы сведения разборной десятины 1622 г. и писцовой книги 1627-1629 гг. Несмотря на хронологическую асинхронность, источники близки по времени возникновения. Сведя данные по персоналиям мужского пола двух источников, получим совпадение на уровне 76 %. (таблица 1).

Таблица 1

Сводные данные по персоналиям мужского пола из десятины 1622 г. и писцовой книги 1627-1629 гг.

Десятня 1622 г.			Писцовая книга 1627 – 1629 гг.		
Всего лиц мужского пола	Из них в писцовой книге	Не упоминаются в писцовой книге	Всего лиц мужского пола	Из них в десятне 1622 г.	Не упоминаются в десятне 1622 г.
626 чел.	473 чел.	153 чел.	635 чел.	481 чел.	154 чел.
100 %	75,56 %	24,44 %	100 %	75,75 %	24,25 %

Таким образом, возможности для сопоставительного анализа десятины и писцовой книги достаточно высоки. Логически объяснимо отсутствие в писцовой книге лиц, зафиксированных в десятне, и наоборот. Упомянем некоторые возможные объяснения. Некоторые

⁴ Даты воеводства Б.И. Нащокина, М.Т. Измайлова, С.И. Козловского см.: [1, с. 51].

лица, внесенные в десятню 1622 г., погибли, на что есть прямые указания – в писцовой книге находим их вдов, осиротевших сыновей и дочерей. Иные обстоятельства, приведшие к исчезновению персоналий, – татарский плен, перевод на новое место службы, причем последнее справедливо, скорее для атаманской и казачьей части служилого населения. В свою очередь, лица, упомянутые в писцовой книге как землевладельцы, не вошли в десятню, так как на момент ее составления, видимо, были отставлены от службы по причине болезней, увечий и старости. При этом службу с таких поместий несли их взрослые сыновья. Кроме того, в писцовой книге были зафиксированы малолетние братья детей боярских, по каким-то причинам не попавшие в списки недорослей, а также младенцы, родившиеся после составления десяти 1622 г.

Сопоставление военно-служебных сведений десятен и данных писцовых книг, как земельных и налоговых кадастров, открывает широкие перспективы перед исследователями. Выделим некоторые из возможных направлений научных изысканий.

1. Превращение служилого человека в землевладельца.

Основные вехи жизни служилого человека, сына боярского, общеизвестны. Недоросль превращается в новика, новик превращается в воина и землевладельца. Десятни позволяют увидеть служебные этапы этого пути. Фиксируя процедуру верстания и размеры поместного и денежного оклада, десятни выполняли функцию социального маркирования. Верстание вводило новика в состав военно-служилой корпорации, а разница в окладах задавала некоторую иерархию внутри массы провинциальных детей боярских. Но, изучая десятни, невозможно увидеть, как воин превращается в землевладельца.

Благодаря сведениям писцовых книг существовавшая на бумаге отвлеченная цифра – сумма четвертей поместного оклада, наполняется реальным содержанием – землей в виде «пашни паханой», переделов и диких полей, угодьями в виде сенокосов, лесов и рек. Данные писцовой книги страдают тем недостатком, что они статичны. Отчасти этот недостаток нивелируется привлечением других групп источников, в частности, отказных книг.

2. География размещения, состав землевладения, качество земель.

Кроме размера поместного оклада десятня дает еще одну голую цифру – размер поместной «дачи». В эту цифру совокупно заключены все имеющиеся у сына боярского владения, с которых он поднимается на службу.

Писцовая книга раскрывает географию размещения и состав землевладения, отвечая на вопросы: индивидуальное или коллективное это владение, из скольких жеребьев состоит, где именно размещены дачи, населена эта местность или пустует, дает приблизительные сведения о качестве земель на уровне: «добрая», «средняя», «худая». Тем самым постепенно раскрываются реальные условия хозяйствования сына боярского.

3. Населенность поместья.

Десятня 1622 г. не дает сведений о дворах, как владельческих, так и тяглых, и холопных. Реальная ценность поместья, определяемая его населенностью, скрыта, вследствие чего не объяснима разница в способности детей боярских снарядиться на службу. Сближаясь в размерах оклада и «дачи», дети боярские сильно разнятся в доходах и достатке, как это видно из снаряжения и вооружения.

Выполняя функцию налогового документа, писцовая книга, напротив, содержит сведения о дворах владельческих, крестьянских и бобыльских, данные о холопьем населении помещицкой усадьбы. Иными словами, сведения писцовой книги раскрывают трудовые ресурсы и потенциальную доходность поместной «дачи».

4. Кровнородственные связи, семейные обстоятельства сына боярского.

Материалы десятен дают ценную информацию о преемственности службы в нескольких поколениях детей боярских. В одном источнике перед нами несколько поколений воинов, состоявшихся и будущих: отцы, их служилые сыновья, новики и недоросли. Все они служат или будут служить с земли, с отцовских, братниных и своих собственных поместий.

Реальное землевладение складывалось сложнее, чем прямая преемственность имения по мужской линии. В писцовой книге мы видим, что с той «дачи», с которой сын боярский поднимался на службу, кормились его мать, младшие братья и сестры, собиралось приданое и т. п. Вместе с тем, сын боярский стремился обзавестись собственным имением, подыскивая любые свободные земли. В результате, внутри «дачи» сына боярского сложно переплетались индивидуальные и семейно-коллективные владения.

Таким образом, сопоставительный анализ сведений десятен и писцовых книг вскрывает глубинные и разнородные взаимосвязи службы и землевладения, обеспечивает системный подход к изучению дворянского сословия, позволяя оценить в полной мере хозяйствование, бытовые и семейные обстоятельства служилого человека.

1. Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.
2. Глазьев В.Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI–XVII веков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1.
3. Дмитриева З.В. К вопросу о появлении новой налоговой единицы в Русском государстве – «живущей чети» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1.
4. Камараули Е.В. Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М.; Уфа, 2016.
5. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII в.: (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
6. Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010.
7. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVII в. // Вестник Тамбовского университета. 2015. Т. 20. Вып. 10.
8. Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986.
9. Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж, 1998.
10. Степанова Л.Г. Почвы Валдая по материалам первых русских земельных кадастров // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1.
11. Сторожев В.Н. Воронежское дворянство по десятиям XVII века // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж, 1894.
12. Сторожев В.Н. Опись десятиен XVI – XVII веков. Предисловие // Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 7. М., 1890.
13. Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
14. Хитров Д.А. К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2004. № 1.
15. Черненко Д.А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда, 2008.
16. Чеченков П.В. Десятни как источник изучения нижегородского служилого «города» // <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=3103>.
17. Чеченков П.В. Нижегородский служилый «город» в 20-х гг. XVII в.: обеспеченность землей и рабочими руками // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3.
18. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012.

Элита нижегородской служилой корпорации накануне Смоленской войны

Московское государство; дворяне и дети боярские; военно-служилые корпорации; служилый «город»; землевладение; Нижний Новгород.

Работа посвящена анализу персонального состава и положения лучшей части нижегородского служилого «города» по данным разборных списков 1630-х гг. в сравнении с информацией более ранних документов схожего характера.

На прошлых «Миловских чтениях» мы уже обращались к разборным спискам служилых людей по Нижнему Новгороду 1630 г. Мероприятие, в результате которого появились интересующие нас документы, стало звеном в подготовке к Смоленской войне 1632–1634 гг. Разбор содержал в себе две новые для Нижнего Новгорода процедуры. Во-первых, он проводился в разное время по «половинам», которыми служили дворяне и дети боярские в полках. Во-вторых, «город» был переведен на новый порядок учета – по статьям. Списки «первой» и «второй» половины по Нижнему Новгороду сохранились отдельно друг от друга. Причем у первого из документов отсутствует начальная часть с первой статьей и частью второй². С привлечением ряда других источников нами была проведена реконструкция утраченного фрагмента [1].

Проанализируем в этой работе трансформации, происходившие с «верхушкой» служилого сообщества. Два высших чина увеличились как абсолютно, так и в процентном отношении. В 1622 г. выборные дворяне и дворовые дети боярские были представлены 13 и 14 персонами соответственно. К 1630 г. число представителей каждого чина увеличилось на десяток, чего не наблюдалось в предыдущие десятилетия. Анализировать размеры поместного и денежного оклада мы можем лишь на материале второй половины «города». Размеры поместных окладов в целом не претерпели серьезных изменений. В 1622 г. у дворовых они начинались с 300, у выбора – с 400 четей. Потолок был 800. К 1630 г. оклад Г.В. Жедринского, возглавлявшего

¹ Чеченков Павел Валерьевич, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (РФ, Нижний Новгород), к.и.н., chechenkoff@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 1117. Л 1–26; Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 7. Л 1–52.

выбор второй половины, достиг 850 четей, а среди дворовых окладов в 700, 750 и 800 четей уже не было, максимум – 650. Почти все сохранившиеся в выборе с 1622 г., увеличили свои поместные оклады на 50–150 четей. А вот те, кто перешел в выбор из дворовых, или в дворовые из городских в основном сохранили прежние оклады. Размеры жалования изменились минимально. Таким образом, старый состав выбора укрепил свое положение, но это не означало само по себе улучшения материального, так как оклад все более отрывался от «дачи» и становился показателем статуса. С другой стороны, весьма характерно почти полное замораживание денежных окладов.

Расширение состава высших чинов привело к своеобразному снижению статусности городских детей боярских. В 1622 г. у 28 городских оклад превышал 350 четей. Встречались оклады в 600, 700 и даже 900 четей. В 1630 г. таковых было всего 11. Совсем большой оклад в 700 четей, мы можем ожидать только у П.Р. Матюнина, который, судя по нашей реконструкции, возглавлял городских первой половины. В результате, если в 1607 г. средний оклад представителей этого чина был 242 чети, а в 1618 г. – 250, в 1622 г. – 289, то в 1630 г. – 219. Соответственно, и размер жалования в персональном измерении изменился не сильно, но в 1630 г. среди городских таких денежных окладов, как 15, 19, 20, 25, 27 рублей, уже не встречается.

Еще одним признаком особого положения внутри уездной корпорации являлось получение жалование не с «городом», а из «чети» (четвертного приказа). На протяжении первой четверти XVII в. число четвертчиков увеличивалось за счет выборных, дворовых и верхушки городских. В 1622 г. почти все представители высших чинов обладали этой привилегией. Причем получение чина дворового сына боярского почти автоматически приводило к получению данной привилегии. В 1630 г. мы наблюдаем совсем иную ситуацию. Количество четвертчиков сократилось, как минимум на десяток (с 53 в 1622 г. до минимум 37). Исходя из анализа второй половины, можно сделать вывод, что после 1622 г. соответствующее поощрение перестало применяться. Получение жалования из чети сохранялось лишь за теми, у кого оно было по десятне 1622 г. В результате, если выборные второй половины остались четвертчиками (поскольку рекрутировались из дворовых и городских четвертчиков), то из 14 дворовых четвертное жалование получали лишь пятеро (еще про двоих окладчики не помнят), а из городских только четверо.

Столь же стабильным, по-видимому, остался состав окладчиков. Доподлинно он нам не известен. Начало списка, зафиксировавшего

первый разбор, утрачено, а в списке второго разбора окладчики не указаны. Однако в несохранившейся десятне 1630 г., составленной на основе данных списков, судя по имеющемуся алфавиту, в начале текста имелся концентрированный список фамилий, напоминающий перечень окладчиков. Все фамилии хорошо соотносятся с представителями верхушки первой половины «города». Это П.С. Арбузов, Н.Ф. Доможиров, И.С. Змеев, П.Р. Матюнин, Т.П. Нармацкий, С.В. Онучин, В.Ф. Приклонский, М.Н. Рокотов, А.П. Суровцев. Их объединяет то, что все они представляют первую статью. За единственным исключением все они выборные дворяне (П.Р. Матюнин – городской) и все до одного были окладчиками еще в 1622 г. Не имея текста источника сложно сказать, почему мы имеем дело только с фамилиями окладчиков первой половины, хотя раздача жалования проводилась для всего «города». Вряд ли девятью лицами исчерпывалась коллегия окладчиков. Даже в 1607 г. она насчитывала 10 человек, а позднее их количество росло до 23 в 1622 г. Трудно поверить в столь резкое сокращение. Потенциальными окладчиками из второй половины можно считать тех, кто выполнял соответствующие функции в 1622 г. Таковых мы находим почти столько же, сколько и в первой половине, а именно 8 человек: И.В. Аникеев, Н.К. Бородин, А.Д. и Г.В. Жедринские, И.Х. Злобин, Т.Р. Матюнин, Ф.С. Мостинин, В.И. Руженинов. Все зачислены в первую статью (Бородин и Руженинов – дворовые, Матюнин – городской, остальные из выбора).

Значение первостепенных родов начала века (Доможировы, Жедринские, Приклонские, Соловцовы, князя Болховские, Болтины и Онучины) продолжало снижаться. Количественно в состав «выбора» в 1630 г. они дали больше представителей, чем ранее (1607 и 1818 гг. – по 9 человек, 1622 г. – 7, 1627 г. – 8, 1630 г. – 10), но на фоне двукратного увеличения численности этого чина, первые его обладатели были не так заметны. Симптоматично, что среди дворовых находим лишь одного их представителя (С.Ж. Болтин). Это говорит о том, что по их стопам не шли (или медленно шли) их родственники. Справедливости ради стоит упомянуть, что Приклонские и особенно Жедринские были в числе городских с самыми высокими окладами.

После Смуты на смену Доможировым и Соловцовым на первый план вышли Приклонские, за ними Жедринские. В 1622 г. Приклонские были выше. К 1627 г. Жедринские их отодвинули. На фоне этой конкуренции не удивительно, что первую половину «города» возглавил Василий Федоров сын Приклонский (и, возможно, его брат Осип), а вторую Григорий Владимиров сын и Афанасий Дмитриев сын Жед-

ринские.

Состав выбора был довольно консервативен. Половина сохранили свои позиции с 1622 г. С того времени выбыло лишь двое: Б.М. Приклонский продвинулся в московские чины, причина отсутствия М.И. Алфимова неясна. Из новых выборных четверо относились к указанным фамилиям старой элиты, шестеро к родам, выдвинувшимся по итогам Смуты, чьи позиции были закреплены в десятне 1622 г, двое представляли фамилии, которые ранее не фигурировали в высших городских чинах. К первой группе, возможно, относился О.Ф. Приклонский, который в 1622 г. был в дворовых, а также Н.Ф. Доможиров из городских четвертчиков, А.М. Соловцов из новиков, П.И. Онучин, ранее в десятнях не встречавшийся. Последний, судя по Писцовой книге Нижегородского уезда 1622 г., числился тогда в казанских жильцах. Как и многие нижегородцы, улучшившие свои служебные позиции в годы Смуты, он был пожалован частью поместной земли в вотчину «за московское осадное сидение в королевичев приход».

Представители второй группы в 1622 г. все числились в дворовых и выше на тот момент пробиться не могли. Из них четверо (П.С. Арбузов, И.В. Аникеев, И.Х. Злобин, А.М. Беликов) из родов, служивших по Нижнему как минимум с середины XVI в., крепко здесь обосновавшихся, двое из небольших семей, чья служба здесь началась в начале XVII в. (А.П. Суворцев, Ф.С. Мостинин).

К третьей группе относятся И.З. Есин и И.Г. Веревкин. Первый в 1622 г. был городским четвертчиком. Видимо какие-то особые заслуги позволили ему перескочить чин дворового или, по крайней мере, пройти его очень быстро. Веревкины в Нижегородском уезде известны с конца XVI в., но все они – казанские жильцы, в том числе Григорий Пававлов, получивший часть своего поместья в вотчину за «службу царя Василия Ивановича за казанскую и свияжскую». Иван Григорьев, видимо, его сын, первый из этого рода стал служить по Нижнему Новгороду и сразу попал в дворовые.

Таким образом, пополнение выбора происходило в основном за счет дворовых и представителей фамилий уже основательно закрепившихся в высших чинах.

Иная ситуация сложилась с формированием состава дворовых детей боярских. Из прежнего става не находим Т.Е. Жедринского и И.П. Козлова, 8 (или 9) человек продвинулись в выбор. Лишь четверо остались дворовыми: В.И. Рушенинов, Б.Г. Теряев, А.Ф. Бартнев, Т.Г. Борисов. Удивляет, что не получил следующего чина Руженинов.

Он еще с 1618 г. числился дворовым и окладчиком. Новых дворовых также можно объединить в несколько групп.

Первая: родственники выборных. А.В. Аникеев в 1622 г. принадлежал к среднему составу городских (оклад 350 четей), но его брат Иван был дворовым. К 1630 г. Иван получил высший городской чин, а его место среди дворовых как бы занял Андрей. Также городскими в 1622 г. были И.Ф. и К.С. Карамзины (450 и 350 четей соответственно), а брат К.С. Карамзина Дмитрий – дворовым. В боярской книге 1627 г. Дмитрий – уже выборный. В 1630 г. он в отставке или его уже не было в живых, а два родственника стали дворовыми. Также на смену отставленному выборному Ж.П. Болтину пришел бывший новик его сын Семен.

Вторая группа: представители верхушки городских (в основном из первых двух десятков) с высокими окладами, получавшие жалование из четверти. Именно они вместе со старыми кадрами заняли верхние позиции списка, а не родственники выборных (поскольку оклады, как было отмечено, выше почти не изменились). С.М. Русинов – в 1622 г. четвертый в списке городских (550 четей). Этот род в Нижнем Новгороде был не многочисленным: брат Василий и трое его детей. В 1607 г. еще служил их отец Михаил Иванов (400 четей). В алфавитах к несохранившимся десятням эта фамилия фигурирует, начиная с самого раннего – алфавита к десятне 1581 г. Русинов там зафиксирован один. Следовательно, им был Михаил.

Братья П.Б. и А.Б. Омачкины в 1622 г. занимали пятую и двенадцатую позиции среди городских (550 и 450 четей соответственно). Кроме них служили еще пятеро Омачкиных. В алфавитах фамилия с 1581 г. (три человека).

Н.К. Бородин в 1630 г. был единственным носителем фамилии. В 1622 г. он одиннадцатый в списке городских детей боярских (450 четей). К этому времени умер его брат Борис, а к 1613 г. – отец Казарин Кузьмин, также служившие по Нижнему Новгороду. У отца был в 1607 г. высокий для городского того времени оклад 450 четей. Казарин участвовал в походе на Астрахань и Терки с Ф.И. Шереметевым. Дед Никиты – «нижегородец» Кузьма Семенов сын погиб в битве на Молодах 1571 г.

Из реконструированной части документа к этой группе относятся четверо (к первым двум – никого). С.В. и И.В. Каиравы в 1622 г. занимали шестую и семнадцатую позиции (550 и 450 четей). В 1630 г. в городских с ними служили братья, а в новиках сын И.В. Каирева. Братья служили «по Яранскому» (городу). В 1607 г. городским сыном

боярским с окладом 400 четей по Нижнему Новгороду служил их отец Ислам (Василий). Василий и Иван Исламовы дети участвовали в походе на Астрахань и Терки.

С.И. Княжегорский в 1622 г. был восьмым (500 четей). С ним служил его брат И.И. Княжегорский (350 четей). Старший, несмотря на высокий оклад, был беспоместен. Его обеспечивали мать и брат. При этом он исполнял обязанности стрелецкого сотника в Нижнем Новгороде, а в 1613 г. представлял Нижний Новгород на земском соборе. В алфавитах фамилия с 1581 г. (две персоны). В битве на Молодях погиб Семейка Ширяев Княжгорский.

Б.Л. Костливцов в конце второго – третьем десятилетии XVII в. служил с двоюродными братьями Н.Г. и П.Г. Костливцовыми. В это время он был новиком. В это время в походе на Терки участвовал его дядя городской Гаврила Иевлев сын, а также городской Иван Григорьев сын. Служба другого дяди Льва, а также отца – Лаврентия Иевлевых детей по Нижнему Новгороду зафиксирована документами 1580-90-х гг. Писцовые материалы упоминают и других Костливцовых в Ниже-городском уезде.

Как видим, представителей этой группы объединяет не только то, что в 1622 г. все они были городскими четвертьчиками, но и то, что в уезде они известны с конца XVI в.

Третья группа: городские, получавшие жалование «с городом» и не занимавшие высоких позиций, но их роды более многочисленны и известны с середины XVI в. Это М.П. Колбецкий, А.И., Л.И, Л.Ф. Скрыпеевы. Писцовая книга 1622 г. упоминает чуть более полутора десятков Колбецких и чуть менее Скрыпеевых (включая детей и женщин). Самые ранние найденные данные об этих фамилиях в уезде восходят к 50-м гг. XVI в. В 1550 г. С.Т. Колбецкий был нижегородским ключником, неизвестный по имени Колбецкий и И.Д. Скрыпеев погибли в 1552 г. в «Казанское взятие».

Четвертая группа: выходцы из городских детей боярских без каких либо заметных отличий. У них не было ни высоких позиций, ни влиятельной и многочисленной родни: А.Ф. Крашов, Ф.Л. Дьяковский, А.А. Темецкий, С.Р. Бурцев Все они из реконструированной не сохранившейся части. Это рождает сомнения в их принадлежности к дворовым (но чем еще объяснить их нахождение в начальной части десяти?).

Таким образом, список дворовых значительно обновился. Он стал менее элитарным, более демократичным и доступным для старых нижегородских родов, известных еще по материалам XVI в. Коренные

нижегородцы стали активнее проникать как в состав выбора (Аникеевы, Арбузовы), так и дворовых (Бородины, Каиревы, Княжгорские, Колбецкие, Скрыпеевы), что ранее представляло серьезные затруднения.

1. Чеченков П.В. Об опыте изучения разборных списков по Нижнему Новгороду 1630 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.

УДК 94(47).04

Э.Л. Дубман¹

Служилые люди Южного Средневожья и восстание под предводительством С.Т. Разина

Служилые люди по прибору; служилые татары, чуваша, мордва; Разинщина; посадские и крестьяне; Южное Средневожье; Симбирск.

В статье рассмотрены особенности массового участия служилых людей Симбирской, Карсунской и других засечных черт в событиях начального этапа Разинщины (сентябрь – начало октября 1670 г.) на территории Южного Средневожья.

Интерес историков к событиям Разинщины сохраняется вплоть до настоящего времени. Особенности противостояния повстанцев и правительственных войск осенью 1670 – зимой 1671 гг. неоднократно рассматривались, как в целом по всему пространству Юго-Востока, так и его отдельным местностям. И все же ряд важных моментов этого уникального по размаху и охвату территории движения остаются слабо изученными. В частности, несмотря на постоянные упоминания о массовом участии в восстании приборных людей, специально данная тема не исследовалась. И это при том, что в пограничье Юго-Востока и Юга, по словам П.П. Смирнова: «...со второй четверти XVII столетия... были созданы громадные резервуары, которые необходимо было быстро заполнить ратными людьми, и которые заполнялись путем принудительных переводов служилых людей и крестьян, обращавшихся в казаков, а также приборами на службу всякого рода... гулящих людей» [10, с. 164-165].

Возникает вопрос, действительно ли приборные люди являлись

¹ Дубман Эдуард Лейбович, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (РФ, Самара), д.и.н., dubmane@mail.ru.

основным военным населением рассматриваемого региона и как они себя проявили в событиях Разинщины на его территории. В нее к началу 1670-х гг. входила протянувшаяся почти на 500 км от Волги на запад полоса лесостепи шириной до 100 и более км. Южную границу ее составляла, построенная в середине XVII в. система засечных черт от Симбирска (к ним можно добавить и Закамскую линию в Заволжье) до Темникова; северную – сложившаяся еще в последние десятилетия XVI в. совокупность укреплений, протянувшаяся от Тетюшей к Алатырю и Темникову. Для правительства особое значение в этом пограничье имела его восточная часть, входившая в Симбирский и Саранский уезды (условно Южное Средневожье). Данные источников подтверждают вывод Я.Е. Водарского, что именно Симбирский, Казанский и Саранский уезды резко выделялись по численности своих военных контингентов – соответственно 4944, 4435 и 3479 чел. – среди других уездов Юга и Юго-Востока [1, с. 106-108].

Проведенное нами картирование сети расселения по Симбирскому уезду свидетельствует, что приборные люди были в основном расселены в его южной части, примыкающей к городам, пригородам и острогам Симбирской и Карсунской черт. Центральную часть уезда занимали владения местных помещиков, насчитывавшие по данным 1678 г. 928 дворов (3033 душ м.п.) [9, с. 115]. По этому показателю (и числу дворян и детей боярских) Симбирский уезд был близок к соседнему Саранскому, но значительно превосходил более западные Инсарский, Керенский и другие. Служилый город здесь только начал складываться и не мог служить «своеобразным “цементом”, скрепляющим воедино» все эти территории [5, с. 138].

Отметим, что источники формирования местных приборных людей, их экономическое положение, обеспеченность землей на Юго-Востоке и на Юге России практически совпадали. Размеры землевладения у дворян и детей боярских этих двух регионов также были близки. Однако, в среднем число крепостных на одно поместье в уездах Южного Средневожья было в 1,5-2 раза выше. В отличие от Юга, нам не удалось выявить случаев пополнения служилых людей по отечеству представителями других сословий.

Ясашные и служилые люди автохтонного происхождения расселялись, как правило, на севере уезда, тяготеющем к Тетюшко-Алатырской системе укреплений [3, с. 33-40]. Они составляли весьма многочисленную группу, но попытки реконструкции количества ясашных людей, предпринятые Я.Е. Водарским, вызывают сомнения. По его

подсчетам в Симбирском уезде на 1678 г. насчитывалось 6863 дв.² [1, с. 110].

Посадские общины региона были крайне невелики и вряд ли могли оказать существенное влияние на развитие Разинщины. Подавляющее большинство жителей городов по засечным чертам и к югу от них составляли ратные люди и члены их семей. В Саратове в конце 1670-х гг. насчитывалось на посаде 145 дв. [7, с. 28], а в Самаре – всего 70 [2, с. 287-290]; в Пензе на 1665 г. только 38 дв. (5,9 %) [8, с. 80-89; 13, с. 9-31]. Немногим больше были посады Саранска и Инсара. Только в Симбирске посадская община насчитывала к 1678 г. свыше 500 дв. [9, с. 13, 24]. Из всех пригородов и острогов Симбирского уезда небольшой посад имел только Тагай. Посадские общины в столкновениях с властью выступали, как правило, единым фронтом; их расслоение не очевидно, хотя об этом писал В.М. Соловьев [11, с. 147-148].

Таким образом, численно преобладавшими, боеспособными и занимавшими важные в военном отношении территории региона, первым принявшего на себя удар Разинщины, являлись приборные люди. Возникает вопрос, а как же они повели себя в этих обстоятельствах, насколько организованную и монолитную силу представляли? Тем более, что в пространстве Симбирского уезда в сентябре – начале октября 1770 г. находился эпицентр восстания, под Симбирском стояло войско Разина.

Особую значимость засечных черт и их гарнизонов признавали обе стороны конфликта. 28 августа 1670 г. в наказной памяти из Разряда Ю.А. Долгорукову, посланному с войсками в Алатырь указывалось отправлять для «проведывания» конных ратных людей в Симбирск, Пензу, Саранск и другие города по засечным линиям [6, с. 41]. В начале сентября в отписке в Казанский Дворец Ю.Н. Барятинский так сформулировал свою задачу: «...чтоб Синбирска не потерять и в черту б вора не пропустить» [6, с. 47, 54-55]. Стратегическое значение Симбирской и других черт воевода обозначил так: «Как черту удержим, по прежнему все твое великого государя будет, и Астрахань за тобою великим государем, будет» [6, с. 55].

Разин и его атаманы, на месяц задержавшиеся под Симбирском, также хорошо осознавали значение засечных черт и их гарнизонов. Они должны были стать надежным тылом в дальнейшем продвижении по Волге и важным ресурсом для пополнения повстанческой армии.

Документы сентября – начала октября 1670 г., времени проти-

² ПСЗ. Т. 5. С. 709-710.

востояния под Симбирском, свидетельствуют об особом внимании к распространению мятежа, прежде всего, «по черте»: «...тот вор Стенька Разин по Синбирской черте и в Синбирский уезд разослал памяти, чтоб те синбиреня и иных городов черных людей наговори-вали, чтоб дворян и детей боярских и в городех воевод и подъячих всех переводили и побивали до смерти» [6, с. 62]. Правительство также учитывало такую возможность и пыталось предотвратить ее [6, с. 41]. В грамоте из Разряда от 4 октября так говорилось о других категориях местного населения: «И пришел к Синбирску, и по черте в города и по острогам посылает прельщать вас, всяких чинов людей, злыми своими всякими воровскими прелестями...» [6, с. 110]. Здесь упор делается на обращение к «...р а т н ы м (разрядка наша. – Э.Д.) и жилецким всяких чинов людям» [6, с. 110].

Не будем подробно рассматривать события, происходившие на «чертах» от Симбирска и до Темникова; они достаточно хорошо изучены. Скажем лишь, что приборные люди, их защищавшие, к началу октября в основном перешли на сторону разинцев. Характерно, что далеко не всегда, несмотря на численное преобладание, их избирали атаманами (как например, в Инсаре, Атемаре и, видимо, в Самаре) [6, с. 74, 152, 535].

То, что приборные люди местных гарнизонов ненадежны и опасны в случае появления войска Разина, хорошо понимали в Москве и на черте. В своей отписке 28 августа 1670 г. воевода Симбирска И.Б. Милославский сообщал: «А от синбирян, государь, в воровской приход чаять опасения большаго, смотря на низовые города, что низовые города ему, вору, здаютца. А мы, холопи твои... станем сидеть в Синбирску до самой смерти московских приказов з головами и с стрельцами и з синбиряны добрыми людьми...» [6, с. 43]. Под «синбирянами» в первом случае воевода понимал приборных и, видимо, посадских людей, во втором – дворян и детей боярских, да и то не всех.

Эти представления царских воевод отразились в практике комплектования гарнизона осажденного «детинца» Симбирска и подошедших к городу отрядах армии Ю.Н. Барятинского. Последний в отписке (между 6 и 14 сентября 1670 г.) дал уникальное описание обороны Симбирска: «А на утрея, за полчаса до света, почели приступать воры к городу, поговоря и сослався с синбирены: на которм месте стояли синбирены, против тех прясел воры и пришли; и стреляли синбирцы по ним пыжами и в острог впустили. И хто в остроге был, всех посекли казаки, почели приступать к городу, а синберены почели сечь людей боярских, хто тут был» [6, с. 54; 4, с.

151]³. Кремль же защищали совершенно другие люди. По словам Барятинского, в «Малом городке» с Милославским оборонялись: «...с ним головы стрелецкие с приказы и Агеева (Шепелева. – Э.Д.) полку салдаты и иных чинов люди». Речь шла о стрельцах трех московских приказов, солдатах выборного полка А. Шепелева и о «добрых» симбирянах, прежде всего дворянах и детях боярских. Симбирск защищали «...не многолюдно, больши 5000 нет худова и доброго» [6, с. 54-55; 12, с. 152].

В своем полку Барятинский выделял «московских людей» и «города», т.е. представителей «служилого города», «которые со мною, холопом твоим, душевно тебе, великому государю, рады служить». Ненадежными он считал служилых татар [6, с. 54-55]. Воевода так писал о составе своего полка: «...московских стряпчих и дворян, и жильцов, и городских дворян, и детей боярских, мурз и татар немного» [6, с. 47-48].

Итак, среди защитников Симбирска практически не оказалось приборных людей. В основном они оказались «шатки» и перешли на сторону разинцев. Это было характерно для всего времени осады города и противостояния на засечных чертах Южного Средневолжья.

1. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
2. *Водарский Я.Е.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966.
3. *Дубман Э.Л.* Система расселения на территории Симбирского уезда к началу XVIII в. // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112).
4. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982.
5. *Зенченко М.Ю.* «И той их даче по межам, и по сыску, и по досмотру быть за ними...» (земельная политика в царствование Федора Алексеевича) // *Paleobureaucratica*. Сборник статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой. М., 2012.
6. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1.
7. *Кушева Е.Н.* Саратов в первой половине XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. М., 1971.
8. *Мясников Г.В.* Город-крепость Пенза. Саратов, 1984.
9. Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902.

³ И.П. Ермолаев считает «синберен» местными посадскими людьми. Однако, на наш взгляд, это были, прежде всего, местные стрельцы и казаки.

10. *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Количество и движение населения. Киев, 1919.
11. *Соловьев В.М.* К вопросу об участии городского населения в крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина // История СССР. 1982. № 2.
12. *Степанов И.В.* Крестьянская война в России в 1670-1671 гг. Начальный период Крестьянской войны. Т. 2. Ч. 1. Л., 1972.
13. Стрельная книга города Пензы. С предисловием В. Борисова. М., 1898.

УДК 613.817(09)

А.И. Раздорский¹

Правительственные мероприятия по борьбе с пьянством в XVII веке: предпосылки, реализация, результаты

Антиалкогольная политика; экономическая история; питейная торговля.

В статье проанализированы предпосылки, реализация и результаты правительственных мероприятий, направленных на борьбу с пьянством в XVII в. как на локальном, так и на общегосударственном уровне. Приведен ряд сведений об этом, содержащихся в приходо-расходных книгах московских приказов XVII в.

В приходо-расходных книгах московских приказов XVII столетия содержится немало интересной информации по истории питейного дела в России, которая позволяет дополнить, уточнить и конкретизировать накопленные в научной литературе сведения об этой важной сфере экономической и социальной жизни государства и общества. В частности, в указанных источниках представлены материалы о различных правительственных мероприятиях, направленных на борьбу с пьянством как на региональном, так и общегосударственном уровне.

Так, в приходной книге Устюжской четверти 1630/31 г. сообщается о введении «сухого закона» в отдельно взятом городе – Вязьме. Начиная с 25 мая 1630 г. по памяти из Разрядного приказа и по государевой грамоте питейная торговля здесь была полностью запрещена. Основанием для этого послужила челобитная игумена Вяземского Предтечева монастыря Германа с братией, городского приходского духовенства, местных и иногородних служилых людей по отечеству и прибору, находившихся в Вязьме на службе, а также вяземских посадских людей о том, чтобы «тот вяземской кабак для порубежного дела... отставить, чтоб служилые и всякие люди не пропивались, и от

¹ Раздорский Алексей Игоревич, Российская национальная библиотека (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., razdor@nlr.ru.

тово б в порубежном городе какое дурно не учинилось»². Запрет на продажу спиртного в Вязьме действовал менее трех лет и с 1 марта 1633 г., когда местные кабаки отдали на откуп москвичу Фролу Реброву, был отменен.

В ходе Смоленской войны, затронувшей Вязьму самым непосредственным образом, полный запрет на продажу спиртного в городе был снова введен, но действовал на сей раз лишь как сугубо временная мера, вызванная обстоятельствами чрезвычайного характера. 20 января 1635 г. вяземский кабацкий откупщик Ребров подал челобитную, в которой указывал, что «как де Михаило Шеин шол под Смоленеск с ратными людьми, и как приходили к Вязьме литовские люди, и в те де поры в Вязьме воеводы Мирон Вельяминов да Федор Чемоданов те ево откупные кабаки печатали, а простойных де дней в те поры было полчетверта месяца и тем простойным дням под челобитной подал роспись». Ребров просил за простойный период откупных денег с него не брать, «чтоб ему с порутчики в откупных денгах на правеже в конец не погинуть». Челобитье было удовлетворено³.

Пьянство среди служилых людей в XVII в. было весьма распространенным явлением. В литературе описана, в частности, ситуация, аналогичная приведенной выше, имевшая место в примерно в то же самое время в соседнем с Вязьмой Брянске. Брянский воевода Василий Ромодановский в своем донесении в Разрядный приказ в феврале 1633 г. писал: «велел я, холоп твой, собрать московских и брянских стрельцов к съезжей избе к смотру, и стрельцы пришли к съезжей избе к смотру пьяни в другом часу дня и шумели». Стрелецкий голова и сотники были вызваны воеводой в съезжую избу и там допрошены относительно такого явного нарушения дисциплины. Констатировалось, что «пришед из походу, стрельцы во Брянску на кабаках пропились, да оне же на карауле на денном и на ночь приходят пьяни и унять им их не мочна». Далее в своем донесении Ромодановский писал, что «откупщики кабаки во многих местах держат и воровство большое ото многих кабаков чинится. Служилые люди платье и всякую служивую рухлядь пропивают, а кабацкие откупщики у стрельцов в заклад емлют. А которые стрельцы были в посылках в городех, которые были в отдаче на время за Литвою и добылись, те, пришед из походу, пьют безпрестанно, да и тех стрельцов, которые были во Брянску, волочат на кабаки ж с собою, и по посаду от пьянст-

² РГАДА. Ф. 137. Устюг. Кн. 17. Л. 142–142 об.

³ Там же. Кн. 26. Л. 173–173 об.

ва, татьбы и зерни по двором драка и насильства чинятца». Опасаясь, «чтоб в приход литовских людей над городом и над посадом дурна какова и порухи не учинилось от пропойства служилых и жилецких людей», Ромодановский предлагал безотлагательно принять меры против пьянства. В частности, он предлагал «печатать» кабаки «по вестям, к денежной раздаче, на масляной и в праздники годовые» и сократить в остроге и на посаде количество кабаков. Но эти предложения в Москве показались излишне радикальными. В ответ на отписку Ромодановского 22 февраля того же года последовал царский указ, предписывавший ратным людям «у поила на кабаках ружья б и платья не пропивать, и вором наказанье чинить, и пьяным на караулах и на сторожах не быть». Уже вскоре после этого, 4 мая, Ромодановский сообщил в Москву о случившемся в кабаке убийстве, указав, что в Брянске от кабаков «чинятца всякая воровство, татьба, и грабеж, и убийство, и многие служилые и жилецкие люди от поила, и от драк, и от убойства помирают и приходят на караул в город пьяни». Далее в отписке брянский воевода отмечал, что «велено нам жить во Брянску с великим береженьем от литовских людей приходов, а больше всего беречися нашным временем, чтоб литовские люди и черкасы украдом не пришли и дурна какова не учинили, а служилые и жилецкие люди больши ночным временем в городе и за городом на многих кабаках пьют и зернью играют». На основании «челобитья всего города» Ромодановский настоятельно просил государя «их пожаловать» и «кабаки свесть». Но, в отличие от Вязьмы, центральные власти ограничились здесь лишь приказанием служилым людям, чтобы они «на кабаки не ходили и ратную збрую не пропивали, а которые учнут ходить и пропиватца, наказанье чинить и в тюрьму сажать» [6, с. 107–109].

К середине XVII столетия центральные власти вынуждены были принимать меры по борьбе с пьянством уже во всероссийском масштабе. Их инициатором выступил патриарх Московский и всея Руси Никон. Начиная с Семенова дня (т. е. с 1 сентября) 1652 г. по всей стране вводились новые правила организации торговли спиртным. В приходной книге Устюжской четверти 1652/53 г. они изложены следующим образом: «указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович..., советовав с отцом своим и богомольцом святейшим Никоном..., и с митрополиты, и со архиепископы, и со всем освященным собором, и говоря з бояры, и с окольничими, и со всеми думными людьми о кабаках. Во всех городех, где были наперед сего кабаки, быть по одному кружечному двору и продавать вино в ведра и

в крушки, а чарками продавать зделать чарку в три чарки⁴, а в Великой пост, и в Успенской, и в воскресные дни во весь год, и в Петров и в Филипов посты в среды и в пятки вина не продавать. А для больных и маломочных людей, которые вина не пьют, пиво и мед на продажу держать по-прежнему. А цену положить пиву и меду по рассмотрению как в которых городех мед, и хлеб, и хмель купят. А продавать в те ж указные дни и часы, в которые указано вино продавать. А вино продавать в ковши, что по три чарки, и в кружки по-прежнему своему государеву указу без убавки. А с ведерной, и с полуведерной, и с четвертной винной продажи указал государь цены збавить смотря по городом и по запасом. А продавать на три статьи по тридцати, и по дватцати по пяти, и по дватцати алтын ведро. А дешевле того вина продавать не велено»⁵. Одним из важнейших нововведений стала отмена кабацких откупов.

К введению нового порядка сбыта алкоголя готовились исподволь. В приходной книге Устюжской четверти 1652/53 г. отмечено, что согласно царскому указу «во всех городех кабацким верным головам, и целовальником, и откупщиком впредь ко 161-му году на кабаках кабацких запасов больших... не припасать, потому что со 161-го году по государеву указу в городех кабакам не быть, а быть по одному кружечному двору, да в Великой пост и о светлой недели с кабаков кабацкого питья вина, и пива, и меду тутошним городцким и всяким приезжим людям не продавать и кабаки запечатать, а что в Великой пост и о светлой недели с тех кабаков у верных голов, и целовальников, и откупщиков в продаже кабацкого питья бывало и то им, кабацким головам, и целовальником, и откупщиком по розчету зачесть, головам в збор, а откупщиком в откуп»⁶.

Следует отметить, что в самом начале введения в действие новых правил питейной торговли из легального оборота были выведены такие традиционные для русских кабаков слабоалкогольные напитки как кислый мед и пиво [подробнее см.: 3]. Так, в приходной книге Разрядного приказа 1652/53 г. сообщается о присылке в Курск и Белгород 12 августа 1652 г. памятей из приказа Новой четверти, согласно которым пиво и кислый мед держать на продажу на местных кружечных

⁴ Среди казенных расходных статей на содержание можайского кружечного двора в 1652/53 г. значится выплата денег «за ковш что зделан в три чарки».

⁵ РГАДА. Ф. 137. Устюг. Кн. 104. Л. 91 об.–92.

⁶ Там же. Л. 86–86 об.

дворах было не велено⁷. В Вязьме, судя по данным вяземской кабацкой книги 1652/53 г., продажа кислого меда и пива после 1 сентября 1652 г. осуществлялась, но нерегулярно и в очень скромных размерах. В сентябре 1652 г. и январе 1653 г. на вяземском кружечном дворе было реализовано, соответственно, 11,5 и 2,25 ведра кислого меда и 31 и 17,5 ведра пива. Очевидно, это была распродажа запасов, оставшихся «в завод» от предыдущего года, поскольку производство кислого меда и пива на вяземской казенной поварне было остановлено и возобновилось лишь с мая 1653 г. При этом вместо кислого меда и пива в продажу в Вязьме был пущен квас (с ноября по апрель было реализовано 144,5 ведра этого напитка) [4, с. 608–609]. Падение питейных доходов, а также, надо полагать, недовольство населения, вынудило власти вскоре отменить эти запреты. В Курске, например, начиная с 17 мая 1653 г. кислый мед и пиво вновь было разрешено пустить в продажу⁸. Таким образом, практически сразу после начала антиалкогольной кампании при ее проведении наметились определенные послабления.

Реализация кабацкой реформы привела к значительному сужению сети питейных заведений в русских городах. Так, в Белгороде накануне введения новых правил оборота спиртного (в 1651/52 г.) действовало три кабака [1], в Курске (в 1648/49 г.) – четыре кабака⁹, в Вязьме (в 1640-е гг.) – шесть кабаков (отпуск хлебного вина велся также из вяземского казенного винного погреба) [4, с. 139]. После 1 сентября 1652 г. на один город было оставлено только по одному кабаку, который стал именоваться «кружечным двором». Уменьшение количества мест, где производился отпуск алкогольных напитков, а также сокращение числа дней, в которые была разрешена торговля спиртным, неизбежно привели к резкому падению питейных доходов, являвшихся одним из столпов всей финансовой системы Московского государства.

Так, в Вязьме объем продажи хлебного вина упал в 1652/53 г. по сравнению с дореформенным 1649/50 г. в 2,3 раза, кислого меда – в 6,5 раза, пива – в 2,5 раза, а совокупный питейный доход уменьшился на 42,9 % [4, с. 142]. В Курске казенная питейная прибыль в 1653/54 г. сократилась по сравнению с 1647/48 г. на 40 % [5, с. 267], в Можайске в 1652/53 г. по сравнению с 1650/51 г. – на 37,8 % [2, с. 56]. Падение

⁷ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 98. Л. 87, 91.

⁸ Там же. Кн. 102. Л. 18 об.

⁹ Там же. Кн. 307. Л. 39 об.–40

доходов от казенной питейной торговли привело, в свою очередь, к образованию недоборов при расчете кабацких окладных и откупных сумм, которые должны были собирать верные головы и целовальники и уплачивать откупщики. Властями был разработан своеобразный механизм компенсации, согласно которому доходы, не взятые за «простойные дни», когда питейная торговля была полностью запрещена, в недобор не засчитывались. Для каждого города, исходя из текущих показателей местного кабацкого сбора, определялась своя норма недополученной прибыли. Так, в Вязьме в 1652/53 г. торговля спиртным не производилась в течение 129 дней. Ежедневный доход от питейной торговли, на основании произведенного расчета, был определен здесь в 2 руб. 80,75 коп., следовательно, общий размер убытков составил 362 руб. 19,75 коп. Эта сумма из недобора была исключена.

Падение питейных доходов и рост недоборов по окладным кабацким сборам привели постепенно к тому, что на кружечных дворах стали продавать алкогольные напитки и в «указные дни», а центральные власти, зная об этом, закрывали на подобные факты глаза. В приходных книгах Устюжской четверти, например, приведены данные расспросов, которым были подвергнуты головы кружечных дворов и ларечные целовальники, доставившие собранные денежные суммы вместе с отчетными документами в Москву. При расспросах, в частности, приказные люди интересовались, осуществлялась ли продажа спиртного в «указные» дни. На это головы с целовальниками давали такие, например, ответы:

— в «указные» дни питье продавали, «потому что и прежние головы кружечного двора в те дни питье продавали ж, а как бы де им в те дни кружечного двора питья не продавать, и у них де б перед прошлыми годами недобор был большой» (можайский голова 1669/70 г. Василий Цвилев)¹⁰;

— «а питье продавали они на кружечном дворе в указные дни» (вяземский голова 1670/71 г. Иван Ермолин)¹¹;

— питье продавали «для того, что де в Можайску малоллюдно, если бы де в те дни питья не продавать, и у них бы де на кружечном дворе перед прошлыми годами... был недобор большой» (можайский голова 1672/73 г. Тимофей Цвилев)¹²;

— питье продавали, потому что если бы «в те дни им питья не

¹⁰ Там же. Кн. 188. Л. 255 об.

¹¹ Там же. Кн. 193. Л. 268 об.–269.

¹² Там же. Кн. 204. Л. 271 об.

продавать, и у них де на кружечном дворе денежной збор был и гораздо меньше того, а у них де в Вязьме в те дни на питье и продажа бывает» (взяемский голова 1673/74 г. Игнат Колесников)¹³.

При этом отмечены случаи, когда головы, несмотря на убытки, все же соблюдали закон и спиртное в «указные» дни не продавали. Именно так поступил, в частности, взяемский голова 1673 г. Григорий Поросяткин¹⁴. Однако такие факты являлись скорее исключением из общего правила.

Таким образом, целый ряд ограничений и запретительных мер в питейной торговле, введенных в ходе осуществления кабацкой реформы, оказался в итоге паллиативом. Победить народное пьянство не удалось, все в итоге вернулось на круги своя, финансовой же системе страны был нанесен значительный урон, причем произошло это в годы тяжелой и длительной войны с Речью Посполитой за Малороссию.

1. *Раздорский А.И.* Из истории питейного дела в Белгороде в XVII веке (по материалам белгородских таможенных и кабацких книг 1641/42–1677/78 гг.) // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016.
2. *Раздорский А.И.* Таможенные и кабацкие оклады и сборы в городах юга и запада Европейской России в XVII в. (по материалам приходо-расходных книг московских приказов) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. (г. Коломна, 24–26 сент. 2013 г.). Т. 1: XVI–XVIII вв. Коломна, 2015.
3. *Раздорский А.И.* Технология производства слабоалкогольных напитков в России XVII в. (по материалам кабацких книг города Вязьмы) // Вестник истории естествознания и техники. 2011. № 3.
4. *Раздорский А.И.* Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М., 2010.
5. *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001.
6. *Соколов С.* Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним: (по документам Разрядного приказа) // Голос минувшего. 1915. № 9.

¹³ Там же. Кн. 208. Л. 361.

¹⁴ Там же. Кн. 204. Л. 238–239.

«Ценовные росписи» южнорусских таможен и кружечных дворов XVII в. как исторический источник

«Ценовные росписи»; таможня; кабак; кружечный двор; таможенный голова; откупщик.

Статья посвящена исследованию «ценовных росписей» таможенных изб и кружечных дворов южнорусских уездов XVII в. Автором анализируются сведения, полученные из «ценовных росписей», их структура и содержание, причины составления.

Изучение организации таможенного и питейного управления на местах было бы неполным без рассмотрения всех комплексов сохранившихся документов, связанных с этим вопросом. Среди исторических источников, вызывающих интерес исследователей, находятся таможенные и кабацкие книги, расходные книги и другая документация, дающая представление о работе таможенных и кабацких служителей [1; 3]. Рассмотрим как исторический источник так называемые «ценовные росписи», составляемые согласно присланным из Москвы грамотам при передаче таможенного и кабацкого имущества от старого головы новому.

Как правило, составлялся такой документ однотипно, с перечислением построек и имущества, с указанием их состояния. Судя по источникам, «ценовные росписи» составляли «сторонние», то есть не заинтересованные в деле люди – земский староста и выборные оценщики.

Так, в Воронежском уезде ценовая роспись 1639 г. была составлена торговыми людьми, крестьянами и бобылями Успенского монастыря. Они «ценили на Воронеже всякие кабацкие и питейные заводы, что держит верный голова А.Г. Шиловский на Воронеже». Имущество и мебель, описанные в документе, были немногочисленными: стол, скамейка, коробка с замком, в которой хранилась уставная грамота. Там же недалеко находились погреба, омшаник и винокурня².

В 1641 г. в Воронежском уезде таможенное и кабацкое имущество, так называемые «заводы», для передачи откупщику С. Михай-

¹ Жиброва Татьяна Валерьевна, Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко (РФ, Воронеж), к.и.н., tashazhibrova@rambler.ru.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 104. Л. 34–35.

лову оценивали полковые казаки. В составленной ценовой росписи, заверенной многими подписями, перечисляются книги, коробки, ящики, грамоты, ковши³.

Ценовые росписи содержат сведения о внешнем виде таможни и кружечного двора и об их содержимом. В ценовой росписи 1649 г., составленной по государственному указу и по наказной памяти стольника и воеводы В.Т. Грязного в городе Воронеже были оценены «кабацкие и таможенные заводы» верного головы Н. Плеханова. В документе упоминалась изба таможенная, расположенная на кабацком дворе, под нею омшаник. В избе мебели было немного: стол и скамья. В красном углу можно было увидеть икону – «Спаса образ». Здесь же находилась коробка с замком, в которой хранились государственная уставная грамота и конские книги. Упоминаются в росписи также ящики, трубки котельные (20 штук), 7 четвериков, ведро медное винное с орлом (то есть опечатанное), 2 гребла железных, ведро винное деревянное, медные котлы для продажи вина, винные бочки, чарки, двуденежный ковш, ставцы, мерные ведра, сито. Сама таможенная изба была оценена в 3 руб. с четвертью. Омшаник с погребом и сушилом – в 13 руб. с полтиною⁴.

В городе находилось две винокурни: большая винокурня и малая [2]. Верхняя винокурня, оцененная в 50 рублей, как сказано в документе, была «поставлена вновь». Размером она была в длину 10 сажень с полусаженем и поперек 5 сажень с полусаженем. Особенностью этой винокурни было наличие подведенной воды – «водолива». Из имущества здесь упоминаются шайки, колоды, котлы бражные. Рядом располагались «квасник дубовой новый, омшаник, что солод мочат, а в нем колода, а на нем сушило, а к нему приведен колодец длина 8 сажень а поперек 4 сажени, а тот омшаник полая вода подмыла».

Интересно, что здесь упоминается также жилая изба. Возможно, в ней жили целовальники и работники винокурни, так как продажа вина в то время происходила круглосуточно. В жилой избе находились жерновы, кадушки, «судно липовое, что дражник рознимают», кочерга железная, поскребушка железная, бочки, 3 стойки дубовых, котлы, трубы и мешки⁵.

На нижней малой винокурне, названной так из-за более скром-

³ Там же. Л. 146.

⁴ Там же. Оп. 13. Ст. Приказн. ст. Д. 177. Л. 1–2.

⁵ Там же. Л. 2–4.

ных размеров (9 на 6 сажений), был расположен «квасник новой сосновой», «изба питающая» и чулан. Из имущества здесь упоминаются цепи, котлы и кочерга.

Скорее всего, эта нижняя винокурня находилась в Чижовской слободе. В росписи сказано, что «на чюжовском кабаке изба питающая да клетка на погребе»⁶.

У нас есть редкая возможность сравнить описания воронежской таможи разных лет. В ценовой росписи 1663 г. описывается имущество таможенной избы, которая находилась на кабацком дворе. Здесь же располагался омшаник, оцененный в рубль с четью, омшаник на погребе, ледник, стоимостью в 26 руб. Отдельно здесь находилась изба питейная (цена 3 руб.). Из имущества в росписи упоминаются коробки, бочки винные для продажи вина, ковши, ставцы, сита, ведра. На большой винокурне оценщики ценили колоды, кадушки, шайки, омшаники, амбар, погреба с бочками. Интересно, что малая винокурня уже не упоминается, возможно, она находилась в запустении⁷.

В 1678 г. была составлена ценовая роспись в Орлове. Здесь таможенный и кружечный двор был огорожен дубовым тыном (цена 10 алтын 2 деньги). На дворе находилась сосновая изба в 3 сажени, клеть с приклетом, погреб с выходом. Ценились также железная посуда, дверные цепи (4 деньги – одна) и крюки⁸. На дворе располагались омшаники, в которых хранились скобы, топоры, рогачи, трубки, деревянная посуда, ведра, полуведра, бочки и ставцы⁹. В ценовой росписи 1679 г. Орлова города упоминается непроданное вино 2 ведра по цене по 16 алтын по 4 деньги. Оно было передано новому голове Л. Курасову¹⁰.

Более подробно была составлена роспись 1688 г., когда орловские ценовщики передавали новому голове Ивану Микифоровичу Горбунову «орловскую таможду и кружечный двор и во дворе хором и всякое строение и посуду и всякие таможенные и кабацкие припасы». Спустя 10 лет дубовый тын почти сгнил, пострадала также от времени крыша клетки.

Большую ценность для исследователя представляют списки документов, хранящиеся в таможене и передаваемые новому голове. Среди имущества орловской таможи упомянут наказ из Белгорода

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Оп. 12. Ст. Белгородск. ст. Д. 341. Л. 159–164.

⁸ ГАВО. Ф. И-287. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–6.

⁹ Там же. Л. 6–7.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 4–7.

1665 г., список с грамоты «за рукою Микиты Шишкина о выборе головы и целовальников и дьячка и о зборе денежные казны» 1678 г., а также списки с государевых грамот, наказных статей и памяти прошлых лет. «2 памяти из приказа Большие казны 2 за приписью дьяка Федора Елфимова, 2 памяти за приписью дьяка Дмитрия Стефанова, память из Белгорода за приписью дьяка Ильи Колпакова». Помимо грамот в избе хранились 12 печатей месячных, четверик медный заорленный, гребло деревянное заорленное, 2 четверика деревянных. Упомянуты также ведра, ставцы, ковши, трубки и другие предметы, необходимые для сбора таможенных пошлин и изготовления вина¹¹.

Рассмотрим процедуру передачи таможи и кабака от одного откупщика другому. В подобном случае новый откупщик, вступая в должность, мог лично участвовать в оценке таможенного и кабацкого имущества. Помимо ценовой росписи составлялась «отпись» оставшихся заводов, то есть количества пущенных в производство питий: медовых ставок, пивных варей, бочек с вином и пр. Старый откупщик ни в коем случае не должен был понести убытки. Поэтому, передавая таможенное и кабацкое имущество новому голове, он указывал свои личные затраты на производство и получал за них деньги.

Так, например, в 1637 г. ливенский воевода Яков Оксентьевич Дашков, выполняя распоряжение из столицы, передал откуп новому откупщику посадскому человеку Е. Онтипову¹². У прежнего откупщика забирали оставшиеся «в заводе» меры и хлеб. Воеводе было приказано оценить «прямою ценою на кабацком дворе избы и погреб, и ледники, и таможенную, и померную избу, и кабацкие всяческие запасы и всякой кабацкий и таможенный завод». Новый откупщик Е. Онтипов должен был выплатить прежнему откупщику деньги «за завод по цене», по отписи¹³.

Итак, «ценовые росписи», составляемые при вступлении в должность нового таможенного и кабацкого головы, представляют собой важный исторический источник по изучению таможенного и питейного управления. В обозначенный период в южнорусских уездах они не имели четко выраженной структуры и содержали перечисление основных построек, мебели, посуды, документов и оставшегося сырья – «заводов», с указанием их цены. Эти документы составлялись независимыми «выборщиками» из числа разных сословных групп уезда и

¹¹ Там же. Ф. И-287. Оп. 2. Д. 18. Л. 19–20.

¹² Там же. Л. 102–103.

¹³ Там же. Л. 104–105.

заверялись их подписями. Целью написания «ценовых росписей» могло служить стремление как таможенного и кабацкого аппарата, так и местных жителей обезопасить себя от возможного недобора, который мог раскладываться на все местное население.

1. *Глазьев В.Н.* Откупщик против мира: Конфликт вокруг таможи и кабака в Воронеже в 1668–1671 гг. // Из истории Воронежского края: сб. статей. Воронеж, 1998. Вып. 7.
2. *Жиброва Т.В.* Организация таможенного управления на юге России на рубеже XVII–XVIII веков (на примере Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. Воронеж, 2015. № 1.
3. *Раздорский А.И.* «Меж двух огней». Два документа о взаимоотношениях таможенных и кабацких откупщиков с воеводами и местным населением Курска. 1630-е гг. // Исторический архив. 2003. № 3.

УДК 94(47).048

Н.В. Башнин, И.А. Поляков¹

**Разработка базы данных о ценах в России XVII в.
(по материалам приходо-расходных книг Вологодского
архиерейского дома)²**

Цены; Русский Север; Вологодская епархия; приходо-расходные книги; источниковедение.

В статье рассматриваются приходо-расходные книги Вологодского архиерейского дома XVII в. как источник по истории цен в России. На основании сведений из приходо-расходной книги 1648/49 г. составлена база данных о ценах на товары. Выявлены колебания цены на рыбу, что было обусловлено ее разным весом при покупке.

В 1951 г. вышла работа А.Г. Манькова «Цены и их движение в Русском государстве XVI в.» (М.; Л., 1951). В ней автор стремился осветить глобальную проблему – формирование предпосылок складывания всероссийского рынка³. Значительную часть книги занимают

¹ Башнин Никита Викторович, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., nvbashnin@gmail.com; Поляков Иван Анатольевич, Российская Национальная библиотека (РФ, Санкт-Петербург), ivan669@bk.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-99.2017.6.

³ Этот вопрос до сих пор является дискуссионным. Различные точки зрения по этому поводу высказаны А.Г. Маньковым, Н.В. Устюговым, А.А. Преображен-

таблицы нескольких уровней. В таблицы первого уровня включены сведения о ценах более 80 наименований товаров. Второй уровень составляют аналитические таблицы индивидуальных и сводных индексов цен. В.М. Панях оспорил принцип составления таблиц индексов товаров, «групповых индексов цен». Однако, по словам рецензента, в книге «построение индивидуальных индексов цен не только оправдано, но и составляет одно из ее достоинств» [7, с. 141–146; 2, с. 68–78]. Монография А.Г. Манькова до сих пор является единственным трудом по истории цен в России до XVIII в. Справочных материалов и таблиц, аналогичных представленным в работе А.Г. Манькова, все еще крайне мало. Между тем, для дальнейшего плодотворного изучения аграрной истории XVII в. необходимы работы по метрологии и истории цен в России. Для решения этих масштабных общероссийских вопросов необходимы работы по регионам.

В данной статье внимание сосредоточено на Вологде и документации из архива Вологодского архиерейского дома XVII в. Это обусловлено следующими причинами.

Во-первых, Е.Б. Французова отмечает, что «особенно возрастает значение Вологды, начиная с 50-х гг. XVI в., когда устанавливаются регулярные торговые сношения России с Англией, а затем с Голландией и другими странами Западной Европы через беломорское побережье» [10, с. 3–4]. Через Вологду шел путь на Соль Вычегодскую и далее в Сибирь. Другой сухопутный тракт направлялся в Москву через Ярославль, Ростов Великий, Переяславль, а значит, осуществлялась связь Северного речного пути с Волжским. Кроме этого через Вологду проходили дороги на Белоозеро, Каргополь и в Важский уезд. Таким образом, в XVII в. Вологда была важнейшим звеном российской транспортной системы и являлась одним из крупных торговых центров [4, с. 52–54]. Кроме этого, в городе существовало развитое производство – кожевенное, кузнечное, судостроительное, канатно-прядельное, мыловаренное, ложкарное.

Во-вторых, в Вологде находился дом св. Софии – резиденция архиепископов Вологодских и Великопермских (с 1657 г. Вологодских и Белозерских), что делало этот город не только экономическим, но и духовным центром Русского Севера. Вологодский архиерейский дом был крупным землевладельцем, а также в ведении архиереев находились монастыри, пустыни и церкви обширной епархии (около 70 обителей и более 500 храмов) [5, с. 245; 8, с. 471–703]. В Софийском

доме существовало налаженное делопроизводство, а значительная часть документации XVII в. дошла до наших дней. Сейчас известно около 80 приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома XVII – начала XVIII в. [8, с. 9–11].

Представляется, что продуктивным является составление базы данных о ценах в России XVII в. на основе анализа приходо-расходных книг. В данной статье внимание сосредоточено на приходо-расходной книге Вологодского архиерейского дома 1648/49 г., составленной казначеем старцем Ильей и дьяком Иваном Бебховым. Этот документ содержит сведения за первое полугодие 7157 г. (1 сентября 1648 – 1 марта 1649 г.).

База данных представляет собой таблицу, в которой систематизированы сведения о товарах и ценах. На первоначальном этапе учитываются все данные о купле-продаже товаров, что позволяет выяснить общий объем затраченных и полученных денег, а также узнать количество совершенных сделок. На втором этапе отбираются товары, для которых из источника известна единица измерения при покупке или продаже (штука, аршин, четверть и др.). Это позволяет зафиксировать цену за единицу товара на конкретную дату, что необходимо для дальнейшего сравнения по горизонтальным (в течение одного года) и вертикальным (от нескольких лет до столетия) срезам.

Сведения о стоимости товаров из приходной и расходной частей книги разделены. В табл. 1. представлены данные из приходной части документа 1648/49 г.

Таблица 1

Товары, проданные Вологодским архиерейским домом в 1648/49 г.

№ п/п	Дата	Товар			Цена				
		вид	единица измерения	объем	руб.	алт.	ден.	всего денег	за единицу измерения в денгах
1	05.09. 1648	Еловые бревна пятерик	Бревно-пятерик	50	–	13	2	80	1,6
2	02.10. 1648	Япанча серая	Япанча	1	–	–	15	90	90
3	14.10. 1648	Еловые бревна пятерик	Бревно-пятерик	50	–	13	2	80	1,6
4	03.11. 1648	Тонкие бревна	Бревно-пятерик	5	–	2	4	16	3,2
5	19.12. 1648	Рожь *	Четверть	17,75	12	–	–	2400	135,21 **

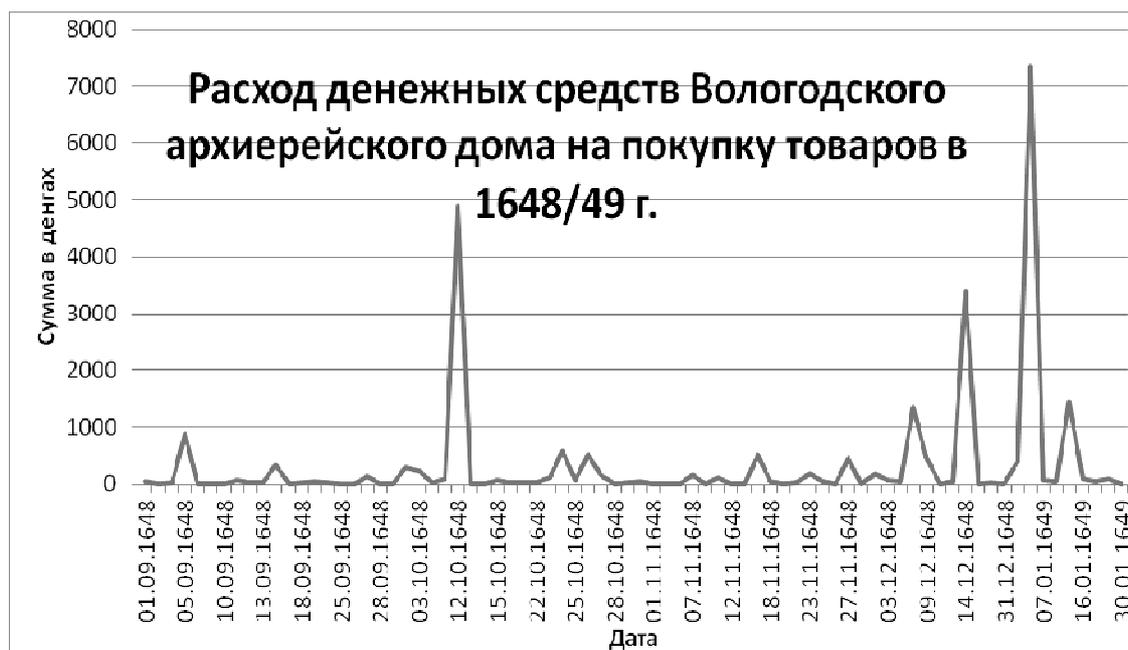
6	13.01. 1649	Рожь ***	Четверть	41,5	18	22	2	3734	89,98 ****
7	14.02. 1649	Рожь *	Четверть	12	5	3	2	1020	85 ****
8	14.02. 1649	Рожь ***	Четверть	27,5	12	12	3	2475	90

Источник: [8, с. 210–215].

Примечания: *Эта рожь получена «для их крестьянские скудости» вместо денежного оброка исходя из стоимости четверти в 15 алтын. **В источнике цена за четверть ниже – 15 алтын. ***Эта рожь получена «в доплату» к денежному оброку с крестьян исходя из стоимости четверти в 15 алтын. ****В источнике цена за четверть выше – 15 алтын.

Из табл. 1 видно, что Вологодский архиерейский дом с 5 сентября 1648 г. по 14 февраля 1649 г. продавал товары только 4 раза. А наиболее крупные сделки не были актом купли-продажи. Крестьяне, не имевшие денег для полной выплаты оброка, по договоренности с архиепископом Маркелом оставшуюся часть отдавали рожью исходя из фиксированной цены. Эти сделки были совершены в декабре 1648 и январе-феврале 1649 г. Всего было получено зерна на 48 руб. 4 алт. 5 ден. Примечательно, что цена четверти в 90 денег или 15 алтын, указанная при записи в документ, по нашим подсчетам и по подсчетам казначея старца Ильи совпала только 1 раз, хотя во всех четырех сделках при подсчете общей стоимости товара исходили из этой цены. Фактическая цена за четверть ржи оказалась завышенной 19 декабря 1648 г. – 135 ден. (22,5 алт.) за четверть, а в двух случаях была ниже указанной (см. Табл. 1.). Для сравнения отметим, что в 1590-е гг. цена за четверть ржи колебалась от 18 до 100 денег [6, с. 109–111]. В Вологде и Великом Устюге соловецкие монахи покупали четверть ржи в 1600 г. за 36 денег, в 1601 г. за 33 денги, в 1602 г. за 145 денег, а в 1603 г. за 118–180 денег [9, с. 155, прим. 2]. Кирилло-Белозерский монастырь продавал в 1602–1603 гг. четверть ржи за 120 денег [3, с. 14]. Согласно указу Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г. «к Соль-Вычегодской на посад» и в Усольский уезд, четверть ржи следовало продавать за 100 денег [1, с. 68].

Значительно чаще Вологодский архиерейский дом покупал различные товары. Всего с 1 сентября 1648 г. до 30 января 1649 г. было совершено 265 покупок различных товаров на сумму 129 руб. 12 алт. 3,5 ден. Расход денежных средств наглядно демонстрирует график 1.

Источник: [8, с. 264–284].

Из графика 1 видно, что расходование денежных средств шло относительно равномерно за исключением нескольких крупных трат. Так, 12 октября 1648 г. было куплено 4 пуда 27 гривенок воска на 21 руб. 1 алт. 1 ден., 14 декабря 1648 г. приобретено 3 чана рыбы на 6 руб. и 3 января 1649 г. совершена наиболее крупная покупка – 7 пудов 37,5 гривенок ладана за 35 руб. 24 алт. 4 ден. Из этого массива данных о покупках, представленных на графике 1, только для 138 случаев из 265 известна цена за единицу измерения товара (штука, фунт, аршин и др.). Сведения об этом представлены в табл. 2.

Таблица 2
Товары, купленные Вологодским архиерейским домом в 1648/49 г.

№ п/п	Дата	Товар			Цена				
		вид	единица измерения	объём	руб.	алт.	ден.	всего денег	за единицу измерения в денгах
1	01.09.1648	Свеча сальная	штука	100	–	5	4	34	0,34
2	03.09.1648	Рукавицы дубленые	пара	1	–	2	4	16	16
3	05.09.1648	Перец	фунт	1		–	5	5	5
4	05.09.1648	Вино	извара	2 (12 ведер)	4	10	4	864	432 (72)
5	11.09.	Крашенина	аршин	8	–	10	4	64	8

	1648								
6	13.09. 1648	Ставня де- ревянная	штука	10	–	4	–	24	2,4
7	13.09. 1648	Крюк за- метной	штука	1	–	–	8	8	8
8	14.09. 1648	Шелк к патрахелям	золотник	10	–	6	4	40	4
9	14.09. 1648	Масло се- мянное	гривенка	10	–	6	4	40	4
10	14.09. 1648	Шелк бе- лый к пат- рахелям	золотник	1	–	–	4	4	4
11	16.09. 1648	Пуговица медная	портище	3	–	6	–	36	12
12	16.09. 1648	Кирпич	кирпич (100 шт.)	500	–	31	4	190	0,38 (100 по 38)
13	16.09. 1648	Огурец	штука	500	–	3	5	23	0,046
14	16.09. 1648	Блюдо	штука	2	–	–	2	2	1
15	18.09. 1648	Железо	полица	2	–	4	4	28	14
16	19.09. 1648	Рыба, щука (на пар)	тушка	2	–	4	–	24	12
17	19.09. 1648	Рыба, щука (колодка)	тушка	1	–	–	4	4	4
18	19.09. 1648	Рыба, щука (уха)	тушка	5	–	–	4	4	0,8
19	24.09. 1648	Гвоздика в мед	золотник	12	–	3	4	22	1,8
20	26.09. 1648	Свеча сальная	штука	50	–	2	3	15	0,3
21	27.09. 1648	Масло се- мянное	гривенка	19	–	12	4	76	4
22	27.09. 1648	Свеча сальная од- носветиль- ная	штука	100	–	5	4	34	0,34
23	02.10. 1648	Полотно на стихари	аршин	33	–	29	2	176	5,3
24	02.10. 1648	Мыло	косяк	1	–	20	–	120	120
25	03.10. 1648	Гвоздь двоетесный	штука	500	–	20	–	120	0,24
26	03.10. 1648	Гвоздь под- скаль-ный	штука	500	–	5	–	30	0,06
27	03.10. 1648	Цепочка	штука	1	–	–	3	3	3
28	03.10. 1648	Калач сто- ловый	штука	1	–	–	4	4	4

29	03.10. 1648	Гвоздь двоетесный	штука	200	–	8	–	48	0,24		
30	03.10. 1648	Гвоздь под- скаль-ный	штука	300	–	3	–	18	0,06		
31	10.10. 1648	Гвоздь лу- женный	колодка	2	–	1	–	6	3		
32	10.10. 1648	Гвоздь под- скаль-ный	штука	300	–	3	–	18	0,06		
33	12.10. 1648	Свеча сальная од- носве- тельная	штука	100	–	5	4	34	0,34		
34	12.10. 1648	Еванге- листы мед- ные на Евангелие	украшение	1	–	2	–	12	12		
35	12.10. 1648	Воск	пуд	гри- вен- ка	4	27	21	1	1	420 7	900
36	12.10. 1648	Трефолой печатный, с 1 сентября на 3 месяца	штука	1	1	–	–	200	200		
37	12.10. 1648	Огурец	штука	100	–		3	3	0,03		
38	12.10. 1648	Новина	аршин	18	–	13	2	80	4,44		
39	12.10. 1648	Ковш реп- чатый	штука	2	–	40	–	240	120		
40	12.10. 1648	Сани	штука	2	–	18	–	108	54		
41	14.10. 1648	Рыба, щука (колодка)	тушка	1	–	2	–	12	12		
42	15.10. 1648	Свеча сальная двоесве- тельная	штука	100	–	5	–	30	0,3		
43	15.10. 1648	Гвоздь двоетесный	штука	210	–	5	2	32	0,15		
44	15.10. 1648	Калач к столу	штука	1	–	–	2	2	2		
45	18.10. 1648	Гвоздь лу- женный	колодка	10	–	5	–	30	3		
46	19.10. 1648	Бумага писчая	десть	2	–	2	3	15	7,5		
47	19.10. 1648	Калач к столу	штука	1	–	–	2	2	2		
48	19.10. 1648	Пряжка к подуздам	штука	4	–	–	3	3	0,75		
49	23.10. 1648	Шелк	золотник	10	–	6	4	40	4		

50	23.10. 1648	Золото на кисти	золотник	3	–	13	–	78	26
51	24.10. 1648	Шлея конопляная	шлея	8	–	8	–	48	6
52	24.10. 1648	Завертки конопляные и двоичные	штука	2	–	–	5	5	2,5
53	24.10. 1648	Дерево хомутное	штука	2	–	–	5	5	2,5
54	24.10. 1648	Завертка моржовая	штука	2	–	4	–	24	12
55	24.10. 1648	Ведро с частыми обручами	штука	1	–	–	8	8	8
56	24.10. 1648	Кожа яловичная белая	кожа	7	2	9	1	455	65
57	24.10. 1648	Горшок	штука	1	–	–	1	1	1
58	24.10. 1648	Гвоздь двоетесный большой	штука	50	–	3	–	18	0,36
59	24.10. 1648	Гвоздь двоетесный малый	штука	50	–	2	–	12	0,24
60	24.10. 1648	Гвоздь тяжный	штука	3	–	–	6	6	2
61	25.10. 1648	Перец	фунт	1	–	4	4	20	20
62	25.10. 1648	Свеча сальная односветильная	штука	100	–	5	4	34	0,34
63	26.10. 1648	Гвоздь луженый	колодка	1	–	–	3	3	3
64	26.10. 1648	Икра красная	пуд	1,5	1	11	4	270	180
65	26.10. 1648	Игла «рогозинная»	штука	1	–	–	1	1	1
66	26.10. 1648	Замок к коробке	штука	1	–	–	6	6	6
67	26.10. 1648	Бечевка для клечения бочек	сажень	20	–	2	–	12	0,6
68	26.10. 1648	Дерево хомутное	штука	2	–	–	4	4	2
69	26.10. 1648	Подхомутник	штука	3	–	3	–	18	6
70	26.10.	Ковш	штука	1	–	–	3	3	3

	1648								
71	26.10.1648	Узда	штука	7	–	10	3	63	9
72	26.10.1648	Наметка к хомуту	штука	1	–	–	4	4	4
73	27.10.1648	Замок ви-сячий	штука	2	–	4	2	26	13
74	27.10.1648	Фонарь	штука	1	–	2	2	14	14
75	27.10.1648	Рогожа за-витуха	штука	10	–	5	–	30	3
76	27.10.1648	Ужище	штука	2	–	–	4	4	2
77	27.10.1648	Вожжи	штука	1	–	–	3	3	3
78	27.10.1648	Буров	штука	2	–	–	6	6	3
79	27.10.1648	Подхомут-ник крас-ный	штука	1	–	2	4	16	16
80	27.10.1648	Узда	штука	1	–	–	9	9	9
81	27.10.1648	Окончина слюдяная	штука	1	–	–	10	10	10
82	27.10.1648	Вожжи	штука	1	–	–	2	2	2
83	27.10.1648	Половник деревянный	штука	1	–	–	2	2	2
84	29.10.1648	Замок ви-сячий	штука	1	–	3	2	20	20
85	30.10.1648	Свеча сальная	штука	100	–	5	–	30	0,3
86	30.10.1648	Ужище	штука	2	–	–	4	4	2
87	30.10.1648	Ковш	штука	1	–	–	4	4	4
88	30.10.1648	Ключ	штука		–	2	–	12	12
89	07.11.1648	Крюк же-лезный к окнам	штука	3	–	10	–	60	20
90	07.11.1648	Крюк же-лезный к дверям	штука	2	–	16	–	96	48
91	10.11.1648	Гвоздь оконный	колодка	10	–	–	10	10	1
92	11.11.1648	Крашенина на стихари	аршин	10	–	13	2	80	8
93	14.11.1648	Крашенина красная	аршин	3	–	4	–	24	8

94	14.11. 1648	Псалтырь с следовани-ем печатная, в десть	книга	1	2	5	–	430	430
95	18.11. 1648	Масло семянное	гривенка	10	–	6	4	40	4
96	19.11. 1648	Крест медный поклонный	штука	2	–	–	3	3	1,5
97	21.11. 1648	Свеча сальная	штука	100	–	5	–	30	0,3
98	26.11. 1648	Санки	штука	1	–	–	3	3	3
99	27.11. 1648	Крашенина	аршин	8,75	–	11	4	70	8
100	27.11. 1648	Вино горячее	ведро	4	–	24	–	144	36
101	01.12. 1648	Рыба, налим	тушка	10	–	5	–	30	3
102	01.12. 1648	Рыба, щука (на пар)	тушка	4	–	5	2	32	8
103	01.12. 1648	Рыба, щука (на пар)	тушка	4	–	4	–	24	6
104	01.12. 1648	Рыба, окуни	тушка	16	–	–	10	10	0,625
105	01.12. 1648	Рыба, леци	тушка	6	–	7	2	44	7,33
106	01.12. 1648	Рыба, щука просольные	тушка	7	–	6	2	38	5,42
107	01.12. 1648	Губка на престол	штука	1	–	–	8	8	8
108	03.12. 1648	Скоба к окну	штука	16	–	5	2	32	2
109	04.12. 1648	Пробой	штука	4	–	–	8	8	2
110	08.12. 1648	Рыба, сиг	тушка	2	–	25	–	150	150
111	08.12. 1648	Икра красная нелмушья	пуд	2	1	16	4	300	150
112	08.12. 1648	Лагун	штука	1	–	–	8	8	8
113	09.12. 1648	Рыба, щука	тушка	2	–	3	2	20	10
114	09.12. 1648	Рыба, сиг	тушка	2	–	2	2	14	7
115	09.12. 1648	Бумага писчая	десть	1	–	–	8	8	8
116	09.12. 1648	Свеча сальная	штука	100	–	5	–	30	0,3
117	12.12.	Масло ко-	гривенка	5	–	3	2	20	4

	1648	нопьяное									
118	12.12. 1648	Веретище рогозинное	штука	2	–	2	5	17	8,5		
119	12.12. 1648	Шелк	золотник	1	–	–	4	4	4		
120	14.12. 1648	Дровни	штука	2	–	5	–	30	15		
121	14.12. 1648	Говядина	туша	3	2	1	–	406	153,33		
122	14.12. 1648	Пироги	штука	3	–	8	–	48	16		
123	14.12. 1648	Ложки реп- чатые	штука	15	1	3	2	220	14,7		
124	14.12. 1648	Рыба, про- сольная	чан	3	6	–	–	120 0	400		
125	14.12. 1648	Веретище	штука	1	–	–	7	7	7		
126	23.12. 1648	Шелк на пахвы	золотник	2	–	–	8	8	4		
127	28.12. 1648	Свеча сальная	штука	100	–	5	–	30	0,3		
128	02.01. 1649	Кирпич	штука	1000	2	–	–	400	0,4		
129	03.01. 1649	Ладан	пуд	гри- вен- ка	7	37, 5	35	24	4	714 8	900
130	03.01. 1649	Ковш реп- чатый	штука	1	–	18	–	108	108		
131	03.01. 1649	Куль ро- гожный	штука	40	–	15	2	92	2,3		
132	07.01. 1649	Масло се- мянное	гривенка	5	–	2	4,5	16,5	3,3		
133	07.01. 1649	Уши све- тешные	штука	2	–	–	4	4	2		
134	07.01. 1649	Кирпич	штука	100	–	6	4	40	0,4		
135	12.01. 1649	Сало рыбье	гривенка	18	–	8	2	50	2,8		
136	12.01. 1649	Гвоздь лу- женный	колодка	2	–	–	6	6	3		
137	14.01. 1649	Свеча сальная	штука	100	–	5	2	32	0,32		
138	24.01. 1649	Скатерть клетчатая холщевая	аршин	8	–	6	4	40	5		

Источник: [8, с. 264–284].

В табл. 2 занесены сведения о более чем 100 различных товаров. Из них 20 товаров покупали несколько раз, сведения об их цене представлены в табл. 3.

Таблица 3

Товары, купленные Вологодским архиерейским домом в 1648/49 г.

№ п/п	№ п/п в табл. 2	№ товара	Дата	Товар			Цена				
				вид	единица измерения	объём	руб.	алт.	ден.	всего денег	за единицу измерения в денгах
1	46	1	19.10.1648	Бумага писчая	десть	2	–	2	3	15	7,5
2	115		09.12.1648	Бумага писчая	десть	1	–	–	8	8	8
3	77	2	27.10.1648	Вожжи	штука	1	–	–	3	3	3
4	82		27.10.1648	Вожжи	штука	1	–	–	2	2	2
5	25	3	03.10.1648	Гвоздь двое-тесный	штука	500	–	20	–	120	0,24
6	29		03.10.1648	Гвоздь двое-тесный	штука	200	–	8	–	48	0,24
7	43		15.10.1648	Гвоздь двое-тесный	штука	210	–	5	2	32	0,15
8	31	4	10.10.1648	Гвоздь луженый	колodka	2	–	1	–	6	3
9	45		18.10.1648	Гвоздь луженый	колodka	10	–	5	–	30	3
10	63		26.10.1648	Гвоздь луженый	колodka	1	–	–	3	3	3
11	136		12.01.1649	Гвоздь луженый	колodka	2	–	–	6	6	3
12	26	5	03.10.1648	Гвоздь под-скаль-ный	штука	500	–	5	–	30	0,06
13	30		03.10.	Гвоздь	шту-	300	–	3	–	18	0,06

			1648	под- скаль- ный	ка						
14	32		10.10. 1648	Гвоздь под- скаль- ный	шту- ка	300	–	3	–	18	0,06
15	73	6	27.10. 1648	Замок вися- чий	шту- ка	2	–	4	2	26	13
16	84		29.10. 1648	Замок вися- чий	шту- ка	1	–	3	2	20	20
17	12	7	16.09. 1648	Кирпич	кир- пич (100 шт.)	500	–	31	4	190	0,38 (100 по 38)
18	128		02.01. 1649	Кирпич	шту- ка	100 0	2	–	–	400	0,4
19	134		07.01. 1649	Кирпич	шту- ка	100		6	4	40	0,4
20	28	8	03.10. 1648	Калач столо- вый	шту- ка	1	–	–	4	4	4
21	44		15.10. 1648	Калач к столу	шту- ка	1	–	–	2	2	2
22	47		19.10. 1648	Калач к столу	шту- ка	1	–	–	2	2	2
23	39	9	12.10. 1648	Ковш репча- тый	шту- ка	2	–	40	–	240	120
24	130		03.01. 1649	Ковш репча- тый	шту- ка	1	–	18	–	108	108
25	70	10	26.10. 1648	Ковш	шту- ка	1	–	–	3	3	3
26	87		30.10. 1648	Ковш	шту- ка	1	–	–	4	4	4
27	5	11	11.09. 1648	Кра- шенина	ар- шин	8	–	10	4	64	8
28	99		27.11. 1648	Кра- шенина	ар- шин	8,75	–	11	4	70	8
29	92		11.11. 1648	Кра- шенина на сти- хари	ар- шин	10	–	13	2	80	8
30	93		14.11. 1648	Кра- шенина крас- ная	ар- шин	3	–	4	–	24	8
31	64	12	26.10.	Икра	пуд	1,5	1	11	4	270	180

			1648	красная							
32	111		08.12.1648	Икра красная немлушья	пуд	2	1	16	4	300	150
33	9	13	14.09.1648	Масло семянное	гривенка	10	–	6	4	40	4
34	21		27.09.1648	Масло семянное	гривенка	19	–	12	4	76	4
35	95		18.11.1648	Масло семянное	гривенка	10	–	6	4	40	4
36	132		07.01.1649	Масло семянное	гривенка	5	–	2	4,5	16,5	3,3
37	13	14	16.09.1648	Огурец	штука	500	–	3	5	23	0,046
38	37		12.10.1648	Огурец	штука	100	–	–	3	3	0,03
39	110	15	08.12.1648	Рыба, сиг	тушка	2	–	25	–	150	150
40	114		09.12.1648	Рыба, сиг	тушка	2	–	2	2	14	7
41	16	16	19.09.1648	Рыба, щука (на пар)	тушка	2	–	4	–	24	12
42	102		01.12.1648	Рыба, щука (на пар)	тушка	4	–	5	2	32	8
43	103		01.12.1648	Рыба, щука (на пар)	тушка	4	–	4	–	24	6
44	17		19.09.1648	Рыба, щука (колodka)	тушка	1	–	–	4	4	4
45	41		14.10.1648	Рыба, щука (колodka)	тушка	1	–	2	–	12	12
46	106		01.12.1648	Рыба, щука просоль-	тушка	7	–	6	2	38	5,42

				ная							
47	113		09.12.1648	Рыба, щука	тушка	2	–	3	2	20	10
48	18		19.09.1648	Рыба, щука (уха)	тушка	5	–	–	4	4	0,8
49	1	17	01.09.1648	Свечасальная	штука	100	–	5	4	34	0,34
50	20		26.09.1648	Свечасальная	штука	50	–	2	3	15	0,3
51	85		30.10.1648	Свечасальная	штука	100	–	5	–	30	0,3
52	97		21.11.1648	Свечасальная	штука	100	–	5	–	30	0,3
53	116		09.12.1648	Свечасальная	штука	100	–	5	–	30	0,3
54	127		28.12.1648	Свечасальная	штука	100	–	5	–	30	0,3
55	137		14.01.1649	Свечасальная	штука	100	–	5	2	32	0,32
56	42		15.10.1648	Свечасальная двоесветильная	штука	100	–	5	–	30	0,3
57	62		25.10.1648	Свечасальная односветильная	штука	100	–	5	4	34	0,34
58	71	18	26.10.1648	Узда	штука	7	–	10	3	63	9
59	80		27.10.1648	Узда	штука	1	–	–	9	9	9
60	76	19	27.10.1648	Ужище	штука	2	–	–	4	4	2
61	86		30.10.1648	Ужище	штука	2	–	–	4	4	2
62	49	20	23.10.1648	Шелк	золотник	10	–	6	4	40	4
63	119		12.12.1648	Шелк	золотник	1	–	–	4	4	4
64	8		14.09.1648	Шелк к патрахелям	золотник	10	–	6	4	40	4
65	10		14.09.1648	Шелк белый	золот-	1	–	–	4	4	4

				к пат- рахе- лям	ник						
66	126		23.12.164 8	Шелк на пах- вы	зо- лот- ник	2	–	–	8	8	4

Источник: [8, с. 264–284].

Из табл. 3. видно, что цена большинства товаров с сентября 1648 г. по февраль 1649 г. оставалась стабильной. Наибольшие колебания наблюдаются в цене за щуку от 12 до 0,8 денги. Очевидно, что это объясняется размером покупаемой рыбы и ее предполагаемым употреблением (уха, пар). Как известно, щука может быть длиной до 1,5 метров и весом до 35 кг. Обычно для ухи используется небольшая щука (щурята) массой 200–300 грамм, в связи с этим одна тушка и стоила 0,8 денги. В целом сведения о ценах, представленные в табл. 3, необходимы для дальнейшего сопоставления с аналогичными данными из приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома XVII в. В будущем возможно выстраивание графиков сезонных колебаний цен в течение одного года. Кроме этого на основании сохранившихся документов предполагается составление графиков и таблиц цен на товары за 1612–1702 гг.

1. Восстание И. Болотникова: Документы и материалы / Сост. А.И. Копанев, А.Г. Маньков. Под ред. И.И. Смирнова. М., 1959.
2. Дмитриева З.В. Основные направления научной деятельности А.Г. Манькова // Из истории ЛОИИ: Доклады и сообщения СПб Института истории РАН. СПб., 2015.
3. Дмитриева З.В. Хлебный «бюджет» Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков. СПб., 2015. (Труды СПбИИ РАН. Вып. №1 (17)).
4. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976.
5. Кузьмин А.В., Шамина И.Н., Смирнова С.С., Шаршаков И., Берташ А. Вологодская и Великоустюжская епархия // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. IX.
6. Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951.
7. Панеях В.М. О книге А.Г. Манькова «Цены и их движение в Русском государстве XVI в.» (М.; Л., 1951) // Вопросы истории. 1952. № 12.
8. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016.
9. Савич А.А. Соловецкая вотчина. XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси). Пермь, 1927.

10. Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М., 1983.

УДК 94(47)

В.А. Ковригина¹

**Государевы пороховые мельницы на р. Яузе и их
арендаторы: К вопросу о деятельности
западноевропейских предпринимателей в России XVII –
первой четверти XVIII вв.**

Мануфактура; пороховые мельницы; предпринимательство и государственная власть; западноевропейские «концессионеры»; формы деловой активности.

Рассматриваются: история пороховых мельниц на р. Яузе в XVII – первой четверти XVIII вв., особенности пороховой мануфактуры, взаимоотношения государственной власти и иноземных предпринимателей, правовые условия содержания и передачи мельниц другим арендаторам.

Новым явлением в экономической жизни России XVII в. было появление и развитие крупного производства. Инициатива их создания исходила от государственной власти, заинтересованной в появлении производств, способных обеспечить нужды армии, в том числе порохом хорошего качества и в большом количестве. Для этого требовались предприятия мануфактурного типа, работающие по новым технологиям, с использованием механизмов, приводимых в движение силой воды, какие были известны в Западной Европе. Характер железодельных заводов и других заведений в России XVII–XVIII вв., основанных с привлечением западноевропейских специалистов и предпринимателей в качестве «концессионеров», – были проанализированы Л.В. Миловым, который определил основные факторы, влиявшие на формирование особенностей мануфактурного производства в России этого времени [9, ч. 2. гл. III, с. 493, 508-519]. Насколько эти факторы были присущи пороховым мануфактурам или они имели свои отличительные черты, – попытаемся выяснить на примере «государевых пороховых мельниц», работавших под Москвой на р. Яузе во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. под «управлением» арендаторов-иноземцев.

Первой на р. Яузе была построена пороховая мельница голландским купцом Д. Бахрахтом (1653-1655) по договору и с разрешения

¹ Ковригина Вера Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., kovrigina.vera@yandex.ru.

правительства в нижнем течении реки, получив название «Нижней» [5, с. 26; 4, с. 176]. Вторая, которая располагалась выше по реке, сначала была построена как «государева бумажная мельница» (1666) [1, с. 45, 46 и др.], а в 1673 г. – отдана в оброк вдове голландского купца И. ван Сведена. При ней – была переделана под пороховое производство (1673-1676), став «Верхней» государственной пороховой мельницей [3, с. 508; 8, с. 248]. «Нижняя» мельница после смерти Д. Бахерахта (1671) была взята в казну, и действовала как казенная мануфактура, находившаяся в управлении Пушкарского приказа, где работали «государевы мастера и работные люди». В 1704 г. она была отдана на оброк Ф. Анিকেеву – «Денежного двора отставному кузнецу», который оставался ее арендатором в 1710-е гг. [8, с. 251]. «Верхняя» же пороховая мельница проработала до 22 сентября 1722 г., когда в 3 часа ночи от взрыва «взлетела на воздух» [2, с. 452], и больше не восстанавливалась. За полстолетия своего существования она несколько раз меняла своих арендаторов из числа западноевропейских предпринимателей, действовавших в правовых рамках, установленных государственной властью.

Так как иностранцам, проживавшим в России, как подданным других государств, запрещалась покупка земель в частную собственность, им под пороховые заводы предоставлялись участки из дворцовых или казенных земель. Они не имели права по своей инициативе продать предприятие другому лицу или передать его по завещанию. Таким образом, иностранцы не являлись собственниками пороховых заводов, построенных даже на свои средства², а «владели» ими на правах «концессионеров» [6, с. 193; 7, с. 45-46 и др.]; пороховые мельницы находились «в ведении» Пушкарского, а с 1701 г., – приказа Артиллерии. По окончании срока контракта или по смерти арендатора, пороховые «заводы» отходили «на государя» [3, с. 509].

Иноземные «концессионеры» принадлежали к западноевропейским купцам, торговавшим в России не менее десятка лет; владели дворами в московской Немецкой слободе, не раз исполняли поручения царского правительства (закупали за границей оружие; приглашали иноземных мастеров и т. д.) [6; 4, с. 179-181]. Поддерживали тесные родственные и деловые связи с известными иноземными купцами и предпринимателями, выступавшими в качестве их кредиторов или

² Д. Бахерахт затратил 13 тыс. руб. на постройку Нижней мельницы: двух каменных производственных строений, деревянной мельницы и плотины, на оборудование и наем мастеров из Голландии и Германии [4, с. 176].

«свидетелей» (гарантами) при получении «Жалованных грамот» и составлении поручных записей [3, с. 508, 509], определявших права и обязанности арендаторов. В них оговаривались сроки аренды (4, 5, 10 лет), размеры оброка, годовое количество пороха для поставки в казну; указывались виды пороха и их цена³, а также количество казенной селитры, которой обеспечивались пороховые мельницы из Пушкарского приказа. Казна оплачивала затраты «концессионеров» на строительство новых производственных «строений», а также на ремонт плотины, мельницы, производственных помещений, поломка которых произошла не по их вине, а из-за паводков, наводнений и других природных бедствий. В частности, Пушкарский приказ оплатил подобные затраты арендаторам Верхней мельницы в 1683, 1693, 1696 гг. [3, с. 512, 515].

Пороховые «заводы» на р. Язуе не занимали больших площадей. Территория двора Верхней пороховой мельницы с 1680-х гг. не претерпела больших изменений⁴. Опись порохового двора, сделанная в 1719 г. в приказе Артиллерии при Р. Мейере [3, с. 516-517], дает представление о пороховом заведении, где селитру «варили», «распускали» и хранили, а также «отстаивали» и хранили готовый порох. На реке, на мельнице в двух «амбарах, где находились по одному колесу да по два вала... толкли порох водою», в одном: 54 ступы с пестами, в другом – 30 «с пестами ж», окованные и с медными поддонами. Большинство строений были деревянными, включая плотину и мельницу. Последняя, как техническое «сердце» всего производства, дала название мануфактуре: «пороховая мельница». Еще на дворе были: жилища для работных людей, «две светлицы» для приказчиков с сенями и погребом, конюшня с сараем. Все – огорожено деревянным забором с двумя воротами. Рядом находился двор, дом и сад самого «заводчика» [3, с. 515-518; 8, с. 251].

На пороховом дворе работали: два приказчика, мастера и работные люди, общее число которых не превышало двух-трех десятков человек, нанятых по частному найму. Приписных деревень и крестьян у этих «заводов» не было. Значительная часть селитры (основной компонент при производстве пороха) предоставлялась казной, а для доставки селитры и готового пороха давались казенные подводы. Бли-

³ Если арендатор Верхней мельницы Е. Левкин делал только пушечный порох, то М. Левкина и Р. Мейер «сверх договорной записи» стали изготавливать с 1687 г. порох «мушкетный и ручной», за который им платили по более дорогой цене [3, с. 508, 411, 412].

зость к Москве упрощала сношение с Пушкарским приказом и давала возможность нанимать «зелейных» мастеров и работных людей в Москве и ее окрестностях. Верхняя мельница привлекла внимание юного Петра I, которого интересовало изготовление пороха, а ее арендатор Р. Мейер, с 1690-х гг. стал одним из «знакомцев» государя [8, с. 248-250, 254].

Работали мельницы в основном в летние месяцы. Зимой река замерзала, весной паводки повреждали или разрушали плотину и мельницу, производство останавливалось. Повышение или спад воды в реке также мешали работе мельниц⁵. Арендаторы обязаны были, согласно договору, производить все работы и содержать наемных мастеров и работников на свои средства [3, с. 508, 512, 513]. Это требовало от «заводчиков» денежных затрат, которые они могли возместить другими видами деятельности. Иноземные «пороховые уговорщики», вышедшие из купеческой среды, сохраняли свои деловые связи. Через посредников вывозили за границу товары, которыми казна расплачивалась с ними за полученный порох⁶, торговали другими товарами, предоставляли денежные кредиты и занимались ростовщичеством⁷.

За 50 лет своего существования Верхняя государева мельница сменила нескольких арендаторов: вдова И. ван Сведена (с 1673), Е. Левкин (1676-1683), М. Левкина (1684-1693), Р. Мейер (1693-1722). Но в действительности все это время она оставалась в руках членов одной семьи: Е. Левкин был зятем И. ван Сведена, а Р. Мейер – Е. и М. Левкиных [8, с. 248]. Новые «Жалованные грамоты» выдавались только по окончании срока аренды или смерти ее арендатора. Но при назначении следующих «концессионеров» учитывались пожелания еще здравствующих арендаторов или их вдов, которые подавались ими в Пушкарский приказ в виде челобитных [3, с. 413-415; 6, с. 193; 7, с. 47]. Так, вдова Е. Левкина, управлявшая мельницей до окончания срока «жалованной грамоты», выданной ее мужу, отказалась от возобновления срока аренды, передав ее в пользу своего зятя Р. Мейера, поскольку он уже несколько лет помогал ей и был «сведущ» в делах

⁵ Ф. Аникеев- арендатор Нижней пороховой мельницы, в 1711 г. подал жалобу на Р. Мейера на то, что тот «запирает воду», прибавив к своей плотине «вешки» и этим мешает работе его мельницы [8, с. 251].

⁶ Д. Бахерахт в 1650-1660-е гг. вывозил за границу через посредников товары, выданные ему казной за готовый порох: поташ, пенька, деготь, собольи меха и др. [5, с. 27; 4, с. 176].

⁷ Р. Мейер в 1690-1710-е гг. вывозил зерно, поставлял в Россию оружие (фузеи и шпаги), предоставлял денежные кредиты иноземным и русским купцам, давал деньги под проценты и под залог имущества [8, с. 249, 252].

[8, с. 48].

Таким образом, пороховые мельницы на р. Яузе представляли собой централизованную мануфактуру, с присущими ей: разделением труда внутри производственного цикла, с использованием специального оборудования и механизмов, гидротехнических сооружений, приводимых в движение силой падающей воды. Пороховое производство носило сезонный характер и зависело от природно-климатических факторов. Обе государевы мельницы находились на оброке, а ими «управляли», главным образом, иноземные купцы на правах «концессионеров». Пушкарский приказ являлся основным заказчиком и потребителем пороха, беря на себя снабжение мельниц селитрой, а также помогая деньгами при чрезвычайных ситуациях. Пороховые «заводы» на р. Яузе не отличались размахом производства, не занимали больших территорий, не имели приписных земель и крестьян, что отличало их от ряда других мануфактур. На этих мельницах использовался труд только наемных мастеров и работников, главным образом, из русских людей, оплачиваемый из средств самих арендаторов, которые самостоятельно справлялись с управлением и содержанием «пороховых заведений», за исключением форс-мажорных обстоятельств. Особенностью же Верхней государственной мельницы являлся тот факт, что на протяжении десятилетий она находилась в управлении одного семейного клана «московских иноземцев», связанных близким родством [3, с. 411-415; 4, с. 75-79, 85], что способствовало стабильности ее работы.

1. Белокуров С.А. О бумажной мельнице в Москве на р. Яузе // ЧОИДР. 1907. Кн. 2.
2. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца 1721-1725 // Неистовый реформатор. М., 2000. Ч. 1-2.
3. Бранденбург Н.Е. Материалы для истории Артиллерийского управления в России. Приказ Артиллерии (1701-1720). СПб., 1876. Т. I.
4. Велуменкамп Ян Виллем. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550-1785. М., 2006.
5. Дёмкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 2.
6. Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998.
7. Ковригина В.А. Западноевропейские предприниматели в России XVII – первой четверти XVIII в. и отношение к ним государственной власти // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2016.
8. Ковригина В.А. Голландский купец и заводчик Родион Мейер и его семья в России при Петре I // Петровское время в лицах. 2015. Труды

- Государственного Эрмитажа. Т. LXXIV. СПб., 2015.
9. *Миров Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

УДК 94(47)

К.В. Петров¹

**От принятия закона до его доведения до населения:
организационные приказные процедуры в России XVII в.**

Право; закон; история права; Российское государство; средневековое право; источники права.

В работе на основании столбцового приказного делопроизводства исследуется процедура доведения законов до сведения органов власти и населения страны. Приводятся наблюдения относительно датировок законов и их вступления в юридическую силу.

К настоящему времени усилиями исследователей, историков-источниковедов и археографов, издано большое количество актовых документов (юридических документов), официального и частного происхождения. К настоящему времени среди археографов сложились определенные традиции отбора документов для их публикации [подробнее: 1, с. 16-19]. Обе традиции отличает выборочная публикация документов из единых по своему происхождению дел, состоящих из ряда документов и отражающих процесс принятия по ним решения. Многие из указанных документов носят внутриорганизационный приказной характер и поэтому не публиковались. Между тем, на основе изучения этих документов можно сделать выводы о характере работы органов власти в XVII в. и их эффективности. Наши наблюдения подтверждают мнение С.Б. Веселовского, Л.А. Тимошиной и Д.В. Лисейцева о быстрой и эффективной работе приказов в XVII в. [См.: 1, с. 56-57]. В настоящей работе анализируется комплекс документов, связанных с введением в действие двух «законов», сохранившихся среди столбцов Белгородского стола Разрядного приказа и раскрывающих приказные процедуры, которые совершались после принятия «закона» до его рассылки в административные центры уездов.

1. В Полном собрании законов Российской империи издан нормативный акт, датированный 21 мая (7191) 1683 г., озаглавленный

¹ Петров Константин Васильевич, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., к.ю.н., 1petrov_kv@mail.ru.

публикаторами – «О принятии строжайших мер против крамольников, рассевающих в народе зловерные толки по случаю бывшего стрелецкого возмущения»². В акте содержится указание на принятия строгих мер против распространения позитивных высказываний о событиях в Москве в 1682 г. Сохранившиеся столбцовые документы, связанные с данным «законом» состоят из следующих документов:

1) «образцовая грамота» в Курск боярину и воеводе А.С. Шеину «с товарищи», с дьячьей правкой³;

2) приказная распорядительная запись со списком подьячих и перечнем городов, куда должны быть написаны грамоты⁴;

3) приказная запись об исполнении распоряжения⁵.

Исходный текст «закона» среди в деле отсутствует – на л. 413 в верхней части помещена помета «подлинной указ и обрасцовая грамота списана у боярского списка, а указ не списан». Образцовая грамота представляет собой текст «закона», измененный таким образом, как будто «закон» распространяет свое действие именно на данный уезд. Изменения касаются текста «закона» в незначительной степени; смысл нормативных предписаний не изменен.

Судя по документам, «Закон» был сформулирован царями на докладе, который делал дьяк Стрелецкого приказа Кирилл Алексеев, им он был записан на докладе 21 мая 1683 г.

31 мая 1683 г. с подлинного указа подьячим Алешкой Жеребцовым была изготовлена «образцовая грамота» (воеводам в Курск) с сохранением даты ее изготовления – 31 мая 1683 г. В тот же день она была отослана в Курск с волуйским станичником Кирилом Саковым.

31 мая 1683 г. состоялось распределение подьячих для изготовления копий с «образцовой грамоты» с изменением адресата применительно к рассылке в разные города: Федор Кузьмин (грамоты в Мценск и Новосиль), Сергей Худяков (грамоты на Епифань и Обоянь, Старый Оскол), Михаил Иванов (грамоты в Белгород, Болховой, Карпов), Иван Топилской (грамоты в Хотмышской, Волной, Олешну), Григорий Осетров (грамоты на Корочу, Яблонов, Новый Оскол), Филимон Остриков (грамоты в Верхососенской, Усерд, Олшанск), Василий Баженов (грамоты в Острогожск, Волуйки, Чугуев), Роман Артемьев (грамоты в Сумин, Суджу, третий город не читается), Тимофей Красной (грамоты в Ефремов, Лебедянь, Донков), Дмитрий Костоусов

² ПСЗ. Т. 2. № 1014.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1029. Л. 413–417.

⁴ Там же. Л. 418–420.

⁵ Там же. Л. 420.

(грамоты в Галецкой, Чернавской), Василий Худяков (грамота в Землянской).

В записи об исполнении распоряжения отмечены фамилии подьячих со значками в виде «крестика» рядом с их именами. Из этого списка выясняется отсутствие листа о направлении грамот в другие города, которые были изготовлены подьячими Львом Зеленым, Семеном Самойловым, Василием Спасителевым, Иваном Конищевым, Василием Щегловым и Осипом Протопоповым.

2. Среди других актов, изданных в Полном собрании законов помещен нормативный акт, датированный 10 февраля (7173) 1665 г., озаглавленный публикаторами – «О ведомстве в Разряде разных полков полковников и начальных людей, и об отпуске на жалованье ратным людям таможенных и кабацких денег, собираемых в городах Севского и Белгородского полков»⁶. Указ вводит изменения порядка распределения денежных сборов с таможен и кабаков и порядка выдачи жалованья «служилым людям». Сам Указ и ряд документов, связанных с его рассылкой в уездные администрации, сохранились в фонде Разрядного приказа⁷. Стоит сразу отметить высокую точность передачи текста «закона» в издании ПСЗ.

Сохранившиеся столбцовые документы, связанные с данным «законом» состоят из следующих документов:

1) Указ от 10 февраля 1665 г.⁸;

2) приказное распоряжение под заголовком «С указу и с пометы списки даны подьячим с росписками» с записями подьячих о получении указа⁹.

Лист 55 об. с текстом указа содержит две пометы, выполненные другим почерком и чернилами: 1) «173-го февраля в 13 день подал приказу Тайных дел подьячей Артемей Степанов записать великого государя указ в книгу, и учинить о всем по сему великого государя указу тот час»; 2) «И как ис приказов списки и книги и все пришлет, написать в Розряде в приходную книгу, а начальным людям учинить книгу особо. А сесь великого государя указ записать в книгу Белогородского полку подьячему Ивану Малышеву, а подьячим ж Федору Микитину и Федору Оловяникову дать списки, да и в Денежной стол дать список же».

Указ содержит дату – 10 февраля 1665 г. Однако, судя по тексту,

⁶ ПСЗ. Т. 1. № 370.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 989. Л. 55–63.

⁸ Там же. Л. 55–57.

⁹ Там же. Л. 58.

лишь 13 февраля 1665 г. подьячий приказа Тайных дел Артемей Степанов передал текст Указа в Разрядный приказ для записи в книгу и применения «тот час». В Разрядном приказе в тот же день 13 февраля 1664 г. текст Указа был внесен в записную книгу Разрядного приказа: на л. 58 помета «173-го февраля 13-го числа великого государя указ и помета в Розряде в записную книгу нынешняго 173-го году записаны». В тот же день, 13 февраля копии указа и распорядительной пометы переданы руководителям структурных подразделений Разрядного приказа (столов) под роспись: ведающему городами Белгородского полка – Федору Постникову, ведающему городами Новгородского полка – Федору Левонтьеву, руководителю Денежного стола – Ивану Коровину.

Изучение указанных документов, помимо прочего, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, точное следование тексту в данном случае не является важным для приказных служащих. Важно передать смысл указа. При этом, в других случаях, по нашим наблюдениям, в выписках фиксируются точные цитаты нормативных актов (например, Соборного уложения). К такому же выводу пришла Л.А. Тимошина [2, с. 159].

Во-вторых, в уездную администрацию направляются не копии Указа, а грамоты с передачей его смыслового содержания. При этом нормативное предписание формулируется применительно к конкретному уезду (административной единице). Отсюда следует, что, изначально нормативное правовое предписание, распространяющее свое действие на все государство (поскольку иное не указано), превращается в общую норму, действующую на территории каждого конкретного уезда. Видимо, в приказной практике важно было переформулировать указ применительно к конкретному уезду – поскольку представление о том, что единой нормой можно урегулировать отношения на всей территории страны находится в процессе становления. С другой стороны, это явление отражает процесс трансформации правового партикуляризма.

В-третьих, точность датировки нормативного акта не имела существенного значения в правовой практике XVII в., т.к. вступление нормы в действие обусловлено получением грамоты с Указа в уездной администрации. Это означает, что нормативные предписания вступали в силу на территории различных уездов в разное время. Данное обстоятельство важно учитывать при исследовании конкретно-исторических проблем.

1. Тимошина Л.А. О месте столбцов XVII в. в современной археографии // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2015. № 9.
2. Тимошина Л.А. Вспомогательные исторические дисциплины в изучении приказного делопроизводства XVII в. (на примере Посольского и четвертных приказов) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV междунар. науч. конф. М., 2013. Ч. 1.

УДК 94(47).05

А.Н. Пермякова¹

«Государева опала»: между правом и традицией. Правовое оформление института во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.

Опала; политические преступления; Соборное Уложение; Слово и Дело.

В настоящей статье речь пойдет о таком проявлении политической воли монарха как *опала*. В период раннего Нового времени происходила трансформация института государевой опалы, его правовое оформление. В связи с чем предлагается посмотреть на данный феномен с позиций религиозного и юридического подходов.

Говоря о таком проявлении политической воли монарха как *опала*, в большинстве своем никак не мотивированной *немилости* государя в отношении кого-либо из своих подданных, перед исследователем неизменно встает вопрос о дефиниции, конструировании значения понятия, образовании его смысла. В основе этого процесса должен был находиться некий опыт, предметы и обстоятельства, оформляющиеся в понятие, а также вопрос о том, как эти опыт, предметы и обстоятельства понимаются [10, с. 8-9]. Таким образом, историческое понятие оказывается между двух направляющих: историей языка и историей реалий. Относительно интересующего нас института *опалы* попробуем ответить на вопрос, что могло лечь в основу его понятия.

Такое определение опалы дает в своем исследовании Е.В. Анисимов: «Опала — это гнев, немилость, нерасположение государя к своему подданному, преимущественно служилому человеку. В основе опалы – подчас неожиданного, внесудебного отстранения служилого от дел, двора, определения его в ссылку или на казнь, лежал каприз, необоснованное и не выраженное в законной форме подозрение государя, а нередко его личная месть неугоднему подданному» [1, с.

¹ Пермякова Алёна Николаевна, СПб Институт Истории РАН (РФ, Санкт-Петербург), асп., apermiakova@eu.spb.ru.

221].

Современный толковый словарь русского языка среди прочего понимает *опалу* как старинную форму наказания впавшему в немилость [6, с. 444]. В то время как словарь старославянского языка, основанный на памятниках письменности IX–XII вв., пока такого понятия не знает, но, судя по всему, лексически *опала* восходит к однокоренным словам – *опалити*, *опаляти*, являясь их отглагольной формой [11, с. 547].

Первоначально контекст употребления данных слов имел исключительно религиозный характер. В христианской традиции подчеркивается: «Бог есть огонь», а «огонь бо есть опаляя Бог» [11, с. 547]. Огонь да не коснется праведника, но «опалят беззаконнааго и нечестивааго разум» [11, с. 547]. В Соборном послании святого апостола Иакова сказано, что главным средоточием *неправды* является язык: «так и язык водворяется во уды наша <...> опаляясь от геоны» [11, с. 547]. Таким образом, огонь наделялся не только разрушительной, всепоглощающей силой, но и очистительной от всякой лжи и *неправды*, за которую судит Бог.

При этом, в рамках религиозного подхода, восстанавливать *правду* на земле должен был правитель, наделявшийся функцией праведного судьи, вершившего суд в соответствии с правдой божьей – *законом*, что вело к соответствующему толкованию понятия *беззаконие* как прежде всего «нарушению божественных заповедей – божественных законов, а не постановлений монарха» [4, с. 50-51]².

Вместе с тем, нужно вспомнить о том, что монархическое правление в России, как и в Европе было освящено божественной волей, где с санкции религии и в силу традиции, утвердился сакральный характер государственной власти, т.е. «царь считался избранником и помазанником Божиим» [9, с. 22]. Тогда как развитие в политическом дискурсе представлений о том, что «царь не только судит по *правде*, но и может создавать *законы* для защиты этой *правды*», могло наводить современников на мысль об отождествлении власти царя и власти Бога, особенно во второй половине XVII в., когда в Кормчей книге сперва царь Алексей Михайлович был уподоблен «второму Моисею», а затем и Петр I после смерти был назван Моисеем России [4, с. 56-58, 64]. Так, в слове на погребение Петра Великого Феофан Прокопович обозначил свое отношение к Петру как к законодателю следующим

² Как отмечает М.А. Киселев, сам монарх «не выступал в качестве создателя правды».

образом: «Се Моисей твой, о России! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерушимая оковы злодеяния!» [7, с. 280].

Религиозные коннотации «царя» к концу XVII в. доминировали и в русской императорской символике [9, с. 31]. Этот аспект политической культуры двора и русской культуры в целом по мнению Пола Бушковича был определяющим. Однако это «не означало, что царь и элита не имели никаких политических идей. Просто они выражали эти идеи в религиозных и нравственных категориях, не включавших в себя такие понятия, как суверенитет, естественное право и общественный договор» [2, с. 28]. При этом, даже в первой четверти XVIII в. Ф. Прокопович, будучи хорошо знаком с данными идеями и являясь сторонником общественного договора (в консервативном варианте Т. Гоббса), относительно положения государя в Духовном регламенте (1721 г.) утверждал, что «монархи суть Боги», а император всероссийский «есть монарх самодержавный и неограниченный» и повиноваться его власти «сам Бог повелевает»³. По сути Ф. Прокопович в религиозной коннотации повторил формулу, ранее изложенную в Воинском артикуле (1715 г.): «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»⁴. В «Правде воли монаршей» Прокопович развивает положение о неограниченной власти императора, отмечая, что тот может «повелевати народу не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему не понравится, только бы народу не вредно и воли божией не противно было» [8, с. 27].

Таким образом, доминировавший во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. религиозный контекст для понятия государственной опалы являлся определяющим. Утвердившееся в общественно-политическом дискурсе представление о сакральной фигуре монарха-законодателя, практически отождествлявшее волю самодержавную с божественной, приводило к соответствующим толкованиям указов и устных распоряжений царя – абсолютного господина в своем владении, в качестве непреложных законов, по аналогии с евангелической формулой сотворения мира: «Искони бе слово и слово бе от Бога» (Ин. 1:1-2). В религиозной традиции опала не требовала никакого законодательного оформления, достаточно было государевой воли.

³ ПСЗ. Т. VI. № 3718.

⁴ Там же. Т. V. № 3006.

Поэтому относительно главных политических решений со времен издания Соборного Уложения сохранялась формула – «как государь укажет» [12].

Стоит ли удивляться тому, что с юридической точки зрения понятие опалы так и не было определено, ведь нерасположение государя к своим подданным не нуждалось в каком-либо пояснении. Поэтому, как выразился один из историков права – Н.Д. Сергеевский, для подданных опала несла собой «общую угрозу в неопределенной санкции», что, по мнению Е.В. Анисимова, выражалось в незаконном характере самой власти и опалы, как одного из ее проявлений. Так, он подчеркивает, что в опале «устойчиво просуществовавшей весь период существования самодержавия, а также других черт и порядков самовластного правления отчетливо видно сохранение в сердцевине самодержавного режима личностной, часто неуправляемой, «бешеной» и чудовищно страшной для подданных неправовой силы» [1, с. 221]. Заметим, что исходя из религиозного понимания сущности опалы, *справедливость* (от слов *право*, *правда*) государева гнева не должна была ставиться под сомнение. Однако стоит согласиться, что на уровне законодательства «именно эта сила и была источником законодательных норм и одновременно личным делом государя» [1, с. 221].

Так, в основе политических процессов второй половины XVII – первой четверти XVIII в. неизменно находился институт государевой опалы, понятия юридически неопределенного, но «фактически реального для русской жизни» [1, с. 221]. В то время как поводом к этим процессам служил политический извет – сказывание за собой слова или дела, как особая форма доноса, ставшая, по словам Н.Я Новомбергского, его «нарицательным именем при политическом терроре» [5, с. 1]. В то время как первое законодательное оформление этой известной формулы «государева слова и дела» полностью составляет вторую главу (ст. 1-21) Соборного Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г., классифицировавшую преступления на две категории: против «государской чести» и «здоровья государя» [12]. Примечательно, что под влиянием религиозной традиции законодателем равнозначно оценивались как слова, так и дела, за которые следовала натуральная смертная казнь, с возможной заменой на каторжные работы и ссылку. Причем круг государственных преступлений, введенный в законодательство при царе Алексее Михайловиче, в неизменном виде сохраняется и понимается при царе Петре Алексеевиче, который к числу «государственных дел» (т.е. преступлений государственных) относил: «измену или злодеяния на государя и госу-

дарство и бунт. Измена, злодейство или слова противные на государя и бунт» [3, с. 395].

Таким образом, категориально-понятийный аппарат Московского государства XVI–XVII вв., основывавшийся на православной религиозно-нравственной традиции, накладывал особый отпечаток на политические практики и формы социального контроля как во второй половине XVII, так и первой четверти XVIII вв., когда опала, хотя и сохранила форму правового обычая, однако, в связи с запросом со стороны правящей и интеллектуальной элиты об упрочении законности в монархии, обросла соответствующими законодательными нормами и специальными институциями (по типу Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии), тем самым получив форму государственного института.

1. *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
2. *Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671-1725). СПб., 2008.
3. *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. I.
4. *Киселев М.А.* Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. I.
5. *Новомбергский Н.Я.* Слово и Дело Государевы: (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 2004. Т. I.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1995.
7. *Прокопович Ф.* Слово на погребение Петра // Гребенюк В.П. (Сост.) Панагирическая литература петровского времени / Под ред. О.А. Державиной. М., 1979.
8. *Прокопович Ф.* О правде воли монаршей. СПб., 1726.
9. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.
10. Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Т. 2. К–О. СПб., 2006.
11. Соборное Уложение 1649: Текст. Комментарии / Подготовка текста Л.И. Ивиной и др.; отв. ред. А.Г. Маньков. Л., 1987.

**Местнические конфликты княжеских фамилий
Московского государства XVI–XVII вв.: динамика и
тенденции**

Княжеские фамилии; социальный статус; местничество; динамика.

В статье на основе хронологического реестра, составленного Ю.М. Эскиным, приведена и интерпретирована динамика местнических конфликтов с участием представителей княжеских фамилий. Отмечена связь числа местнических столкновений отдельных фамилий с ростом их социального статуса.

Местничеству посвящено немало работ историков и, хотя достигнуты важные результаты в изучении этого социального института, остается широкое поле для исследования. Историография XIX–XX вв. по местничеству проанализирована в монографии Ю.М. Эскина [17, с. 8–24]. Существенное значение для темы настоящей статьи имеет одна из последних публикаций этого ученого, рассматривающая общую динамику местнических конфликтов [14, с. 79–85]. На основе методики, описанной в указанной работе, и хронологического реестра, составленного Ю.М. Эскиным [16], ниже рассматривается динамика местнических столкновений княжеских фамилий. Большая социальная группа титулованных фамилий, сыгравшая значительную роль в истории Московского государства, сложилась в процессе перехода на службу в Москву князей Северо-Восточной, Юго-Западной Руси, представителей татарской, кавказской знати. С периодами формирования этой группы, ее расцветом во второй трети XVI в. и постепенным упадком в последующий период² тесно связана история местничества.

Динамика местнических столкновений с участием представителей княжеских фамилий³ приведена на диаграмме (Рис. 1).

¹ Сергеев Антон Вадимович, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н.; sergeev1967@inbox.ru.

² Выводы о периодах подъема и упадка благосостояния княжеских фамилий в XVI–XVII вв. получены на основе изучения их вкладов в Троице-Сергиев и другие монастыри [11; 12].

³ Под *княжеской фамилией* понимается передававшееся на протяжении жизни двух и более поколений наименование семьи, использовавшееся современни-

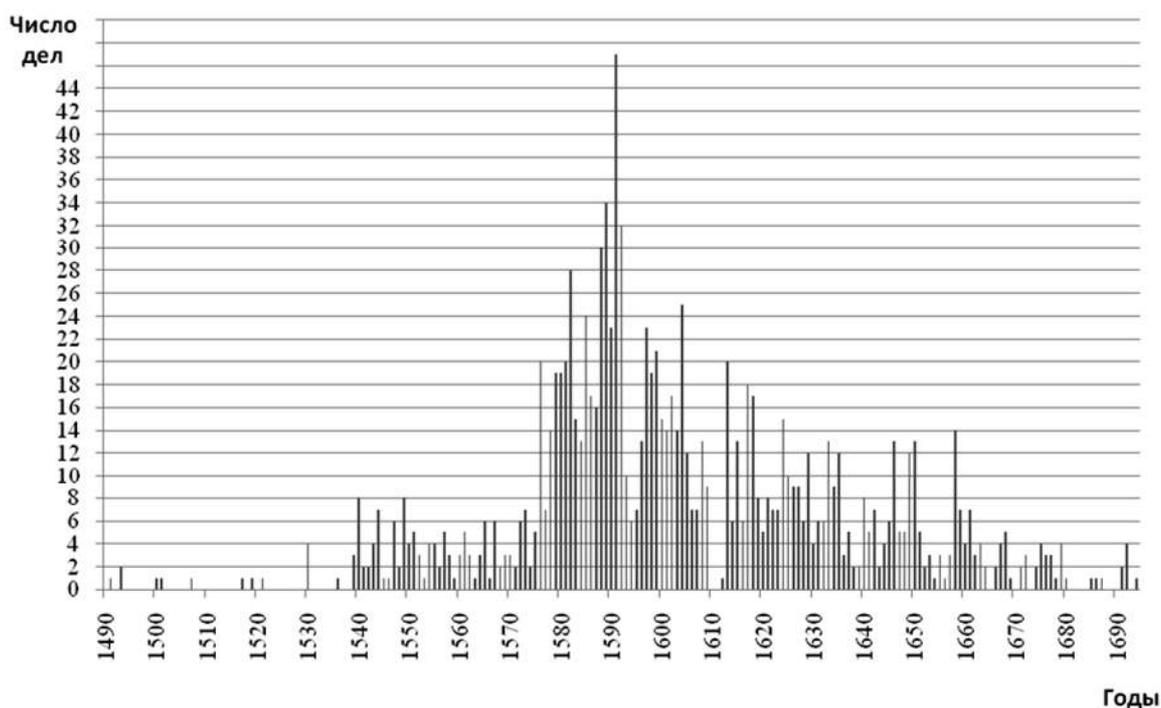

Рис. 1. Динамика местнических столкновений (дел) с участием представителей княжеских фамилий 1491–1694 гг.⁴

На Рис. 1 можно выделить следующие этапы подъема и спада местничества. Первый – период становления этого института – приходится на 1491–1540 гг. Как показал А.А. Зимин [4], почти все столкновения конца XV – первой трети XVI в. сомнительны, и их однозначная интерпретация как местнических спорна. В 1540 г. имел место резкий всплеск конфликтов на почве местничества (их число впервые достигло 8) и начался второй – период формирования института местничества, длившийся до 1576 г. В этом году количество столкновений достигает следующей рекордно высокой отметки – 20, и данный институт вступает в период расцвета, продолжавшийся до 1610 г. Количество местничеств в отдельные годы (1588, 1589, 1592) достигало и превышало 30. Самое большое число (47) пришлось на 1591 г. Затем последовал небольшой спад, но все же число конфликтов осталось значительным до конца царствования В.И. Шуйского. В «безгосударное» время 1610–1612 гг. местничества прекращаются в связи с отсутствием легитимного правителя, но в 1613 г. число протестов вновь достигает высокой отметки (20). С 1613 до 1660-х гг. количество местнических столкновений неуклонно понижается, а затем этот институт

ками для определения ее принадлежности к линии или ветви рода Рюриковичей, Гедиминовичей и др.

⁴ Благодарю Т.Г. Гуляеву за помощь в построении диаграммы.

вступает в период угасания, хотя отдельные местничества зафиксированы даже после официального упразднения в 1682 г.

В каком отношении к общему числу местнических столкновений находятся конфликты с участием князей? Прежде всего, следует определить общее количество местничеств. Хронологический реестр содержит 1717 номеров. Из этого числа следует вычесть номера 1–7 как выходящие за границы рассматриваемого периода номера, не содержащие указания на местническое столкновение, а только на законодательство, регулировавшее функционирование этого института, пропущенные номера (581, 582, 922, 1021), а также исключенные самим составителем реестра (33, 585, 1674). Необходимо прибавить номера с литерами «а» и «б», указанные в реестре и в дополнении к нему [17, с. 405, 424]⁵. Получившееся общее число местнических столкновений – 1639. Искомое отношение за весь период (1491–1694 гг.) – 1181/1639 (72 %). Можно заключить, что представители княжеских фамилий активно местничались, и число конфликтов с их участием составило почти три четверти от общего числа случаев за 200 лет. В первом периоде (1491–1539 гг.) отношение местничеств с участием князей к общему числу конфликтов – 17/29 (59 %); во втором (1540–1575 гг.) – 131/172 (76 %); в третьем (1576–1609 гг.) – 610/727 (84 %); в четвертом – 423/700 (60 %). Таким образом, большинство конфликтов до 1613 г. происходило между представителями княжеских фамилий и между княжескими и нетитулованными фамилиями, а позднее в этот институт втянулись нетитулованные фамилии, но все же он остался преимущественно «княжеским», чем и объясняется сходство диаграммы Рис. 1 с построенной Ю.М. Эскиным для всех известных местнических конфликтов [14, с. 81].

Сколько было в Московском государстве XVI в. княжеских фамилий? Ответ на этот вопрос может быть получен из «Бархатной книги» [9, ч. 1, с. 28–239; 9, ч. 2, с. 58–85, 162–180, 213–217, 235–253], «Дворовой тетради» [11], боярских списков XVI–XVII вв. [1; 2], разрядных [6; 7; 8], вкладных монастырских [3] книг и других источников. При анализе динамики местнических конфликтов рассматривался список из 157 княжеских фамилий.

На основе данных разрядных книг, указаний, сохранившихся в местнических делах, и информации иных источников среди княжеских фамилий можно выделить следующие «степени» социального ста-

⁵ 41а, 166а, 560а, 1281а, 1318а, 1407а, 1546а, 1547а, 1571а, 1591а, 1632а, 1633а, 1636а, 1641а, 1649а, 1649б.

туса: к первой принадлежали князья, занимавшие места в Боярской думе, а к низшей – служившие «с городом вместе», мало отличавшиеся от рядовых дворян и детей боярских⁶. Большинство князей занимали промежуточную вторую степень: не имели думных чинов, но служили в составе Государева двора, получали воеводские и другие разрядные назначения.

Всего в местнических столкновениях участвовали 107 из 157 фамилий (68 %)⁷. Количественно вовлеченность княжеских фамилий в институт местничества характеризуется следующими показателями: в наибольшем числе конфликтов участвовали князья Ромодановские (85 случаев), Голицыны (83), Хворостинины (66), Буйносовы (61), Туренины (60), Щербатые (60), Волконские (58), Долгорукие (53). Число местнических столкновений составило от 40 до 49 у князей Барятинских, Лыковых, Куракиных, Хилковых, Черкасских, Звенигородских; 30–39 у Трубецких, Шуйских, Пожарских, Сицких, Лобановых-Ростовских, Татевых, Одоевских, Кашиных; 21–28 у Курлятевых, Мосальских, Гагариных, Прозоровских, Тюфякиных, Пронских, Телятевских, Ногтевых-Оболенских, Засекиных-Жировых, Воротыньских, Львовых, Репниных, Бахтеяровых, Приимковых-Ростовских, Шаховских, Троекуровых; 10–19 у Мещерских, Ноздровых, Гвоздевых-Ростовских, Шестуновых, Ногтевых-Суздальских, Елецких, Мстиславских, Хованских, Великогагиных, Засекиных-Солнцевых, Мецецких, Козловских, Катыревых, Вяземских, Темкиных; 2–9 у Серебряных, Тюменских, Глинских, Щетининых, Охлябининых, Мышецких, Палецких, Токмаковых, Коркодиновых, Друцких, Белосельских, Курбских, Морткиных, Бельских-Морткиных, Горбатовых, Микулинских, Горчаковых, Телепневых-Лопатиных, Щенятевых, Бельских, Дашковых, Скопиных, Телепневых-Немых, Сугорских, Патрикеевых, Шелешпанских, Кривоборских, Тростенских, Кропоткиных, Канбаровых; по одному случаю местничеств зафиксировано у князей Касаткиных-Ростовских, Вадбальских, Ухтомских, Алабышевых, Аленкиных, Пенковых, Кубенских, Шехонских, Ушатовых, Барбашиных, Ряполовских, Гундоровых, Хотетовских, Стригиных, Ярославовых, Нагих-

⁶ Современники их именовали «князьями городовыми» («...князи городовые, нигде в розряде не бывали» [5, стб. 931]). На указанной степени общественного положения в XVI в. в ветви Ростовских Рюриковичей находились князья Касаткины, а у Ярославских – Шаховские, Голыгины, Дуловы и др.

⁷ В связи с ограниченным объемом настоящей публикации, составленная автором таблица со списком княжеских фамилий, их социальным статусом и числом местнических конфликтов не приводится.

Оболенских, Пенинских, Бабичевых, Корецких, Урусовых. Неизвестно ни одного местнического столкновения у представителей 47 фамилий: князей Ростовских – Голениных, Щепиных, Хохолковых, Яновых, Пужбальских, Голубых, Бычковых; Белозерских – Андомских, Кемских, Каргаломских, Дябринских; Ярославских – Сисеевых, Юхотских, Деевых, Моложских (Перининых), Судцких, Шаминых (Глебовых), Голыгиных, Дуловых; Суздальских – Глазатых; Тверских – Холмских, Чернятинских, Дорогобужских; Стародубских – Льяловских, Ковровых, Осиповских, Небогатых, Тулуповых; Рюриковичей Юго-Западной Руси – Белевских, Гнездиловских, Болховских, Конинских, Одыревских, Золотых, Щепиных-Оболенских, Жижемских, Селеховских, Путятиных; князей «выезжих» – Жеряпиных, Збаражских (Збарецких), Моложинских, Нерыцких, Несвицких, Чертенских, Юсуповых и др.

Сопоставление динамики местнических конфликтов с участием князей со сведениями о количестве, времени существования, общественном положении княжеских фамилий дает основание заключить, что рост социального статуса представителей этих фамилий в последней трети XVI в., обусловленный сходом с политической сцены княжеских фамилий, первенствовавших в середине столетия,⁸ привел к резкому увеличению числа местнических конфликтов и расцвету института местничества. Напротив, у княжеских фамилий, общественное положение которых было стабильным, местнические столкновения единичны или не зафиксированы вовсе. Повышение социального статуса князей вызывало местнические конфликты тем больше, чем значительнее был его рост. Показательны в этом отношении биографии Д.М. Пожарского [15, с. 176–179], братьев Хворостининых [10, с. 220–238], П.И. и В.И. Буйносовых, князей Лобановых-Ростовских, Шаховских и многих других. Возрастание числа местнических конфликтов с участием представителей нетитулованных фамилий после 1613 г. объясняется угасанием большинства княжеских фамилий (к концу XVII в. их было около 40). Расширение участия в институте местничества нетитулованных фамилий было остановлено упразднением его в 1682 г.

1. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах... М., 1853.
2. Боярские списки 1577–1607 гг. // *Станиславский А.Л.* Труды по истории

⁸ К началу XVII в. число княжеских фамилий значительно уменьшилось – их оставалось около 90.

- государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004.
3. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
 4. *Зимин А.А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г., М., 1970.
 5. Книги разрядные по официальным оных спискам... СПб., 1853. Т. 1.
 6. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
 7. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1–2; 1978. Т. I. Ч. 3; 1982. Т. II. Ч. 1–3; 1984. Т. III. Ч. 1–2; 1989. Т. III. Ч. 3; 1994. Т. IV. Ч. 1; 2003. Т. IV. Ч. 2.
 8. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.
 9. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787.
 10. *Сергеев А.В.* Воеводы Русского государства второй половины XVI века: князья Хворостинины // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016.
 11. *Сергеев А.В.* Троице-Сергиев монастырь и княжеская аристократия Московского государства в XVI–XVII в.: виды и динамика вкладов // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материальные свидетельства духовной культуры. Сборник материалов IX международной конференции 16–17 октября 2014 года. Сергиев Посад, 2016.
 12. *Сергеев А.В.* Представители княжеских фамилий XVI–XVII в. во вкладных и кормовых монастырских книгах из коллекции А.А. Титова // История и культура Ростовской земли. 2014. Ростов, 2015.
 13. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.
 14. *Эскин Ю.М.* Динамика местнических споров в XVI–XVII веках // Российская история. 2013. № 4.
 15. *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.
 16. *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.
 17. *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009.

УДК 93/94, 930

В.П. Богданов¹

**Статус «именитых людей» Строгановых:
о чем говорят записи на книгах**

Строгановы; записи на книгах; генеалогия; «именитые люди»; старопечатная книжность.

Статья посвящена социальному статусу Строгановых в XVII в. На основе записей на книгах старопечатной кириллицы автор показывает, что право имено-

¹ Богданов Владимир Павлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., vpbogdanov@gmail.com.

ваться полным отчеством в 1610 г. получили не все Строгановы. Званием «именитых людей» пользовались лишь потомки Андрея и Петра Семеновичей. Причем, скорее всего, изначально это было почетное именование, не имевшее юридически закреплённого статуса. Только после Соборного уложения 1649 г. (где статус «именитых людей Строгановых» был официально прописан) Строгановы стали активно использовать это звание вплоть до получения баронского титула в 1722 г.

Принятое в литературе безусловное именование Строгановых в качестве «именитых людей» имеет прочную историографическую традицию. Практически не вызывает сомнения два аспекта:

1. Статус «именитых людей» был пожалован представителям всех ветвей рода Строгановых царем Василем Шуйским в 1610 г. А.А. Введенский приводит следующую хронологию пожалований: Андрей Семенович Строганов – 20 февраля 1610 г., Никита Григорьевич Строганов – 23 апреля 1610 г., Петр Семенович Строганов и Максим Яковлевич Строганов – 29 мая 1610 г. [3];

2. Пожалование было осуществлено одновременно с правом именоваться «полным отчеством»;

3. Указанное титулование давало его носителям какой-то особый социальный статус.

Однако такой интересный источник, как записи на книгах, позволяет в значительной степени усомниться в справедливости указанных тезисов. В литературе давно подмечено, что записи (особенно вкладные) носят характер юридического документа. Соответственно, информация их носит практически официальный характер [9, с. 37]. Автором с 2008 г. ведется база данных по каталогам старопечатной кириллицы, изданных археографами Московского университета (на ее основе выявлено 58 записей с самого начала XVII в. до 1859 г.)². В недавно вышедшей монографии Н.А. Мудровой [8] приведен каталог книг, в которых также фигурируют Строгановы. Но записи в нем приводятся не полностью, а в пересказе, соответственно пользоваться им для решения означенной проблемы не представляется возможным. Для полноты информации пришлось обратиться к другим каталогам, где опубликованы записи на книгах с упоминанием Строгановых³.

По поводу отражения записями социального статуса Строгановых приведем один пример. Так 13 сентября 1718 г. Иван Владимиров сын Дьяконов «именитых людей господ Строгановых орловский их крестьянин» (т.е. житель Орла-городка) оставил владельческую за-

² В тезисах будут даны ссылки на один из них: [6].

³ В тезисах будут даны ссылки на следующие каталоги: [2; 5; 6; 7].

пись на книге Петра Могилы «Православное исповедание веры соборная и апостольская церкви восточная» (М.: печ. двор, 1696) [6, № 326] еще до того, как братья получили баронский титул. Через 10 лет, 25 августа 1728 г., тот же владелец, на книге «Патерик или Отечник печерский» (Киев: тип. Лавры, 1678) [6, № 357] свой статус укажет как «вотчины господ *баронов* (выделение авт. – В.Б.) Александра Григорьевича с братьями Строгановых Орла городка крестьянин». Можно привести и другие примеры, но в целом, записи действительно четко фиксируют пожалование во дворянство, а также смену баронского титула графским в различных ветвях рода Строгановых. В общем-то XVII в. не должен быть исключением.

Интересно, что именование «полным отчеством», дарованное Василием Шуйским, фиксируется практически сразу. Уже в записи 1612 г. на «Уставе» (М.: печ. А. Радишевский, 1610) [6, № 26] вкладчик именуется уже «Никитой Григорьевичем Строгановым». С полным отчеством именуется в записях 1619 г. и Петр и Андрей Семеновичи Строгановы⁴, которые в записях 1605 г. с братом указаны как «Семеновы дети»⁵. Примечательно, что Акелина же, вдова Даниила Строганова, в записи 1618 г. по-прежнему именуется мужа как «Григорьева сына»⁶: он умер раньше пожалования Василия Шуйского, да и вообще принадлежал к другой ветви рода.

С полным отчеством именовались представители всех последующих поколений Строгановых, начиная с восьмого (если считать от легендарного родоначальника семьи Спиридона), обозначенного на схеме: Иван Максимович, с женами Ефимьей Савишной (ум. в 1634 г.), затем – Анной Стефановной, Максим Максимович, Дмитрий Андреевич и его жена Анна Ивановна, Федор Петрович с женой Анной Никитичной и их дети.

Особый статус Строгановых был закреплен в Соборном уложении 1649 г., где они прямо называются «именитыми людьми» и за их бесчестье взимался штраф в два раза больший, нежели с гостей (глава X «О суде», ст. 94). После этого данное именование начинает встречаться, хотя и не очень часто. Впервые оно фиксируется в записях о продаже книг Д.А. Строганову архимандритом Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря в 1653 г.⁷ Н.А. Мудрова подтверждает, что в 1640-х гг. он не назван «именитым человеком». На одной из ру-

⁴ Евангелие. М.: печ. А.М. Радишевский, [1606] [2, с. 283].

⁵ Апостол. М.: печ. А.Т. Невежа, 1597 [5, с. 228].

⁶ Евангелие. М.: Печ. двор [1619] [5, с. 228].

⁷ Миняя служебная, декабрь. М.: Печ. двор, 1645 [5].

кописных книг (№ 78, составленного Н.А. Мудровой «Каталога сохранившихся книг, принадлежавших Строгановым в XVI – начале XVIII в.») с владельческой записью Д.А. Строганова 1642 г. именование «именитый человек» вписано отдельно (и, видимо, позже) и отличным от основной записи почерком [8, с. 299].

В дальнейшем вдовой «именитого человека» (Федора Петровича Строганова – племянника Д.А. Строганова) названа в 1683 г. Анна Никитична⁸. Но ни сам ее муж, ни его отец, Петр Андреевич, в записях это звание не указывали. Григорий Дмитриевич, сын Д.А. Строганова, объединивших в связи (с пресечением остальных ветвей) в своих руках огромные владения рода, стал именоваться «именитым человеком» в записях с 1681 г.⁹, когда совершал вклады самостоятельно, без матери, Анны Ивановны. При этом сама она нигде не указана как «вдова именитого человека». В официальных документах Г.Д. Строганов впервые упомянут как «именитый человек» с 1678 г.

Соответственно, званием «именитых людей» до 1722 г. именовались дети Г.Д. Строганова, в ознаменование заслуг отца возведенные в баронское достоинство.

Ни сам Максим Яковлевич Строганов, ни его потомки, не именовались «именитыми людьми». Не называл себя так и Никита Григорьевич Строганов. Не называли так его и его служители, совершавшие вклады. Например, 1 декабря 1636 г. несколько Миней служебных (известны «на май» и «на декабрь») были вложены «в Колугу на Долу к Преображению Господа нашего Иисуса Христа и Рождеству Богородицы и великого святителя Христова чудотворца Николы и великих страстотерпцев Георгия и Дмитрия и святых чудотворцев Петра и княгини Февронии во иноческом чине у Давыда и Еуфросинии Муромских чудотворцев Никиты Григорьева Строганова послуживец Наум Игнатъев при протопопе Петре Федорове и священнике Иване Иевлеве...» [7, № 2.2, 49.1]. Как мы видим, никакого атрибутива перед именем Н.Г. Строганова Наум Игнатъев не поставил.

Завершая данный очерк, обратим внимание на следующий момент. Текста самого пожалования звания «именитых людей» нет. Бывший управляющий строгановскими имениями Ф.А. Волегов в первой половине XIX в. приводил несколько отличную от А.А. Введенского хронологию: 23 февраля право писаться «с вичем» получил Никита Григорьевич Строганов, а двумя указами 29 мая 1610 г. – Андрей и

⁸ Пролог. Сентябрь-ноябрь. М.: Печ. двор, 1642 [5, с. 229].

⁹ Триодь цветная. М.: Печ. двор, 01.1680 [6, № 256].

Петр Строгановы. В грамотах 29 мая и А.С., и П.С. Строгановым сказано, что «именитому человеку» (т.е. они уже имели этот статус) Строганову позволено именоваться полным отчеством [4, с. 156]. Что касается Н.Г. Строгановых, то, согласно Волегову, он в грамоте о позволении именоваться полным отчеством (от 23 февраля 1610 г. – его хронология отличается от дат Введенского) «именитым человеком» не назван [4, с. 155]. Документа о пожаловании аналогичного права М.Я. Строганову Волегов не называет вообще (не говоря уже о титуловании «именитым человеком»). Так или иначе, в отношении Петра и Андрея «именитый человек» – своего рода эпитет: «именитому человеку» такому-то позволено именоваться полным отчеством. В этом же контексте в отношении только Андрея Строганова упомянуто пожалование 1610 г. (о праве именоваться полным отчеством и званием «именитого человека») и в грамоте 1692 г.¹⁰ Самое раннее (после 1610 г.) упоминание в официальных документах звания «именитый человек» мной выявлено только в царских грамотах 1678 г. [1, с. 34] В других, в том числе и тех, что подтверждали владение Строгановыми их обширными землями (1616 г. и др.) оно не встречается.

Безусловно, вопрос социального статуса Строгановых в XVII в. требует дальнейшего рассмотрения. Однако уже сейчас понятно, что:

- именование «именитыми людьми» само по себе никакого статуса Строгановым не придавало (и в царских указах не встречается вплоть до 1678 г.);

- если пожалование звания «именитых людей» и было, то оно шло отдельно от пожалования права именоваться полным отчеством, которое единственное подчеркивало высокий социальный статус Строгановых до Соборного уложения 1649 г.;

- званием «именитых людей» пользовались лишь потомки Петра и Андрея Строгановых.

1. АИ. СПб., 1842. Т. 5. 1676–1700.
2. Асафов К.М., Протасьева Т.Н, Тихомиров М.Н. Записи на книгах старой печати XVI–XVII вв. // АЕ за 1961. М., 1962.
3. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.
4. Волегов Ф.А. Хронологический реестр разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых // Пермский край. Вып. 3. 1895.
5. Емельянова Е.А. Записи членов семьи Строгановых на книгах кириллической печати в собрании российской государственной библиотеки // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе

¹⁰ Жалованная грамота 25 июля 1692 г. [10, с. 45].

- XXI в.: Труды II Международной научной конференции (Москва, 30–31 октября 2009 г.). М., 2011.
6. Кириллические издания XVI–XVII вв. в хранилищах Пермской области: каталог. Пермь, 2003.
 7. Московские кирилловские издания XVI–XVII вв. в собраниях РГАДА: Каталог. М., 2003. Т. 3.
 8. *Мудрова Н.А.* Библиотека Строгановых (вторая половина XVI – начало XVIII в.). Екатеринбург, 2015.
 9. *Усачев А.С.* Коллективные заказчики русских рукописных книг в XVI в. // Отечественные архивы. 2014. № 1.
 10. *Устрялов Н.Г.* Именитые люди Строгановы. СПб, 1842.

УДК 94(47).043-046

А.А. Богомазова¹

Приобретение Соловецким монастырем морских судов в XVI – первой половине XVII вв.²

Соловецкий монастырь; Подужемье; лодья; сойма; карбас.

На основе приходо-расходных книг Соловецкого монастыря и его усюлий в статье рассматриваются вопросы, связанные с покупкой и строительством морских судов для нужд обители.

О строительстве морских судов Соловецкого монастыря мы находим редкие упоминания в научных работах. С.В. Морозов отмечал, что в XVIII в. «строительство лодий осуществлялось, главным образом, в Онежской округе, существовали целые династии мастеров, строивших лодьи по заказу Соловецкого монастыря» [2].

П.А. Филин в монографии, посвященной лодье «Преподобный Зосима» XVIII в., приводит сведения о покупке монастырем лодий в XVI–XVII вв. Исследователь указывает, что в XVIII в. Соловецкий монастырь либо строил суда на собственной верфи, либо покупал готовые суда, либо (чаще всего) заказывал изготовление судна у крестьян – поморов [4, с. 31].

Основными источниками по вопросу о приобретении морских судов являются приходо-расходные книги монастыря, а также его материковых служб (например, Холмогорской) и промыслов (соляных, рыболовных). В некоторых отводных книгах усюлий отмечено, при каком старце куплено то или иное судно.

¹ Богомазова Анастасия Александровна, РГАДА (РФ, Москва), anabogomazova@yandex.ru.

² Доклад подготовлен при поддержке РФФИ в рамках проекта N16-01-00440.

В XVI–XVII вв. монастырь чаще покупал готовые суда. Сведения о строительстве судов по заказу монастыря за указанный период редки, остановимся на них подробнее. Монастырские приходо-расходные книги сохранили имена корабельных мастеров. Так, в 1597 г. онежанину Якиму Тимофееву сыну Лошкину за постройку лодью («от новые лодьи от дела») доплатили (дали «к прежней даче») 8 рублей 20 алтын 5 денег [3, с. 443]. В 1600 г. у него же монастырь купил новую лодью: «Куплена лодья новая на Онеге у Якима у Лошкина, дано денег 15 рублей 16 алтын 4 денги. Да к лодьи куплен карбас новой, дано денег 16 алтын 4 денги» [3, с. 463].

В 1603 г. «купили на Онеге Конец острова у лодейных мастеров у Василья у Тихово да у Поздея у Бурых лодью новую» за 18 рублей³. В 1606 г. наняли лодейного мастера «Василья Тихово с товарищи с Онеги, зделали лодью новую, найму дано 7 рублей 21 алтын 4 денги»⁴. В 1607 г. его же наняли чинить лодью, «найму дано рубль 16 алтын 4 денги»⁵.

Если лодьи монастырь покупал или заказывал в основном на Онеге, то суда поменьше (соймы, карбасы, павозки) делали по всей монастырской вотчине.

В 1608/09 г. стрелец Сумского острога Иван Матвеев сын Пелякин сделал по заказу Соловецкого монастыря лодейный павозок и карбас на рыбную ловлю: «ряжено от тех дву судов сорок пять алтын, наперед дано ему в монастыре денег дватцать алтын, а досталние денги дали ему от дела старцы в Сумском остроге, как суды зделал»⁶.

Соймы делали в основном на западе Соловецкой вотчины: в Парандове, в Сумском остроге, в Подужемье. В 1599 г. монастырь расплатился за сойму с сумлянином Богданом Кунеховым: «Дано сумлянину Богдану Кунехову за сойму денег рубль 16 алтын 4 денги» [3, с. 454]. Мы не знаем, была ли эта сойма куплена уже готовой или мастер сделал ее по заказу монастыря. В случае расчета с мастером за сделанное судно, в приходо-расходной книге стоит фраза «дано *от дела...* денег». Однако мы не можем сказать точно, отмечалось ли это каждый раз. В том же 1599 г. монастырь расплатился с двумя монастырскими крестьянами парандовцами за построенные соймы: «Купил монастырской крестьянин Мартын Тимофеев сын парановец на мо-

³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 143 об.

⁴ Там же. Л. 193.

⁵ Там же. Л. 206.

⁶ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 97.

настырской обиход рыбу щучины живопрсолные на казенные денги... Да ему же дано от монастырские соймы от дела денег 23 алтыны 2 денги. Дано монастырскому крестьянину Федору Федорову сыну парандовцу от соймы от дела рубль денег» [3, с. 454, 455].

Волостка Подужемье, недалеко от Кеми, в которой располагался один из рыболовных промыслов Соловецкого монастыря, славилась своими мастерами – корабелами [4, с. 29–30]. 10 июля 1645 г. подужемцам Иванку Родионову с товарищами заплатили 60 алтын за сделанную в монастыре новую сойму⁷. На следующий день, 11 июля 1645 г., монастырь нанял подужемцев Ипатко Аксенова с товарищами самчетверт «зделати им на монастырской обиход сойма новая по записи, какову оне на себя запись дали, а ряда им от дела 4 рубли с полтиною. И тех денег дано им наперед два рубли с полтиною, а достолные денги дать им, как сойму зделают и поставят под монастырем у пристани на Троицын день 154-го году [май – июнь 1646 г. – А.Б.]»⁸. Отметим несколько важных фактов. Во-первых, в обоих случаях соймы заказали делать подужемцам. Во-вторых, в первом случае судно построили в самом монастыре (!), во втором – видимо, в Подужемье, но мастера должны были его самостоятельно поставить у монастырской пристани. На строительство соймы отвели год. Скорее всего, построили ее гораздо быстрее, но на Соловки могли поставить только в период навигации. До осени 1645 г. не успели бы, следовательно, должны были ее привести к монастырю поздней весной 1646 г., когда море освобождается ото льда. В-третьих, мы видим, что во втором случае мастера заключили договор (порядную запись) на строительство судна, и она должна была храниться в монастырском архиве. Такая запись могла содержать важные данные о размере и строении судна.

Как мы уже говорили, лодьи Соловецкий монастырь в основном заказывал и покупал у онежан. Часто покупка лодий на монастырь поручалась приказным старцам Пияльского усолья, расположенного на Онеге.

В 1612–1613/14 г. приказной старец Пияльского усолья Аверкей купил для монастыря две лодьи и павозки к ним: «Да купил лодью в Пятины деревни на монастырь, денег дал 29 рублей. Да к той ж лодьи купил павозок, денег дал рубль... Купил в монастырь в 122-м году лодью новую, денег дал 27 рублей 25 алтын. Да к той ж лодьи купил

⁷ Там же. Ед. хр. 242. Л. 32.

⁸ Там же.

павозок, дал рубль»⁹.

В 1615 г. пияльскому приказчику старцу Тихону приказали купить лодьи на Онеге, «дано ему на лодейной задаток 5 рублей денег»¹⁰. 30 мая 1616 г. монастырский слуга Давыд Басарга был «послан на Онегу по лодью по новую, дано ему денег на расход и людей наймовати рубль 6 алтын 2 денги»¹¹. В приходе-расходной книге приказного старца Пияльского соляного промысла Спиридона под 1616 г. (после 1 сентября) значится: «Да взято у старца Ильи у Старого 20 рублей монастырских денег для лодейные покупки»¹². Эти деньги были даны старцу Спиридону старцем Ильею, сопровождавшим игумена Иринарха в его поездке в Москву, на обратном пути. Старцу Спиридону велено «на те денги лодья купить на рыбную ловлю в Кашкоранцы»¹³¹⁴. В 1616/1617 г. старец Спиридон заказывал шить лодью, купил новую ополубленную лодейку «на монастырский обиход», смолу на пошитую лодью, а также 43 бочки смолы. Смолу забрал на лодье кормщик Басарга¹⁵. В октябре 1617 г. «послано в Пиялю к старцу Спиридону приказчику денег 50 рублей, а велено ему на те денги купити лодья новая да смолы 50 бочек»¹⁶. В конце 1617 г. старец Спиридон купил для монастыря две лодьи «корельское дело», к ним два павозка и 44 бочки смолы. Смола весною была «сослана на лодьях в монастырь»¹⁷.

В 1644–1645 гг. «лодейными покупками» занимался пияльский приказной старец Елисей. В июне 1644 г. ему было дано «на лодейные покупки» 100 рублей, в июле того же года – еще 50 рублей¹⁸. В конце сентября 1645 г. старцу Елисею из монастыря отправили 50 рублей «на лодейную покупку»¹⁹.

Монастырь почти каждый год покупал суда. В основном – карбасы, мелкие маневренные «езжалые» и промысловые суда. Не каж-

⁹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 4, 8 об.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 15. Л. 63 об.

¹¹ Там же. Л. 85.

¹² РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 3.

¹³ В Кашкоранцах, на Терском берегу Белого моря, недалеко от Варзуги, была тоня Соловецкого монастыря.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 10 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 6 об.–7 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 15. С. 126.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 8. Л. 10 об.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 45. Л. 26, 36.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 242. Л. 34.

дый год, но очень часто монастырь покупал лодьи. По месту постройки в XVI–XVII вв. лодьи могли называть «корелки», или «онежская», «корельское дело», и «двинянки» [5, с. 218, 223; 1, с. 3, 4]. Иногда монастырь заказывал или покупал по две и более лодьи в год. Тип лодьи редко указывается в приходо-расходных книгах, но все же такие сведения встречаются. Так, в 1591 г. монастырь купил две новые лодьи «онежского дела», 1616 г. – две лодьи двинянки, в 1617 г. – лодью «на корельское дело», в 1622 г. – 3 новых лодьи соляных «корельское дело». Суда могли покупать со снастями (с парусом, якорем, «со всею снастью») или без снастей. Часто к новым лодьям покупали лодейные карбасы или павозки, а также смолу для пропитки судна. Почти всегда в монастырских приходо-расходных книгах отмечено, где или у кого и по какой цене куплено судно. Особенно активно монастырь покупал суда в конце XVI – первые 20 лет XVII в. Так, в период с 1603 по январь 1612 г. монастырь приобрел как минимум 6 лодий, 19 карбасов (лодейных, двоевесельных), 3 соймы, 1 мурманскую шняку, 2 торосовых судна и 6 судов, тип которых не указан («судно», «судно новое») ²⁰. По описям монастырского имущества видно, как растет монастырский флот в это время.

В соляные промыслы лодьи присылали, как правило, из монастыря. Так, в 1604 г. в Чупское усолье старцу Иллариону была «дана лодья с карбасом, цена 20 рублей», вместе со всем оснащением эта же лодья стоила 60 рублей ²¹. В 1620 г. прислали из монастыря в Летнюю реку лодью, дрог и завоз, и на той лодье отправили в усолье запасы (рожь, железо) ²². В 1609/10 г. из монастыря в Лямецкое усолье приказному старцу Герасиму дали сойму, «цена сойме со всею снастью 3 рубли 16 алтын 4 денги» ²³.

Небольшие же суда могли покупать сами приказные старцы в материковых службах и промыслах Соловецкого монастыря (для нужд самих промыслов). Записи о таких покупках есть как в монастырских, так и в усольских приходо-расходных книгах, а также в отводных книгах промыслов. В монастырских приходо-расходных книгах встречаются сведения о том, что приказным старцам, чаще всего рыболовных промыслов, даны деньги «на карбасы». Например, в 1595 г. старцу Кириллу, посланному на рыбный промысел в Кивикан-

²⁰ Там же. Ед. хр. 214, 217.

²¹ Там же. Ед. хр. 1000 (врем. номер). Л. 179 об.–180.

²² Там же. Ед. хр. 20. Л. 5 об.–6.

²³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. Ед. хр. 200 (врем. номер). Л. 69.

ду, дано 20 алтын на покупку карбаса [3, с. 387].

В 1623/24 г. приказной старец Летнерецкого усолья купил два карбаса за 1 рубль 30 алтын²⁴. В приходо-расходных книгах приказного старца Ненокоцкого усолья Козьмы под 1609 г. есть запись об изготовлении павозка для усолья: «И тех денег, поедучи в монастырь, дал плотнику от дела за лодеиной павозок рубль 5 алтын, а павозок остался на отводе новому приказщику старцу Семиону»²⁵. В отводной книге Ненокоцкого усолья 1651 г. назван соловозный павозок, купленный старцем Варсонофием за 9,5 рублей²⁶.

Таким образом, анализ данных приходо-расходных книг Соловецкого монастыря и его соляных промыслов XVI – первой половины XVII вв. позволяет выявить места покупки и строительства морских судов для обители; имена мастеров, строивших суда; стоимость разных типов судов и оснащения, способы снабжения судами монастырских промыслов на берегах Белого моря.

1. *Брызгалов В.В., Ясински М.Э.* Документы о продаже лодии-корелки Михайло-Архангельскому монастырю в 1586 году // *Лодия*. 2009. № 6. Архангельск, 2011.
2. *Морозов С.В.* Соловецкие лодьи XVIII в. // *Соловецкий вестник*. 1993. № 14(79).
3. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.; СПб., 2013.
4. *Филин П.А.* Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима». М., 2004.
5. *Филин П.А., Курноскин С.П.* Народное судостроение в России. Энциклопедический словарь судов народной постройки. СПб., 2016.

²⁴ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 437. Л. 18.

²⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ед. хр. 1549. Л. 679.

²⁶ Там же. Ед. хр. 1521. Л. 727 об.

Навигационные функции береговых крестов в поморских рукописных лоциях XVIII–XIX вв.

Русский Север; традиционное мореплавание; поморские лоции; крест.

Упомянутые в лоциях кресты использовались для опознавания географических объектов, для прокладки курса в узкостях и для обозначения удобных якорных мест.

Поморские рукописные лоции XVIII–XIX вв. — недооцененные и недостаточно изученные источники по истории традиционной морской практики русского населения Беломорского Севера. Они описывают важнейшие пути поморов в Белом и Баренцевом морях (главным образом, — путь в Норвегию) и своими корнями уходят в допетровское время [10]. Лоции дают ясное представление о навигационных приемах русских мореходов, в частности, — об использовании ими для ориентирования искусственных береговых знаков, самыми распространенными среди которых являлись деревянные кресты². Навигационное значение таких крестов, воздвигавшихся русскими на берегах северных морей, прослеживается по другим источникам по крайней мере с XVI в. [4; 7, с. 84-91]. Интересно, что лоции отмечают кресты только на русских берегах — для заграничной части пути упоминания о них отсутствуют.

К настоящему времени опубликованы шесть списков поморских лоций. Первые два почти одновременно напечатали в 1866 г. В.Г. Козлов [2] (далее — *К*) и А.В. Фрейганг [9] (далее — *Ф*), третий — в 1876 г. А.В. Тошаков [8] (далее — *Т*), четвертый — в 1909 г. Н.В. Морозов [6] (далее — *М*), пятый — в 1980 г. К.П. Гемп [1] (далее — *Г*) и шестой — в 2011 г. В.Н. Матонин, Л.П. Комягина и В.В. Тропина [5] (далее — *Р*).

Изучение лоций позволяет выявить три основные навигационные функции береговых крестов. В некоторых пунктах одни и те же кресты могли выполнять сразу несколько функций.

Первая тематическая группа упоминаний о крестах в лоциях

¹ Лаушкин Алексей Владимирович, МГУ имени М.В.Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., laushkin@list.ru.

² Краткую библиографию работ, посвященных натурным исследованиям береговых поморских крестов и их месту в традиционной культуре жителей края см.: [3, с. 84, прим. 1].

указывает на то, что кресты наряду с другими приметам берега помогали мореплавателям издали опознавать интересовавшие их географические точки. Иногда эта приметная роль естественных и/или искусственных объектов, упоминаемых в лоциях, подчеркивалась вводными оборотами «признать/признавать», «здали признать». Так, в описании соловецкого становища Копалья (Капорская) губа на острове Анзере приметы бухты изложены так: «признать: левый наволоок голой и кресты, тоже и правый голой и кресты» (К), а становища Пялица (юго-восток Кольского полуострова) – «сдали признать: на верхней земли бор долгой седлом, а на нижней стороне – кряж осыпной, на оном кресты» (КФТМГР). Сходные чтения с упоминаниями крестов встречаем и в описаниях других становищ Кольского полуострова – Красны Лудки (КФТР) и Коковиха (КФТР). Часто приведенных оборотов в тексте нет, но контекст не оставляет сомнения, что речь идет именно о приметной функции крестов. Такие примеры находим в описании важного для прокладки курса островка на подходах к соловецкому становищу Сосновая губа (ФМГР), островка Самбалуда, расположенного у Карельского берега (МГ), зимнебережной Каменной (Каменской) корги (КТР), различных пунктов Кольского полуострова: становища Русская Виловата (МГ), мысов у становища Девятого (КФТМГР) и упоминавшейся Коковихи (КФТМГР), мыса Святой Нос (К), малого островка у становища Еконские (Иокангские) острова (К), мыса Взглавье (КТР), мыса Святого у становища Долгая Губа (ФР), острова Могильного у становища Шелпины (КФМГР), малого островка (о. Жилого) у становища Зеленцы (КМГ), «бакланцев» (заливаемых в прилив камней) у Гавриловских островов³ (КФ), малого островка в губе Камежник (К), пунктов южнее острова Кильдина (КФРМГ), мысов за островами Шуриновыми (КФР) и в районе Аврамовой Пахты (КФР), мыса Елова наволока (МГ) и мыса в реке Коле рядом с таможней (КФ).

Вторая группа упоминаний о крестах показывает, что кресты вместе с другими визуальными объектами применялись для прокладки курса в узкостях. При заходе вглубь Троицкой губы на острове Анзере лоции рекомендовали идти по заднему створу приметного куста и избы («навести назад на правом наволоке на Вербокурской стороне куст на избу») и далее двигаться «к правому наволоку ко крестам» (КФТМГР). Целый ряд подобных примеров дают предпри-

³ «Бакланцы» следовало искать в проливе «прям крестов», что на большом острове.

сания для захода в становища на Кольском полуострове. При приближении по узкому фарватеру к становищу Стрельна список *T* советует «держатъ на избу или на кресты», а список *P* – «на избу держатъ или крестъ на крестъ, о самую ягру [песчаную отмель. – *А.Л.*] от русскаго конца итьтитъ до избы». В последней цитате (из *P*) примечательно выражение «крестъ на крестъ», которое можно понять как постановку двух крестов в створ. Если это прочтение верно, то и в указании *T* «держатъ... на кресты» можно видеть то же самое. По-видимому, створ с помощью крестов следовало брать и при заходе в становище Чапома: «заходить на верхнем крутике, чтобы кресты навести» (*Ф*; близкое чтение в *T*). Неполный створ двух скоплений крестов предписывался при заходе в становище Пялица: «на... осыпном кряже долгие кресты, ближние правее дальних, не много с одну четверть не свести в одно место» (*ФР*). Во время сложного захода в становище Красны Лудки надо было, миновав приметный камень («одинец»), «податься о правые кресты», а «от них полее прямо в губу» (*КФР*). Заходить в становище Шубино следовало, имея «на высоком бугре на матерой гурьи и кресты» (*КФТМГР*). На обратном пути из Норвегии в Россию при втягивании в пролив между материком и островом Аникиевым указывалось идти «противо крестов о остров ближе» (*T*).

Третья группа упоминаний о крестах свидетельствует о том, что они использовались и для обозначения безопасных якорных мест. В соловецком становище Заяцкое рекомендовалось стоять «не дошед дальних крестов» (*Ф*) / «долгих крестов» (*ТР*). В другом соловецком становище Троицкая губа на острове Анзере – «пройти от крестов сажень с пять и воротиться влево, и стать» (*КФР*), «против крестов стоять» (*М*). Указания стоять «против(о) крестов», «прям(о) крестов», «под крестами», «у крестов», «у крестоватого берега» встречаются и в описании располагавшихся на Кольском полуострове становищ Пялица (*ФР*), Качалово (*КФТМГР*), Красны Лудки (*КФМГР*), Русская Виловата (*КТ*), Девятое (*КФМГР*), Городецкое (*КФТР*), Коковиха (*КТР*), острова Нокуев (*Ф*), становищ Семь островов (*КФМГР*), Русский Олений (*КТМГР*), Гавриловские острова (*ТМГР*), Корабельная губа (*МГ*) и Цып-наволок с расположенным рядом островком Аникиевым (*КФР*).

Вопрос о том, ставились ли упоминаемые в лоциях кресты (или какая-то их часть) как навигационные знаки специально или, будучи воздвигнуты с другими целями, только использовались мореходами, требует дальнейшего изучения [см., напр.: 1, с. 15-16; 7, с. 84-91] с привлечением более широкого круга источников.

1. *Гемп К.П.* Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980.
2. [*Козлов В.Г.*] Росписание мореходства или лоция беломорских поморцев // Морской сборник. 1866. Т. 83. № 3. Отд. III.
3. *Лаушкин А.В.* Деревянный крест у Чесменского мыса // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2017. Вып. 16.
4. *Лаушкин А.В.* О соловецких навигационных крестах XVI века // Север и история: Материалы международной историко-краеведческой конференции «Четвертые Феодоритовские чтения». Город Кандалакша — село Варзуга, 11-14 августа 2011 года. Мурманск; СПб., 2012.
5. [*Матонин В.Н., Комягина Л.П., Тропина В.В.*] «Река Кушерецка»: мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования). Архангельск, 2011.
6. [*Морозов Н.В.*] Мореходная книга или лоция Беломорских поморов // Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. СПб., 1909.
7. *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. М., 2001. Т. 2.
8. [*Тошаков А.В.*] Книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищам по Терскому берегу и российской Лапландии // Яхта. 1876. № 10-14.
9. [*Фрейганг А.В.*] Продолжение лоции беломорских поморцев: наставление к путешествию по морскому тракту из поморских волостей по Мурманскому берегу и данному владению в подробном описании становищ и расстояний // Морской сборник. 1866. Т. 85. № 7. Отд. III.
10. *Шундалов И.Ю., Савинов М.А.* Поморские лоции как исторический источник // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2007. Вып. 6.

УДК 94(=511.12)

С.А. Никонов¹

Морское прибрежное хозяйство саамов Кольского уезда во второй половине XVIII в.²

Саамы; морские рыбный и звериный промыслы; Мурманский берег.

В статье рассматривается одна из отраслей хозяйства саамов Кольского уезда – рыбный и звериный промыслы на побережье Баренцева и Белого морей. Основным источником исследования послужили статистические ведомости 1764 и 1785–1786 гг. Изучение ведомостей позволило выделить формы и способы

¹ Никонов Сергей Александрович, Мурманский арктический государственный университет (РФ, Мурманск), к.и.н., snikonov-77@mail.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Мурманской области (проект №17-11-51001 а(р) «Промысловая колонизация и коренные народы Крайнего Севера Европейской России в XVI–XVIII веках: опыт хозяйственного взаимодействия и разрешения конфликтных ситуаций»).

ведения промыслов, их связь с развитием торговых отношений, объемы добычи рыбы.

Саамы – один из малочисленных коренных народов Крайнего Севера Европейской России, издавна обитавший на территории Кольского полуострова. Суровые климатические условия, значительное число рек и озер, тундровый ландшафт региона способствовали формированию кочевого образа жизни, резко отличавшегося от уклада жизни русских крестьян-поморов.

Изучение хозяйства саамов было начато еще в конце XVIII в., но первыми заметными вехами стали работы ученых второй половины XIX в. – Н. Дергачева и Н.Н. Харузина. Они выявили основные направления саамского хозяйства: рыболовство, охоту и оленеводство [5, с. 11-14, 17-24, 33-34, 44-54; 8, с. 103]. Сопоставляя развитие саамских обществ России и стран Северной Европы, исследователи приходили к выводу, что в хозяйстве первых главенствующую роль играло рыболовство, а вторых – оленеводство.

Существенным вкладом в изучение хозяйственной деятельности саамов стали работы советских этнографов и историков 1920-х–1930-х гг.: В.К. Алымова, В.В. Чарнолуцкого, Н.Н. Воронина и др. [1; 3; 9; 10]. Учеными была установлена зависимость кочевого уклада саамов от годового природного цикла: миграций оленей, прихода на нерест в морские реки лососевых рыб, движения к побережью Баренцева моря рыб тресковых пород и др. Репрессии, обрушившиеся в 1930-е–1940-е гг. на ученых, не позволили завершить начатую работу. Обобщающие работы по проблеме, появившиеся в послевоенный период, во многом опирались на исследовательский материал предшественников [6; 11].

Изучение саамского хозяйства ограничивалось XIX – первой третью XX в.; более ранний период истории не рассматривался. Исключение составляет исследование И.Ф. Ушаковым истории Кольского Севера в досоветский период. Он выделил два типа хозяйственной организации саамов второй половины XVIII в.: озерное рыболовство и охота; морские рыбные и звериные промыслы и добыча семги. Первый тип был характерен для саамских погостов внутренних районов Кольского полуострова, второй – для погостов побережья Баренцева и Белого морей [7, с. 212].

Важные сведения о социально-экономическом развитии саамских обществ Кольского уезда содержат статистические описания 1764 и 1785–1786 гг., организованные губернаторами Архангелогородской губернии Е.А. Головцыным и Т.И. Тутолминым.

Описание 1764 г. представляет собой ведомость, содержащую

информацию о количестве населения, промыслах и объемах закупаемого на год хлеба³. В настоящее время известны только ведомости по Кольскому уезду; проводились ли опросы в других уездах губернии, мы не знаем. Ведомости составлены в форме таблицы из 8 граф. Основу статистического описания саамского погоста составляла вежа⁴. В таблицу входят данные о населении вежи, возрасте ее обитателей, питании, сенных покосах, скоте, охоте и уплате податей, рыбных и звериных промыслах. Завершает ведомость резолютивная часть «А сверх того, объявляем нижеследующее», в которую включены ответы на три вопроса: о наличии промыслов, кроме уже указанных; о физико-географических особенностях местности и наличии хлебопашества; о том, какие меры необходимы для развития промыслов.

Главной причиной составления ведомости 1764 г. было стремление власти стимулировать развитие крестьянских промыслов, значительно пострадавших от деятельности монополий на рыбные и звериные промыслы.

Ведомость 1785–1786 гг. охватила всю губернию. По Кольскому уезду сохранились ведомости как поморских волостей, так и саамских погостов⁵. Ведомости саамских погостов состоят из двух самостоятельных документов. Первый составлен в форме таблицы и включает информацию о хозяевах веж, грамотности и знании русского языка, местах кочевий, количестве оленей, промыслах и уплате дани. В конце ведомости дается итоговая информация о количестве населения, территориальных границах владений погостов, реках и озерах, принадлежащих саамам. Второй документ представляет собой ответы на 53 вопроса⁶, ряд которых касается морских рыбного и звериного промыслов саамов. Это вопросы 22 и 23 – о занятиях мужчин и женщин в течение года; 27-29 – о видах рыб и способах добычи; 30-31 – о промысле морского зверя; 32-36 – об участии в мурманском промысле и домашнем потреблении рыбы.

Н. Гримм, посвятивший специальное исследование ведомости 1785 г., отмечал ее связь с аналогичными статистическими описаниями, проводившимися в других губерниях России во второй половине XVIII в. [2, с. 9-11]. Однако круг вопросов и информация, представлен-

³ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 517.

⁴ Вежа – тип саамского переносного жилища, по типу близкого чуму, а также, до введения подушной подати единица налогообложения.

⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 73–74, 77–80, 88–89, 96, 119, 121–125, 127, 129, 134, 257–258.

⁶ Перечень вопросов воспроизведен в исследовании Н. Гримма. См.: [2, с. 5-7].

ная в ведомостях Кольского уезда, значительно шире и богаче, чем в описаниях других губерний.

Ведомость 1764 г. содержит сведения по 19 саамским погостам, 1785–1786 гг. – по 16. Промысел на побережье Баренцева и Белого морей вели 12 погостов⁷.

На побережье Баренцева моря – Мурманском берегу – промысел производился к западу (Западный Мурман) и к востоку (Восточный Мурман) от Кольского залива. Западное побережье было местом промысла Мотовского, Нявдемского, Пазрецкого и Печенгского погостов, восточное – Вороненского, Кильдинского и Семиостровского погостов. Пять погостов Терской лопи вели промысел на Восточном Мурмане и побережье Белого моря.

Места ведения промысла совпадали с районами кочеваний саамов в летнее время, на что указывают ведомости 1785–1786 гг. Так, на западном побережье саамы кочевали «при морских губах», «по морскому берегу», а саамы Нявдемского погоста переправлялись на острова⁸. На восточном побережье саамы Вороненского погоста промышляли в становищах⁹ Гаврилово и Веселкина губа¹⁰. Объединение Терской лопи вело промысел при впадении р. Поной, Йоканьга и Пулонга в Баренцево и Белое моря¹¹. Сезонный характер мурманского промысла, продолжавшегося с весны до конца лета – начала осени, влиял на кочевой образ жизни саамов, перемещавшихся весной на морское побережье, куда мигрировали тресковые породы рыб.

Традиционным орудием трескового промысла поморов был ярус¹², использовавшийся вплоть до начала XX в. Материалы ведомостей не дают однозначной информации о том, чем ловили треску и палтус саамы. В ведомостях орудиями лова называются как уды (снасть, представлявшая собой крючок, крепившийся на нить), так и ярус.

Для выхода в море использовались небольшие промысловые суда. Ведомость 1764 г. называет суда обобщенным определением

⁷ Вороненский, Мотовский, Нявдемский, Пазрецкий, Печенгский, Семиостровский, пять погостов Терской лопи, Кильдинский.

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 123. Л. 1 об.; Д. 127. Л. 1 об.; Д. 125. Л. 1 об.; Д. 129. Л. 2.

⁹ Становище – сезонный рыбацкий поселок.

¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 77. Л. 1 об.

¹¹ Там же. Д. 257. Л. 1 об.

¹² Ярус – рыболовецкая снасть, состоящая из нескольких длинных веревок к которым крепились короткие веревки с крючками.

«шнека»¹³. Ведомости 1785–1786 гг. для Кильдинского и Вороненского погостов основным типом судна называют шнеку, для Мотовского и Пазрецкого погостов – тройник (судно меньшего размера, на котором промышляло трое рыбаков). В ведомости 1764 г. раскрываются и размеры судов. Так, длина шнеки могла составлять от четырех до пяти сажень¹⁴. Размеры рыболовных судов различались в зависимости от места постройки.

Лов семги осуществлялся различными способами. Ее добывали с помощью гарвы (ставной сети), невода (сети, забрасываемой в воду с судна), заколов и заборов (конструкций, перегораживавших реку и оснащенных ловушками для лова рыбы). В осеннее время рыбу били острогами¹⁵.

Сезон лова семги продолжался с Троицына дня (июнь) до июля–августа. Осенью добывали вальчаков¹⁶ со дня Семена Летопроводца (1 сентября) до октября¹⁷.

Некоторые саамские погосты использовали семужьи реки не сами, а сдавали их в аренду жителям Колы. Подобная система эксплуатации водных ресурсов сложилась еще в XVI в. как результат промысловой колонизации региона. Несмотря на конфликты, порождаемые отношениями аренды, сдача угодий в оброк просуществовала до начала XX в.

Незначительную роль в прибрежном морском хозяйстве саамских погостов играла охота на морского зверя. Нерпу и морского зайца на Западном Мурмане с лета до осени промышляли Мотовский, Нявдемский, Пазрецкий и Печенгский погосты¹⁸. На Белом море добывали морских млекопитающих Кильдинский и Терской лопи погосты¹⁹. Этот промысел велся в Филиппов пост (15 ноября – 24 декабря) и Великое заговенье (февраль–март).

Таким образом, погосты западной части Кольского полуострова

¹³ Шнека – беспалубное, одномачтовое рыболовецкое судно, на котором промышляло четверо рыбаков.

¹⁴ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 517. Л. 25 об.–30, 94 об.–101, 222 об.–225.

¹⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 77. Л. 2; Д. 78. Л. 3 об.; Д. 96. Л. 4–4 об.; Д. 119. Л. 2, 7 об.–8; Д. 123. Л. 2, 5 об.; Д. 125. Л. 2, 5 об.; Д. 127. Л. 2, 7 об.; Д. 129. Л. 5 об.–6, 9; Д. 257. Л. 2; Д. 258. Л. 4; Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 517. Л. 73 об.–84, 210 об.–213, 214 об.–217, 222 об.–225.

¹⁶ Вальчак – семга после икрометания.

¹⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125. Л. 5 об.; Д. 127. Л. 7 об.; Д. 129. Л. 5 об.–6.

¹⁸ Там же. Д. 123. Л. 6; Д. 125. Л. 5 об.; Д. 127. Л. 7 об.; Д. 129. Л. 6; Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 517. Л. 222 об.–225.

¹⁹ Там же. Д. 119. Л. 8; Д. 258. Л. 4.

добывали морского зверя в сезон мурманского трескового промысла, а восточной – специально отправлялись для этого на Терский берег. Сюда же – на побережье Белого моря – приходили промыслять и крестьяне поморских волостей [4, с. 150-152]. Промысел на Терском берегу предполагал выход на лед (торосы) к местам лежбищ зверей, что делало его опасным.

Приведенные данные находятся в противоречии с утверждением Т.В. Лукьянченко о незнании саамами в XVII–XVIII вв. промысла морского зверя [6, с. 50].

Ведомости 1785–1786 гг. содержат данные об объемах мурманского промысла и прибрежного речного промысла семги. Данные являются усредненными, но, тем не менее, позволяют составить представление об объемах добычи.

Таблица 1

**Объемы добычи рыбы саамами Кольского уезда
(по материалам ведомостей 1785–1786 гг.)**

Погост	Виды морских рыб (треска, палтус, пикша, сайда)	Семга	Всего
Вороненский	690	-	690
Мотовский	2300	-	2300
Нявдемский	350	100	450
Пазрецкий	1100	100	1200
Печенгский	1300	70	1200
Семиостровский	1280	-	1280
Терская лопь	-	500	500
Кильдинский	500	50	550
Итого	7520	820	8340

Составлено по: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 78. Л. 3 об.; Д. 96. Л. 4 об.; Д. 119. Л. 7 об.–8; Д. 123. Л. 5 об.; Д. 125. Л. 5 об.; Д. 127. Л. 7 об.; Д. 129. Л. 5 об.; Д. 258. Л. 4.

Таким образом, саамы преимущественно добывали рыбу морского промысла, составлявшую 90 % от общего вылова. Но нельзя утверждать, что данные ведомостей являются полными. Так, Н. Дергачев приводит сведения о больших объемах добычи рыбы саамскими погостами во второй половине XIX в. Например, Мотовский погост на Мурманском берегу добывал 5500 пудов рыбы, что более чем в два раза превышает объем, зафиксированный в ведомостях 1785–1786 гг. Такие же разночтения встречаются и в других случаях. Не исключено,

что в ведомости вносились недостоверные сведения.

Продажа рыбы осуществлялась в сезон мурманского промысла. Основными покупателями были купцы из Колы, Архангельска и других мест Поморья. В ведомости отмечается, что сами саамы почти не ели морскую рыбу и семгу. Так, саамы Пазрецкого погоста употребляли в пищу только сухую треску и сайду, потроха трески²⁰ и вальчаки. Аналогичная ситуация существовала и в других погостах.

В отличие от поморов, создававших временные промысловые объединения – артели, саамы участвовали в добыче рыбы всем погостом. Исключение составлял промысел морского зверя на Терском берегу, носивший отходнический характер и не требовавший перекочевки всего погоста.

Таким образом, в прибрежное морское хозяйство были вовлечены более половины саамских погостов. Основными отраслями хозяйства были добыча трески и палтуса, лов семги в прибрежных морских реках, охота на морского зверя. Отличительной чертой этого хозяйственного уклада была его вовлеченность в товарно-денежные отношения, состоявшие как в продаже продукции купцам, так и в сдаче принадлежащих погостам угодий в аренду.

Используя приемы и способы добычи рыбы и морского зверя, что и поморы, саамы, в отличие от них, участвовали в промысле целыми объединениями, а не временными артелями. Исключение составлял только промысел морского зверя, носивший отходнический характер.

1. *Алымов В.К.* Оленеводство Мурманского округа // Мурманское общество краеведения. Доклады и сообщения. Вып. II. Мурманск, 1928.
2. Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года. (Итоги подворной переписи). Архангельск, 1916.
3. *Волков Н.Н.* Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Кау-текейно, 1996.
4. *Данилевский Н.Я.* Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1862.
5. *Дергачев Н.* Русская Лапландия. Статистический, географический и этнографический очерки. Архангельск, 1877.
6. *Лукьянченко Т.В.* Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX – XX вв. М., 1971.
7. *Ушаков И.Ф.* Кольская земля // *Он же.* Избранные произведения. Мурманск, 1996. Т. 1.
8. *Харузин Н.Н.* Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта).

²⁰ Там же. Д. 127. Л. 7 об.

М., 1890.

9. *Чарнолуский В.В.* Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Л., 1930.
10. *Чарнолуский В.В.* Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930.
11. *Черняков З.В.* Очерки этнографии саамов. Rovaniemi, 1998.

УДК 271.2-788(091)(47)

А.В. Богданова¹

Мирское население при Соловецком монастыре в XVIII в.

Соловецкий монастырь; архипелаг; мирское население.

Статья касается аспектов социальной истории Соловецкого монастыря. Автор рассматривает состав мирского населения Соловецкого архипелага в XVIII столетии. Характеризуется участие разных категорий мирян в жизни обители.

Соловецкий монастырь с давних времен известен как духовный, культурный и экономический центр Русского Севера. Расположенный в Белом море на архипелаге, удаленный от материковой земли, он тем не менее никогда не был изолирован от мира. На протяжении многовековой истории обители в ее хозяйственной жизни всегда участвовали разные категории мирян.

До революции на Соловках не существовало полноценного мирского поселения с дворами и семьями. Семьям проживать на архипелаге не разрешалось. Мирские люди находились при монастыре в основном ради хозяйственных нужд обители или же пребывали согласно царским распоряжениям (например, солдаты, ссыльные).

Островное положение позволяло вести довольно точный учет населения при монастыре. Ежегодно в обители составлялись ведомости о зимовавших на Соловках монахах и мирянах с указанием, в какой келье или при какой службе проживал каждый человек².

Кроме того, согласно синодальному указу от 7 марта 1722 г., все

¹ Богданова Александра Владимировна, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (РФ, Соловки), к.и.н., bogdanova.alexandra@gmail.com.

² В работе были использованы ведомости о зимовавших на Соловках монахах и мирянах в 1706/1707 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 775. Л. 1–12 об.); в 1720/1721 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 643. Л. 1–9); в 1763/1764 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4653. Л. 1–5 об.); в 1776/1777 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5094. Л. 1–6); в 1790/1791 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5487. Л. 1–10 об.).

православные приходы должны были предоставлять в вышестоящие духовные инстанции информацию об исповедавшихся в Великий Пост прихожанах³. Отправляемые в Синод исповедальные списки Соловецкого монастыря были во многом сходны с перечнем зимовавших, поскольку Великий Пост приходился на период отсутствия навигации по Белому морю⁴.

С открытием навигации количество мирян на Соловках значительно увеличивалось. В летние месяцы в монастыре велись «Записные тетради богомольцев», в которые записывались все прибывающие суда и количество людей на них⁵.

К сожалению, перечисленные выше ведомости сохранились до нашего времени далеко не в полном объеме. Исследователям доступны сведения лишь за отдельные года. Однако и этих данных достаточно, чтобы выделить основные категории мирских людей, проживавших на Соловках, а также проследить тенденции изменения численности населения архипелага в XVIII столетии.

В таблице 1 приведено количество оставшихся на зиму в Соловецком монастыре братии и мирян, согласно спискам о зимовавших.

Таблица 1

Количество зимовавших на Соловках монахов и мирян

Зимний сезон	Количество братии	Количество мирян
1706/1707 г. ⁶	179	367
1720/1721 г. ⁷	138	249
1763/1764 г. ⁸	28	191
1776/1777 г. ⁹	40	166
1790/1791 г. ¹⁰	30	234

³ ПСЗ. Т. 6. № 3914.

⁴ В работе были использованы монастырские копии исповедальных ведомостей за 1764 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 798. Л. 16–19 об.); 1772 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4993. Л. 1–9 об.); 1792 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1970. Л. 2 об.–3).

⁵ В работе были использованы «Записные тетради богомольцев» за 1760 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 768. Л. 2–28 об.), 1772 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5000. Л. 1–8); 1780 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1517. Л. 70–77 об.).

⁶ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 775. Л. 1–12 об. (этот список был нам любезно предоставлен Н.С. Шульгиной).

⁷ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 643. Л. 1–9 (этот список был нам любезно предоставлен Н.С. Шульгиной).

⁸ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4653. Л. 1–5 об.

⁹ Там же. Д. 5094. Л. 1–6.

Из таблицы видно, что на протяжении XVIII столетия происходило существенное сокращение монастырской братии. Это было вызвано, по-видимому, ограничениями на иноческие постриги, введенными государством в первой половине столетия [6, с. 52-80; 1, с. 62-67, 154-166]. Уменьшилось и количество мирского населения, обеспечивающего нужды обители.

Рассмотрим основные категории мирян, проживавших при Соловецком монастыре:

- «трудовые» люди (трудники, наемные работники, даточные от крестьян (до 1764 г.), штатные служители (после 1764 г.));
- военное население (солдаты соловецкой военной команды, солдаты архангелогородского гарнизона, присланные на пропитание отставные военные);
- ссыльные;
- богомольцы.

«Трудовое» население Соловков

Основную часть рабочих людей архипелага составляли *трудники* и *наемные работники*. К сожалению, ведомости не всегда позволяют провести различие между этими двумя категориями. Лишь в отдельных списках указан статус пребывания в монастыре рабочих людей. Например, в исповедальной ведомости духовника монастыря иеромонаха Никодима среди всех бывших на исповеди в Великий Пост 1772 г. числилось 62 «платяных» трудника и 23 наемных работника¹¹. Трудники жили на монастырской пище и получали от обители одежду («платье»), отсюда и название «платяные».

В летние месяцы численность трудников и наемных людей существенно увеличивалась, но оценить их количество на основании имеющихся источников, к сожалению, не представляется возможным.

До 1764 г. при монастыре существовала и такая форма трудовых людей как *даточные*. Одним из видов повинностей соловецких крестьян была обязанность «давать» в монастырь людей: на летнее время 66 работников и 22 плотника, а на зимнее – 38 работников. Плата даточным производилась от вотчинных крестьян, питание и инструменты были монастырскими¹².

В результате секуляризации церковных имуществ 1764 г. Соло-

¹⁰ Там же. Д. 5487. Л. 1–10 об.

¹¹ Там же. Д. 4993. Л. 6–9.

¹² РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 573. Л. 68 об.

вещкая обитель лишилась всех своих вотчин и крестьян, вместе с этим перестала существовать и категория даточных.

С другой стороны, после 1764 г. появилась новая группа трудового населения – *штатные служители*. Согласно одному из пунктов манифеста о секуляризации 1764 г., всем штатным обителям было положено определенное количество служителей, получавших денежное содержание от государства. Соловецкому монастырю, как первоклассному, по штату было определено 25 штатных служителей, жалование которым, а также подушные и оброчные деньги за них должна была выплачивать Коллегия экономии¹³.

Служители набирались «по разверстке душ» из бывших монастырских вотчин, расположенных по Беломорскому побережью. Многие из них в прошлом работали в монастыре в качестве даточных. Штатные служители привлекались к самым разнообразным хозяйственным работам: от простой заготовки дров до ответственных поездок на материк по закупным делам монастыря. Срок службы служителей установлен не был. Уходили с должности обычно по состоянию здоровья или «за старостью» [3, с. 5-10].

Категория монастырских штатных служителей просуществовала около 100 лет и была упразднена в 1861 г. вместе с отменой крепостного права в России.

Военное население Соловков

С конца XVI в. ввиду угрозы со стороны Швеции на Соловках появился приписанный к монастырю *военный гарнизон* [10; 8, с. 221-223]. До начала XVIII в. он состоял из стрельцов, а после реформы армии при Петре I стал формироваться из солдат.

В XVIII в. соловецкая военная команда насчитывала от 50 до 75 солдат. Семьям военных не разрешалось селиться при монастыре на самом архипелаге, поэтому солдаты имели дома в ближайших материковых вотчинах: либо в Сумском остроге, либо в Кемском городке. Срок службы монастырских солдат определен не был, служили они бессрочно, до тех пор, пока позволяло здоровье.

Солдатская служба как правило была преемственной. Дети военных, вырастая, часто принимали «звание своих отцов». С 1720-х гг. по всей стране при гарнизонах начали создаваться школы для обучения солдатских детей [9, с. 180-191]. Подобная школа была орга-

¹³ ПСЗ. Т. 16. № 12 060; Т. 44. К № 12 060; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4661. Л. 3–3 об.

низована и на Соловках. Ежегодно при монастыре обучалось 15-25 солдатских детей. Обязательным элементом учебной программы было изучение грамоты, чтения и пения, кроме того дети осваивали военные навыки и обучались ремесленным специальностям при монастырских службах.

До 1764 г. служащие солдаты и их учащиеся дети получали ежегодную денежную и хлебную плату от монастыря: 3 руб. денег и 4,5 четверти хлебных припасов. После секуляризационной реформы 1764 г. они были переведены на такое же содержание от Коллегии экономии.

Весь XVIII в. был относительно мирным временем в Поморском крае, и соловецким солдатам так и не пришлось участвовать в военных действиях. Однако потенциальная военная угроза сохранялась, и гарнизон продолжал существовать, обеспечивая караул монастыря и материковых острогов, а также охрану присланных в обитель ссыльных. Кроме того, согласно монастырским документам, солдаты были активно вовлечены в хозяйственную и богослужebную жизнь обители [2, с. 63-79].

В 1781 г. гарнизон был выведен из подчинения соловецкому настоятелю и передан в военное ведомство. В 1789 г. произошло его разделение на две части: 33 солдата были оставлены при монастыре, и столько же человек командированы в Кемь, получившую в 1785 г. статус окружного города [7, с. 119-121].

В XVIII в. помимо монастырской военной команды на Соловках периодически находились *солдаты архангелогородского гарнизона*, присланные для караула особо важных ссыльных. Так, в ведомости о зимовавших 1763/1764 г. числилось два архангелогородских солдата¹⁴, в исповедальном списке 1772 г. их значилось трое¹⁵.

Характерной особенностью XVIII в. было наличие при монастыре *отставных военных, присланных в обитель на пропитание*. После Северной войны (1700-1721 гг.) в стране возникла проблема содержания отставных военных, и Петр I обязал русские монастыри принимать их на проживание и пропитание.

В составленной для Коллегии экономии ведомости 1763 г. о монашествующих и находящихся на пропитании инвалидах на Соловках значатся 25 отставных военных¹⁶.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4653. Л. 2.

¹⁵ Там же. Д. 4993. Л. 6.

¹⁶ Там же. Д. 4656. Л. 9–10 об.

Духовным регламентом Петра I 1721-1722 гг. был наложен ряд возрастных и сословных ограничений на принятие иноческого пострига. Свободный постриг был разрешен только отставным военным и вдовым священнослужителям. В результате, к моменту проведения секуляризации около половины соловецкой братии составляли принявшие постриг отставные военные [1, с. 62-67].

Одним из пунктов манифеста о секуляризации 1764 г. русские монастыри были освобождены от обязанности призрения в своих стенах отставных военных¹⁷.

Ссылные

Начиная с XVI столетия Соловецкий монастырь служил местом ссылки [5; 11]. Ссылали на Соловки как по церковным, так и по гражданским нарушениям. В указах, посланных соловецким настоятелям, часто не указывалась вина ссылных, но всегда точно прописывалось, как следует их содержать в монастыре. Было несколько вариантов ссылки: в число братии, в монастырские труды и под строгий караул.

Государство выделяло монастырю на арестантов кормовые деньги, кроме того отдельным ссылным полагалось дополнительное денежное обеспечение.

В 1764 г. в обители числилось 7 ссылных монахов и 17 бельцов¹⁸. К концу века количество ссылных сократилось: в 1792 г. в ссылке значились один инок и пять бельцов¹⁹.

Среди наиболее известных ссылных XVIII в. можно назвать князя Василия Лукича Долгорукова (на Соловках в 1730-1739 гг.), последнего атамана Запорожской сечи Петра Ивановича Кальнишевского (1776-1803 гг.), капитана Сергея Алексеевича Пушкина (1781-1795 гг.), настоятеля Санаксарского монастыря прп. Феодора (Ушакова) (1774-1783 гг.) и др. [5; 11; 1, с. 177-181].

Богомольцы

В период открытия навигации (с мая по октябрь) в Соловецкую обитель прибывали многочисленные паломники [4, с. 51-63]. На Соловках существовала традиция трехдневного бесплатного приема паломников в монастыре.

Согласно сохранившимся за вторую половину XVIII в. «запис-

¹⁷ ПСЗ. Т. 16. № 12 060.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 798. Л. 18 об.–19 об.

¹⁹ Там же. Д. 1970. Л. 3.

ным тетрадам богомольцев», в 1760 г. Соловки посетило около 3400 паломников²⁰, в 1772 г. – около 4500²¹, в 1780 г. – уже около 6900 человек²². Видно, что на протяжении второй половины XVIII в. численность богомольцев возрастала. С 1760 по 1780 гг. она увеличилась примерно в 2 раза.

Денежные пожертвования богомольцев всегда были важным источником дохода монастыря, а после секуляризации монастырских земель в 1764 г. стали основным его видом. Как показало ранее проведенное исследование, именно благодаря доходу от паломников Соловецкая обитель смогла относительно благополучно преодолеть экономические последствия секуляризационной реформы 1764 г. [1, с. 195-219].

* * *

Подводя итог, скажем, что мирское население всегда играло важную роль в жизни Соловецкого монастыря. В XVIII в. помощь мирян для обители была неоценима. В этом непростом для монастыря столетии произошло значительное сокращение количества монастырской братии, и практически вся хозяйственная деятельность легла на плечи бельцов.

Именно от мирян шла в трудную минуту основная экономическая поддержка обители. Благодаря паломникам и их пожертвованиям Соловецкий монастырь смог относительно успешно преодолеть такой трудный рубеж монастырской истории, как секуляризация монастырских земель и изъятие казны в 1764 г.

Наряду с этим, подчиняясь правительственным указам, Соловецкая обитель вынуждена была содержать в своих стенах мирян, пребывание которых нередко было обременительно для иноков. Функция строгой тюрьмы, суровые условия содержания ссыльных явно шли вразрез с сутью монашества.

Наличие военного гарнизона, с одной стороны, обеспечивало монастырю потенциальную защиту в случае нападения неприятеля и помощь в монастырском хозяйстве. С другой стороны, это были дополнительные обязанности соловецких архимандритов по устройству жизни и содержанию монастырских солдат и их детей.

Проживание при монастыре отставных военных давало возмож-

²⁰ Там же. Д. 768. Л. 2–28 об.

²¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5000. Л. 1–8.

²² РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1517. Л. 70–77 об.

ность при действующих ограничениях на постриги пополнять ряды монастырской братии, однако вместе с этим привносило черты «солдатского духа» в иноческую жизнь обители.

Таким образом, мирское населения Соловецкого архипелага в XVIII в. было разнородным и составляло уникальный мужской островной социум, окружавший монастырскую братию, со своими сложившимися взаимоотношениями и особенностями. Изучение социальной истории Соловецкого монастыря, бесспорно, заслуживает дальнейшего внимания исследователей.

1. *Богданова А.В.* Секуляризация церковных имуществ 1764 г. и Соловецкий монастырь (последняя треть XVIII в.). Дисс. ... к.и.н. М., 2015.
2. *Богданова А.В.* Солдаты соловецкого гарнизона в XVIII веке // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2016. Вып. 15.
3. *Богданова А.В.* Штатные служители Соловецкого монастыря (последняя треть XVIII века) // Вестник САФУ. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 5.
4. *Богданова А.В., Копытова Н.С.* Паломничество в Соловецкий монастырь во второй половине XVIII в. // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2013. Вып. 12.
5. *Колчин М.* Ссылные и заключенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. М., 1908.
6. *Копытова Н.С.* Братия Соловецкого монастыря в первой половине XVIII в.: дипломная работа / МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2010.
7. *Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, т.е. с 1429 по 1833-й год [Репринт. изд. 1847 г.].* М., 2010.
8. *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Опыт изучения хозяйственных и социальных отношений на крайнем русском Севере в древней Руси. Пермь, 1927.
9. *Сафронова А.М., Кравченко О.С.* Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2014. Вып. 14.
10. *Фруменков Г.Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Архангельск, 1975.
11. *Фруменков Г.Г.* Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1979.

Переписка князя М.П. Гагарина и Разрядного приказа 1701 и 1702 годов: принципы публикации источника по истории науки и техники Раннего Нового времени

Ивановский канал; М.П. Гагарин; Разрядный приказ; публикация исторических источников; история науки и техники.

Рассмотрены подходы к публикации переписки М.П. Гагарина с Разрядным приказом, касающейся строительства Ивановского канала. Указаны темы, затронутые в документах. Охарактеризована степень их сохранности. Выделены критерии отбора документов для публикации.

1. В конце XVII столетия царь Петр Алексеевич, находясь под впечатлением от увиденного во время путешествия по европейским странам, предпринимает первые попытки строительства в России искусственных водных дорог – каналов.

Ивановский канал был второй осуществленной при нем попыткой соединения водных систем Волги и Дона. Первый Волго-Донской канал связал речки Камышинку (приток Волги) и Иловлю (приток Дона). Сделать между ними, как тогда говорили, «перекоп» впервые пытались еще в 60-х гг. XVI в. В конце столетия попытку повторили. Строительство, начатое в 1697 г., снова закончилось неудачей. В 1701 г. оно было остановлено [2, с. 287].

На новом этапе местом соединения водных систем избрали верховья Дона, истоком которого в то время являлось Иван-озеро. К работам приступили в 1701 г., общее руководство ими царь поручил князю Матвею Петровичу Гагарину [3, с. 13, 14; 8, с. 78, 79]. Управляя строительством на месте, он действовал в тесном контакте с Разрядным приказом. Гагарин отправлял ему свои отписки, главной темой которых неизменно оставались вопросы обеспечения стройки материалами и рабочей силой. В приказе определяли исполнителя, после чего направляли ему соответствующее распоряжение.

Сохранилась переписка Гагарина с приказом, относящаяся к 1701 и 1702 гг. Большинство относящихся к ней посланий входят в состав двух в настоящее время расклеенных столбцов, хранящихся в

¹ Юркин Игорь Николаевич, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (РФ, Москва), д.и.н., ig-yurkin@yandex.ru.

фонде Разрядного приказа в РГАДА². Отписки Гагарина, адресованные начальнику приказа боярину Т.Н. Стрешневу, представлены в них оригиналами, ответы из приказа – отпусками. Особенно интересны отписки Гагарина (их сохранилось 30), некоторые из которых имеют приложения. Они писались направленными к работам у Иван-озера подьячими, но правились и дополнялись руководителем этих работ. Некоторые хранят следы редактирования им текста – принадлежащие руке Гагарина поправки и вставки. Помимо просьб об обеспечении стройки ресурсами, отписки содержат ценные сведения по истории науки и техники России в период Раннего Нового времени: данные о картографических работах в верховье Дона, об устройстве сооружавшихся на трассе канала гидротехнических объектов, о технологии работ, о материалах, оборудовании и инструментах, применявшихся при осуществлении технологических операций, о переносе в Россию технико-технологического опыта из других стран. Документы сообщают о возникавших по ходу работ трудностях и о том, как Гагарин их преодолевал (заметим, далеко не всегда обращаясь при этом за поддержкой в приказ). Интересны данные, касающиеся организации управления работами на удаленных площадках (заготовка камня, лесоматериалов), участия в строительстве иностранных специалистов (дана оценка их квалификации в сравнении с русскими мастерами) и др. Многие приводимые в отписках сведения уникальны.

Обобщая, можно констатировать, что документы содержат богатый материал, касающийся ранней истории строительства в России искусственных водных путей, и, в частности, роли, сыгранной в ней лично М.П. Гагариным. Учитывая, что изданные источники, освещающие историю Ивановского канала, весьма немногочисленны (некоторые относящиеся к ней документы публиковались А.И. Миловидовым [3], еще одну публикацию осуществил автор этих строк [7]), вполне актуальным представляется научное издание данного небольшого, но весьма информативного документального комплекса.

2. При подготовке к изданию комплекса документов, текст которых весьма объемён и содержит многочисленные затрудняющие восприятие повторы текста, не избежать их (документов) фильтрации.

Какие критерии положить в ее основу? Критерий кумулятивности документа, подразумевающий первоочередной отбор документов, обладающих наибольшим воздействием на событие [1, с. 79], од-

² РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 790, 797.

нозначно указывает в качестве приоритетных на отписки Гагарина. Именно они содержат порождающий действия исходный импульс, первотолчок – приказные же документы по большей части отражают последствия этого толчка. Комплект отписок Гагарина вполне может быть отнесен к опорным документам [1, с. 86]. Их следует, по нашему мнению, публиковать полностью.

Но сохранились не все отписки, отправленные Гагариным с Иван-озера. В документах Разрядного приказа встречаются ссылки на его письма, в архивном деле отсутствующие [5]. Содержание некоторых из недошедших до нас в оригинале гагаринских текстов может быть частично реконструировано по их изложению в приказном делопроизводстве. В связи с этим при подготовке издания следует учитывать не только послания Гагарина, но и ответные ему послания из Разряда.

Кроме того, в данном случае, очевидно, что считать приказную документацию исключительно «документами среды» некорректно. Преследуя цель, изложенную в опорном документе, действия приказа (соответственно и отразившие их документы) далеко не всегда были predeterminedены – некоторые носили творческий характер.

Как публиковать эти документы? Отписки Гагарина, как мы уже говорили, следует публиковать все – они содержат первичную информацию и их сравнительно немного. В разрядных посланиях информация о содержании писем Гагарина отраженная, то есть вторичная. Кроме того, их, адресованных не только Гагарину, но и различным учреждениям, значительно больше и тексты многих в значительной части дословно повторяются. Необходимо принять одно из следующих альтернативных решений: а) публиковать их все, б) публиковать лишь некоторые тексты, руководствуясь при отборе определенными четко сформулированными критериями, в) публиковать из них лишь те фрагменты, которые непосредственно связаны с отписками Гагарина, дополняют и разъясняют их содержание.

Публиковать все документы названных двух архивных дел считаем нецелесообразным. В среде, состоящей из множества схожих текстовых фрагментов, оригинальную информацию обнаружить значительно труднее, ее анализ усложняется. При отборе документов приказного делопроизводства руководящим видим критерий, именуемый В.П. Козловым критерием системности документа. Как и он, понимаем под ним принцип, согласно которому предпочтение должно быть отдано документу, в наибольшей степени содействующему «получению представления о многообразии деталей случившегося» [1,

с. 83], проще говоря, обладающему максимальной информативностью. Эта информация касается содержания отписок Гагарина (в том числе утраченных) и фактов, которые породило получение этих отписок. Поскольку опорную группу документов составляют отписки, из приказных документов выбираем в первую очередь те, которые содержат данные недошедших отписок и этим дополняют их корпус.

Труднее принять решение, следует ли публиковать избранные документы полностью или фрагментами.

На данный момент наилучшим нам представляется подход, реализованный в издании писем и бумаг Петра Великого [4]. Адаптировав его к нашему случаю, видим следующую структуру издания. Его основу должны составить связанные со строительством канала документы Гагарина: отправленные (преимущественно с Иван-озера) его отписки в Разрядный приказ и отдельным лицам из числа администрации других приказов. Каждая отписка сопровождается комментарием, в состав которого входят избранные послания из приказа, содержащие сведения из недошедших отписок Гагарина. Сведения из большинства прочих писем передаются в тексте комментария, при необходимости они фрагментарно цитируются. В исключительных случаях в комментарий могут включаться полные тексты писем, содержащих особенно богатую информацию о ходе решения вопросов, поставленных в письмах Гагарина. Тексты предваряются списками а) сохранившихся и известных по упоминаниям отписок Гагарина; б) связанных с ними прочих документов, опубликованы в комментарии.

3. Для истории науки Петровской эпохи представляют интерес содержащиеся в деле материалы, касающиеся описания района работ и составления его плана, осуществленные по инициативе Разрядного приказа в октябре 1701 г. Возможно, это было первое описание и первая карта местности, отобразившие исток одной из крупнейших рек Восточной Европы [6].

Они были созданы в следующих обстоятельствах. Гагарин вплоть до осени 1701 г. о ходе и результатах руководимых им работ не сообщал в Разряд ничего. Позднее он этот факт отрицал. Так, в письме Т.Н. Стрешневу, отправленном между 2 и 14 октября 1701 г., говоря о задании сообщить, «что у меня зделано перекопного дела, тако же хоромы», заметит, что писал об этом адресату «прежде сего в

сентябре месяце»³. Такой отписки нам обнаружить не удалось. Составленная в приказе в самом конце сентября инструкция подьячему позволяет предполагать, что ее и не существовало – в ней отмечено, что информации отчетного характера от Гагарина в Разрядный приказ не поступало. В октябрьском письме Стрешневу руководитель строительства лукавил. Если и имелись в его письмах сведения о выполненных близ озера работах, они были мизерными. Получив задание, вероятно, лично от царя, руководитель работ считал себя подотчетным только ему.

Обеспокоенный отсутствием информации, Разрядный приказ решил действовать. 30 сентября Т.Н. Стрешнев приказал послать «на Епифань к Ивановскому озеру» «для осмотра и описи» подьячего Петра Поликострицкого⁴. Ему поручалось «князю Матвею говорить, чтоб он... хоромное то строение описал..., а описав, тому всему учинить *чертеж* со всякою подлинною ведомостью. А чего хоромного строенья не достроено и вскоре ль то строенье в отделке, так же и перекопное дело зделано будет – о том бы он, князь Матвей, к великому государю писал, и о том всем прислал *чертеж* с ним, Петром... А как он... отписку и *чертеж* ему, Петру, да[с]т, и ему с тою отпискою, и с описью, и с *чертежем* ехать к Москве»⁵ (выделения наши. – И.Ю.).

Того, что должен был привезти в Москву подьячий, среди документов Разрядного приказа не находим. Можно предположить, что, полученные, они были отправлены к царю и назад не возвратились. Сведения, содержащиеся в этих документах, частично отразила октябрьская переписка между Гагариным и приказом. Сообщив в ней Стрешневу, что конкретно под его руководством было сделано, Гагарин упомянул и посланный им (судя по контексту – недавно) в приказ план. При этом извинился: «а чертежа, государь, написать лутче того было некому; написал великим неучением, потому, государь, что место пустынное»⁶.

Данный сюжет уже был рассмотрен нами в одной из статей. Однако тот факт, что эта до известной степени случайно проведенная в начале XVIII столетия работа оказалась самой ранней из достоверно известных нам попыток картировать далеко нерядовой участок местности, обуславливает целесообразность публикации сохранившихся

³ Там же. Д. 790. Л. 167.

⁴ Там же. Л. 155.

⁵ Там же. Л. 157, 158.

⁶ Там же. Л. 167, 168.

сведения о ней источников. По нашему мнению, в публикацию отписок Гагарина следует включить приложение, а котором опубликовать полный комплекс документов, имеющих отношение к данному сюжету. В дополнение к двум документам Гагарина, которые будут напечатаны в составе корпуса его отписок, она должна включить все документы, касающиеся посылки разрядного подьячего, а также документы, поданные им по возвращению из поездки на Иван-озеро.

1. *Козлов В.П.* Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008.
2. *Лебедев Д.М.* География в России Петровского времени. М.; Л., 1950.
3. *Миловидов А.И.* Достопримечательные села Тульской губернии (Исторические очерки). Вып. 1: Село Иван-озеро и Ивановский канал, начатый Петром Великим. Тула, 1892.
4. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887.
5. *Юркин И.Н.* Анализ и интерпретация комплекса делопроизводственной документации начала XVIII в., связанной с созданием объекта водно-транспортной сети (источниковедческие проблемы в их музееведческом приложении) // Архив истории науки и техники. М., 2015. Вып. 5.
6. *Юркин И.Н.* Географический чертеж 1701 г. – первый план местности в районе истока Дона // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2010. М., 2011.
7. *Юркин И.Н.* Документы по истории строительства Ивановского канала (август 1701 – октябрь 1702 г.) // Архив истории науки и техники. М., 2015. Вып. 5.
8. *Юркин И.Н.* Петр Железный (Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы). СПб., 2012.

УДК 94(479.24)

Т.Т. Мустафазаде¹

О классификации и характеристике русских архивных документов по истории Азербайджана первой четверти XVIII века

Азербайджан; ресурсы; Архив Внешней Политики Российской Империи; XVIII век; документы.

В статье дана краткая информация про центральные и региональные архивные документы России первой половины XVIII в. касательно истории Азербайджана. Документы проанализированы и осуществлена их характеристика.

¹Мустафазаде Тофиг Тейюб оглы, Институт истории им. А.А. Бакиханова при Национальной Академии Наук Азербайджана (Азербайджанская Республика, Баку), д.и.н., tofiq@rambler.ru.

Ввиду того, что во время существования политической раздробленности в XVIII в. в Азербайджане из-за частых междоусобиц исторические источники и документы были уничтожены до присоединения Северного Азербайджана к России в начале XIX в., в стране не существовали архивы, и ныне трудно найти в республике исторические документы по истории до начала XIX в. Историки этот пробел заполняют привлечением к исследованию документов из архивов соседних стран – России и Турции.

Для изучения истории Азербайджана в XVIII в., особенно в первой четверти, незаменимую роль играют документы, хранящиеся в архивах России. Эти документы многочисленны из-за того, что русский царь Петр I еще с начала века планировал присоединение Южного Кавказа к России, и, в первую очередь, прикаспийских областей современного Азербайджана. Поэтому по его поручению была организована экспедиция для сбора информации. С походом Петра I в 1722 г. и дальнейшим завоеванием прикаспийских областей, растет количество делопроизводственных документов, относящихся к Азербайджану.

Документы по интересующей нас проблеме хранятся в центральных архивах – в АВПРИ при МИД РФ, РГАДА и РГВИА, а также в Санкт-Петербурге – в Российском Государственном Архиве Военно-Морского флота, в Государственном Архиве Астраханской Области, Центральном Государственном Архиве Республики Дагестан.

В АВПРИ больше всего документов по истории Азербайджана указанного периода, в РГАДА в фонде 77 (Сношения России с Персией) – документы до 1720 г. включительно, в фонде 9 (Кабинет Петра Великого), в фонде 77 (Сношения России с Персией), в фонде 89 (Сношения России с Турцией). В фонде 77 (СРП) АВПРИ содержатся документы, начиная с 1721 г. Здесь документы Коллегии иностранных дел, касающиеся стран Прикаспийского региона, бумаги российских дипломатических представителей и консулов в Иране и Азербайджане.

Большое значение для истории Азербайджана имеет журнал посланника Российского государства Сефевидскому двору А.П. Волынского (1716-1718 гг.), написанный скорописью. Как правильно отмечает проф. Ф.М. Алиев, хоть и на обложке журнала указано, что «Журнал написан собственноручно А.П. Волынским», наличие в нем разных почерков доказывает, что журнал был составлен секретарем посланника [1, с. 6].

В архивных материалах освещаются самые разнообразные вопросы. Среди них – указы о строительстве кораблей для плавания на Каспийском море, о заготовке провианта в Астрахани, об отправлении войск; о донесении командующих войсками и их частями, ведомства доходов, получаемых русской казной из прикаспийских провинций, грамоты и письма, направленные местным азербайджанским правителям; договоры и трактаты, заключенные между Россией, Ираном и Османской империей, в которых имеются пункты, относящиеся к Азербайджану. Здесь же рескрипты русского правительства своим резидентам в Стамбуле, реляции резидентов из Турции. Указания русского правительства в Турции дают представление о направлениях и задачах внешней политики России и о месте, отведенном в ней Азербайджану.

Ценными и надежными источниками являются донесения русских дипломатических представителей в Турции и Иране. При их составлении русские дипломаты были заинтересованы в том, чтобы сообщать только достоверные сведения. Иногда ради получения достоверной информации они давали немало денег своим информаторам. Например, русский резидент в Стамбуле И.И. Неплюев в реляции от 25 декабря 1722 г. сообщал, что через секретный канал он достал копию султанского указа эрзерумскому паше от 1 ноября 1722 г. И за это он дал 60 левков (примерно 20 червонцев)². Если у них имелись какие-то сомнения, то они обязательно эти сведения перепроверяли; если же это им не удавалось, то при сообщении каких-либо фактов они оговаривали степень их достоверности. Например, в письме от 15 февраля 1724 г. начальник русского гарнизона в Баку бригадир Бярятинский сообщал, что он слышал от одного приезжего армянина о том, что он увидел русского агента Ивана Карапета в Гарабагском сгнахах. Бярятинский, сомневаясь в достоверности этой информации, писал, что эту весть «заподлинно принять невозможно, чего ради послал шпиона об нем проведать»³.

Иной раз имена существительные и географические названия искажались, русские чиновники при составлении документов старались преувеличить свои заслуги и т.п.

Несмотря на то, что сведения консулов, помимо личных наблюдений, основывались на словах купцов и чиновников русской службы,

² АВПРИ. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1724 г. Д. 6, ч. 2. Л. 537 об.

³ Там же. Ф. 77 (СРП). Оп.1, 1724 г. Д. 4. Л. 61 об.–62.

специально подосланных лиц, и потому не были лишены некоторой субъективности и тенденциозности, однако, они позволяют по-новому подойти к освещению некоторых вопросов. Например, журнал консула С. Аврамова, представляющий собой повседневную запись о происходящих событиях в Сефевидском государстве в период Ширванского восстания 1721 г., позволяет по-новому фиксировать факты убийства и ограбления русских купцов в Шемахе в этот период.

В русских архивах имеется официальная переписка русских чиновников, дипломатов и пр., побывавших в Азербайджане или проезжавших через его территорию в Иран и обратно, письма иранских, турецких и азербайджанских правителей.

Среди ценнейших материалов РГАДА представляют большой интерес документы, находившиеся во II отделении кабинета Петра I. Среди них собственноручные письма русского царя к российским военным чинам, находившимся вместе с русскими войсками в прикаспийских областях Азербайджана, донесения в центр русских чиновников из Азербайджана, содержащие достоверные и объективные оценки положения на местах.

Следует обратить внимание на то, что Азербайджан продолжительное время находился в составе Сефевидского государства, называемого в то время в России и Европе Персией, поэтому в официальных документах азербайджанцев именовали «персами», либо «кизил-башами». Иногда же азербайджанцев называли «татарами», а страну «Персией».

Хотя А.П. Волынский был официальным посланником Русского государства, однако по секретному поручению Петра I он по пути в Исфагань надолго задержался в Азербайджане, записав разносторонние данные об этой стране в свой дневник. В частности, во втором пункте инструкции было написано: «Едучи ему в пути шаха персического во владении шаха морем... и сухим путем все места пристани и города и прочия поселения и положения мест, и какие где в море Каспийское реки большие впадают и до которых мест по оным рекам мочно ехать от море и нет ли какой реки из Индии, которая б впала в сие море и естли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие... делать о том секретно журнал повседневной, описывая все подлинно»⁴. Поэтому дневник Волынского можно квалифицировать как труд путешественника, свидетеля описываемых им событий

⁴ Инструкция господину подполковнику Артемию Волынскому. РГАДА. Ф. 77 (СРП), 1715-1717 гг. Д. 1. Л. 16 и 16 об.

XVIII в. Во время пребывания в Азербайджане Волынский составил обстоятельное описание политического и экономического состояния страны, содержащее весьма ценные и достоверные сведения о состоянии Сефевидского государства в общем, и Азербайджана в частности. Волынский считал, что провинции от Эривани до Тебриза (т.е. азербайджанские земли) лучшие во всем Сефевидском государстве, «которые небесхлебно бывали, также и коммерциею немалый интерес Персии принося ибо великие караваны турецкие (по несколько сот верблюдов) для купечества туда приходят... какие товары хотят в Персии покупают, паче же сырец шелк.»⁵. Среди азербайджанских областей Волынский особо выделял Ширванское бейлербейство, в котором, по словам посланника «жилые места немало и многолюдно во всем довольство имеют, понеже земля зело плодоносна и множество родитца хлеба (котором и другие многие места доволствуютца) виноградов...». Волынский отмечал, что в этой области кроме большого города Шамахи имеются еще города Баку, Дербенд, Губа и Агдам⁶.

В большинстве донесений русские уполномоченные опирались на достоверные и очевидные факты, документальное подтверждение которым они приводят. Однако, в целом, к сообщениям русских уполномоченных в Азербайджане и Иране следует относиться критически, не доверяя некоторым приводимым в них положениям.

Ценные документы по изучаемой нами проблеме хранятся в РГВИА в фондах 20 и 846 (раньше называемом ВУА). Имеющиеся в фонде 20 (Секретная часть экспедиции Военной коллегии) документы представляют собой официальные указы и промемории Коллегии иностранных дел, Военной Коллегии, Сената и других учреждений.

В Государственном Архиве Астраханской Области в фонде № 394 (Астраханская губернская канцелярия) хранятся указы и инструкции губернаторам Астрахани из Коллегии иностранных дел и Коммерц-коллегии, в фонде 681 (Астраханская таможня) содержатся данные о товарообороте российских, азербайджанских и др. купцов.

Все перечисленные виды документов, характеризующие отдельные вопросы и стороны истории Азербайджана первой четверти XVIII в., в совокупности, дополняя и исправляя друг друга, помогают воссоздать целостную картину происходящих процессов в указанное время.

Изучение русских архивных документов позволяет исправить

⁵ Там же. Л. 590 об.

⁶ Там же. Л. 591–591 об.

многие ошибочные положения в исторической литературе, уточнить некоторые факты. Так, например, о факте убийства нескольких русских купцов и ограблении их товаров некоторые дореволюционные историки писали, что якобы причиной прикаспийского похода Петра I (1722 г.) послужило именно ограбление русских купцов, в пользу которых император «единственно готов был воевать» [4, с. 373]. Даже приводились цифры: убито более трехсот купцов [2, с. 125]. В некоторых трудах сумма награбленных товаров раздута до четырех миллионов рублей [3, с. 311]. Между тем, по данным консула С. Аврамова, было разграблено товаров на 100 тыс. тюменей и 5 чел. убито. В документе «Экстракт ис подданных доношений о том великое число было у купецких людей товаров в Шемахе и кого имяны» видно, что было награблено товаров на 472 840 рублей и 29 алтына⁷. Следует отметить, что, начиная еще с советского времени, некоторые из русских архивных документов, имеющих отношение к истории Азербайджана первой четверти XVIII в., опубликованы в документальных сборниках, таких как «Армяно-русские отношения» (Ереван, 1953-1990. Т. 1-4; «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. (Махачкала, 1958), а также в виде приложения к монографиям (например, в книге Ф.М. Алиева, посвященной миссии А.П. Волынского). Учитывая, что большая часть самых ценных документов еще не издана, а привлечение их в научный обиход требует публикации, мы, собрав эти документы, перевели на современный русский язык, и, добавив к нашему переводу комментарии, опубликовали (Русскоязычные источники по истории Азербайджана первой половины XVIII века. Т. 1. (1701-1725 гг.). Баку: Elm, 2016. 800 стр.).

1. *Алиев Ф.М.* Миссия посланника Русского Государства А.П. Волынского в Азербайджане (1716-1718 гг.). Баку, 1979.
2. *Бакиханов А.А.* Гюлистан-и Ирам / Ред., комм. и прим. акад. З. Буниятова. Баку, 1991.
3. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869.
4. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IX (Т. 17-18).

⁷ АВПРИ. Ф. 77 (Сношения России с Персией). Оп.1. 1721 г. Д. 2. Л. 7–10 об.

Некоторые соображения о публикации хозяйственных документов из архивных фондов светских землевладельцев России середины XVIII – середины XIX в.

Аграрная история; крепостное крестьянство; вотчинные архивы; природопользование.

Работа содержит характеристику документов поместно-вотчинных архивов с учетом задач публикации в качестве источников по истории социальных отношений и природопользования.

Усиление капиталистических начал в сельском хозяйстве отразилось в документировании эксплуатации крестьянства и природной среды. Традиции [9, с. 29-30] и новации [6] проверялись с точки зрения обеспечения разных режимов доходности.

Архивы землевладельцев характеризуются естественностью фондообразования. «Дворянская усадьба» и «крестьянский двор» слишком хорошо знали дела друг друга [14; 11], чтобы нельзя было проверить количественные данные (напр., ужина и умолота зерновых, укоса сен...); строй речи и круг обсуждаемых вопросов еще менее мог подвергаться (само)цензуре. А о перлюстрировании хозяйственной переписки едва ли беспокоились.

В законодательстве содержались нормы составления договоров купли-продажи. Эти *купчие крепости* сохранялись в помещичьих архивных фондах дольше хозяйственной отчетности, служа доказательством добросовестности владения. Помещичьи *наставления* по организации разных сторон хозяйственной и социальной жизни, *инструкции* или *наказы* стали публиковать ранее других [17; 10]. Значительно чаще встречаются в архивах *повеления, распоряжения, письма* помещиков по конкретным вопросам. Сопоставление описания события из письма лицу своего круга с распоряжениями подчиненным полезно, скажем, при составлении биографий. Целесообразным кажется издавать тексты *распоряжений* вместе с посвященными тем же событиям *отписками, рапортами, рапортчиками, письмами* выборной или назначенной вотчинной администрации, *письмами* (вольно)наемных служителей, *прошениями/ челобитными* крестьян и дворовых людей.

¹ Быков Дмитрий Александрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., Dmitbykov@mail.ru.

Договоры об установлении и прекращении обязательств в сфере социально-экономических отношений, природопользования могут содержать упоминания терминов и практик, дополняющих распространенные исторические представления. «Господское зделье²» вместо «барщины» как будто наводит мост между «деловыми людьми» [8], «...дела господского, за кем будет жил... не делати»³, оплатой крепостным работ⁴ в помещицьем хозяйстве [19, с. 9, 65] и сдельной оплатой труда; покупкой у них продукции [3], освобождением [2, с. 45-46] от платежей⁵... Снабженные точным указанием местности сведения о количестве и способах добычи [16] в «столовый запас» разных видов дикой птицы⁶, рыбы⁷, о заготовках муравьев [7] и «яиц»-куколок⁸, о

² В с. Берёзове с дер. Пронского у. Рязанской губ. (ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 2478. Л. 1), с. Воскресенском (и с. Вишенки?) Суздальского у. Владимирской губ. (ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 1754. Л. 92), с. Пересветове Дмитровского у. Московской губ. (ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 2243. Л. 10).

³ Судебник Ивана IV. Ст. 88.

⁴ «Ведомость... 1773-1774 гг... крестьянами сработано из числа всех работ, за которые зачет им учинён или не учинён» при обустройстве Владимирской вотчины гр. Воронцовых (РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Ед. хр. 150. Л. 3–4 об.), в с. Зиновьеве Переславль-Залесского у. крестьянам управляющий кн. Голицыных платил «за подводы (к) Троице(-Сергиевой Лавре) летом по 40 копеек, зимою по 50... В Москву летом по 1 рублю, зимою по 80 копеек» (ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 1701. Л. 4–4 об.). Кн. Мих. Мих. Голицын просил 8 февраля 1788 г. управляющего с. Пятницкого Перемышльского у. Калужской губ. убедить и уверить его крепостных каменщиков-отходников в оплате их труда наравне с посторонними и в обеспечении их выгодной работой, если управятся с Московским домом до окончания летнего времени (ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 1877. Л. 14–14 об.).

⁵ «От пашения земли» в с. Берёзове Пронского у. Рязанской губ. освобожились лесники и пчелинец наряду с сотскими и старостой. ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 2478. Л. 1.

⁶ Ловленых сетью-шатром 50 тетеревов (ловля признана управляющим удачной) из с. Зиновьева Переславль-Залесского у. Владимирской губ. отправили в Москву (ОПИ ГИМ.Ф. 14. Ед. хр. 1709. Л.62; ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 1702. Л. 98). «Главная, самая добычливая и наиболее распространенная зимняя ловля тетеревов есть ловля шатрами... покрывалось в один прием до ста штук тетеревов» [16].

⁷ Из с. Константинова Рязанской губ. и у. возили живых «судаков, щук, окуней, лещей больших, линей, язей, карасей, ершей, налимов» в Московскую усадьбу кн. Голицыных (ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 2479. Л. 48). Везли рыбу и из с. Поз(д)някова Муромского у. Владимирской губ. (ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 1609. Л. 30).

⁸ В Москве 21 августа 1794 г. было получено из села Зиновьева Переславль-Залесского уезда «набранных дворовыми людьми муравейных яиц 4 $\frac{1}{4}$ фунта да мурашек 1 $\frac{5}{8}$ фунта» (ОПИ ГИМ. Ф. 14 (Голицыны). Ед. хр. 1709. Л. 45).

времени рубки⁹, объемах и сортименте лесоматериалов¹⁰, о заготовках сена¹¹ – подобная информация способна дополнить корпус гуманитарных источников для естественнонаучных исследований [1, с. 229-230] биогеоценозов [12, с. 528; 4, с. 150-161] и их компонентов [5]. Представляются небезынтересными сведения о заранее согласованной поэтапной вырубке лесов¹². Возможно, это следы традиции лесного перелога или сходной по природосберегающему содержанию практики: птицы и звери успевали выселиться из разрушаемых местообитаний.

В большинстве публикаций позднейших XV в. текстов орфография и пунктуация приближены к нормам конца XX – начала XXI в, на этом фоне передача диалектических и исторических черт представляется особенно ценной [17]. При публикации представляется целесообразным для лучшей передачи стиля [15, с. 9] сохранять пунктуацию

⁹ Для строительства усадьбы гр. Воронцовых было «вырублено и вывезено 2744 бревна... из д. Муравьихи (Муравьевой) зимою 1773 г., из «Дубровского леса... в зимнюю пору же 350 бревен дубовых» в с. Матренино Покровского у. Владимирской губ. (в наст. вр. С. Рошино Петушинского р-на Владимирской обл.). РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Ед. хр. 150. Л. 3.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Ед. хр. 150. Л. 4 об. «...Село Осинник прикосновенно смежностью Рязанского у. к селу Горностаевке Бырышицы (так. – Д.Б.) тож разных владельцев, которых крестьяне выезжая в состоявшей по речке Журавлевке... минувшего ноября (1779 г. – Д.Б.) с 19 на 20 число в ночи срубили... шесть дерев *строевого березового и осинового* (курсив мой. – Д.Б.) леса» (РГАДА. Ф. 1263 (Гончаровы). Ед. хр. 1049. Л. 13). Живущий в «дрянных осиновых избёнках» тургеневский орловский мужик имел в Пронской округе предшественников лет за 70 лет до написания «Хоря и Калиныча» (1846-47 гг.).

¹¹ Буквальность формулы «в каждой копне по лопух» из делопроизводства Суздальской вотчины кн. Мих. Мих. Голицына (ОПИ ГИМ. Ф. 14. Ед. хр. 1753. Л. 18) была в 2001 г. отвергнута Л.В. Миловым.

¹² «В бору соснового и едового леса 4 дес. и 5 саж. ценою по 150 руб. и рубить им (крестьянам-подрядчикам Ярославской вотчины с. Кузмадемьянского. – Д.Б.) оной лес впредь на два года» (РГАДА. Ф. 1289 (Щербатовы). Оп. 4. Ед. хр. 395. Л. 1); с. Михайловского Ярославской округи... кн. Дм. Мих. Щербатова... «куплено в бору господского соснового и елового леса одна десятина ценою за сто и пятьдесят рублей..., а рубить... лес с сего 1810 г. декабря с 1-го числа впредь на три года... нам крестьянам (подрядчикам из соседних вотчин. – Д.Б.) оную десятину по срублению лесу вычистить хорошенько...» (РГАДА. Ф. 1289 (Щербатовы). Оп. 4. Ед. хр. 396. Л. 1). «...Збереженную...рощу» продал в Калужском уезде Ал-др Андр. Поздняков Ник. Афон. Гончарову 1 февраля 1792 г. «от Жилневской лощины до лощины Васильевской, не оставляя во оных урочищах крупного и мелкого лесу ничего... рубить ему... Гончарову... своими людьми и работниками.. начинать от лощины Васильевской... и очистить землю во шесть лет, а в которой год сколько будет очищено земли, оную брать мне в свое владение... получить мне Позднякову от него Гончарова... всего три тысячи пятьсот рублей» (РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Ед. хр. 1421. Л. 20).

и орфографию оригинала¹³... В то время строй письменной речи был ближе нынешнего к разговорной. Крупные собрания оригинальных текстов авторства крестьян из разных местностей могут помочь изучению истории русского литературного языка.

1. *Бобровский М.В.* Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования. М., 2010.
2. *Быков Д.А.* Фискальные и оброчные платежи владельческого крестьянства в России XVIII в. М., 2005.
3. *Волков С.И.* Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. (30-е–70-е гг.). М., 1959.
4. *Емельянова Л.Г., Румянцев В.Ю., Хитров Д.А., Голубинский А.А.* Историко-экологический анализ распространения млекопитающих бореальных лесов Европейской России по материалам Генерального межевания // Сибирский экологический журнал. 2017. № 2.
5. *Каримов А.Э.* Докуда топор и коса ходили. М., 2007.
6. *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России: Центрально-Нечерноземные губернии. М., 2002.
7. *Корчмина Е.С.* Зачем везти муравьиные яйца из Брянска в Москву? // <http://arzamas.academy/materials/998>.
8. *Кулишер И.М.* История Русского народного хозяйства. Челябинск, 2004.
9. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.
10. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции / Сост. Л. В. Данилова, М. Д. Курмачева. М., 1987.
11. *Пушков В.П.* Графские новации и крестьянские традиции (чета С.Г. и Н.П. Строгановых и староверы Верхокамья в середине XIX в.). Ярославль., 2005.
12. *Разумовский С.М.* Закономерности динамики биоценозов // *Разумовский С.М.* Избранные труды. М., 1999.
13. *Тихонов Ю.А.* Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974.
14. *Тихонов Ю.А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII–XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М.; СПб., 2005.
15. *Сабанеев Л.П.* Волк. Охотничья монография // *Сабанеев Л.П.* Собрание сочинений в 8 тт. М., 1998. Т. 5.
16. *Сабанеев Л.П.* Тетерев-косач // *Сабанеев Л.П.* Собрание сочинений в 8 тт. М., 1998. Т. 4.
17. *Устюгов Н.В.* Инструкция барона Николая Григорьевича Строганова в Соликамские вотчины // Исторический архив. М.; Л., 1949. Т. 4.
18. *Черкасова М.С.* Вологодское подворье Кирилло-Белозерского монастыря. [Приложение] Документы, относящиеся к Вологодскому подворью Кирилло-Белозерского монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 1.

¹³ «Оный Слесарев всем тем несчастливым приключениям... был самовидец». РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Ед. хр. 181. Л. 153–173 об.

19. Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М., 2012.
20. Щепетов К.Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947.

УДК 94 (47).05

Л.А. Черная¹

Надписи на триумфальных воротах Петровской эпохи как исторический источник

Триумфальные арки; исторический источник; классификация; эволюция; особенности.

Впервые «надписания» на триумфальных арках Петровского времени становятся объектом специального источниковедческого анализа. Проводится классификация надписей по содержанию, языку, формально-стилистическому принципу.

Триумфальные ворота в России Петровского времени были не просто явлением новой, светской по характеру, праздничной городской культуры, но показателем процесса ее модернизации и европеизации. Триумфальные арки создавались в честь военных и морских побед формирующейся империи и служили центром «викториальных» празднеств. Помимо чисто панегирических целей они имели отчетливый отпечаток политической пропаганды и обладали просветительским пафосом.

Как сюжеты и образы триумфальных врат, так и «надписания» к ним являются ценным источником эпохи Петровских преобразований, однако надписи в качестве таковых еще не привлекали к себе специального внимания исследователей, в то время как художественная составляющая хорошо изучена в современной науке. Все это делает надписи триумфальных врат крайне привлекательным материалом для отдельного рассмотрения с точки зрения их содержания, политической направленности, просветительского наполнения и общекультурного значения.

За время правления Петра Великого в Москве и Санкт-Петербурге было воздвигнуто 36 триумфальных арок. Ввиду сложности восприятия неподготовленным русским зрителем мифологических и аллегорических образов и картин, заранее издавались подробные «изъяснения» в виде брошюр: четыре текста описывают врата «от

¹ Черная Людмила Алексеевна, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств (РФ, Москва), д.и.н., tchernie@rambler.ru.

школьных учителей» Славяно-греко-латинской академии (за 1703, 1704, 1709, 1721 гг.); три – арки, созданные на средства А.Д. Меншикова (1704, 1709, 1721 гг.) и еще три – Купеческие врата 1709 г., Строгановские 1721 г. и Магистратские 1721 г. Не все они сохранились, а изъяснение Купеческих врат 1709 г. известно лишь в рукописном варианте.

Самые первые триумфальные врата были созданы в Москве после взятия Азова (19 июля 1696 г.) в сентября 1697 г. Идея создания арки, место возведения, а также слова для главной надписи принадлежали Петру I, который еще 20 августа 1696 г. писал А. Виниусу из Черкаска: «Еще о некотором деле предлагаю. Понеже писано есть «достоин есть делатель мзды своя», того и мню, яко удобно к восприятию господина генералисимуса и протчих господ... триумфальными враты почтити; место же мню к сему удобнее на мосту чрез Москву реку устроенном...» [3, № 122, с. 109-110]. Петровские слова – «достоин есть делатель мзды своя», взятые из Библии, – были помещены над образом парящей Славы. Картину над фронтоном под двуглавым орлом сопровождала надпись: «Бог с нами, никто же на ны, никогда же бываемое». Особо подчеркивалась морская победа под Азовом, в честь которой была изображена пирамида со словами: «В похвалу прехрабрых воев морских». Также морской победе была посвящена и большая картина маслом на холсте с видом сражения галер и фуркатов с надписью: «На море турки поражены, оставя Москве добычу, корабли их сожжены». От имени побежденных шли слова: «Ах, Азов мы потеряли и тем бедство себе достали». Также на этой картине появлялся Нептун с неизменным трезубцем и веслом, сидящий на морском чудище, а рядом надпись: «Се и аз поздравляю взятием Азова, и вам покоряюсь» [1, с. 346].

Таким образом, с самого начала бытования триумфальных врат надписи стали неотъемлемой и крайне значимой их частью, разъясняющей смысл изображений, как аллегорических, так и чисто исторических, «подсказывающей» оценку событий, призывающей присоединяться к общему триумфу. Первые надписи отличались наличием иронии и военного юмора, что не прослеживается в дальнейшем.

Петр I активно участвовал в разработке программ и всего празднества в честь сухопутной или морской победы, в разработке «сенса» изображений и надписей на триумфальных вратах. Сохранилась программа, которую император составил для празднования годовщины Ништадского мира в 1724 г. Он предлагал в ней идею, которая должна была лечь в основу стихотворений и надписаний, украшавших

не только триумфальные арки, но и пирамиды, фейерверки и транспаранты: «Надлежит в первом стихе помянуть о победах, а потом силу писать во всем празднике следующую: 1) неискусство наше во всех делах; 2) А наипаче в начатии войны, которую, не ведая противныя силы и своего состояния, начали как слепые; 3) Бывшие неприятели всегда не только в словах, но и в гисториях писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тем нас; 4) Какие имели внутренние замешания, также и дела сына моего, також и турков подвигли на нас; 5) Все прочие народы политику имеют, дабы баланс в силах держать меж соседов, а особливо чтобы не допускать до света разума во всех делах, а наипаче в воинских, но то в дело не произвели, но яко бы закрыто было сие пред их очесами. Сие поистине чудо Божие – тут возможно видеть, что все умы человеческие ничто есть против воли Божией». В конце он предлагал «сие пространно развести..., а сенсу довольно» [5, с. 552-553]. По сути, перед нами осмысление опыта Северной войны. Отсюда видно, какое серьезное значение придавал император надписям, считая их мощным орудием пропаганды и просвещения народа. С этой целью и издавались подробные описания триумфальных врат разных лет.

В целом, надписи на триумфальных арках можно подразделить на две большие группы: светские и религиозные. Религиозные сводились в основном к благодарению Бога и святых за покровительство русскому царю и его воинству. Светские тексты подразделяются на тематические группы: 1) прославляющие, 2) обличительные, 3) призывающие, 5) пояснительные. На каждых вратах их количество и соотношение были различными.

Из первого печатного описания врат, созданных учителями Славяно-греко-латинской академии в 1703 г., выясняется, что почти все 57 надписей на них были сделаны по-латыни с дословным, порой крайне неудачным, переводом на русский язык. Доминировали религиозные благодарения Богу за «помощь» и панегирики Петру I. На прославляющие тексты места не жалели, хотя все остальные надписи были крайне лаконичны, например: «побеждает силою корабли», «надежда благая сияет», «что постоит от лица его» и т.п. Три пространных текста прославляли Петра I, Алексея Михайловича и Михаила Федоровича. Все они были написаны на славянском языке, в отличие от остальных, написанных на латыни. Центральным образом, венчающим врата, был двуглавый орел, который метал перуны-молнии в лежащего внизу «свейского льва», держащего в когтях четыре «похищенных града». Отсюда же и центральной идеей целого ряда над-

писей можно считать изречение под этой картиной, переведенное как: «Не похищай чуждаго». Много надписей, предсказывающих дальнейшие победы русского оружия и дальнейшие поражения ее врагов: «достойно есть бояться его», «земле страшен и водам», «далее и морем», «торжествует на водах», «трегубою порази язвою побеждена», «паде, иже многим во уме своем пасти хотяше» и др. [6, с. 135-149].

Надписи по-латыни, скорее всего, не понравились Петру I, поскольку были непонятны зрителям. Надписи на следующих вратах 1704 г. были уже на славянском языке, более пространные и в то же время более внятные и яркие по смыслу. Префект академии Иосиф Турбойский составил их описание, где перечислено 77 «надписаний». Вычленяются все те же смысловые группы. Во-первых, прославляющие Петра как «монократора», освободителя «неправедно похищенных» Швецией городов и земель. Во-вторых, обличающие «свейского льва» с разных точек зрения. В-третьих, призывающие к окончательной победе над врагом и, наконец, разъясняющие сложные и незнакомые широкой публике изображения и фигуры [6].

В честь Полтавской победы 1709 г. в Москве и Санкт-Петербурге было построено семь триумфальных арок единовременно. Из описания врат Славяно-греко-латинской академии, сочиненного ректором Феофилактом Лопатинским, видно, что главная идея всего триумфального комплекса выражена в надписи над центральным проездом арки, как бы выполняющей роль заголовка-посвящения: «Всегда пребывающей добродетели Петра посвящен». На многочисленных картинах показана жизнь юного Геркулеса-Петра, затем «труды государевы», в особенности, по освобождению захваченных шведами земель. «Общим местом» являются «свейский лев» и попирающий его «российский орел», символизирующие Швецию и Россию. Надписи врат усиливают «сенс» картин и образов, часто указывают на Божье благоволение к России. Так, бог войны Марс изображен с мечом в правой руке, на котором надпись: «Божия помощь, российская правда». Надпись над сломанными шведскими шпагами, поверженными знаменами и военными трофеями звучала так: «Нужно бяше прехрабру сицевому быти. Иже прехрабрейшаго возмог победити». Персону Бдение сопровождали слова: «Всяк владения чуждым ревнивый желатель. Многажды конца злаго бывает взыскатель». Над картиной с изображением аллегорического персонажа – Силы Петра, стоящей на колеснице Нептуна и отгоняющей вражеские корабли, была помещена многозначительная фраза: «Ты богом морским связанным владетель. И тому же сих есть управитель». Эти слова как бы ставили точку в

покорении Петром I бога морей Нептуна. Тема освобождения Ливонии сопровождалась «надписанием»: «Счастливейший всегда, иже храбро защищает свободу, нежели тот, кто сию восхищает» [4].

В целом, учительские врата были самыми «многословными», с большой религиозной составляющей в текстах (при этом легко совмещающих античных божеств с православным Богом), порой тяготеющими к силлабическому стихотворству в надписаниях.

На остальных вратах надписей бывало значительно меньше, реже звучало благодарение Богу, больше было конкретных фактов и деталей сражений, картины были понятны и без особых пояснений. В частности, на арках А.Д. Меншикова, которые он строил на свои средства в 1702, 1703, 1704, 1709 и 1721 гг., изображался как Петр Великий, так и сам «светлейший князь», причем неоднократно, а Екатерина I лишь однажды [2, с. 42-44].

В конце Петровского царствования монументальные архитектурные формы триумфальных врат взяли на себя основную функцию. Число изображений, а значит, и надписей к ним, резко сократилось, только врата учителей по-прежнему тяготели к повествовательности и назидательности. В 1721 г. в честь окончания Северной войны была разработана сложная концепция, объединяющая все врата и изложенная в печатном описании «Врата триумфальные в царствующем граде Москве на вход царского священнейшаго величества императора все-российскаго, отца отечества Петра Великаго, с торжеством окончанной войны благополучным миром между империею российской и короною шведскою»². Концепция состояла в том, чтобы отразить «прешедшая в войне благопоспешества на многих земных и водяных акциях, и в атаках крепких городов завоеванных. Вся бо она военная благополучия были аки семена и корение ныне содеяннаго мира». Первые врата как раз и должны были отображать эти самые «мимошедшей войны благополучия, аки семена мира», в то время как вторые посвящались «самого мира состоянию», а третьи и четвертые изображали «полученные и надеемые мира плоды».

К сожалению, тексты надписей на триумфальных вратах сохранились далеко не все, часто в источниках авторы только упоминают о них или дают им общую оценку, не приводя самих текстов. В целом, надписи на триумфальных арках с 1697 по 1724 гг. постепенно сокращались количественно из-за утраты пояснительной функции, но претерпели и определенные качественные изменения. Если в первое десятилетие Северной войны они были более пространными и тяготели к

² РГАДА. Ф. 17. № 149. Л. 1.

религиозной назидательности, то к концу войны монументальность архитектурных форм и образов повлияла на лаконичность и «историчность» надписей. Злободневность, сквозившая в надписях «по горячим следам» русских побед на суше и на море, сменилась взвешенной оценкой достижений России и ее императора.

1. *Богословский М.М.* Материалы для биографии Петра I. [М.], 1940. Т. 1.
2. *Зелов Д.Д.* Вклад А.Д. Меншикова в создание официальной праздничной культуры петровского времени // Меншиковские чтения. 2003. Сб. ст. / Отв. ред. И.В. Саверкина. СПб., 2004.
3. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. (1688-1701).
4. Политиколепная апофеозиз... Петра Алексеивича... По преславной виктории... под Полтавою... возвращающагося. В царствующий град Москву... от еллинославнолатинския академии... М., 1709.
5. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9.
6. Торжественная врата, вводящая в храм безсмертных славы, непобедимому имени Новаго в России Геркулеса... Петра Алексеивича... в Москве, от учителнаго собрания... // Панегирическая литература Петровского времени. М., 1979.

УДК 930.24.006.95

В.В. Канищев¹

**Влияние «малого ледникового периода»
на крестьянское хозяйство юга Центральной России
в первой половине XIX в.**

История климата; «малый ледниковый период»; крестьянство.

В статье предпринята попытка показать механизм выхода российского общества центрального региона из «малого ледникового периода», приведены конкретные факты, показывающие влияние переходных климатических процессов на состояние крестьянских хозяйств региона.

На одной из конференций памяти Л.В. Милова мы уже обращались к теме влияния климатических условий развития российского общества в первой половине XIX в. [5]. При этом отмечалось, что Л.В. Милов хронологически как бы не дошел до подробного изучения влияния природно-климатических условий этого периода на повседневную жизнь русского крестьянства. В последнее время предположение о том, что к середине XIX в. Европейская часть России вышла из тако-

¹ Канищев Валерий Владимирович, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (РФ, Тамбов), д.и.н., valcan@mail.ru.

го климатического периода, признал Б.Н. Миронов. Полемизируя с Л.В. Миловым по вопросу продолжительности сельскохозяйственного сезона, он приводит данные конца XIX в., когда очевидным стало существенное потепление климата в Восточной Европе [10, с. 234-235]. Более корректной представляется необходимость «уловить» ранние свидетельства выхода Европейской России из «малого ледникового периода» (до середины XIX в.).

Объективные трудности изучения данного сюжета связаны с тем, что инструментальные измерения температурного режима в большей части Европейской России начались только в самой середине XIX в. Для определения влияния климата на повседневную жизнь населения приходится анализировать косвенные данные. Прежде всего, это данные о неблагоприятных в климатическом отношении и неурожайных годах на территории Европейской России.

В хронике чрезвычайных ситуаций В.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого отмечалось, что в 1801 г. после суровой зимы наступило высокое половодье на большинстве рек Европейской России, в 1804-1808 гг. в летние месяцы стояли холода и преобладали сильные северные ветры, в 1808-1812 гг. отмечались «суровые зимние сезоны», в 1819 г. многие южные губернии России пострадали от чрезмерных морозов, в 1821 г. в западных и центральных губерниях хлеба пострадали от дождей, ветров, градобития и холодов, в 1822 г. часто отмечались опустошительные градобития, голод носил почти повсеместный характер в Европейской России, в 1832-1835 гг. стояли жестокие зимы, в 1836 г. поздней весной волна холода пронеслась от Белого моря до Крыма, в 1839 г. зима была чрезвычайно холодной, поздняя весна совпала с возвратом холодов, в 1844-1845 гг. зима была жестокой в целом по России, в 1848 г. из-за возврата холодов сильно пострадали всходы озимых, в 1850 г. зима была суровой в Воронежской губернии и Поволжье, весна почти по всей стране пришла поздно [2, с. 357–465].

Эти сведения дополняются многими другими источниками. Так, общероссийский сборник статистических сведений особо выделял «несвоевременные» морозы в 1835-1837 гг. [11, с. 475]. Рязанские данные свидетельствуют о том, что в 1831 г. последние заморозки в регионе были 21 мая, а в 1840 г. весной погибло много плодовых деревьев [9, с. 99]. В диссертации Р.В. Суворина приводятся сведения о том, что в 1853 г. весна началась с высоких половодий почти по всей стране. 29 мая в Саратовской губернии выпал снег, который значительно повредил хлеба. «Холод был так силен, что погибло много овец и три пастуха». Это стихийное бедствие с высокой долей вероятности могло

затронуть и соседние Воронежскую, Пензенскую и Тамбовскую губернию. Точно известно, что в Тамбовской губернии произошли сильные градобития [12, с. 50-51].

Та же хроника В.П. Борисенкова и В.М. Пасецкого называет наиболее неурожайными и голодными 1811, 1812, 1820, 1821, 1824, 1832, 1833, 1849 годы [2, с. 357–465]. Сборник статистических сведений в России конца 1850-х гг. сообщал о неурожаях во многих губерниях в 1820-1821, 1843-1845, 1850-1851 гг. [11, с. 471-473]. При всей противоречивости информации разных источников очевидно, что неурожаи и голод в 1820-е и 1840-е гг. чаще возникали в засушливые годы. Вероятно, российское аграрное общество на протяжении веков приспособилось к климатическим условиям «малого ледникового периода». В первой половине XIX в. непривычными для великорусского пахаря оказались резкие колебания при переходе к более теплому периоду. Из приведенных данных видно, что в 1810-1820-е гг. число холодных лет сократилось и, напротив, выросло число засушливых лет. В 1830-е гг., видимо, произошло возвратное движение к «малому ледниковому периоду».

И.Д. Ковальченко в свое время привел данные о снижении темпов естественного прироста в Рязанской и Тамбовской губерниях именно в 1830-е гг. [6, с. 27-28]. Наши исследования, проведенные вместе с коллегами на микроуровне отдельных приходов Орловской, Тамбовской, Тверской, Тульской губерний, показали, что на рубеже 1830-1840-х гг. колебания климата и спады урожайности существенно повлияли на демографические процессы вплоть до проявлений отрицательного естественного прироста [3; 5].

Начало проникновения холеры в Российскую империю наметилось в конце 1820-х гг., когда стал нарастать засушливый климат в Восточной Европе. Члены Медицинского совета МВД, оценивая первую крупную эпидемию холеры 1830-1831 гг., обратили особое внимание на неустойчивость погоды, резкую смену жары и холода, повлекшую за собой во многих местах неурожаи, что способствовало усилению эпидемии [13]. Но, вероятно, в 1830-1840-е гг. проявления «малого ледникового периода» продолжали сказываться и «холерный кризис» вновь проявился только в 1847-1848 гг.

И.Д. Ковальченко, говоря о колебаниях динамики посевов в крестьянских хозяйствах Рязанской и Тамбовской губерний первой половины XIX в. отметил, что в первую очередь они были связаны с влиянием неурожайных лет [6, с. 33]. Сведения об урожайности хлебов в этих губерниях показывают, что спад важнейшего для великорус-

ского пахаря показателя в первой из них произошел в конце 1820-х – 1830-е гг., во второй – на рубеже 1820-1830-х гг. Такие наблюдения конкретизируются сведениями об урожайности в отдельных имениях князей Гагариных – в трех из четырех имений спад урожаев произошел опять-таки в 1830-е гг. [6, с. 82-86, 98-99].

И.Д. Ковальченко также привел данные об изменениях в посевах отдельных культур в крепостных хозяйствах Рязанской и Тамбовской губерний первой половины XIX в. Особенно он отмечал рост посевов привычных для российских земледельцев ржи и овса и снижение высева «капризных» пшеницы и гречки [6, с. 34].

Эти данные удачно дополняются сведениями о запасах зерна в крестьянских хозяйствах, собранными по описям 19 имений Тамбовской губернии периода 1800-1840-х гг. Ю.Ю. Коньшиной. Почти во всех случаях эти сведения говорят о преобладании у крестьян запасов ржи и овса. Небольшие «отклонения» можно увидеть в трех имениях северо-западного Лебедянского и северного Елатомского уездов, где в запасах числилась только рожь. Видимо, в отдельные годы в неблагоприятных погодных условиях крестьяне не успевали запасти овес. Примечательно, что в холодном 1837 г. в имении Кувязева Лебедянского уезда даже рожь удалось сохранить в минимальных запасах. О трудностях 1830-х гг. говорит и тот факт, что в имении Горчаковых Козловского уезда группа крестьян, не имевших зерновых запасов, с 1831 г. по 1838 г. выросла с 8 % до 83 %. С другой стороны, в имении Карцовых размер этой группы в 1838 г. по 1847 г. сократился с 38 до 7 %. Уникальной оказалась ситуации в имении С.К. Полозова Козловского уезда, где в 1841 г. самыми значительными были запасы овса, на втором месте стояла гречиха, на третьем – горох, а запасы ржи вообще не упоминались [8, с. 194-202].

Отмечая в целом устойчивый характер преобладания ржи и овса в крестьянских посевах и запасах, нельзя не обратить внимания на ставшее заметным явлением первой половине XIX в. на юге Центральной России: появление посевов теплолюбивых картофеля, табака, подсолнечника и т.п. Но, судя по всему, эти процессы первоначально шли неравномерно даже в сравнительно небольшой по российским меркам зоне Окско-Донского междуречья. Так, генерал-губернатор А.Д. Балашов в начале 1820-х гг. указывал на выращивание в Воронежской и Тамбовской губерниях бахчей с арбузами, а также на начало посадок табака в Воронежской и местами в Рязанской губерниях [7, с. 51, 53]. С другой стороны, в статистическом издании В.П. Андросова отмечалось, что озимый сев в Центральной России продол-

жается до половины сентября, в южных районах даже до октября. Но далее записано: «Опытные однако ж хозяева держатся старинной хозяйственной пословицы: если до Флорова дня (18 Августа) ржи не отсеешь, Флоры и родятся» [1, с. 51]. Вероятно, преобладал опыт, выработанный в условиях «малого ледникового периода».

Полагаем, что трудный выход из «малого ледникового периода» был более существенной причиной кризиса крепостного хозяйства России в 1830-1850-е гг., чем рост барщины. Мы продолжаем настаивать на том, что этот рост и происходил во многом в связи с изменениями климата, увеличением числа неблагоприятных лет. Обстоятельства вынуждали помещиков больше использовать работу крестьян на свои полях, а крестьяне получали все меньше возможностей вовремя и качественно обрабатывать свои поля. Механизм этих процессов еще предстоит изучить.

1. *Андросов В.П.* Хозяйственная статистика России. М., 1827.
2. *Борисенков В.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
3. *Жиров Н.А.* Демографическая ситуация в сельской местности Орловской и Тульской губерний 1835–1850 гг. // XV Державинские чтения. Академия гуманитарного и социального образования. Тамбов, 2011.
4. *Канищев В.В.* Еще раз к вопросу о «вымирании» крепостного крестьянства в 1830-1840-е гг. // Проблемы экономической истории: теория и практика. Сб. ст. Екатеринбург, 2011.
5. *Канищев В.В.* Русский народный календарь и реальные погоды на Юге Центральной России в XVII–XX вв. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М, 2013. Вып. 3.
6. *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959.
7. Краткие записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерал-губернатора Балашева. М., 1823.
8. *Коньшина Ю.Ю.* Имущественное положение крепостных крестьян Тамбовской губернии в первой половине XIX в. Дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2010.
9. Материалы для географии и статистики России. Рязанская губерния. СПб, 1860.
10. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1.
11. Сборник статистических сведений в России. СПб., 1858. Вып. III.
12. *Суворин Р.В.* Влияние стихийных бедствий на повседневную жизнь аграрного общества первой половины XIX в.: по материалам Тамбовской губернии. Дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2015.
13. Трактат о повально-заразительной болезни холере, бывшей в России в 1830 и 1831 году, сочиненный членами Медицинского совета при Центральной комиссии и рассмотренный Медицинским советом МВД. СПб., 1831.

Хозяйственная деятельность башкир в XVII – первой половине XVIII вв.

Башкиры; волости; «дороги»; скотоводство; земледелие; бортничество; «бобровые гоны»; охота; рыболовство; пашня.

Основной отраслью башкирского хозяйства в XVII – первой половине XVIII вв. являлось полукочевое скотоводство, которое дополнялось бортничеством, охотой, собирательством. В изучаемый период в северо-западной, затем в юго-восточной частях края медленно расширяется земледелие.

Крупной проблемой в истории любого общества является состояние хозяйства, ибо оно лежит в основе его развития. Не случайно к ней проявляли значительный интерес уже представители местной правительственной администрации Урало-Поволжья первой половины XVIII в.: кунгурский бургомистр Юхнев, выполняя инструкцию начальника Главного правления Сибирских и Казанских казенных заводов Г.В. Геннина, чиновник Оренбургской экспедиции П.И. Рычков, губернатор Уфимской провинции П.Д. Аксаков, а также участники Академических экспедиций конца 60 – начала 70-х гг. XVIII в.

Кунгурский бургомистр Юхнев с ноября 1725 г. до марта 1726 г. объездил территорию почти всего края и собрал достаточно большой материал о хозяйстве и положении коренного населения края 20-х гг. XVIII в. По его мнению, башкиры Ногайской и Сибирской дорог являются скотоводами, а жители Казанской дороги – частично – скотоводами, частично – земледельцами, а Осинской дороги – земледельцами [16, с. 483-487].

П.И. Рычков, первый русский историк Башкирии считал, что основным занятием башкир первой половины XVIII в. были скотоводство и бортничество, а земледелие имело вспомогательное значение [15, с. 107, 148, 150, 151]. Его современник вице-губернатор Уфимской провинции П.Д. Аксаков утверждает, что башкиры в это время в основном занимались скотоводством, бортничеством и охотой [3, с. 527]. Побывавшие в Башкирии в конце 60 – начале 70-х гг. XVIII в. участники Академических экспедиций И.Г. Георги, П.С. Паллас и И.И. Лепехин придерживались того же мнения [4, с. 91; 12; 8, с. 40].

¹ Акманов Ирек Гайсеевич, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), д.и.н.; akmanov_ig@mail.ru.

Более обстоятельно этой проблемой занимались советские историки. Авторы 30-50-х гг. XX в. считали, что в XVII в. основным занятием башкир Осинской и части Казанской дороги являлось земледелие [11, с. 86-98]. Но историки конца XX – начала XXI в. не согласны с этим выводом и утверждают, что в XVII в. основным занятием большинства башкир всех четырех «дорог» являлось полукочевое скотоводство, бортничество и охота. Пашня зафиксирована в XVII в. у жителей только Гайнинской волости Осинской и Енейской волости Казанской дорог. Далее они пишут о том, что в первой половине XVIII в. несколько расширяется земледелие у башкир. Этот процесс постепенно охватывает коренных жителей Осинской, частично Казанской, а затем и Сибирской и Ногайской дорог [6, с. 115-121; 5, с. 92-99; 1, с. 66-93].

Приступая к анализу исторических материалов, необходимо прежде всего подчеркнуть, что природно-климатические условия XVII–XVIII вв. во многом определяли хозяйственное развитие стран и народов.

Природа Башкирии создавала благоприятные условия для развития скотоводства, бортничества, охоты и земледелия. Прибывшие в край царские чиновники, ученые и путешественники с восхищением описывали природу края.

Упомянутый выше П.И. Рычков так характеризует природу Башкирии: «Что касается до довольства сей провинции, то во всей Российской империи едва сыщется ль другая, которая б всем нужным к житию человеческому толико избыточествовали, как Уфимская, ибо к хлебопашеству самая лучшая земля повсеместно, повсюду ж леса, в коих множество бортовых пчел, реки судовые и рыбные, озер рыбных и пахотных мест везде довольно» [15, с. 274]. Как видно, природа края создавала населению возможность заниматься основными отраслями хозяйства того времени.

В исторических источниках XVII–XVIII вв. сохранился ряд характеристик башкирского хозяйства. В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г., о хозяйстве башкир сказано следующее: «...а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют, скоту держат много»² [7, с. 139, 182; 9, № 13; 16]. К этим сведениям примыкают материалы документов, исходящих от самих башкир. Из коллективных челобитных 1662 и 1694 гг., поданных властям от имени всего башкирского народа, также видно, что основным занятием населения было полу-

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 142.

кочевое скотоводство, бортничество и охота [9, № 13, с. 82-83]³.

Эти материалы как бы дополняются сведениями представителей царской администрации первой половины XVIII в.

П.И. Рычков в своей книге «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии» так описывает хозяйственную жизнь коренных жителей: «Башкирский народ к пашне не склонен. А хотя некоторые из них и сеют, но токмо про свою нужду, и то малое число. Пропитание свое имеют они по большей части от содержания лошадей и бортных угодьев... Главная экономия уездных обывателей, особливо ж башкирцов, состоят в конских заводах, в содержании скота и бортовых пчел» [15, с. 54]. Подобная характеристика башкирского хозяйства содержится также в трудах вице-губернатора Оренбургской губернии П.Д. Аксакова: «Хлеба пахать не охотники, а большая часть довольствуется мясом и крупую, молоком... А нажива их лутчая или промысел во пчелах, хмелю и ловля зверей, лисиц, волков и бобров. Земель имели великое довольство» [2, с. 527].

Основными видами скота у башкир были лошади, коровы, овцы, козы. У жителей Сибирской и Ногайской дорог имелись верблюды. Башкиры свой скот содержали на подножном корму. Сено заготавливалось только для лошадей, используемых зимой для поездок и для молодняка.

Важную роль в хозяйстве башкир продолжало играть бортничество. В подавляющем большинстве описаний башкирских вотчин, содержащихся в челобитных, припускных записях и других материалах этого времени, есть указания на «бортные леса», «бортные угожьи», на занятие населения бортничеством. Уплата жителями натурального налога в казну с бортных угодий – важный показатель большого места этой отрасли в экономике башкир. Вице-губернатор П.Д. Аксаков подчеркивал, что «...нажива их лутчая или промысел во пчелах». П.И. Рычков пишет о ведущей роли бортничества у башкир: «...Башкирцы, у которых лесные места, от сих бортовых пчел получают себе великий доход и в размножении оных так искусны, что много таких, из которых у одного по несколько тысяч бортовых деревьев имеется». Борты находились в частной собственности. Их покупали, закладывали [2, с. 527; 15, с. 151].

Значительное место в хозяйственной жизни башкир занимала охота. Они охотились на зайцев, лисиц, куниц, норок, лосей, диких коз, рысей, волков, медведей, а также на разнообразную дичь. Охота

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 142.

могла быть индивидуальной и коллективной. Большими группами, насчитывающими свыше 100 человек, башкиры ездили в дальние охотничьи угодья – за р. Тобол, Иртыш, Ишим на востоке, за р. Иргиз, Б. и М. Узени на западе [15, с. 142-150]. Вспомогательное значение у башкир имели рыболовство и собирательство (сбор хмеля, сараны, ягод и т.д.).

Большой интерес представляет выяснение роли и значения земледелия в башкирском обществе в первые века после вхождения в состав Русского государства. Рассмотрим имеющиеся фактические материалы по «дорогам».

Осинская дорога занимала часть территории северной Башкирии. В начале 40-х гг. XVII в. башкир Гайнинской волости А. Янмурзин, переехав в пределы Кущинской волости Сибирской дороги, продолжал привычное свое занятие – «пашню пашет, сено косит». Жители Гайнинской волости, жаловавшиеся на захват их земель Строгановыми, пишут, что «...исстари их прадеды, деды и отцы владели вотчинными землями по р. Каме и ее притоку Мулле, с устья до вершины», «на той их вотчинной земле прадеды, деды и отцы их юртами поселились и пашни распахали и сена косили». В 1690 г. башкир этой волости Б. Шугарев, переселившись на верховья р. Сылвы, обратился к верхотурскому воеводе с просьбой о том, чтобы ему разрешили жить на новом месте и «пахать» пашню. О земледельческих занятиях башкир Гайнинской волости свидетельствует продажа ими в 70 – начале 80-х гг. этого века хлеба в Соликамске [9, № 5, 10]⁴.

Однако в исторических документах имеются сведения и другого характера. В земельных спорах жителей Уранской и Урман-Гирейской волостей, имевших место в 1653 и 1690 гг., перечисляются бобровые гоны, бортные леса, рыбные ловли, а пашня не доминирует. Следовательно, земледелием занимались не все жители и Гайнинской волости. Это видно также из оберегательной памяти, данной в Уфе в 1672 г. на имя башкир этой волости Тереберде Алееву с товарищами, живших на р. Тулве, в которой при характеристике их земель, пашня не упоминается: «...вотчинные земли и речки и всякие угодья, и звериные и рыбные ловли и бобровые гоны» [9, № 4]⁵.

По припускным, поступным и другим документам первой половины XVIII в. земледелие прослеживается в Гайнинской и Уранской

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Д. 109; Труды Пермской Ученой Архивной комиссии. Пермь, 1896. Вып. 3. С. 81-82.

⁵ РГАДА. Ф. 1173. Д. 443, 1049.

волостях. У жителей Ирехтинской волости, живших по р. Ик, пашня среди угодий не называется. О состоянии земледелия башкир Осинской дороги этого времени говорят и некоторые очевидцы. Кунгурский бургомистр Юхнев говорит о земледелии башкир-осинцев следующее: «При этой дороге живут башкирцы и все в домах... Хлеба имеют много и пашни и летом не кочуют в степи, но по домам живут, как руские» [10, № 74, 184, 346, 411, 540, 543, 546, 553, 562].

Что касается башкир Казанской дороги, то в первой половине XVII в., согласно дошедшим до нас документам, пашни у них прослеживается лишь в отдельных волостях. Положение несколько меняется во второй половине века: наличие земледелия во многих волостях зафиксировано источниками. Документы о состоянии хозяйства Енейской волости относятся к 1660-м, 1670-м и 1690-м гг. Земледелие здесь прослеживается по материалам 1670-х и 1690-х гг. Притом, речь идет не только о простом перечислении пашни. Например, в 1675 г. две группы башкир данной волости вели спор за 30 полос пашни; одна сторона заявляет, что они многие годы пахали спорную землю. Сведения по Байлярской волости характеризуют положение в 1660-х, 1680-х и 1690-х гг. Из них видно существование земледелия здесь только в 90-х гг. XVII в. Вотчины Гирейской волости описаны за 1650-е и 1690-е гг., и за 1690-е гг. есть пашня. Здесь существовала мельница-мутовка и мельница-колесчатая, причем последнюю построил башкир той же волости. Из материалов Иланской и Каршинской волостей за 1680-е и 1690-е гг. проясняется также существование в них земледелия. В Елдякской волости пашня прослеживается с 70-х гг., в Киргизской – с 80-х гг. XVII в.⁶

Есть некоторые материалы, позволяющие проследить в какой-то мере саму динамику развития земледелия. Так, жители Елдякской волости этой «дороги» в 90-х гг. XVII в. писали в одной из своих челобитных, что их прадеды, и деды, и отцы «кормились рыбою и без пашен». А у них самих, как уже сказано, есть пашня. Житель Каршинской волости Сеит Суюндуков в 80-х гг. XVII в. говорил, что они «...беспашотные степные люди, зимой кормятся рыбою, а в летнюю пору – от скота». А в челобитной его сына Исмагила Сеитова при перечислении угодий фигурирует пашня. Как видно из приведенных выше фактов, во второй половине XVII в. земледелие в Казанской дороге сделало определенные сдвиги. Это бесспорно. Однако и во вто-

⁶ Там же. Д. 17, 56, 72, 79, 110, 137, 299, 326, 346, 496, 643, 794, 896, 954, 1049, 1242, 1324, 1333; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 3–10, 41–55, 67–68, 114–116.

рой половине века в пределах «дороги» существовали волости, где, судя по сохранившимся материалам, не было пашни. Таково было положение в Булярской волости по сведениям 1670-х и 1690-х гг., в Шемшадинской – 1660-х и 1690-х гг. [9, с. 18; 10, № 3]⁷.

По материалам первой половины XVIII в. видно, что на территории этой «дороги» идет дальнейшее расширение земледелия. По Каршинской, Елдякской и Иланской волостям по записям видно наличие земледелия. Кроме того, в этих волостях зафиксированы мельницы. В Каршинской волости их числится 6, собирались построить еще 4, в т.ч. 2 должны были построить припущенники татары, 2 – сами башкиры. Жители Иланской волости припустили двух татар с условием строительства мельницы. В Дуванской волости по 17 записям прослеживается пашня, по 5 – нет; по Енейской соответственно 5 и 8, Тышкы-Иланской – 2 и 4, Шемшадинской – 3 и 2, Канлинской – 2 и 2, Кыр-Канлинской – 2 и 3, Гирейской – 2 и 3, Киргизской – 1 и 1 [9, № 25, 127; 10, № 12-14, 67-69, 78, 82, 93, 100, 119, 122, 130, 132, 135, 137, 142, 149, 154, 157, 163, 170, 171, 175, 179, 180, 189, 195, 197, 200, 201, 205, 216, 217 и т.д.].

К этим материалам примыкают свидетельства Юхнева. О хозяйстве башкир Казанской дороги 20-х гг. XVIII в. он пишет: «Пахотной земли и сенных покосов довольно имеют. Они сеют рожь и всякой хлеб без навозу, и та дорога кормит Уфу. Они имеют дворы хорошие, токмо половина из них летом кочует в степи, едят хлеб и лошадиное мясо, скота у них довольно... меду и воску много» [16]. Таким образом, в первой четверти XVIII в. налицо некоторый прогресс в развитии земледелия у коренных жителей Казанской дороги. Правда, для большинства башкир оно, по-видимому, еще не стало основной отраслью хозяйства.

Изучение материалов о состоянии земледелия в башкирском обществе в XVII – первой половине XVIII в. позволяет сделать вывод о том, что несмотря на некоторые сдвиги в этом отношении, земледелие в крае расширялось медленно, что объясняется рядом важных обстоятельств. Прежде всего, имеющиеся земельные владения башкир позволяли им вести полукочевое скотоводство и другие традиционные отрасли. Не менее весомым было и то, что скотоводство для башкир в изучаемое время представляло собой более производительную отрасль по сравнению с земледелием [14, с. 168; 13, с. 8].

Таким образом, в первые века пребывания в составе Русского

⁷ Там же. Д. 1242; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 93–94.

государства в социально-экономической жизни края произошли заметные сдвиги. Относительно устойчивая обстановка, прекращение феодальной междоусобицы, общение башкир-скотоводов с русским и другим земледельческим населением – все это положительно влияло на хозяйство тех и других, также на общее развитие производительных сил края. В этом заключалось одно из крупных прогрессивных последствий вхождения Башкирии в состав Русского государства.

1. *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. Уфа, 2016.
2. *Аксаков П.Д.* Записка о состоянии башкирского народа до и после восстания 30-х годов и о мерах для приведения его в полное повиновение // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949. Т. 3. № 568.
3. *Аксаков П.Д.* Красное известие о народе башкирском // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949. Т. 3. № 568.
4. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 2.
5. История башкирского народа в семи томах. Уфа, 2011. Т. 3.
6. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. Уфа, 2004.
7. Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.
8. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по данным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1802. Ч. 2.
9. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1.
10. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III.
11. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1.
12. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786. Ч. 1-2.
13. *Рычков П.И.* О способах умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Т. VII.
14. *Рычков П.И.* Ответы на экономические вопросы, касающиеся земледелия // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Т. VII.
15. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.
16. Сведения о башкирах, собранные кунгурским бургомистром Юхневым во время его поездок в 1725-1726 гг. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949. Т. III. № 546.

Н.Ю. Болотина, А.И. Комиссаренко,
А.Ю. Кононова¹

**Природно-географический фактор развития
хозяйственной деятельности крестьян-корелян в
Бежецком и Новоторжском уездах во второй половине
XVII – начале XVIII вв.**

Природно-географический фактор; хозяйство дворцовых крестьян-корелян; Бежецкий и Новоторжский уезды; вторая половина XVII – начало XVIII в.; свывозная и селитебная книга.

«Свывозные и селитебные книги» стольника Ивана Игнатьевича Сумарокова 1702-1703 гг. и «Дозорные и переписные книги государевых корелян Бежецкого Верха и Новоторжья» дворянина московского Д.Г. Тютчева и подьячего Ф. Второва 1668-1669 гг., сохранившиеся в списках, позволяют изучать влияние природно-географического фактора на хозяйственную деятельность крестьян Бежецкого Верха и Новоторжья.

Актуальной научной проблемой является создание полноценной источниковой базы для изучения этноэкономического освоения отдельных территорий Русского государства во второй половине XVII – начале XVIII вв. В связи с этим особый интерес представляет история заселения Бежецкого края в указанное время. Она тесно связана с историей исхода карел в центральную Россию, преимущественно в Бежецкий Верх и Новоторжье. В отечественной и зарубежной историографии показано, что причины его коренятся в русско-шведских отношениях рубежа XVI–XVII вв. По заключенному между Швецией и Россией в 1617 г. Столбовскому миру на земли Бежецкого Верха и Новоторжского уезда стало переселяться карельское население из переданного Швеции Карельского уезда [1; 3; 4; 5; 6; 7; 10; 15; 18; 19; 20; 22; 23].

Бежецкий Верх – территория в верховьях реки Мологи. В период существования Новгородской боярской республики являлся центром Бежецкой пятины и служил спорной территорией между Великим

¹ Болотина Наталья Юрьевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РФ, Москва), к.и.н., bolotina30@rambler.ru; Комиссаренко Аркадий Иванович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РФ, Москва), д.и.н., arkadiy109@rambler.ru; Кононова Антонина Юрьевна, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), к.и.н., akononova56@rambler.ru.

Новгородом, Тверью и Москвой. В конце XIV – начале XV в. Бежецкий Верх был присоединен к Московскому княжеству. Выбор Бежецкого Верха и соседнего Новоторжья для поселения выезжих из Корельского уезда, переданного Швеции, вполне объясним обезлюдением и запустением этих территорий в годы опричнины и Смуты [21, с. 311]. Бежецкий Верх подвергся разорению в опричнину. В эпоху Смуты его территория подверглась оккупации и разорению Швецией. В 1613 г. край был освобожден от шведских войск. К середине XVII в. в Бежецкий Верх (уезд), а также в соседний Новоторжский уезд переселилось более 25 тыс. человек крестьян-корелян, а всего за весь XVII в. до 50 тыс. В 1646 г. между Россией и Швецией было оформлено соглашение, по которому за выкуп в 190 тыс. рублей серебром эти беженцы-переселенцы оставались подданными Русского государства [2, с. 120].

Отметим особенности природно-географических факторов, влиявших на «конкретно-исторический и экономический механизм», «на основного производителя-крестьянина, и... в конечном счете на общество и государство» [14, с. 6-7]. Бежецкий Верх, расположенный на северо-востоке Тверского края, составляют возвышенности, так называемые Моркины Горы, Бежецкие и Сосновская холмистые гряды, представляющие водораздел бассейнов рек Мологи и Медведицы. Южнее пролегает Вышнее-Волоцко-Новоторжский вал – цепь невысоких, но массивных куполообразных холмов. Между ними находятся низины, в том числе Верхневолжская – самая большая из них. Западнее и севернее она соприкасается с подножьями Валдайской возвышенности и «поднятиями» Бежецкого Верха.

Реки прорезали себе русло в низинах. Северная часть Бежецкого Верха представляет собой «равнину, среди которой медленно движутся воды Мологи, Медведицы, Дрезны, Кашинки, Корожечны, Мелечи, Могочи, Ратыни» [17, с. 3-6]. Поэтому водный транспорт играл исключительно важную роль. «Основные торговые сношения осуществлялись... посредством водных путей» [9, с. 211]. В Новоторжском уезде это же значение имели река Тверца. В ее бассейне располагались деревни Сухариха, Баранова, Быльница, Будова, село Раменье, сельцо Святцово. В них были сосредоточены судостроительные промыслы, поставлявшие барки для Торжка и пристаней, возникших в XVII в. – Васильевскую, Константиновскую, Прутенскую [8, с. 6, 64]. Бежецкий Верх, где имелись «лучшие пойменные луга... по реке Могоче, славились высокими сборами сена, как и в Новоторжском уезде по реке Логовеже [17, с. 286]. Не меньшее значение в развитии хозяйственной

деятельности карельских поселенцев играл климат. Его преобладающей особенностью являлся континентальный воздух умеренных широт. Нередко приходил морской атлантический воздух, вызывавший летом похолодание, а зимой потепление. Пасмурные дни отмечались до 170-180 дней в году, что снижало вегетацию растений [2, с. 24-39].

Для земледелия важным компонентом служит качество почвы. Преобладающие в Бежецком и Новоторжском уезде болотно-подзолистые почвы не обладают благоприятными свойствами, они «кислые, холодные, избыточно увлажненные, питательные элементы в них... малодоступные для растений». К недостаткам земли в этом регионе нужно отнести и «завалуненность, закустаренность угодий» [17, с. 62, 64]. По мнению Л.В. Милова, в Бежецком уезде только Городецкий стан мог считаться «хлебороднейшим», а в Новоторжском уезде «очаги» плодородия «локализуются около сел Стружны, Упревиче, сельца Голубина, деревень Маслово, Пожитова, Мловичи» [14, с. 31]. Именно в этих местах преобладали дерновые почвы, богатые питательным для растений гумусом [2, с. 59-61]. Затрудняла ведение сельскохозяйственного труда в изучаемое время и значительная лесистость, которая и поныне считается высокой (до 54 % территории). Тем не менее одной из основных отраслей хозяйственной деятельности крестьян-корелян были земледелие.

Аграрная технология, применяемая карельскими крестьянами-переселенцами, зависела от вышеназванных почвенно-климатических условий. Преобладал трехпольный севооборот, сочетавшийся особенно в первые десятилетия обитания на Тверской земле (с 20-х гг. XVII в.) с подсеčno-огневой практикой расчистки пашни от леса. Под озимую рожь в конце лета употреблялось троение вспашки. После уборки урожая озимой ржи, поле использовалось под выгон скота до тех пор, пока оно не очистится, а потом в следующую весну возделывалось под посев яровых хлебов – пшеницы, ярицы, гороха, льна, овса, гречи, ячменя, конопли. Однако урожайность была невысокой – от сам-2 1/2 до сам-3 1/2, иногда урожай ржи достигал сам-5, а овса – сам-4. Правда, все же «лучшие урожаи бывают в Бежецком (уезде)» [17, с. 242, 268, 284].

Судить о земледельческом хозяйстве крестьян-корелян позволяют сохранившиеся в списках две «свывозные и селитебные книги» стольника Ивана Игнатьевича Сумарокова в октябре 1702 – январе 1703 гг. Они были составлены в связи с проведением правительством Петра I политики принудительного переселения крестьян-корелян,

проживавших в поместьях, частновладельческих и монастырских вотчинах, на дворцовые земли. Всего в книгах И.И. Сумарокова описано 180 семей «новоотписных корелян». Эти описания включают сведения о запасах зерна и поголовье скота, принадлежавших семье ко времени описания И.И. Сумарокова. К сожалению, сведения о посевах в рассматриваемом источнике встречаются крайне редко.

Нами проанализированы данные книг, относящиеся к 32 семьям карельских крестьян, поселенным на дворцовых пустошах Городецкого (Бежецкого) у. в июне 1701 – марте 1702 г.² Они образовали деревни Новая, Матвейцево, Гремячиха, Васки, Воробьиха, Мякишево, Городок. Урожай был собран ими уже на новом месте поселения. Как свидетельствует книга И.И. Сумарокова, карельскими крестьянами высевались рожь, овес и ячмень-жито. Материал книги показывает, что крестьянские семьи могли иметь очень разные запасы «хлеба всякого». Исходя из того, что на пищевое потребление семье требовалось в среднем до 8-12 четвертей в год [13, с. 57], можно отметить, что запасы зерна у 21 семьи были непрожиточными, составляя 0,2-5 четвертей. У одной семьи было 7,5 четвертей зерна³. 11 семей имели достаточное для жизни количество зерна и его излишки. Так, 4 семьи деревни Матвейцево (И. Федорова, Я. Юдина, А. Семенова, Ф. Никитина) имели 10-14 четвертей зерна⁴. Семья М. Кононова той же деревни содержала излишки зерна – 20 четвертей⁵. Семьи Л. Трефилова и Н. Федорова, составлявшие деревню Новую, также имели излишки зерна – соответственно 21 и 30 четвертей⁶. Три семьи деревни Городок, – братьев Федоровых, братьев Климентьевых, Кондратия Семенова имели соответственно 20, 10, 15 четвертей зерна⁷. Как видно, крестьянские хозяйства, обеспеченные зерном, были сконцентрированы в трех дворцовых деревнях – Матвейцево Есеницкого стана Бежецкого уезда, Новая Каменского стана того же уезда, Городок Кейсемской волости Угличского уезда. В деревне Новая такие семьи составляли все население. В деревне Матвейцево они проживали в 5 дворах, составлявших большую часть дворов (непрожиточное количество хлеба имели только 3 двора). В деревне Городок три семьи, имевшие

² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 313–315 об., 316 об.–317, 318 об.–320 об., 304–305.

³ Там же. Л. 318 об.

⁴ Там же. Л.315–315 об.

⁵ Там же. Л 314 об.–315.

⁶ Там же. Л. 313–313 об.

⁷ Там же. Л. 304 об.–305 об., 307.

достаточное количество зерна и его излишки, проживали в трех дворах, которые составляли немалую часть в общем количестве дворов деревни. При этом можно говорить о земледельческой специализации некоторых вышеназванных хозяйств. Так, семьи крестьян Ивана Федорова, Якова Юдина, Артемия Семенова, Федора Никитина, обладая значительными зерновыми запасами (10-14 четвертей), имели скромное животноводческое хозяйство (1-2 коровы, 1-2 овцы, 1-2 свиньи). (Это относится не ко всем вышеназванным семьям. Хозяйства Леонтия Трефилова, Никиты Федорова из д. Новая, Кондратия Семенова и братьев Федоровых из д. Городок можно назвать гармоничным, так как они имели значительное количество скота и зерна)⁸. Можно предположить, что земли, на которых находились эти деревни, также являлись «очагами плодородия».

Нами было рассмотрено еще 20 семей, поселенных на дворцовых пустошах Бежецкого (Городецкого) уезда в конце июля – сентябре 1702 г. Так как они были вывезены уже в конце сезона сельскохозяйственных работ, то естественно предположить, что запасы зерна, зафиксированные у них И.И. Сумароковым, были сделаны еще на прежнем месте жительства. 11 семей имели непрожиточное количество зерна – 1-5 четвертей⁹. У четырех семей писцом было зафиксировано по 7 четвертей «хлеба всякого», то есть количество, приближавшееся к норме¹⁰. В распоряжении еще пяти семей было достаточное для проживания количество зерна. Так, в хозяйстве семей Михаила Иванова, Трифона и Лариона Никитиных, Григория Иванова из д. Станки, Кирилла Иванова из д. Душково было зафиксировано по 10-12 четвертей.¹¹ Яков Степанов из д. Благовещенье владел 20 четвертями зерна, то есть имел излишки. Как видно, три семьи, имевших достаточное для жизни количество хлеба, проживали в деревне Станки. Здесь же проживала и семья Устина Иванова, у которой было зафиксировано 7 четвертей зерновых. Все семьи, проживавшие в новой дворцовой деревне Станки, были вывезены из деревни Типинки Есеницкого стана Городецкого уезда, также по-видимому находившейся на плодородной земле.

В Бежецком и Новоторжском уездах успешно развивалось животноводство. Об этом свидетельствуют, в частности, данные сохранившихся также в списках «Дозорных и переписных книг госуда-

⁸ Там же. Л. 313, 313 об., 307, 304 об.

⁹ Там же. Л. 326 об.–327, 329, 328 об., 329, 330.

¹⁰ Там же. Л. 326, 323 об., 329 об., 330.

¹¹ Там же. Л. 323 об., 327, 331 об., 333–333 об.

ревых корелян Бежецкого Верха и Новоторжья» дворянина московского Д.Г. Тютчева и подьячего Ф. Второва, составленных по наказу из Приказа Большого дворца в 1668-69 гг.¹² Помимо традиционных данных о мужском населении крестьянского двора книги включают сведения о поголовье содержащегося в нем скота. Так, в семи из одиннадцати крестьянских дворов села Никольского Новоторжского уезда находилось от 4 до 6 коров и только в трех дворах – по 2 коровы¹³. В шести крестьянских дворах было от 7 до 12 свиней, в одном – 4 и только в трех – по 1 свинье¹⁴. В 6 из 11 дворов села число конского поголовья составляло 2, в трех – 3-4, только в двух – по одной. В большинстве дворов села было также по 2-3 овцы.

Как уже также отмечалось, сведения о животноводстве крестьян-корелян присутствуют в упомянутых уже «свывозных и селитебных» книгах стольника И.И. Сумарокова 1702-1703 гг. Нами были проанализированы данные книги, относящиеся к 52 семьям, поселенным на пустошах Городецкого (Бежецкого) у. в июне 1701 – сентябре 1702 г.¹⁵ Они имели очень разное количество скота. В 15 семьях (29 %) было высокоразвитое животноводческое хозяйство. Они имели по 3-7 коров, 4-5 свиней, 4-5 овец, 2-3 лошади. 22 семьи (42 %) содержали по 2 коровы, 1-3 овцы, 1-3 свиньи, 1-2 лошади. Их хозяйство также можно назвать относительно развитым. Еще 15 семей (29 %) были однокоровными и имели по 1 свинье, 1 овце, 1 лошади. Часть хозяйств с развитым животноводческим хозяйством была немалой.

Несмотря на сложность природно-географических условий, хозяйственное положение крестьян-корелян в Бежецком и Новоторжском уездах в исследуемое время было сравнительно стабильным.

1. *Вершинский А.Н.* Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4.
2. География Тверской области. Тверь, 1992.
3. *Головкин А.Н.* История Тверской Карелии: от язычества к православию. Петрозаводск, 2008.
4. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. М., 1937.
5. *Дмитриева З.В.* «Карельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Вологда, 2003. Вып. V.
6. *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

¹² Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 33–152; Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347–423 об.

¹³ Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 397–398 об.

¹⁴ Там же. Л. 397–398 об.

¹⁵ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 3551. Л. 313–315 об., 316 об.–317, 318 об.–320 об., 304–305, 326 об.–330.

7. Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в.. Великий Новгород, 2003.
8. Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982.
9. Истомина Э.Г. Водный транспорт России. Дореформенный период. М., 1991.
10. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998.
11. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3.
12. История крестьянства России с древнейших времен. М., 1993. Т. 3.
13. Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство. М., 1990.
14. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
15. Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии в XVI–XVII в. Петрозаводск, 1947.
16. Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.
17. Преображенский В.А. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1854.
18. Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы Атна. Ювяскюля, 1995.
19. Середа Н.В. Тверской край в период становления российского самодержавия (конец XV – XVII вв.). Тверь, 1991.
20. Смирнов А.К. Поречье Бежецкого края. Исторический обзор. М., 2015.
21. Ушаков А.Г. Иван Грозный. Благочестие на крови. М., 2017.
22. Чернякова И.А. К вопросу о судьбах «карельских выходцев». Петрозаводск, 1989.
23. Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998.

УДК 94 (47).046

Р.Б. Зайтунов¹

Вопросы земельного обеспечения сельского населения Оренбургской губернии во второй половине XVIII века

Оренбургская губерния; аренда земель; земельное обеспечение; десятина; башкиры; переселенцы; Уложенная комиссия; хозяйственное освоение.

В статье рассматриваются ряд особенностей в формировании земельных отношений в Оренбургской губернии в условиях социально-экономического развития региона во второй половине XVIII века.

После организации Оренбургской экспедиции царские власти взяли курс на укрепление своих позиций в крае путем увеличения численности небашкирского населения не только за счет дворян и воен-

¹ Зайтунов Расих Батырович, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), к.и.н., zaitrasich@gmail.com.

нослужащих, но также переселения различных разрядов русских и нерусских крестьян. Кроме того, согласно указам правительства, на территорию края ссылали осужденных преступников и людей, не помнящих родства, а также разрешали селиться различным категориям иностранцев, приехавших в Россию на постоянное жительство. Все эти перечисленные слои населения пополняли в основном ряды государственных и дворцовых крестьян и должны были обеспечиваться земельными наделами для ведения хозяйства.

Во второй половине XVIII в. развернулась крестьянская колонизация Оренбургской губернии. К концу столетия в губернии насчитывалось 246 тыс. русских крестьян обоого пола всех разрядов, в т.ч. государственных – 106 754 (43,18 %), дворянских (помещичьих) – 98 653 (40,21 %), дворцовых (удельных) – 27 446 (11,12 %), заводских – 13 919 (5,64 %) [1, с. 109-113]. Значительным было количество переселенцев из татарских, чувашских, мордовских, марийских и удмуртских крестьян, которых в конце XVIII в. в Башкирии числилось 144 тыс. человек обоого пола. Они в основном считались ясачными людьми, что было равносильно статусу государственных крестьян. К этому времени на территории края всего было 390 тыс. русских и нерусских крестьян-переселенцев обоого пола, в т.ч. русские составляли – 63 %, нерусские крестьяне – 37 % от количества крестьян-переселенцев.

Сложный вопрос земельного обеспечения крестьян-переселенцев решался по-разному. Крестьяне, которые принадлежали дворянам и заводам, не имели собственных участков, жили на землях своих хозяев. Часть русских государственных и дворцовых крестьян наделялась землей в момент поселения от имени государства. Остальные переселенцы самовольно занимали башкирские земли, которые затем закреплялись за ними местными властями.

Что касается земельного обеспечения нерусских крестьян, то часть их как ясачные люди наделялась землей от имени государства, остальные становились припущенниками башкир-вотчинников, селились на землях последних и пользовались за незначительную плату участками башкирских общин.

Необходимо отметить, что переселенцы – русские и нерусские крестьяне в Башкирии не испытывали недостатка в земле, хотя минимальный надел в 15 десятин на душу мужского пола был установлен лишь с 90-х гг. XVIII в. Этот вывод лишний раз подтверждается материалами местной администрации. Так, в 1800 г. Оренбургская казенная палата сообщала, что на территории губернии «...как на казенных, так и на помещичьих и башкирских землях, у живущих государст-

венных крестьян вообще недостатка в земле поныне не только не видно, но и сверх высочайше опробованный 15 дес. пропорции, показывается важный излишек»².

Сложной оказалась реализация положения указа от 11 февраля 1736 г. и последующих решений властей о передаче мишарям земли башкир – участников восстаний. Ссылаясь на этот указ, мишари перестали платить башкирам оброк за пользование землей. Кроме того, они требовали официально закрепить за ними земли, находящихся в их пользовании.

Власти решили произвести учет земли башкир-повстанцев и поселить туда мишарей. В 1747 г. геодезист капитан Шишков определил площадь «порозжих бунтовщичьих земель» в 169 700 четвертей. Однако по неизвестной причине мишари эти земли не получили.

В конце 50-х гг. XVIII в. мишари вновь подняли вопрос о наделении их землей. Новое измерение земель участников восстаний на Казанской и Ногайской дорогах показало, что многие земли, числившиеся в чертежах Шишкова как «пустопорозжие», оказались заняты мишарями, тептярями, бобылями как припущенниками башкир. Свободные участки имелись только на территории Ногайской дороги³.

Тем не менее и на этот раз дело не дошло до поселения и официального закрепления «бунтовщичьих угодий» за мишарями. Из имеющихся к середине 60-х гг. XVIII в. 2253 дворов мишарей оказались наделенными землей 337 дворов. Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего, изъятие земель вызывало сильное недовольство у башкир, их систематический протест. В 1759 г. представители башкир во главе со старшиной Темиром Мутиным от имени четырех «дорог» подали челобитную в Сенат с жалобой на захват их вотчин переселенцами и составлением последними подложных документов на владение. В том же году жители Ногайской дороги во главе с Алибаем Мурзагуловым обратились в Уфимскую провинциальную канцелярию с протестом против самовольного поселения на их землях мишарей и татар. Кроме того, оренбургские власти считали, что «бунтовщичьи земли» уже заняты различными переселенцами, поэтому передавать их мишарям невозможно. Оренбургский губернатор А.А. Путятин в донесении к Екатерине II от 1767 г. обратил

² РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 81. Л. 6.

³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 927, 928, 931, 936, 941, 1873, 1880, 1884, 1885, 1887.

внимание на возможность башкирского восстания в случае выполнения требований мишарей. В итоге правительство своими указами от 18 ноября 1790 г. и 1 сентября 1793 г. решило не рассматривать более претензии мишарей по поводу «бунтовщичьих земель» [2, № 275, 276, 359, 360, 375].

Поэтому значительная часть мишарей по-прежнему продолжала жить на башкирских землях, формально являлась башкирскими припущенниками, но не все из них платили вотчинникам оброк за землю. Однако следует отметить, что мишари имели право покупать башкирские земли. Документы второй половины XVIII в. показывают, что ими было совершено немало покупок.

Таким образом, во второй половине XVIII в. значительные пространства земель края оказались в руках крестьян-переселенцев из центральных уездов и Среднего Поволжья. По материалам Генерального межевания, к концу этого столетия на долю казенных крестьян Оренбургской губернии приходилось 6 476 520 десятин земли. Кроме того, часть казенных крестьян пользовалась землями башкирских общин в качестве припущенников⁴.

В этот период времени усиливается борьба за землю между различными категориями переселенцев. Это нашло отражение в наказах различных групп населения и выступлениях депутатов на заседаниях Уложенной Комиссии 1767-1768 гг. Следует отметить, что 35 представителей Оренбургской губернии выражали интересы основных этнических и социальных групп – башкир, русского дворянства, государственных крестьян, казаков, купцов и городских жителей, оставшихся мелких военно-служилых людей, мишарей, тептярей, новокрещенных. Они в выступлениях затрагивали различные аспекты земельных отношений, требовали от правительства действий в свою пользу.

Интересы башкир защищали старшины Гайнинской волости Осинской дороги Туктамыш Ижбулатов (Уфимская провинция) и Мякотинской волости Сибирской дороги Базаргул Юнаев (Исетская провинция). Они выражали недовольство указом правительства от 11 февраля 1736 г. и последующими его актами, которые, по их мнению, открыли пути для нарушения их земельных прав. Депутат Ижбулатов считал, что эти указы «...были изданы по представлению генералитетов и по проискам мещеряков и татар». Башкирские депутаты протестовали против захватов их земель как «пустопорозжих», подчер-

⁴ Там же. Д. 927, 928, 931, 936, 941, 1873, 1880, 1884, 1885, 1887.

кивая, что у них нет незанятых и ничейных угодий, что для ведения скотоводческого хозяйства необходимы большие земельные площади. Они также указывали на незаконность изъятия их вотчин как «бунтовщичьих», ибо в условиях господства общинного землевладения трудно разделить земли на владения повстанцев и «верных» башкир, тем более после прекращения борьбы, когда повстанцы были прощены правительством. Кроме того, они говорили о конфликтах с государственными и дворцовыми крестьянами, ибо последние незаконно претендуют на башкирские земли, «...завладели и ныне владеют насильно... с тем, якобы им по указам оные в дачи даны...». Далее депутаты акцентировали внимание на нарушения законов при заключении земельных сделок, изъятия лишних площадей по сравнению с договорами, на прикрытие неправомερных действий покупателей и арендаторов земли со стороны провинциальных канцелярий⁵.

Интересы своих доверителей защищали также остальные депутаты края. Представитель уфимских дворян майор Аничков ратовал за дальнейшее расширение прав дворян на землю, добивался закрепления за ними рыбных ловель, бортных лесов, находящихся «в дворянских окружностях». Мишарский депутат А. Максютов поднял вопрос о полной реализации указа от 11 февраля 1736 г. относительно передачи им земель башкир-повстанцев. Отставные унтер-офицеры и солдаты Бирска, Красноуфимска и Мензелинска просили официально закрепить за ними близлежащие земельные угодья. Тептяри и бобыли из мариЙцев, удмуртов, татар поднимали вопрос об увеличении площадей своих земель за счет башкирских вотчин, отмене уплаты оброка башкирам за землю.

Итак, заседания Уложенной Комиссии превратились в своеобразное поле борьбы за землю в крае. Различные социальные и этнические группы сельского населения стремились закрепить имеющиеся земельные угодья и требовали расширения этих площадей.

Таким образом, назревшие государственные задачи царской России на юго-восточной окраине в 30-х гг. XVIII в. вызвали изменения всей системы политики на территории края, в том числе в области аграрных отношений. Новая земельная политика выразилась в некотором ограничении вотчинного права башкир, изъятии значительной части их земель, расширении правительственно-дворянской, завод-

⁵ Любавский М.К. Материалы по дореволюционной истории Башкирии. Вып. 1. Выборы в Уфимские провинции депутатов в Екатеринбургскую Комиссию 1767 г. и данные им от различных национально-сословных групп населения наказы // ОР РГБ. Ф. 364. К. 8. Д. 1. Л. 68, 80–85.

ской и крестьянской колонизации, усилении регулирующей роли государства в земельных отношениях.

Перечисленные изменения привели к сложным, неоднозначным экономическим и политическим последствиям. Переселение значительного количества русских и нерусских крестьян, ремесленников и торговцев способствовало расширению земледелия, ремесла и торговли. В этом же направлении действовало увеличение количества крепостей, многие из которых постепенно превращались в города, центры ремесла и торговли. Все эти явления способствовали укреплению торгово-хозяйственных связей Оренбургского края с центральными уездами, содействовали формированию всероссийского рынка, экономическому росту всей России. Новая политика правительства в изучаемое время приводила к уменьшению земельных угодий башкир, отрицательно сказывалось на существовании их традиционного хозяйства.

1. *Абсалямов Ю.М., Кулбахтин Н.М.* Численность, этносоциальный состав и размещение населения Южного Урала в конце XVIII – начале XIX века //Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI – XX вв. Уфа, 1994.
2. Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. 4. Ч. 2.

УДК 94(47).05

А.В. Жиборкина¹

Демографическое поведение крестьян Устюжского уезда в первой четверти XVIII в.

Историческая демография; демографическое поведение; переписные книги; крестьянская семья.

Статья посвящена изучению демографического поведения крестьян Устюжского уезда в конце XVII – первой четверти XVIII в. на материалах переписной книги 1717 г. В центре внимания находятся такие вопросы, как состав семьи, брачное поведение, детность, вдовство и т.п., а также связь демографического поведения с социально-экономической ситуацией в районе.

Демографическое поведение представляет собой систему взаимосвязанных действий или поступков, направленных на изменение или сохранение демографии, состояния субъекта (индивида, семьи, малой группы, нации и т.д.) [6, с. 330]. Существует непосредственная

¹ Жиборкина Анастасия Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., zhib_anastasiya@mail.ru.

связь между демографическим поведением и социально-экономическим положением в стране, и такие его аспекты, как рождаемость, смертность, брачность, детность и т.п., отражают то, как население реагировало на изменения в различных сферах жизни страны.

Первая четверть XVIII в. – время правления Петра I. Основная тяжесть его преобразований легла на плечи простого народа, прежде всего, государственных крестьян. Именно их, в основном, и коснулись правительственные мобилизации. Это не могло не отразиться на демографической ситуации в районе.

Основными источниками по демографической истории в указанный период являются переписи населения 1710 и 1717 гг. и материалы I ревизии. Переписные книги являются уникальными источниками, так как в них содержится информация о мужском и женском населении, имеются данные о том, кто проживал в каждом дворе во времена предыдущих переписей (1678 и 1710 гг.) и что случилось с выбывшими членами семьи. Это дает возможность изучить вопрос о демографическом поведении крестьянства в петровское царствование.

Данную проблему в той или иной мере затрагивали многие историки [4; 7; 8; 10]. В последние годы к ней обратились М.С. Черкасова и О.Н. Адаменко. Они опубликовали переписные книги Великого Устюга 1710 и 1717 г. и на их основе написали ряд статей, где были изучены вопросы демографического поведения населения Великого Устюга [1; 2; 3]. Интересно обратиться к тем же вопросам, но в отношении населения уезда.

Целью предлагаемой работы является исследование демографического поведения крестьян Устюжского уезда по материалам переписной книги 1717 г. Были изучены следующие аспекты: типы и формы семьи, брачное поведение, вдовство, детность, фертильность и интергенетические интервалы. Географические рамки исследования – Вотложемскую, Шемогоцкую, Синегоцкую волости и Сухонский Нововышлый, Ярокурский и Вондокурский станы Устюжского уезда.

Для начала обратимся к вопросу о динамике численности населения. В период между 1678 и 1727 гг. наблюдается незначительный прирост населения (12,6 %) с некоторым сокращением в 1717 и 1719 гг., которое объясняется скорее не реальной убылью населения, сколько его сознательной утайкой [5, с. 49]. Низкий показатель же обусловлен перемещениями населения за пределы уезда в результате правительственных мобилизаций и побегов. Каким образом это отразилось на демографическом поведении крестьянства?

В указанный период усложняется состав семьи. Удельный вес больших семей незначительно, но увеличился с 39 % в 1678 г. до 40,8 % в 1717 г. Это подтверждает и анализ поколенного состава семей. Основным типом по-прежнему оставалась двупоколенная семья, но ее удельный вес сокращается с 65,1 % до 54,9 %. То же самое касается и однопоколенных семей, доля которых сократилась с 22,8 % до 16 %. Число же трехпоколенных увеличилось с 12,1 % до 26,3 %. Впервые были зафиксированы четырехпоколенные семьи, чей удельный вес в 1717 г. составил 2,3 %.

Данный процесс обуславливается, во-первых, сокращением семейных разделов и объединением крестьянских хозяйств в целях уменьшения налогового бремени [5, с. 49]. Во-вторых, это связано с увеличением числа усеченных семей, в которых отсутствуют представители отдельных поколений, что объясняется ранней смертностью, правительственными мобилизациями и побегам. Если в 1678 г. доля таких семей составляла 8,8 %, то в 1717 г. – 14,3 %.

Перейдем к вопросу о брачном поведении. По переписным книгам сложно определить точный возраст вступления в брак. Для ответа на этот вопрос было проанализировано брачное состояние всех мужчин и женщин. В среднем возраст вступления в брак в этом районе для мужчин составляет 20-22 года, а для женщин — 19-20 лет.

Незамужних девушек и женщин старше 20 лет по переписной книге 1717 г. зафиксировано 74 человека, что составило 6,3 % от числа всех женщин этого возраста, т.е. несмотря на то, что мужчин 20-40 лет было численно меньше (524 против 676), их сверстницы без женихов не остались. Объяснение этого явления лежит в анализе разницы в возрасте между супругами (см. табл. 1).

Чаще всего разница в возрасте между супругами составляла от года до четырех лет, причем муж был старше жены. Достаточно распространено было явление, когда супруг был старше на 5-14 лет. Большая разница в возрасте чаще всего была связана с повторным браком.

Нельзя не заметить, что чем старше мужчина, тем разница в возрасте больше, что также объясняется повторными браками. Естественно, большая разница в возрасте может быть объяснена и поздним вступлением в брак. Источник зафиксировал немало холостых мужчин в зрелом возрасте. Вполне вероятно, что в будущем они могли обзавестись семьей, женившись на молодой девушке.

Таблица 1

Разница в возрасте между супругами (в абс. числах)

	Количество семей													
	Жена старше мужа				Равновозрастные браки	Муж старше жены								
	15-... 14	10-14	5-9	1-4		0	1-4	5-9	10-14	15-19	20-24	25-29	30-34	35-40
До 19	1	-	6	13	6	6								
20-29	2	2	5	24	34	57	31	7						
30-39	1	2	2	12	33	61	65	39	4					
40-49		2	7	11	35	52	58	40	16	4	2			
50-59			7	3	15	34	43	51	19	12		3		
60-69				2	14	17	21	23	6	8	4	1		
70-79						3	6	11	1	6	2	1		
80-...						1	1	1	2		1			
всего	4	6	27	65	137	238	125	172	48	30	9	4		

Проблема повторных браков непосредственно связана с вопросом вдовства. Переписная книга зафиксировала в указанном районе на 1717 г. 233 случая вдовства, из них вдовцов — 66 человек, вдов — 167 (см. табл. 2). Среди вдовцов преобладали мужчины в возрасте от 50 лет, среди вдов — женщины от 40 лет. Доля овдовевших мужчин от 20 до 50 лет незначительна (5 человек, что составило 7,5 %), молодых вдов зафиксировано больше, что объясняется, видимо, как более высокой смертностью среди молодых мужчин, так и стремлением молодых вдовцов быстрее жениться. Вероятно, у женщин было меньше возможностей обзавестись новой семьей.

Таблица 2

Количество вдовцов и вдов в 1717 г. (в абс. числах и %)

Возраст	Вдовцы		Вдовы	
	количество	%	количество	%
До 20 лет	1	1,5		
20-29 лет	1	1,5	6	3,6
30-39 лет	1	1,5	12	7,2
40-49 лет	2	3	36	21,6
50-59 лет	14	21,2	38	22,7
60-69 лет	20	30,3	44	26,3
От 70 лет	27	40,9	31	18,6

Перейдем к вопросу о детях. Анализ данных показывает преобладание семей с 1-3 детьми (23,9 %, 27 % и 25,1 % соответственно). Максимальное количество детей составило 8 человек. Конечно, в семье могло быть и больше детей, необходимо учитывать тот факт, что некоторые дети могли умереть или покинуть родной дом.

Для выяснения фертильности нами был проанализирован возраст матери на момент рождения старшего и младшего, а также единственного (на дату переписи) ребенка в семье (см. табл. 3).

Таблица 3

Фертильность (в абс. числах)

Возраст матери	Рождение старшего ребенка	Рождение единственного ребенка	Рождение младшего ребенка
15-19	93	27	13
20-24	183	76	63
25-29	154	51	101
30-34	98	35	123
35-39	50	20	139
40-44	17	15	102
45-49	6	6	61
Крайние значения	18	4	14

Пик рождения старшего ребенка приходился на возраст 20-29 лет, а младшего — 30-39 лет. Максимальное число единственных зафиксированных переписью детей в семье рождалось у женщин в возрасте 20-29 лет. Естественно, необходимо брать во внимание факты, что, во-первых, некоторые дети уже могли уйти из семьи и, во-вторых, каждая женщина могла в будущем еще родить.

Анализ интергенетического интервала был проведен на основании выборки многодетных семей с 5 и более детьми. В большинстве своем этот промежуток составлял 2 года. Но здесь необходимо учитывать высокий уровень младенческой смертности. С большой долей вероятности можно говорить, что женщины рожали чаще, и там, где источник показывает нам интервал в 4 года, на самом деле промежуток между родами мог составлять 1 или 2 года. В любом случае, женщины рожали часто.

Подведем итоги. Анализ сведений о демографическом поведении, предоставленных имеющимися у нас источниками, показал следующую картину. В конце XVII – первой четверти XVIII вв. преобладала малая семья, состоящая из родителей и детей. На протяжении указанного периода наблюдается усложнение семьи и увеличение неразделенных семей, что было связано с социально-экономическими процессами, происходившими в стране.

Как правило, в брак вступали в 20-летнем возрасте. В более позднем возрасте женились либо вдовцы, либо вернувшиеся из Сибири мужчины. При этом вступить в повторный брак у мужчин было больше шансов, чем у женщин. Муж обычно был старше своей жены. Большая разница в возрасте была характерна, прежде всего, для супругов, для одного из которых этот брак являлся повторным. Стремление крестьян жениться или выйти замуж повторно объясняется тем фактом, что крестьянское хозяйство требовало наличия в доме рабочих рук, как мужских, так и женских [9, с. 426]. Заключение же повторного брака с более молодой девушкой означало вероятность появления новых детей, ведь женщины рожали в возрасте от 20 до 40 лет.

Перерыв между родами составлял 2 года, но встречались и большие промежутки. Число детей в малой семье варьировалось от 1 до 8 человек, чаще всего встречаются семьи с 1-3 детьми.

Таким образом, все это свидетельствует о том, что несмотря на тяжелое экономическое положение в стране, правительственные мобилизации, массовые побегы, которые негативно сказывались на демографической ситуации в районе, крестьянское население стремилось

восполнять восполняло это потери и делало это весьма удачно, учитывая хоть и медленный, но постоянный рост численности населения в изучаемый период.

1. *Адаменко О.Н.* Городская семья по переписным книгам Устюга 1710 и 1717 гг. // Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. Исследование и тексты. Вологда, 2015.
2. *Адаменко О.Н.* Купеческая семья Устюга в XVII – первой четверти XVIII в.: демографический и историко-генеалогический аспекты изучения // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. Вологда, 2014.
3. *Адаменко О.Н., Черкасова М.С.* Опыт изучения брачности и семейно-родственной структуры населения по переписным книгам Великого Устюга начала XVIII в. // Материалы XVIII Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI – XX веков». Нижний Новгород, 2014.
4. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере, конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.
5. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
6. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
7. *Кох О.Б.* Крестьянский двор и крестьянская семья на русском Севере в конце XVII–XVIII вв. Л., 1987.
8. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.
9. *Русский Север. Этническая история и народная культура XII – XX века.* М., 2001.
10. *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М., 2012.

УДК 94(47).073

В.П. Пушков¹

«Портретная галерея» верхокамских рекрутов 1738 г.

Рекрутские наборы; антропометрия и описание внешности.

Списки рекрутских новобранцев с указанием их возраста, роста и описанием основных портретных черт (лица, носа; цвета глаз, волос, бровей и особых примет) дают достоверное представление о внешнем облике мужского населения Верхокамья первой трети XVIII в.

Установленная Петром I в 1705 г. и действовавшая более полутора столетия вплоть до начала военной реформы 1874 г. рекрутская

¹ Пушков Виктор Петрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., pushkov@wwwcom.ru.

система комплектования русской армии и флота (рекрутчина) в полной мере затронула и Пермские вотчины Строгановых, где в первой четверти XVIII в. отдача крепостных крестьян в «салдаты» сопровождалась постоянными злоупотреблениями со стороны вотчинной администрации, но в результате инспекционной поездки в Обвинское поречье в конце 1724 – начале 1725 г. барона Н.Гр. Строганова в этой важной сфере сельской жизни был наведен относительный порядок [2, с. 26–43], который был официально закреплён им в известной вотчинной инструкции 1725 г. Вместо варварских способов отдачи рекрутов устанавливалась вполне цивилизованная система, тогда как до того нередко представители вотчинной администрации («домовые люди»), исходя из своей «корысти», «хватали» в рекруты совсем не тех, кого следовало, причём такие акции порой сопровождались даже перестрелкой из ружей и луков, «а иные топорами секли и ножами резали». Кроме того, бывали и случаи отправки в столицы больных людей, которых потом приходилось заменять здоровыми, что вело к «напрасным великим убыткам». Посему § 16 инструкции повелевал для определения рекрутов собрать всех «земских людей» (представителей выборного крестьянского самоуправления) в земскую избу. Выбранный таким общим советом человек передавался в арест специальным караульщикам. При этом приказчикам надлежало отдавать в рекруты прежде всего беспашотных и не имевших каких-либо промыслов людей, а также склонных к «гульбе» крестьян, от которых никому не было никакой пользы («благонадёжия»). Таким образом, упорядочение отбора рекрутов способствовало и своеобразной зачистке вотчины от нежелательных с точки зрения помещиков элементов [6, с. 163], в том числе и беглых людей². С другой стороны, известен факт, когда в 1721 г., чтобы скрыть беглого крестьянина Ивана Михайлева от глаз предстоящей переписи, он «по выбору мирскому послан был за помещичими беглыми крестьяны и за салдатами до Москвы в провожатых»³. О размерах рекрутской повинности по Верхокамью между первыми двумя ревизиями можно судить по данным Карагайского прихода, где за 24 года (1722–1745) 27 селений из 38 всего отдали в рекруты 65 человек (в том числе в разные годы из деревни Сепычевской от 1 до 9). По Зукайскому же «ведомству» в эти годы 14 поселков из 36 поставили 24 рекрута (в том числе 4 из деревни Лопатиной).

² См.: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3319. Л. 33 об., 79 об.

³ Там же. Л. 26 об.

Наиболее массовым источником с описанием внешности людей XVIII–XIX вв. следует признать первичные рекрутские списки, содержащие сведения о возрасте, телосложении и особых приметах сотен тысяч новобранцев русской армии того времени. Поскольку эти документы фиксировали и место призыва рекрутов (вплоть до отдельных деревень и починков), то открывается перспектива построения баз данных, которые позволят на разных уровнях административно-территориального устройства выявить и сравнить описание внешности представителей элитного генофонда популяции, результаты которых вполне корректно экстраполируются и на всю генеральную совокупность (волость, уезд и т.д.). Аналогичные исследования в одном и том же месте через определенные временные интервалы (20–25 лет) позволят выявить некоторые тренды в антропометрии и внешности новобранцев.

В 1738 г. по разрядке находившейся в городе Кунгуре Пермской провинциальной канцелярии Пермские вотчины баронов Строгановых для нужд «морского флота» обязывались поставить 120 рекрутов, которые вместе с их именованным списком 6 сентября (скорее всего, в селе Рождественском) и были переданы отставному боцману Петру Ерьеву для отправки их в Кунгур. В «новый набор» попали молодые мужчины из ведомств сел Ильинского, Зукайского, Карагайского, Кызвенского (Николаевского) и др. Всем рекрутам этого набора полагалось по 50 коп. «денежного жалованья», которые, видимо, выдавались Пермской провинциальной канцелярией для личного обихода новобранцев (помимо казенного обеспечения питанием и транспортом)⁴. Каждый человек в этом списке описывался следующим образом:

«Села Кызвы. Савин Самойлов сын Безгодов, двадцати одного году возрастом, дву аршин шести вершков без чети, волосом светлорус, лицом чист, нос при конце широк, глаза серые, брови русые. З дороги бежал»⁵ (последняя помета на левом поле документа хорошо передает отношение новобранцев к военной службе). По данным 35 аналогичных описаний была построена таблица, позволившая составить коллективный портрет молодых верхокамцев⁶.

Итак, в 1738 г. рекрутские приемщики описывали внешние дан-

⁴ Там же. Ф. 439 (Пермская провинциальная канцелярия в городе Кунгуре). Оп. 1. Д. 1. Л. 794.

⁵ Там же. Л. 784.

⁶ Там же. Л. 755, 56, 756 об., 763 (Ильинское), 773, 773 об., 777, 777 об., 784 об., 785 об., 787 об.

ные будущих матросов по восьми признакам: возраст, рост, цвет глаз, волос и бровей, форма лица, губ и носа, по которым вырисовывается следующий коллективный портрет (видимо, по молодости лет нет описания усов и бороды).

Наиболее полно в этой выборке были представлены карагайцы и кызвенцы (соответственно 15 и 11 человек) при скромном числе сепычан и зукайцев (2 и 1 рекрут) и без указания местожительства оказалось 4 человека. Об отрицательном отношении новобранцев к военной службе свидетельствует факт бегства по пути в Кунгур почти трети рекрутов (11 человек из 35). В XIX в. внеочередная отдача в рекруты будет широко использоваться вотчинной администрацией Пермского имения в качестве сурового наказания неугодных элементов и прежде всего старообрядцев [4, с. 40–49]. Дорога на Кунгур как раз проходила через Сепыч и д. Ереминскую и позже сепычевцы жаловались графу С.Гр. Строганову на ущерб от прохождения через их поселки с 1823 г. «рекрутских партий»⁷.

Поскольку в эти годы (с 1727 по 1760 г.) местные власти имели право отдавать в рекруты молодых людей любых лет [1, с. 194], то возраст верхокамских призывников изменялся в довольно широком диапазоне – от 17 до 30 лет при среднем уровне в 20,5 и модальном значении в 18 лет (14 человек). По сравнению с современными параметрами (175 см) поражает низкорослость новобранцев того времени, колебавшаяся от 2 аршин и 2,5 вершков до 2 аршин и 5,75 вершка (у сбежавшего с дороги кызвенца Савина Безгодова), или от 155,2 до 169,9 см (считая в 1 аршине 72 см, а в одном вершке 4,5 см), т.е. разброс составил всего лишь 3,25 вершка, или 14,6 см, при среднем росте в 160,9 см. По шести градациям цвета волос на голове (у 28 человек из 35) однозначное первенство было за четырьмя оттенками русого цвета, из которых ровно половина (14 человек) пришлась на «русых», которым заметно уступали 9 «светлорусых», 4 «тёмнорусых» и один рекрут был «белорус». Чистые же брюнеты и блондины встречались нечасто (соответственно 3 раза «чёрен» и 4 раза «бел»). По цвету бровей также полностью превалировали «русые» (23 случая и два раза «светлорусые»), которым заметно уступали «белые» и «чёрные» брови (по 4 человека), и только один 22-летний зукаец Михайло Неволин оказался с карими бровями.

Так как термин «чист лицом» отдельно и в сочетании с другими портретными характеристиками встречается при описании абсолют-

⁷ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4686. Л. 10.

ного большинства верхокамских призывников (у 25 человек, в том числе просто «чист» у 10), а слово «губаст» отдельно или в связке с другими используется 19 раз (в том числе «чист и губаст» 11 раз), то наиболее типичной чертой внешнего облика верхокамцев следует признать толстые губы на лице правильной формы. Вариациями этих двух основных портретных характеристик выступали следующие сочетания: «чист и смугл» – 2 раза, «бел и чист», «бел и губаст» (по 1) и «с угриками, губаст», «чист, сух, губаст» (также по 1 разу). Единственным исключением без определения «чист» или «губаст» был бежавший с дороги 20-летний карагаец Иван Дурбажев «с рябинками». У каждого пятого рекрута на лице были какие-то особые приметы – бородавки, пятна, рубцы, «татка» и др. Форма носа имела два основных типа – толстый короткий и длинный тонкий, причем первый из них встречался вдвое чаще (у 20 человек против 9). Основными вариациями в группе лидеров были «нос трубой» и «широконос» – соответственно 7 и 6 раз, при этом среди последних 4 раза отмечался нос «широк при конце». Кроме того, был нос «велик и широк», «немал», «большеност», «толст» и др. Среди же длинноносых оказалось 5 «остроносых» и 4 «долгоносых». В единственном числе остались только «тупой нос» и «хлюпонос». Наиболее очевидно и понятно новобранцы квалифицировались по цвету глаз, 2/3 которых были сероглазыми, 6 – с карими, 5 – с черными глазами, и лишь один Василий Печёнкин был светлоглазым. Таким образом, наиболее типичный молодой верхокамец конца 1730-х гг. был ростом 161 см, с правильными чертами лица, сероглазым, русоголовым и русобровым, с толстыми губами и большим широким носом, а бежавшие с дороги рекруты были несколько старше и выше общего их уровня (соответственно 22 года и 161,5 см). Среди рекрутов 1738 г. встречаются представители таких известных верхокамских крестьянских родов, как Безгодовы, Мальцовы, Мелехины, Мокрушины и др., однако преобладают малоизвестные фамилии. По совпадению в том же 1738 г. (11 декабря) был издан указ и о сборе рекрутов со старообрядцев, которые несмотря на то, что платили двойной подушный оклад, обязывались поставлять одного рекрута с 50 ревизских душ и одну драгунскую лошадь со 100 душ [5, с. 142].

Другой массовой разновидностью описания словесного портрета (помимо судебно-следственных дел) для XVIII в. являются выдававшиеся на определенное время городскими канцеляриями с согласия помещиков «покормежные письма» (увольнительные свидетельства), оформлявшие временные отлучки крепостных на сторонние зара-

ботки. Скорее всего, за таким «письмом» в 1724 г. ездил к своему помещику в Белозерский уезд осевший в Обвинском поречье беглый крестьянин Алексей Хмелевский⁸. А бежавший от рекрутчины в 1741 г. уроженец села Павлова Вохонской волости Московского уезда старообрядец Михаил Афонин был арестован в 1750 г. в Верхотурье по подозрению в подложности такого документа, который позволяет сравнить облик верхокамцев с их московским «коллегой» [3, с. 38–46]. С середины XIX в. в вотчинном правлении Пермского майората Строгановых велись целые книги с описанием внешности отпускавшихся по «билетам» на сроковые отхожие заработки крестьян (в том числе и женщин), которые будут рассмотрены на следующих Чтениях.

1. *Краснов В., Дайнес В.* Русский военно-исторический словарь. М., 2001.
2. *Пушков В.П.* Крестьянство Верхокамья по материалам «Следствия» баронов Строгановых 1725 г. // Материалы к истории старообрядчества Верхокамья. (По итогам комплексных археографических экспедиций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова). М., 2013.
3. *Пушков В.П.* От Вохны до Верхотурья: путь старовера Михаила Афонина в середине XVIII века // Гуслицкие чтения. М., 2012. Вып. 4.
4. *Пушков В.П.* О холостом состоянии молодых старообрядцев (социологический опрос 1847 г. вотчинной администрации Пермского майората Строгановых) // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 2014. Т. 1.
5. Старообрядчество: светское и церковное законодательство. XVII – XVIII вв. Арзамас, 2001.
6. *Устюгов Н.В.* Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в. // Исторический архив. 1949. Т. 4.

УДК 94(47).066

А.Г. Суслина, М.Л. Богомолов⁹

**Родственные связи между крестьянами по материалам
с. Спасского с деревнями Рузского уезда
во второй половине XVIII в.**

Крестьянская община; крестьянская семья; родственные связи.

В статье на основе ревизских сказок воссоздается структура родственных связей внутри крестьянской общины одной из вотчин Московской губернии второй половины XVIII века.

⁸ Там же. Д. 3319. Л. 21, 21 об.

⁹ Суслина Анастасия Геннадьевна, МБОУ СОШ №29 (РФ, д. Беяниново Московской области), anastasia_sus@mail.ru; Богомолов Максим Леонидович, frimux@yandex.ru.

Широко известно утверждение, что в деревне «все друг другу родственники». Цель данного исследования было выяснить, насколько в действительности отношения в деревне и в крестьянской общине переплетены родственными связями.

Под термином «родственные связи» в данной работе подразумеваются как отношения родства (то есть отношения между кровными родственниками), так и свойства. К последним относятся люди, связанные некровным родством через брачный союз (свой или своих родственников). Свойственниками приходятся родственники одного супруга другому супругу (например, свойственники мужа – это вся родня жены). Свойственниками приходятся друг другу и родня двух супругов между собой. Также свойственниками мы считаем и «свойственников свойственников»: к примеру, муж сестры свояченицы – это тоже свойственник.

Сейчас достаточно подробно освещена проблема родственных связей внутри крестьянской семьи, состава крестьянского двора, взаимовлияния семьи и общины. Существует множество работ, где изучаются различные демографические показатели для крестьян второй половины XVIII в. в России. Средний возраст вступления в брак, география браков исследованы в работах А.Н. Миненко [6], М.Ф. Прохорова и М.П. Мохначёвой [7], А.Г. Авдеева, А. Блюма, И.М. Троицкой [1]. Вопросы численности и состава крестьянского двора, классификации по типам семьи поднимались в статьях Е.Н. Баклановой [3], З.Я. Боярышниковой [4], О.В. Фоминой [8].

Однако хотя в работах историков и отмечается важность изучения родственных и иных связей в крестьянском мире [9], на данный момент не существует работ, которые при изучении родственных связей вышли бы за рамки крестьянского двора, показали бы степень и глубину подобных связей внутри крестьянской общины по исследуемому периоду. Данная статья является первым шагом в разработке данной темы.

Неосвещенность вопроса во многом связана с недоступностью данных о родственных связях вне двора. Такая информация есть лишь в немногих источниках и только в обрывочном виде. Среди этих источников следует отметить метрические книги и ревизские сказки, где отражена информация о браках, через которые роднились дворы. Для данного исследования были выбраны ревизские сказки, поскольку помимо данных о браках, они также содержат почти исчерпывающую информацию о родственных связях внутри крестьянского двора.

Однако, несмотря на все преимущества этого источника, одна ревизская сказка показывает минимальное количество связей вне двора – только между теми дворами, которые породнились или разделились в пятнадцатилетнем – двадцатилетнем временном промежутке между ближайшими ревизиями. Чтобы удлинить этот период и увеличить количество видимых нам родственных связей, нужно было взять несколько соседних ревизий, сопоставить их и из более ранних ревизий взять дополнительную информацию о родственных связях (подробнее метод выявления родственных связей будет объяснен чуть ниже).

В работе были использованы сказки третьей и пятой ревизий: третья привлечена как наиболее ранняя ревизия, где содержится информация не только о мужском, но и женском населении, пятая – как ближайшая к ней, сохранившаяся для данной территории.

Для исследования подбиралась территория, где сохранились материалы сказок этих ревизий и вотчинный архив по исследуемому периоду (он позволит более подробно изучить территорию в дальнейшем). Кроме того, для исследования нужна была территория с единым владельцем и достаточно большой численностью населения, поскольку известно, что вотчинники стремились ограничивать браки вне своих владений [2], и если владение будет достаточно велико, можно предполагать, что большинство родственных связей его жителей будет внутри этого владения.

Исходя из этих параметров, была выбрана вотчина Иосифо-Волоцкого монастыря в Рузском уезде с с. Спасским и восемью деревнями. Численность жителей на данной территории за исследуемый период росла и варьировалась от полутора до тысячи семисот крестьян.

Исследование охватывает период с 1762 г. (а ретроспективно с 1740-х годов) по конец XVIII в. Подобные временные рамки заданы источниками. Важно, что перед нами достаточно длительный период, в рамках которого центральная часть страны не переживала крупных катаклизмов (внешних вторжений, природных катастроф и т.п.), и ее население существенно выросло [5]. Таким образом, есть основания надеяться, что исследование покажет внутренние закономерности развития родственных связей в крестьянской среде в мирных, «нормальных» условиях.

Прежде чем описывать картину родственных связей внутри исследуемой территории, кратко опишем метод, который использовался в данной работе для поиска родственных связей.

Конечной целью при работе с источником было создание базы

данных, которая отражала бы максимальное количество родственных связей между жителями исследуемой территории в 1795 г. (в этом году проводилась пятая ревизия на исследуемой территории).

Вначале информация из каждой ревизии переписывалась в отдельную базу данных. Для каждого жителя указывались имя и отчество, возраст на момент проведения ревизии, поселение, двор, семейное положение, и кем он приходится главе двора: сыном, зятем, внучкой и т.п.

На основании этого была создана единая база данных. В ней для каждого жителя указывались родители и супруг, а также вышперечисленная дополнительная информация. При этом все данные вначале извлекались из пятой ревизии. Если же в пятой ревизии, к примеру, отсутствовала информация о родителях какого-либо жителя, то эту информацию искали уже в третьей ревизии. Для увеличения количества данных в таблицу также включались люди, уже умерших на момент проведения пятой ревизии.

Полученные таким образом данные обрабатывались специально созданным для этой задачи макросом. Макрос написан на языке программирования Visual Basic for Applications, интегрированном в Microsoft Office Excel.

Перед программой была поставлена задача – найти все пары людей, между которыми есть родственные связи, определить тип (свойство или кровное родство) и дальность этих связей. Для установления дальности родственных связей программа вычисляла степень родства. Степень родства определяется количеством родственных связей, которые соединяют двух людей. Первая степень родства – это прямая, непосредственная родственная связь, то есть связь родителей и детей. Братья связаны через родителей, между ними – вторая степень родства, между дядей и племянником – третья и т.д.

Степени свойства определяются аналогично, но при этом в цепочке родственных отношений присутствуют не только кровные родственники, но и супруги. Степень родства и свойства между мужем и женой принимается равной нулю, при расчете дальности свойства связь между супругами не учитывается.

В результате обработки данных программой мы получили более двух миллионов пар родственников с указанием степени свойства или родства между ними. Данная методика позволила создать базу данных не только с максимальным количеством родственных связей, информация о которых имелась в ревизских сказках, но и дать характеристику каждой из связей по различным параметрам: дальности родства,

месту проживания родственников и т.д.

Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что из-за неполноты источника мы видим лишь часть родственных связей, которые связывали жителей исследуемой территории в 1795 г. Хуже всего прослеживается дальнейшее родство, поскольку чтобы найти, к примеру, четырехюродного брата человека нам нужно знать их общего прапрадеда, который в ревизии записан крайне редко. Также плохо прослеживается родство по женской линии, поскольку обычно девушка переходит в дом мужа, и не всегда удается выяснить, из какого двора была взята невеста, а значит, не получается установить и ее родственников.

Благодаря созданной базе данных удалось воссоздать картину родственных связей внутри крестьянской общины во второй половине XVIII в. на территории с. Спасского с деревнями Рузского уезда Московской губернии.

Более 95 % жителей этой территории соединены родственными связями. Доля кровных родственников зависит, в первую очередь, от возраста (чем старше, тем меньше родственников) и количества известных родственников по восходящей линии. Доля таких родственников не превышает 11 % от всего населения, у 2/3 жителей найдено менее 40 кровных родственников (до 2 % от всех жителей). Наименьшее же количество кровных родственников мы видим у недавно переведенных из других деревень крестьян, у невест, взятых или с иных территорий, или невест, чей родной двор не удалось установить.

Из 170 дворов 162 двора объединены родственными связями. Количество дворов, с которыми каждый из этих 162 объединяют кровнородственные связи, варьируется от 1 до 39, а в среднем составляет 9-10 дворов. Количество породнившихся дворов в основном зависит от численности жителей двора и от количества взятых в дом и выданных невест в пределах исследуемой территории.

Изучение географии браков показано, что большая часть (более 60 %) родственников крестьян находятся внутри изучаемой территории. Из них, в среднем, больше четверти кровных родственников живут внутри одного двора, около 20 % – внутри родной деревни, но за пределами двора, чуть больше половины – в соседних поселениях внутри исследуемой территории. При этом дальние кровные родственники, как правило, живут в разных поселениях, что говорит о высокой мобильности жителей внутри территории.

Крестьяне, по всей видимости, более склонны родниться с жителями своей деревни. В результате, в среднем, среди жителей родной деревни, не считая домочадцев, 3 % жителей приходится крестьянину

родственниками. Среди жителей соседних деревень этот показатель равен 1 %.

Исследованная территория буквально пронизана родственными связями. Это, несомненно, влияло на взаимоотношения ее жителей. Как и каким образом – это вопросы, достойные дальнейшего изучения.

1. *Авдеев А.Г., Блюм А., Троицкая И.М.* Некоторые аспекты изучения брачности помещичьих крестьян в первой половине XIX века по материалам ревизских сказок и метрических книг: (На примере Выхинской вотчины графов Шереметевых) // *Номо Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного.* М., 1984. Кн. 1.
2. *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России. XVIII – нач. XIX в. М., 1984.
3. *Бакланова Е.Н.* Хозяйство крестьян Вологодского уезда в последней четверти XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1972.
4. *Боярышникова З.Я.* Крестьянский двор в Сибири как производственная единица // *Вопросы истории дореволюционной Сибири.* Томск, 1983.
5. *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990.
6. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири. Новосибирск, 1991.
7. *Прохоров М.Ф., Мохначева М.П.* Крестьянская семья в крепостной деревне Брянского края в середине XVIII века // *Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени.* Брянск, 1995.
8. *Фомина О.В.* Структура и поколенный состав московской купеческой семьи в 60-е годы XVIII века // *Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.).* М., 2001.
9. *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2011.

УДК 94 (47).066–071

С.Л. Перечицкая¹

Беглые люди на Волго-Донской переволоке в конце XVIII в.

Крестьянство; рекруты; Земля Войска Донского; Царицынская округа; государственная ревизия; легализация социального статуса.

В статье выделены основные группы беглых людей из Центральной России и Верхневолжья на Нижнюю Волгу и Дон в конце XVIII в., показаны варианты их включения в существующий социум, раскрыта роль государственных учреждений и частных лиц в этом процессе.

Волго-Донская переволока на всем протяжении XVIII в. притя-

¹ Перечицкая Светлана Леонидовна (РФ, Волгоград), к.и.н., vsdt-ps@yandex.ru.

гивала к себе беглых людей из Центральной России и Поволжья. Самое большое количество побегов на окраины государства в первой трети века происходило из губерний Московской и Нижегородской [1, с. 37]. Основу сложившегося потока вольных переселенцев на Переволоку к концу века сформировали владельческие крестьяне и рекруты. Анализу путей легализации их положения в новом социуме посвящена данная статья. Большая часть информации извлечена из фондов Царицынского городского магистрата (233), Царицынской нижней расправы (331), Царицынского уездного суда (240) и Дубовской посадской ратуши (235) за 1784–1800 гг. Описываемые события территориально охватывают Царицынскую округу (с 1796 г. – уезда) Саратовского наместничества (с 1797 г. – губернии) и восточную часть Земли Войска Донского. В конце XVIII в. значительная доля жителей Царицынской округи приходилась на государственных, в т.ч. экономических крестьян.

Как показали материалы Государственного архива Волгоградской области, местное население не противодействовало появлению и приему беглых людей. В Райгороде, Цаце, Светлоярском селении, расположенных к юго-востоку от Царицына, беглецов записывали под именами умерших жителей, числившихся по текущей ревизии в сказках. Прием нового человека вместо умершего заметно облегчал бремя платежей общества казенных крестьян государству, поскольку сумма податей определялась единожды на количество учтенных лиц м.п. на момент проведения государственной ревизии и была неизменной до следующей переписи населения.

Факты незаконного проживания под чужими именами и фамилиями всплывали, как правило, случайно – в ходе следствия по какому-либо делу или судебного разбирательства при установлении личности участников процесса. При этом нарушитель на момент столкновения с представителями закона мог уже проживать в селе ни один десяток лет и иметь взрослых детей. Один из подобных эпизодов представлен в материалах Царицынского уездного суда за 1799 г. В Райгороде длительно проживал и занимал писарскую должность бывший крепостной князя Г.И. Вяземского².

В Дубовском посаде (до сер. 1785 г. – селении) ситуация была иной. Расположенная непосредственно на Волго-Донском волоке и на сухопутном тракте, соединявшем Царицын и Саратов, Дубовка находилась под пристальным вниманием правительства и наместнического

² ГАВО-1. Ф. 240. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–1 об.

правления. Стратегическая значимость ее определялась востребованностью волока для бесперебойной доставки грузов в Северное Причерноморье. Центральная власть последовательно проводила здесь намеченные административные и социальные преобразования: в 1778 г. перевела на земли бывших волжских казаков экономических крестьян из Центральной России и Среднего Поволжья, в 1785 г. на месте столицы бывшего Волжского войска – Дубовском селении образовала посад, за 1792–1795 гг. сформировала из местных экономических крестьян городские сословия – купечество и мещанство, в 1797 г. учредила орган местного управления – Дубовскую ратушу [2, с. 35–131].

Жители Дубовского посада постоянно контролировались административными и судебными органами наместничества и округа. При переводе крестьян в городские сословия Царицынский магистрат и Царицынский нижний земский суд тщательно проверяли данные – состоял ли претендент в преступлениях, в публичном наказании, под рекрутской очередью, находился ли под судом, был ли в бегах, скрывался ли под документами умерших и выбывших в другое ведомство. Положительный ответ на один из этих вопросов мог повлиять на характер резолюции, а проситель остаться в прежнем крестьянском звании³.

В 1796 г. уездные и губернские власти признали долг за дубовскими купцами по крестьянскому званию по жалобе головы волостного правления и старосты экономических крестьян Дубовского селения. Оказалось, что на долю вышедших из дубовских экономических крестьян в купцы причиталось 60 душ из числа 312 душ умерших, отданных в рекруты и «разными случаями убылых». За них купеческое общество государственные подати не платило с 1792 г., и к 1796 г. недоимка составила 924 руб. 40 коп., которая вскоре после разбирательства была погашена⁴.

Ни одного случая записи беглых людей на место умерших экономических крестьян в Дубовке в изучаемый период в документах уездного делопроизводства не зафиксировано. Однако нарушения были. Так, охотно принимали в работники беглых помещичьих крестьян казачьи старшины бывшего Волжского войска, получившие дворянское звание в правление Павла I. Еще в IV ревизию (1783–1784) открылись данные о людях, негласно проживавших в работниках у

³ ГАВО-1. Ф. 233. Оп. 2. Д. 119. Л. 24 об.

⁴ ГАВО-1. Ф. 233. Оп. 2. Д. 167. Л. 1; Д. 155. Л. 1; Д. 191. Л. 22; Ф. 235. Оп. 2. Д. 5.

казаков. У старшины Савельева в ходе государственной переписи было выявлено 14 душ малороссиян [2, с. 36].

На волоке от Волги до Дона – в Дубовском посаде, Качалинской станице, близлежащих селениях экономических крестьян, однодворцев и донских казаков на жительстве находилось большое количество людей с фальшивыми билетами и паспортами. Среди них владельческие крестьяне, рекруты. Беглые рекруты, как правило, становились фигурантами уголовных дел, участниками грабежей, воровства и разбоя. Отдельные разбирательства посвящены казакам.

Так, одно из дел Царицынской нижней расправы касалось казака А. Селезнева, переведенного в 1776 г. на Кавказскую линию в г. Александрия из Березовской станицы Войска Донского. После отставки в 1793 г. поселился в Дубовке, где проживал по фальшивому билету. Был разоблачен в 1795 г., как незаконно приписанный к Дубовскому посаду. Дело его рассматривалось самым подробным образом в 1796 г.⁵

Другое дело 1798 г. проливает свет на историю происхождения фальшивых билетов и паспортов на Переволоке. Медная печать и восемь фальшивых паспортов были обнаружены в казачьих станицах Верхним Донским сыскным начальством. Выяснилось – лицами, причастными к изготовлению подложной печати и распространению фальшивых документов, оказались мещанин, делопроизводитель ратуши и пономарь Никольской церкви посада. Последний отдал паспорта посадскому для распространения по донским станицам, назначив определенную за них цену⁶.

Ответственность же за появление печати лежала на бургомистре ратуши. Именно по его распоряжению был сделан дубликат печати, который якобы позднее он приказал выбросить в Волгу⁷. Отвечать ему пришлось перед заседателями уездного суда, а также в Саратовской палате суда и расправы.

Разоблачение лиц, причастных к изготовлению и использованию подложной печати, не решило вопрос о незаконном приеме беглых людей на Переволоке. Потребность в грубой рабочей силе в сезон не уменьшалась. Из года в год волок притягивал большое количество людей. Материалы Царицынского уездного суда это подтверждают – только в январе 1799 г. 12 из 17 дел, так или иначе, касались

⁵ ГАВО-1. Ф. 331. Оп. 1. Д. 277. Л. 12–12 об., 36, 36 об., 41, 42 об.

⁶ ГАВО-1. Ф. 235. Оп. 2. Д. 125. Л. 8–9 об., 17–17 об., 19–19 об., 20–20 об., 22–23 об.

⁷ Там же. Д. 10. Л. 4–5.

беглых людей – вопросам установления прежнего места жительства, личности беглеца, имени его хозяина, обстоятельств учета в ревизских сказках, а также причастности к тем или иным преступлениям⁸. Логика допроса на всем протяжении XVIII в. не менялась [1, с. 136]. Представленные протоколы уездного суда зафиксировали официальную переписку между административно-судебными органами власти губернского и уездного уровня, в т.ч. с Третьим Донским сыскным начальством.

Помимо организации сыска правительство выпускает ряд законодательных актов, направленных на легализацию состояния беглых людей. Так, на заседаниях Царицынской нижней расправы в середине 1788 г. рассматривался и был решен положительно вопрос о «поступлении в экономические крестьяне Дубовского селения вернувшихся из бегов разного звания людей»⁹. Связано это было с событиями Русско-турецкой войны (1787–1791), когда правительство было заинтересовано в сокращении празднующихся людей на южной окраине империи, расположенной недалеко от мест боевых действий.

В 1780–1790-х гг. центральная власть амнистировала бежавших когда-то в Польшу «великороссийской природы» людей, поощряя их на жительство в малозаселенных районах империи. По Манифесту 1782 г. в Царицынской округе оказались польские переселенцы¹⁰.

В июне 1794 г. последовало прошение польского уроженца, в котором он просил о причислении его по собственному желанию в соответствии с Манифестом от 2 сентября 1793 г. в число государственных крестьян Дубовского селения. В декабре 1794 г. подал еще одно прошение выходец из Польши, экономический крестьянин, перебравшийся до этого в Кавказское наместничество¹¹. Он был записан в новое звание с условием, что дубовский купеческий староста должен будет следить за его поведением и докладывать в Нижний земский суд¹².

Однако правительство не одобряло свободу перемещений разных категорий крестьянства в южных пределах империи. По окончании V ревизии был предпринят ряд мер на пресечение подобных вольностей.

Администрации на местах продолжали борьбу с бегством

⁸ Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 36.

⁹ ГАВО-1. Ф. 331. Оп. 1. Д. 140. Л. 15; Д. 141. Л. 8; Д. 142. Л. 13–14.

¹⁰ Там же. Д. 108. Л. 27.

¹¹ Там же. Д. 255. Л. 25, 26 об.

¹² Там же. Д. 114, 125, 127, 129; Ф. 235. Оп. 2. Д. 23.

крестьян из центральных районов империи. За прием и содержание беглых с казенных селений надлежало ежегодно взыскивать сверх государственных податей по рублю с каждой души в уплату иска, до полного погашения¹³.

В 1796 г. правительство предприняло попытку пресечь «своевольные переходы поселян с место на место» в губерниях Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Области Таврической, а также всячески противодействовала «подговорам туда к побегу крестьян и из самих внутренних губерний». Для этого по итогам V ревизии в указанных губерниях и в землях Войска Донского было решено оставить каждого из поселян «в том месте и звании, как он по нынешней ревизии написан будет». С людей или селений, принявших беглых лиц, надлежало взыскивать по 50 рублей за два года и отдавать деньги прежнему владельцу, в случае отказа от уплаты – вернуть крестьян¹⁴. Беглые помещичьи крестьяне согласно ранее вышедшим указам от 13 октября 1779 г. и 19 января 1789 г. зачислялись в рекруты.

Таким образом, правительство вынуждено было принимать ситуацию с беглыми людьми, сложившуюся на Волго-Донской переправе в конце XVIII в. из-за востребованности лиц, выполнявших в сезон самую грубую и тяжелую работу по перевалке казенных и частных грузов, направляемых в Северное Причерноморье. Переправа предоставляла и иные варианты изменения социального статуса беглецов, характерные для окраин империи: занять место умерших и показанных в сказках государственных крестьян или пойти в работники к казачьим старшинам.

Правительство неоднократно прибегало к легализации социального положения беглых людей, но, как правило, в экстремальных ситуациях, например, войны. Или амнистировало по сроку давности, как в случае с беглыми в Польшу из центральных районов России людьми, возвращая их, оно преследовало цель заселить последними малообжитые районы страны. В более спокойные годы после проведенной V государственной ревизии прибегло к мерам репрессивного характера, возлагая ответственность, в т.ч. и материальную на принимающую беглых людей сторону – дворянство южных окраин империи и общества государственных крестьян.

1. *Козлова Н.В.* Побег крестьян в России в первой трети XVIII в. (из

¹³ ГАВО-1. Ф. 331. Оп. 1. Д. 272. Л. 2–2 об.

¹⁴ ПСЗ. Т. XXIV. № 17 638. С. 233.

истории социально-экономической жизни страны). М., 1983.

2. *Перечицкая С.Л.* Царицынская округа в правительственных планах освоения юга Российской империи в последней четверти XVIII века. Волгоград, 2013.

УДК 94(470)

Л.Г. Степанова¹

**Региональная экологическая история по материалам
Экономических примечаний к Генеральному межеванию
земель Российской империи: сравнительный аспект²**

Экологическая история; Экономические примечания; Генеральное межевание; базы данных; природная среда; почва; леса; животный мир; растительный мир.

В статье исследуются возможности изучения экологической истории региона на основании материалов Экономических примечаний к Генеральному межеванию земель Российской империи. Проводится сравнительный анализ возможностей данных источников по Старорусскому, Боровичскому, Крестецкому и Валдайскому уездам Новгородской губернии.

Несмотря на большой интерес к проводившемуся с 1766 г. по 1888 г. Генеральному межеванию земель Российской империи, Экономические примечания к материалам Генерального межевания не в полной мере используются исследователями. Между тем они являются наиболее значительным и ценным документом Генерального межевания, достаточно полно обобщающим весь материал, как географический, так и цифровой, экономический [7, с. 34]. Экономические примечания создавались параллельно с Генеральными планами уездов, дополняя содержащуюся на них графическую информацию. Они предоставляли цифровые данные о количестве дач в уезде, численности населения, размере запашки, лесных и сенных угодий, неудобных мест. В них закладывалась также текстовая информация, описывающая каждую дачу и характеризующая ее местоположение на местности, природную среду, занятия крестьян.

Данные Экономических примечаний к Генеральному межеванию предоставляют важные сведения о городских землях, в том числе

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ (РФ, Краснодар), к.и.н., liliya_stepanova@list.ru

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-01-00283, «Экологические аспекты крестьянского землепользования и освоения окружающей среды по материалам русских земельных кадастров эпохи Средневековья и Нового времени».

о численности городского населения, пригородных землях [10, с. 83], развитии торговли и промышленности [5, с. 83], сведения о провинциальном дворянстве [4, с. 43]. Большой интерес представляют Экономические примечания к материалам Генерального межевания при изучении экологической истории, в центре внимания которой оказывается взаимодействие между человеком и окружающей средой [3, с. 19-20; 9, с. 166].

Использование материалов Экономических примечаний до последнего времени затрудняло то, что исследователю достаточно сложно было обрабатывать содержащиеся в них разнообразные массовые данные [2, с. 121-122]. На нынешнем этапе исследований данную проблему позволяют разрешить создаваемые с помощью современных информационных технологий базы данных (БД). Однако разная сохранность источников по отдельным территориям и выявляемые при работе с ними особенности фиксирования информации, с одной стороны, ограничивают возможности исследователя при создании баз данных, а, с другой стороны, позволяют выявить определенные региональные различия. В нашем распоряжении имеются БД, созданные на основании Экономических примечаний к Генеральному межеванию четырех уездов Новгородской губернии: Боровицкого, Старорусского, Валдайского и Крестецкого. Однако в силу особенностей источников они предоставляют неравнозначную информацию.

Наиболее информативными по содержащимся в них сведениям оказались базы данных Боровицкого и Валдайского уездов, по которым сохранились Полные экономические примечания. В отличие от Кратких экономических примечаний они предоставляют более расширенную информацию о природной среде, сообщая не только о составе грунта земли и качестве леса (строевой и дровяной) отдельных дач, но и описывая состав леса, зверей, птиц, рыб. Однако дошедшие до нашего времени Полные экономические примечания имеют плохую сохранность, поскольку использовались в межевых конторах в качестве исходного материала и черновиков [7, с. 91]. В силу своей обрывочности они предоставляют информацию не по всем дачам и охватывают не всю территорию изученных уездов. Тем не менее, для получения информации о природной среде они являются базовым источником. Составленные на их основе БД возможно дополнить сведениями Кратких экономических примечаний. Однако в данном случае большую ценность предоставляют в основном только сведения о качестве грунта и плодородии земли. Сведения о составе леса, зверей и птиц представлены в них лишь редкими отрывочными данными.

Так, в базу данных Боровичского уезда, основанную на материалах Полных экономических примечаний³, вошли сведения о 139 дачах, плодородии земли на 141 даче, природной среде на 135 дачах и населении на 131 даче. Несмотря на хорошую сохранность Кратких экономических примечаний по Боровичскому уезду⁴, содержащих сведения о других дачах уезда, они не дают подробных сведений о составе животного и растительного мира. Однако позволяют дополнить БД количественными данными о земельных угодьях и численности населения на конкретной даче, дают характеристику грунта земли и общую характеристику леса, отнеся его к дровяному или строевому. В БД Валдайского уезда на основании данных Полных⁵ и Кратких⁶ экономических примечаний вошли сведения о количестве пашни, лесных угодий, сенокосов, земли под поселением и неудобных мест на 812 дачах, плодородии земли на 809 дачах, природной среде на 780 дачах и населении на территории 334 дач. В то же время БД составленная только на основании Полных экономических примечаний содержит количественные показатели о земельных угодьях на 584 дачах, данные о составе грунта на 583 дачах, населении на 121 даче и природной среде на 556 дачах.

Базы данных по Крестецкому⁷ и Старорусскому⁸ уездам составлены только на основании Кратких экономических примечаний, поскольку Полные экономические примечания по этим уездам не сохранились. В БД по Старорусскому уезду вошли данные о составе и количестве земельных угодий на 348 дачах, населении на 324 дачах, качестве грунта и его способности к урожаю на 347 дачах и природной среды на 288 дачах. В БД по Крестецкому уезду включены сведения о 385 дачах, данные о плодородии земли на 381 даче, природной среде на 257 дачах и проживающем населении на 378 дачах.

³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Боровичский уезд. Д. 858. Экономические примечания на 206 дач. 69 л.

⁴ Там же. Д. 857. Экономические примечания на 3223 дачи и алфавит дач и владельцев. 409 л.

⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Валдайский уезд. Д. 862. Экономические примечания на 621 дачу. 190 л.

⁶ Там же. Д. 861. Экономические примечания на 1571 дачу и алфавит дач и владельцев дач. 174 л.

⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Крестецкий уезд. Д. 868. Экономические примечания на 1099 дач и алфавит дач и владельцев. 83 л.

⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Старорусский уезд. Д. 873. Краткие экономические примечания на 682 дачи и алфавит дач и владельцев. 83 л.

Несомненно, информативность Экономических примечаний к материалам Генерального межевания при изучении экологической истории отдельных регионов связана с их особенностями, зависящими как от специфики самой территории, так и от компетентности землемеров [1, с. 39]. В частности, несмотря на созданные еще в начале проведения межевых работ подробные инструкции для землемеров и межевых канцелярий, практические наставления землемерам к технической части межевания даже в одной и той же губернии отмечаются свои особенности оформления топографического и экономического описания отдельных дач в различных уездах. Так, в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию Боровичского уезда Новгородской губернии в отличие от сведений о рыбе слабо представлены сведения о наличии водоплавающих птиц, причем на многих дачах, несмотря на наличие водоемов, они и вовсе отсутствуют. В целом по различным Экономическим примечаниям Новгородской губернии сильно отличаются друг от друга записи землемеров, оценивающих плодородие земли. Если в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию Валдайского уезда землемеры используют оценки земли, которые в целом характеризуют ее плодородие («земля к плодородию способная», «без удабривания к плодородию не способна», «к плодородию неспособная», «к плодородию изрядная»), то в Экономических примечаниях к материалам Генерального межевания Боровичского уезда отмечается более тщательная градация оценок плодородия при использовании удобрения («без довольного удабривания к плодородию не весьма способна», «без должного удабривания к плодородию не весьма способна», «к плодородию не способна, урожай хлеба не весьма хорош», «к плодородию весьма хороша, урожай хлеба против других мест лучше»). В то же время в Кратких экономических примечаниях к материалам межевания Старорусского уезда наряду с записями способна или не способна земля к плодородию с использованием удобрения, имеются записи о том, какой хлеб при этом родится: «с удабриванием хлеб родится изрядный», «с удабриванием посредственна», «без удабривания хлеб родит хуже».

Интересно, на наш взгляд, и наблюдение, что в Кратких экономических примечаниях по Старорусскому уезду сохранились отрывочные сведения о природной среде, перенесенные в них из Полных экономических примечаний. В таком случае топографическое и экономическое описание отдельной дачи уезда оказывается более обширным по сравнению с остальными, поэтому мы можем отсюда почерпнуть информацию о плодовых садах при господской усадьбе,

узнать более подробный состав леса, а также о наличии рыбы, даже с перечислением ее видов⁹. Но, к сожалению, эти отрывочные данные не позволяют получить полное представление о растительном и животном мире уезда.

В то же время особенности местности налагают отпечаток на фиксацию землемерами в Экономических примечаниях тех или иных данных. Это заметно и по различным губерниям, отличающимся друг от друга по природно-географическим условиям [2, с. 84], и по различным уездам одной губернии. Так, в Полных экономических примечаниях по Боровичскому уезду не представлены сведения о строевом лесу и это несмотря на то, что леса в это время в уезде располагались на 63,3 % территории. В то же время по сравнению с остальными в безлесном Старорусском уезде, в котором леса занимали 35 % территории, имеются указания на строевой лес, порой и изрядный, но без указания его видового состава [6, с. 2-3].

Составленные базы данных на основании Полных экономических примечаний по отдельным уездам позволяют лучше оценить состояние лесов, видовой состав и количество млекопитающих, птиц, рыб в XVIII в., а также влияние антропогенного фактора на данную территорию [11, с. 345]. Однако оценить лесистость местности конкретного региона и плодородие земли возможно и на основании данных Кратких экономических примечаний.

1. *Акманов А.И.* Персонал межевых учреждений Оренбургской губернии в конце XVIII – начале XIX вв. // Проблемы востоковедения. 2014. № 3(65).
2. *Горский А.А.* Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века: опыт количественного анализа // История СССР. 1984. № 6.
3. *Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Костовска С.К.* Пространственное моделирование экологических процессов в истории // FRACTAL SIMULATION. 2011. №1.
4. *Кузнецова Е.И.* Провинциальное дворянство во второй половине XVIII века (по материалам Экономических примечаний Венёвского уезда Тульской губернии) // История. Историка. Источники: электронный научный журнал. 2016. №3.
5. *Ломако Е.Л.* Торговля и промышленность городов Рязанской губернии по экономическим примечаниям конца 1790-х годов // Научно-методический электронный журнал КОНЦЕПТ. 2014. № 11. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14299.htm>.

⁹ Там же. Л. 53 об., 66.

6. Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Старорусский уезд. Вып. 4. Статистико-экономические данные о крестьянском населении уезда. Новгород, 1908.
7. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
8. *Смирнов Г.С.* «Экономические примечания» к Генеральному межеванию как источник по аграрной истории Урала первой половины XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2016. № 3.
9. *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Леса Центрального Черноземья в материалах Генерального межевания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1.
10. *Черненко Д.А.* Сведения Экономических примечаний к Генеральному межеванию о городских землях (на примере Владимирской губернии) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 6/2.
11. *Stepanova L.G.* Natural environment of Valdai on the materials of General land survey // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 40 (2).

УДК 94(47) «17/1917»

А.И. Акманов¹

Землемеры и ревизоры Генерального межевания Оренбургской губернии в конце XVIII – начале XIX вв.

Генеральное межевание; башкиры; землемеры; ревизия; спорные дела.

В исследовании рассматриваются некоторые аспекты работы землемеров и ревизоров Генерального межевания земель по материалам Оренбургской губернии рубежа XVIII – XIX вв. Правительство, несмотря на сложности, смогло начать разрешение важных социально-экономических проблем по обеспечению населения необходимыми земельными угодьями.

К концу XVIII – началу XIX в. на территории Оренбургской губернии был обозначен ряд проблем, которые были связаны с особенностями социально-экономического развития башкир в предшествующий период и развертыванием стихийной массовой колонизации края. Башкиры, являвшиеся вотчинниками земельных угодий, занимались скотоводством, бортничеством, охотой, вели полукочевой образ жизни. Такое хозяйство требовало наличия значительного пространства земли. Однако к этому времени колонизация начинает приобретать

¹ Акманов Айтуган Ирекович, Академия наук Республики Башкортостан (РФ, Уфа), д.и.н., aytuganakmanov@gmail.com.

масштабный характер. Различные категории переселенцев в лице дворян, крестьян из центральных губерний, нерусского населения Среднего Поволжья, оказавшись на территории Оренбургской губернии, различными путями занимали земли башкир, вызывая недовольство последних. Представители местной царской администрации и судебные учреждения были не в состоянии остановить стихийные переселения и обеспечить определенный порядок в земельных отношениях, которые осложняли политическую обстановку в крае. Переселенцы устраивались на башкирских вотчинных угодьях, что вызывало нарушения в функционировании традиционного хозяйства. Царское правительство также было обеспокоено подобной перспективой, ибо опасалось обезземеливания башкир, которые участвовали во всех войнах России и выполняли значительную часть пограничной службы на юго-восточных рубежах империи. Одновременно правительство было заинтересовано в продолжении колонизации Урало-Поволжья, ибо переселение части русских крестьян на окраины способствовало смягчению аграрной перенаселенности центральных регионов и стимулировало земледельческое освоение окраин.

Все эти обстоятельства вынуждали правительство постоянно заниматься регулированием земельных отношений в крае, добиваться, с одной стороны, сохранения части земель в руках коренных жителей, с другой стороны, использовать башкирские земли для размещения здесь переселенцев. Этим целям были подчинены основные аспекты аграрной политики правительства в крае, которые были во многом были реализованы в период Генерального межевания Оренбургской губернии на протяжении 1797-1842 гг. Целью этого масштабного мероприятия являлось упорядочение земельных отношений, прекращение споров, чтобы этим содействовать социально-экономическому развитию в крае.

Для проведения межевания края Нижегородская контора была переименована в Оренбургскую и в начале 1798 г. была переведена на территорию края. Местом пребывания данного учреждения стала Уфа, ибо из географического центра края было удобнее руководить процессом межевания. С июня 1798 г. 17 землемерных команд приступили к работе. В трех уездах (Верхоуральском, Стерлитамакском, Челябинском) действовало по одной, а в остальных семи уездах (Оренбургском, Бузулукском, Бугульминском, Мензелинском, Бирском, Уфимском, Троицком) – по две землемерные команды. Часть землемеров занималась проверкой полевой документации и составлением гене-

ральных планов, атласов, карт².

Следует отметить, что важное значение для успешности данного мероприятия сыграла достаточно грамотная организация деятельности межевых структур в губернии. Об этом свидетельствовала проведенная ревизия (проверка) работы землемеров летом 1800 г. под контролем Сената после двухлетней работы Оренбургской межевой конторы в крае.

Для этой цели был издан ряд предписаний для чиновников конторы и местных учреждений (губернского правления и казенной палаты). Их содержание касалось проблемы выявления и сохранения казенных земель в процессе практического межевания губернии. Так, в протоколе Оренбургской конторы от 30 апреля 1800 г. подчеркивается обязательность присутствия уездных землемеров в качестве поверенных при измерении различных видов земель. А при заключении оброчного договора казенными крестьянами на поселение в башкирских или каких-либо других владельческих дачах землемерам Оренбургской конторы следовало выяснить, «...когда и на каких условиях они поселились и на какое время и где эти условия договоров зафиксированы в присутственных местах...». Все это землемеры должны были занести в полевой журнал и сообщить при необходимости руководству конторы. Привлекли внимание межевой конторы и попытки отдельных помещиков Оренбургской губернии закрепить за собой те или иные участки прилегающих государственных угодий. Это ими делалось путем раздела своих «...владений на пустоши и отхожие земли, давая им новые названия, оставляя к своему селению узаконенные 15 десятин на каждую душу м.п.». Прокурор конторы предложил исключить отвод казенной земли в чью-либо пользу и «...требовать от владельцев кроме отводных сказок точного объявления – по каким именно древним дачам и крепостям принадлежат отводимые ими земли...»³. Таким образом, было обращено внимание межевщиков на необходимость соблюдения интересов государства.

В середине мая 1800 г. руководство конторы приняло решение об отправке на полевые измерения 17 землемерных команд, которые к концу года обмежевали 135 дач, из которых 64 дачи имели бесспорные границы. Общая площадь обмежеванных дач составили 3 684 171 дес. К концу 1800 г. на них было получено конторой 131 план и межевые книги 82 дач. Следует упомянуть, что несколько

² РГАДА. Ф. 1324. Оп. 7. Д. 167. Л. 300–306.

³ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 170. Л. 621–622, 788–788 об.

землемеров оставались в конторе для помощи директору Чертежной С. Хрулеву в завершении работы над картографической документацией по местам прежнего межевания в Костромской, Ярославской и Нижегородской губерниях. Важной задачей этой группы чиновников была проверка содержания поступающих специальных планов и межевых книг из различных уездов Оренбургской губернии⁴.

На территории Оренбургской губернии ревизия производилась в 1800 г. сенаторами М.Г. Спиридовым и И.В. Лопухиным. Они изучили основные виды документов межевой конторы⁵.

В этой связи представляются интересными некоторые материалы ревизии на примере Оренбургского, Уфимского и Верхоуральского уездов. В Уфимском уезде к июлю 1800 г. оказались обмежеванными 142 дачи, землемерными командами пройдено 1726 верст при определении межевых границ. В пределах 142 дач заключалось 175 020 дес. земли, по итогам межевания землемеры представили в контору 126 планов и 84 межевых книг, которые были освидетельствованы в Чертежной. Осуществлено копирование части поступивших в контору планов (118 экземпляров), межевых книг (119 экземпляров) для рассылки владельцам дач и в губернские учреждения. В Оренбургском уезде за 1798-1799 гг. и начало 1800 г. было обмежевано 37 дач с общей площадью 460 583 дес. При определении межевых границ землемерами пройдено 1664 верст и от них поступили в контору 31 план и 12 межевых книг. С этих планов и книг были получены 6 копий, к моменту ревизии оставалось сделать еще 87 копий. В Верхоуральском уезде к июлю 1800 г. было обмежевано 10 дач с площадью 352 894 дес., землемерами пройдено 1510 верст вдоль межевых границ. На измеренные дачи было представлено в контору 9 планов и книг, на одну дачу документы не были представлены. В Чертежной к этому времени чиновники освидетельствовали планы и книги 8 дач, но не были сняты их копии. Аналогичные показатели собраны и по другим уездам. Эти сведения свидетельствовали о большом объеме проделанной работы по Оренбургской губернии. Ревизоры обращали внимание преимущественно на оформление межевой документации. В ходе проверки деятельности конторы выяснилось, что не все владельцы бесспорно обмежеванных дач получили планы и межевые книги. Это было характерно для всех уездов губернии. Так, по Орен-

⁴ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 170. Л. 767 об.–768; РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 305. Л. 34–35.

⁵ РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 449–457, Д. 92. Л. 1–1 об., 454–456.

бургскому уезду в контору для проверки не были представлены от землемеров 6 планов и 25 межевых книг, по Уфимскому соответственно 16 и 58, по Верхоуральскому – 1 план и 1 книга. Относительно невыданных документов руководство конторы отмечало, что «...оние планы с книгами остались непредставленными за неокончанием самих начатых и смежных состоящих с ними в споре дач межеванием». Другой причиной затягивания оформления документов было привлечение землемеров к сочинению общегубернских атласов, уездных карт. Кроме того, канцеляристы конторы должны были изготовить копии с планов и межевых книг, затем рассылать их владельцам и в губернские учреждения. Так, по Оренбургскому уезду следовало подготовить копии с 87 планов и книг, по Уфимскому – с 260 планов и 259 книг, а по Верхоуральскому – с 27 планов и книг. Значительная часть документов оставалась неотправленной владельцам дач. Так, по Оренбургскому уезду следовало направить 31 копию с планов и столько же с межевых книг, по Уфимскому – 122 копии с планов и книг, по Верхоуральскому – по 9 копий с планов и книг. Еще больше документации следовало разослать в губернские учреждения – по Оренбургскому уезду 62 копии с планов и книг, по Уфимскому – 251 копии, по Верхоуральскому – 18 копий. Относительно данной части работы руководство конторы дало следующее объяснение ревизорам: «К снятию вышеобъясненных с планов и книг копий, а равно и к роздаче владельцам и к рассылке в указанные места планов и книг состоит препятствие, потому что некоторые оригинальные планы еще не освидетельствованы, а и по освидетельствованным о некоторых дачах по происшедшим спорам, а о прочих по оказавшемуся в них против положенной на число душ пропорции превосходству следует в сходственность дополнительных статей к межевым инструкциям 12 пункту сделать рассмотрение и учинению коего и вызываются владельцы чрез Оренбургское губернское правление с крепостями»⁶. Как видно, руководство указывало на объективные причины (межевые споры, излишки земельной площади в некоторых дачах), которые затрудняли оперативное оформление документации.

Сенаторы-ревизоры обращали внимание и на ход решения спорных дел в Оренбургской конторе. К лету 1800 г. здесь находилось 174 нерешенных спорных дел по 10 уездам губернии. В ходе ревизии выяснилось несколько основных причин, затягивающих их рассмотрение. Это видно из ведомостей о количестве обмежеванных дач в

⁶ Там же. Д. 90. Л. 448–457, Д. 92. Л. 1–1 об., 454–456.

губернии, о нерешенных спорных делах по Оренбургской конторе. Так, к июлю 1800 г. по Оренбургскому уезду имелось 17 нерешенных дел, из них по 10 требовалось представить крепостные документы, по одному – сочинить выписки из всех собранных документов и записей землемеров, по 5 – получить подписи владельцев, по 1 – проверить межевые границы на местности. По Уфимскому уезду к моменту ревизии имелось 20 нерешенных спорных дел, по которым спорящие стороны не представили крепостных документов (9 дел), следовало сочинить выписки из дел (6 дел), известить владельцев-спорщиков о принятии решения (1 дело), осуществить принятие спорных отводов от владельца (4 дела). В Верхоуральском уезде к тому времени спорной являлась граница 1 дачи.

Ревизоры высказали ряд пожеланий и по другим вопросам организации работы Оренбургской конторы. Например, относительно распределения и отправки команд на полевые измерения в поздние сроки (конец мая). Проблемным моментом было также оформление межевой документации. Например, некоторые спорные дела были оформлены так, что якобы они рассматривались, решались, подписывались в один и тот же день. На самом деле такого не должно было быть. Они обратили внимание на необходимость оперативного решения появившихся жалоб от местного населения⁷.

В последующие годы правительство приняло ряд мероприятий по совершенствованию работы губернской межевой конторы. В итоге, большая часть полевых измерений завершилась к 1805 г. Значение Генерального межевания земель для дальнейшего развития Оренбургской губернии состояло в том, что правительство впервые собрало реальные и полные сведения о структуре землевладения различных категорий населения края, что позволило определить направление дальнейшего курса аграрной политики.

УДК 94(47).065+066, 912.43:93/99

А.А. Голубинский⁸

Межевание Троице-Сергиевой Лавры – привычное и необычное в землемерном процессе

Генеральное межевание; Троице-Сергиева Лавра; поверенные; понятия; поле-

⁷ Там же. Д. 86. Л. 14–89, 91–92; Д. 92. Л. 1–1об.

⁸ Голубинский Алексей Алексеевич, Институт российской истории РАН, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), к.и.н., lexus.gol@gmail.com.

вые записки; планы.

В статье исследуется подготовка и проведение межевания на территории Троице-Сергиевой Лавры, разбирается практика привлечения поверенных и понятых, технические подробности межевого процесса и его оформление в делопроизводственных материалах.

Практика межевого процесса в историографии исследована недостаточно, и более всего это относится к раннему межеванию, включая период Елизаветинского (с 1754 г.) и первые годы после начала межевания Екатерины II (с 1765 г.). Сохранившиеся материалы межевания Троице-Сергиевой Лавры позволяют провести сравнение подходов при межевании земель крупных и мелких землевладельцев, государственных и дворцовых земель, государства и церкви, даже находившейся под управлением Коллегии Экономии. Сравнительный подход при изучении полевых записок в зависимости от деятельности тех или иных землемеров или межевых контор уже рассматривался в историографии [1, с. 90-93, 98], однако специфика процесса для разных категорий землевладельцев пока еще не была в сфере внимания историков. Не менее перспективным является сравнение раннего примера межевания с более поздними, когда процедура межевого процесса уже сложилась и в некоторых проявлениях предельно упростилась. Об этом начали писать первые исследователи межевания – землемеры конца XIX – начала XX в., среди которых выделяется по тщательности и глубине исследования работа И.Е. Германа [2, с. 213]. Продолжил изучение межевых документов, в частности Экономических примечаний и уездных планов, Л.В. Милов, который «поднимал» текущее делопроизводство землемеров для датировки уездных планов и Экономических примечаний [3, с. 55-62].

Известны работы, посвященные формированию землевладения Лавры, однако в исследованиях акцент на межевании монастырей пока не делался [4; 5; 6; 7].

Делопроизводство по Троице-Сергиевой Лавре представлено двумя документами – планом дачи (см. илл. 1)¹ и полевой запиской.

¹ Сохранившиеся в ф. 1354 РГАДА планы – это, в основном, чистовые копии – оригинал получали владельцы. Вопросы соотнесения исходного плана и копии пока не поднимался в историографии, известно несколько прецедентов сохранения обоих – хранившегося у владельца и в архиве Межевой канцелярии – планов, однако однозначного вывода об их идентичности пока сделать нельзя. Известны примеры совпадения владельческого и архивного планов – например, хранящийся в Балахнинском краеведческом музее. Но, опираясь на планы

Объектом изучения является собственно дача, на которой располагался монастырь, центральная часть довольно обширных владений, периферия же была выделена и изображена на отдельном плане – дача эта представляет собой территорию современного Сергиева Посада². Это далеко не единственный участок земли, принадлежавший в ближайших окрестностях Лавре – только в Богородском уезде³ во второй половине XVIII в. насчитывалось не менее 35 дач⁴, принадлежавших ей и приписному Стромьинскому монастырю⁵.

В ходе секуляризации владения Троице-Сергиевой Лавры перешли под управление Коллегии Экономии. Впервые они были обмежеваны в июле 1768 г.⁶ землемером первого класса секунд майором Семеном Кочюковым⁷. Однако первое межевание осталось незаконченным – «...за неналожением оным землемером на специальной Троицкой лавры подмонастырной слобод с селами и з деревнями план и неописанием в межевой книге», – он был признан в чертежной неверным⁸, для перепроверки был отослан полковнику Кондыреву (в 1773 г.), где и пролежал несколько лет. Выяснилось, что «отданные от Московской губернской канцелярии поколлежским указом, а именно гостиной лекарской, конюшенные и протчие дворы, капустные огороды и сады, пруды, садки и кесовской пруд и садам, да для выгону при Лавре скота отданные луга за Эршевскою мелницею, в Тураковском лугу, при озере Тарбеевском луг по отмежеванию... землемера... Качурова на план не положены и в межевых книгах не написаны».

из коллекций усадеб Абрамцево, Останкино (в настоящее время находится в Архангельском) можно сказать, что существовали парадные варианты межевых планов, сильно отличавшиеся по оформлению от принятых в межевом ведомстве.

² Название ее – «Сергиев Посад, что были подмонастырня слободы с селы и деревнями Коллегии Экономии». Ее размер – 13502 десятины. См.: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ед. хр. С-64 «красное».

³ На планах указан Московский уезд, но на время составления описей ф. 1354 Сергиев Посад и Троице-Сергиева Лавра принадлежали к Богородскому уезду.

⁴ С течением времени принадлежность земельных участков менялась. См.: [8, с. 33-70].

⁵ На плане сделана отметка: «Сия дача по состоянию ее в натуре межевана в Московском уезде, а ныне по разделению вновь Московской губернии по уездам отделена в Богородицкой уезд».

⁶ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ч. 1. Ед. хр. С-65 «синее». В шапке планов Генерального межевания принято указывать точную дату вплоть до числа. В данном случае под число оставлен пропуск.

⁷ В июле 1777 г. назван премьер-майором.

⁸ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Ед. хр. 1370. Л. 120.

Предполагалось «прежнюю межу по старым ямам и столбам отвести, а неотмежеванные места, то есть Кесовской сад и под садками луг по неспорному оной земли владению от крестьянского владения с их ... поверенными отвести»⁹.

После рассмотрения и признания невозможности поправить межевую книгу и план землемер Яков Лавров был вынужден начать новое делопроизводство¹⁰ – «сего 1777-го году июля ___ дня перваго класа землемером секунд майором Лавровым сняты вновь»¹¹. Подобные недоработки были достаточно редкими, но не уникальными, достаточно сказать, что один из участков Донского монастыря также пришлось измерять повторно «за неотысканием в чертежном архиве»¹².

Порядок выбора поверенного был несколько специфичным – поверенных для этой дачи было двое, один от коллегии Экономии, другой – от священнослужителей: учрежденный Троице-Сергиевой Лаврой Собор «благоволит для вышеписанного изяснения и отводу бывшего при н[ы]нешнем Генералном межевании поверенного, а в случае отлучки ево определя с подлежащею доверенностию прислать ведомства моего к межевым делам сего ж числа в самой скорости»¹³. На должность поверенного повторного межевания был утвержден «оной Лавры канцелярист Петр Туленин».

Вместе с тем землемер обратился за предоставлением поверенного и к казначею Коллегии Экономии секунд майору Логгину Маслову¹⁴, по «посланного от меня (Маслова. – А.Г.) к старосте приказу выбран в поверенные крестьянин Николай Панфилов»¹⁵, который также был выбран от «объявленных слобод всех шести приходов мирских людей»¹⁶. Но между моментом присылки повестки о начале межевания, назначения поверенных и собственно полевой работой могли пройти месяцы, и в момент начала землемерной работы поверен-

⁹ Там же. Л. 131 об.

¹⁰ В связи с этим, возможно, связана странная пагинация в полевой записке, начинающейся с 120 листа.

¹¹ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Ед. хр. 1370. Л. 122 об.

¹² РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. Ед. хр. В-22 «синее».

¹³ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Ед. хр. 1370. Л. 131 об.

¹⁴ Там же. Л. 135.

¹⁵ Как отмечено в плане – «Оныя лавры подманастарных слобод ведомства коллегии Экономии бывшего владения С[вя]то Троицкой Сергиевой Лавры поверенной Николай Панфилов сын Касарыгин подписалса». РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ед. хр. С-65 «синее».

¹⁶ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Ед. хр. 1370. Л. 137.

ного могло не быть на месте. В деле сохранился документ, позволяющий понять, как происходил окончательный сбор людей при начале межевания, причем он был связан с периферией монастырской территории – «приказ ученику Василию Шахову¹⁷ с солдатом Иевом Медведевым», в котором говорится, что «...собрав как оных Лавры и деревень, так и написанных смежных со оными владельческих селений по приобщенному при сем реестру поверенных, а в небытность их прикащиков или старост», «а вместо неумеющих грамоте и написанных в тех книгах понятых бывших при межевании оных дач призвав из ближних сел священников или дьячков»¹⁸. По завершению им приказывалось вернуться в «сельцо»¹⁹ Давыдково Клинского уезда (расположено в 80 км от Лавры). Указывалось, из каких селений призывались поверенные для межевания Лавры и окрестных с ней участков, и именно эта часть единицы хранения является наиболее ветхой²⁰ – ученику и солдату пришлось немало попутешествовать, прежде чем они собрали подписи всех участников. Она содержит в себе обязательство поверенного лично присутствовать при межевании. Расписки в обязательном присутствии не допускают возможности фальсификации, о чем говорят исследователи межевания второй половины XIX в. [2].

Форма присяги поверенных отличалась от более поздней, в которой имелось упоминание по минимальному использованию не только подвод, но и инструментов, тем самым мы можем сделать вывод об их недостатке.

В отводной сказке также обозначались интересы государства: «...при том отводе казенных засек, г[осу]д[а]рственных порозжих земель и выморочнаго недвижимаго имения, где оные найдутся, ни для чего конечно не утаю». Несколько изменилась отводная сказка и в отношении понятых – в данном случае поверенный оказывался ответственным за их приглашение²¹.

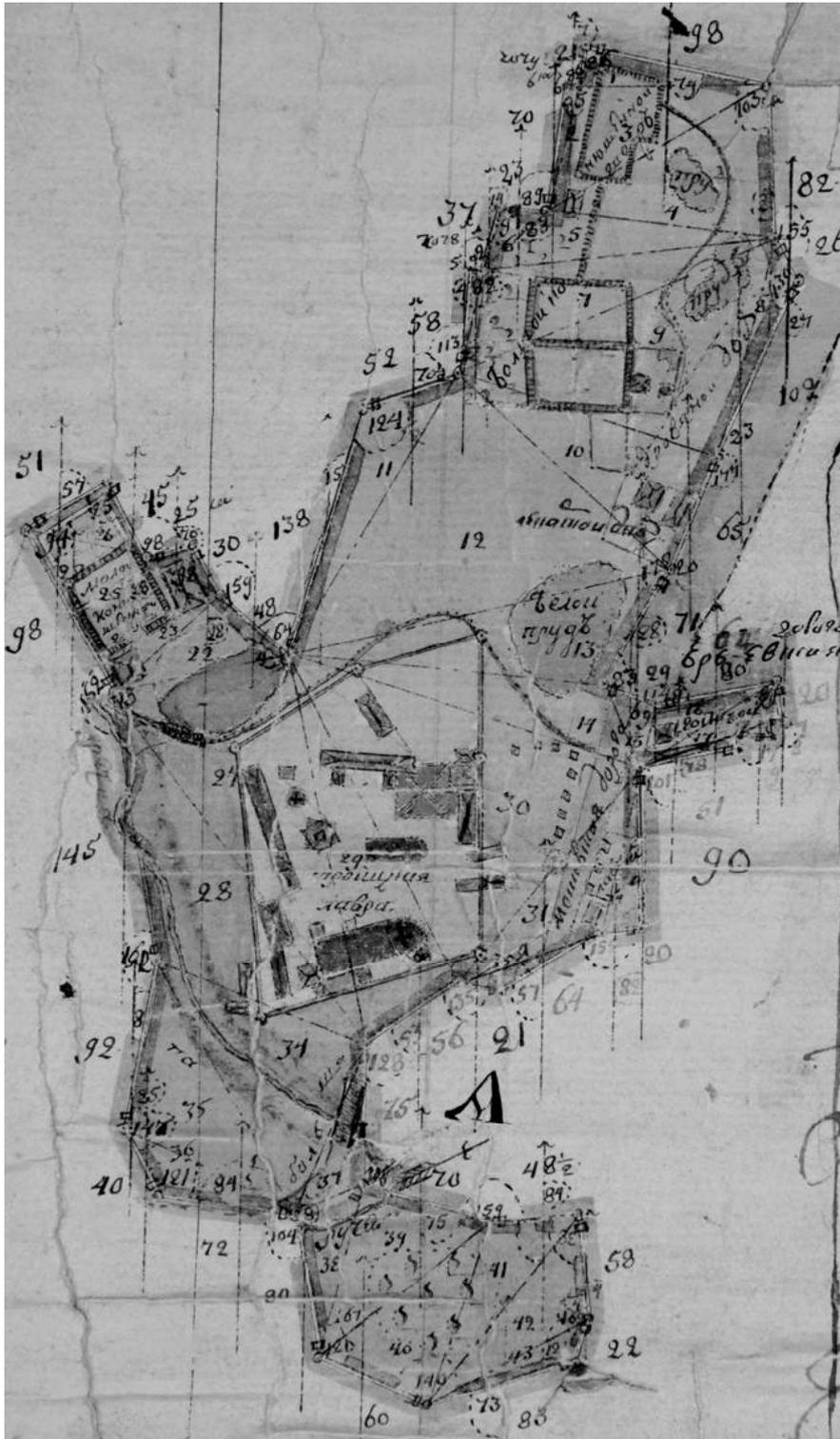
¹⁷ Ученики практически никогда не привлекались к выполнению технических заданий – вызов землевладельцев или их поверенных на межу осуществлялся представителями воинской команды.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Ед. хр. 1370. Л. 235.

¹⁹ В алфавите Генерального межевания по Клинскому у. (№ 179, Л. 133 об.) это сельцо обозначено деревней, т. е. землемера поселили не в главном населенном пункте владения княжны Н.Е. Волконской (Сандырево, Голенищево тож) (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 253. Л. 49 об.), к тому же располагавшемся ненамного, но ближе к Лавре, а в деревне. Это дает некоторую пищу для размышления об отнюдь не блестящем быте землемера.

²⁰ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Ед. хр. 1370. Там же. Л. 241.

²¹ Там же. Л. 139.

Илл. 1. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ед. хр. С-65-синее.

Вместе со сказкой имеется указание Собора составить список «загородных дворов, садов и огородов, прудов и выгонной земли показание, в каких оные местах состоят»²², который было приведено в

²² Там же. Л. 133.

исполнение благочинным соборным иеромонахом Иосифом²³:

Гостиной двор и при нем огород; Лекарской двор с огородом; Семинарской двор с огородом	при Лавре
Большая с садом, и при ней дворовые места, воловенное, скотское и полозовое; Меншая с огородом, и при ней дворовые места плотнишное, колесеиное; Братская баня и при ней неводной двор	конюшни
Пафнутьевской с садом; Терентьевской; Дровяной; Копустной	огороды и сады
Корбуха с садом; Наполской с садом; Копнинской с садом	загородные дома и дворы
Садки; Корбужские два; Ершевской с садом; Кесовской с садом	пруды
Под садками; За мельницу Ершевою; Под д[е]р[е]внею Тураковою и в суконниковском лугу	луга

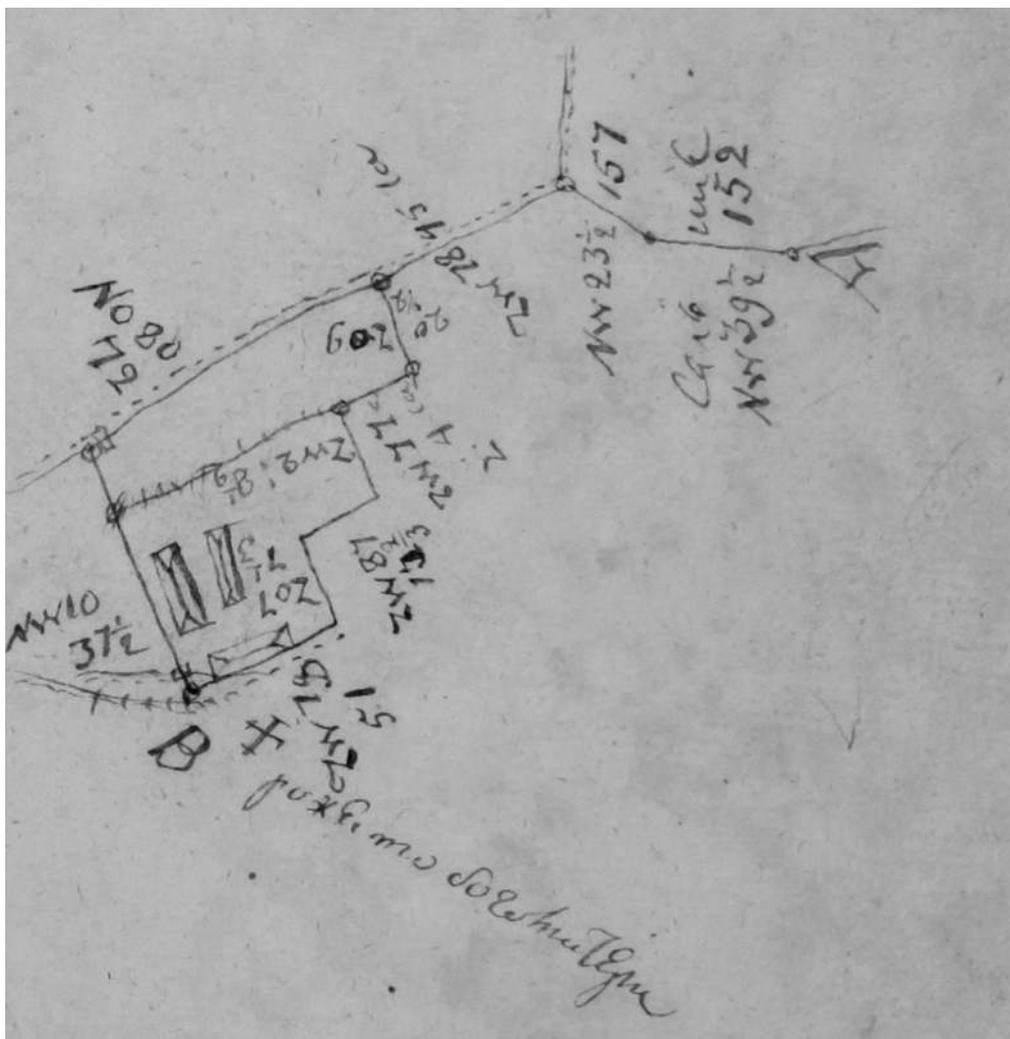
При сравнении этого списка с тем, который был приведен в отводной сказке, выясняется, что они не совпадают – в последнем была указана еще братская баня.

Особенность данного делопроизводства заключается и в том, что в нем отразились без купюр многие технические моменты, в частности, проблема с транспортом. Солдат Мартын Камаров был послан с требованием к представителям Коллегии Экономии о необходимости предоставить подводы²⁴ и обеспечить присутствие всех поверенных. Но Логгин Маслов необходимых подвод «давать не прика-

²³ Там же. Л. 134–134 об.

²⁴ Из села Городка – 5, столько же из села Кесова, и из села Клементьева 4.

зал», что стало причиной задержки полевых работ²⁵. Поэтому Лаврову пришлось просить Московскую Губернскую Межевую канцелярию «...о принуждении оных старост со крестьяны к даче подвод в государственную Коллегию Экономии»²⁶. Межевая канцелярия решила истребовать подводы еще раз, и на этот раз после посылки солдата Григория Мешкова лично к Маслову подводы были собраны.

Илл. 2. Абрис. Церковь Рождества Богородицы

В деле сохранились также вычисления площадей, обычно изымаемые из полевых записок²⁷. Они осуществлялись подсчетом суммы площадей треугольников через определение их базы и высоты. Впервые среди полевых записок были обнаружены подсчеты размеров

²⁵ Там же. Л. 122 об.

²⁶ Там же. Л. 123.

²⁷ Там же. Л. 181.

конкретных угодий, в частности, сенных покосов, речек, земель под прудами и прудками, и, таким образом, определялось количество удобной земли²⁸.

Отличительной особенностью межевания Лавры было и то, что землемер самым тщательным образом подсчитывал расстояние, пройденное за день – это «5 верст 46 сажень»²⁹ или «8 верст 1 сажень»³⁰. Землемер неукоснительно отмечал время завершения работ и причины – например, «за поздним временем», фиксировал этапы выверки данных полевой записки³¹. Данные по подсчетам расстояний, очевидно, вписывались позднее. То же самое можно сказать и о подсчете румбических углов – под них оставлено пространство, в ряде случаев оказавшееся в итоге незаполненным.

С прохождением межи аккуратность ведения полевой записки менялась – появлялись вставки значений углов другими чернилами, пропуски их значений³². Апофеозом неаккуратности стало отсутствие подписей понятах под полевыми записками. Но самое важное, что в результате рассмотрения обхода межи землемером Лавровым были отмечены те межевые признаки, которые были оставлены на меже землемером Кочуковым: измерение площади производилось «в сем углу по снятию тригонометрическим правилом без повреждения столба...»³³ или «... столб, пред которым в сажени за заселением межевой ямы не вырыто»³⁴. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о реально проводившемся межевании, в противовес тому мнению, которое высказывалось в историографии межевания в XIX в. (упомянуты в тексте выше). Отметим, что межевые столбы, за исключением редких и специфических, до нашего времени не сохранились.

В деле сохранились абрисы территорий, расположенных рядом

²⁸ Там же. Л. 205.

²⁹ Там же. Л. 152 об. Это вполне согласуется с тем, что было подсчитано в работе: [1, с. 70].

³⁰ Там же. Л. 137.

³¹ Землемер оставлял на страницах полевой записки надписи «проч», означающие, что по этому фрагменту делопроизводства проведена проверка.

³² Там же. Л. 149 об., 150, 150 об.

³³ Там же. Л. 216 об. В тексте вставлено поверх исходного текста «...поставлен межевой столб...» сделана приписка «вышеписанным землемером Кочуковым». В данном случае примечателен акцент при прочитывании текста полевой записки на следы прошедшего межевания. Эта реминисценция не является единственной в этой полевой записке.

³⁴ Там же. Л. 215 об.

– течения реки Коншуры (Кончуры)³⁵, предположительно, Келарского и Банного прудов³⁶ и других. На одном из абрисов обозначена церковь во имя Рождества Богоматери (см. илл. 2), согласно историографии, впервые возведенная в 1840-х и перестроенная в 1872-1873 гг. [9]. По факту рассмотрения абрисов был составлен список поворотов и углов, нуждавшихся в проверке, к ним составлен графический указатель.

2 июля 1779 г. поверенные были приглашены в Москву для подписания плана и межевой книги «пополуночи в 7 часу»³⁷.

Но на этом работа над межевыми документами не закончилась – незадолго до появления плана поверенному Лавры было послано поручение узнать, в чьем владении находится близлежащая к землям Лавры близ деревень Машина и Матренок земля³⁸. Также ему приказывалось немедленно уточнить сведения о количестве жителей – причем всего за три дня и доставить их в Межевую канцелярию в Москву.

Окончательная дата завершения работы над планом – 4 октября 1779 года³⁹.

Итак, в ходе полевой работы был составлен межевой план⁴⁰, озаглавленный: «Геометрической специальной план Московскаго уезду Радонежи и Бели стану Свято Троицкой Сергеевой лавре и принадлежащим ко оной большому и малому⁴¹ конюшенным, плотничному, колесенному, дровяному, лекарскому, семинарскому, гостиному дворам, пафнутьевскому и конюшенному саду, капустным терентьевскому конюшенному и протчим огородам с их землями состоящим внутри оныя лавры подмонастырных слобод». В его шапке, как принято в межевых планах, были расписаны площади угодий:

Под часовнею	8 дес 1196 саж
Под воротами и лавками	5 дес 1570 саж
Под садами и огородами	34 дес 140 саж
Под большою московскою дорогою	1 дес 1950 саж
Под речкою и полуречкою, [ис]тока-ми и оврагами	2 дес 370 саж

³⁵ Там же. Л. 242.

³⁶ Там же. Пагинация отсутствует.

³⁷ Там же. Л. 255.

³⁸ Там же. Л. 246–248.

³⁹ На планах Генерального межевания, за исключением, пожалуй, самых ранних.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 246. Ед. хр. С-65 «синее».

⁴¹ «Большому и малому» – вставлено по подчищенному другими чернилами.

Сравнительно редко на планах имеется расшифровка условных обозначений, как правило, разъяснение включает собственно строения, особенности землепользования, на плане же Троице-Сергиева монастыря указано только три – «большая дорога», «проселочная дорога», «столб и яма». Эти три пункта расположены в конце фрагмента плана, выделенного под «изъяснение», почему не были разъяснены остальные, остается только догадываться.

Описание участка Троице-Сергиевой Лавры является и в какой-то мере уникальным – в полевой записке много необязательных документов, раскрывающих разные стороны межевого процесса, некоторая необычность присуща и плану дачи. Эти включения раскрывают особенности выбора поверенных и понятых, сбора их к началу межевания, предоставления подвод, в них проявляются непростые взаимоотношения землемеров с офицерами коллегии Экономии. Полевая записка по Троице-Сергиевой Лавре является находкой для изучения технических аспектов межевания – специфики постановки столбов, подсчета площадей и др. Можно отметить, что и со стороны владельцев земельного участка документы не являются полностью ординарными – служители Лавры очень тщательно подошли к подготовке межевания и по возможности документально сопровождали землемерный процесс.

1. *Голубинский А.А.* Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания. Дисс. ... к.и.н. М., 2011.
2. *Герман И.Е.* История русского межевания. 3-е изд. М., 1914.
3. *Милов Л.В.* Исследование об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию. М., 1965.
4. *Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996.
5. *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII века (По архиву Троице-Сергиевой Лавры). Вологда, 2001.
6. *Горский А.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1890.
7. *Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1909. URL: http://krotov.info/library/04_g/ol/ubinsky_024.htm#293 (Дата посещения: 10.05.2017).
8. *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. М., 2004. Т. 1.
9. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы при Доме Призрения в Сергиевом Посаде // Электронное периодическое издание «Храмы России». URL: <http://temples.ru/card.php?ID=4872> (Дата обращения: 10.04.2017).

**К вопросу о девиантном поведении сторон при
проведении межевых работ в Бессарабской области (из
материалов следствия о еврейских колонистах 1854–1856 гг.)**

Еврейские земледельческие колонии; середина XIX в.; Бессарабская область; Бессарабская областная межевая контора; межевые работы; вотчины; девиантное поведение; следственное дело.

В фонде Бессарабской межевой конторы (РГАДА), в деле об уточнении границ вотчин генерал-майора С.Н. Старова в Сорокском уезде обнаружены интересные документы по истории еврейской земледельческой колонии Маркулешты. Как видно из документов, во время межевых работ произошел криминальный инцидент – столкновение между колонистами и солдатами, которые были приданы в помощь землемеру.

Бессарабская область (с 1873 г. губерния, на которую еще в 1854 г. было распространено общее учреждение о губернских управлениях) являлась одной из 16 административно-территориальных единиц Российской империи, входивших в так называемую «черту постоянной еврейской оседлости», то есть объявленную территорию Западной, Юго-Западной и Южной России, за пределами которой евреям было запрещено водворяться и записываться в городские сословия. По состоянию на 1844 г. еврейское население Бессарабии составляло около 49 тыс. человек [3, с. 313, 327, 329].

Еврейские земледельческие колонии в этом регионе появляются после утверждения Николаем I 13 апреля 1835 г. второго «Положения о евреях»². Главной целью данного закона провозглашалось устройство евреев «на таких правилах, коими, открывая им свободный путь к снисканию безбедного содержания упражнением в земледелии и промышленности, в то же время преграждали бы им поводы к праздности и к промыслам незаконным». По новому «Положению» евреи могли свободно переходить в сословие земледельцев без каких-либо условий. Новообращенные могли селиться на землях казенных, купленных и арендованных. Казенные земли отводились им из свободных или оброчных участков в бессрочное пользование, со льготами при уплате податей, но без пособий от казны. Кроме того, евреям разрешили арендовать или покупать земли, выбранные ими самими, у частных

¹ Фельдман Дмитрий Захарович, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), к.и.н., dzfeldman@rambler.ru.

² ПСЗ-2. Т. X. № 8054.

владельцев в тех местах, где незанятых казенных земель было очень мало; в этом случае, объединяя свои капиталы, они соединялись в сельские общины и становились собственниками или арендаторами земли [1, с. 195–196; 7, с. 37]. Важной особенностью и главным отличием бессарабских колоний от соседних новороссийских было то, что эти поселения появились на территории, уже населенной евреями. Помимо этого, местные земли, доставшиеся колонистам, уже обрабатывались, в то время как степную почву Новороссии новым поселенцам приходилось впервые вводить в оборот. Большая часть бессарабских колонистов, как видно из архивных источников, являлись переселенцами с Украины, в основном из соседней Подольской губернии [5; 6]. Еще одна существенная особенность еврейских поселений в Бессарабии – большинство их составляло колонии на частной земле (выкупленной или взятой в аренду), так как здесь почти не было запаса свободных казенных земель. Общее количество еврейских колоний в Бессарабии составило 16; из них девять – в Сорокском уезде, по две – в Оргеевском и Бельцком (Ясском), по одной – в Кишиневском, Бендерском и Хотинском уездах. В середине XIX в. (по 10-й ревизии 1859 г.) во всех бессарабских колониях насчитывалось 1082 двора с 10 589 жителями [2, с. 117; 4, с. XXIV], которые со временем все более обращались к своим традиционным занятиям: торговле, шинкарству, факторству и т.п.

Что касается Бессарабии, то до ее присоединения к России здесь действовали законы и порядки Молдавского и Турецкого государств, землевладение находилось в крайне расстроеном состоянии. Земли раздавались господарями (князьями) своим подданным и назывались вотчинами. После присоединения края к Российской империи в первую очередь были приняты меры к «приведению в известность» земель, принадлежавших прежде исключительно турецкому населению и находившихся в южной части Бессарабии. Они предназначались для заселения казенными крестьянами из внутренних русских губерний и иностранными колонистами. Межевание этого района Бессарабии было поручено военно-топографическому ведомству; обмежеванные земли принадлежали казенным селам, колонистам, а часть их была пожалована отдельным лицам. На остальной территории Бессарабии земли были церковными, монастырскими, городскими и частными. Для межевания земель той части Бессарабии, которую составили уезды Оргеевский, Ясский и Хотинский, и для разбора споров в уездах Аккерманском и Бендерском в 1818 г. была учреждена Бессарабская областная межевая контора и разработаны правила

по производству в ней дел. На основании этих правил и начинается межевание. Контора производила межевание посредством отправляемых на места межевых комиссий, которых насчитывалось три: Оргеевская, Сорокско-Ясская и Хотинская. Так как до 1853 г. делопроизводство велось на молдавском языке, то к делам комиссий и самой конторы за первую половину XIX в. имеются русские переводы.

Одним из девяти еврейских поселений Сорокского уезда была колония Маркулешты (другие названия: Кот, Старовка) – «по правую сторону Бельцкой транзитной дороги, на владельческой земле, при р. Реут; 35 верст от уездного города; два молитвенных дома; 70 дворов; количество жителей: 358 мужчин и 355 женщин» (по 10-й ревизии) [4, с. 47].

Интересующие нас материалы обнаружены в составе «Дела сорокского уездного землемера об утверждении формальной границы между вотчинами сс. Маркулешты, Флорешты, Саки и др. Сорокского у.» 1854–1860 гг.³ Владельцем данных вотчин являлся генерал-майор Семен Никитич Старов (отсюда и другое название еврейской колонии) (1780–1856) – участник Отечественной войны 1812 года, командир 33-го егерского полка, в 1830-х гг. организатор милиции в Бессарабии; известен поединком с А.С. Пушкиным в Кишиневе. Учитывая нестандартность произошедших событий, приведем без сокращений весьма подробный рапорт исправляющего должность сорокского уездного землемера И. Христьяева в Сорокско-Ясскую уездную межевую комиссию от 23 сентября 1854 г.: «За поздним временем 22 числа сего месяца межевание приостановилось. С того места вечером, отправляя находящихся при мне для полевых землемерных работ рядовых Кишиневского внутреннего гарнизонного батальона в смежные селения Лунгу и Маркулешты, отправил и в еврейскую колонию Маркулешты, отстоящую от границы в 100 саженьях. В каждое место послал по одному рядовому для требования на 23 число рабочих людей и подвод на основании Св. зак. меж., ст. 63. Из прописанных в сем селениях Лунги и Маркулешт рабочие и подводы были высланы на межу сего 23 числа, а из колонии Маркулешт воместо исполнения законного требования посланного рядового еврей били и связали его, продержали до другого дня утром связанного, и когда другой рядовой пошел в колонию узнать причину неявки того рядового на межу с рабочими людьми, нашел его связанным. Рядовой сей спросил евреев, за что они солдата связали, тогда еврей начали бить и этого рядового, который взлез на подводу, из села Лунги данную ему, бегством спасся

³ РГАДА. Ф. 1299. Оп. 1. Д. 1406. Л. 1–310 об.

и приехал во Флорешты, говоря мне об случившемся с рядовыми в колонии еврейской Маркулешты, что подтвердил и подводчик с ним бывший, житель села Лунги Петр Ботнар.

Приехавши я сего 23 числа утром на межу около колонии, рядовой, посланный мною 22 числа в ту колонию, объяснил все с ним случившееся и то, что евреи сопротивляются давать рабочих и подвод под своз межевого инструмента. Тогда я послал взять тот инструмент на руках и позвать еврейского старосту, дворника, и в то самое время приехал на одной подводе еврейский староста, который остановился на дороге не в далеком от меня расстоянии, где я был на меже с понятыми и рабочими людьми. Звал я этого старосту к себе, но он мне отвечал: «не хочу» и уехал в колонию, где начал бунтовать евреев, которые нанесли жестокие побои солдатам. И в то же время приехали другие два человека на другой подводе, остановившись, подошли ко мне, рекомендовали себя: один – волостным писарем, а другой – головою. Сей последний, ни слова не говоря, а волостной писарь стал было объяснять жалобу, принесенную еврейским старостою на посланного мною рядового; и не доканчивая своего объяснения, прискакал верховой человек из колонии Маркулешт, не доезжая кричал: «идите скорей, ибо евреи убивают солдат». Волостной писарь, услышавши это, послал голову будто для усмирения евреев, а вслед и волостной писарь за головою поскакал верхом. Вдруг раздался крик, я отправился туда вместе со всеми понятыми, где застал огромное собрание евреев с женами и детьми, которые до того повалив солдат на землю, били и ногами топтали. Сему свидетелями были житель села Маркулешт Ион Кетрар и дьячек из села Севировой Иоан Карауш, у которого евреи вырвали из рук дубинку и тою дубинкою били солдат. Когда я подошел к собранной толпе евреев, застал, что рядовые избиты самым жестоким боем, окровавленные, а у одного глаз выбит камнем.

При вопросе моем евреев о их самовольной дерзости, которые с самонадеянностью и какою-то особенною надеждою на волостного писаря, который воместо усмирения бунтовщиков он их защищал и мне грубостей наговорил, называя себя дворянином, и даже дерзнул сказать, что солдат, который был сильно окровавлен, «он мог взять откуда-нибудь крови и обмазаться». Слышавши я эти дерзкие слова волостного писаря, не соответствующие не только русскому дворянину, но и простому мужику русскому произносить, но и подумать подобные слова никто не решится, я тогда же спросил понятых, ниже сего подписавшихся, о дерзостях и защиты евреев: «слышите ли вы,

что говорит волостной писарь?», все единогласно подтвердили и подписью свидетельствуем...»⁴ К указанному документу был приложен «акт о буйственных поступках маркулештских колонистов».

Следственное дело было заведено 27 сентября 1854 г. на основании отзыва сорокского уездного землемера «о буйстве земледельцев колонии Маркулешт, оказанном при измерении границы Маркулештской вотчины, и о причинении ими притом нижним воинским чинам, при землемере находящимся, побоев»; чиновник просил местные власти подвергнуть евреев «законной ответственности»⁵. Разбирательства продолжались два года, и только 31 августа 1856 г. Сорокский земский суд отправил землемеру И. Христьяеву письмо с информацией об итоговом судебном решении (получено 29 сентября). Надо сказать, что в нем содержались несколько иные оценки произошедших событий, нежели в рапорте уездного землемера, ибо заседатель суда Евтосьев установил следующее: «происходила лишь одна обоюдная драка пьяных солдат с евреями, при каковой никому увечья не причинено»⁶. Далее раскрывались в подробностях детали этого следствия. Как оказалось, после окончания стычки солдат и евреев 12 колонистов подписали встречное прошение, в котором говорилось, что «уездный землемер неизвестного с чьего разрешения или распоряжения, прислав в колонию пьянную команду солдат, велел гнать земледельцев на работу, которые, ворвавшись в колонию, причиняли побои всякому встречавшемуся...»⁷ Староста колонистов отправился с жалобой в Кайнарское волостное правление, где получил «пакет» на имя уездного землемера «о воспреещении посланным солдатам подобных самоуправий», однако землемер бумагу принять отказался, и когда об этом узнали солдаты, то начали «еще больше дубаширить». Для исследования данного факта из г. Могилева Подольской губернии был даже вызван некий «военный депутат», но его услугами воспользоваться не смогли из-за большой занятости в то время заседателя Сорокского земского суда Евтосьева.

В результате следственное дело поступило в суд с рапортом только одного упомянутого заседателя. Суд определил: «...Хотя сорокский уездный землемер обвиняет маркулештских колонистов в причинении находившимся при нем для полевых работ нижним чинам побоев, с нанесением притом и ему обид, но как обвиняемые евреи от

⁴ Там же. Л. 45–46 об.

⁵ Там же. Л. 149–149 об.

⁶ Там же. Л. 149.

⁷ Там же. Л. 150.

всего общества вступили с прошением, в котором, излагая противу сего свое объяснение, обжаловали тех солдат в причинении многим колонистам побоев, и другие буйства, к усмирению которых они обращались в волостное правление и получили от оногo бумагу на имя уездного землемера о воспрещении нижним чинам самоуправий и буйств, от принятия которой он отказался и сим подал более само-надеянности подчиненным; а по учиненному заседателем Евтосьевым удостоверению открыто, что между евреями и солдатами, бывшими пьянными, происходила обоюдная драка, от коей никаких вредных последствий не произошло... а потому заведенное о сем дело... прекратив в дальнейшем производстве, сдать своевременно в архив для хранения, предоставив впротчем обеим сторонам, буде пожелают, за обиды ведаться в подлежащем судебном месте исковым порядком...»⁸

Таким образом, однозначный, на первый взгляд, факт, согласно которому именно еврейские колонисты явились обвиняемой стороной, в глазах местных судебных властей с учетом новых обстоятельств принял иной характер. Оказалось, что мирные по своей натуре евреи были вынуждены защищаться, пусть и не совсем законными средствами, от грубости военнослужащих, в результате чего их взаимоотношения переросли в откровенное рукоприкладство. Тем не менее, данное дело является одной из интересных страниц как истории еврейской земледельческой колонизации, так и истории межевания в России XIX в.

1. *Никитин В.Н.* Евреи земледельцы: Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807–1887. СПб., 1887.
2. *Оришанский И.Г.* Евреи в России: Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1872.
3. *Скальковский А.А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1850. Ч. I.
4. Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1861. Т. III: Бессарабская область: Список населенных мест по сведениям 1859 года.
5. *Фельдман Д.З.* Архивные источники по генеалогии евреев-колонистов Южной России XIX века // *Jews and Slavs. Vol. 15: Judaeo-Bulgarica, Judaeo-Russica et Palaeoslavica.* Jerusalem; Sofia, 2005.
6. *Фельдман Д.З.* Об истории еврейских земледельческих колоний Бессарабии (по материалам межевания земель XIX в.) // *Jews and Slavs. Vol. 11: Jewish-Polish and Jewish-Russian Contacts.* Jerusalem; Gdansk, 2003.
7. *Stanislawski M.* Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia. 1825–1855. Philadelphia, 1983.

⁸ Там же. Л. 151–151 об.

**ГИС-картографирование и статистическая обработка
сведений Экономических примечаний о населении
городов и пригородов Центральной России
в конце XVIII – начале XIX в.: первые результаты²**

Социально-экономическая история; историческая география; историческая демография; ГИС-технологии в историческом исследовании; аграрная история; история городов.

Работа посвящена социально-экономической истории городов конца XVIII – начала XIX в. Одним из источников, который достаточно подробно характеризует эту сторону жизни российского города, являются Экономические примечания к Генеральному межеванию. В статье представлены первые результаты статистического анализа населенности пригородных земель на основе этого источника. Исследование показало, что общая населенность пригородов Центральной России могла существенно варьироваться, достигая иногда значительной доли суммарного населения городов. С учетом этой значительной аграрной составляющей очевидно, что экономика городов второй половины XVIII в. носила многоукладный характер.

В современной историографии накоплен значительный опыт изучения тема истории городов XVIII – XIX вв. Помимо обобщающих сочинений [11] в последние десятилетия появился целый монографических исследований, в которых большое внимание уделяется вопросам истории управления [12], культуры [8; 15] и повседневной жизни [4; 5; 6; 7] российских городов XVIII – XIX вв. Значительно меньше исследований посвящено проблемам социально-экономического развития городов России этой эпохи. В частности, проблемы многоукладности экономики города и значимости аграрной составляющей в ее структуре, которая была поставлена еще в 1960-е гг. Л.В. Миловым [9; 10].

Экономические примечания к Генеральному межеванию, известные более по исследованиям аграрной истории, являются одним из источников, который достаточно подробно характеризует эту сторону жизни российского города. В них представлены сведения о численности населения города, пригородных землях, городской торговле

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., dmitcher@mail.ru.

² Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-50119.

и промышленности в конце XVIII – первой половине XIX в. [13]. Вообще особая ценность Экономических примечаний к Генеральному межеванию в части описания городов заключается в том, что они содержат данные о городских землях – приусадебных, пашенных, сенокосных, а также о лесах и «неудобных» землях.

С точки зрения межевщиков, город представлял собой своего рода земельное владение, состоявшее из комплекса отдельных «дач», из которых, чаще всего, только одна, обозначенная литерой «А», представляла собой территорию собственно городской застройки. К ней были присоединены («примежеваны») еще ряд пригородных дач (В, С, D и т.д.), которыми могли быть как участки земельных угодий (пустоши, луга, выгоны и т.п.), так и поселения – слободы, села, деревни. Таким образом, именно в результате Генерального межевания российский город был впервые систематически описан (и картографирован на межевых планах) как единый пространственно-хозяйственный комплекс, включающий в себя и пригородные земли и поселения. О том, что межевщики понимали под «городом» именно всю эту территорию, включавшую в себя и пригороды, всякий раз говорит заголовок итоговой строки Экономических примечаний в части описания города: «Итого в градской меже». Затем следует общий итог количеству населения и площади земельных угодий, включающий данные о пригородах.

В рамках данной статьи представлены первые результаты статистической обработки сведений Экономических примечаний о пригородных дачах примерно 130 городов 10 губерний Центральной России. В историографии известны примеры обращения к статистике по городским землям на основе этих материалов [2], а тема состава, типологии пригородных земель стала предметом специального исследования [1]. Однако в том объеме, в котором эти сведения приведены в данной публикации, они анализируются впервые. Все приведенные в Приложении таблицы выполнены на основе недавно опубликованных материалов по Центральной России [14]. Поскольку Экономические примечания, как правило, представляют собой текст в табличной форме, содержащий много статистической информации, очевидно, что его обработка путем перевода сведений в электронную таблицу является наиболее адекватным подходом. В электронную базу данных (ЭБД) переводились сведения о каждой «примежеванной» пригородной даче (буквенное обозначение, тип (село, слобода, пустошь, выгон, владелец дачи (это могли быть дворяне, купцы и мещане города, то или иное казенное ведомство и т.п.), название дачи, количество дворов; душ

мужского и женского пола, количество усадебной земли, пашни, покосов, леса, «неудобных земель», общая площадь всех земель (все данные о земле – в десятинах) и т.д.

Затем количественные ЭБД были полностью переведены в таблицу атрибутов в программе NextGIS, что позволяет создавать на их основе и ГИС-карты, характеризующие земельные угодья городов. В современной историографии актуальность применения ГИС-технологий, в том числе, при изучении материалов Генерального межевания очевидна, в частности, необходимо отметить Портал Российского государственного архива древних актов [3]. При создании прилагаемых к данной статье карт использовались «Материалы для электронного атласа России XVII–XVIII вв.» [13].

На данном этапе работы основные результаты следующие³.

Таблица 1.

Распределение городов Центральной России по количеству «примежеванных» ненаселенных дач

	Нет	Не более 1	от 2 до 10	от 11 до 20	более 20	В среднем на город
Владимирская	8	3	3	0	0	1,57
Калужская	7	3	2	0	0	0,58
Костромская	4	6	5	0	0	1,6
Московская	5	2	5	1	1	4,86
Нижегородская	2	9	2	0	0	1,15
Рязанская	2	3	6	1	0	4,83
Смоленская	10	2	0	0	0	0,17
Тверская	7	2	3	0	1	6,85
Тульская	1	2	9	0	0	3,42
Ярославская	6	3	3	0	0	1,18
Всего	52	35	38	2	2	2,58

Примерно у 60 % городов Центральной России конца XVIII – начала XIX в. были «примежеванные» пустоши, луга, выгоны и т.п. (см. Таблицу 1). В целом межевщики гораздо чаще примежевывали земельные угодья к городам южной части региона – в Тульской, Рязанской губернии наличие у городов таких дач почти обязательно,

³ Все таблицы и ГИС-карты составлены на основе сплошного анализа ЭБД, созданной путем полного перевода количественной информации текстов Экономических примечаний к Генеральному межеванию, опубликованных в 2016 г. [См.: 14].

а, например, во Владимирской или Тверской губерниях их нет у половины городов.

Таблица 2.

Распределение городов Центральной России по количеству «примежеванных» населенных дач

		Не более 1	от 2 до 10	от 11 до 20	более 20	В среднем на город
Владимирская	4	1	7	0	2	16
Калужская	0	2	7	1	2	11,83
Костромская	0	2	12	0	1	4,53
Московская	1	1	8	0	4	16,36
Нижегородская	0	1	9	3	0	6,54
Рязанская	2	1	6	2	1	7,83
Смоленская	4	2	4	2	0	3,67
Тверская	3	1	6	2	1	8,62
Тульская	0	2	5	3	2	12,33
Ярославская	3	2	5	2	0	5,08
Всего	17	15	69	15	13	9,36

Данные Таблицы 2 показывают, что практически повсеместной нормой является присоединение к городу нескольких населенных дач. Это характерно для примерно половины или большинства городов как южной (Тульская, Рязанская губернии), так и для северной (Костромская губерния) частей региона. Однако в целом увеличение числа городов с большим количеством «примежеванных» дач очевидно происходит к югу от Москвы (см. Карту 1). Важно подчеркнуть, что в данном случае «дача» не является синонимом понятия «поселение», поскольку в одной такой даче могло насчитываться не одно поселение, а несколько деревень, слобод, а иногда – и несколько десятков сельских поселений. Например, к городу Ефремову Тульской губернии в даче «В» были примежеваны сразу три слободы, две деревни, два хутора, к Александрову Владимирской губернии были «примежеваны» 20 сел и 25 деревень, представлявших собой одну дачу, а с городом Красный Холм Тверской губернии «были обмежеваны в одной округе» село, слобода, два сельца и 74 деревни. В результате в этих пригородных дачах оказывалось значительное население, которое в логике Генерального межевания рассматривалось как население в пределах «городской межи».

Таблица 3.

Распределение городов Центральной России по общему количеству населения в «примежеванных» населенных дачах (душ обоого пола)

	Нет	До 500	от 500 до 1000	от 1000 до 5000	более 5000	В среднем на город
Владимирская	9	1	1	1	2	1247
Калужская	7	2	3	0	0	168
Костромская	4	5	1	4	1	1016
Московская	5	3	2	4	0	767
Нижегородская	4	3	1	3	2	1768
Рязанская	2	1	1	4	4	3460
Смоленская	11	0	1	0	0	50
Тверская	8	2	2	0	1	770
Тульская	1	3	2	5	1	1912
Ярославская	6	3	0	3	0	488
Всего	57	23	14	24	11	1158

В ходе Генерального межевания к 35 городам Центральной России были присоединены сельские населенные пункты с суммарным населением более 1000 душ обоого пола (Таблица 3). Более половина этих городов приходилось на 3 южные губернии региона (Тульскую, Рязанскую, Нижегородскую), причем к 11 городам были примежеваны пригороды с общим населением свыше 5000 человек, что вполне сопоставимо с численностью населения собственно города того времени. Эффект от этой операции хорошо отображает Карта 2, согласно которой общее население некоторых уездных городов (Торжок, Александров, Вязники, Серпухов, Михайлов, Сапожок) было вполне соизмеримо или даже превосходило население таких губернских городов, как Ярославль, Рязань, Кострома или Смоленск. Фактически именно в пригородных дачах располагалась значительная, а иногда и просто основная часть суммарного населения многих городов в границах «градской межи».

Таблица 4.

Распределение городов Центральной России по доле населения в «примежеванных» населенных дачах от общего населения городского комплекса (%)

	Нет	До 10	От 11 до 25	От 26 до 50	Более 50
Владимирская	9	1	1	2	1
Калужская	7	3	1	0	1

Костромская	4	2	0	0	9
Московская	5	2	0	3	4
Нижегородская	4	1	1	2	5
Рязанская	2	1	1	0	8
Смоленская	10	1	1	0	0
Тверская	8	2	2	0	1
Тульская	1	1	1	4	5
Ярославская	6	3	1	0	2
Всего	56	17	9	11	36

Действительно, применительно к каждому четвертому городу Центральной России конца XVIII – начала XIX в. можно сказать, что население пригородов составило более половины общего населения (Таблица 4). Данная тенденция особенно ясно проявляется в Костромской (Плес, Любим, Буй, Галич, Чухлома), Нижегородской (Балахна, Макарьев, Сергач), и Рязанской (Касимов, Михайлов, Пронск, Скопин, Данков, Сапожок) губерниях (см. Карту 3). На данном этапе можно констатировать, что массированное увеличение населения города за счет «примежеванных» населенных пунктов в меньшей степени характерно для губернских городов (Смоленск, Владимир, Тверь, Калуга), но, например, доля населения пригородов Тулы или Рязани была значительной.

Таким образом, как крупный населенный пункт российский город конца XVIII – начала XIX в., видимо, не был противопоставлен своей сельской округе. Напротив, население близлежащих сельских поселений юридически относилось к «городской меже» и составляло значительную часть общего населения города. С учетом этой значительной аграрной составляющей очевидно, что экономика городов этого периода носила многоукладный характер.

1. Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XVIII – начале XX века (город и процессы урбанизации сельских окраин). М., 2005.
2. Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006.
3. Голубинский А.А. Портал Российского государственного архива древних актов. URL: <http://www.rgada/info/> (Дата обращения 15.02.2017).
4. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.
5. Козлова Н.В. (сост.) Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002.
6. Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010.

7. *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.
8. *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008.
9. *Милов Л.В.* О так называемых аграрных городах России XVIII века // Вопросы истории. 1968. № 6.
10. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
11. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
12. *Серета Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй. М., 2004.
13. *Хитров Д.А., Черненко Д.А., Голубинский А.А., Пахунов С.Н., Красиков А.Н., Жуков В.Д., Хацкевич М.В., Яфарова М.Р., Калинин М.В., Кулагина М.В.* Материалы для электронного атласа России XVII–XVIII вв. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/RusHis19/maps/maps.html> (Дата обращения 15.02.2017).
14. *Черненко Д.А., Голубинский А.А., Хитров Д.А.* (сост.) Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная Россия. Тула, 2016.
15. *Шевырев А.П.* Культурная среда столичного города. Петербург и Москва // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998.

УДК 94(47).05

А.В. Воробьев¹

**Палата по составлению Уложения 1700 г.
и судьба Сыскного (Разбойного) приказа в начале XVIII в.**

Сыскной (Разбойный) приказ; Палата по составлению Уложения 1700 г.; реформы Петра I; Московский Судный приказ.

Сыскной (Разбойный) приказ был упразднен указом Петра I в 1701 г., хотя причины и обстоятельства его ликвидации не ясны. Среди материалов работы Палаты по составлению Уложения 1700 г. имеются сведения, которые могут пролить свет на судьбу Сыскного (Разбойного) приказа в начале XVIII в.

В сложной системе судебных учреждений России второй половины XVII в. Сыскной (Разбойный) приказ занимал особое место. Это центральное государственное учреждение осуществляло борьбу против тяжких уголовных преступлений (убийство, разбой, кража, а также профессиональная преступность) на большей части территории русского государства в XVI – начале XVIII в. посредством контроля и

¹ Воробьев Александр Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., aleksandr_vorobe@mail.ru.

обеспечения необходимой нормативно-правовой базы местных губных органов и других его агентов, противостоявших преступности на местах.

Сыскной (Разбойный) приказ был расформирован в ноябре 1701 г., а через несколько месяцев в марте 1702 г. окончательно упразднили институт губных старост². Содержание указов 1701-1702 гг. не дает исчерпывающей информации о причинах уничтожения этого института и оставляют открытым вопрос, почему царь и правительство решились на столь радикальные шаги по устранению именно этой части традиционной московской системы управления в самом начале XVIII в., в то время как иные приказы продолжили свое существование еще в течение полутора десятилетий. Едва ли возможно ответить на столь сложный вопрос в рамках нашего доклада, поэтому мы решили сосредоточить внимание на некоторых обстоятельствах упразднения Сыского (Разбойного) приказа, в особенности на том, как складывалась его судьба в начале XVIII в. на начальном этапе петровских реформ.

18 февраля 1700 г. царским указом учреждалась Палата по составлению нового Уложения³. К указу прилагался список лиц, определенных к кодификации, а председателем комиссии назначался боярин кн. Иван Борисович Троекуров. Первым делом Палата затребовала из всех приказов законодательные акты, составленные после Соборного Уложения. Разбойный приказ быстрее всех справился с поставленной задачей – уже 3 марта 1700 г. дьяк Самойло Васильев предоставил 31 тетрадь со списками указов [4, с. 97].

Несмотря на то, что сбор тетрадей с указами растянулся до мая 1700 г., комиссия провела первые заседания в марте. Всего Палатой планировалось провести три чтения всех глав Соборного Уложения с новыми статьями; цель первого заключалась в предварительном ознакомлении с материалом и высказывании замечаний, на втором чтении составлялся черновой проект новых глав, в третий же раз, по удачному замечанию М.М. Богословского, целью комиссии было «наложить последний редакционный лоск на законченную работу» [1, с. 207]. Деятельность Палаты оборвалась по неизвестной причине в начале третьего чтения, таким образом, все новое Уложение успело

² ПСЗ. Т. IV. № 1874, 1900.

³ Историография изучения комиссии по составлению Уложения невелика. Среди общих трудов следует назвать работы Д.В. Поленова и М.М. Богословского, а также статью А.Г. Манькова о законодательстве, касающемся крестьян [1; 3; 4].

пройти как минимум два чтения. Не были исключением XXI («О разбойных и о татинных делах») и XXII («Указ за какие вины кому чинить смертная казнь и за какие вины смертию не казнить, а чинить наказанье») – главы, связанные с деятельностью Разбойного приказа. Согласно журналу записей о заседаниях палаты, XXI главу в первый раз слушали в 1701 г. 8 и 9 апреля, 2, 5, 7, 12, 14 – 16 мая, а во второй раз в 1703 г. 28 мая, 2, 4, 7, 9, 11 июня, соответственно XXII главу слушали сначала в 1701 г. 19, 22 мая и в 1703 г. 14 июня [1, с. 216, 218].

Мы не будем останавливаться на подробном разборе законодательных норм нового Уложения и замечаний, прозвучавших в Палате. Нас, прежде всего, интересуют изменения организационного характера, обсуждавшиеся в кодификационной комиссии, и то, как они соотносятся с указами о ликвидации Разбойного приказа и губных старост 1701–1702 гг.

Таблица 1.

Сравнение начальных статей XXI главы в редакциях 1700 и 1703 гг.

XXI глава (редакция 1701 г.)⁴	XXI глава (редакция 1703 г.)⁵
<p>Ст. 1. Которые розбойники розбивают и людей побивают и тати крадут в Московском уезде и в городех на посадах и в уездах и такие розбойные и убивственные и татинные дела ведать в приказе Сыскных дел.</p> <p>А в Новых статьях 177 году написано тож.</p> <p>В Полате говорили: быть по Уложению, ведать дела в приказе Сыскных дел.</p>	<p>Ст. 1. Которые розбойники розбивают и людей побивают и тати крадут в Московском уезде и в городех на посадах и в уездах и такие розбойные и убивственные и татинные дела ведать в Московском судном приказе.</p>
<p>Ст. 2. А в Новых статьях 177 году в 2 статье написано: «ведать в городех такие дела сыщиком и губным старостам по наказом из Розбойного приказу».</p> <p>В Полате говорили: быть по сим статьям, а ведать в городех</p>	<p>Ст. 2. А которые воры крадут и убивственные всякие дела чинять на Москве и то ведать в приказе Земских дел.</p> <p>Ст. 3. А ведать в городех розбойные и убивственные и татинные дела воеводам по наказу из Московского судного приказу, а губным старостам в городех</p>

⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 6. Ч. 7. Л. 517–517 об.

⁵ Там же. Л. 463.

губные дела воеводам, и сыщиков без имянного великого государя указу не посылать.	не быть и сыщиков без имянного великого государя указу не посылать. И губные избы во всех городех сломать.
---	--

Итак, как можно понять из данных в приведенной таблице, Палата изначально предполагала в очередной раз ликвидировать губных старост, но сохранить Разбойный приказ в качестве высшей инстанции. Однако планы Петра I не совпадали с планами членов комиссии, поскольку почти через полгода после обсуждений XXI главы он упразднил Разбойный приказ. Но кому же предполагалось передать его полномочия?

В указе 2 ноября 1701 г. отсутствует указание на причину расформирования этого учреждения, но немало внимания уделяется деталям такой реорганизации, выяснению, кто теперь возьмет на себя функцию борьбы с преступностью. Указ предполагал передачу всех судебных дел вместе с подьячими, которые их вели, «в те приказы, в которых которые чины расправою ведомы». Именно в юрисдикцию этих приказов и переходило теперь население России, что фактически означало рассредоточение судебной власти в уголовной сфере из одного приказа во множество других. Из этого положения указа 1701 г. логически следует, что стрельцы теперь были полностью судимы в Стрелецком приказе, посадские жители в Ратуше, дворяне в Судных приказах и так далее. Приказы, в которые из Сыскного (Разбойного) поступали вместе с делами подьячие, извещались об этом соответствующими памятями.

Не только документация и часть персонала переходила из ведомства в ведомство. Большая важность придавалась приведению в порядок финансов – составлению приходно-расходной документации и выяснению того, с каких дел и почему еще не получены пошлины; эту информацию надлежало представить в форме доклада царю⁶.

Вскоре после расформирования Сыскного (Разбойного) приказа указом 10 марта 1702 г. был упразднен институт губных старост и сыщиков. Теперь вся власть переходила к воеводе и вводимому институту выборных из дворянского сословия (число дворянских депутатов варьировалось от двух до четырех в зависимости от величины города). Важно, что все решения принимались коллегиально, воеводе строго запрещалось действовать в одиночку, а потому каждое решение считалось подлинным лишь при наличии подписей воеводы

⁶ ПСЗ. Т. IV. № 1874.

и дворян. За организацию выборов отвечал Московский судный приказ, куда поступали все подтверждающие волеизъявление документы.

Казалось бы, указ 1702 г. подвел черту в демонтаже той системы борьбы с преступностью, которая сложилась в середине XVI в., однако это не совсем так. Обсуждения во время второго чтения XXI главы в 1703 г. помогают уточнить наше понимание петровских указов 1701 и 1702 гг.⁷ Законодатели предполагали, что Разбойный приказ будет заменен Московским судным приказом, под руководством которого воеводы будут выполнять те же обязанности, что относились раньше к губным старостам.

Обобщая все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что точнее будет говорить не о ликвидации Разбойного приказа и губных старост, а о преобразовании этих органов власти. По нашему мнению, значительную часть полномочий Разбойного приказа все же унаследовал Московский судный приказ. Во-первых, судя по сохранившимся документам, именно Московский судный приказ взял на себя большую часть дел о разбое и татьбе. Во-вторых, большая часть дьяков Сыскного (Разбойного приказа) перешли на службу именно в это ведомство⁸ [2, с. 155, 197]. В-третьих, Московский судный приказ стал руководителем для института воеводских товарищей, пришедших на смену губным старостам. Наконец, в проекте Уложения 1700-1703 гг. именно Московскому судному приказу отводилась роль главного ведомства по борьбе с преступностью.

1. *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1955. Т. IV.
2. *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.
3. *Маньков А.Г.* К истории выработки законодательства о крестьянах на рубеже XVII и XVIII веков // АЕ за 1958. М., 1960.
4. *Поленов Д.В.* Палата о Уложении или Первая Законодательная комиссия 1700 г. // Материалы для истории Русского законодательства, издаваемые вторым отделением собственной Е.И.В. Канцелярии. Вып. 1. Палата об Уложении. СПб., 1865.

⁷ При этом отнюдь не ясно, как соотносились петровские указы с предложениями, отразившимися в материалах работы Палаты. Этот вопрос нуждается в отдельном исследовании. Мы предполагаем, что замечания, прозвучавшие на заседаниях Палаты, были согласованы с царем или, по меньшей мере, не противоречили его видению ситуации.

⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 425. Л. 587.

К вопросу о роли проектов А.Х. Любераса в коллегиальной реформе Петра I²

Коллегиальная реформа; проекты А.Х. Любераса; история статистической мысли; история делопроизводства и архивного дела.

В статье показано, что проекты А.Х. Любераса не оказали значительного влияния на ход коллегиальной реформы Петра I. Основное внимание А.Х. Любераса было направлено на организацию учета в России.

Барон А.Х. Люберас, вице-президент Берг-Мануфактур коллегии – один из самых плодотворных проектеров эпохи Петра I. В XVIII в. большая часть его проектов (тридцать один), касающихся коллегиального устройства Российского государства, были переведены на русский язык. Однако историкам фактически известно содержание только двух его записок, которые позволяют ознакомиться только «в общих чертах с тем образцом, который предстояло ввести в России» [7, с. 429-430], а также проекта регламента Берг-коллегии. Остальные сочинения А.Х. Любераса – регламенты и уставы, написанные им для каждого учреждения, в целом так и остались вне поля исследовательского внимания. Неслучайно, что, ограничиваясь столь скудными сведениями о бароне и его идеях, историки совершенно по-разному оценивали его роль в коллегиальной реформе.

Впервые на сочинения барона обратил внимание Э.Н. Берендтс. Он описал структуру коллегиального устройства, предлагаемую Люберасом, на основе анализа текста перевода одной его записки 1719 г. К сожалению, историк посчитал, что «входить подробно в рассмотрение каждого отдельного регламента и устава не возможно, это потребовало бы слишком много времени» [3, с. 20]. При этом он сделал неосторожное заключение: «содержание этих регламентов и уставов почти совсем сходно с регламентами, находящимися в П.С.З.» [3, с. 20]. П.Н. Милюков, обратившись к анализу сочинений барона, написанных на немецком языке, дал более скромную оценку роли проектов Любераса в коллегиальной реформе: можно говорить только

¹ Мустафин Артур Рашидович, НИУ «Высшая школа экономики» (РФ, Москва), art-staf@yandex.ru.

² Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

о следах влияния идей барона на составление итоговых регламентов коммерц-, берг-, мануфактур коллегий [7, с. 449-451]. По мнению историка, это обусловлено тем, что барон чересчур поздно представил свои проекты [7, с. 429]. Э.Н. Берендтс и П.Н. Милюков оказали столь заметное влияние на историографию проблемы, что в советской и современной литературе деятельность барона Любераса практически оценивалась только на основе сведений, представленных в их работах [1; 2; 6; 8 и др.]. И наконец, стоит упомянуть работу советского историка Н.А. Воскресенского, изданную только в 2017 г. Он раскритиковал П.Н. Милюкова за преувеличение роли А.Х. Любераса в законодательном процессе. Так, историк писал, что те нормы Берг-привилегии, на которые акцентировал внимание П.Н. Милюков, «были установлены еще при Алексее Михайловиче» [5, с. 559].

Таким образом, наследие барона А.Х. Любераса изучено крайне фрагментарно. При этом фокус внимания в исследованиях был направлен главным образом на выявление роли его идей на ход коллегияльной реформы. Обратившись к анализу неизвестных ранее документов и текстов, попытаемся ответить на вопросы о судьбе проектов Любераса, а также выявить ключевые идеи, легшие в основу его регламентов.

Оценить масштаб деятельности Любераса мы можем только на основе анализа всех сохранившихся в различных фондах комплексов его сочинений, состав которых весьма различен. Написанные им на немецком языке проекты, по всей видимости, после смерти барона находились у его сына – генерал-аншефа Иоганна Людвиг Любераса. Удалось установить, что после смерти Любераса-сына в 1752 г. сохранившиеся бумаги разбирал его ближайший помощник – Абрам Ганнибал³. В результате документы были переданы в Коллегию иностранных дел, а затем в 1795 г. в Архив.

Удалось обнаружить два списка переводов бумаг Любераса⁴. О времени их перевода на русский язык однозначно сказать достаточно сложно. Удалось косвенно подтвердить точку зрения о позднем переводе сочинений Любераса на основе анализа водяных знаков. Так, все переводы составлены на бумаге с водяным знаком в виде пчелиного улья (beehive), в т.ч. и прилагающийся к сочинениям Любераса-отца проект, датированный 1730 г.⁵ и написанный, по мнению Берендтса,

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 114–118.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171; ОР РГБ. Ф. 178.1. № 2847.

⁵ ОР РГБ. Ф.178.1. № 2847.

Люберасом-сыном [3, с. 7]. Этот факт свидетельствует в пользу единого происхождения имеющихся переводов, составленных не ранее 1730 г.

Вместе с тем неизвестны до сих пор какие-либо документы, свидетельствующие об обсуждениях сочинений Любераса в Сенате, коллегиях, комиссиях и вообще в среде политической элиты. Сравнивая же написанные им проекты и тексты опубликованных законов из ПСЗ, мы можем выявить заметное расхождение между тем, что предлагал барон, и тем, что было реализовано. Самым ярким примером этого является сопоставление регламентов Камер-коллегии. Даже формальное сравнение структуры текста регламента Любераса (состоящего из 8 параграфов)⁶ и структуры официального регламента (состоящего из 26 параграфов)⁷ показывает существенную разницу. Аналогичная ситуация наблюдается и при сравнительном анализе остальных регламентов. В лучшем случае мы можем говорить, что только отдельные идеи Любераса получили свое развитие в законодательстве. Так, весьма вероятно, его идеи повлияли на создание указа от 19 июня 1719 г. о присяге иноземцев на верность службы [3, с. 19]. Добавим, что не всегда барон выдвигал оригинальные идеи о государственном устройстве. Таким образом, если и удастся при сравнительном анализе выявить некоторые параллели в законодательстве петровской эпохи и сочинениях Любераса, то выводы о его роли носят лишь вероятностный характер.

Почему идеи Любераса не оказали существенного влияния на ход коллегияльной реформы? Маловероятно, что это связано с тем, что барон «сильно запоздал с подачей материалов», представив их в начале 1719 г. [8, с. 342], поскольку реформа государственного устройства явно не завершилась в 1719 – 1720-х гг. Так, после 1720 г. последовала реорганизация Сената, некоторых контор и коллегий, а к моменту смерти Петра I не было регламентов у Военной, Юстиц-, Ревизион- коллегий [1, с. 161]. Продолжалась работа и Генриха Фика над реформированием государственного управления [4, с. 19, 275]. К тому же, как выяснилось, барону было известно о том, что только к 1720 г. поручалось коллегиям подготовить регламенты⁸.

Можно предположить, что проекты Любераса в целом не удовлетворили составителей регламентов. При всей пространности в

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 42–43; АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 75.

⁷ ПСЗ. № 3466.

⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 22.

его сочинениях представлено всего лишь несколько основных идей. В каждом регламенте Люберас поручал собрать наиболее полные сведения о состоянии дел, организовать регулярный учет и сбор статистических сведений. Это подразумевает то, что процесс принятия политических решений должен основываться на достаточно полных сведениях о состоянии государства. Собственно, пространность его сочинений в первую очередь обусловлена тем, что в них подробно описывались объекты наблюдения. Поэтому проекты регламентов Любераса в большей степени походили на программы статистического наблюдения. Это характерно не только для регламентов проектируемой бароном Коллегии экономии⁹ и финансовых контор¹⁰. Практически каждая коллегия должна была начать свою деятельность с составления ведомостей, отражающих состояние дел на момент создания этих новых учреждений. В коллегиях организовывался учет: им необходимо было регулярно присылать определенные сведения в Дирекционную коллегия, которую Люберас наделял контрольными функциями. Она в свою очередь должна была сокращенную ведомость направлять в Тайный совет¹¹, функции которого барон нигде не конкретизировал. Однако заметим, что он в своих текстах, говоря о Тайном совете, воспринимал его как нечто уже функционирующее в России. Вместе с тем, удалось установить, что Люберас только единожды упоминает российский Сенат¹². В целом остается невыясненной как судьба Сената в проектируемом Люберасом государственном устройстве, так и причины появления в его сочинениях Тайного совета.

Неслучайно и то, что он тщательно регламентировал процесс делопроизводства, уделял пристальное внимание деятельности секретарей и архивариусов коллегий. В учреждениях при окончании «каждого года всякия канцелярския дела с веденными об оных реестрами» следовало отдавать в соответствующий архив¹³. Так, Люберас поручал «все дела камер-коллежския и камер-конторския, также и из прочих канцелярий или кантор сюда отекающияся купно с коммерц- и мануфактур- коллежскими делами порядочно хранить в Камерном архиве», а дела же остальных коллегий необходимо было сдавать в Госу-

⁹ АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 72; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 62–65 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 23–41 об.

¹¹ АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Л. 7.

¹² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 22.

¹³ Там же. Л. 88.

дарственный архив¹⁴. Возможно, Люберас сыграл определенную роль на становление архивного дела в России. Также заметим то, что за нарушение предписаний регламента архивариус мог быть подвергнут смертной казни¹⁵. Это единственный случай, когда барон конкретизирует наказание за преступление, при этом предписывает высшую меру наказания.

Таким образом, проекты А.Х. Любераса не оказали значительного влияния на ход коллегиальной реформы Петра I. При этом анализ его сочинений приводит к постановке целого ряда вопросов, которые ждут своего исследователя. Однако высказанные им идеи представляют интерес с точки зрения истории идей. В первую очередь они расширяют устоявшиеся представления об истории статистической мысли в России [9]: барона Любераса, можно считать первым, кто актуализировал проблему организации учета, сбора статистических сведений о состоянии Российского государства.

1. *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.
2. *Бабурин Д.С.* Очерки по истории мануфактур-коллегии. М., 1939.
3. *Берендтс Э.Н.* Барон А.Х. ф. Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб., 1891.
4. *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М., 1945.
5. *Воскресенский Н.А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017.
6. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999.
7. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
8. *Некрасов Г.А.* Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
9. *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945.

¹⁴ Там же. Л. 88 об.

¹⁵ Там же. Л. 89 об.

К проблеме военных реформ 1730-х гг.: Проект Походного комиссариата

Военные реформы 1730-х гг.; комиссариат; материальное снабжение армии; институт воинской инспекции.

Статья вводит в научный оборот неопубликованный проект Походного комиссариата, содержание которого опровергает устоявшуюся концепцию проведения в 1736 г. реформы центрального управления армией на основе «министерского» принципа.

Военные реформы 1730-х гг. в их конкретике – численности и организации вооруженных сил, их комплектования, содержания и подготовки – естественно, менее других преобразований XVIII в. интересны историкам общего профиля. Но роль армии как формообразующей структуры петровской государственности сообщает им непреходящую научную актуальность. Тем более, что 26 января 1736 г. изменениям подверглась сама Военная коллегия, бывшая одним из базовых элементов всей коллежской системы.

Распределение «касающихся до сухопутного войска дел» между присутствием президента «с товарищи» и состоящими под их «генеральным смотрением» конторами (или экспедициями во главе с директорами), которые брали на себя и «довольство» армии и гарнизонов жалованьем, мундиром и амуницией, провиантом и фуражом², обычно оценивалось в плане крупного шага к внедрению «министерского» принципа. Оценивалось позитивно, так как, во-первых, совмещало единство управления личным составом, материальной частью и финансовыми средствами с выгодами отраслевого администрирования. Во-вторых, вписывалось в логику серии указов о «нужде во всех потребных вещах» из-за «оплошности» и «слабости» ныне упраздняемого Генерального Кригс-комиссариата (далее – ГКК) как самостоятельного снабженческого института. И, наконец, поскольку комиссариатские трансформации, вылившиеся в создание «типичной для 1730-х годов централизованной административной структуры с разделением функций по отраслям», стимулировали социально значимую передачу подушного сбора, главного источника военного

¹ Бабич Марина Виленовна, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), д.и.н., mbabich1@yandex.ru.

² ПСЗ. Т. 9. № 6872.

бюджета, из рук непосредственно потреблявших его полков гражданским провинциальным властям в русле податной податной политики периода [1, с. 166–179].

Обращение автора настоящей статьи к впервые изученному Н.Н. Петрухинцевым архивному комплексу по предыстории реформы 1736 г. в контексте исследования целого ряда существовавших тогда комиссий заставило обратить внимание и на другие ее обстоятельства. Прежде всего выяснилось, что согласно делопроизводственным пометам августа 1740 г.³ сочиненные к концу 1736 г. коллежский Регламент и «конторные инструкции», на которые теперь следовало опираться, высочайше утверждены не были. Не упоминаясь и в опубликованных «Журналах Сената» 1740–1741 гг., они вообще не успели стать законом, без чего на бумаге должны были остаться и все очерченные в «апробованном» 26 января 1736 г. сенатском докладе переустройства за вычетом достоверного назначения около 20 человек «директорами» и «советниками». Мнимыми оказались и «непорядки» со снабжением, которые использовались верховной властью как чисто идеологический прием давления на должностных лиц разных рангов и сведения любых проблем военной политики к привычному для общественного сознания с середины 1720-х гг. мундирно-амуничному мотиву. Тогда как в изданных «бумагах Кабинета», который курировал запросы активно воюющей с Турцией армии, конторы 1736 г. упоминались в основном в титуловании их директоров, выполнявших иные правительственные задания, намекая на то, что беспрецедентное расширение за их счет контингента членов коллегии и было единственной реальной целью реформаторов [2].

Однако этому противоречит отложившаяся в Сенате вместе с другими проектами Инструкция Походному комиссариату⁴, учреждение которого 29 марта 1736 г.⁵ до сих пор никак не связывалось с закрытием ГКК и работой Военной коллегии по новому плану. Ведь это возглавляемое сперва бригадиром Ф.А. Полибиным, а с 1738 г. до конца войны генерал-лейтенантом кн. Н.Ю. Трубецким установление по выдаче денег, срочным вещевым и хлебным поставкам по тем же «бумагам Кабинета» предстает лишь как еще одна комиссия, вызванная чрезвычайными потребностями. Задумывался же Походный ко-

³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 858–862.

⁴ Там же. Л. 570–689 об. Подборка включает тексты и касающиеся их сенатские выписки. Анализируется позднейшая, конца ноября 1736 г. версия проекта, расширенная с сентября с 30 до 91 «пункта» (Л. 628–686).

⁵ ПСЗ. Т. 9. № 6899.

миссариат, по его Инструкции, как постоянный орган, теснейшим образом взаимодействующий с Цалмейстерской, Мундирной, Провиантской и Счетной конторами Военной коллегии (пока Кригс-комиссариатская на тех же началах соотносилась на предмет подушного сбора с канцеляриями областных правителей).

В частности, Походный комиссариат должен был получать от Цалмейстерской конторы «ассигнованием и натурой» средства на жалованье и производить его «на генералитет и генералитетские канцелярии», «отдавая» прочее полковым комиссарам. Причем за формулировкой этой его цалмейстерской должности заведующего платежами в одном «пункте» главы, трактующей о жалованье, следующие 26 суммируют законоположения о выплатах разным категориям военнослужащих, хранении полковой казны и о сопряженной с ней отчетности, которая предназначалась в Счетную контору.

Перечни на полях везде показывают высокую юридическую квалифицированность составителей и их стремление учесть новейшие, вплоть до марта 1736 г., распоряжения. В основном же изложении есть и «пункт», исходящий из только ожидаемых вскоре массовых офицерских отставок, о стимулировании которых стало известно при изучении сюжета о Манифесте 31 декабря 1736 г. с объявлением права дворян по выслуге «урочных» 25 лет отставляться «с повышением одного ранга». Подтверждая заключение, что знаменитый Манифест готовился в рамках коллежской программы обновления офицерского корпуса [3], анализируемый проект предлагал уточнить взыскания за типичные нарушения правил оформления увольнений, не покрываемые нынешними денежными штрафами.

Актуальные усовершенствования фигурируют также в главах «О мундирных и амуничных вещах» и о «провианте», где не менее важное, чем в «цалмейстерской», место уделено сводке действующего законодательства. Особенно по провиантско-фуражному обеспечению, вопросы которого, во многом разработанные только в вышедшем из Комиссии 1730 г. «Воинском стате», излагались в доступной для использования «в командах» форме. Передавая им суммы, ассигнованные Провиантской конторой, Походный комиссариат еще обязывался, помимо наполнения магазинов «в нероссийской земле», ежемесячно уведомлять Провиантскую контору о количестве продовольствия в магазинах империи и «считать» полковые чины прежде отсылки туда же их «книг и списков» к «свидетельству».

Аналогичная роль Походного комиссариата относительно Мундирной конторы скорее угадывается, чем прописана. Но это не

опровергает того факта, что он должен был аккумулировать функции ГКК образца 1731 г. кроме подушного сбора, недополучение которого и было для правительства главным «непорядком», побуждавшим к реорганизациям. Вместе с тем в их числе обозначились и «непорядки» вследствие негласной ликвидации около 1733 г. корпуса инспекторов, введенного Военской комиссией 1730 г. как гаранта строевой и вещевой исправности полков путем их регулярных смотров⁶. Любопытно, что именной указ от 24 сентября 1736 г. о проведении такого смотра ждал от Походного комиссариата предотвращения впредь «напрасных казне убытков» из-за накопления в войсках припасов сверхштатно⁷. И он в самом деле обретал инспекторские полномочия, подробно раскрытые главой «О смотре и мунстровании полков...» с дополнением против 1732 г. в духе современного боевого опыта, и хорошо сочетавшиеся с идеей обязательных смотров силами Кригс-комиссариата, провозглашенной в его Регламенте от 10 декабря 1711 г.⁸

Сочетает традиции и новации и глава «О госпиталях» в ее переключке с тождественным положением программы Военской комиссии, тоже тогда не исполненным. Здесь положение Генерального регламента о госпиталях от 24 декабря 1735 г. о контроле генерал-кригс-комиссара над «экономией» столичных военно-медицинских учреждений весьма существенно расширилось поручением Походному комиссариату полевых лазаретов. И все же краткое рассуждение о «полковых госпиталях» очевидно уступает предшествующим степенью проработки, что еще характернее для замыкающих проект глав «О рекрутах» и «О лошадях», которые почти исключительно имеют в виду «новый наряд».

Тем не менее проект в целом, серьезно обсуждавшийся сенаторами и кабинет-министрами до сентября 1737 г.⁹ при отчетливых уже чертах реального Походного комиссариата, представляет декларированную в 1736 г. реформу административно содержательнее, чем принято думать по акту о коллежских конторах. Всегда подчеркиваемые централизация и специализация выступают с учетом рассмотренного как имеющие место преимущественно в аспекте акцента на приоритет Военной коллегии в борьбе за «доброе состояние»

⁶ ПСЗ. Т. 8. № 5904.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 805–805 об.

⁸ ПСЗ. Т. 4. № 2456.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 494. Л. 628 а–628 а об., 687–689, 763–772, 788, 861–861 об.

вооруженных сил (чему противоречило законодательное закрепление большинства средств такой борьбы за ГКК). Повышения же ее эффективности искали в разграничении властных компетенций не столько по горизонтали, сколько по вертикали. То есть членам коллегии вменялось констатировать насущные потребности и «изобретать способы» к их удовлетворению, оперативно информируя правящие круги о текущем положении. А Комиссариат продолжал отвечать за сложившееся с начала века снабжение, становясь при этом промежуточным звеном между коллегией и полками, что подчеркивалось наименованием «Походный» и неопределением образующим его генерал-, обер-штер- и обер- кригскомиссарам и провиантмейстерам помещений в столицах.

В итоге планируемая модель приблизилась к утвердившейся в 1730-е гг. трехступенчатой иерархии высшего (императрица, Кабинет министров, Сенат) и местного (губернские, провинциальные и воеводские канцелярии) управления. Тут же последовательно обобщая и развивая нормы функционирования петровской военной машины, включая узаконенное с подачи «миниховской» Комиссии 1730 г. достраивание ее хозяйственной части. Но все эти достоинства не помогли, казалось бы, вполне подготовленной акции прийти к завершению.

К сожалению, привлеченные источники молчат, почему Военная коллегия, ранее с готовностью откликаясь на призывы вышестоящих инстанций «поставя на мере, взнестъ» необходимые документы, потом начала их игнорировать под предлогом неприсутствия президента и раскомандирования «членов в разные посылки». Тем самым как бы зеркально повторяя настроения тех же инстанций, которые до осени 1737 г. ничуть не смущались ее реформированием в разгар тяжелой войны, а затем вдруг заколебались, к «мирной» осени 1740 г. совсем отказавшись от продвижения ранее высказанных намерений.

Так что загадку половинчатости предпринятых в 1736 г. мер, легко отмененных Елизаветой (которая восстановит вместо контор независимый Комиссариат, а заодно и слитую с ним после смерти ее отца Провиантскую канцелярию) остается отложить на будущее. Надеюсь, что и сделанные наблюдения вносят некий вклад в понимание эпохи, о которой известно еще очень немного.

1. *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 гг. СПб., 2001.

2. *Бабич М.В.* К проблеме военного управления 1730-х гг.: Вокруг Комиссариата // *Война и оружие: Новые исследования и материалы* – 2016. СПб., 2016. Ч. 1.
3. *Бабич М.В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России*. М., 2013.

УДК 94(470)«16/18»

О.Г. Агеева¹

Церемониальная коронационная комиссия 1797 г.

Русский императорский двор; коронационная комиссия 1797 г.

Статья посвящена коронационной комиссии Павла I 1797 г. В ней показано время учреждения и сроки деятельности комиссии, названы ее члены и состав чинов, круг их церемониальных и организационных обязанностей по подготовке коронации, полученные награды.

Деятельность комиссий XVIII в., временных государственных учреждений, создаваемых для выполнения какого-либо конкретного мероприятия, уже привлекали внимание исследователей. К примеру, комиссиям петровского времени, в том числе церемониальным – коронационной и печальным, посвящена монография М.В. Бабич [1]. Однако большинство такого рода государственных временных учреждений еще не изучалось. Предлагаемая вниманию работа посвящена одной из церемониальных комиссий павловского времени – коронационной комиссии 1797 г. В литературе, затрагивающей коронацию Павла I (статьи А.В. Скоробогатова и др.), ее организационная сторона практически не изучалась.

Как и другие коронационные комиссии XVIII в. (появились в 1724 г.), комиссия 1797 г. была учреждена специальным указом императора, подписанным 13 декабря 1796 г. Спустя несколько дней, 18 декабря в день погребения Екатерины II, вышел Манифест о коронации Павла I и Марии Федоровны в апреле следующего года².

Указ от 13 декабря, адресованный действительному тайному советнику князю сенатору, президенту Мануфактур-коллегии и главе императорской Театральной дирекции Н.Б. Юсупову, назначал его главой комиссии и верховным маршалом коронации и определял «под

¹ Агеева Ольга Гениевна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., culture_iri@mail.ru.

² РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1414. Л. 44; ПСЗ. Т. 24. № 17 659.

его председательством» членами комиссии – московского военного губернатора И.П. Архарова и члена Кабинета его величества Н.М. Карадыкина. В марте 1797 г. в комиссию также вошел обер-церемониймейстер П.С. Валуев, назначенный верховным церемониймейстером коронации. В ведомстве Валуева уже к 18 декабря 1796 г. был готов церемониал коронации. Что касается его церковной части, то она была создана в Синоде митрополитом Санкт-петербургским и Новгородским Гавриилом к 21 января и слушана 9 марта 1797 г.³ Для уточнения десятков церемониальных мелочей, не прописанных в сценарии и прочно забытых со времени последней коронации 1762 г., князь Юсупов заказывал в комиссию из Сенатского архива 10 книг «прежней коронации Екатерины II» и дела коронаций 1730 и 1742 гг.⁴

Таким образом, коронационную комиссию составили три лица, ранее указом от 9 ноября 1796 г. входившие в печальную комиссию по погребению Екатерины II (князь Юсупов, Валуев и Карадыкин)⁵, а также московский военный губернатор, который мог привлечь московское общество к подготовке церемонии. Со свойственной Павлу дотошности в деталях, в указе о коронационной комиссии он многословно прописал ее действия, предписав немедленный выезд в Москву, набор команды архитекторов в Петербурге, оплату переезда Кабинетом, требование нужных чинов в Москве от присутственных мест и обеспечение финансовой стороны коронации государственным казначеем А.И. Васильевым.

Повинуясь указу, комиссия выехала в Москву и в первых числах января 1797 г. в комнатах здания присутственных мест открыла свои заседания. По сохранившимся документам, с 4 января по 15 мая 1797 г. ею было проведено 104 заседания. Причем с 12 января и до 4 апреля (канун коронации, назначенной на Пасху 5 апреля) заседания проходили ежедневно с перерывами, занявшими только 6 дней. После коронации заседания стали проводиться через 1-3 дня и только в первой половине мая вновь стали ежедневными. Протоколов после 15 мая не сохранилось, однако из других документов следует, что комиссия работала еще почти три недели. Последний исходящий из нее документ под № 358 датирован 7 июня 1797 г. Это был рапорт Павлу I об окончании всех дел, который подписали князь Н. Юсупов,

³ Чин действия, каким образом совершилось всевысочайшее е.и.в. коронование. По церковному чиноположению. [СПб.], 1797.

⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1413. Л. 34, 44–48, 51.

⁵ Там же. С. 120; ПСЗ. Т. 26. № 17 537.

П. Валуев и Н. Карадыкин⁶.

Так как деятельность комиссии была двойственной, то помимо подготовки торжеств, ее члены непосредственно участвовали в проведении различных церемоний. Комиссия устанавливала порядок шествий – коронационного въезда 28 марта и шествия под балдахин в Успенский собор 5 апреля, размещала участников и зрителей в отведенных им местах. Наконец, князь Юсупов с товарищами встречали императорскую фамилию в Слободском дворце, следовали в процессиях, выполняли церемониальные роли во время застолий, поздравительных аудиенций и т.д. Но, конечно же, главные усилия были ими предприняты по подготовке празднеств. На указанных заседаниях члены комиссии рассматривали текущие дела и принимали десятки решений, фиксируя их в протоколах, осматривали места проведения церемоний, вели наблюдение за ходом работ.

Глава и члены комиссии составляли только верхушку в том круге особ, которые были заняты в подготовке коронации. Другие категории лиц в ее составе были, во-первых, чины, откомандированные в комиссию из различных мест службы, а также свободные от дел, которые временно поступили под начало князя Юсупова и его товарищей. Во-вторых, служившие по найму специалисты, мастера и рабочие. В делах комиссии также упоминается несколько десятков имен купцов, мастеровых и лиц иного социального положения, у которых комиссия покупала различные товары, но в комиссию эти лица не входили.

Круг откомандированных от мест службы и свободных чинов, причисленных к комиссии, составляли как присланные из Петербурга, так и москвичи.

Повседневную деятельность комиссии обеспечивали канцелярские и иные чины. Правителем канцелярии комиссии, ведавшим всеми письменными делами, являлся коллежский советник Андрей Попов, глава канцелярии правления Государственного Ассигнационного банка. В подчинении у него находилось 16 секретарей, регистраторов и канцеляристов – И. Минин, О. Чернавский, П. Никитин и другие (служили в губернском правлении, были присланы от Опекунского совета)⁷. Казначеем комиссии являлся майор И. Митрофанов, за экзекутора был коллежский асессор Ю. Николев. При посылках и хранении вещей находились присланные из ведомства

⁶ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1414. Л. 51, 412–412 об.

⁷ Там же. Д. 1413. Л. 242 об.–243.

Московской управы благочиния титулярный советник И. Есипов и поручик И. Могилевич. Еще три ординарца из той же управы благочиния находились при комиссии для посылок. За содержание, охрану и отопление комнат, в которых работала комиссия, отвечал сержант Г. Торопов из Экспедиции строения Кремлевского дворца.

При организации церемониальной стороны от Церемониальных дел прибыли подчиненные Валуева – надворный советник А. Охлопков, титулярный советник Г. Жердеевский и коллежский регистратор Н. Морозов. Наконец, при комиссии состоял штаб-лекарь К. Андреевский, лечивший рабочих людей, и выполнял работы портной И. Жуков⁸. Для оценки «доброты», мер и цены покупаемых товаров от московского купечества были присланы 6 купцов, которыми руководил по его «совершенному знанию в материалах» поручик Силин⁹.

Значительное число чинов военных и статских, прикомандированных к комиссии, работами на различных объектах. Большая команда ведала помещениями в кремлевских соборах и Грановитой палате. За их убранством «надзирали» действительный статский советник М. Волынский, его помощник инженер-архитектор Н.И. Баранов, который также отвечал за иллюминацию в Кремле и городе, смотрители Грановитой палаты коллежский советник С. Ларионов и надворный советник А. Грибоедов, соборы готовили к коронации и ведали в них чисткой серебряных вещей гвардии капитан М. Еропкин и титулярный советник С. Ушаков, за «убранство» тронов, балдахинов и золотошвейные работы отвечали коллежские асессоры М. Зряхов, С. Комаров, архивариус В. Федоров, за содержание и чистоту Грановитой палаты – коллежский регистратор бывший за гардемебеля Д. Мухин и при нем служитель Камер-цалмейстерской мастер портного и обойного дела С. Аристов, за золотарную работу – титулярный советник П. Дубенской.

9 лиц, военные и статские чины (П. Сумароков, князь Ф. Одоевский и другие, архитектор С. Берников и А. Старов-младший), занимались украшением и строительством 7 праздничных триумфальных ворот. Иллюминацией Кремля, Слободского дворца и Головинского сада, где устраивался праздник, занимались в основном военные чины (инженер-подполковник Баранов, специалист по пиротехнике поручик Дм. Друковцов-третий и др.) и архитектор-поручик Ф. Соколов¹⁰.

⁸ Там же. Д. 1429. Л. 2–5.

⁹ Там же. Д. 1413. Л. 43.

¹⁰ Там же. Л. 111; Д. 1414. Л. 126–127 об., 177 об.

Оформлением улиц и строительством на них трибун ведал подполковник А. Герард, который также был переводчиком при «изъяснении с иностранными художниками». Три чина ведали исправлением Петровского театра и театральными делами (бригадир князь М. Волконский, коллежский асессор П. Невельский и титулярный советник А. Свешников). Платье герольдам «строил» коллежский советник Н. Воейков, «росписывал номера во всех местах» капитан П. Ефремов¹¹.

Особое внимание комиссия уделяла художественному оформлению коронации. Кроме названных лиц, за всеми строениями и убранством коронации надзирал блистательный архитектор И.Е. Старов, рисунки для ворот и иллюминации делал театральный художник П. Гонзаго, художественные работы выполняли архитекторы и мастера живописной работы В. Бренна, Луи Тишбеин, Руджио, Франц Кампорези. С Гонзаго и Тишбейном были откомандированы из Петербурга для создания декораций еще 33 театральные служителя различных специальностей (А. Модеа, П. Титов, И. Клементьев, М. Яковлев и др.), включая двух театральные портных, шивших балдахины и церемониальное платье (Ф. Отто и Е. Клот), 20 плотников-специалистов по театральным декорациям и трех солдат. Разумеется, к работам привлекались и москвичи – архитектурные помощники и ученик (И. Иванов, В. Михайлов и др.)¹². Таким образом, костяк чинов комиссии состоял из нескольких десятков человек. Далекое не все они попали в наградные списки, как и сторожа, почтальоны и другой персонал¹³.

Кроме причисленных к комиссии лиц, в подготовке коронации активно участвовали многие наемные мастера и работники разного социального положения. Так, по контрактам работали живописец А. Ослопов (писал под мрамор колонны к воротам), В. Абакумов (занимался малярной и золотарной работой в Грановитой палате), мастер Замарев (выполнял скульптурную работу на Триумфальные ворота)¹⁴ и др.

В ряде случаев комиссия поручала выполнять работы лицам, к ней не причисленным. Например, «народный стол» (представлял собой стол с кушаньем длиной более 9 км) готовил московский обер-полицмейстер П. Каверин, праздник в Головинском саду – служивший

¹¹ Там же. Л. 342; 64–64 об., 243; 51 об., 181, 242.

¹² Там же. Л. 64–64 об., 407 об.

¹³ Там же. Л. 326 об.–327, 343.

¹⁴ Там же. Д. 1413. Л. 414, 422, 154–154 об.

в ведомстве двора начальник московских садов князь И.П. Тюфякин.

Служба и труды участников комиссии были высоко оценены императором. 5 апреля князь Н.Б. Юсупов получил орден Андрея Первозванного, И.П. Архаров – 2000 душ крепостных, Н.М. Карадыкин – орден Анны 1 класса и 600 душ, обер-церемониймейстер П.С. Валуев – 800 душ. Государственный казначей А.И. Васильев – орден Св. Александра Невского, баронское достоинство и 1500 душ [2, с. 566-569].

За участие в церемониях и деятельности комиссии 88 человек военных и статских чинов получили ценные подарки (перстни, часы, табакерки), чины и денежные суммы (канцелярские чины от 3000 до 100 руб.). Лица, дополнительно награжденные самой канцелярией (от архитектора до посыльных), получили от 500 до 10 руб.¹⁵.

В заключение следует отметить, что глава и члены комиссии оказались блестящими организаторами и знатоками церемониального дела. В результате, некоторые из них в дальнейшем назначались в церемониальные комиссии по погребению польского короля Станислава I Августа (Карадыкин), погребению Павла I (князь Юсупов и Карадыкин), коронационную комиссию Александра I 1801 г. (князь Юсупов, Карадыкин и Валуев).

1. *Бабич М.В.* Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. М., 2003.
2. *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. СПб., 1901.

УДК 94(47)

Л.Н. Вдовина¹⁶

Об истории некоторых понятий русской политической культуры XVIII в.

Исторические понятия; Отечество; нация; сын Отечества; подданный.

В формировании русской политической культуры в XVIII в. важную роль играли такие исторические понятия, как «Отечество», «нация», «сын Отечества», «подданный», «патриот». Обращаясь к текстам различных источников, автор представляет содержание и эволюцию этих понятий. Проведенный анализ показал, что процесс создания имперской общности опирался как на идеологические мифологемы, так и на эмоциональное их восприятие.

¹⁵ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1413. Л. 554, 555, 558 об.; Д. 1420. Л. 16–5.

¹⁶ Вдовина Людмила Николаевна (РФ, Москва), к.и.н., alvdo@yandex.ru.

Изучение историко-культурного процесса в XVIII в. неотделимо от истории формирования и развития важнейших исторических понятий. Анализ различных исторических источников позволяет проследить словесную идентификацию и содержание таких исторически значимых понятий как «Отечество», «нация», «сын Отечества», «подданный», «патриот». Именно эти слова выражали отношение власти и населения, определяли уровень сословной организации общества, характеризовали становление политической культуры и общественного сознания в XVIII столетии.

Понятийный аспект в исследовании политической культуры позволяет представить идеалы и действительность века Просвещения. Как известно, слова имеют свою историю и судьбу («Habent sua fata verba»). История понятий, историческая семантика – направление в зарубежной исторической науке, сложившееся в 1950-е гг., получило развитие в трудах немецкой (Райнхарт Козеллек, Виллибальд Штайнменц) и «кембриджской» школ (Джон Покок, Квентин Скиннер) [24, т. I, с. 5–46; 31, с. 7–23]. В последнее время появился ряд работ отечественных исследователей, в которых реконструируется зарождение и эволюция важнейших понятий, формировавших политический язык России XVIII в. Отмечается, что язык является важнейшим индикатором социокультурных изменений и фактором, оказывающим влияние на сознание людей той или иной эпохи [24, т. I, с. 49–65; 66–93]. История понятий позволяет задавать новые вопросы и искать на них ответы.

В изучаемый период наряду с наименованиями «Российское государство» и «Всероссийская империя» полноправное место занимает топоним «Россия», с которым сочетается понятие «Отечество», «Отечество Россия», «российское Отечество». Аллегорическое представление России в женском образе встречается в панегириках, фейерверках, триумфах, театральных постановках. Коронационные торжества славят «Торжествующую Россию». Легитимация власти в лице женского образа в стране, которой правили десятилетиями женщины, развивала риторику согласия и всеобщей любви в Отечестве [см.: 32, с. 207–232; 22, с. 220–243].

В Средневековье понятие «отечество» имело несколько значений – отцовство; родовое владение (отчина, вотчина); происхождение, рождение; родовитость (служилые люди по отчеству); родовой клан, семья [28, с. 238–239]. Употребляется это слово и в отношении родной земли и государства. Призыв постоять «за православную веру, святую Церковь, за Отечество свое и достояние» набатно звучит в Смутное

время, когда под угрозой оказалась государственная целостность и независимость России [18, с. 307].

В Петровское время с утверждением абсолютизма государственное начало безраздельно господствует как в имперской идеологии, так и в общественном сознании. На смену средневековой парадигме: царь служит Богу, а народ – государю, приходит новая идея: и царь, и его подданные служат «общему благу» государства Российского. Идея служения государству распространяется на самого абсолютного монарха, с акцентом сильной персонификации власти. Петр I перед Полтавской битвой призывал сражаться «за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и Церковь». О себе он сказал: «А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего» [19, № 3253, с. 226–226]. Петр постоянно подчеркивал, что государственное для него превыше личного, частного. Так, в деле царевича Алексея Петр демонстрировал позицию прежде всего государя, а не отца. «Я за мое Отечество и людей моих, и живота своего не жалею, то како могу тебя, непотребного, пожалеть»¹, – в этих словах Петра фактически произнесен смертный приговор родному сыну.

Официальная политическая доктрина исходила из того, что Отечество – это государство, воплощенное в личности и воле монарха, который, как говорилось в Артикуле воинском, «никому на свете о своих делах ответу дать не должен» [26, с. 331]. 22 октября 1721 г. девять сенаторов при поддержке Синода преподнесли царю титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого» [26, с. 179]. С этого времени Российское государство официально становится империей. Новый титул означал смену концепции власти.

Чем объясняется притягательность титула римских императоров и увлеченность героическими примерами из античной истории в России XVIII в.? Государственная идеология черпала из античности образцы служения государству и императорам. Конечно, античное наследие воспринималось и трактовалось в западноевропейской «культурной амальгаме» Нового времени [11, с. 100–109]. Ориентация на образы греко-римской мифологии и Римской империи нашла воплощение в фейерверках и триумфах Петровского времени. Триумфальные арки, герои, эмблемы, символы, стихи – все было навеяно античностью, но в русском ее понимании. Петр представ-

¹ Объявление о розыском деле... на царевича Алексея Петровича... сего июня в 25 день. СПб., 1718.

лялся одновременно христианским и языческим божеством. Россия представляла преемницей императорского Рима и христианской Византии.

Античная мифология переосмысливалась и использовалась в имперской идеологии в эпоху Екатерины II [см.: 2; 7; 29; 25]. Руководствуясь примером петровских сенаторов, депутаты Уложенной комиссии в 1767 г. преподнесли Екатерине титул «Премудрой и Великой и Матери Отечества», выражая признательность «торжествующей России»². Польщенная императрица предложение отклонила. Римские ассоциации императорской власти и мифологические образы привносят в русскую культуру элементы европеизации. Античное наследие прорастает порою в самых причудливых формах, выступая как «знак конфессиональной, социальной и эстетической позиции» [6, с. 498–500, 524–525].

В российском варианте государственной доктрины развитие получает идея сакрализации императора, который выступал как земной Бог, связанный харизматическими узами с небесным Богом и Спасителем. С Петра императору подчиняется Церковь и духовная сфера. После церковной реформы православная Церковь не только приняла официальную идеологию, построенную на мифологии государства и гражданском культе императора, но и всячески содействовала ее укреплению в общественном сознании [5, с. 531, 547, 576–578]. Идея служения «общему благу», отказ от личных интересов во имя государственных, служба императору, отцу Отечества и посланнику Бога – таков идеологический фундамент, заложенный в Петровское время.

Понятие «нация», как полагают заимствованное из Польши, было известно в России в первой четверти XVIII в. В значении «народ» оно использовалось в основном при дипломатических контактах (переписка, донесения русских дипломатов, тексты договоров). Отчасти такое употребление объясняет упоминание этого понятия в «Рассуждении о непременных государственных законах», введению к проекту документа, составленного долгие годы стоявшем во главе российской дипломатии Н.И. Паниным и его секретарем Д.И. Фонвизиным. «Рассуждение...» называют частью недошедшего конституционного проекта Панина-Фонвизина, ошибочно приписывая его авторство одному Фонвизину.

Слово «нация» встречается в небольшом по объему тексте 14

² ПСЗ. Т. XVIII. № 12 978. С. 352.

раз. Под нацией в «Рассуждении...» понимается дворянская корпорация с правами и обязанностями по отношению к государю [1, с. 36–48; 24, т. II, с. 12–14]. Нация должна иметь «политическую вольность». Но это возможно только, если государственное правление будет устроено так, «чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти; чтоб никто не мог быть игралищем насильств и прихотей, чтоб по одному произволу власти никто из последней степени не мог быть взброшен на первую, ни с первой свергнут на последнюю; чтоб в лишении имения, чести и жизни одного был отчет всем и чтоб, следственно, всякой беспрепятственно пользоваться мог своим имением и преимуществами своего состояния» [16, с. 272]. Вольность и собственность при гарантии безопасности на основе фундаментальных законов – таково предлагаемое правовое положение дворянства. Поскольку нация обеспечивает легитимность власти монарха, передав часть своих прав государю, она вправе «разорвать свои оковы» при несоблюдении правителем законов. Нация может существовать без государя, а он без нее – нет. Сама постановка вопроса: государство выше государя, и если он не соблюдает законы, то можно им и пожертвовать, свидетельствует об оппозиционности авторов.

По дошедшей вводной части трудно судить о степени и способах ограничения власти монарха. Брошенные замечания о государстве, где люди составляют собственность, мужик «одним человеческим видом от скота отличающийся», приводят авторов к заключению, что «где произвол одного есть закон верховный, тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан» [16, с. 273-274, 263]. Сторонник легитимной монархии, Панин последовательно обличал деспотизм и фаворитизм. Он полагал, что только закон может прекратить злоупотребление «самовластьем» и гарантировать вольность и собственность граждан, т.е. дворянства.

С понятием Отечество неразрывно связано понятие – сын Отечества. С Отечеством для человека XVIII в. прежде всего ассоциировалось место его рождения и воспитания, милая сердцу Родина. «Мила нам добра весть о нашей стороне, Отечества и дым нам сладок и приятен!» – писал о родных казанских местах Г.Р. Державин [4, с. 86]. Но границы Отечества постепенно раздвигаются от милого уголка, от родной усадьбы до пределов государства Российского, становятся нерасторжимыми с его историческим прошлым. Отечество начинает отождествляться с определенной территорией и исторически сложившейся на ней общностью населения. Постепенно вырабаты-

вается представление «мы – россияне». Судя по замечанию актера и драматурга П.А. Плавильщикова, который писал, что «нравы, обычаи, родство, вера, образ правления все совокупно влечет человека к своему Отечеству» [21, с. 14], в понятие Отечество включали, оперируя современными терминами, социальную, политическую и культурную составляющие.

Определенным официальным итогом толкования понятия «Отечество» стал Словарь Академии Российской (1789–1794), который создавался под руководством Е.Р. Дашковой при участии членов Академии. Отечество определялось как страна, государство, место рождения, с которыми неразрывно связаны такие чувства и действия как любовь к Отечеству и его защита. Синонимом Отечества воспринималось слово Отчизна. Близким по значению выступало понятие «Родина», которое употреблялось в значении места рождения, проживания семьи, дворянской усадьбы [27, с. 665-666].

С Отечеством связывали все то, что следовало защищать от внешнего врага гражданину, истинному сыну Отечества. Журнал «Беседующий гражданин» предлагал три критерия для гражданина: место рождения, воспитание и служение Отечеству. Гражданина отличают высокие нравственные качества. В журнале «Почта духов» И.А. Крылов выдвигал такие критерии, как доброта, честность, порядочность, служение долгу. Эти характеристики отодвигали сословные границы. По Крылову, «самый низкий хлебопашец» исполняющий честно свои обязанности, более заслуживает звания честного человека, чем гордый вельможа или бесчестный судья [12, с. 160-163]. В гражданстве не может быть «подлых» званий: «Человек низок состоянием, а подл душою», «в низком состоянии можно иметь благороднейшую душу. Равно как и весьма большой барин может быть весьма подлый человек» [30, с. 225-226], – считал Д.И. Фонвизин.

Развивая мысль о том, кого считать истинными сынами Отечества, А.Н. Радищев пришел к известному радикальному утверждению: «Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества». Этому имени не достойны крепостные крестьяне, поставленные в положение «ниже скотов». Истинными сынами Отечества не могли считаться и угнетатели крестьян, дворяне, погрязшие в роскоши, разврате и насилии над ближними. Только свободный человек, обладающий высокими нравственными качествами, находящийся в государстве под защитой закона и исполняющий

сам законы, есть истинный сын Отечества³.

С несколько иных позиций, чем у Радищева, дается ответ на вопрос, кто есть истинный сын Отечества в книге «О должностях человека и гражданина» (первое издание – СПб., 1783), учебнике для главных и малых народных училищ. В книге настойчиво внушалось юношеству, что «истинный сын Отечества должен быть привязан к государству, образу правления, к начальству и законам». В соответствии с этим, подданным следовало «не делать ничего предосудительного в рассуждении правительства», повиноваться законам и «уповать на прозорливость и праводушие правителей»⁴. Безусловное послушание и повиновение каждого подданного на своем месте, определенном ему социальным статусом, – таков диктуемый властью идеал человека и гражданина. «Истинными сынами Отечества» называются «знатные подданные», приближенные к особе монарха, которые отличились на службе государю. «Любовь к государю и непоколебимая к нему верность» заслоняют и подменяют Отечество. Государь, государство, Отечество выступают в официальной идеологии как нечто единое, тождественное, нерасчлененное. Такое представление устраивало, в первую очередь, верховную власть. Не случайно Екатерина II в своем ответе на вопрос Фонвизина, «в чем наш национальный характер» особо подчеркнула – «в послушании» [17, с. 212]. Это было тем желаемым, которое так хотелось выдать за действительное.

Понятиями «подданство», «подданный», заимствованными в XVII в. из польского языка, определялся правовой статус человека по отношению к монарху. Подданство, независимо от сословной принадлежности, означало полное подчинение государю, который находился на вершине государственного Олимпа. В прошениях на высочайшее имя до начала XVIII в. просители подписывались «холоп твой» («сирота твой», «богомалец твой»). 1 марта 1702 г. именным указом было предписано в конце челобитной всем просителям писать: «Вашего Величества низжайший раб»⁵. Это правило сохранялось вплоть до правления Екатерины II. Так, гордый и неуживчивый Александр Сумароков в письме, датированном 19 апреля 1772 г., подписывался: «Вашего императорского величества всенижайший и

³ Беседа о том, что есть сын Отечества // Беседующий гражданин. 1789. Ч. III. С. 308–324.

⁴ О должностях человека и гражданина // Жажда познания. М., 1986. С. 610–612, 615–616.

⁵ ПСЗ. Т. IV. № 1899. С. 189.

всеподданнейший раб» [20, с. 150-151]. Таких примеров множество.

Исследователи обращали внимание на то, что понятие «раб» не носило уничижительного значения; оно скорее приближалось к формуле «покорнейший слуга» [13, с. 258–262; 23, с. 238–240, 246, 253–254]. Высказывалось мнение, что выбор слова «раб» в качестве наименования всех подданных был сделан Петром под влиянием теоретиков естественного права Гроция, Гоббса, Пуффендорфа [8, с. 25].

Представляется, что не учитывается еще один важный момент. Русскому православному человеку понятие «раб Божий» было хорошо знакомо. Обращаясь в каждодневных молитвах к Богу, верующий называет себя его рабом, с многочисленными эпитетами – непотребный, окаянный, недостойный, унылый, грешный, убогий. В ситуации, когда Петр фактически оказался во главе Церкви, сам Бог велел называть православным людям себя его рабами. В 1702 г. Петр уже вступил на путь подчинения церковной власти, отказавшись двумя годами ранее от выбора патриарха. Наступление на Церковь он завершит церковной реформой, идеолог которой Феофан Прокопович обосновывал подчинение монарху духовной сферы.

По мере усложнения представлений о подданстве, связанных с вхождением населения присоединяемых к России земель, меняется подпись просителей. Указом от 19 февраля 1786 г. в документах адресованных императрице формула «раб» была заменена на «верный подданный (верноподданный), всеподданнейший»⁶, что означало новое делопроизводственное оформление отношений власти и подданных. Справедливости ради, следует заметить, что эта практика началась несколько раньше. Писатель Ипполит Богданович в 1780 г. подписался в письме государыне «верноподданный». Е.Р. Дашкова прошение 1784 г. завершила фразой: «честь имею быть с истинным уважением и нерушимою привязанностью вашего величества всепокорная и всепреданная княгиня Дашкова» [20, с. 251; 3, с. 302]. Но свое прошение к Павлу I с просьбой разрешить ей жить в Калужской губернии она подписала: «вашего императорского величества, всемиловитивейшего государя, всенижайшая и послушная верноподданная княгиня Дашкова» [3, с. 356].

Замена слова «раб» на «верноподданный» в официальных документах после Жалованных грамот 1785 г. была демонстрацией отношения власти к «благородному» дворянскому сословию и к «среднего рода людям».

⁶ ПСЗ. Т. XXII. № 16 329. С. 534.

Для оценки политической культуры важно понятие «патриотизм». Это слово вошло в русский язык в 1717 г., когда было употреблено П.П. Шафировым в сочинении «Рассуждение о причинах Свейской войны». Вызывает интерес один из каналов распространения этого понятия. В России в первой четверти XVIII в. писали преимущественно на голландской бумаге. Одной из распространенных филиграней был знак «Pro patria» («За родину»), изображающий сидящую на ограде женскую фигуру со скипетром в руках, посылающую в бой льва с мечом. Этот знак в искаженном виде встречается и на бумаге русского производства. Конечно, приведенный пример является своеобразным свидетельством распространения содержания понятия «патриотизм». Но для пишущего и читающего человека (а таких людей в XVIII в. становилось все больше) этот факт не мог остаться незамеченным.

Разумеется, сравнительно позднее появление слова «патриотизм» в русском языке не означает, что не существовало самого чувства любви к родной земле, к Отечеству. Отсутствие современного вербального обозначения явления еще не значит отсутствия явления как такового. Исторически патриотизм значительно старше, чем народность, нация, национализм. Патриотизм является помимо всего прочего, конкретно-историческим, эмоционально окрашенным понятием, неотделимым от понятия «Отечество». Слова «патриот» и «истинный сын Отечества» выступали как синонимы. Журнал «Беседующий гражданин» называл патриотом того, кто «прилежал к делам общественным», был способен отдавать себя служению Отечеству и жертвовать всем для его блага⁷. Наиболее точно патриотизм, как чувство деятельное, а не созерцательное, определил Н.М. Карамзин в статье «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802). «Патриотизм, – писал он, – есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях» [9, с. 328]. Итак, любовь к Отечеству должна быть деятельной. Суть ее в понимании главных задач, стоящих перед обществом и государством, и неустанной борьбе за их решение. Понимание патриотизма в русском национальном самосознании было связано с жертвенностью, с необходимостью, если надо, отказаться от самого дорогого, вплоть до семьи и собственной жизни.

Исторический анализ содержания важнейших понятий политической культуры XVIII в. показывает сложный спектр сочетания

⁷ Беседующий гражданин. 1789. Ч. II. С. 328.

государственного, общественного и частного, личного. Создание имперской общности опиралось как на идеологические мифологемы и правительственную риторику, так и на эмоциональное выражение чувств, отразившихся в произведениях общественной мысли и литературы.

1. *Вдовина Л.Н.* Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // *Монархия и народовластие в культуре Просвещения.* М., 1995.
2. *Вдовина Л.Н.* Риторика праздника: Москва в дни маскарада «Торжествующая Минерва» // *Россия в средние века и Новое время.* М., 1999.
3. *Дашкова Е.Р.* О смысле слова «воспитание». СПб., 2001.
4. *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 1851. Т. 2.
5. *Живов В.М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // *Из истории русской культуры.* Т. III. (XVII – начало XVIII века). М., 1996.
6. *Живов В.М., Успенский Б.А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // *Из истории русской культуры.* Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 1996.
7. *Зелов Д.Д.* Официальные праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы). М., 2002.
8. *Каменский А.Б.* Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы. М., 2007.
9. *Карамзин Н.М.* О любви к Отечеству и народной гордости // *Карамзин Н.М.* Записки старого московского жителя. М., 1986.
10. *Киселев М.А.* Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. I.
11. *Кнабе Г.С.* Русская античность. М., 1991.
12. *Крылов И.А.* Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. I.
13. *Марасинова Е.Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008.
14. *Марасинова Е.Н.* Закон в России второй половины XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. I.
15. *Миллер А.И.* История понятия нация в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. II.
16. Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина *Рассуждение о непременных государственных законах* // *Шумигорский Е.С.* Император Павел I: жизнь и царствование. Прил. М., 2014.
17. Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание // *Русская литературная критика XVIII века.* М., 1978.
18. Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском // *Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв.* М., 2004.

19. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1.
20. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
21. *Плавильщиков П.А.* Нечто о врожденном свойстве душ Российских // Зритель. 1792. Ч. I.
22. *Погосян Е.А.* Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.
23. *Полонский Д.С.* Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII – начало XVIII в.) // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013.
24. «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I–II. М., 2012.
25. *Проскурина В.Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
26. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. М., 1986. Т. 4.
27. Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1789–1794. Т. I.
28. Словарь русского языка XI–XVI вв. М., 1987. Вып. 13.
29. *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2004. Т. 1.
30. *Фонвизин Д.И.* Опыт российского словника // *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1.
31. *Хархордин О.В.* История понятий как метод теории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012.
32. *Ширле И.* Понятие «Россия» в политической культуре XVIII века // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012.

УДК 94(47): 066

Г.В. Ибнеева¹

**Екатерина II и купеческая община г. Ярославля: опыт
политического разрешения проблем городского
самоуправления в 60-е гг. XVIII в.**

Купечество; магистрат; городское самоуправление; челобитная.

В статье анализируются действия Екатерины II по разрешению конфликта в городской общине г. Ярославля в 1767 г., который был вызван недовольством купцов второй и третьей гильдии неравномерными и беспорядочными сборами, налагаемыми магистратом.

Путешествуя по Волге в 1767 г., Екатерина II большое внимание обращала на развитие городов и городских сословий. Особенно ее интересовало купечество, поскольку на него возлагались особые надежды в плане формирования «среднего рода людей», долженствующих участвовать деле модернизации империи [2]. Важным элемен-

¹ Ибнеева Гузель Вазыховна, Казанский федеральный университет (РФ, Казань), д.и.н., Guzel.Ibneyeva@yandex.ru.

том жизнедеятельности городских состояний являлись органы самоуправления, на которые падал внимательный взгляд императрицы.

В неупорядоченном сословном ландшафте Российской империи в это время рельефно выделяется конфликт в среде ярославского купечества, который императрица имела возможность наблюдать во время пребывания в Ярославле². В магистрате этого города с 1764 г. шла острая борьба двух партий, представлявших с одной стороны купцов первой гильдии, а с другой – второй и третьей гильдии.

В мае 1767 г. в дни пребывания Екатерины в городе через полицеймейстера Ярославля Н.И. Чичерина ей была подана челобитная, написанная от лица «разностатейного» купечества, в которой заключалась просьба о восстановлении мира и тишины между ними. Составлена она была еще 2 мая 1767 г. Из текста данного документа видно, что до нее ранее была подана жалоба «средостатейного» купечества (т.е. второй гильдии) на «первостатейных» купцов (т.е. первой гильдии). Источником конфликта явилось недовольство купцов второй и третьей гильдии неравномерными и беспорядочными сборами, налагаемыми магистратом, где сильное влияние на принятие решений имели купцы первой гильдии³. В силу этой жалобы была учреждена комиссия, долженствовавшей произвести следствие по поводу не прекращающейся ссоры между купцами. По прибытии императрицы в Ярославль купцы первой гильдии, скорее всего, опасаясь возможных разбирательств, пришли к определенному согласию с остальными купцами города, о чем письменно было зафиксировано в коллективной челобитной⁴. Возможно, их убедили подать ее императрице в знак того, что купечество готово устранить конфликтную ситуацию.

Данный документ свидетельствует о том, что в купеческой общине города существовал серьезный финансовый раздрой. Видимо, первостатейное купечество, виновное в несправедливом распределении сборов, убедили взять на себя определенные обязательства перед городской общиной. Во-первых, оно обязывалось заплатить подушный сбор за все ярославское купечество в размере 10 000 руб. Во-вторых, оно обещало купцам второй гильдии, с которыми они уже долгое время имели тяжбу, за проезды и убытки по следственному делу заплатить 1500 руб. В-третьих, оно собиралось выплатить затра-

² Путешествие по Волге длилось с 2 мая по 16 июня 1767 г. В Ярославле Екатерина пребывала с 9 по 13 мая 1767 г.

³ РГАДА. Ф. 16. Д. 1010. Л. 3.

⁴ Там же.

ты по следствию – 500 руб.⁵

Вместе с тем, определенные затраты несли купцы второй и третьей гильдии: с купцов третьей гильдии за неуплату подушных и других поборов с 1759 г. по 1764 г. собиралась недоимка в размере 2019 руб. 99 коп. В челобитной было отражено требование купцов второй и третьей гильдии, о не взыскании с них недоимок перво-статейного купечества, а также содержался призыв ко всем о прекращении ссор и вражды⁶. Все эти вопросы обсуждались в «старшинском» доме в присутствии генерал-полицмейстера Н.И. Чичерина⁷.

Таким образом, члены городской общины наметили некоторые пути восстановления гражданского мира в Ярославле. Очевидно, что купечество пришло к общему выводу о более справедливой организации ярославского магистрата: здесь ставился вопрос о его реорганизации. Купцы просили власть направить туда представителей всех трех гильдий ярославского купечества. Челобитчики обращались также с просьбой об определении формы выборов в магистрат ратманов⁸. По сути, купцы просили об утверждении императрицей этой челобитной и восстановлении тем самым мира в их среде.

Ситуация эта была неприятна венценосной особе. Государственным идеалом Екатерины II была идея создания гармоничного сословного общества, самоуправляющегося в своей основе. Она рассматривала город как самоуправляющуюся общину, имеющую определенные законом права и обязанности. Данная же ситуация продемонстрировала трудности создания сословного общества в России. Картина гармоничного сосуществования всех подданных, которую Екатерина желала видеть, не складывалась.

Нельзя сказать, что ситуация в Ярославле была нетипичной. Например, в эпоху Петра I противостояние «большеплатежных» и «малоплатежных» в Калужском посаде привело вначале к созданию двух земских изб (1714), а затем без ведома властей – двух магистратов (1725). Ситуацию в Калуге тогда «разруливали» вначале Ратуша, затем Главный магистрат вместе с воеводой [4, с. 233–234; 5]. Проблема споров, конфликтов в городских магистратах по самым различным вопросам жизнедеятельности городской общины, видимо, сопровождала существование городских магистратов практически всю первую половину XVIII столетия и отчасти его вторую половину

⁵ Там же. Л. 3 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 4.

[3, с. 729–730].

Обычно во время конфликтных ситуаций Главный магистрат откомандировывал в такие города магистратского члена из какого-либо соседнего посада для исследования их причин. Однако, эта мера могла лишь отложить решение дела и дестабилизировать ситуацию [3, с. 774]. Императрица же в Ярославле берет функцию умиротворения городской общины на себя. Пытаясь понять причины конфликта, Екатерина начинает собирать информацию о случившемся в городе: посещает ткацкие фабрики И. Затрапезнова, С. Яковлева; шелковые фабрики Колосова, Холщевникова⁹. Можно предположить, что в разговоре с ней купцы останавливались и на тех проблемах, которые возникали в связи со сложившейся обстановкой в магистрате города.

21 мая 1767 г., уже находясь в Нижнем Новгороде, императрица решила для установления спокойствия среди ярославского купечества послать в Ярославль лейб-гвардии Преображенского полка капитана Бахметьева. Ему была дана инструкция, в которой определялись цели предприятия и методы его осуществления. В своих действиях, направленных на установление справедливости и спокойствия в городе, капитан должен был придерживаться принципа последовательности и постепенности. Так, по приезде в город, узнав, сколько частей в нем имеется, и после этого, оповестив хозяев каждой части, он должен был собрать их в старшинском доме. Созывать их следовало не всех вместе, а по частям: каждая часть «обрабатывалась» индивидуально, для того, чтобы предотвратить появление новой волны недовольства. Вначале капитан должен был разузнать, согласны ли горожане с челобитной, которая была подана императрице, и без принуждения ли она была подписана [6, с. 219–220]. По мысли Екатерины, этим создавалась не просто внешняя видимость законности, но и закладывалась основа для конструктивных взаимоотношений членов городской общины. Понятно, что вопрос о добровольном подписании челобитной отражал идеальное видение императрицей этого сюжета. Горожане, возможно, были вынуждены решать этот вопрос и подписывать челобитную под нажимом администрации.

Убедившись в «общем согласии», Бахметьев должен был организовать выборы городского головы и членов магистрата. Продумана была и форма избрания в магистрат, о которой просили челобитчики. Каждая часть города должна была избрать депутатов, после чего предполагалось произвести выборы магистратских членов по баллам

⁹ Камер-фурьерский журнал. 1767. С. 125, 126, 128.

[6, с. 219–220]. В этом усматривается поворот в практике посадских выборов, который обозначился с конца 60-х гг. XVIII в. Начиная с 1766 г. главный магистрат, посылая в провинцию указы о производстве выборов, категорически предписывал выбирать магистратских членов «баллотированием по превосходному противу прочих числу шариков». Таким образом переносился порядок, установленный для выборов депутатов в Уложенную комиссию [3, с. 729–730]. При избрании нового магистрата Екатерина распорядилась оповестить купцов и мещан, что их мировую челобитную она оценивает высоко и повелевает магистрату иметь «бдение» о ее исполнении. Тем самым императрица публично признавала правомерность поданной челобитной, что подчеркивало союз монарха и подданных, а также вносило определенный элемент успокоения.

Определялась и стратегия обращения Бахметьева с населением, в особенности с мещанством. При согласии мещан на какие-либо сборы на общие городские нужды, следовало наблюдать, чтобы эти средства без согласия граждан не были употреблены на иные расходы [6, с. 219–220]. Так создавалась основа для возрождения стабильности в городе. Особое внимание в инструкции обращалось на модели взаимодействия Бахметьева с недовольными членами городской общины. При выявлении лиц, не согласившихся подписать челобитную, поданную императрице в Ярославле, предписывалось выяснить причины отказа в словесной или письменной форме. В целях достижения согласия в городской общине капитану рекомендовалось внушать горожанам «справедливейшее и миролюбивейшее мнение», отделяя всегда общее от особенного [6, с. 220].

Сама императрица в сложившейся ситуации усмотрела слабость местной власти: ярославский воевода Кочетов не смог устоять на независимой позиции, а взял сторону «первостатейного купечества», т.е. сильной стороны. Поэтому генерал-прокурору А.А. Вяземскому повелевалось предложить Сенату Кочетова сместить. На посту воеводы, по ее мнению, нужен человек твердый, умный и расторопный [1, с. 198].

Тем временем Бахметьев развернул активную деятельность в Ярославле. Из его отчета от 10 июля 1767 г. видно, что возложенную на него миссию, он считал оконченной¹⁰. Вместе с тем, отчет Бахметьева все же свидетельствовал о том, что ситуация в городской

¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Д. 1010. Л. 1.

общине была далека от спокойной¹¹.

Конфликт в Ярославле определенно имел воздействие на решение в 1768 г. вопроса с магистратом г. Орла, где не прекращались раздоры между купечеством. Позиция императрицы ожесточилась: власть намеренно осудила многих членов городской общины. Особенно серьезно наказывались лица, наделенные должностными полномочиями. Президент Орловского магистрата С. Кузнецов ссылался в крепость св. Дмитрия [Ростов]. На президента магистрата, воеводу, служащих магистрата налагались крупные штрафы. Ряд лиц, в том числе и купеческого звания, наказывались плетью, заключались в остроги и высылались из города¹².

В ходе разрешения конфликта в городской общине Ярославля императрица имела возможность оценить, насколько пластичен социальный организм империи, в какой степени он поддается государственному регулированию. Ознакомление Екатерины с империей способствовало формированию ее отношения к проблеме городского самоуправления. Она смогла убедиться в эффективности деятельности городских магистратов, их способности «самоуправляться». Императрица имела возможность еще раз увериться в том, что государству нельзя терять контроль над сословиями российской империи, в том числе и городскими состояниями. Это привело ее к определенным выводам относительно особой роли местной администрации в улаживании конфликтов в городской общине.

1. Екатерина II – А.А.Вяземскому, 3 июня 1767 г. // Журнал министерства юстиции. 1915. № 10.
2. *Ибнеева Г.В.* Взаимодействие Екатерины II и городских сословий в ходе императорских путешествий // *A Century Mad and Wise: Russia in the Age of the Enlightenment* / Ed. E. Waegemans, H. van Koningsbrugge, M. Levitt, M. Ljustrov. Groningen, 2015.
3. *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.
4. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. М., 1999.
5. *Муравьев В.А.* Из материалов по истории классовой борьбы в русском городе начале XVIII века // АЕ за 1959 г. М., 1960.
6. Собственноручные проекты указа Екатерины II капитану Бахметьеву и инструкции об умиротворении купцов г. Ярославля // Сборник РИО. 1872. Т. 10.

¹¹ Там же. Л. 1–2 об.

¹² О прекращении несогласий и раздоров Орловского купечества, и о наказании в том виновных, 1768 г. // ПСЗ. Т. 18. № 13 101. С. 527–529.

Подготовка путешествия Екатерины II в Остзейский край

Путешествия Екатерины II; дорожная повинность; Остзейский край.

В статье выведены этапы подготовки путешествия Екатерины II в Прибалтику в 1764 г., проанализирована организация дорожной повинности в западных русских и прибалтийских губерниях.

В последнее время в отечественной историографии оживился интерес к путешествиям Екатерины II [1; 2]. На этом материале исследователи выявляют аспекты взаимодействия центральной власти и власти на местах, изучают символическое пространство ритуала путешествия коронованной особы [3, с. 221]. Настоящая статья посвящена подготовке одного из путешествий императрицы – «шествия» Екатерины II в Остзейский край в 1764 г.

Подготовка путешествия начинается почти за год до него. На первом этапе были определены маршрут, состояние дорог и путевых дворцов по пути следования. С этой целью Екатерина II обратилась к обер-прокурору Сената Глебову с просьбой послать «кого-нибудь разумного» осмотреть дороги из Балтийского порта² через Ригу, Смоленск, Псков, Нарву в Петербург³ (письмо от 17 августа 1763 г.). Глебов отправил в Прибалтику прапорщика геодезии Ивана Ислентьева, уполномочив его не только описать состояние дорог в западных губерниях страны, но и выяснить, как и когда дороги смогут быть исправлены. Также Ислентьев должен был разобраться, какие обывательские дома пригодны для остановки там императрицы, а где необходимо строить путевые дворцы⁴. Доклад Ислентьева показал, что дороги Остзейского края находятся в удовлетворительном состоянии, чего нельзя было сказать про дороги Смоленской губернии и Псковской провинции Санкт-Петербургской губернии. В самом Пскове высокий мост через Пскову был в аварийном состоянии – «под ним как клетки, так и переводы подгнили, отчего он во многих местах обсел буграми»⁵. Что касается домов, то в Остзейском крае нашлось

¹ Калинин Михаил Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., mixail.k179@gmail.com.

² Современный город Палдиски (Эстония).

³ РГАДА. Ф. 248. Сенат. Кн. 5472. Л. 586.

⁴ Там же. Л. 593–595 об.

⁵ Там же. Л. 669.

достаточно крепких помещичьих домов, где Екатерина могла бы остановиться на обед или ночлег – только 3 усадьбы из 21 нуждались в ремонте, который хозяева обязывались закончить к приезду Е.И.В.⁶. В великорусских губерниях исправных домов для размещения императрицы и ее свиты не хватало – в Смоленской губернии требовалось построить 5 путевых дворцов, а в Псковской провинции – 7 путевых дворцов. Места на дороге от Великих Лук до Смоленска были плохо обжиты. Так, в ведомости Ислентьева, в Смоленской губернии, севернее села Пречистого, показана деревня Васильев кабак, где стоит только один мужицкий двор и больше ничего во всей округе нет⁷.

Проблема ремонта дорог и путевых дворцов решалась по-разному. Если последний вопрос решался силами государства и казны, то первый – исключительно силами губернских властей и местных обывателей. В Прибалтике содержание дорог регламентировал Лифляндский земский устав 1707 г. В соответствии с ним, все дороги Остзейского края были разделены между владельцами поместий (мыз), которые должны были поддерживать тракты в исправном состоянии. Контролировал состояние дорог ордунгс-рихтер – выборный дворянин, который штрафовал помещика за плохое состояние закрепленного за ним участка. В великорусских губерниях за состояние дорог отвечали местные власти, которым не всегда удавалось нарядить крестьян на ремонт дорог. Так, получив ведомость Ислентьева, Сенат в ноябре 1763 г. предписал Псковской и Великолуцкой провинциальным канцеляриям привести свои участки дороги Псков-Смоленск в порядок. В январе 1764 г. пришли отчеты. Из Великолуцкой провинции докладывали, что мосты по большой дороге «за малым исключением» приведены в исправность⁸, в то время как власти Псковской провинции ремонт дороги организовать не смогли – поскольку отставных офицеров мало, «обыватели чинятся ослушны и их некому принуждать»⁹.

Строительством и ремонтом путевых дворцов занималась казна. На ремонт трех путевых дворцов в Прибалтике было отпущено 414 рублей из Статс-конторы¹⁰. Строительство двенадцати путевых дворцов в Смоленской губернии и Псковской провинции требовало десятков тысяч рублей, что усугублялось плохим состоянием дорог,

⁶ Там же. Л. 627–631.

⁷ Там же. Л. 628 об.

⁸ Там же. Л. 720.

⁹ Там же. Л. 724.

¹⁰ Там же. Л. 762.

дороговизной стройматериалов и нехваткой времени.

Поэтому в марте 1764 г. Екатерина отказывается от своего первоначального плана посетить Псков и Смоленск. 18 марта 1764 г. Сенат получает донесение из Придворной канцелярии: Екатерина поедет из Петербурга в Нарву и Ревель, оттуда в Балтийский порт, после чего через Пернов в Ригу, из Риги в Дерпт и потом через Нарву в Петербург¹¹. Тогда же, в марте, было подготовлено расписание будущего путешествия. В нем были прописаны все дома и дворцы, где Екатерина должна была остановиться на обед или ночлег. За один день Екатерина должна была преодолеть 65-70 верст. Путь от Петербурга до Нарвы занимал два дня, от Нарвы до Ревеля Екатерина ехала по воде, дорога от Ревеля до Риги занимала еще два дня. Путь из Риги до Петербурга (через Дерпт) занимал шесть дней, к вечеру седьмого дня Екатерина должна была приехать в Санкт-Петербург.

Итак, первый и самый сложный этап подготовки путешествия завершен к марту 1764 г. – маршрут определен, дома и путевые дворцы найдены. Второй этап – заготовка всего нужного для путешествия венценосной особы. В конце марта 1764 г. Придворная канцелярия распоряжается набить погреба путевых дворцов льдом¹². Затем выходит распоряжение заготовить напитки для пребывания императрицы и ее свиты в Риге: 10 вар пива и 7 вар полпива¹³. Но, как показывает Г.В. Ибнеева, главную роль во втором этапе организации предстояло сыграть местным властям – генерал-губернатору Рижской губернии Ю.Ю. Броуну и лифляндским ландратам (Ф.В. фон Паткулю, И.С. Кампенгаузу). Они обеспечили лошадей, провизию, распорядились о количестве кавалеров и депутатов на станциях [1, с. 18].

Путешествие Екатерины II в Прибалтику – далеко не самая масштабная поездка императрицы. Тем не менее, ее подготовка заняла почти год. За три месяца до начала путешествия появилось его точное расписание, с указанием, где императрица будет обедать, где ужинать и почивать, сколько верст и в какой день она проедет. В ходе подготовки путешествия выяснилось, что развитие инфраструктуры в западных русских губерниях требует значительных финансовых и организационных ресурсов – традиционная натуральная дорожная повинность вкупе со слабым аппаратом управления на местах сделали невозможным быстрое приведение в надлежащее состояние дорог

¹¹ Там же. Л. 725.

¹² Там же. Л. 726 об.

¹³ Там же. Л. 814.

Псковщины и Смоленщины, что вынудило императрицу отказаться от идеи поехать в Смоленск и Псков. В свою очередь, в Прибалтике натуральная дорожная повинность действовала эффективнее, поскольку за состояние дорог отвечали помещики, а не местные власти.

1. *Ибнеева Г.В.* Путешествия Екатерины II. Опыт освоения имперского пространства. Казань, 2006.
2. *Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2005.
3. *Ибнеева Г.В.* Екатерина II и Остзейский край в 1764 году // Уроки Вульфсона. Сборник статей. Казань, 2003.

УДК 94(47)

В.И. Моряков¹

Самодержавие и крепостное право в России в оценке Дидро и Рейналя

Рейналь; Дидро; Екатерина II; самодержавие; крепостное право; Просвещение; природно-климатические условия; просветительство; верховная власть; абсолютизм.

В XVIII в. Россия стала могучей европейской державой и к ней было приковано внимание европейцев, особенно французов, на которых оказывали влияние идеи Просвещения, достигшего во Франции наивысшего расцвета. Французские просветители Рейналь и Дидро, писавшие о России, видели ее далекой от цивилизации. Главными препятствиями на пути прогресса страны они считали самодержавный строй и крепостное право.

В конце XV – начале XVI вв. образовалось Российское единое государство. С этого момента для Европы, пораженной появлением на ее восточных границах огромного государства, Россия стала объектом пристального внимания. Об этом красноречиво свидетельствуют записки иностранцев, побывавших или работавших в России. Россия была частью единой европейской цивилизации. Она мучительно преодолевала свое отставание после батыева нашествия и двухсот сорока лет ордынского ига, идя по пути европеизации страны. И это стало главным содержанием ее развития.

XVIII в. завершил этот путь. Эпоха Петра I дала мощный толчок европеизации России, а начиная с 40-х гг. этот процесс стал необратимым. С этого времени в России установилось французское влияние, длившееся полтора века.

¹ Моряков Владимир Иванович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., feodal.msu@gmail.com.

XVIII в. в Европе был веком осознанного и идейно-обоснованного просветителями европейского единства. И Россия уже с середины века становится предметом пристального внимания европейцев, особенно во Франции, где уже в XVI-XVII вв. сложилось понимание о России как европейской стране. Эпоха Просвещения достигла наивысшего расцвета во Франции. На французов, побывавших в России, оказывали идеи французских просветителей. И сами они пристально изучали Россию, видя в правлении Екатерины II возможность реализации просветительской идеи социального прогресса. Как заметила Е.Ю. Артемова, в 80-е годы во Франции была французская «русомания», начавшая теснить французскую «англomанию» [1, с. 8].

Французских просветителей в России интересовало буквально все, но центральным моментом в их трудах был вопрос о факторах, препятствовавших свободному развитию России. К таковым они относили «деспотическую форму правления» и крепостное право. Хотя французские просветители рассматривали Россию, как часть Европы, но все-таки на их взгляды влияли устойчивые стереотипы восприятия России. Россия представлялась им варварской страной, далекой от европейской цивилизации.

Такой подход был характерен для двух представителей французского Просвещения – Рейналя и Дидро.

Дидро, приехавший в Россию в октябре 1773 г. и бывший там до марта 1774 г., постоянно виделся с императрицей и беседовал с ней. Он составил целый ряд вопросов, которые вызывали у Екатерины II раздражение, скрываемое под маской иронии. Она считала предложения Дидро непрактичными и полагала, что их претворение в жизнь поставит все в стране с ног на голову.

В 1774 г. Дидро написал «Замечания» на екатерининский «Наказ», где прямо сказал, что Екатерина II является самодержавным деспотом, а не «просвещенной монархиней», а истинным сувереном может быть только народ, а не самодержавный государь, который должен быть первым рабом законов, одобренных народом. Дидро выступал и против крепостного права, которое следует уничтожить. Крестьянам следует предоставить личную свободу, собственность на движимое и недвижимое имущество и право собственности на землю.

«Замечания» Дидро вызвали у Екатерины II болезненную реакцию и были объявлены «сущим лепетом».

Пребывание Дидро в России помогло ему глубже понять ее социальное и политическое устройство. Впоследствии это отразилось

в разделах о России в третьем женеvском издании «Философской и политической истории заведений и торговли европейцев в обеих Индиях» Рейналя. Это издание, в котором кроме Дидро принимали участие Гольбах, Нежон, Пешмей стало манифестом французского просветительства кануна революции [8; Об «Истории обеих Индий» подробнее смотри: 7; 5]. В русских разделах «Истории обеих Индий» [1, III и X] читателю сообщаются сведения о территории России, ее населении, доходах и государственном устройстве, о возможностях и трудностях ее социально-политического преобразования.

Просветители подвергли резкой критике самодержавный строй и крепостное право, которые, на их взгляд, являются главными препятствиями на пути прогрессивного развития России, а его они видели в развитии земледелия, ремесел, торговли и мануфактур. Критикуя существующий в России строй, Рейналь и Дидро исходили из теории естественного права. Центром их внимания был человек с присущими ему от рождения правами. История человечества, считали просветители, начиналась как история свободных и равноправных людей, объединившихся в общество, которое должно было обеспечивать общее благо всех и каждого человека в отдельности.

Кроме политического деспотизма и крепостного права на пути прогресса России Рейналь и Дидро видели еще ряд обстоятельств. Прежде всего природно-климатические условия, территория России, плохие дороги, многонациональный состав страны. Отметив все препятствия на пути прогресса России, Рейналь и Дидро выдвинули план преобразования, в основе которого лежала вера просветителей во всеобщее просвещение и справедливые законы, способные привести к всеобщему благоденствию. Они предлагали начать с развития земледелия, торговли, ремесел, создать «третье сословие», просветить «русского медведя». «Научитесь, – писали Рейналь и Дидро, – возделывать землю, обрабатывать кожи, изготавливать шерстяные изделия и у вас быстро выдвинутся богатые семьи. В этих семьях народятся дети, которые наскучив тяжелым занятием своих отцов, примутся размышлять, спорить, сочинять стихи, подражать природе, и тогда вы будете иметь поэтов, философов, ораторов, скульпторов, живописцев. Их произведения сделаются необходимыми для людей, обладающих избытком, и те станут покупать их» [8, Vol. III, p. 114].

Но для этого в России нужно уничтожить все виды рабства, изменить форму правления, ликвидировать крепостное право. Рейналь и Дидро считали, Россия должна пожертвовать своим влиянием в европейских делах и переместить правительство вглубь страны.

Именно из этого центра власти мудрый монарх будет судить со знанием о нуждах и средствах, сможет трудиться связывая между собой слишком удаленные части этого большого государства; уменьшить Петербург, некстати ставший столицей, превратив его лишь в торговый порт [8, Vol. III, p. 119], Россию следует разделить на большое количество частей, которые легче будет цивилизовать, а законы будут распространяться из одной части в другую [8, Vol. X, p. 67]. Но Рейналь и Дидро мало верили в осуществление своих советов, потому что в империи «тираны никогда не согласятся добровольно упразднить рабство, ибо это их разорит и уничтожит» [8, Vol. X, p. 45].

Во второй половине XVIII в. Россия стала могучей европейской державой. Достигнуто это бы за счет укрепления самодержавного государства и феодально-крепостнических порядков. Нельзя не согласиться с Л.В. Миловым, что при всей жестокости самодержавного строя и крепостного права «реальным итогом развития России в XVI–XVIII вв. были весьма существенные достижения» [3, с. 301]. И это было связано с конкретно-историческими особенностями развития России.

Рейналь и Дидро одним из препятствий прогрессивного развития России называли сложные природно-климатические условия. И это действительно так. Неблагоприятные климатические условия своим следствием имели производство малого совокупного общественного продукта по сравнению с европейскими странами. Условия создания такого продукта были хуже, чем в странах Западной Европы. Это породило малоэффективную экстенсивную систему земледелия, которая была основой экономики России. Производимый малый совокупный общественный продукт оказывал сильное влияние на темпы развития страны, а они были низкими, а также на экономические, социальные, политические и ментальные отношения. Российский аграрный социум в существующих природно-климатических условиях был обречен на элементарное физическое выживание. Но перед страной и социумом стояла задача не только выживания, но и поступательного развития. Для этого было необходимо создание определенных компенсационных механизмов. Таковыми стали община, крепостное право, самодержавная монархия и территория страны, которая в конечном счете создавала «минимально приемлемые условия для развития экономики и роста народонаселения» [3, с. 301]. Для развития страны было необходимо сильное государство, обладающее широкими полномочиями во всех сферах жизни. Условия жизни страны, необходимость ее поступательного развития определили, как

отметил Л.В. Милов, «характер российской государственности и прежде всего породили могущество и жестокость власти российских самодержцев и сопутствующие ей суровый режим внутреннего подавления сословий» [4, с. 571]. Производимый малый совокупный продукт в природно-климатических условиях России ставил перед государством задачу изъятия его части. Поэтому создание жесткого внеэкономического принуждения в форме крепостного права было объективно и обеспечивало развитие социума в лице государства, создавая ему перспективу экономического и политического развития. Нельзя не согласиться с Л.В. Миловым в том, что «Россия ценой широкого применения внеэкономических методов хозяйствования стала великой европейской державой» [3, с. 301]. Следствием экономики России стало то, что общество не могло структурироваться и быть деятельным в решении многих вопросов общественной и политической жизни. А потому их решение должно было взять на себя государство. Отсюда, как справедливо отметил С.Л. Чернов, вытекала «та особая роль, которую в истории российского государства и общества выполняла верховная власть. Недаром своего наивысшего внутреннего и внешнего уровня развития Россия достигла именно в эпоху самодержавия и абсолютизма, в XVIII и первой половине XIX века» [6, с. 24].

Опорой этой власти были господство феодального способа производства, базировавшегося на жестоком крепостном праве, сословная структура общества, бюрократия, позволявшая самодержцу осуществлять свои суверенные права и законы самодержавного монарха, «основание державы составляющее». И хотя Екатерина II весьма болезненно реагировала на критику ее политики Рейналем и Дидро, но в определенной степени была права, когда писала в письме Л.Ф. Сегюру о том, что она сказала Дидро. Императрица сказала ему: «с огромным интересом выслушала все то, что вложил вам в уста ваш блестящий интеллект. Обладая столь высокими принципами можно писать превосходные книги, но при этом все дела, опирающиеся на эти принципы, будут из рук вон скверными. Они хороши для того, чтобы изложить их на бумаге, которая как известно стерпит все» [Цит. по: 2, с. 392]. Екатерина II смотрела на предложения Рейналя и Дидро как на мечты, реальность которых была для России того времени недостижима. Они имели лишь нравственную основу и способствовали развитию русской общественно-политической мысли, испытывавшей сильное влияние европейского Просвещения, а это наряду с усилением самодержавного деспотизма и крепостного права вело к

накоплению общественных противоречий, результатом чего стало развитие русского просветительства. Русские просветители с идейных позиций Просвещения резко критиковали самодержавно-крепостнический строй, готовя общественное сознание, в конечном итоге, к его неприятию в будущем.

1. *Артемова Е.Ю.* Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века). М., 2000.
2. *Доннерт Эрих.* Екатерина Великая. Личность и эпоха. СПб., 2003.
3. История России XVIII–XIX веков / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006.
4. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
5. *Моряков В.И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. М., 1994.
6. *Чернов С.Л.* CASUS Владимира Печерина. СПб., 2016.
7. *Bancarel Gilles* Raynal ou le devoir de verite. Paris, 2004.
8. *Raynal G.Th.* Hisoire phylosophique et politigue des etablissements et du commerce des europeens dans les deux Indes vol I-X. Geneve, 1780-1781.

УДК 94(47)

Н.Н. Петрухинцев¹

Офицерский корпус Ингерманландского полка

А.Д. Меншикова в начале 1720-х гг.²

К финалу петровских реформ, помимо двух собственно гвардейских (Преображенского и Семеновского), существовала еще одна группа элитных пехотных полевых армейских полков – «фельд-маршальские» полки (Киевский (а потом Астраханский) – П.Б. Шереметева и Ингерманландский – А.Д. Меншикова). Они фактически по своему статусу приближались к гвардейским, и с завершения первого этапа военной реформы Петра I (с 1711 гг.) в больших военных кампаниях Северной войны два последних обычно входили в состав гвардейского корпуса и действовали под руководством его командующего (до 1718 г. – В.В. Долгорукова).

Их истоки, вероятно, надо искать в сочетании новых начал, порожденных строительством регулярной армии в XVIII в., с традицией «генеральских» полков, идущей с военных реформ Алексея Михайловича и Федора Алексеевича второй половины XVII в. Уже в

¹ Петрухинцев Николай Николаевич, Липецкий филиал РАНХиГС (РФ, Липецк), д.и.н., nicpetrukhintsev@ya.ru.

² Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 17-01-00389/а.

период формирования российского генералитета в полках «нового строя» в 1650-е-1660-е гг., когда он был исключительно иноземным, сложилась практика командования генералами (выросшими из «старших» полковников, сохранивших за собой свои полки) отдельными полками (за что они получали к тому же дополнительное «полковничье» жалование). В ходе этой практики носители генеральских чинов постепенно превращались в «шефов» этих полков, оставляя реальное командование ими в бою, где сами они руководили более крупными войсковыми соединениями, подчиненным им подполковникам. Накануне и во время русско-турецкой войны 1673-1681 гг. наметившаяся тенденция привела к объединению нескольких полков³ под командованием персон в высших генеральских рангах и к появлению особых «генеральских» полков увеличенного состава. В них уже с конца 1660-х гг. в первую очередь превращались 1-й и 2-й «выборные» солдатские полки А.А. Шепелева и М.А. Кровкова, с самого своего формирования в 1657-1658 гг. отличавшиеся несколько увеличенным (две «тысячи») составом (по сравнению со сложившимся к этому времени штатным для обычных полевых), «тысячи» которых почти постоянно использовались как отдельные соединения на разных театрах военных действий [9, с. 459-463, 473-479, 180-181, 188, 219 и др.]. Во время русско-турецкой войны 1673-1681 гг., особенно после пожалования их командирам (А.А. Шепелеву – к весне, а М.О. Кровкову – к осени 1677 г.) первых генеральских (генерал-майорских) рангов [9, с. 109, 116; 13, с. 84-86], «выборные» полки превратились по сути в бригады и дивизии, а их «тысячи» – в отдельные полусамостоятельные полки, командиры которых получили чины полковников [9, с. 571]⁴. С завершением этого процесса командиры «выборных» полков А.А. Шепелев и М.О. Кровков в 1679 г. были пожалованы в чины полных генералов (генерал-аншефов) с правом писаться с «вичем» [9, с. 109, 118; 13, с. 85, 86], а командование «выборными» полками-дивизиями стало фактически частью статуса «полного генерала», и полки окончательно превратились в «генеральские». Но ядром этих полков оставались первые «тысячи», расквартированные в Москве, в то время как другие их «тысячи» сохраняли полурегулярный характер, комплектовались в основном по территориаль-

³ Так, например, генерал-поручик Франц Ульф (Вульф) в 1681 г. в Большом полку В.В. Голицына командовал сразу двумя полками [5, с. 73].

⁴ На 1681 г. в полку Шепелева насчитывалось 6634 чел. и 4 полковника; в полку М.О. Кровкова – 3 полковника [5, с. 73-74].

ному принципу, и собирались лишь на время военных кампаний [9, с. 200-204, 571]⁵.

Вероятно, следует согласиться с А.В. Маловым, что именно эти «выборные» полки (а точнее – их постоянно несущие службу первые «тысячи»), перешедшие в 1686 и 1692 гг. под командование иноземных фаворитов молодого Петра I Патрика Гордона и Франца Лефорта (при которых, вероятно, окончательно закрепилась связь командования «генеральскими» полками со статусом генерал-аншефа), послужили образцом для Преображенского и Семеновского полков [9, с. 577]. Это выразилось, в частности, и в увеличенном по сравнению с обычными полевыми полками составе последних (4 и 3 батальона по сравнению с обычными двумя в полевых полках). В 1690-е гг. Бутырский и Лефортовский полки окончательно стали ядром «генеральств» (по сути – дивизий), на которые начала делиться армия в Азовских походах и в начале Северной войны. С преобразованием с 1700 г. прежних «воеводских» должностей представителей русской аристократии, командующих «воеводскими полками» («армиями» и «дивизиями» XVII века), в чины генерал-аншефов, а самих этих «воеводских» «полков» – в настоящие армии и дивизии регулярной армии, количество полных генералов на время увеличилось, причем сохранилась и традиция командования ими «шефскими» генеральскими полками, а также, вероятно, и традиция формирования таких полков для новых генералов.

К сожалению, история Лефортовского и Бутырского полков в эпоху Северной войны изучена явно недостаточно⁶; но, похоже, какое-то время они сохраняли полуэлитарный статус «генеральских», и еще при осаде Риги в 1710 г. занимали первые места в списках пехотных дивизий А.Д. Меншикова (Лефортовский) и А.И. Репнина [4, с. 356]⁷ (Бутырский, который, похоже, был с самого начала унаследован А.И. Репниным как «генеральский»⁸ вместе с «генеральством» умершего Патрика Гордона).

⁵ Эти черты отметила на примере Бутырского полка несколько ранее и Е.М. Болтунова [2, с. 57].

⁶ Пример – крайне нечеткий очерк их истории в петровскую эпоху у М.Д. Рабиновича [11, с. 23-24].

⁷ Скорее всего, традиция XVII в., когда место в списке определяло статус полка, еще сохраняла свои отголоски к этому времени, и Ингерманландский полк пока следовал в нем за Лефортовским.

⁸ М.Д. Рабинович глухо упоминает его как шефа полка в 1700-1705 гг. [11, с. 24]; еще более определенно об этом свидетельствует Табель 1711 г. ПСЗ. Т. IV. № 2319. С. 618.

Однако в 1710 г. Меншиков уже не нуждался в «генеральском» Лефортовском полке своего предшественника-фаворита – он начал формировать подобный ему собственный полк еще в 1703 г. Полк создавался именованным указом 19 июля 1703 г. как «выборный» («прибрать из всяких чинов тысячу человек самых добрых и взрачных людей», с денежным и хлебным жалованьем «против солдат Преображенского и Семеновского полков») «губернаторский» полк Меншикова⁹. Будущий «светлейший» начал формировать «генеральский» полк, еще не будучи генерал-аншефом и, возможно, даже не получив к этому времени даже свой первый генеральский (генерал-майорский) чин¹⁰, что вызвало в армии серьезное недовольство. О нем в апреле 1704 г. доносил прусский посланник Кайзерлинг, подтверждая, что Ингерманландский полк Меншикова формировался именно как «выборный», куда ставший позднее «князем Ижорским» (т.е. Ингерманландским) фаворит отобрал лучших солдат и офицеров из других полков, а также лучших рекрутов из боярских людей, что вызвало неудовольствие командующего армией Б.П. Шереметева [3, с. 239-240]. По сведениям из самого полка, он с самого начала формировался «из вольницы под именем светлейшего князя» как 3-х-батальонный¹¹.

Введение в 1700-1704 гг. нового (фельдмаршальского) звена в сообщество «полных генералов» и получение его русскими (Ф.А. Головиным в 1700 и Б.П. Шереметевым в 1701 г.) сужало число привилегированных элитных «генеральских» полков и выстраивало их в новую иерархию. «Генеральские» полки превращались в «шефские» полки стандартного для полевых полков состава, занимавшие под номинальным командованием их генералов-патронов ведущие позиции в их дивизиях, а на вторые (после гвардейских) места в общерусской военной элите постепенно выдвинулись «фельдмаршальские» полки. Помимо пехотных полков, при Б.П. Шереметеве и А.Д. Меншикове (к тому же командующем кавалерией) существовали еще «фельдмаршальские» конные лейб-шквადроны (меншиковский со временем эволюционировал в лейб-регімент, ставший в 1730 г. основой Конногвардейского полка).

⁹ ПСЗ. Т. IV. № 1937.

¹⁰ Вероятно, Меншиков с началом фавора в 1702-1703 гг. был столь же стремительно произведен в генерал-майоры, как в свое время Ф. Лефорт (скорее всего, в 1703 г.), т.к. летом 1704 г. он уже был произведен в генерал-поручики [10, с. 29].

¹¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 54. Л. 3.

С получением А.Д. Меншиковым после Полтавы фельдмаршальского чина в такой элитный «фельдмаршальский» полк превращался патронируемый им пехотный Ингерманландский. К этому времени «отборный» («выборный») полк Меншикова и на деле превратился в важнейшее звено военной элиты: в 1708 г. вместе с батальоном шереметевского Астраханского и двумя гвардейскими полками он вошел в сформированный Петром «корволант» и с честью выдержал испытание сражением при Лесной (где понес, пожалуй, основные потери), а в 1709 г. не менее достойно сражался в Полтавской битве.

С завершением первой стадии военной реформы Петра I в феврале 1711 г. армейской Табелью 1711 г. привилегированный характер «фельдмаршальских» полков был окончательно закреплен. Однако даже «Табель» сохранила иерархию переходной эпохи: в списке пехотных полков вслед за гвардейскими по-прежнему следовали Лефортовский и Бутырский (но уже двухбатальонного состава), и лишь 5-7 места занимали «фельдмаршальские» трехбатальонные полки, по составу эквивалентные Семеновскому (Московский – «бывший фельдмаршала Огильвия»; Ингерманландский – Меншикова и Киевский – Б.П. Шереметева)¹². Поскольку Киевский полк Шереметева постоянно находился при нем, постепенно в ряды элиты выдвинулся Астраханский полк. Уже в 1709-1711 гг. Ингерманландский и Астраханский полки фактически входили в гвардейский корпус [6, с. 542]. Табель 1711 г. называет командиром Ингерманландского полка Полонского, но уже в 1711 г. его реальным командиром был полковник И.Я. Дюпре¹³. Наряду с гвардейскими, полк продолжал оставаться важнейшей ударной силой армии в военных кампаниях 1711-1721 гг.

* * *

Далее мы постараемся выяснить, повлиял ли элитный характер Ингерманландского полка и отношение А.Д. Меншикова к своей «личной гвардии» на состав его офицеров. Опубликованные К.В. Татарниковым офицерские сказки начала 1720-х гг. и выявленные М.Д. Рабиновичем при их анализе в 1970-е гг. общие тенденции в развитии офицерского корпуса русской полевой армии [14, с. 1599-1641¹⁴; 12] отчасти позволяют сделать это.

¹² ПСЗ. Т. IV. № 2319. С. 618.

¹³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 54. Л. 3 об.

¹⁴ Дальнейший анализ ведется на основе этих данных опубликованных офицерских сказок.

54¹⁵ офицера-ингерманландца к концу 1721 г. прослужили в армии в среднем 16,4 года, т.е. в большинстве своем формировались как военные специалисты уже в ходе военной реформы Петра I. Только четверо из них начинали службу в XVII в.: братья Игнатий и Григорий Орловы успели в юности в 1696 и 1698 гг. поучаствовать в Азовских походах Петра в «сотенной» службе поместной конницы, почти одновременно с ними вступил на службу в ней в 1698 г. и майор С.Г. Бакеев, но уже четвертый представитель этой когорты, капитан Д.С. Брызгов, рейтарский сын из монастырских слуг, начал служить осенью 1699 в первых формируемых солдатских регулярных полках. Все они к концу Северной войны достигли как минимум капитанских чинов. Уже из того, что средний срок службы офицеров в Ингерманландском полку составил 12,7 г., ясно, что большинство их сформировались в самом полку. 41 из 52 офицеров (если исключить двух полковых лекарей-иноземцев, назначавшихся Медицинской канцелярией), т.е. 78,8 %, получили первые офицерские чины в Ингерманландском полку, и половина их была произведена в них по ордерам Меншикова. Пожалования в первый офицерский чин в полку другими персонами (как правило, командующими финляндскими армиями Ф.М. Апраксиным и М.М. Голицыным, в составе которых периодически действовал полк) в основном приходится уже на время после 1711 г. и касаются младших офицеров. За 1711-1717 гг. полк был пополнен извне всего двенадцатью офицерами¹⁶, что говорит о том, что он был достаточно замкнутой корпорацией. Треть офицеров (18 чел., 34,6 %) служили в полку с момента его основания в 1703-1704 гг. Тем не менее почти все офицеры к концу войны, вероятно, были относительно молоды (скорее всего, в возрасте до 40 лет), т.е. принадлежали к поколению, сформированному петровскими реформами. «Светлейший», видимо, предпочитал опираться на молодых и динамичных людей, и с 1713 г. командиром «личной гвардии» Меншикова был назначен произведенный в полковники 28-летний Григорий Иванович Орлов – отец знаменитых екатерининских Орловых.

Оставшиеся к 1721 г. 9 офицеров-переведенцев из других полков тоже зачастую были связаны с Меншиковым – большинство их попало в полк в 1708-1712 гг., в процессе его доукомплектования накануне и после Полтавы, и нередко – из подконтрольных Меншикову структур: братья Орловы вначале служили в Ингерманландском

¹⁵ У Рабиновича почему-то указано не 54, а 56 офицеров.

¹⁶ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 54. Л. 3 об.–6.

драгунском полку; капитаны Н.И. Ступишин и кн. Данила Барятинский были переведены из меншиковского лейб-шквадрона, как и еще несколько человек, получивших офицерские чины уже в полку; поручик П.М. Калачов, будущий антагонист Орловых, сосланный за сочувствие Елизавете, а затем посчитавший себя обойденным ей [8, с. 353-354], был переведен в 1716 г. из гренадерского полка дивизии Меншикова по ордеру светлейшего¹⁷.

Большинство офицеров полка к 1721 г. были русскими: иноземцев было всего 6 чел. (11,1 %, что чуть ниже выявленной М.Д. Рабиновичем средней пропорции в 12,6 % по всей армии [12, с. 154]), но строевых офицеров-иноземцев (исключая двух полковых лекарей) в нем было всего 4: поручик С.О. Едашевский, из родившихся в России «старовыезжих» польских шляхтичей, служил в полку со дня его основания и впечатляющей карьеры не сделал; наивысшего среди иностранцев чина достиг француз секунд-майор С.И. Дивилер (Devilliers), принятый в службу в 1707 г. в Дании русским послом А.П. Измайловым, и, вероятно, попавший тогда же в полк капитаном не без протекции своего соотечественника командира полка И.Я. Дюпре. Двое оставшихся иноземцев были прибалтийскими немцами: капитан из Литвы Л. Вегель, вступивший в русскую службу «волонтиром» в 1710 г., перевелся в полк из флигель-адъютантов ген. А.А. Вейде и ген-лейт. Шлиппенбаха, а курляндец поручик Ламздорф перешел в русскую службу из унтер-офицеров прусской армии в 1712 г. под Штеттином в адъютанты А.Д. Меншикова, видимо, нуждавшегося во время первой померанской кампании в Северной Германии в человеке, знавшем немецкий язык. По сравнению с 1711 г. доля иноземцев среди высших офицеров от полковника до капитана в полку через 10 лет сократилась втрое (с 7 (38,9 %) ¹⁸ до 2 чел. (11,8 %)), т.е. Меншиков постепенно «русифицировал» высшее командное звено полка.

При комплектовании русских офицеров частично проявилась свойственная XVII в. традиция родовой клановости службы: будущий командир полка Г.И. Орлов перетянул после своего перехода в полк в 1709-1714 г. туда и своих трех братьев (Игнатия, Михаила и Никиту) и, став командиром полка, почти сразу в 1714-1715 гг. добился производства всех их в капитаны (четверть ротных командиров полка). Однако семейная клановость не получила в полку широкого распространения. Помимо Орловых, мы можем выделить лишь еще

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 54. Л. 3 об.-5.

два семейных клана: троих более молодых Бибиковых (капитана П.Г. Бибикова и поручиков И.Г. и Б.И. Бибиковых), как и Орловы, проходивших в основном службу в кавалерии, и «стянувшихся» в полк после того, как старший среди них Петр Григорьевич был переведен в него сержантом из лейб-шквдрона Меншикова в 1708 г., а также двух братьев Нечаевых – Ивана и Осипа Богдановичей (подпоручика и полкового адъютанта), происходивших из гвардии и начинавших в 1702-1704 гг. службу солдатами в Семеновском полку, и переведенных в Ингерманландский в 1712-1714 гг. из раскассированного Тверского пехотного¹⁹ (выдержавшего под командованием А.С. Келина в 1709 г. осаду в Полтаве), где они тоже служили вместе. Помимо Нечаевых, начинали службу солдатами в гвардии (но уже в Преображенском полку) еще 3 человека: подпоручики Я.А. Дурново (тоже переведенный из ликвидированного Тверского полка) и С.И. Сытин, а также прапорщик Н.М. Хвостов. Как видим, выходцы из гвардии в целом не сделали в полку впечатляющей карьеры.

Русский офицерский состав этого привилегированного полка отнюдь не принадлежал к элите. В целом процент офицеров-дворян в полку был таким же, и даже чуть выше, чем в целом в пехоте (29 из 54 чел. – 53,7 % против 52,2 % [12, с. 139, табл. 1] в среднем). Однако в состав даже средних слоев «Государева двора» не входил ранее никто: 7 человек были ранее записаны в жилецкий список, в том числе и единственный титулованный офицер в полку и одновременно самый состоятельный (за ним числилось 102 крестьянских двора, что составляло более трети всех 292 дворов, имевшихся у офицеров полка) князь Данила Барятинский, не поднявшийся выше капитана. Что касается самоидентификации принадлежавших к дворянству, то никто из них к весне 1721 г. не называл себя «дворянином»: 15 чел. указали старые московские чины на момент вступления в полк или определили себя как недорослей, остальные 14 (48,3 %) в той или иной форме причислили себя к «шляхетству». Лишь две трети из них (20 чел.) имели землевладение.

Большинство из 21 офицера, имевших землевладение, были мелкопоместными, только треть (7 чел.) имели 8 и более дворов (>30 душ), где П.М. Калачов с его 14 дворами занимал почетное 5-е место; у 14 остальных в среднем было по 4,2 двора на человека. К их числу с 4 дворами крестьян принадлежал и занимавший 3-е место в списке офицеров полка и происходивший «из жилецких недорослей»

¹⁹ Там же. Л. 5.

премьер-майор Степан Гаврилович Бакеев – дед мемуариста А.Т. Болотова по материнской линии, пленивший с ингерманландскими гренадерами в знаменитом Гангутском сражении шведского контр-адмирала Эреншильда [7, с. 73] («...в которое морское сражение, будучи с полком своим на галерах, взял он шведского шаутбенахта своими руками. За сие пожалована был ему от государя Петра Великого золотая медаль с цепью, и записано было имя его в журнале сего великого монарха» [1, ст. 27]). За его дочью отец мемуариста получил в приданое лишь «...небольшую деревнишку, или прямее сказать один только двор в Чернском уезде...» [1, ст. 27].

Вторую строчку в списке офицеров занимал еще более незнатный Гаврила Леонтьевич Баскаков (единственный из землевладельцев полка, кто не принадлежал к шляхетству, хотя и не имел крестьянских дворов, а лишь 80 четв. земли с четырьмя семьями дворовых) – и единственный на всю армию подполковник «из дворовых людей» [12, с. 153].

Как отметил еще М.Г. Рабинович, офицерский корпус личного полка А.Д. Меншикова к концу Северной войны оказался самым демократичным в русской армии и даже в полевой пехоте [12, с. 153]. Процент офицеров, происходящих из низших сословий, оказался в нем самым высоким – не менее 31,5 %. Во всей армии насчитывался всего 21 (из 2245, т.е. 0,9 %) офицер, достигший как минимум капитанского ранга (уровня ротного командира) и не принадлежавший к «служилым по отечеству» [12, с. 138, табл. 1]. На полк Меншикова пришлось как минимум 4 из них, т.е. почти 20 % офицеров этой категории по *всей армии* – таким образом, *пятая часть* этих офицеров оказалась лишь в *одном* из 60²⁰ учтенных тогда полков – и это был Ингерманландский полк А.Д. Меншикова. Кроме Г.Л. Баскакова, в армии не было ни одного офицера из низших сословий, достигшего уровня батальонного командира (майорского звания), а 3 из 20 капитанов (возможно даже 4, если М.Д. Рабинович учел в этом числе капитана ингерманландцев Д. Брызгова «из монастырских слуг») снова приходились на полк Меншикова, происходя из «людей боярских» и прослужив в полку практически с дня его основания.

Худородный «светлейший» явно не принадлежал к числу тех «выскочек», которые стремились утвердить свой статус за счет нахождения под командой в своем полку офицеров из аристократических семей. Он формировал этот полк прежде всего как боеспо-

²⁰ 34 пехотных и 26 кавалерийских [12, с. 134].

собную единицу с боевыми (и чаще всего выведенными «в люди» лично им и обязанными ему) офицерами. В итоге в Ингерманландском полку Меншикова меритократические тенденции в формировании офицерского корпуса проявились гораздо сильнее, чем в петровской армии в целом.

1. *Болотов А.Т.* Записки. М., 1870. Т. 1.
2. *Болтунова Е.М.* Полк, ушедший в небытие // Военно-исторический журнал. 1998. № 6.
3. *Бушкович П.* Петр Великий: борьба за власть. (1671-1725). СПб., 2008.
4. История Свейской войны. М., 2004. Вып. 1.
5. *Иванов П.* Роспись перечневая ратным людем, которые во 189 г. росписаны в полки по разрядам // Описание Государственного Разрядного архива. М., 1842.
6. *Кротов П.А.* Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб., 2014.
7. *Кротов П.А.* Сражение при Гангуте 1714 года – начало славы Российского флота. СПб., 2014.
8. *Курукин И.В.* Эпоха дворских бурь. Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003.
9. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг. М., 2006.
10. *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994.
11. *Рабинович М.Д.* Полки Петровской армии. 1698-1725. Краткий справочник. М., 1977.
12. *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. Сб. ст. М., 1973.
13. *Рогожин А.А.* Генералы полков «нового строя» в 1650-е - 1690-е гг. // Русская военная элита. М.; Севастополь, 2015.
14. *Татарников К.В.* Офицерские сказки первой четверти XVIII в. Полевая армия. Сб. док. М., 2015. Т. 2.

**«В страхе предбудущего беспокойства»:
подлинник т.н. «первого прошения» дворян императрице
Анне Иоанновне и его авторы в государственном
перевороте 25 февраля 1730 г.**

Анна Иоанновна; переворот; «кондиции»; гвардия.

Сообщение посвящено находке в РГИА подлинника т.н. «первого прошения» дворян императрице Анне Иоанновне 25 февраля 1730 г. По мнению автора, документ может быть истолкован как действие «партии», выступавшей за восстановление самодержавия императрицы.

25 февраля 1730 г. – через месяц после того, как избранная Верховным тайным советом после смерти Петра II Анна Иоанновна подписала ограничивавшие ее власть «кондиции» – во дворец явилась дворянская делегация и последовательно вручила императрице два прошения. Первое из них представляло собой жалобу на «верховников» (не рассматривавших поданные им проекты нового государственного устройства) и предлагало «соизволить собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий», чтобы «по большим голосам форму правления государственного сочинить». Второе же содержало просьбу об отмене «кондиций» и восстановлении «самодержавства» – что в итоге и произошло.

Столь резкий поворот событий и дворянских настроений вызвал дискуссию о том, можно ли считать т.н. «первое прошение» именно «конституционалистским» документом [1, с. 101–102]. Однако, если «второе прошение» находится в комплексе архивных документов Верховного тайного совета РГАДА, давно известно и недавно вновь опубликовано [с. 142–147], то подлинник «первого прошения» исследователями ни в XIX, ни в XX в. не был обнаружен и публиковался по копии, происхождение и местонахождение которой также ныне неизвестно [2, с. 8–10].

Мне посчастливилось найти этот документ в РГИА в фонде Кабинета его императорского величества Министерства императорского двора; в описи дело значится как «Прощение на имя императрицы Анны Иоанновны за подписями гр. Григ. Чернышева, кн. Гр.

¹ Курукин Игорь Владимирович, Российский государственный гуманитарный университет (РФ, Москва), д.и.н., kurukin@mail.ru.

Дм. Юсупова, ген.-ад. Сем. Андр. Салтыкова и других представителей дворянства о пересмотре кондиций Верховного совета с резолюцией царицы Анны Иоанновны и обвинительные пункты против членов Верховного совета»². Находилось же оно в числе бумаг XVIII – первой половины XIX вв., отложившихся в процессе подготовки юбилейного труда «200-летие Кабинета его императорского величества» (СПб., 1911). В деле находятся два документа: собственно прошение с приложенными двумя листами с подписями, и сочинение Феофана Прокоповича «Изъяснение, каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия в призове на престол ея императорского величества», содержащее краткое изложение событий и 19 обвинительных пунктов в адрес «верховников» [2, с. 11–16].

В опубликованной в 1871 г. копии «первого прошения» его издатели перечислили подписи 87 лиц; четыре из них были указаны как неразобранные. Знакомство с подлинником дает возможность определить эти четыре подписи на л. 3 документа как «Багдан Расловлев», «Александр Панин», «Иван Феофилатов» и «Григорей Любовников». Все названные лица являлись офицерами-кавалергардами и поставили свои подписи под вторым, последовавшим в тот же день прошением о восстановлении «самодержавства».

Кроме того, публикаторы неверно прочли две фамилии. В первом случае в копии стоит «Александр Румянцев». Однако майор гвардии и генерал-лейтенант А.И. Румянцев подписывать прошение не мог, поскольку с 1727 г. находился в Баку и командовал частями Низового корпуса от Терека до Куры; вернулся с Кавказа он только в конце 1730 г. Подпись же на л. 2 можно прочесть, как «Александр Танеев». Принадлежит же она капитану Преображенского полка, и стоит в ряду подписей других преображенских офицеров: капитан-поручика Алексея Замыцкого, капитана Степана Шемякина — выше подписи Танеева, и капитанов Александра Раевского и Семена Кишкина — ниже. В другом случае на л. 3 вместо «Иван Чубаров» следует читать «Иван Чирков». Данная подпись принадлежит офицеру-кавалергарду и так же стоит в ряду его сослуживцев — Ивана Феофилатова, Николая Лужкова, Александра Возницына, Бориса Горсткина, Андрея Кологривова, Андрея Шаховского, Михаила Хвостова и Григория Любовникова.

Расположение подписей на подлиннике, как нам представляется, подтверждает сделанное нами в работе 2010 г. предположение о

² РГИА. Ф. 468. Оп. 45. № 605. Л. 1–1 об.

наличии инициативной группы, «организовавшей» как первое, так и второе прошение 25 февраля. На л. 1 об. подлинника – там, где заканчивается собственно текст прошения — компактно, друг за другом поставлены подписи 15 лиц: генерал-лейтенанта Г.П. Чернышова, подполковника гвардии и генерал-лейтенанта Г.Д. Юсупова, подполковника того же полка С.А. Салтыкова, братьев-графов тайного советника Ивана и камергера Михаила Гавриловичей Головкиных, майора гвардии и генерал-лейтенанта А.И. Ушакова, действительного статского советника и сенатора В.Я. Новосильцева, генерал-майоров С.И. Сукина, С.Л. Вельяминова и М.А. Сухотина, шталмейстера Р.М. Кошелева и гофмаршала Д.А. Шепелева. Ниже, в самом конце того же листа находятся еще 3 подписи: тайного советника А.М. Черкасского, его родственника А.А. Черкасского и камер-юнкера Н.Ю. Трубецкого.

Остальные подписи идут уже на двух дополнительных листах и располагаются в две колонки. Первые пять из них (в левой колонке) принадлежат генерал-майорам И.Ф. Барятинскому и А.И. Тараканову, бригадиру С.В. Секиотову, графу Ф.А. Матвееву и Ивану Бибикову. Остальные преимущественно оставили гвардейцы и кавалергарды.

Но и под второй поданной в этот день челобитной в числе первых двадцати можно обнаружить подписи тех же 9 персон, которые первыми подписали «первое прошение»: Г.П. Чернышова, Г.Д. Юсупова, А.И. Ушакова, С.И. Сукина, А.И. Тараканова, А.М. Черкасского, М.Г. Головкина и В.Я. Новосильцева. В этом же ряду в обоих случаях присутствует молодой и нечиновный камер-юнкер Н.Ю. Трубецкой. Подполковник Преображенского полка С.А. Салтыков третьим подписал «первое прошение», но второго не подписывал, так как в тот момент, занимался обеспечением порядка во дворце.

Г.П. Чернышов, Г.Д. Юсупов и А.И. Ушаков; И.Ф. Барятинский и братья И.Г. и М.Г. Головкины, В.Я. Новосильцев получили от Анны новые чины. А.М. Черкасский и А.И. Остерман вошли в состав Кабинета министров. Ушаков и упомянутый выше С.А. Салтыков стали генерал-адъютантами императрицы; Чернышов, Юсупов, Новосильцев, Барятинский и генерал-майоры С.И. Сукин и А.И. Тараканов – сенаторами. Камер-юнкера Н.Ю. Трубецкого Анна пожаловала особо – в майоры гвардии и генерал-майоры. Как можно предположить, именно перечисленные фигуры являлись организаторами составления обеих челобитных, и их действия в значительной степени определили развернувшиеся 25 февраля во дворце события.

«Первое прошение» было составлено так, что его могли подписать лица разных политических убеждений. Его авторы делали акцент

не на сущности позиций «верховников» и проектов их оппонентов (и те и другие исходили из порядка, определенного ограничительными «кондициями»), а на том, что Верховным тайным советом «от многих и мнений подписанных не принято». Этот тезис дважды повторен в прошении, хотя все известные к настоящему времени дворянские проекты были поданы в совет и зафиксированы в его бумагах, а о каких-либо отвергнутых «мнениях» информации у нас нет. Кроме того, авторы подчеркнули: в «некоторых обстоятельствах тех пунктов («кондиций». – *И.К.*) находятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущего беспокойства».

Из 87 подписей под прошением меньшинство принадлежит указанной выше группе лиц в генеральских чинах (16 человек) и близким к ним по чинам бригадирам С.В. Секиотову и И.М. Волынскому, статскому советнику В.Н. Татищеву, камергеру А.А. Черкасскому, шталмейстеру Р.М. Кошелеву. Все они (за исключением Д.А. Шепелева, С.А. Салтыкова и Р.М. Кошелева) прежде подписали самый массовый и оппозиционный по отношению к «верховникам» «проект 364-х». Возможно, что иные из них тогда действительно хотели «воли себе прибавить», но с появлением в столице императрицы «партийные» и фамильные «конъектуры» подтолкнули их к другому решению.

Большинство же (60 человек) из подписавших прошение составляли гвардейские офицеры (18 преображенцев и 4 семеновца) и 38 кавалергардов, которые до того в политических спорах не участвовали и никаких проектов не подписывали. По свидетельству В.Н. Татищева, гвардейцы А.Д. Кантемир и Ф.А. Матвеев за ночь собрали эти подписи в полках.

«Верховники», по-видимому, были уверены в прочности своего положения и не ожидали увидеть депутацию во главе с представителями генералитета, явившихся к своей государыне. Не допустить их было нельзя. Результатом стала подача «первого прошения» и поставленная на нем резолюция характерным грубым почерком Анны Иоанновны: «Рассмотрет по сему. Анна». Оставленное отправившейся вместе с «верховниками» на обед государыней «шляхетство» по понятным причинам оказалось не в состоянии за пару часов «форму правления государственного сочинить». Тогда и появилось на свет «второе прошение», которое стало основанием для уничтожения «кондиций» и восстановления неограниченного «самодержавства».

1. Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.

2. Памятники новой русской истории. Сборник статей и материалов, издаваемых В. Кашпиревым. СПб., 1871. Т. 1.

УДК 94(47).063

А. Юссон³

Организация обороны на территории Донского войска в 1738 г.

Русско-турецкая война (1735–1739); Донское войско; оборона Донского войска; Крымское ханство; Волжское калмыцкое ханство.

В статье охарактеризованы основные направления, по которым развивалась деятельность донских войсковых атаманов в условиях военной кампании 1738 г. для создания оборонительной системы на территории Донского войска.

Спустя два года после начала русско-турецкой войны, в 1737 г., обе воюющие стороны были готовы заключить мир. Его заключению, однако, помешал ряд европейских государств, стремившихся к ослаблению как Турции, так и России. Провал Немировского конгресса, где предполагалось оформить завершение войны, подтолкнул Турцию и Россию к продолжению военных операций [1; 4; 6; 7].

Утвержденный императрицей план военных действий на 1738 г. делал положение Войска Донского небезопасным. Дело в том, что, согласно плану, в войне должны были участвовать 13 000 донских казаков, и от официального списочного состава казачьего войска оставалось дома только 1656 человек [3, с. 322]. Их было, без сомнения, недостаточно для организации разъездов и патрулей по донской территории и защиты ее границ, которые делились на две зоны: граница первой зоны протянулась на 330 верст от Лугани до Черкаска, граница второй – на 500 верст от Черкаска до первых аванпостов Царицынской оборонительной линии⁴.

В 1738 г., таким образом, для войскового наказного атамана Ивана Фролова и сменившего его 4 февраля 1738 г. «настоящего» войскового атамана Данилы Ефремова поиск людских ресурсов для обеспечения безопасности станиц стал первостепенной задачей. В январе 1738 г., предвидя невозможность в условиях резкого уменьшения казаков, способных к службе, защитить донские станицы,

³ Юссон Александр, Университет Париж I – Пантеон-Сорбонна (Франция, Париж), IHMC – UMR 8066, асп., стипендиат Министерства обороны Франции (IRSEM и SHD), nekrassovtsy@gmail.com.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 467. Л. 622 об.–623.

И. Фролов предложил Военной коллегии рассмотреть вопрос о сокращении количества казаков, требуемых для участия в будущей кампании. В Петербурге допустили возможность освободить 1300 казаков из крымского корпуса фельдмаршала фон Ласси. С подобным предложением, однако, не согласился сам фельдмаршал, для которого поход на Крымское ханство был приоритетным⁵.

Войсковые атаманы вынуждены были выявлять казаков, способных защищать станицы, среди увечных и раненых в первые годы русско-турецкой войны, по-видимому, считая, как считают и военные историки, что здоровье не является необходимым условием для несения оборонительной службы [5, с. 449–450]. Нехватка людей вынуждала войсковых атаманов призывать на службу также «малолетних казаков», т.е. подростков, не достигших 19 лет [2, с. 126].

В оборонительный план, который разработал Д. Ефремов, входила задача сформировать из местных жителей сильные и мобильные конные и пешие отряды; последние могли также действовать на лодках. Эти отряды должны были держать под контролем речную сеть и сухопутные пути и занимать стратегически важные пункты на «кубанской стороне», т.е. в южной зоне донской территории⁶. Именно татары Кубанской орды представляли главную угрозу населению, оставшемуся в 1738 г. без полнокровной и надежной защиты казаков. Однако грабительскими набегами жителям донских станиц угрожали не только кубанские татары, но и калмыки Волжского калмыцкого ханства, являвшиеся подданными России⁷.

Сведений о обстоятельствах военной службы калмыков в 1738 г. как союзников Российской империи мало. Впрочем, разрозненные документы того времени, позволяют сделать вывод о том, что калмыки должны были, во-первых, сформировать отряд для помощи местным защитникам южной зоны территории Донского войска и оставаться там до конца осени⁸ (в это время казаки будут возвращаться домой после завершения военной кампании текущего года); во-вторых, составить команду иррегулярных конных для наблюдения за кубанской степью, проводить там разъезды для захвата кубанцев, ногайцев⁹; в-третьих, набрать войско из 10 000 конных и отправить его к крым-

⁵ Там же. Л. 829 об.

⁶ Там же. Д. 387. Л. 936–936 об.

⁷ Там же. Д. 467. Л. 833.

⁸ Там же. Л. 833.

⁹ Там же. Д. 409. Л. 584 об.

скому корпусу под командованием фон Ласси¹⁰.

Д. Ефремов с нетерпением ожидал отъезда калмыков к корпусу фон Ласси, поскольку после их отъезда вероятность грабежей на Дону должна была уменьшиться. Оставшимися же калмыками войсковой атаман Донского войска надеялся усилить оборонительную и вспомогательную структуры при Царицыне, разъезды на территории между Доном и Кубаном¹¹.

Вместе с тем в военном сотрудничестве Донского войска и Волжского калмыцкого ханства существовал ряд проблем. Одна из них состояла в коммуникативных трудностях, поскольку почти все калмыки не говорили по-русски и не понимали распоряжений на театре военных действий. Переводчиками служили некоторые казаки, выполнявшие эту роль одновременно со своими военными обязанностями. Более того, переводчики из числа донских казаков часто имели дипломатические поручения, выступая посредниками между российскими властями и ханом Волжского калмыцкого ханства. Так, в 1738 г. Д. Ефремов отправил толмача Василия Перфилова к хану Дондук-Омбо для передачи ему императорских грамот и их переводов¹², а также для разъяснения задач, которые ставились российским командованием перед калмыками в кампании текущего года.

Другая трудность в планировании военных дел с этим союзником порождалась его кочевыми обычаями и быстрыми перемещениями. В апреле – мае 1738 г. Дондук-Омбо со своими конными войсками уже выступил в поход против ногайцев. И только 3 мая В. Перфилов встретился с калмыцким ханом на реке Аксай, хотя недавно последний искал «языков» около реки Маныч.

В целом переговоры В. Перфилова с ханом Дондук-Омбо демонстрировали взаимопонимание представителей двух групп нерегулярных российских войск. Представитель донского казачества напомнил хану о том, что от него Военная коллегия потребовала 10 000 конных, а до сих пор для соединения с корпусом фон Ласси отправились едва 2000 человек, поэтому остальных калмыков правительство ожидало из числа тех, кто служил недалеко от Кубани. Письмо Дондук-Омбо, переданное через В. Перфилова донскому атаману, также отражает определенную степень доверия в контактах между Донским войском и Волжским калмыцким ханством. В письме Дондук-Омбо

¹⁰ Там же. Д. 467. Л. 833.

¹¹ Там же. Д. 387. Л. 937.

¹² Там же. Д. 409. Л. 584 об.

сообщил войсковому кругу, что он уже отправил фон Ласси дополнительно 1000 конных воинов и собрал еще 1000 человек¹³.

В то же время, сославшись на конфликт с казаками (киргиз-касайками), Дондук-Омбо заявил о своем праве приостановить набор воинов для российской армии в любой момент. И, по мнению хана, такой момент наступил. По сведениям калмыков, казахи уже расположились на реке Яик и спешно готовятся к походу против Волжского калмыцкого ханства и его улусов¹⁴. Фактически хан сообщил о решении перекинуть своих воинов на борьбу с киргиз-кайсаками, прекратить помощь казакам на Дону и не участвовать в военных операциях в Крыму. Отказ аргументировался тем, что «он де, хан Дондук-Омбо, якобы имеет от Вашего императорского величества позволение по сыску способа чинить им, киргиз-касайкам, также отомщение»¹⁵, – передавали казаки слова хана в Петербург. По сути, это решение хана не позволило оформить в 1738 г. альянс между Донским войском и Волжским калмыцким ханством для совместной борьбы с Кубанской ордой.

Не слишком активные военные действия калмыков около Кубани все же позволили им добыть весной 1738 г. сведения о готовящихся Кубанской ордой нападениях на южные донские станицы и волжские калмыцкие улусы. Эту секретную информацию хан Дондук-Омбо передал В. Перфилову при встрече на Аксае. Ее подтверждали некоторые пленные кубанцы и кавказцы, находившиеся в Кизлярской крепости¹⁶. Из Азовской крепости в Черкасск 15 июня 1738 г. бригадир Заезерский отправил на допрос пленного калмыка по имени Амулун. От него казаки узнали о существовании кубанского авангарда в 1000 человек, разделенных на два отряда для нападения на Азовскую область и волжское побережье, а также о сосредоточении на Кубани 6000 человек под руководством Бахти Гирия¹⁷.

Очевидно то, что в 1738 г. население Дона находилось в реальной опасности, но организовать оборону собственными силами наличествовавших в его распоряжении казаков войсковой атаман не мог, поэтому в поиске союзников он и ориентировался на калмыков. Д. Ефремов был намерен создать полиэтничный оборонительный отряд на юге Дона из казаков, юртовых калмыков и крещеных татар,

¹³ Там же. Л. 585.

¹⁴ Там же. Л. 585.

¹⁵ Там же. Л. 585 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 586 об.

живущих в симбиозе между собой¹⁸. При этом ведущая роль в оборонительном отряде принадлежала бы конным казакам. По расчетам Д. Ефремова, основными центрами военных столкновений с врагами должны были стать Черкасск и станицы на южном донском поясе, где находились практически все аванпосты и элементарная система редутов и траншей.

Судя по всему, как «главный командир» донской войсковой атаман был намерен единолично командовать оборонительным отрядом, ставить перед ним стратегические и тактические задачи и держать под контролем все его действия на временной оборонительной линии на юге Дона и над Кубанью. Объединенные в отряде силы принадлежали, между тем, разным военным системам, и это обстоятельство уже само по себе должно было провоцировать противоречия между командующими этими силами. По-видимому, примером несогласия Дондук-Омбо с той ролью, которую в деле обороны донской территории собирался играть Д. Ефремов, явился уход калмыков из южной донской оборонительной зоны в район реки Яика для борьбы с казаками.

Не получая военной помощи от калмыцких союзников, войсковые атаманы были вынуждены обращаться за поддержкой к российским властям, которые не оставляли без внимания проблемы обороны донской земли. Так, благодаря усилиям командира Царицынской крепости полковника Кольцова, небольшой отряд из калмыков все-таки действовал на границе от Черкаска до Царицына¹⁹, а из Азовского гарнизона для укрепления рядов защитников Дона было отправлено 200 солдат регулярной армии и 10 канониров. В обязанности последних входило обучение небольших артиллерийских групп, составленных из казаков, и командование ими при защите станиц²⁰.

В 1738 г. «для предосторожности и к надежному отпору против прихода всегда со стороны Кубани и из Крыма неприятеля» донские казаки получили пушки из оружейных запасов российской регулярной армии.

Начало переписки различных учреждений в связи с обеспечением Донского войска артиллерийскими орудиями положил войсковой наказной атаман И. Фролов 31 января 1738 г., когда поставил в известность Военную коллегию об отсутствии у казаков необходи-

¹⁸ Там же. Л. 587.

¹⁹ Там же. Л. 587 об.–588.

²⁰ Там же. Л. 588 – 588 об.

мого для обороны вооружения. По информации атамана, только в нескольких из ста десяти станиц имелось по одной действующей легкой походной пушке. И. Фролов просил прислать на Дон чугунные пушки разных калибров, «каковые в регулярных полках имеются». Всего И. Фролову было необходимо 330 пушек для обеспечения каждой станицы тремя орудиями²¹.

Военная Коллегия уже 16 февраля распорядилась немедленно рассмотреть просьбу И. Фролова в Канцелярии от артиллерии и принять там такое решение, чтобы «за недостатком артиллерии не могло приключиться какого интересам Ея императорского величества повреждения»²². Иначе говоря, следовало определить, сколько пушек можно отправить на Дон без ущерба для воюющей регулярной армии. Окончательно было решено выделить для Дона «4-х, 3-х и 2-х фунтовых 67 пушек и к ним тех калибров ядер на каждую пушку по 80, да картечной дроби на дело, картечь, чтоб оных было к каждой по 20»²³.

Доставка из Павловска к станице Усть-Хоперской 67 пушек, собранных в городах Воронежской губернии, началась после 25 августа 1738 г.²⁴. Исполнение февральских и мартовских указов Военной коллегии по поводу отправки пушек на Дон было задержано в немалой степени из-за финансовых проблем. Российские власти, которые вообще с трудом находили средства для финансирования всей армии, потратили много времени на поиск источника оплаты непредвиденных расходов. Только 24 июля Сенат распорядился взять из бюджета Штатс-Кантор-коллегии 4674 руб. для обеспечения немедленной отправки орудий на Дон²⁵.

Военная коллегия, отправляя на Дон гораздо меньшее количество пушек, чем изначально просил И. Фролов, рекомендовала донским старшинам «разделить их (пушки. – *А.Ю.*) по препорции только по тем городкам, которые от неприятеля в опасности находятся»²⁶. В целом, 67 артиллерийских орудий «со всею принадлежащею амуницею», доставленные на Дон осенью 1738 г., явились ощутимым подспорьем в организации обороны донских станиц не только в конце 1738 г., но и в течение 1739 г.

²¹ РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Св. № 7. Д. 208. Л. 584.

²² Там же. Л. 584 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 621.

²⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 461. Л. 56, 58.

²⁶ РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Св. № 7. Д. 208. Л. 621.

Полученные в 1738 г. пушки казаки были обязаны возвратить после завершения войны против Османской империи, и в 1739 г. после заключения Белградского договора началась переписка Войска Донского и Военной коллегии о возвращении пушек²⁷.

Итак, на Дону в годы русско-турецкой войны 1735–1739 гг. из-за отправки в ежегодные походы вместе с российской регулярной армией почти всех способных к службе пеших и конных казаков складывалась критическая ситуация – местное население оказывалось беззащитным перед грабительскими набегами татар и турок. Для российских властей осознание того, что подданные, проживающие на южных рубежах Российской империи, нуждаются в защите, пришло слишком поздно. Впервые вопросы обороны станиц Донского войска были подняты на государственном уровне в 1738 г.; согласно этому плану, оборона должна была строиться с учетом взаимоотношений между донскими казаками, регулярной армией и калмыками. Изучение основных направлений деятельности по реализации этого плана выявило дипломатические, финансовые, военные трудности в создании эффективно действующей обороны территории Войска Донского в условиях, когда основные силы казаков должны были участвовать в военной кампании.

1. *Орешкова С.Ф.* Немировский конгресс. От двусторонних османороссийских отношений к Восточному вопросу. М., 2015.
2. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.
3. *Юссон А.* Старое и новое в организации военной службы донских казаков во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. М., 2013.
4. *Bely Lucien.* Les Relations internationales en Europe XVIIe – XVIIIe siècle. Paris, 1992.
5. *Clausewitz Carl von.* De la Guerre. Paris, 1998.
6. *Corvisier André.* Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. Paris, 1976.
7. *Davies Brian L.* Empire and Military revolution in Eastern Europe: Russia's Turkish Wars in the Eighteenth Century. London, 2011.

²⁷ Там же. Л. 638 об.

Объявление о вольности российского дворянства служить и не служить 17 января 1762 г.²

Россия XVIII в.; история сословий; Петр III.

В статье анализируется выступление Петра III в Сенате 17 января 1762 г., во время которого он объявил о своем решении даровать российскому дворянству вольность служить и не служить. Показывается, что это было результатом влияния европейских представлений о дворянстве.

Манифест о вольности дворянства служить и не служить 1762 г. занимает немаловажное место в истории сословий России, так как в нем одна из сословных привилегий дворянства не просто законодательно закреплялась, а и провозглашалась фундаментальным законом империи. В связи с этим неудивителен интерес исследователей к истории этого документа [5, с. 37–40, 51]. Однако изданию Манифеста предшествовало выступление Петра III в Сенате 17 января 1762 г., во время которого он объявил о даровании дворянству вольности служить и не служить. Этому событию, результатом которого и стало появление Манифеста, уделяется крайне мало внимания. Соответственно, в настоящей работе мы сосредоточимся на исследовании петровского выступления в Сенате, а также попытаемся ответить на вопрос, что способствовало принятию им такого решения.

17 января 1762 г. Петр III направился в Сенат, чтобы впервые посетить его в качестве императора. Сохранилось мемуарное свидетельство о его выходе из дворца. Согласно Екатерине II, утром 17 января она, «идучи чрез переднюю, нашла тут князя Михаила Иван. Дашкова плачущаго и вне себя от радости». Дашков сообщил ей, что Петр III «достоин, дабы ему воздвигнуть штатую золотую; он всему дворянству дал вольность, и с тем едет в Сенат, чтоб там объявить» [2, с. 532]. Итак, одной из запланированных целей посещения Сената для монарха было официальное объявление о его решении даровать российскому дворянству вольность.

Петр III прибыл в Сенат в 10 часов утра, где после «апробации»

¹ Киселев Михаил Александрович, Институт истории и археологии УрО РАН (РФ, Екатеринбург), к.и.н.; strateg-mk@rambler.ru.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-00007.

докладов, согласно записи в сенатском журнале, «соизволил дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают, а когда военное время будет, то они все явиться должны, на таком основании, как и в Лифляндии с дворянами поступаетца, о чем, с обстоятельством сочиня формуляр, поднести к высочайшему Его императорского величества подписанию»³.

Итак, официальный документ довольно лапидарно зафиксировал речь Петра III, в которой он объявил о даровании вольности служить и не служить дворянству. Однако другие источники позволяют дополнить сведения из сенатского журнала. Прежде всего, это донесения иностранных дипломатов, находившихся в Петербурге и внимательно следивших за действиями нового императора России.

Самым первым из дипломатов, написавших о посещении монархом Сената, был датский посланник Г.–Х. Гаксткаузен, сообщивший 18 января в Копенгаген, что «вчера утром Император в первый раз с большой торжественностью, направился в сенат и подписал там указ, которым объявляет дворянское сословие свободным и пользующимся всеми преимуществами, какими пользуется дворянство Ливонии, а именно: дворянам дано право выезжать и останавливаться во всех чужеземных странах, без особого на то разрешения, служить, если им заблагорассудится, оставлять службу, когда найдут для себя полезным, и избирать образ жизни, какой найдут нужным». Гаксткаузен еще сообщал, что «сенаторы, весьма тронутые такой великодушной декларацией, хотели броситься к ногам своего Монарха и выразить ему свою смиренную благодарность, но достойный отпрыск Петра Великого, довольствуясь тем, что увековечил свое имя в летописях России и осчастливил свой народ, – вышел, не пожелав их выслушать». И, не без некоторого раздражения, он заметил, что «сегодня вечером Его Величество оказал честь г. Кейту, отужинав у него» [1, с. 36, 37].

Австрийский дипломат Ф. Мерси Аржанто 21 января сообщал в Вену, что Петр III «торжественно отправился в собрание Сената и объявил там формальным указом или государственным предписанием дворянство России впредь свободным на тех же основаниях, как дворянство Лифляндии. Вследствие этого императорского указа русскому дворянству дозволяется: беспрепятственно уезжать в чужии страны, отказываться от гражданской и военной службы, принимать места при иностранных дворах и вообще пользоваться всеми теми же правами

³ РГАДА. Ф. 248. Д. 3426. Л. 277–277 об., 283.

свободы, какие даны подданным других монархических государств» [7, с. 94].

Английский дипломат Р.М. Кейт написал о визите Петра III в Сенат в доношении от 26 января. Оно открывалось сообщением, что он удостоился «неожиданной чести» – личному визиту Петра III. Последнее было не столь удивительно, так как, если верить донесениям Г.–Х. Гаксткаузена, Петр довольно часто и с охотой общался с Кейтом. Он, сообщая в Лондон о дружеском настроении Петра в отношении Англии, решил упомянуть «самое благородное решение Императора», озвученное во время посещения Сената. Согласно Кейту, монарх там объявил «российское дворянство свободным, во всех отношениях на том же основании, что и дворянство других королевств Европы, со свободой вступать или не вступать в службу любого иностранного государства без разрешения Императора или его наследников трона» [9, р. 44–45].

Если суммировать информацию из донесений иностранных дипломатов, получалось, что Петр III в Сенате не просто провозгласил вольность служить и не служить, он также говорил о разрешении дворянам свободно выезжать в европейские страны, в том числе и для вступления в службу. При этом император указал, что такая вольность дается российскому дворянству не только «на таком основании, как и в Лифляндии», а по примеру европейского дворянства. О том, что он апеллировал не только к примеру остзейского дворянства, свидетельствует такой источник, как цedula из Коллегии иностранных дел, отправленная 18 января 1762 г. одному из российских дипломатов секретарем М.М. Эком. В ней сообщалось, что Петр III «соизволил объявить всему Сенату о жалуемой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ всему российскому дворянству волности на таком самом основании, какое в европейских государствах ползуется»⁴. Важно также обратить внимание на формулировку из донесения Р.М. Кейта, согласно которому российские дворяне должны были получить вольность вступать в службу без разрешения не только Петра III, а и «его наследников трона». Получалось, что император рассматривал дарование вольности не как временное распоряжение, а как закон, который будет действовать и при его приемниках, то есть она давалась фактически «на вечныя времена».

Если сопоставить эти наблюдения с Манифестом о вольности, подписанным 18 февраля Петром III, то можно прийти к выводу, что

⁴ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 415. Л. 1.

несколько норм Манифеста были основаны на положениях, объявленных императором в Сенате 17 января. Это неудивительно, так как, согласно донесениям Ф. Мерси Аржано, а также французского посла Л.–О. Бретейля император рассматривал несколько проектов Манифеста. Соответственно, хотя и не Петр III непосредственно создавал текст законодательного акта, он осуществлял непосредственный контроль над этим и, скорее всего, следил, чтобы высказанные им предписания были там зафиксированы [5, с. 48–49].

Как результат, в Манифест были включены само положение о пожаловании «отныне впредь на вечныя времена и в потомственные роды... всему Российскому благородному Дворянству» *вольности и свободы*, первый пункт, по которому дворяне могли продолжать службу «сколь долго пожелают, и их состояние им дозволит», четвертый пункт, разрешавший им свободно выезжать в европейские государства, а также заявленная в шестом пункте возможность призвать неслужащих дворян на службу, если «особливая надобность востребует». Кроме того, это был и п. 9, где заявлялось: «Но как Мы сие Наше... учреждение всему благородному Дворянству, на вечныя времена фундаментальным и неперменным правилом узаконяем; то в заключении сего Мы, Нашим Императорским словом, наиторжественнейшим образом утверждаем, на всегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах, и нижепоследующие по Нас законные Наши Наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сохранение сего Нашего узаконения будет им непоколебимым утверждением Самодержавнаго Всероссийскаго Престола»⁵. Провозглашение Манифеста *фундаментальным законом* Российской империи вполне соответствовало намерениям Петра III.

В Манифест было включено несколько норм, которые все же ограничивали провозглашенную свободу служить и не служить. Прежде всего, это был п. 7, по которому дворяне, имевшие во владении менее 1000 душ, были обязаны обучать своих детей в Шляхетном Кадетском корпусе, и п. 8, запрещающий дворянам, находившимся на военной службе, не имевшим обер-офицерского чина и отслужившим менее 12 лет «получать увольнения от службы»⁶. Эти нормы были внесены под влиянием И.И. Шувалова, который хотя и отозвался о даровании вольности 17 января как о «великом о дворянстве попечении», предложил ее ограничить [4, с. 135, 138].

⁵ ПСЗ. Т. 15. № 11 444. С. 912–914.

⁶ Там же. С. 914.

Важно отметить, что Петр III обдумывал дарование вольности российскому дворянству еще до своего восшествия на престол. Об этом позволяет утверждать свидетельство Я.Я. Штелина, учителя, а впоследствии библиотекаря великого князя Петра Федоровича, который в своих записках сообщал: «Самое замечательное дело, которое совершил он в первые дни правления, есть... уничтожение Тайной канцелярии... и дарование русскому дворянству свободы служить или не служить, выезжать из государства и проч. Об этих двух главных предметах... часто говорил он, будучи великим князем» [8, с. 35].

Изучая Манифест о вольности 1762 г., некоторые историки пытаются связать его появление с управленческими нуждами абсолютизма [6, с. 24], или, наоборот, с борьбой дворянства за свои права [3, с. 564]. Однако провозглашению вольности 17 января не предшествовали, например, какие-либо правительственные дебаты о необходимости дать дворянству свободу служить и не служить, равно как и не подавались прошения об этом, под влиянием чего Петр III мог бы принять таковое решение. Как позволяют судить источники, для него важным оказалось соответствие статуса российского дворянства статусу благородных европейских государств. Это позволяет рассматривать дарование им вольности российскому дворянству в 1762 г. как один из результатов адаптации европейских представлений о дворянстве в российскую политическую культуру.

1. Донесения датсаго посланника Гаксткаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 года // Русская старина. 1915. Т. 162. Апрель.
2. *Екатерина II*. Записки. СПб., 1907.
3. *Каменский А.Б.* Становление Российской империи // Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке. М., 2013.
4. *Киселев М.А.* И.И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г. // Вопросы истории. 2016. № 3.
5. *Киселев М.А.* Манифест о вольности дворянства 1762 года: реконструкция истории текста // Российская история. 2014. № 4.
6. *Марасинова Е.Н.* Вольность российского дворянства (манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Российская история. 2007. № 4.
7. Сборник РИО. СПб., 1876. Т. 18.
8. *Штелин Я.* Записки о Петре III // Екатерина. Путь к власти. М., 2003.
9. *Memoirs and correspondence (official and familiar) of sir Robert Murray Keith. L., 1849. Vol. I.*

**Автобиография, или Счет по государственному долгу?
Повествование контр-адмирала Джона Эльфинстона
о его службе в екатерининской России²**

Российская империя; британский флот; Греческий Архипелаг; Екатерина Великая; русско-турецкие войны.

В 2003 г. Библиотека Принстонского университета приобрела архив Джона Эльфинстона, британского капитана, ставшего российским контр-адмиралом, участника Архипелагской экспедиции. В составе бумаг Эльфинстона находится 500-страничное «Повествование» о его службе России в 1769-1771 гг., содержащее детальное и весьма критическое описание российского флота и флотоводцев Екатерины II. Подготовка перевода и комментированного издания мемуаров Эльфинстона позволяет высоко оценить информационный потенциал этого нового источника по политической и военной истории России XVIII в.

Британский капитан Джон Эльфинстон (1722-1785), возведенный Екатериной II в контр-адмиральский чин, фигура противоречивая в российской истории. Его имя нередко упоминается в связи с тем, что Эльфинстон привел из Кронштадта в Средиземное море вторую эскадру Архипелагской экспедиции, говорится и о его атаке на турецкий флот в июне 1770 г. при Наполи ди Романия и, реже – о его участии в Чесменском сражении. Эльфинстон прослужил Российской империи всего два года, и в июле 1771 г. получил отставку. Он заслужил награды, но весьма скромные, особенно в сравнении с другими командующими русско-турецкой войны.

В специальных работах по истории флота Эльфинстона обвиняют в стратегических просчетах, даже в том, что он посадил на мель свой флагманский корабль «Святослав», оттого турки прорвались к Лемносу и не позволили Орлову овладеть этим эгейским островом. Появляются и совсем малоосновательные домыслы, что Эльфинстон был «британским шпионом» и диверсантом.

В британской историографии Эльфинстон также не нашел своего благожелательного биографа, а самый большой знаток британцев на российской службе в XVIII в. Энтони Кросс кратко охарактери-

¹ Смилянская Елена Борисовна, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (РФ, Москва), д.и.н., esmilian@mail.ru.

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант а № 17-01-00261) «Екатерининская Россия: взгляд из Европы».

зовал его как человека «жестокого, упрямого и тщеславного» [3, с. 208].

Так бы Джон Эльфинстон и остался в истории сварливым британским командиром, чьи подвиги были «сомнительными» и не шли ни в какое сравнение с подвигами Алексея и Федора Орловых, Грейга, Спиридова.

Но вдруг в 2003 г. библиотека Принстонского университета приобрела пять больших коробок семейного архива Эльфинстонов, главной ценностью которого оказался оригинал рукописного автобиографического повествования, посвященного Екатерине II (его длинное название «Честь и отвага. Подлинно представленная *русская верность*, или Повествование о российской морской экспедиции в 1769 и 1770 годах, написанное контр адмиралом Джоном Эльфинстоном <...> чтобы добиться справедливости от императрицы за его признанную службу...»); далее: «Повествование»³. Автобиографическое повествование Эльфинстона претендует на то, чтобы стать одним из самых значительных по объему мемуаров иностранцев о екатерининском царствовании: более 500 страниц машинописи. На его перевод и комментированное издание уже получено разрешение хранителей, и здесь представлены некоторые предварительные замечания относительно своеобразия информации этого автобиографического источника.

Что заставило военного моряка Джона Эльфинстона взяться за перо? Как это нередко бывает – оскорбленная честь, обида на несправедливость, желание оправдаться, отомстить обидчикам и... получить денежную компенсацию. Последнее оказалось столь заразительным, что после смерти автора его «Повествование» с большим упорством продолжали использовать его внуки и правнук, грозя Александру I, Николаю I, Александру II, если их денежные претензии (а это почти 150 тыс. рублей!) не будут удовлетворены, опубликовать «позорящие российскую империю» мемуары покойного контр-адмирала. Денежные претензии в России удовлетворить не пожелали, однако и угрозы опубликовать «Повествование» не были исполнены. Оно лишь было бережно (почти как банковские бумаги!) сохранено в оригинале и двух сокращенных рукописных копиях вместе с прочими важными документами и черновиками. В самом «Повествовании» Джона

³ John Elphinston Papers Relating to the Russo-Turkish War // Manuscripts Division (C0951). Department of Rare Books and Special Collections. Princeton University Library.

Эльфинстона в канву мемуаров включены дневниковые записи и фрагменты судовых журналов, а также десятки эпистолярных документов из его обширной переписки с Н.И. Паниным, братьями Орловыми, И.Г. Чернышевым и др. (значительная часть этих писем не была ранее известна), наконец, собственно копии денежных счетов Эльфинстона к Российской империи.

Сам Джон Эльфинстон и его наследники считали, что «Повествование» несет безусловную угрозу имиджу России в мире, бросает тень на ее офицеров и командующих, представляет далекую от великолепия картину дел на российском флоте. А мнение Эльфинстона могло иметь серьезный вес: британец был допущен до важных государственных секретов, и за два года российской службы он на собственном опыте смог оценить все недостатки в снабжении, снаряжении парусных судов, в управлении ими, в подготовке офицерского состава. Из-под ударов своей критики Эльфинстон вывел, кажется, только русских матросов, пусть поначалу неумелых, но сильных и, главное, в отличие от их английских собратьев, – *покорных*.

Правда, Эльфинстон не случайно посвятил свой нарратив Екатерине II – ей единственной он был вдохновлен и очарован, к тому же имел веские основания судить об императрице не понаслышке.

С юности служивший на военной флоте, не знакомый с дворцовым закулисным, Эльфинстон был в одночасье вознесен в России столь высоко, что готов был поверить в свою исключительность, был полон надежд и уверен, что *откроет русским*, как правильно снаряжать и вести военные эскадры; он жаждал показать *отменный британский образец мореплавания* и, нужно признать, императрица возлагала на него серьезные надежды.

Прочитую самые восторженные строки его «Повествования» о первых месяцах пребывания в России:

«На следующий день после моего приезда любезный прием, которым я был удостоен от Ее Величества, Великого князя и большинства дворянства наполнил меня столь сильной благодарностью, что я думал, как во время моей службы, смогу я в полной мере выказать свои возможности на службе России... Нам отвели апартаменты при дворе, и мы имели честь обедать и ужинать с великим князем каждый день, и помимо всех прочих удовольствий лошади и экипажи были в нашем распоряжении. Великий князь был столь отменно расположен к моим сыновьям, что я видел, как он целовал их по 20 раз на дню и

мне рисовалось, какую зависть это могло вызвать у придворных»⁴.

Помимо участия в светской жизни Эльфинстон был удостоен и утреннего «рабочего» приема у императрицы, интересовавшейся ходом подготовки эскадры, был приглашения в сопровождении графа Панина посетить Царское село. Наконец, отпраздновав при дворе торжественные дни годовщины коронации и день рождения наследника Павла Петровича, эскадра Эльфинстона покинула Кронштадт в октябре 1769 г. В январе 1770 г. Екатерина писала о британце в Италию А.Г. Орлову: «трудолюбие, рдение и ревность сего достойного человека не можно довольно похвалить, он, конечно, все на свете препятствия преодолет» [4, с. 527].

Почему же через несколько месяцев, за которые Эльфинстон участвовал *только в победных операциях*, та же Екатерина сообщит о нем с презрением: «Эльфинстон принадлежит к разряду людей сумасшедших, которые увлекаются первым движением и не соблюдают последовательности» [1, с. 49 (прим.)]?

Виной такой радикальной перемены стали не только особенности «бешеного», «беспутного»⁵ характера Эльфинстона. Причиной всех бед контр-адмирала было нежелание считаться с реалиями чуждой ему российской военно-морской системы, с иными флотскими традициями и характерами людей, столь далекими от знакомого ему британского образца. Эльфинстон, страдая от незнания российских порядков и языка, повторял типичные штампы западноевропейской россики о нечистоплотности, пьянстве, суеверии, о реальном или кажущемся непрофессионализме, даже трусости своих русских соратников. Неожиданным кажется лишь то, на кого направлял контр-адмирал свои инвективы: на признанных героев Архипелагской кампании адмирала Г.А. Спиридова, графа А.Г. Орлова, капитанов С.П. Хметевского, И.Я. Барша и даже на быстро обрусевшего соотечественника С.К. Грейга. А то были люди, могущие за себя постоять.

Так, в текст с подробным описанием военных акций, открывающихся в неизвестных и примечательных деталях, Эльфинстон включает ядовитые замечания такого рода: «я встретил [в Кронштадте] адмирала Спиридова на улице в *засаленном тулупе и с длинной бородой*. Он обнял меня с *поцелуем Иуды*, за что я хотел послать его к дьяволу, покуда менее стойкого человека такой поцелуй мог бы от-

⁴ Там же. Вох 3. Vol. 1. P. 4. Здесь и далее перевод мой. – Е.С.

⁵ Так характеризуют Эльфинстона и плававший с ним С.П. Хметевский, и А.Г. Орлов [См.: 5, с. 129, 580].

равить»⁶. Не пощадил Эльфинстон и Алексея Орлова-Чесменского: «я нахожусь под командованием сухопутного офицера, который *едва ли что-то смыслил*, помимо наземной службы»; «граф [Орлов во время осады Лемноса] не осмелился показать мне то, как он живет <...> по ночам 8 или 10 офицеров валяются на полу его каюты, а граф и его любовницы находятся по соседству»⁷. Шаржевые зарисовки и ядовитые характеристики получают и другие видные вельможи и военачальники.

У Эльфинстона были и более серьезные основания выражать недовольство русскими соратниками, когда речь шла об экипировке флота, Чесменском сражении и блокаде Дарданелл, но в особенности, неудачной осады Орловым крепости Лемноса.

Между тем, все риторические стратегии Эльфинстона были нацелены единственно на то, чтобы доказать императрице, что ее выбор пал на недостойных, а настоящий герой неоченен. После сражений при Наполи ди Романия и Чесме о себе Эльфинстон писал:

«я имею внутреннее удовлетворение знать..., что *без меня* флот Ее императорского величества никогда бы не был в той ситуации, чтобы показать себя в Архипелаге. Без того, что я встретился с превосходящими силами противника, никогда бы не было битвы и сожжения флота при Чесме, и в этом деле я разделял опасности и честь, как любой другой командующий... Напротив, если бы следовали *моим* советам, *то Константинополь* весьма вероятно обратился бы в пепел».⁸

Известно, что по мнению более дальновидного и не менее храброго Алексея Орлова – и атака Эльфинстона в одиночку на превосходящий турецкий флот при Наполи ди Романья, и его намерение прорваться к Константинополю были неоправданно рискованными и ставили под угрозу все средиземноморское предприятия Екатерины [мнение Орлова см.: 4, с. 550]. Однако, свои просчеты, хорошо известные Эльфинстону, Орлов также знал и хотел скрыть (надо признаться, ему это неплохо удалось, как об этом свидетельствует «героическая»

⁶ John Elphinston Papers Relating to the Russo-Turkish War // Manuscripts Division (C0951). Department of Rare Books and Special Collections. Princeton University Library. Box 3. Vol. 1. P. 5.

⁷ Там же. Box 3. Vol. 3. P. 229, 230.

⁸ Там же. Box 3. Vol. 4. P. 7. Эту версию о возможном захвате Эльфинстоном Константинополя подхватили в Европе, ее спустя годы пересказал Корберон, настаивая, что всеми морскими победами войны с турками русские были обязаны Эльфинстону, «обладавшему неустрашимостью и большими дарованиями» [2, с. 115].

историография русско-турецкой войны).

Из «Повествования» Эльфинстона впервые открывается изощренная интрига, на которую Орлов пошел, чтобы удалить заносчивого свидетеля из Архипелага, и его месть была сокрушительной для карьеры Эльфинстона. С июня 1770 г. Орлов напрямую жалуется на «поведение» Эльфинстона Екатерине (именно с его слов императрица переменяла мнение о британце), Орлов пресек переписку Эльфинстона с его «другом» Н.И. Паниным, но и этого показалось недостаточно. Орлов выманил британского контр-адмирала из Архипелага якобы «секретным» посланием, требуя приезда Эльфинстона инкогнито в Ливорно, а потом и в Петербург с мнимой целью возглавить новую эскадру флота в Архипелаг. Интрига чрезвычайно похожая на известный орловский спектакль с княжной Таракановой! Интрига была подкреплена еще одним хорошо известным Орлову оружием: вбросом дезинформации в европейские издания о растратах и даже предательстве Эльфинстона. Не удивительно, что прибывший в Петербург в апреле 1771 г. Эльфинстон застал в столице радикально переменявшееся к себе отношение двора и императрицы⁹.

Реабилитировать свою оклеветанную честь Эльфинстону удалось не без труда: он тоже использовал прессу и грозил обнародовать свои секретные бумагами, решая финансовые тяжбы через российского посла в Лондоне. На Британский флот Эльфинстон вернулся в прежнем чине капитана, сражался с Американскими штатами, дожил до 63 лет и умер в 1885 г. в своем доме в Лондоне.

Но всего два года российской службы до конца дней не давали ему покоя. Его преследовала обида на Российскую империю, которая его не оценила и не расплатилась сполна за его подвиги; ему мерещились якобы упущенные им совершенно фантастические возможности «стать капудан пашой Османского султана» и получить от турок несметные богатства. И, начав свое «Повествование», чтобы «повергнуть в изумление моряков всех наций» (*‘to astonish the marines of all nations’*), Эльфинстон, действительно, создал огромное эпическое по-

⁹ «Я увидел многих моих старых знакомых дворян и зарубежных министров. Первые держались с исключительной холодностью, вторые также, но их холодность была смешана с большей светскостью. Шведский посол пошел даже на то, чтобы сообщить <...>, как он был удивлен увидеть меня при дворе, так как он слышал, что меня заключили в крепость...» John Elphinston Papers Relating to the Russo-Turkish War // Manuscripts Division (C0951). Department of Rare Books and Special Collections. Princeton University Library. Box 3. Vol. 4. P. 2.

лотно, которому, правда, надолго суждено было оставаться лишь достоянием его семейства.

Особые задачи, которые поставил перед собой автор – защитить свою честь и предъявить *счет* за оскорбления – безусловно, повлияли на характер информации автобиографического нарратива: в нем нет почти *ничего личного*. Переживания автора и его семьи – тема неуместная, когда речь шла о претензиях по *государственному* долгу.

Зато детализация при описании важных событий военно-морской истории России в «Повествовании» Эльфинстона беспрецедентная, к тому же цепкий взгляд оскорбленного британца уловил ценнейшие детали, казалось бы, погребенные вместе с их свидетелями более двух столетий назад. По сути, в начале XXI в. историкам открылся источник, который позволит еще многое переоценить в начальном этапе военного проникновения России в Средиземноморье.

1. Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 2.
2. Корберон М.Д. Из записок // Екатерина II: путь к власти. М., 2003.
3. Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005.
4. Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Т. 11.
5. Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.

УДК 930.2

Т.А. Круглова¹

Современники гетмана К.Г. Разумовского о причинах его отставки в 1764 г.

Малая Россия; гетман К.Г. Разумовский; старшина; причины упразднения гетманства; наследственное гетманство; историческое предание.

В статье выдвинута гипотеза о происхождении заметки «О причине увольнения от достоинства гетманского графа Кирилла Григорьевича Разумовского» во второй половине XVIII – начале XIX вв. в среде малороссийской старшины как исторического предания.

Современники малороссийского гетмана К.Г. Разумовского (1728 – 1803) на страницах своих сочинений повторяли одну и ту же – официальную – точку зрения на его отставку в 1764 г. Эта версия российских властей была обнародована в манифесте 10 ноября 1764 г., который преподносил причинно-следственные связи события

¹ Круглова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н.; istochmsu@list.ru.

обтекаемо и неопределенно. Причиной отставки объявлялось желание К.Г. Разумовского, чтобы «чин гетмана и положенное на него по тому правление Малой России с него сняли». Также в манифесте сообщалось, почему К.Г. Разумовский отказался от гетманства: прошение об увольнении стало итогом «рассуждений» гетмана об обширности его «многотрудных дел малороссийских, а напротив того и других в Великой России не меньше важных его упражнений...» [6, с. 524–525].

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. современники К.Г. Разумовского, без сомнения, выдвигали и свои версии события, но ни одна из них до недавнего времени не была известна историкам. Только в 2003 г. в научный оборот был введен источник с оригинальной трактовкой причины отставки гетмана. Версия представлена в небольшом по объему недатированном анонимном тексте под заглавием «О причине увольнения от достоинства гетманского графа Кирилла Григорьевича Разумовского» (далее – «О причине увольнения...») [3, с. 292–293]. Публикуя заметку, О.И. Журба датировал ее годом первого упоминания в 1810 г. и атрибутировал собирателю письменных древностей, историку Слободской Украины и Малой России, писателю Илье Ивановичу Квитку (1745 – после 1816) [1, с. 120–137].

Однако датировка и авторство заметки могут быть скорректированы. Во-первых, с учетом природы источника (об этом далее) и первым его упоминанием предпочтительно датировать текст в широком временном диапазоне – после отставки гетмана до 1810 г. Во-вторых, И.И. Квитка не был автором заметки. Он как собиратель письменных исторических источников ее обнаружил, не указав, правда, где и когда. Против авторства И.И. Квитки говорят и его собственные сочинения по истории Малой России. В них повторена официальная версия увольнения К.Г. Разумовского без каких-либо дополнительных нюансов [4, с. 42; 2, с. 286].

Что же касается заметки «О причине увольнения...», то в ней употреблено новое ключевое слово, вернее, словосочетание, которое называло конкретную причину подачи гетманом прошения. Это словосочетание – «наследство гетманского достоинства».

Заметка сообщала, что идея наследственного гетманства принадлежала лично К.Г. Разумовскому. В поддержку своей затеи гетман «согласил всех малороссийских как военных и гражданских чиновников, так и все посполство». Всеобщая договоренность отразилась в «акте», текст которого был направлен императрице. «Но, – отмечается в заметке далее, – Екатерина II уничтожала все то, что не может

полезным быть в Российской империи, не вникая о представленном акте, указала ему, гетману, подать прошение о увольнении его от гетманского чина». При этом подчеркивалось, что «противоречия в сем случае относительно самодержавной власти не имели места». Таким образом, в подаче гетманом прошения об увольнении усматривалась развязка конфликта, с одной стороны, государственных интересов Екатерины II как правительницы Российской империи, а с другой – личных амбиций К.Г. Разумовского. Поэтому при обобщении изложенных фактов ответственность за ликвидацию института гетманской власти возлагалась в заметке на гетмана: «Так ускорил граф Разумовский чрез установление наследства на предбудущие времена уничтожение гетманского достоинства произвести в Малой России».

На первый взгляд может показаться, что заметка «О причине увольнения...» имеет достоверную основу, которую ей обеспечил документ, названный актом. В нем якобы был оформлен общественный договор об изменении механизма формирования гетманской власти. Однако среди немногих источников, связанных с реализацией идеи наследственного гетманства, такой документ отсутствует – он, судя по всему, вообще не существовал.

В реальности существует документ, который возник непосредственно в ходе кампании за наследственное гетманство, развернувшейся в Малой России в конце 1763 – начале 1764 гг. Речь идет о челобитной на имя императрицы Екатерины II, подготовленной старшиной с просьбой сохранить гетманский чин в семействе тогдашнего гетмана К.Г. Разумовского. В настоящее время исследователи располагают четырьмя оригиналами подобных челобитных, составленными в Лубенском, Киевском, Гадячском и Миргородском полках по единому формуляру [8, с. 106–123].

Текст челобитной может послужить проверке достоверности фактической основы заметки «О причине увольнения...» и определению ее идейной направленности. Те обстоятельства, что сопоставляемые тексты не совпадают по времени возникновения, что они создавались в разных условиях и с разными целями (заметка – после совершившейся отставки, а челобитная – в тот момент, когда последствия кампании за наследственное гетманство еще не были ясны), не мешают, а, напротив, позволяют ярче выявить специфичность заметки.

Сопоставление фактов, приведенных в заметке, и реалий, зафиксированных в челобитной, показало принципиальное несходство содержания текстов. Укажем на некоторые из расхождений. Во-первых, в челобитной нет ссылок на всеобщую договоренность относительно

выбора очередного гетмана из семейства Разумовского. Во-вторых, из челобитной не следует, что кампанию за «наследственное гетманское достоинство» инициировал К.Г. Разумовский. Но из челобитной следует, что за наследственное гетманство достаточно сплоченной силой выступала старшина. В одной из челобитной просители себя обозначили так: «Бьет челом малороссийского Лубенского полку полковник з полковою старшиною и сотниками и протчими того полку чинами». Это прошение подписали 87 человек, среди которых были полковник, полковая и сотенная старшина, атаманы, бунчуковые, войсковой и значковые товарищи и только четыре священнослужителя. Всего же в четырех полках было собрано 287 подписей [8, с. 111].

В-третьих, и в заметке, и в челобитной присутствует сюжет с описанием механизма передачи гетманской власти от отца к сыну:

Механизм передачи гетманской власти	
Заметка	Челобитная
«Сочинений о наследстве гетманского достоинства акт, в котором написано было, кого он (гетман. – <i>Т.К.</i>) из своих сыновей назначит быть наследником, они будут довольны, и таковому наследству в его фамилии утвержденному, они на предбудущее время видеть желают» [3, с. 292–293].	«...имянным своим указом всемилостивейше утвердить, дабы мы, нижайшие, после нынешнего гетмана из синов его, графов Разумовских, в гетмани того, который к сему достойнейший будет, з Высочайшего Вашего императорскаго величества соизволения избрать свободу имели, и на таком основании, как нынешний гетман утвержден состоит» [8, с. 115].

Как видим, на вопросы о том, кто и когда будет избирать будущего гетмана, тексты дают разные ответы, хотя они, безусловно, должны быть одинаковыми. Так, согласно заметке «О причине увольнения...», ситуацию полностью контролировал действующий гетман, поэтому он сам, по-видимому, в любой момент, когда счел бы это нужным сделать, выбирал преемника из своих сыновей. Симптоматично, что в заметке умалчивалось об участии старшины в кампании за наследственное гетманство. Совершенно иной сценарий передачи гетманской власти предлагался в челобитной. Из шестерых сыновей К.Г. Разумовского, из которых старшему сыну в 1763 г. было пятнадцать лет, а самому младшему – два года, будущего гетмана должна избирать старшина и свой выбор она будет делать «после нынешнего гетмана».

Таким образом, описания одного и того же события противоречат друг другу. Если оценивать достоверность анализируемых

текстов, то достоверным источником следует признать челобитную. Тем более что отставку гетмана обусловило и ее содержание. Как в сценарии передачи власти новому гетману, предложенном в челобитной, так и в организации самой кампании К.Г. Разумовский смог уловить скрытую угрозу в свой адрес и адрес сыновей. Когда в прошении об отставке, поданном императрице в феврале 1764 г. по «горячим» следам кампании [5, с. 3–24], гетман определил гетманскую должность для него «опасной», он имел в виду, скорее всего, слова челобитной «после нынешнего гетмана» и те события, в результате которых он мог потерять свой чин или даже жизнь. По его мнению, в Малой России складывалась обстановка, в которой он как гетман не сможет оставаться верным императрице. В прошении об увольнении К.Г. Разумовский заявил: «Посвящая во все времена преданности моей и верности к священной особе вашего императорского величества все мое благосостояние, теперь нахожу, что *дальнейшее в гетманском звании мое пребывание* может коснуться сего моего главного в жизни обстоятельства, и потому дерзаю всеподданнейше просить ваше императорское величество о снятии с меня столь тяжелой и *опасной* мне должности» (выделено мной. – Т.К.) [7, с. 328].

Но что же такое заметка «О причине увольнения...», которая весьма вольно передавала факты, связанные с наследственным гетманством? В заметке, как полагаем, зафиксирован тот образ кампании, какой ее хотели видеть определенные слои малороссийского общества. Образ создавался в среде малороссийской старшины, отдельные представители которой в конце 1763 – начале 1764 гг. выступили организаторами и активными участниками движения за наследственное гетманство, скрытой целью которого была отставка гетмана. Но, добившись увольнения К.Г. Разумовского, старшина потеряла то, что не предполагала потерять, – институт гетманской власти, олицетворявший автономное пребывание Малой России в составе Российской империи. Именно поэтому старшина стремилась предать забвению свою причастность к уничтожению национального института власти, целиком переложив вину на действующего в тот момент гетмана. Иначе говоря, осознав спустя некоторое время после персональной отставки К.Г. Разумовского, что институт гетманства не будет восстановлен, малороссийская старшина начала заполнять одну из страниц собственной истории, какую она хотела бы сохранить для потомков, и сочиняла эту историю в жанре исторического предания.

Любое историческое предание как рассказ о прошлом возникло, бытовало и развивалось в пространстве устного творчества.

Исключением не был и текст заметки «О причине увольнения...». В ней зафиксирован устный нарратив, который дошел до нас благодаря тому, что в какой-то момент кем-то был записан. Этот нарратив обладает всеми чертами исторического предания. Устный рассказ сконцентрирован вокруг реального события, имевшего большое значение для малороссийской старшины; сосредоточен на деяниях всем известной личности, долгие годы правившей Малой Россией; имел установку на достоверность, но повествовал о реальном событии с вымыслом; безличен с точки зрения авторства; особым образом построен. В условиях XVIII в. подобное устное творчество способствовало созданию также исторических анекдотов о реальных деятелях. В первой половине XIX в. предание «О причине увольнения от достоинства гетманского графа Кирилла Григорьевича Разумовского» получило свое дальнейшее развитие на страницах знаменитой «Истории русов или Малой России».

1. *Журба О.І.* Историчні та археографічні студії на Слобожанщині другої половини XVIII – початку XIX століть: І.І. Квітка // *Журба О.І.* Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ, 2003.
2. *Квітка І.І.* Краткая история Малой России // *Журба О.І.* Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ, 2003.
3. *Квітка І.І.* О причине увольнения от достоинства гетманского графа Кирилла Григорьевича Разумовского // *Журба О.І.* Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ, 2003.
4. Краткое историческое описание о Малой России до 1765 года с дополнением о запорожских казаках и приложениями, касающимися до сего описания, собранное из летописей, польского и малороссийского журнала или записок генерала Гордона, Страленберга, шведского историка, из жизнеописания о государе Петре Великом архиепископом Феофаном Прокоповичем и греком Антонием Катифором, фамильных записок и публичных указов. 1789 // ЧОИДР. 1848. № 6.
5. *Круглова Т.А.* Об отставке последнего малороссийского гетмана К.Г. Разумовского (1764 г.): новое прочтение источников // Вестник Московского университета. Серия 8. 2010. № 1.
6. Сенатский архив. Т. 14. СПб., 1910.
7. *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. XIII. История России с древнейших времен. Т. 26. М., 1994.
8. *Сухих Л., Вовк О.* Кирило Розумовський: Спроба встановлення спадкового гетьманства // Архіви України. 2008. № 3–4.

**Соглашение между кредиторами и должником как способ
выплаты дворянского долга на рубеже XVIII–XIX вв.
(дело князя А.Н. Голицына)**

Экономическая история России XVIII–XIX вв.; дворянство; долг; Голицын А.Н.

На впервые вводимом в научный оборот материале рассматривается один из эффективных способов выплаты крупного долга российского аристократа, А.Н. Голицына, через обоюдовыгодное соглашение между сторонами.

Закредитованность аристократических семей на рубеже веков была широко распространена во всех европейских странах [1]. Причины увеличения долговой нагрузки дворян могут лежать в широком спектре потребительских моделей от «жизни не по средствам» как результата стремления к демонстративному потреблению до желания увеличить доходы благодаря активному использованию кредитных инструментов. Пристальное внимание исследователей к изучению причин, по которым нобилитет активно занимал деньги, объяснимо, ответ позволит оценить возможности дворянского сословия к сохранению своего привилегированного положения в условиях экономического роста. Признавая важность этой задачи, я считаю допустимым решение вопроса, о возможностях дворянского сословия к адаптации в меняющемся мире, с конца. Как магнаты выплачивали свои долги? Выбор того или иного способа из нескольких имеющихся вариантов отражает, на наш взгляд, наличие или отсутствие у дворянской корпорации способности к заключению взаимовыгодных договоров.

Аристократы любой европейской страны, к числу которых относится Россия, могли выплатить долг несколькими способами. Во-первых, дворяне могли объявить о банкротстве, но это означало бы «исключение» из дворянского сословия, и за весь имперский период в России, насколько нам известно, не было ни одного случая банкротства крупных дворянских фамилий. Во-вторых, дворяне могли увеличить доходы,

¹ Корчмина Елена Сергеевна, New York University in Abu Dhabi (UAE, Abu Dhabi), Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики» (РФ, Москва), к.и.н., e.korchmina@gmail.com.

например, начав эффективно распоряжаться имеющимися ресурсами или заключив выгодный брак. В-третьих, можно было сократить расходы, в первую очередь, на демонстративное потребление. В-четвертых, можно было продать имеющиеся активы: землю, лес, крестьян, дома, драгоценности [2, с. 304]. К четырем способам, перечисленным Джоном Хабаккуком можно добавить еще один специфически российский – обращение к императрице с жалобой на бедственное положение, которое часто удовлетворялось. Таким образом, у российских аристократов было четыре способа выплатить долги: увеличение доходов, уменьшение расходов, продажа части имущества и помощь императрицы. Размер долга известных дворянских фамилий был таков, что только комбинация этих четырех вариантов могла привести к желаемому результату. Сочетание способов зависело от конкретных обстоятельств, но принципиально возможно было два пути: традиционный – через опеку, основанный на устранении дворянина от принятия решений, или в какой-то степени новаторский – через соглашение, основанный на доброй воле разорившегося дворянина.

Установление опеки предполагало введение внешнего управления. Задачами опекуна было эффективное хозяйствование для увеличения доходов, определение разумной доли доходов с имения, идущей на содержание дворянина и его семьи, для сокращения расходов, также он имел право продавать часть или все имение, если находил это необходимым. Многие в этой ситуации зависело от личных сил и способностей попечителя, но его возможности были сильно ограничены законом, который, по всей видимости, защищал интересы кредиторов, и продажа имения с аукциона были базовой рекомендацией. Выплата долгов через опекуновское управление была очень длительным и бюрократически сложным процессом, поскольку любые действия опекун должен был согласовывать с органами дворянского самоуправления. Интересы должника максимально быстро закрыть долг и интересы кредиторов максимально быстро получить деньги невозможно было удовлетворить, вступая на путь опекуновского управления, но при всех недостатках эта схема была отработана и преобладала.

В конце XVIII в. появляется новый вариант выплаты долгов – заключение соглашения между кредиторами и должником – его главным отличием была выработка взаимовыгодных условий погашения долга в индивидуальном порядке. Именно этот вариант, на мой взгляд, показы-

вает потенциал общества того времени к взаимовыгодному сотрудничеству.

Но для того, чтобы пойти по пути опеки или добровольного соглашения нужно было понять объем долга, а это было нетривиальной задачей, поскольку аристократы очень часто не имели полных сведений о всех своих долговых обязательствах. Причин этому несколько: во-первых, особенности ведения финансовой документации часто не позволяли вычислить всю сумму долга, это не значит, что финансовый учет велся плохо, просто уровень финансовой грамотности не соответствовал сложности задачи, во-вторых, нормального финансового учета могло не быть в силу неаккуратности. Поводом к выявлению всех долгов были смерть дворянина, жалобы со стороны дворянского общества или семьи на разоряющегося аристократа и добровольное признание своего сложного финансового положения. В любом случае единственным способом узнать о всех имеющихся долгах по факту можно было только через публикацию в газетах объявления, призывающего кредиторов сообщать свои финансовые претензии. В тех условиях это был единственный доступный и разумный способ собрать всех кредиторов.

Договор как способ выплаты крупного дворянского долга был выбран для решения финансовых проблем князя Александра Николаевича Голицына (1769–1817) из рода князя Голицына Михаила Михайловича старшего. Об Александре Николаевиче достоверно известно немного, он был камергером, вел «роскошный образ жизни», стал участником сомнительной истории, в которой проиграл свою жену, княжну Марию Григорьевну Вяземскую, в карты. В конце XVIII в. оказался на грани полного разорения, и, по всей видимости, сам попросил Гавриила Романовича Державина выступить опекуном и решить его финансовые проблемы², последний согласился.

7 мая 1801 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется объявление, в котором действительный тайный советник, сенатор, государственный казначей и кавалер Гавриил Романович Державин сообщает, что «Высочайшим указом минувшего марта 30 дня 1801 года... постановлен он попечителем над именем господина действительного камергера князя Александра Николаевича Голицына, ... господа кредитору имеющие претензии свои на означенном имении благоволят явиться к

² РГАДА Ф. 1263. Оп. 10. Д. 2273. Л. 1.

нему с документами претензий своих...»³.

После опубликования объявления к концу 1801 г., через 6 месяцев после первой публикации, масштаб бедствия стал понятен. Александр Николаевич Голицын должен был в государственные банки чуть более 680 тыс. руб., по закладным на недвижимое имение около 90 тыс. руб., по векселям и заемным письмам почти 2,24 млн руб., московскому купцу Кнауфу около 750 тыс. руб., всего 3,8 млн руб. В это время в его владении состояло 14,4 тыс. крестьян мужского пола.

Даже полная продажа имения не позволяла удовлетворить интересы всех кредиторов. При продаже через аукцион можно было выручить максимум по 125 руб. за одну мужскую душу, то есть около 1,8 млн руб. Эти деньги нельзя было пропорционально распределить между кредиторами, в первую очередь выплачивались в полном объеме долги банку и проценты займодавцам, что составляло 800 тыс. руб. Оставшаяся сумма шла на удовлетворение других кредиторов, и платеж должен был составить 45 коп. на рубль. Да и то это можно было сделать только через 21 год, поскольку имение было заложено в банк и обременено дополнительными обязательствами.

Подобная патовая ситуация привела Голицына к идее отдать себя полностью в руки кредиторов «для удобнейшей и сколько возможно выгодной продажи и удовлетворение долгов»⁴. Безусловно, нельзя утверждать, что это была идея самого Голицына, он был человек с сомнительной репутацией. Но в финансовых документах о доброй воле князя Голицына сообщалось. Причем именно «благонамеренное его всем своим достоянием пожертвование»⁵, благосклонно принятое собранием кредиторов, позволило выработать соглашение, устраивающее все стороны.

В соответствии с договоренностью, кредиторы согласились выплачивать из доходов имения ежемесячно на содержание князя 1,5 тыс. руб., что в год составляло 18 тыс. руб.⁶ Также продажа имения была признана необходимостью, но не через аукцион, а по рыночной цене, не менее 250 руб. за мужскую душу. Кредиторы отказывались от получения процен-

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 39, 7 мая. С. 1457.

⁴ РГАДА Ф. 1263. Оп. 10. Д. 2273. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Эта сумма, по всей видимости, рассматривалась как достаточная для того, чтобы вести достойный образ жизни.

тов и рекамбии. После продажи имения князю должно было остаться не менее 2 тыс. крестьян⁷. Если же этот минимум крестьян сохранить не удалось бы, то кредиторы заранее соглашались уступить с каждого рубля, получаемого от продажи княжеского имения, 8 копеек. В результате договоренность можно признать удовлетворительной как для князя, поскольку не только исключалось его полное разорение, но оставалась возможность вести достойный образ жизни, так и для кредиторов, которые получали возвращение основной суммы долга пусть и с потерей процентов.

Это решение всех устраивало, но московский уездный суд, который должен был придать этому соглашению законную силу, отказался это делать, апеллируя к необходимости следовать закону от 19 декабря 1800 г. Главный опекун, Г.Р. Державин, составил записку с описанием всех обстоятельств дела и преподнес ее императору, прося высочайшего разрешения, которое в итоге и было получено. 3 октября 1803 г. подписанное императором соглашение было направлено московскому гражданскому губернатору, который в свою очередь отдал распоряжение через губернское правление московскому уездному суду начать производство по делу. И на сей раз спустя почти 2 года опекуны получили законное право действовать в соответствии с достигнутым соглашением.

Но несмотря на то, что официальное производство по делу началось только в конце 1803 г., имение находилось в управлении попечителей и по факту договоренности претворялись в жизнь. В частности уже к концу 1803 г. часть имения была продана по выгодной цене, выше предварительно установленной планки в 250 руб. за мужскую душу.

Таблица 1

Стоимость продажи ряда имений князя А.Н. Голицына в Московской губ.

Название населенного пункта	Число душ	Продажная стоимость (в руб.)	Продажная стоимость на векселя	Общая сумма сделки	Стоимость мужской души
С-цо Парнево	77	11 200	30 000	41 200	535
С. Таширово	410	40 000	279 280	319 280	778
С-цо Ивашково	106		96 000	96 000	905

⁷ Предполагаю, что такой размер имения позволял получать ежегодный доход около 18 тыс. руб.

Также на векселя был продан лес на «срубку», два огородных места в Москве, в итоге было получено около 600 тыс. руб., при этом из имения выбыло только 593 души.

Подобный результат во многом был достигнут благодаря уходу от сделок с наличными деньгами, недостаток которых был острой проблемой на протяжении всего имперского периода в России. «...ибо покупщики удобнее могут сделать оборот в приискании векселей нежели наличных денег, кредиторы же передавая оные, получают чрез то, свои капиталы...»⁸. Часть российских дворян давно выступала за то, чтобы даже налоги платить через векселя, не говоря о получении оброчных денег из деревень.

Как заключал Державин «все вышеписанные обстоятельства ясно доказывают, что для получения кредиторам своего удовлетворения, а князя выплатить им должную сумму, – единое только остается средство не препятствовать учрежденным попечителям приводить к окончанию начатый конкурс по сделанному кредиторами акту. В противном же случае производство сего дела посредством судебных мест не доставит и третьей доли на капиталы против предполагаемого ныне попечителями удовлетворения, а князь Голицын лишится своего достояния навсегда»⁹.

Итак, этот вопрос был решен к всеобщему удовольствию. Этот случай не был уникальным, коль скоро известно, что Державин [5] помог нескольким дворянским фамилиям избежать разорения, действуя по той же схеме. «При Павле... он имел в управлении своем 8 опеков, а именно – господ Фирсовых, графа Чернышева, князя Гагарина, графини Брюсовой, князя Голицына, графини Матюшкиной, генерал Зорича, госпожи Колтовской...» [3, с. 394]. В определенных кругах этот вариант решения финансовых вопросов был хорошо известен. Граф Чернышев писал Державину: «признательность мою к шестилетним подвигам вашим на существенные пользы мои и на освобождение меня с семейством моим от предлежавших мне горестных последствий, преодоленных вашим высокопревосходительством с толиким беспокойством и пожертвованьем времени, я за священный долг себе вменил изъяснить вам не токмо чрез сие, но и чрез публичные ведомости как в Российской Империи...» [4]. Но несмотря на экономическую выгоду и известность в соот-

⁸ РГАДА Ф. 1263. Оп. 10. Д. 2273. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 3 об.

ветствующих кругах подобного способа решения финансовых проблем, он не стал преобладающим, что является сигналом кризиса дворянской корпорации, чьи возможности к заключению договоров, по всей видимости, были ограничены.

1. *Fontaine L.* The Moral Economy. Poverty, credit, and trust in Early Modern Europe. Cambridge, 2014.
2. *Habakkuk J.* Marriage, Debt, and the Estates System: English Landownership, 1650-1950. Oxford, 1994.
3. *Державин Г.Р.* Записки 1743-1812. М., 1860.
4. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752-1818). М., 2002.
5. *Разманова Н.А.* «Финанс-министр» и государственный казначей Г.Р. Державин // Бюджетный учет. 2012. № 5.

УДК 94(47).066

В.Е. Борисов¹

**Родственное окружение депутата екатерининской
законодательной комиссии Г.С. Коробьина: материалы к
биографии²**

Уложенная комиссия 1767-1774 г.; крестьянский вопрос; Г.С. Коробьин; дворянство; Эпоха Просвещения.

Систематизирована известная и введена в оборот новая информация о родственных связях и фактах биографии депутата екатерининской Уложенной комиссии Г.С. Коробьина. На основе собранной информации предпринята попытка пролить свет на формирование позиции депутата в дискуссии о «крестьянском вопросе» в Уложенной комиссии.

Депутат екатерининской комиссии о сочинении нового уложения Григорий Степанович Коробьин – фигура довольно известная. Без характеристики его речей в Большом собрании по «крестьянскому вопросу» не обходится ни одно сколько-нибудь развернутое повествование об

¹ Борисов Виктор Евгеньевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (РФ, Москва), к.и.н., vborisov@hse.ru.

² Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 году. В работе использованы результаты работы над проектом «Культура и быт русского дворянства в провинции в XVIII веке» (Германский исторический институт в Москве (2009–2012)).

Уложенной комиссии (см., например, [7, с. 276, 286–287, 291; 11, Гл. 16, § 2]). Он публично заявил, что чрезмерные поборы помещиков являются причиной крестьянских побегов и потому крестьянские повинности требуют регламентации. Он же отстаивал полезность крестьянской собственности и брался доказать, что «имя свободы причиняет пользу, делает побуждение и крестьян полезными государству и помещикам» [3, с. 208–211]. Будучи не единственным, но одним из самых ярких поборников этих, явно просветительских, идей в Комиссии Г.С. Коробьин, ни до ни после никак себя ярко не проявил, и биографические сведения о нем в историографии немногочисленны [9; 16, с. 270; 14; 15, с. 43].

Цели настоящей работы – верифицировать данные, приведенные в историографии без ссылок, дополнить их на основе собственных разысканий и по возможности приблизиться к пониманию того, как сложились взгляды Г.С. Коробьина, высказанные в Уложенной комиссии.

Итак, будущий депутат родился в период между 1741 и 1743 гг. (более вероятен 1741 г.³) в семье (на тот момент) капитана Вятского пехотного полка, а впоследствии надворного советника, Степана Михайловича Коробьина и Прасковьи Петровны, урожденной Жеребятичевой⁴. Григорий вступил в службу в 1758 г., в 1760 г. получил чин штык-юнкера, в 1760–1762 гг. он принял участие в Семилетней войне, но в крупных сражениях, судя по отсутствию упоминаний в формуляре, не участвовал. С 1761 г. он был «при полку за комиссара» в связи с чем в 1763 г. находился «под счетом», пропустил «произхождение» 1 июля 1763 г. и только заплатив начет смог в октябре 1764 г. получить чин подпоручика, после чего вышел в отставку по манифесту о вольности дворянству, будучи 23 лет от роду⁵. 19 февраля 1767 г. Г.С. Коробьину передал свои полномочия депутат от дворянства Козловского уезда Семен Муравьев.

До недавнего времени природа отношений между Муравьевым и

³ Год вычисляется на основании данных формулярных списков в 1764 г. – 23 года (РГВИА. Ф. 5. Артиллерийская экспедиция. Оп. 2. Кн. 200. Л. 351 об.–352) в 1794 г. – 52 года (ГАРО. Ф. 3. Рязанское наместническое правление. Оп. 1. Д. 823. Л. 129), и записи в исповедальной ведомости 1792 г. – 49 лет (ГАРО. Ф. 627. Рязанская духовная консистория. Оп. 55. Д. 22. Л. 79).

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 1. Д. 17. Л. 1 (1744 г.).

⁵ РГВИА. Ф. 5. Оп. 2. Св. 200. № 1799. Л. 346, 351 об.–352.

Коробьиным было историкам совершенно не ясно. В историографии высказывалось предположение, что высказывания Г.С. Коробьина о крепостном праве были «инспирированы властью» [13, с. 276]. В этом случае, прямой связи между ним и козловским депутатом могло и не быть: кто-то из доверенных лиц императрицы мог просто «посоветовать» решившему покинуть Комиссию Муравьеву преемника. Лишь благодаря разысканиям авторов статьи о Михаиле Степановиче Коробьине из Википедии выяснилось, что Семен Саввич Муравьев, по всей видимости, был сыном бабушки Г.С. Коробьина, Степаниды Матвеевны Жеребятичевой, от ее второго брака с Саввой Тимофеевичем Муравьевым⁶. Таким образом, вопрос оказывается в значительной степени решенным, а критика мнения о связи Коробьина с императрицей [2] может быть усилена еще одним аргументом.

Служба в артиллерии предполагает наличие соответствующего военного образования. Одним из способов его получения было поступление в Артиллерийскую школу (с 1758 г. объединенную с Инженерной школой и преобразованную в Артиллерийский и инженерный кадетский корпус), где преподавал известный просветитель Я.П. Козельский [8; 10, с. 473–475]. Однако документы позволяют уверенно утверждать, что Г.С. Коробьин был произведен в штык-юнкеры из армейских сержантов, а не из учеников Корпуса. Об этом говорит челобитная жены поручика гвардии В.А. Голощекова Агафьи Степановны от 14 июля 1759 г., поданная в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию. В документе *сержант второго артиллерийского полка* Григорий Коробьин (возможно он приходился братом челобитнице) обвинялся в удержании крепостной девки с детьми⁷. В 1760 г. он находился в общем списке сержантов, произведенных в штык-юнкеры⁸, а не в списке зачисленных в службу учеников Артиллерийской школы⁹. Таким образом, знание «артиллерийской науки» им было получено благодаря частным занятиям, причем еще в бытность недорослем, т.к. служить он начал сразу в артиллерии. «В службу Вашего императорского величества определен я, имянованный, из российских дворян во артиллерию 758-го году в июле месяце и за знание артиллерийской науки каптенармусом», – писал Г.С. Коробьин в про-

⁶ [7]; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 84. Ч. 1. Д. 17. Л. 1 (1744 г.).

⁷ РГАДА. Ф. 265. Петербургская печатная контора. Оп. 1. Кн. 168. Л. 180.

⁸ РГВИА. Ф. 5. Оп. 2. Св. 202. № 1865. Л. 95 об.

⁹ Там же. № 1887. Л. 150–152.

шении об отставке¹⁰. Соответственно, можно полагать, что изучение прикладных военных дисциплин не обошлось без какой-то гуманитарной составляющей, но о ее конкретном наполнении остается только гадать. По-видимому, значимым следует считать опыт пребывания на территории Пруссии в 1760 – начале 1761 гг. Знакомство с другим бытом и, вероятно, общение с образованными офицерами своей и чужих армий [18] вполне могли способствовать знакомству с идеями Просвещения.

Косвенным образом о человеческом облике Г.С. Коробьина говорят данные о его жене. Впервые ее полное имя приведено в статье о М.С. Коробьине: «Прасковья Степановна Арсеньева (ум. 1827 г.), дочь тульского помещика Степана Ивановича Арсеньева» [9]. Имя и возраст жены Г.С. Коробьина (Прасковья Степановна, 25 лет) содержит исповедальная ведомость с. Голдина за 1792 г.¹¹. В «экономических примечаниях» по Тульскому уезду (составлены в 1777–1780 гг. [12, с. 69]) «поручитца» Прасковья Степановна Коробьина, владеющая частью деревни Струковой уже фигурирует¹². Следовательно, время свадьбы Григория Степановича – не позднее 1780 г.; невесте в это время было едва ли 13 лет, тогда как жениху – не менее 37. Таким образом, можно говорить о позднем (возможно, втором) браке, подтверждающем наблюдения О.Е. Глаголевой о том, что даже выдающийся уровень образованности во второй половине XVIII в. все еще сопровождался отношением к жене не как к партнеру, а как к объекту, с помощью которого муж устанавливает необходимые связи с представителями других родов и удовлетворяет собственные потребности [5]. Тесть, к слову, мог привлекать Г.С. Коробьина не только как довольно состоятельный человек, но и как образованный представитель старшего поколения – выпускник Морской Академии¹³.

Биографические сведения о младших братьев Г.С. Коробьина говорят об их весьма устойчивой ориентации на службу в «технически ориентированных» войсках и получение соответствующего образования.

¹⁰ Там же. Св. 200. № 1799. Л. 346.

¹¹ ГАРО. Ф. 627. Оп. 50. Д. 22. Л. 79.

¹² ГАТО. Ф. 291. Оп. 14/58. Д. 3. Л. 226–226 об. (№ 270).

¹³ При уходе в отставку в 1763 г. ему принадлежало 250 душ в Алексинском и Крапивенском уездах (РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Д. 518. Л. 673–680), после этого появились имения в Тульском уезде [4, т. 16, с. 6]. В том же формулярном списке указана и его учеба в Морской Академии.

Как следует из дела о подтверждении дворянства двоюродных братьев Г.С. Коробьина (Алексея Большого, Алексея Меньшого и Николая «Григорьевых детей» Коробьиных), второй по старшинству брат Григория, Василий, в 1766 г. был штык-юнкером артиллерии, третий, Семен, был кадетом Сухопутного шляхетского кадетского корпуса¹⁴. Четвертый, Александр, по-видимому, начал службу в Инженерном корпусе¹⁵. В 1792 г. уже будучи артиллерийским подполковником, он сватался к одной из дочерей А.Т. Болотова [4, письмо 285]. Младший, Михаил, также служил в артиллерии, где сделал довольно успешную карьеру, дослужившись до генерал-майора, впоследствии стал гражданским губернатором Киевской губернии [9]. Был женат на Варваре Акимовне Апухтиной, дочери симбирского и уфимского генерал-губернатора Акима Ивановича Апухтина, автора нескольких переводов с польского [17].

Таким образом, в семье Г.С. Коробьина прослеживается достаточно очевидная ориентация на получение военного образования, а в дальнейшем – выбор жен образованных родителей. Непосредственно для будущего депутата фактором знакомства с «просвещенными» взглядами на вопросы устройства общества могло быть участие в Семилетней войне.

1. Арсеньев Степан Иванович // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php> (дата обращения 01.12.2016).
2. *Белявский М.Т., Лооне М.А.* Документы об обсуждении крестьянского вопроса в Вольном экономическом Обществе в 1767-1768 гг. // АЕ за 1960 год. М., 1962.
3. *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М., 1965.
4. *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих потомков Письмо 285 // [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0140.shtml (дата обращения 26.11.2016) [По изданию: *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков: В 3 т. Т. 3: 1771-1795 / Примеч. П. Жаткина, И. Кравцова. М., 1933].
5. *Глаголева О.Е.* Горькие плоды просвещения: три женских портрета XVIII века // Социальная история. Ежегодник. 2003: Женская и гендерная история. М., 2003.

¹⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 18. Л. 176.

¹⁵ Там же. Ф. 1209. Дела молодых дел, Рязань. Кн. 13685. Л. 354–354 об. (челобитная об отказе имений, 1785 г.).

6. Дворянское сословие Тульской губернии: В 22 тт. М.; Тула, 1899– 1916.
7. История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. М., 1999.
8. *Коган Ю.Я.* Просветитель XVIII в. Я.П. Козельский. М., 1958.
9. Коробьин Михаил Степанович // Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B1%D1%8C%D0%B8%D0%BD,%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%A1%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87#cite_ref-4 Заглавие с экрана.
10. *Костин А.А.* Новые материалы к биографии Я.П. Козельского // XVIII век. Сборник 28. СПб., 2015.
11. *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с английского Н.Л. Лужецкой. М., 2002.
12. *Милов Л.В.* Исследование об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию. М., 1965.
13. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. III. Вып. 2.
14. *Михайлова Н.М.* Дворянский род Коробьиных. Поколенная роспись, 1498–2000 [Электронный ресурс] URL: http://www.domarchive.ru/archive/fonds/1_rod/1029.
15. *Михайлова Н.М.* Летописец пяти поколений. Том первый. Период: 1880–1920. Империя: войны и революции. М., 2008.
16. *Половцев А.А.* Русский биографический словарь. Том IX. Кнаппе – Кюхельбекер. СПб., 1903.
17. *Ровнякина Л.И.* Апухтин Аким Иванович // Словарь русских писателей XVIII века Л., 1988. Вып.
18. *Сдвижков Д.* Пейзаж после битвы. Цорндорф, или Русские в 1758 г. // Vorträge des Deutschen Historischen Instituts Moskau [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/sdvizkov_landschaft (дата обращения 01.12.2016).

**Проект Смоленской торговой компании как отражение
менталитета элиты западнорусского купечества
второй половины XVIII в.²**

Купечество; купеческая элита; менталитет; общественные инициативы.

Статья рассматривает инициативу элиты смоленского купечества по созданию в Смоленске торговой компании. Эта инициатива была направлена на защиту интересов всех купцов города и отражала определенные черты менталитета западнорусской купеческой элиты второй половины XVIII в.

В XVIII в. вместе с купеческим сословием формировалась и его элита, отличавшаяся не только успешной хозяйственной деятельностью, но и особенностями менталитета. Естественно предположить, что мысль проф. Н.В. Козловой о том, что «идея общественного служения, вошедшая в сознание купечества, проявлялась в их живой реакции на наиболее острые вопросы развития российской коммерции и промышленности» [1, с. 359], относится главным образом к купеческой элите.

Особенности исторического развития Смоленского края, форпоста России на западе, отражались на формировании менталитета местных жителей, особенно деловой элиты Смоленска. Преобладавшие занятия местного купечества были связаны с внешней торговлей.

О проблемах, с которыми сталкивались купцы на пути в Рижский порт, смоляне неоднократно сообщали властям в 1754-1767 гг. В 1763 г. смоленское купечество выступило с инициативой учредить в Польше должность «консуля, по примеру других государств, как то – англичан и голанцов и других народов во отдаленных торговых местах для защищения своего купечества определяют консулей»³. Целью было улучшение условий доставки товаров к Рижскому порту и осуществления там торговых операций с ними.

С разделом Польши в 1772 г. многие проблемы, казалось бы, утратили актуальность. Однако, через несколько лет, в 1778 г., смоляне выступили с новой инициативой. Они обратились к правительству

¹ Беспалёнок Елена Дмитриевна, Смоленский государственный университет (РФ, Смоленск), к.и.н., edb@mail333.com.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-01-00217.

³ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 11573. Л. 1, 3.

с просьбой разрешить создать в Смоленске торговую компанию, которая должна была способствовать решению оставшихся проблем.

Проект торговой компании стал вершиной творческой деятельности смоленской купеческой элиты в XVIII в. Большинство купцов, подписавших проект, можно отнести к купеческой элите Смоленска, несмотря на то, что многие из них были купцами II и даже III гильдии. План подписали три купца I гильдии, 12 купцов II гильдии и три купца III гильдии. Купцы I гильдии – это «гороцкой голова Ф.И. Сенаторской», А.Ф. Сисоев и И.В. Хлебников. А.Ф. Сисоев в конце 50-х гг. XVIII в. был бургомистром города Смоленска. Он был известен и как организатор строительства храмов. И.В. Хлебников был сыном известного в городе благотворителя В.Г. Хлебникова, первого городского головы Смоленска.

Среди купцов II гильдии были представители известных смоленских купеческих династий. С.Б. Пискарев был сыном богатейшего купца и щедрого жертвователя на храмостроительство Б.З. Пискарева и братом И.Б. Пискарева, президента губернского магистрата, депутата Уложенной комиссии и храмостроителя. Подписавшие проект купцы II гильдии В.С. Усов, И.В. Менчуков, П.А. Головкин и другие были потомками оптовых торговцев XVII в. Один из купцов III гильдии, подписавших проект, В.Н. Чубаров, был потомком самого богатого лавочника Смоленска XVII в. И. Чубарова⁴.

Отчасти инициатива по созданию торговой компании была ответом смолян на отсутствие решения проблем, связанных с их торговлей за границей, особенно в Риге. Несколько пунктов предложенного проекта Смоленской торговой компании практически повторяли жалобы смолян 11-15-летней и даже 24-летней давности. Об этом свидетельствует, например, 3-й пункт Плана: «Во время путевого нещастия товары сухие и помокшие по берегам и в воде с позволения тамошних командиров и при помощи их на нашем коште отыскивать компании у обывателей, живущих по обе стороны реки Двины и им не только не препятствовать, но и самим им без всякой утайки объявлять и возвращать»⁵. Этот пункт перекликался с жалобой смолян 1764 г.: «...Тамошнии мызники и их урядники и латыши на береги не выпускают, бьют, вмняя то себе за авантаж, что в них маетности то учинилось, за что принужденным образом берут денгами и товаром, сколко похотят. А некоторых за недопущением выгрускою на берег товары разносят

⁴ Там же. Ф. 145. Оп. 1. Ст. 2. 1675 г.

⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 952. Л. 5 об.

по реке, кои во всем пропадают»⁶. В 1769 г. Комиссия о коммерции рассматривала «Дело по донесению русских купцов, торгующих в Рижском порте, об исходатайствовании им для свободного провоза их товаров через Польшу в Ригу и для провоза их стругов, конвоя из смоленских полков»⁷. Предвзятое отношение к русским купцам и опасности на этом пути сохранялись и в 1778 г.

Важной проблемой представлялось авторам Плана управление коммерческими делами компании как в Смоленске, так и в Риге. «Директорской обязанности» было посвящено четыре пункта проекта. В 8-м пункте говорилось: «Для исправления комерческих дел в Смоленске и в Риге надлежит быть из тех компанейщиков в каждой канторе по одному человеку директором... Естли же иногда некоторые из компанейщиков при тех должностях сами быть пожелают и более года, и в том им не воспрещать»⁸. Этот вопрос был связан с несправедливым отношением со стороны разных должностных лиц к российским купцам в Риге. О «непорядках и притеснениях» смоленские мещане жаловались в 1764 г., предлагая определить наблюдателей из российских купцов «для надсматривания в весу и в мерах в приеме хлебных товаров»⁹. В 1767 г. смоленские купцы дополнили свои предыдущие требования [3, с. 69, 70]. Таким образом, вопрос о справедливой организации рижской коммерции смоляне ставили задолго до предоставления проекта торговой компании.

Смоленские мещане требовали справедливости и в отношении таможенных пошлин. Еще в XVII в. смоленские купцы поставили вопрос о необходимости особого внимания при взимании пошлин со смолян. В 1675 г. смоленские мещане во главе с В. Любовецким писали в челобитной царю: «Посылаем мы, сироты твои, по местечком и по селам своих прасолов покупат пенку в Смоленском уезде в местечках и в селех и в тех селех твои, великого государя, пошлинные откупы и которую пенку прасолы наши у крестьян покупают и в твою, великого государя, казну с крестьян пошлины с того товару берут по десяти денег с рубля. И в Смоленску, гдрь, на нас... в... казну с того жи товару берут другую пошлину по десяти ж денег с рубля. А зарубежскую пошлину на нас сызнава берут ж. Мсрдый гдрь царь.., вели... с тое пенки... в свою... казну брать одну пошлину»¹⁰.

⁶ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/48. Л. 86 об.

⁷ Там же. Д. 358. Л. 1-4.

⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 952. Л. 6 об.-7.

⁹ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/48. Л. 88, 88 об.

¹⁰ Там же. Ф. 145. Оп. 2. Д. 65. Л. 18.

В XVIII в. смоляне не менее активно, чем в предыдущем столетии, вели заграничную торговлю пенькой, а также хлебом и другими товарами. По-прежнему, они использовали Двинский путь, чтобы доставить товары в Рижский порт. Но в Рижском порту безраздельно господствовали местные купцы, фактически исполняя роль посредников между российскими и европейскими купцами. Более того, не имея возможности самостоятельно отпустить привезенные товары за границу, русские купцы еще должны были платить зарубежные пошлины. В 1754 г. Комиссия о коммерции и пошлинах рассматривала дело по донесению смоленских купцов «о невзимании пошлин с продаваемых в Риге пеньковых, хлебных и прочих товаров и о взятии оной с рижских купцов, которые будут продавать сии товары иностранным купцам или сами отпускать будут их за море»¹¹.

Смоляне ставили вопрос о пошлинах в Риге и своем наказе в 1767 г.: «...Привезенные смоленскими мещаны и прочими купцами при рижском порту товары свои не соизволено ль будет продавать не одним рижским, но и в заморский отпуск иностранным купцам?». В ином случае смоляне требовали, чтобы «положенные пошлины... платить тем рижским купцам,... а смоленских мещан и прочих российских купцов с привезенных в Ригу и продаваемых рижским купцам товаров пошлин никаких не имать» [3, с. 67, 68].

Не получив ответа, смоляне включили в 4-й пункт Плана вопрос о пошлинах в Риге: «Для распространения компании привозимой ею из Великой России хлеб и семя льняное и конопляное в Ригу отпускать за море тем, кому сие право дано без платежа с нас пограничных всех пошлин... или сколько высочайше нам соизволено будет. А по прошествии дозволенных лет, платить со означенных товаров пошлину тому, кто привезенной из Великой России хлеб и семена и из Риги за море отпускать будет»¹². Однако в резолюции на этот пункт говорилось: «Сего пункта без растройки Рижской коммерции дозволит не можно, ибо права города Риги совсем отменны от протчих российских городов...»¹³. Таким образом, интересы смоленских купцов были у чиновников далеко не на первом месте.

Особые права рижских купцов были препятствием и для развития торговли смолян солью. В 5-м пункте Плана предлагалось: «Для размножения оной компании из иностранных кораблей или самой

¹¹ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–28.

¹² Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 952. Л. 5 об.–6.

¹³ Там же. Л. 13.

компания выписывать из-за моря соли всех родов бузуна и выпуская оную из Риги рекою Двиною на судах без платежа... пошлин в Белоруссию, Литву и Польшу». Эту соль предполагалось «продавать в Белоруссии по всем городам»¹⁴.

В проекте говорилось также об уставе Смоленской компании, о договоре, касающемся ее узаконения. Иногородние купцы допускались к участию в компании при условии наличия аттестатов от их магистратов. Были представлены пункты об отпуске товаров, о правилах продажи акций компании, о распределении доходов и расходов в компании – по количеству акций, о «ревизовании», о кредитах, которые будет брать компания, об освобождении компанейщиков от конфискации, о наследниках компанейщиков. 19-й пункт разъяснял вопрос об отношении к купцам, торгующим самостоятельно: «Компания ни кому не препятствует, как соучасникам сей компании, так и другим вне находящимся купцам, особо торговать,... но не дала б и компании нарочных обид, а паче ложнаго безславия и подрыву кредита»¹⁵.

Смоляне внимательно изучили опыт других городов. 10 раз они использовали положения из устава Воронежской торговой компании и 6 раз – Нижегородской. Неоднократно они обращались к Рижскому торговому уставу 1765 г., к Санкт-Петербургскому тарифу 1766 г. и другим законодательным актам.

Смоляне просили ссуду из казны в 100 тысяч рублей. 0,5 % от своих доходов авторы проекта собирались отчислять в приказ общественного призрения на заведение в Смоленске училища.

В заключительном, 23-м пункте, смоленские мещане просили о покровительстве компании со стороны наместника, кн. Н.В. Репнина. Проект был направлен генерал-прокурору Сената кн. А.А. Вяземскому. Общий смысл резолюций на большинство пунктов Плана, сводился к бесполезности Смоленской компании для государства и вреде для рижской торговли.

Несмотря на то, что проект Смоленской торговой компании не получил развития, он является ценным историческим документом, отражающим характерные черты менталитета смоленской купеческой элиты. Это, прежде всего, – хорошее знание законодательства и опора на различные законодательные акты, что можно наблюдать и в других инициативах смолян. Это также использование опыта других городов, внимание к главным вопросам предпринимательства, в первую оче-

¹⁴ Там же. Л. 6 об.

¹⁵ Там же. Л. 9 об., 10.

редь – к проблемам связанным с участием купцов во внешней торговле, забота о положении небогатых смолян, благотворительные намерения, настойчивость и последовательность в борьбе за решение своих проблем, многие из которых были связаны с пограничным положением Смоленска.

1. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999.
2. Материалы Екатерининской Законодательной комиссии. Ч. XII // Сб. РИО. СПб., 1911. Т. 134.

УДК 94(47).05

Н.В. Козлова¹⁶

**«И всякая служня работа работать...»: «послуживцы»
в домах жителей Москвы первой четверти XVIII в.**

Дворяне; «люди боярские»; дворовые люди; «послуживцы»; термины; деловая активность; занятия; имущественное положение; крепостные записи.

В статье продолжено изучение отдельных групп дворовых людей, их реального статуса, степени зависимости и личной свободы. На основе жилых записей Московской крепостной конторы первой четверти XVIII в. рассматривается характер деловой активности, правовое и имущественное положение тех дворовых людей, кто в источниках обозначался термином «послуживец».

На разных этапах развития российского общества социальная жизнь, как и любая иная сфера, отражалась в терминах и понятиях. Среди них были такие, которые, возникая в определенный период и выражая его специфику, со временем исчезали из употребления. Другие же продолжали существовать, но в иных условиях их содержание менялось, наполняясь новым смыслом. Его раскрытие важно для того, чтобы суметь адекватно оценить природу социальных явлений, обозначаемых этими аутентичными эпохе терминами, и избежать опасности их архаизации, либо, напротив, модернизации.

Один из таких социальных терминов определялся словом «послуживец». «Словарь русского языка XI-XVII вв.» приводит множество примеров, свидетельствующих о разнообразии смыслов, передаваемых глаголом «послужити» и существительным «послужение»: выполнить чью-либо волю, подчиниться, послушаться; быть на какой-

¹⁶ Козлова Наталия Вадимовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., kozlova.n.v.i@gmail.com.

либо службе, в услужении; служить Богу; выполнить назначение, быть используемым и др. В таком прочтении эти термины можно встретить уже в текстах XI-XIII вв. [17, с. 186-187]. В то же время, словообразования «послуживец», «послужилец» упоминаются не ранее середины – второй половины XVI в. [1, с. 33]. По мнению составителей «Словаря...», они всегда означали человека, состоящего на службе, бывшего в услужении, слугу (в том числе и лиц женского пола).

Еще во второй половине XVI – начале XVII в. термином «послуживец» обозначался мелкопоместный или вовсе лишившийся земли и собственного хозяйства служилый человек, обычно принадлежавший к разряду «детей боярских». Обнищав, и ища поддержку своему существованию, он переходил на положение холопа какого-нибудь вотчинника, вливаясь в состав его «людей»¹⁷. Как «послуживец» и лично не свободный человек, он участвовал в военных походах вместе со своим господином, получая от него необходимое для этого снаряжение (коня, оружие), а иногда и «служную пашню». Особое место «послуживцев» в составе двора подчеркивалось их именовани-ем, указывавшим на то, что именно служба у господина определяла их занятие и положение. В литературе этот слой «боярских людей» обозначается как «боевые послужилцы», «военные послужилцы», «боевые холопы», «боевые слуги», «кабальные послужилцы» [16, с. 61-62].

По наблюдению Ю.В. Готье, несмотря на указ 1642 г. и Соборное Уложение 1649 г., запретивших детям боярским поступать в холопство, «послужилство» на протяжении всего XVII столетия сохранялось на дворах таких крупных бояр, как Романовы и Хитрово [5, с. 313-314]. Что касается термина, то за отсутствием специальных исследований определить масштаб и социальные границы его распространения пока не удастся, как и вычленив «послужилцев» из массы дворовых людей. Во второй половине XVII в. городские дворяне в составе боярских «дворов», по данным П.В. Седова, обозначались терминами «хлебояжцы», «держальники». Ими были лично свободные люди, составлявшие своеобразную «клиентелу» при «патроне». В от-

¹⁷ Для конца XV-XVI вв. исследователи выделяют в институте холопства привилегированную прослойку, состоявшую из «слуг», «служилых» и «приказных людей». Какая-то часть из них обретала свободу и вливалась в разряд служилых помещиков. Одновременно происходил обратный процесс: среди верхушки дворовых слуг во второй половине XVI в. возрастает число свободных людей [11, с. 54-75].

личие от них послужильцы¹⁸, занимавшие различные административно-хозяйственные должности, рекрутировались из мелких дворян, дававших на себя кабальную запись. К ним же, возможно, относились и те, кто в источниках именовался, как «человек, который за дела ходит» [15, с. 100-103]. В то же время, как следует из источников, понятие «послуживец/ послужилец» в XVII в. не ограничивалось обозначением части боярской дворни. Порядные записи 1640-1650-х гг. упоминают «послуживцев» разных лиц, людей вольных, порядившихся «во крестьяне» и в бобыли [7, с. 42-43, 45, 55-56]. Иные челобитчики подчеркивали, что в «послужильстве» они находились «безкобално и безкрепосно» (1672) [17, с. 186]. В источниках встречаются также люди, верстанные из «казачьи послуживцы» [2, с. 63], или «послуживец» некоего подьячего, оставшегося на дворе вдовы господина (1647) [9, с. 147]¹⁹. Разнообразный контекст бытования данного термина в XVII в. указывает на близость послужильства с кабальным холопством, имевшим личный характер как по отношению к хозяину, так и по отношению к лицу, вступающему на службу «с воли».

В петровское время термин «послуживец» продолжал бытовать, и по-прежнему обозначал человека, находившегося при доме какого-то лица в услужении. Правда, ее характер, круг домохозяев, каналы рекрутирования «послуживцев» и их положение стали иными. Рассмотрение этих вопросов позволит углубить имеющиеся представления о составе дворовых людей, этой многочисленной и разнообразной категории городского населения²⁰.

В петровское время термин «послуживец» употреблялся в разных контекстах. В перечне документов и бумаг, привезенных в 1716 г. известным «прожектером» Г. Фиком из Стокгольма в Санкт-Петербург в результате его секретной миссии по сбору информации, нужной Петру I для разработки реформы государственного управления, этим термином обозначены те, кто «в каждой коллегии и в протчем ... употреблены есть»²¹, то есть *служители* (курсив – автор) государст-

¹⁸ П.В. Седов, как и большинство авторов, употребляют термин, независимо от того, присутствовал ли он всякий раз в конкретном источнике.

¹⁹ Подборка упоминаний «послуживцев» в источниках XVII в. и в исследовательской литературе выполнена магистрантом кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова И.А. Кирпичниковым, за что автор выражает ему благодарность.

²⁰ Например, в Санкт-Петербурге в Петровское время дворовые люди наряду с военными являлись лидирующими по численности группами петербургского населения. См.: [12, с. 195].

²¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 31. Л. 418–419.

венных учреждений. В данном случае акцент делался именно на роде деятельности, а не на сфере ее применения.

Близким по смыслу термин «послуживец» был и в записях, оформлявших различного рода договорные сделки, в первую очередь, на крестьян. Так, в «Книге записной подлинного писма зделочных записей... до челобитья и после челобитья 1723 году генваря с 1 числа» среди участников сделок о продаже беглых крестьян и о решении вопроса о пожилых годах упоминаются служители в домах разных лиц и учреждений (иноземца Франца Гиза, Дома царицы Прасковьи Федоровны, Академии (Славяно-греко-латинской) и др.)²². Встретились также те, кто назывался «послуживец» с пояснением «бывшей». Например, в их числе «дома фельдмаршала и ковалера графа Бориса Петровича Шереметева бывшей послуживец Василей Иванов сын Орлов», составивший «полюбовную договорную» запись с купцом гостиной сотни М.С. Сверчковым²³. Надо полагать, что «бывшим» он стал после кончины графа в 1719 г. Действительно, Б.П. Шереметев за год до смерти в своем завещании распорядился отпустить всех своих людей, «которые взяты во двор», выдав им «годовое жалованье, хотя и сроков не придет» [6, с. 90]. Отсюда следует, что среди дворовых людей графа были не только крепостные и «полонные», но и те, кто находился на срочной службе по кабальной записи или по найму. К таким относился и «бывший послуживец» В.И. Орлов. Причем даже спустя 4 года именно так он идентифицировал свой статус в официальных документах.

Уточнить содержание термина «послуживец», определить контур обязанностей и занятий лиц, им обозначаемых, ввести в оборот новые сведения о хозяйственном и имущественном положении разных групп дворовых людей, круге личного общения и связей позволяют жилые записи Московской крепостной конторы за первую четверть XVIII в., коллекция которых хранится в РГАДА (ф. 282).

В жилых записях лица, определяемые термином «послуживец» упоминались при разных обстоятельствах. Как известно, жилыми записями петровского и последующего времени оформлялся наем работника с условием его проживания в доме хозяина и выполнении работы, специально оговоренной, либо определяемой в общем виде как «всякая работа»²⁴. Когда нанимался крестьянин или посадский чело-

²² РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 803.С. 17, 204, 307, 461 и др.

²³ Там же. С. 487.

²⁴ Возникновение жилых записей как особого рода крепостей, по наблюдению

век, купец, словом, тот, чей социальный статус и, в первую очередь, государственные обязанности, имели законодательное оформление, то, не зависимо от срока найма, он сохранял свой социальный статус крестьянина, посадского и т.д. Кто же и когда в таком случае назывался «послуживцем»? В жилых записях о найме в работу при употреблении этого термина обычно речь идет о «бывшем послуживце» такого-то. В числе прежних хозяев упоминаются бояре, окольниковичие, стольники, дворяне, гости и купцы гостиной сотни, подьячие, священники. Представители разных социальных групп фигурируют и среди новых хозяев²⁵.

Бывшим «послуживец» мог стать не обязательно после смерти хозяина (хотя, такая ситуация была нередкой). Например, в жилой записи 1703 г.²⁶ упомянут «бывший послуживец» стольника князя Д.Г. Черкасского, здравствующего в то время (он умер в 1706 г.). Именованное хозяина господином или упоминание об отпуске «послуживца» на волю также не являлось неопровержимым свидетельством отношений крепостной или кабальной зависимости. Об этом, в частности, свидетельствует запись сделочной (рядной) «бывшего послуживца» кадашевцев Михаила и Тимофея Захаровых детей Теплоуховых Алексея Михайлова с его бывшими хозяевами, отпустившими его «на волю»²⁷. Из записи, составленной в январе 1702 г., следует, что Алексей Михайлов жил у тяглецов Кадашевской слободы братьев Теплоуховых и «сидел в лавке». Затем хозяева отпустили его «на волю» вместе с женой и с детьми, обязав его самого платить долги, «крепостные или безкрепостные», в случае их обнаружения в дальнейшем. На первый взгляд перед нами «послуживец», отживавший, или иначе, отработавший у братьев Теплоуховых долги, то есть кабальный человек. Однако не исключено, что Алексей Михайлов стал «послуживцем», будучи нанятым для торговых дел в качестве лавочного «сидельца». По истечении же срока найма он был отпущен «на волю», то есть его обязательства перед хозяином и всякие отношения с ним прекращались. О том, что выражение «на волю» не всегда означало освобождение

В.О. Ключевского, относится к XVII в., когда после закона 1597 г. возникла необходимость в оформлении обязательств, «условия которых не соответствовали формам и обычаям служилой кабалы». Он же проследил различия в условиях и характере этих обязательств и зависимости, фиксируемых кабальной и жилой записями [9, с. 147-152].

²⁵ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1189. Л. 138-138 об.; Д. 1190. Л. 185 об.-186, 210-210 об., 268 об., 355 об.-356 об., 373-374 об., 497, 508, 570 об.-571 и др.

²⁶ Там же. Д. 1190. Л. 210-210 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 794. Л. 121 об.

дение из неволи, свидетельствует крепостное письмо того же 1702 г. крестьянской «девки» подмосковной деревни стольника И.И. Траханионова Марины Даниловой, данное тяглецу Басманной слободы Степану Манатейникову. В нем записано, что «у него жила и *отпущенную*... дал и на волю от себя отпустил (*курсив* – автор), и впредь ни о чем не бить челом»²⁸. Очевидно, что помещичья крестьянская дочь могла лишь по найму, например, для домашней работы, или по заемной записи, жить в доме у посадского человека, которым к тому же оформлять кабальные записи было запрещено. Замечу также, что отпущенные письма дворовых людей писались от имени их господ, а не тех, кто покидал хозяев, как в данном случае.

В плане уточнения характера социальной среды, к которой принадлежали «послуживцы» и другие, близкие им группы дворовых людей, большой интерес представляет запись сделочного письма вдовы «послуживца» гостя Логина Кондратьева сына Добрынина Михаила Белозерова Анны Тимофеевой с братом ее, того же дома служителем Василием Тимофеевым сыном Булгаковым²⁹. Как следует из текста письма, датированного 28 декабря 1702 г., вдова «послуживца» Анна Тимофеева была дочерью «человека» думного дворянина Никиты Семеновича Хитрово Тимофея Титова сына Булгакова. Умерший муж Анны Михаил Белозеров и ее брат Василий Тимофеев сын Булгаков служили в доме гостя Логина Кондратьева сына Добрынина. Михаил Белозеров в сделочном письме назван «послуживцем», а о брате сказано обтекаемо, «того же дома», то есть гостя, без определения статуса. Отец же вдовы и ее брата Тимофей Титов сын Булгаков, подписавшийся вместо дочери, обозначен как «человек» Н.С. Хитрово. Несомненно, во всех трех упоминаниях речь идет о лицах единой социальной среды. Ее представители служили в домах московских жителей, в данном случае крупного гостя³⁰ и думного чина³¹, и были

²⁸ Там же. Д. 794. Л. 591 об.-592.

²⁹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 794. Л. 618 об.-619.

³⁰ Логин Кондратьев (Кодратович) сын Добрынин, получивший чин гостя в 90-х годах XVII в., происходил из потомственных гостей. Его отец Кодрат Маркович, выходец из посадских людей Балахны, в 1660-х годах уже был москвичом и состоял в Кадашевской слободе; в 1677 г. в числе наиболее состоятельных тяглецов был переведен в гостиную сотню, а в 1685 г. уже стал гостем. Кодрат Добрынин и его сын Логин были строителями известной каменной церкви Воскресения Христова в Кадашах и каменной же церкви, посвященной празднику Сошествия Св. Духа, с приделом Николая Чудотворца в Толмачевской слободе. Двор Кодрата Марковича находился в Кадашевской слободе, а потом перешел к его сыну Логину (? – не ранее 1705). См.: [4, с. 152, 162-164;

объединены к тому же узами родства и свойства. Такой выбор брачных партнеров для лиц, находившихся в услужении в частных домах и определяемых термином «человек» таково-то, был типичен. Он отражал ту социальную среду, к которой принадлежали городские разночинцы. Это была среда ранга приказных, дворцовых, монастырских и таких же «дворовых» служителей [10, с. 476].

Помимо родственных и брачных связей отношения внутри этой среды могли выстраиваться на деловой основе. Так, служившие в доме гостя Л.К. Добрынина «послуживец» Михаил Белозеров и его шурин В.Т. Булгаков вели совместные торги. После смерти М. Белозерова, его вдова Анна Тимофеева приняла у брата «китайского товара 37 концов китайки, атлас, две фанзы белых, три фларенты»³² по цене на 45 рублей 18 алтын 2 деньги, а у «Ивановской жены Колмогорова» «китайки» на 323 рубля. Весь товар вдова велела брату продать, а деньги раздать в поминование по мужу³³. Упомянутый в записи Иван Колмогор был купцом гостиной сотни Москвы [14, с. 390] и, судя по всему, являлся торговым партнером свояков. Скорее всего, гость использовал находившихся при его доме служителей для своих торговых дел, а те имели возможность, задействовать его деловые связи в интересах собственных торгов.

Такое совмещение обоюдных интересов для «послуживцев» не было редкостью, о чем свидетельствуют их жилые записи. Согласно записи «бывшего послуживца» костромского дворянина Ф.Е. Золотухина Ивана Иванова сына Федорова, данной в 1703 г. Имеретинскому царю Арчилу Вахтанговичу³⁴, послуживцу вместе с женой и детьми следовало жить в доме царя 5 лет, быть «во всяком послушании» и «ростить из ево, царева хлеба, солод всякой». В то же время ему позволялось «сидеть... в лавке за своим товаром в солоденном ряду, или где похочем»³⁵. Собственное хозяйство «послуживцев» обеспечивало возможность обретения материального достатка и благопо-

14, с. 411, 414].

³¹ Московский двор думного дворянина Никиты Савича Хитрово находился на Знаменке [8].

³² *Фанза* – китайская шелковая ткань; *флорент (фларент)* – тонкая добротная тафта.

³³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 794. Л. 618 об.-619.

³⁴ Арчил Вахтангович Багратион-Мухранский (царь Имерети и Кахети Арчил) в 1684 г. прибыл в Москву вместе с сыновьями, и в 1686 г. занесен с семейством в родословную книгу под именем царя Имеретийского; умер в Москве в 1713 г.

³⁵ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1190. Л. 185 об.-186.

лучия. Например, упоминаемая выше вдова «послуживца» М. Белозерова Анна Тимофеева оценила «пожитки» мужа, оставленные в сундуке «на соблюдение» у брата («с платьем мужским и женским, и мелочью, и со всякою посудю, и мужа ее крепости, и письма, и всякие за товары» деньги), на значительную сумму в 600 руб. В этом плане имущественное положение «послуживцев» было близко положению тех дворовых служителей, кто в источниках именовался термином «человек» таково-то [10, с. 473-475].

Стремясь обеспечить своих сыновей прочным источником существования, «послуживцы», как и другие дворовые люди нередко определяли их, а также пасынков и племянников «для научения» разным ремеслам: портному, скорняжному, «живописному и иконному», «золотарному» мастерству, «знаменному и иконному писанию»³⁶. Учителями являлись посадские люди, скорняк Сибирского приказа, малороссийский служилый казак, иконописец Оружейной палаты³⁷ и даже «человек» боярина Т.Н. Стрешнева. Одной из жилых записей, составленной от имени человека (здесь и далее курсив – автор) стольника И.С. Алмазова, оформлялось 5-летнее обучение портному мастерству его пасынка, «бывшего послуживца» окольного И.Ф. Бутурлина. В этой типичной записи прописывались обязанности ученика («быть во всяком послушании, и всякая домовная работа работать, не пьянствовать..., и животов ево не покрасть, и не збежать...»), и мастера, Новгородской сотни Якима Дорофеева, («выучить портному мастерству, как он... сам горазд, и, выуча, ... отпустить,... и дать ему платья: кофтан сермяжной, да шуба баранья, да три рубашки, да трои портки»), а также портняжный инструмент – «аршин да ножницы»). Поручителем по жилой выступал отчим ученика, то есть «человек» Стрешнева, а свидетелем был «послуживец» стольника И.И. Бутурлина. Здесь, как и во многих иных случаях, «человек» и «послуживец» составляют единую среду дворовых служителей в частных домах, различия между которыми практически не уловимы. И те и другие, находясь на службе/работе, могли иметь своих собственных наемных работников. Причем, случалось, что работник «послуживца» на какой-то срок определялся в работу к «человеку» того же хозяина, но с условием проживания в доме его нового непосредственного нанимателя³⁸.

³⁶ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 794. Л. 200, 212 об.-213; Д. 1189. Л. 138-138 об., 145 об.-147; Д. 1190. Л. 259-260.

³⁷ Кирилл Иванов сын Уланов. Его двор находился в Бронной слободе на Быковой улице в приходе церкви Иоанна Богослова [13, с. 361].

³⁸ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1190. Л. 198-198 об.

Встречалась и другая ситуация, при которой «послуживцем» в доме конкретного лица становился человек по заемной записи, и чтобы отжить долг он с разрешения хозяина вместе с женой, а при наличии и с детьми поступал для работы в дом другого лица³⁹. Еще чаще жили-ми записями фиксировался только факт найма послуживцев одних лиц для работы в домах других хозяев⁴⁰.

В большинстве случаев речь шла о «всякой работе», или о «всякой домовной» или «всякой домашней» работе. Обычно имелась в виду любая черная работа по дому (носка воды, рубка дров, топка печи и пр.), но могли быть и обязанности, связанные с торговой или иной другой деятельностью хозяина. Например, в записи некоего «бывшего послуживца» боярина А.С. Шеина, данной гостю Н.К. Сырейщикову в 1703 г., помимо упоминания о домашней работе, сказано, «и если похочет (хозяин. – *Н.К.*), в лавке сидеть». Нанятому же вместе с женой другому «бывшему послуживцу» в дом к кадашевцу Г.Я. Обухову следовало «сидеть в лавке и в отъезд ездить, в торгу радеть, и в прибыли, и в остатке отчет давать вправду, и ничего себе не таить»⁴¹.

«Послуживцы», как и та часть дворовых людей, кто в источниках именовался термином «человек ево», могли быть также личными приказными, то есть исполнять письменные обязанности в частных домах. Среди дворян возложение на своих служителей доверительных поручений с правом подписи было обычным явлением. Примеров тому масса. Именно их рукоприкладствами в крепостных книгах пестрят многочисленные записи документов, оформлявшихся ими от лица хозяев. Они же вели судебные дела, представляя своих господ на допросах, очных ставках, следственных процедурах [10, с. 472-473]. Их именование как «человек, который за дела ходит», точно отражало характер деловой активности таких домовых служителей. Такие же обязанности могли возлагаться и на «послуживцев». В феврале 1702 г. «послуживец» стольника князя М.С. Львова Гаврила Иванов сын Ляпунов, который «по приказу ... государя своего ходил за делы», передал вдове князя все имеющиеся у него письма и деловые бумаги, обязуясь «очищать» крепости, какие впредь могут объявиться за подписью Львова⁴².

Приказная служба требовала не только хороших навыков письма, но и знания законов и юридической опытности. Они обретались

³⁹ Там же. Д. 1190. Л. 241-241об.

⁴⁰ Там же. Д. 1190. Л. 245 об.-246, 252-252 об., 260 об.-261 и др.

⁴¹ Там же. Д. 1190. Л. 568, 355 об.-256 об.

⁴² Там же. Д. 794. Л. 160.

долговременной практикой «хождения по делам». Поэтому хозяева, принимая в свои дома лиц для подьяческой работы, стремились закрепить у себя таких служителей на длительный срок. Одним из средств такого укрепления была женитьба на крепостной хозяина с условием оформления на служителя жилой записи на новый срок. Именно на таких условиях сын «бывшего послуживца» А.Ф. Ефремов в 1703 г. поступил на службу к стольнику А.Ф. Салтыкову, обязуясь помимо первоначально определенного срока в 5 лет, «за свадьбу» жить в доме стольника еще 5 лет. В те годы Андрею полагалось «всякие приказные... дела по указу упреждать вправду со всяким радением и осторожностью, без всякие хитрости, усмотря существа всякого дела, не пьянствовать, и ни в чем ни в каких в приказных делах нерадением своим ничего не утратить, и хитрости и неправды во всем не учинить,...и всяких ево (хозяина. – *автор*) крепостей... не покрасть, и не збежать,... и, не дажив да сроку урочных лет, самовольно прочь не отойтить, и убытков никаких не даствовать»⁴³. Эта запись свидетельствует о том, что частный «нотариат» в петровское время обеспечивался не только своим «адвокатом из крепостных», как писал еще М.М. Богословский [3, с. 40], но и за счет наемных служителей. Правда, вольный наем нередко, как в данном случае, обрастал признаками долговой кабалы.

Такие служители, помимо чисто приказных обязанностей, как и «приказные люди» прошлых времен, управляли делами и отдельными вотчинами своих господ, могли быть дворецкими в их городских дворах, поддерживая в них порядок и руководя остававшейся для этого дворней. Вотчинные приказчики и городские дворецкие рекрутировались, подобно приказным людям, из числа крепостных и вольных служителей. Одним из последних был «бывший послуживец» стольника князя Д.Г. Черкасского Кирилл Федоров сын Межин. В марте 1703 г. он нанялся на 3 года в вотчину вдовы патриаршего дворянина Матрены Микитиной, в деревню Тарасову Боровского уезда. Получая за службу 10 руб. в год, а также хозяйское пропитание, он должен был «в той деревне над крестьяны смотреть и ото всяких обид беречь, и в пашне, и в лесном, и во всяком угоды искать прибыли»⁴⁴.

Однозначно определить для петровского времени каналы формирования этой группы дворовых людей не удастся⁴⁵. Вероятно,

⁴³ Там же. Д. 1190. Л. 196-196 об.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1190. Л. 210-210 об.

⁴⁵ Практически, во всех жилых записях говорилось, что наймиту «жить во дво-

«послуживцами» и «бывшими послуживцами» называли себя те, кто, не принадлежа к социальным группам, имеющим законодательно закрепленный статус, оказывались на положении кабального или наемного служителя/работника. В их числе могли быть выходцы из других стран, пленные и вывезенные люди («польской породы», «вывозной иноземец»), монастырские служебники, лица, получившие отпускные после смерти хозяев⁴⁶. В жилой записи «вывозного иноземца» Василия Прокофьева сына Сагайдачного, данной им в 1703 г. боярину князю А.П. Прозоровскому на 5 лет, обязанности наймита были определены как «всякая *служня* работа» (здесь и далее курсив – *автор*)⁴⁷. В другой же записи, а именно «служебника» Ферапонтова монастыря Федора Перфильева (1702 г.), поступившего на годовой срок к иноземцу Н.Л.Бозену, сказано, что «ехать ему с ним... *на службу* во Псков». Помимо полного обеспечения едой и одеждой за свою службу Федор получал 5 руб.⁴⁸ Очень вероятно, что по завершении срока службы Сагайдачный, Перфильев и другие такие же «служебники» называли себя «бывшими послуживцами» с добавлением имени своих хозяев.

Порой, даже спустя много лет после смерти господина/хозяина, служивший у него человек продолжал определять свой статус в прежних дефинициях. Причем подобная самоидентификация своего положения, судя по всему, признавалась и официальными структурами. В крепостных записях упоминаются «бывшие послуживцы» графа Б.П. Шереметева, боярина Ф.П. Салтыкова, окольничего В.Ф. Бутурлина, которые именно так обозначали себя в официальных документах и через соответственно 4, 6 и даже 14 лет после кончины хозяев. К примеру, в 1703 г. при оформлении записи о поступлении на годовую службу («быть в службе») к полковнику иноземцу Я.П. Гордону некий И.Е. Горшок назвал себя «бывшим послуживцем» боярина Федора Петровича Салтыкова (отца царицы Прасковьи Федоровны), умершего еще в 1697 г. В течение года Горшок обязался, «...будучи с ним, Яковом Петровичем, на службах ево, во всем слушать, и почитать, и поваренная работа работать», получая пропитание от хозяина, а «по

ре» хозяина, и тем самым он причислялся к дворовым людям, в составе которых могли быть старинные крепостные, кабальные и лично свободные наемные работники.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1189. Л. 138-138 об., 159-160, 169-169 об.; Д. 1190. Л. 308.

⁴⁷ Там же. Д. 1190. Л. 308.

⁴⁸ Там же. Д. 1189. Л. 159-160.

отживе» 3 руб.⁴⁹

В XVII в., по наблюдению В.О. Ключевского, старинные кабальные холопы всегда обозначали, «чьи они старинные, у кого во дворе родились, хотя бы они уже давно освободились от первых господ и вступали на службу к другим «с воли» [9, с. 144]. Такую же картину наблюдаем и с «послужильцами» в первой четверти XVIII в. В феврале 1721 г. в связи с указом Петра I, повелевшего «приводить к смотру людей, которые в домах служат по записям», в Канцелярию Потешного Двора по доношению человека стольника Бориса Ивановича Толстого были доставлены и опрошены трое его людей. У всех истории оказались схожими. В давние годы их отцы служили в разных домах, думного дворянина С.Б. Ловчикова, стольника И.С. Щепилова, гвардии поручика князя М.В. Мещерского. Были ли они кабальными холопами или вольными слугами, сыновья либо не помнили, либо не знали. После смерти отцов, все продолжали жить в тех же домах, иные, будучи еще в малолетстве. По кончине господ их отпустили, и они поступили в дом к Толстому, оформив жилые записи на 5 лет. По истечении урочных лет все остались на прежнем месте, а в Канцелярии заявили, что желают по-прежнему быть там же. Поскольку по осмотру все допрошенные «послуживцы» Б.И. Толстова, 35, 48 и 49 лет, оказались больны и увечны, то им был дан указ, освободивший их от службы и разрешивший по их желанию жить в доме Толстова⁵⁰. Интересно, что в момент оформления жилых записей при поступлении в дом Толстова все люди назвали себя «послуживцами» тех, в чьих дворах жили вместе с отцами. А в указе из Канцелярии Потешного Двора они уже определены как «послуживцы» Б.И. Толстова. Их отцы, скорее всего, служили по кабальной записи, а сами они, не наследуя согласно закону холопского состояния, за давностью жизни в господском дворе фактически находились в состоянии добровольного бескабального холопства. После смерти хозяев, оказавшись «на воле», вне привычной среды, такие послуживцы, ища пропитание, поступали к другим лицам уже как люди вольные на основе срочных жилых записей. Не случайно власть требовала их к смотру, чтобы учитывать в видах военной службы.

В целом представленный материал свидетельствует о том, что лица, находившиеся в услужении в частных домах, в петровское вре-

⁴⁹ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1190. Л. 241 об.-242.

⁵⁰ Указы из Канцелярии Потешного Двора об освобождении от службы // Архив князя Языкова. URL: <http://archo73.ru/Russian/17vek/arshiv/42gramoty.htm> (дата обращения – 14.04.2017).

мя определялись разными терминами. Наряду с именованием их «человек» такого-то употреблялся давний термин «послуживец», имевший множество оттенков толкования. Характерной чертой статуса и «человека» и «послуживца» была соотнесенность их положения с кем-то, нахождение их при ком-то, кто по отношению к ним являлся господином/ хозяином. В своей совокупности такие работники/ служители составляли достаточно сложившуюся, хотя и не имеющую четких правовых границ социальную категорию. Пополняемая в петровское время преимущественно за счет вольных людей, свободных от каких бы то ни было тяглых или служебных обязательств, эта социальная группа входила в гибкую и подвижную конструкцию «разночинцев». Основным занятием ее представителей была разнообразная работа/ служба в частных домах. Неопределенность социального статуса «послуживцев» сказывалась в том, что даже по завершении службы у одного хозяина до поступления к другому они по-прежнему определяли себя как «бывший послуживец» прежнего хозяина. На время службы, порой, весьма продолжительной, они входили в состав двора хозяина, занимая в ней особое место. Судя по перечням поручителей и свидетелей сделок, средой общения таких дворовых служителей являлись нижние военные чины, посадские люди, подьячие, стряпчие и такие же, как и они, служители и работники в домах разных лиц. В перспективе в связи со стремительным сокращением в петровское время контингента вольных людей, не имеющих дворянских прав, но находившихся вне тягла или службы, различного рода служителей в частных домах неминуемо ожидала приписка к законодательно определенным и жестко ранжированным социальным группам. Однако, как скоро это произошло и как в реалиях XVIII в. протекал процесс социальной мобильности «послуживцев» и других групп дворовых людей в послепетровское время, требует специального изучения.

1. *Баранов К.В.* Легенды XVII в. о родопроисхождении новгородцев Апрельевых, Нееловых и Гурьевых // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В.Б. Кобрин. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 26-29 января 1992. М., 1992.
2. *Бахрушин С.В.* Очерки истории Красноярского уезда XVII в. // *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1959. Т. IV.
3. *Богословский М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1906.
4. *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1 / Отв. ред. Л.А. Тимошина. М., 1998.
5. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. М., 1906.

6. Духовное завещание генерала-фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева // Русский архив. 1875. № 1.
7. *Дьяконов М.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. I. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895.
8. *Захаров А.В.* Места жительства думных людей (Улицы и районы Москвы XVII-XVIII вв.) // Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века». URL: http://zaharov.csu.ru/povestki.pl?action=mesto_all (дата обращения: 22.01.2017).
9. *Ключевский В.О.* Происхождение крепостного права в России // *Ключевский В.О.* Собрание сочинений в 9 томах. М., 1990. Т. 8.
10. *Козлова Н.В.* «Человек ево, который за дела ходит...»: «люди боярские» в домах московских дворян петровского времени // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
11. *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV-XVI в.). М., 1971.
12. *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.
13. *Николаева М.В.* Словарь иконописцев и живописцев Оружейной палаты. 1630-1690-е годы: дворовладения, события повседневной жизни, работа по частным заказам. М., 2012.
14. Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в. Сб. док-в. Т. 1 / Сост. Т.Б. Соловьева (отв. сост.), Т.А. Лаптева. М., 2004.
15. *Седов П.В.* Закат Московского царства. СПб., 2006.
16. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.
17. Словарь русского языка XI-XVIII вв. М., 1991. Вып. 17.

УДК 2(С18Ирк)

А.П. Санников⁵¹

Иркутские богадельни XVIII века: первый опыт социального призрения в Байкальском регионе

Иркутская епархия; богадельни; православное духовенство; система социального призрения.

В статье рассматривается история организации и деятельности первых богаделен в Байкальском регионе. Это был опыт учреждения системы социального призрения. За относительно короткий срок в Байкальском регионе их было 26. В конце XVIII в. в них находился 181 богадельщик. Однако их содержание было скудным, а жизнь богадельщиков – сложной.

В XVIII в. в Иркутской епархии началось создание при приходских церквях богаделен. Это была первая робкая попытка учреждения

⁵¹ Санников Александр Павлович, Иркутский государственный университет (РФ, Иркутск), к.и.н, aps.72@mail.ru.

в Восточной Сибири системы социального призрения. Властями эти учреждения рассматривались как благотворительные заведения для содержания нетрудоспособных лиц: престарелых, немощных, инвалидов, калек и нищих. Прообразом для богаделен были скудельницы, известные еще в Московском государстве.

В исторической литературе вопрос о системе социального призрения в региональном аспекте еще не рассматривался. Данная тема требует отдельного рассмотрения. Представленная статья – лишь небольшой штрих к этой проблеме. При отсутствии специальной литературы автору пришлось опираться на источники из региональных архивов, в основном Государственного архива Иркутской области, фонда Иркутской духовной консистории.

Строительство богаделен в епархии началось с Иркутска, затем распространилось в Иркутском духовном правлении и впоследствии по всей епархии. К концу XVIII в. только в Прибайкалье (Иркутске; Иркутском, Балаганском и Киренском духовных правлениях) было открыто 26 богаделен. Больше всего их было в Иркутске, где они имелись при 6 приходских церквях из 10. Менее всего в отдаленном Киренском духовном правлении – при двух из 16 церквей. Распределение богаделен по духовным правлениям представлено в таблице 1.

Таблица 1

Количество богаделен в Прибайкалье в конце XVIII в.

Духовное правление	Количество приходских церквей	При них имеется богаделен	Соотношение от общего числа церквей в %	Рассчитано на число богадельщиков
Иркутск	10	6	60	62
Иркутское	29	13	45	75
Балаганское	26	5	19	30
Киренское	16	2	12,5	14
Всего	81	26	32	181

Посчитано по: ГАИО. Ф. 50. Иркутская духовная консистория. Оп. 1. Д. 491, 501, 546, 567, 570, 646, 666, 3783, 3840, 3843, 3879, 3883, 3902, 3941, 4196, 4181, 4183, 4184, 4185, 4198, 4199, 4269, 4271; Оп. 3. Д. 1, 15, 102, 221, 222, 223; Оп. 7. Д. 36, 37, 53, 54, 60, 62.

В богадельню помещались дети и лица, оказавшиеся не в состоянии себя обеспечить по различным причинам: болезнь, старость, увечье. Для того чтобы попасть в нее, требовалось подать прошение на имя архиерея, дождаться решения вопроса в консистории. В случае положительного решения кандидат получал «билет», после чего помещался в богадельню.

Вот один из таких «билетов»: «Определить Нижнеудинской слободы крестьянина Ивана Гаврилова Назарова в богадельню при Крестовоздвиженской церкви за старостию и слепотою. Питать из средств на госпиталь, равно против протчих. 29 декабря 1787г.»⁵².

Первоначально богадельни были общими. Их разделение на мужские и женские произошло при епископе Софронии в 1753 г. В богадельнях при сельских приходах разделения, как правило, не проводилось.

Содержались богадельни за счет церкви, государства и частных жертвователей. Производился особый «гошпитальный» сбор во время богослужений. На содержание богаделен поступала часть средств от штрафных сборов с «неисповедавшихся», часть средств от продажи церковных свечей («свечного сбора»), выделялись средства из приказа общественного призрения. Кроме того, они сами занимались сбором милостыни. Собранных денег едва хватало на содержание богадельщиков. Иркутский епископ Вениамин обратился к священникам с вопросом об имущественном положении богаделен. Им предлагалось выбрать один из трех вариантов содержания: достаточное, посредственное и скудное. Практически все приходские священники охарактеризовали положение как «скудное».

Недостаток средств приводил к тому, что богадельщики пытались сами обеспечить себя различными способами. Об одном из таких способов, получивших распространение в Иркутске в 70-80-е гг. XVIII в. сообщалось в Иркутскую духовную консисторию: «Находящиеся здесь в городе Иркутске состоящая из разного звания и обоюга пола нищие, из коих иные еще оказываются здоровые и лет не престарелых, а потому пристойными трудами и пропитание себе снискивать могущие, а особливо определенные от сей консистории в богадельни богадельщики, которые не только по городским обывательским домам для прошения себе милостыни ходят, но при том еще в праздничные и воскресные дни и во святых церквях по окончании всякого божественного славословия безстыдным образом становясь у церковных или у трапезных дверей и протягивая руки свои у исходящего из церкви народу просят милостыни, а некоторые из них во время службы и по церкви с места на место переходя оную прозбу употреблять дерзают, что само по себе есть неблагопристойно и предосудительно»⁵³. Кон-

⁵² ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 348. Л. 58.

⁵³ ГАИО. Ф. 276. Иркутская Михайло-Архангельская церковь. Оп. 2. Д. 1. Л. 164–164 об.

систория строго предписала подобные беспорядки в церквях прекратить, ответственность возложить на священников: «Вам священникам наблюдение иметь, дабы впредь в праздничные и воскресные дни богадельщики при церковных и трапезных дверях для прошения у исходящего из церкви народа милостыни отнюдь не становились ни под каким видом сего неблагопристойства чинить отнюдь бы не дерзали, тем паче, что на пропитание оных богадельщиков в надлежащие времена при церквях производится гошпитальный сбор, а при том и от приказов общественного призрения отпускаема быть имеет на них пристойная сумма, о чем вам священникам и находящимся при церквях церковным сторожам учинить от себя надлежащее подтверждение и в слышании и во исполнении сего указа имеете вы священники каждой под сим подписаться» [3, лл.164-164об].

В свободное время богадельщики занимались обустройством церковной территории, следили за состоянием церковных кладбищ, убирались в церкви или работали на огороде.

Лица, оказывавшиеся в богадельне, сильно различались по своему социальному составу. Среди них были ссыльные, отставные солдаты, крестьяне, разночинцы, вдовцы, бобыли и проч.

Между богадельщиками нередко возникали ссоры. Приходскому духовенству приходилось вмешиваться в их быт, разрешать возникавшие проблемы, а порой и прибегать к наказаниям. Малейшее ослабление надзора за богадельней приводило к жалобам. Например, 2 декабря 1790 г. епископу Вениамину поступила жалоба из женской богадельни Спасской церкви от Ненилы Инжаковой, иллюстрировавшая положение дел в ней: «Назат тому лет с тридцать бывшим господином преосвященным Софронием... определена я в граде Иркутскую Спасскую богаделну в коей и поныне жительство имею и веду себя добропорядочно во всякой благочинии. А как поселены в тое богаделну из ссыльных женки то от оных претерпеваю себе немалую обиду и ругательства а временем и бьют, а за что не знаю. И то в частых своих пьянствах, а вчерашнего числа ссыльная Окулина Степанова дочь напившись пьяная мертвецки ухватя железную клюку незнаемо за что била... Болшей части меня ненавидят что говорю им почаству чтоб ссыльных и солдат в богаделну ночевать не приглашали да к томуж и не пьянствовали... В коем пьянстве украли у меня 2 рубли и пропили»⁵⁴.

Епископ Венимин приказал священникам навести в богадельнях

⁵⁴ Там же. Л.180–181 об.

порядок. Однако священники не обладали правом ни принимать в богадельни, ни исключать из них, что уменьшало возможность их влияния на положение дел. К тому же обширность сибирских приходов, забота об убранстве и содержании храмов и общая загруженность не позволяли духовенству реально заниматься вопросами богаделен. Они числились при церквях, но реально являлись лишь дополнительной «головной болью» для приходского духовенства.

В целом, при учреждении богаделен, духовенство столкнулось с целым рядом трудностей. Скучное существование, различный социальный и возрастной состав, неустроенность быта и другие вопросы предстояло еще решить. Но сам факт оказания помощи 180 престарелым людям в условиях сибирской окраины несомненно заслуживает положительной оценки, к тому же это был первый опыт создания системы социального призрения в Байкальском регионе.

УКД 94/(47).07

Н.А. Четырина⁵⁵

Внутрисемейные документы из фонда ратуши Сергиевского посада (1782-1866)⁵⁶

Сергиевский посад; имущество; отдельные; дарственные; уступные; сговорная.

Материал содержит информацию о практике и обстоятельствах наследования и раздела движимого и недвижимого имущества, условиях вступления во владение получаемым наследством или его частью, об имущественных отношениях между родителями и детьми, между братьями, сестрами и другими родственниками, о заботах по содержанию вдов, обеспечению выходящих в замужество дочерей, отражающих представления о материальных и духовных ценностях.

Обращение современной историографии к проблемам социальной истории, истории повседневности, гендерной истории определяет актуальность изучения семьи, ее моделей, роли в структуре общественной системы и частной жизни, а также всего спектра внутрисемейных отношений. Вместо обезличенной истории в центре внимания

⁵⁵ Четырина Наталья Аркадьевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., nchetyrina@yandex.ru.

⁵⁶ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 17-01-00368 а(р) «Частно-правовые внутрисемейные акты в документах ратуши Сергиевского посада (1793-1866 гг.). Тексты и комментарии».

оказывается человек, творящий историю, в том числе «маленький» человек, рядовой труженик. Отсюда особое внимание к публикации и изучению семейно-правовых актов, ценность которых хорошо известна. Документы российской элиты XV–XVII вв. публиковались историками со второй половины XIX в. Н.В. Козловой были опубликованы крупные комплексы из почти четырехсот (383) документов купцов и разночинцев Москвы XVIII в. и почти девятисот (888) актов московского дворянства первой четверти XVIII в. [1; 2]. Отсутствие в научном обороте подобных комплексов документов жителей не крупных столичных, а мелких периферийных городов, да к тому же не ограничивающихся только периодом XVIII века, препятствует разработке многих вопросов семейной проблематики в динамике.

Заполнить образовавшуюся лакуну могут документы частного-правового характера, сохранившиеся в фонде ратуши Сергиевского посада – городского поселения, которое было раньше и остается поныне крупнейшим православным центром. Сравнительно небольшой размер города и продолжительность времени в три четверти столетия (1782-1866 гг.) позволяют предположить наличие разнообразных документов, относящихся к той или иной семье или роду в нескольких поколениях. Их перекрестное использование позволяет лучше понять сведения, содержащиеся в отдельных документах, узнать происхождение передаваемого имущества, проследить матримониальные связи, уточнить биографические моменты и генеалогию применительно к представителям податного населения.

Порядок составления таких документов подробно описан у историка русского права В.Н. Латкина: «Из явочных актов некоторые (верючие письма, отпускные, духовные завещания и некоторые другие акты) обязательно должны были являться на местах, ведающих крепостные дела. Самый обряд совершения явочных актов состоял из написания и засвидетельствования. Написание акта могло иметь место на дому, причем обязательно на гербовой бумаге, по установленной форме и в присутствии свидетелей. По написании, акт представлялся к засвидетельствованию, причем заносился в особые книги, имевшиеся у нотариусов, маклеров и других лиц, ведавших явочные дела и прикладывавших к актам свои печати» [3, с. 487].

Применительно к Сергиевскому посаду документы были обнаружены во всем комплексе источников: в журналах и протоколах заседаний ратуши, книгах записи условий и контрактов, книгах записи духовных и раздельных, в делах о вводе во владение. По этой причине некоторые документы сохранились в одном, двух или даже в трех

экземплярах-вариантах, т.к. они были зафиксированы в протоколах, книгах записи духовных, а также их копии, а в некоторых исключительных случаях и оригиналы на гербовой бумаге, обнаружены в делах о вводе во владение. Большая их часть прошла необходимую процедуру засвидетельствования в ратуше, но иногда в протоколах ратуши в ходе изложения спорного дела воспроизводились уникальные письменные домашние документы, не прошедшие официальных процедур. Кстати, в некоторых случаях они проходили засвидетельствование не в посаде, а в других городах – уездном центре Дмитрове и даже в Москве. Начиная с середины XIX в. на копиях можно обнаружить вторичную явку, сделанную при вводе во владение, а позднее такая процедура стала обязательной для всех.

Среди обнаруженных документов абсолютное большинство (287) является духовными завещаниями, которые уже были представлены на Миловских чтениях в 2011 и 2013 гг. [5; 6]. Кроме этого сохранились отдельные и иные внутрисемейные документы (88), которым и посвящено настоящее сообщение. Для их обозначения использовались следующие термины: условие, условное письмо, уверительное письмо, договорное письмо, поступное письмо, отдельное письмо, отдельная запись, полюбовный отдельный акт, отдельный акт, отдельный акт, дарственная запись, обязательство, свидетельство, сговорная и другие. Среди участников были представители всех сословий: купцы, мещане, крестьяне, дворяне, в том числе титулованные особы (братья графы Толстые), иностранные подданные (братья баварцы Дельмас). При написании всех этих документов приходские священники (духовные отцы договаривающихся сторон) бывали свидетелями значительно реже, чем при написании духовных завещаний.

Большая часть документов касается имущественных вопросов. Выявилась маленькая деталь: обычно, если на имущество представителей податных сословий «запрещений, а по делам... препятствий» не было, то у дворян ситуации могли быть очень запутанными, на имущество обнаруживались запрещения, оно могло находиться в дворянской опеке, имелись неоплаченные вексельные претензии и т.д.

С получением наследства связаны многие ситуации. Как правило, специально доказывать родство не приходилось. Но в исключительных случаях это было необходимо. По этой причине житель посада получил свидетельство о родстве с теткой, ставшей женой дмитровского купецкого сына. Вступлению в наследство часто предшествовал его раздел, иногда с выделением указных частей вдове. В фонде ратуши сохранились только два таких документа. Чаще дети

договаривались о месте проживания и размере материального обеспечения оставшегося родителя, незамужних сестер и малолетних братьев. Родственники договаривались и о разделе полученного имения, иногда даже кидали жребий, ведь законодательством были определены сроки имущественных разделов.

Гораздо реже полученную совместную собственность продавали. Однажды, выполняя желание усопшего, бездетная вдова и родственники продали оставшееся в наследство дворовладение и вырученные деньги передали в приходскую церковь. Иногда владелец одной части имения сдавал ее другому совладельцу в наем. Случалось, что один родственник уступал (дарил) свою часть другому. Но были случаи сложных разделов внутри большой семьи, когда одной из сторон выступали два и более человека. То есть, для одной из сторон это было не окончательное, а временное, отложенное решение, которое в дальнейшем приводило к одному из вариантов решения проблемы.

Особого рода ситуации возникали при выдаче дочерей в замужество и выделении им приданого. В фонде ратуши сохранилась одна-единственная сговорная и еще два договора о дополнительном наделении дочерей недвижимостью сверх приданого. Столь малое число свадебных актов в этот период отмечается историографией и на других материалах [4, с. 86]. Своего рода продолжением матримониальной темы стали два условия о приеме зятя в дом тестя и о его выходе из этого дома. Кроме этого имеются еще две дарственные, не связанные с выделением приданого. Одна из них была сделана за вознаграждение (получение обратно векселей).

Отношения с зятьями иллюстрируют еще два документа о продаже домов, в одном случае за долг, сделанный тестем, а в другом – с обязательством пожизненного проживания и содержанием тестя за счет зятя.

Особые документами оформлялись обязательства родственников в случае постройки одним из них жилья на земле, принадлежащей другому. При этом речь могла идти как о братьях, так и о родителях с детьми.

Несколько документов иллюстрируют непростые финансовые отношения между ближайшими родственниками. В их числе два уверительных письма, в которых отец подтверждает факты уплаты сыновьями денег по векселям отца и оговаривает обязанности их по содержанию родителей в дальнейшем. Еще одним условием было оформлено согласие членов семьи отпустить из дома взрослого сына с единовременным получением с последнего оговоренной суммы 142

руб. 85 коп. серебром.

Три документа касаются судебных малолетних детей. Прежде всего, это определение ратуши (протокол) с записью решения об отдаче деду на содержание и воспитание двоих малолетних внуков, оставленных отцом, находящимся под стражей, без всякого пропитания. Еще два документа касаются отдачи одним из родителей малолетнего ребенка на воспитание и причисление к другому семейству. В обоих случаях степень родства между семействами пока установить не удалось.

Наконец, имеется редчайшее обязательство мещанина данное своей жене «никаких драк и ссор не производить, а жить, как закон Божий повелевает». Его особенностью является то, что хотя написание совершалось в присутствии свидетелей канцеляристом ратуши, но процедуры официальной явки оно не прошло и сохранилось благодаря делопроизводственной практике дословного воспроизведения текстов документов в протоколах.

В целом, выявленные внутрисемейные документы касаются многообразного круга сюжетов повседневной жизни, далекой от упрощенных штампов, от очернительства и украшательства, во всей сложности и непредсказуемости.

1. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002.
2. Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Составление, очерки и комментарии Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015.
3. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004.
4. *Маррезе М.Л.* Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700-1861) / Авторизованный перевод с англ. *Н. Лужецкой.* М., 2009.
5. *Четырина Н.А.* Практика защиты имущества в купеческой семье в конце XVIII – начале XIX в. (на примере завещаний Д.С. Тарбинского) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2011. Вып. 2.
6. *Четырина Н.А.* Духовные завещания жителей Сергиевского посада первой половины XIX века // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3.

**Ссылки на источники поучений в сочинении
свт. Димитрия Ростовского «Чуда пресвятой и
преблагословенной девы Марии»**

Свт. Димитрий Ростовский; культура России второй половины XVII в.; киевская богословская традиция.

В докладе анализируются история формирования поучений свт. Димитрия Ростовского в сочинении «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии». Свт. Димитрий в основном прибегал к сочинениям восточных отцов церкви. Среди них чаще всего цитировался свт. Иоанн Златоуст. При необходимости привести сведения из гражданской или естественной истории, свт. Димитрий обращался к античным авторам или европейским писателям XVI–XVII вв.

Первым сочинением свт. Димитрия Ростовского (1651-1709), одного из самых ярких представителей Русской церкви своего времени, стала книга, озаглавленная «Чуда пресвятой и преблагословенной девы Марии» [4]. Она была написана, когда Димитрий Савич занимал должность кафедрального проповедника Черниговской епархии (1675-1677 гг.) и издана в типографии Новгорода-Северского на Благовещение 1677 г.

Текст книги «Чуда пресвятой и преблагословенной девы Марии» состоит из описания чудес, произошедших от чудотворного образа Богородицы в Ильинском монастыре Божией Матери, и поучений автора, следующих за описанием каждого чуда. В 1683 г. в свет вышла вторая книга свт. Димитрия, «Руно орошенное». «Руно» было написано на основании текста «Чуд ... девы Марии»: среди главных отличий было то, что число чудес было увеличено, а сопровождающие их нравоучения были написаны заново. Впоследствии «Руно орошенное» многократно переиздавалось и имело большую популярность среди читателей, в то время как «Чуда ... девы Марии» стала библиографической редкостью [8, с. 9-14].

Почтения «Чуд ... девы Марии» похожи на лаконичные проповеди, темами для которых служит то или иное проявление милости Божией в чудесах от иконы. Из незаурядного события исцеления автор извлекает урок: «врач душам и телам сын Божий» [3, с. 36], из исцеления слепого: «двоякая есть слепота, една телесная, другая ду-

¹ Крылов Алексей Олегович, МГТУ им. Н.Э. Баумана, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (РФ, Москва), к.и.н., kot165@post.ru.

шевная, а тая наигоршая» [3, с. 44] и так далее. Определив тему, свт. Димитрий обращает к читателю поучительные и назидательные слова из различных источников, в первую очередь – из Св. Писания и Св. Предания. «И то не от себе, но что инде читал и аки пчела от различных зел мед в един се собра», – так описал Димитрий Савич свой метод в предисловии к «Руно орошенному» [3, с. 3].

Из каких же именно источников черпал свою мудрость свт. Димитрий для написания духовных наставлений в своем первом сочинении? Несомненно, что Димитрий Савич как кафедральный проповедник Черниговской епархии при написании своего первого труда пользовался обширными библиотеками столь ученых людей как архимандрит Иоанникий Галятовский и архиепископ Лазарь Баранович, проживавшие в эти годы в Чернигове. Однако выбор книг оставался за самим юным иноком. Что же было мудростью для будущего Ростовского святителя, когда ему не было еще и тридцати лет?

Прежде всего – Священное Писание. Неудивительно, что ученый иеромонах был хорошо знаком с Библией, в его сочинении больше всего ссылок на различные книги Ветхого и Нового Завета.

Среди прочих книг, на которые ссылается свт. Димитрий Ростовский в труде «Чуда ... девы Марии» можно выделить несколько групп.

Первая большая группа – отцы церкви. Из них чаще всего автор ссылается на свт. Иоанна Златоуста, его гомилии и толкования на послания апостола Павла (13 ссылок). Среди прочих восточных отцов церкви свт. Димитрий также приводит строки из творений прп. Иоанна Дамаскина [4, с. 34, 41, 52, 63] (четыре ссылки, преимущественно на гимнографию и «Точное изложение православной веры»), по одному разу – на творения Василия Великого [4, с. 42], свт. Григория Назианзина [4, с. 60] и Кирилла Александрийского [4, с. 53]. Есть ссылки и на неканонизированных Церковью восточных авторов, таких как Виктор Антиохийский [4, с. 62] и Ориген [4, с. 43, 62].

Столь же часто, как и на творения свт. Иоанна Златоуста, свт. Димитрий ссылается на труд, который он кратко называет «Наука» св. Каллиста (13 ссылок). Очевидно, это «Евангелие учительное албо казаня на каждую неделю и свята урочистыея константинопольскаго патриарха Каллиста», изданное в Киеве в 1637 г. и 1616 г. [1, с. 12-13]. Текст Учительного Евангелия восходит к одному из вариантов Патриаршего Гомилиярия, в своей основе это византийский сборник поучений XII в., который в XIV в. был расширен в среде исихастского монашества и тогда же переведен на славянский язык. В XV–XVI в.

этот текст переписывался и дополнялся русскими книжниками, тогда же он начал связываться с именем патрарха Каллиста Ксанфопула – хотя в византийской традиции авторство приписывалось самым различным константинопольским иерархам [10, с. 96-105]. В 1569 г. рукописное сочинение было издано Иваном Федоровым в типографии Заблудова под заглавием «Евангелие учительное», которое закрепилось и за последующими переизданиями [11, с. 14]. Толкование Св. Писания в поучениях Учительного Евангелия в основном представляет собой сложную компиляцию из толкования Феофилакта Болгарского, Евфимия Зигабена (комментарии двух этих авторов – также компиляция из авторитетных св. отцов), Иоанна Златоуста и текстов катен (цепей последовательных комментариев) [10, с. 98]. Также в Учительном Евангелии цитируются святые Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Софроний Иерусалимский, а также Евсевий Панфил, преподобные отцы – преподобные Макарий Великий, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Феодор Студит. При этом особо подбирались цитаты преподобных отцов, говорившие о Божественном свете, что, очевидно, отражало влияние на текст исихастов XIV в. [10, с. 98-100].

На полях «Чуд девы Марии» можно встретить много ссылок на творения и жития восточных отцов-аскетов. Из них чаще всего цитируется «Лестница» преподобного Иоанна Лествичника. На нее в «Чудах» делается пять ссылок: две на слово 7 о плаче, три на слово 5 о покаянии [4, с. 33, 50]. Присутствуют также две ссылки на слова Антония Великого, одна – на его житие [4, с. 41, 42, 56], одна ссылка на беседу прп. Макария Великого [4, с. 34, 50], одна на его житие [4, с. 33, 57]. По одной ссылке делается на творения преподобных Ефрема Сирина [4, с. 33], Петра Дамаскина, Феодора Студита [4, с. 59], Исидора Пелусиота [4, с. 56], аскетические сборники Лимонарь [4, с. 41] и «Цветник духовный» [4, с. 41].

Из западных Отцов Церкви чаще всего свт. Димитрий ссылается на различные сочинения свт. Григория Двоеслова [4, с. 44, 48, 56, 68]. Также свт. Димитрий трижды упоминает блаженного Августина [4, с. 37, 56, 63], дважды блаженного Иеронима, дважды св. Исидора Севильского [4, с. 60]. При этом характер упоминаний блаженного Августина позволяет предположить, что свт. Димитрий скорее всего брал цитаты святого отца не из его сочинений, но из каких-то иных сборников.

Помимо святых отцов первого тысячелетия и их современников, свт. Димитрий цитирует две категории авторов: античных писателей и европейских литераторов XVI–XVII в. Но если святых отцов он цити-

рует постоянно в самых различных ситуациях, то ссылки на античных и иноконфессиональных авторов он использует лишь в двух случаях.

В первом случае авторы-иноверцы привлекаются как своего рода авторитетные эксперты по частным вопросам «внешнего знания». Например, поясняя, почему желчь рыбы, изловленной библейским Товией, исцеляла больные глаза, святитель ссылается сразу на «Естественную историю» Плиния и некую книгу «Вализиуса» о философии (вероятно, имеется в виду одно из сочинений выдающегося английского философа и математика XVII в. Джона Валлиса [14, р. 141-145]), по вопросу о видениях автор обращается к сочинению иезуита М. Дель Рио «Магические исследования в шести книгах» [15].

Во втором случае сочинения иноверцев становятся кладезем прилогов, то есть примеров-иллюстраций, призванных, согласно правилам барочного красноречия, разнообразить повествование. Такие «прилоги» заимствуются из Диогена Лаэртского, который повествует о поступках и высказываниях Гераклита и Аристотеля, из Плутарха, из уже упоминавшейся «Естественной истории» Плиния, из «Энеиды» Вергилия. Однако такие же прилоги в виде удачных выражений дают автору «Чуд» и католические сочинения: «О вечности» И. Дрекслея [16], и проповеди краковского каноника Я. Либериуша (на каждую книгу делается по одной ссылке) [12, с. 27-36].

В определенном смысле к латинским сочинениям можно отнести «Диоптру», которую свт. Димитрий цитирует несколько раз. Это сочинение было изначально написано неким немецким автором второй половины XVI в. [6, с. 267-268]. В западнорусских землях оно получило распространение благодаря сокращенному переводу монаха Виталия, выполненному в начале XVII в. Этот перевод под заглавием «Диоптра альбо Зерцало и выражение живота людского на том свете» впервые был издан в типографии Евъе стараниями Виленского братства св. Духа и позднее многократно переиздавался. Поэтому переводная «Диоптра» Виталия воспринималась читателями уже как текст православной традиции [7, с. 557-558]. Вся «Диоптра» проникнута аскетическим духом, монашеская жизнь противопоставляется в ней мирской суете, надежда на Бога и вера в Него – надежде на человека, на свои добрые дела [9, с. 1-16].

Направленность поучений Диоптры сближает ее с другой книгой, процитированной свт. Димитрием как «Дрекселиуш о вечности». Это сочинение иезуита Иеронима Дрекслея «De Aeternitas». Дрексель в начале XVII в. был проповедником при дворе курфюрста Баварии Максимилиана I и прославился не только красноречивыми пропо-

ведями, но и многочисленными популярными сочинениями, расхвалившимися тиражами в десятки тысяч экземпляров. Секрет популярности Дрекселя был в том, что «его сочинения содержали мало теории, но скорее представляли собой практическое наставление и напоминание о некоторых великих истинах в форме одновременно символической и ученой, которая так нравилась современникам» [1, с. 364-365]. По этой причине Дрекселя читали не только в католическом мире, но и за его пределами – то же сочинение «О Вечности» было переиздано (после устранения всей антипротестанской полемики) даже в Англии [1, с. 364]. Вообще, известно, что Дрекселя свт. Димитрий читал и в Ростове: уже в 1705 г. в Москве он приобрел многотомное собрание сочинений баварского иезуита [12, с. 198-212].

Именно в первых сочинениях свт. Димитрия, «Чуда ... девы Марии» и «Руно орошенное» выработывался его «неповторимый авторский стиль и метод, неоднократно отмечаемый исследователями: собиранья, соединения в одном сочинении разных источников, сведений в назидание и поучение читателю» [8, с. 20]. Но выработывался не только стиль и метод работы с источниками, выработывалось и предпочтение тех или иных источников «мудрости», внимание к которым святитель сохранил на всю жизнь.

Рассмотрение ссылок в сочинении «Чуда пречистой и преблагословенной Девы Марии» позволяет сделать несколько выводов. При написании своего первого сочинения свт. Димитрий в основном прибегал к сочинениям восточных отцов церкви. Среди них наиболее близким будущему Ростовскому митрополиту был свт. Иоанн Златоуст. Из западных отцов церкви свт. Димитрий чаще всего обращается к св. Григорию Двоеслову. Следует также отметить, что в «Чудах» много ссылок на наследие восточных подвижников – это сочинения древних аскетов, жития преподобных, наконец, «Евангелие учительное», текст которого испытывал влияние исихастского монашества Византии XIV в. При необходимости привести сведения из гражданской или естественной истории, святитель Димитрий обращался к античным авторам или европейским писателям XVI–XVII вв.

Выбор источников для поучений «Чуд ... Девы Марии» отражал внутренние установки свт. Димитрия Ростовского по отношению к источникам знания, которые владыка сохранял на протяжении всей своей жизни. Известно, что почти все сочинения, на которые свт. Димитрий ссылался в своей первой книге, можно было встретить в личной библиотеке владыки спустя 30 лет после написания «Чуд ... девы Марии», а проявившееся в первой книге свт. Димитрия Ростовского

особое расположение святителя к творениям свт. Иоанна Златоуста и прп. Иоанна Лествичника будет являть себя и в московских и ростовских проповедях митрополита [5, с. 18-19]. При этом главным источником «мудрости» для свт. Димитрия Ростовского, основой становления его личности и созданного им духовного наследия, и в молодости, и в зрелые годы было Священное Писание и творения святых отцов Православной церкви.

1. *Варварич Г.Е.* Славянские книги Кирилловской печати XVII–XX вв. Каталог книг, изданных в Киево-Печерской лавре. Киев, 1981.
2. *Гибер, де. Ж.* Духовность Общества Иисуса. М., 2010.
3. *Димитрий [Ростовский, свт.]*. Руно орошенное. Чернигов, 1683.
4. *Димитрий Ростовский, свт.* Чуда пресвятой и преблагословенной девы Марии. Чернигов, 2013.
5. *Зубов В.П.* Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М., 2001.
6. *Крумлинг А.* Подражания подражанию. Римейки книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу» в славяно-русской письменности. Библиографический обзор // *Фома Кемпийский. О подражании Христу*. М., 2009.
7. *Турилов А.А.* Виталий // *Православная энциклопедия*. М., 2004. Т. 8.
8. *Федотова М.А.* Книги «Чуда пресвятой и преблагословенной девы Марии» и «Руно орошенное» – сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского // *Димитрий Ростовский, свт.* Чуда пресвятой и преблагословенной девы Марии. Чернигов, 2013.
9. *Франко І.* Забутий український віршописець XVII віку // *Записки Наукова Товариства імені Шевченка*. 1898. Т. 22.
10. *Якшин И.В.* Источники и структура поучений Евангелия Учительного: Патриарший Гомилиарий // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2011. Т. 10. Вып. 8. Четый сборник как феномен литературной культуры русского средневековья.
11. *Якшин И.В.* Литературная история «Евангелия Учительного» (рукописная традиция конца XIV–XVII в.). Автореф. дисс. ... к.ф.н. Екатеринбург, 2012.
12. *Янковска Л.А.* Литературно-богословское наследие свт. Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв. Рукопись дисс. ... д.филол.н. М., 1994.
13. *Янковска Л.А.* Проповеди краковского каноника Яцека Либериуша как один из источников сочинений св. Димитрия Ростовского (одна из ошибок И.А. Шляпкина) // *История и культура Ростовской земли* 1996. Ростов, 1997.
14. *А.М.С. [Agnes Mary Clerke]*. Wallis, John (1616-1703) // *Dictionary of National Biography, Errata*. London, 1904.
15. *Del Rio, Martin, S.J.* Disquisitionum magicarum libri sex. Leuven, 1599-1600.
16. *Drexelius Jeremia, S.J.* De aeternitate considerationes. Munich, 1620.

Киевские древности глазами путешественников XVIII века

Историческая память; путешествия; Киев.

В докладе отражены итоги анализа комплекса воспоминаний путешественников о посещении Киева. Приводятся наиболее яркие примеры восприятия киевских древностей людьми XVIII века.

Древняя столица, Киев – несомненно, город-символ в русском историческом сознании. В XVIII в. это был еще и один из самых посещаемых городов Российской Империи. Бесчисленные паломники шли поклониться святыням, молодые люди приезжали учиться в Академии, дворяне навещали знакомых. Через Киев шла дорога на юг – в Святую землю; и на запад – в Европу. Посещали город венценосные особы (Петр I, Елизавета Петровна, Павел Петрович с Марией Федоровной, Екатерина II). Записки путешественников, сохранившие их впечатления от исторических мест, крайне интересны для изучения общественного восприятия русских древностей. В отличие от литературных описаний, они передают проявления бытового, живого исторического сознания и наглядно демонстрируют, что, находясь в одном и том же месте, люди могут видеть совершенно разное. Наиболее яркие из таких оценок и некоторые особенности их формирования будут рассмотрены в данном докладе.

До середины XVIII в. создателем внешнего образа Киева был Киево-Печерский монастырь. Издания его типографии, адресованные паломникам, преобладали в киевских книжных лавках и позиционировали Киев как святой город. Первым путеводителем по святыням стал широко тиражируемый Киево-Печерский патерик. Кроме рассказа о печерских чудотворцах он содержал карту пещер, предназначенную для их посетителей. Вероятно, были и другие путеводители: Г. Скопин в 1787 г. ссылается на «Краткое изъяснение о двух пещерах»² [25, с. 74], упоминает о печатном описании пещер в 1786 г. Д.И. Фонвизин [27, с. 567]. Однако самое раннее сохранившееся издание описания Печерского монастыря относится только к 1791 г. [8].

¹ Ткаченко Виктория Владимировна, МГУ имени М.В.Ломоносова (РФ, Москва), соиск.; victory.tkachenko@gmail.com.

² Это издание XVIII в. нам не известно, однако текст с одноименным названием был напечатан в качестве приложения к изданию: Краткое описание Киево-Печерской Лавры. Киев, 1805.

Ежегодно Киево-Печерскую лавру посещало около 130 000 богомольцев [28, с. 201]. Их записки сохраняли благостный образ святого города: «В Киеве монастырей и около Киева зело много, и пустынки есть. Райския места, есть где погулять!»; «И пошли во Антониеву пещеру, и тут видели преподобных отец в нетленных плотех – что живыя лежат! И толь множество их, что звезд небесных, все яко живы лежат – дивное чудо!» [19, с. 12–13]. Такие впечатления присущи многим паломникам [15; 21; 22; 25 и др.]. Древность не являлась для них главной ценностью, а лишь дополняла святость места или вовсе меркла перед ней.

Создание светского описания достопримечательностей Киева заметно отставало от церковных сочинений. В 1760 г. в Сенат был отправлен отчет, что «при Киеве старых городов оставшихся развалин и городищ и никаких признаков ныне почти не видно», об основании города «в Киевской губернской канцелярии известия не имеется», «а что оный город верхний давно был от татар и других народов осаждаем и разоряем, о том с происходимого в народе слуху известно, но когда именно и от кого те разорения чинимы были, неизвестно» [13, с. 117–118, 140]. Помимо невежества властей это демонстрирует и то, что среди местных жителей бытовали исторические предания. Проезжая Лубны, В.Г. Орлов писал: «Много по обеим сторонам курганов разной величины. Жители сказывают, что были в этих странах побоища между Батыем и Русскими» [16, с. 441].

Сведения о Киеве можно было почерпнуть из «Синописа», «Описания Украины» Г.-Л. Боплана, «Исторических известий о Малороссии» В. Рубана. Но вплоть до конца XIX в. часть описаний оставались не изданными [14; 11].

Для приезжающих дворян Киев был в основном промежуточным пунктом по дороге в Европу. Пребывание здесь сопровождалось дружескими визитами, а стандартной культурной программой было посещение тех же святынь, но с акцентом на их художественную ценность: «Собор Печерского монастыря замечателен старинной мозаикой, покрывающей стены. В одной из церквей есть фрески, изображающие вселенские соборы до отделения церквей» [6, с. 92]; «Соборная церковь прекрасна, но весьма далеко отстала от римской церкви святого Петра» [27, с. 567]; «Говорят, что в Софийской церкви есть картины Рубенса и Рафаэля Урбино, а также и картины à la Mosaïque» [9, с. 66]. Описание поклонения чудотворцам данное И.В. Мёллером очень характерно: «У каждого из них богомольцы открывают свой кошелек, и деньги остаются на платьях святых для поминания при-

шедших. Так как однообразие утомляет, то мое внимание было больше направлено на картины, которыми келии святых были украшены богомольцами» [9, с. 66].

Пещеры вызывали и исследовательский интерес. И. Лерхе, «идя в пещеры, взял (...) с собою Фарингейтов термометр, наполненный спиртом. В пещере температура оказалась +41 градус (...), а до того при входе +70 градусов» [3, с. 93]. Академик Гильденштедт изучил геологические свойства печерской горы, указав, что «в такой почве трупы тощих людей легко могли засохнуть, не подвергаясь гниению» [24, с. 280].

Множеством гостей наполнило город путешествие Екатерины II. В его официальное описание [20] вошли сведения о Киеве, затем издававшееся отдельной брошюрой. По справедливому замечанию И. Булкиной, по сути, это была история последовательных разрушений некогда прекрасного города, призванная «предуготовить» Екатерину к виду жалких развалин [1, с. 44]: «В 968 город сей был осажден печенегами; (...) В 1017 выгорело в нем до 700 домов» и т.д. [20, с. 34–35] Из храмов здесь был упомянут лишь Софийский собор, а также Печерский, Михайловский (Златоверхий) и Выдубицкий монастыри.

Впечатления от древней столицы передают письма Императрицы: «Странный здешний город: он весь состоит из укреплений, да из предместий, а самого города я до сих пор еще не могу доискаться; между тем по всей вероятности в старину он был, по крайней мере, с Москву» [16, с. 131]. «Все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы» [2, с. 671–672]. «От прежнего величия в нем уцелели лишь богатые храмы» [17, с. 288]. Свое посещение пещер Екатерина назвала ужасной прогулкой («la terrible promenade»), которая длилась больше двух часов [23, с. 109].

Образ разрушенного древнего города присутствует и в записках ее спутников. «Подъезжая к Киеву, испытываешь то особенное чувство уважения, какое всегда внушает вид развалин, — писал Л.-Ф. Сегюр. — Смотря на него, вспоминаешь, что здесь колыбель огромной державы» [5, с. 415]. По его словам, когда Екатерина спросила собеседников о впечатлении от Киева, граф Кобенцель воскликнул: «Государыня, это самый дивный, самый величественный, самый великолепный город, какой я когда-либо видел!». Фитц-Герберт отвечал: «Если сказать правду, так это незавидное место, видишь только развалины да избушки». А сам Сегюр заметил: «Киев представляет собою воспо-

минание и надежды великого города» [5, с. 415].

В записках дворян, сопровождавших Екатерину, упоминания достопримечательностей крайне скупы. Их затмевала собой Императрица: «В Киев приехало множество разных вельмож, а более поляков, и двор был весьма великолепен, особливо у заутрени, в Светлое Христово Воскресение, в Печерской лавре. К вечерне императрица поехала в Софийский монастырь» [4, с. 4], «В церкви Императрица поклонилась святым мощам, на правой стороне стоящим, водима будучи под руку графом Петром Александровичем Румянцевым» [7, с. 4] и т.п.

Иностранцы отнеслись к городу с долей скептицизма. Ф. де Миранда замечал, что в пещерах из-за скопления людей царила «сильная духота» [10, с. 141], а в церквях «пол устлан железными плитами и потому дьявольски холодный» [10, с. 203]. Софийский собор он назвал одним «из самых старинных и замечательных здешних храмов», не преминув добавить, что «на куполе и хорах сохранилась довольно древняя мозаика, выполненная в скверной манере эпохи упадка империи» [10, с. 148]. Сегюр открыто сетовал, что вместо достопримечательностей ему приходится «видеть везде тот же двор, слушать все те же православные обедни и присутствовать на балах». На что Екатерина пояснила: «Я путешествую не для того только, чтоб осматривать местности, но чтобы видеть людей; я довольно знаю этот путь по планам и по описаниям» [5, с. 416].

Шум двора, балы и приемы оказывались важнее погружения в дух русской древности. Во время приезда высокопоставленных гостей главным украшением города становилась иллюминация. И если для Екатерины был установлен освещенный огнями вензель Императрицы, то ранее во время визита Павла Петровича даже Печерская колокольня была иллюминирована «фигурою пирамиды», а перед дворцом поставили картины Плутона, Прозерпины и Нептуна с купидонами [3, с. 98]. То есть русская древность была заменена античной.

Мозаика зарисовок Киева будет не полной, если обойти стороной впечатления турецких послов, направлявшихся через Киев в Петербург. Для них это был стратегический город, и главное внимание привлекали его военные укрепления: «Город Киве (sic! – *B.T.*), состоит из двух крепостей, отдельных и расположенных одна против другой; они окружены рвами, снабжены кругом подкопами, и наполнены войсками» [18, с. 6]. Киево-Печерскую лавру мусульмане называют «в высшей степени доходным монастырем», при этом подозревая, что императрица Елизавета могла посещать его только «под предлогом

паломничества, а возможно, и для какой-нибудь тайной цели» [26, с. 298].

Таким образом, единого восприятия Киева даже среди лиц, его посетивших, не существовало. Образ святого города, транслировавшийся изданиями Киево-Печерской лавры, не всегда воспринимался путешественниками. Для одних Киев был святыней, для других – руинами древней столицы или вовсе захолустной провинцией. Киевские древности еще ждали своего подробного описания, изучения и реставрации.

1. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века. Дисс. ... д. философии. Тарту, 2010.
2. Екатерина II. Письма и документы // Русская старина. 1873. Т. 8. Вып. 10.
3. Закревский Н. Описание Киева. Т. 1. М., 1868.
4. Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914.
5. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб., 1865.
6. Записки княгини Дашковой. СПб., 1907.
7. Записки о пребывании императрицы Екатерины второй в Киеве в 1787 году. СПб., 1843.
8. Краткое историческое описание Киевопечерския лавры. Киев, 1791.
9. Мёллер И.В. Киев в 1787 г. и дед покойного Н.Х. Бунге // Киевская старина. 1895. Т. 50. Вып. 9. Отд. 2.
10. Миранда Ф. Путешествие по Российской Империи. М., 2001.
11. Новгородцев В.И. Географическое описание города Киева // Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874.
12. Новооткрытые письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив. 1878. Вып.10.
13. Описание г. Киева, составленное Киевской губернской канцелярией в 1760 г. // Исторические материалы из архива Киевского губернского правления. Киев, 1888. Вып. 3.
14. Описание града Киева в 1753 году в Печерской Лавре сочиненное // Архіви України. 1984. № 5.
15. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет 1766–1776 гг. // Православный палестинский сборник. СПб., 1891. Вып. 36.
16. Орлов В.Г. Дневник путешествия в 1770 г. в Киев и в свои вотчины // Русский Архив. 1908. № 8.
17. Письма императрицы Екатерины II к И.Г. Циммерманну // Русская старина. 1887. Т.55. Вып. 8.
18. Посольство Дервиша-Михаммед-Эффендия в Россию // Северный архив. 1826. Ч. 19. № 1. Отд. 1.
19. Путешествие в святую землю Московскаго священника Иоанна Лукьянова. М., 1862.
20. Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край Рос-

- сии. СПб., 1786.
21. Путешествие посадского человека М.Г. Нечаева в Иерусалим. Варшава, 1875.
 22. Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона 1749 года // ЧОИДР. М., 1873. Кн. 3. Ч. V.
 23. Русские государи в Киеве. Киев, 1896.
 24. *Синицкий Л.* Путешествие в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И.М. Долгорукого // Киевская старина. 1893. Т. LX.
 25. *Скопин Г.А.* Дневная записка пешеходца // Саратовский исторический сборник. Саратов, 1891. Т. I.
 26. *Тверитинова А.С.* Извлечения из описания посольства в Россию Шехди Османа в 1758 г. // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной России. М., 1969. Ч. II.
 27. *Фонвизин Д.И.* Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия // *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. М.; Л. 1959. Т. 2.
 28. *Шульга Я.М.* Киевские паломники XVIII века: социоантропологическая характеристика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31). Ч. 1.

УДК 94(47).06

Л.М. Артамонова¹

**Школа для крещеных ставропольских калмыков в
контексте этноконфессиональной и образовательной
политики XVIII века**

История культуры; народное образование; история Поволжья; колонизация; православная церковь.

В статье проанализировано обучение калмыков и изучение их языка в России XVIII в. Это способствовало взаимопроникновению и взаимообогащению культур, проповеди христианства, решению административных задач.

В 30–40-е гг. XVIII в. в состав Российской империи вошли обширные регионы Заволжья и Приуралья. Колонизация земель на юге и юго-востоке Европы стала «одним из важных явлений в развитии нашего государства» [12, с. 946].

Этноконфессиональная и образовательная политика на окраинных землях России должна была учитывать многонациональный характер населения, содействовать сближению его в культурном отношении с русскими, утверждать в православной вере тех, кто был готов ее принять. С этой целью устраивались школы при штабе Оренбург-

¹ Артамонова Людмила Михайловна, Самарский государственный институт культуры (РФ, Самара), д.и.н., artamonovoi@mail.ru.

ской экспедиции, находившемся до 1744 г. в Самаре [9, с. 981]. Кроме подготовки необходимых специалистов, грамотных служащих и работников, для освоения новых территорий требовалось проведение на них активных научных изысканий [8, с. 172].

Вслед за Самарой было решено завести школу в соседнем Ставрополе (ныне г. Тольятти), предназначив ее для обучения калмыцких детей. Этот город с 1738 г. стал центром переселенного на Среднюю Волгу войска, составленного из крещеных калмыков [6, с. 126].

Ставропольскую школу можно поставить в один ряд с другими учебными заведениями для новокрещен из народов Поволжья, которые устраивались в 1730-1750-е гг. В их числе была создана в 1732 г. школа для детей крещеных калмыков в Ивановском монастыре в Астрахани [10, с. 45].

25 февраля 1735 г. «велено было в Казанской губернии учредить 4 школы для обучения» чтению и письму детей новокрещен из мордвы, чувашей и других народов. Это распоряжение было реализовано уже при императрице Елизавете Петровне открытием новокрещенской школы в Казани с целью подготовки национальных кадров священников и церковнослужителей. Лучшие ее ученики продолжали обучение в Казанской семинарии².

Не получив правильной организации и устойчивого обеспечения, новокрещенские школы, как правило, через некоторое время закрывались. Относительно школы в Казани никаких документов о ее существовании не смогли найти уже в 1819 г. Краткую историческую записку о ней тогда пришлось составлять «по преданию»³.

Ставропольская школа в этом ряду отличается своей долговечностью. Резолюция Кабинета Министров о ней появилась 6 июня 1741 г. стараниями полковника Андрея Ивановича Змеёва, который в качестве коменданта представлял российские власти в Ставрополе и окрестностях⁴.

Инициативу проявили сами калмыки, которые, как доносил комендант еще в 1739 г., «желают обучать детей своих русской грамоте и письму». Их правительница Анна Тайшина понимала цену знаний и сама была «между многими в науке превосходная». Эту оценку ей дал после знакомства в 1738 г. В.Н. Татищев в своем письме в Академию Наук [4, с. 683].

² НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 877в. Л. 12.

³ Там же. Л. 13.

⁴ ПСЗ. Т. XI. № 8394.

Заслужить такую похвалу от человека, знакомого со всеми учеными людьми России и многими западноевропейскими коллегами, женщина-степнячка могла действительно только глубокими познаниями. Правда, речь в отношении княгини, принявшей христианство всего лишь за два года до этой встречи, могла идти только о традиционном буддийском образовании.

При принципиальном согласии калмыцких и русских властей о необходимости обучения детей, встал вопрос о денежном содержании. Змеёв сетовал, что у него нет специальной суммы на постройку школы, пропитание учащихся «и прочее потребное к тому учению». Однако сам комендант и нашел выход из финансовых затруднений. Он предложил выделить средства на школу за счет убавки жалованья тем священникам и церковнослужителям, определенным к кочевникам, которые не знали калмыцкого языка. В итоге получилась годовая экономия в 500 руб., как раз необходимых для школы. Змеёв предлагал, чтобы в школе шло обучение не только русскому, но и калмыцкому языку. Решение этой задачи облегчалось тем, что обучение обоим языкам в школе взял на себя образованный ставропольский протопоп Андрей Чубовский. Первоначально в школу было зачислено 10 калмыцких мальчиков. Им было положено казенное жалованье, которое составляло 20 руб. в год на человека. Каждому было выдано «по одному сермяжному кафтану, по одному китайчетому полукафтаныю с подкладкою толстою холстинкою, по одним яловишным черным сапогам, по одним белым чулкам, по одним яловишным желтым рукавицам, по две пары рубах холстинных толстых, по одному коровьему войлоку да по одной холстинной подушке, набитой мочалами» [1, с. 533].

В 1744 г. ученики жаловались на то, что денег не платят, одежда изнашивается, нет свеч и заниматься поэтому можно только днем. Не совсем, видимо, удачно шло изучение русской грамоты, поскольку сама жалоба была написана по-калмыцки и переведена в местной канцелярии. Во всем этом сказывалось не столько пренебрежение именно школьным делом, сколько общее неустройство управления крещеными калмыками после смерти в 1742 г. княгини Тайшиной, а за ней Змеёва. Коллегия иностранных дел, управлявшая до того крещеными калмыками, сочла за лучшее передать их под управление властей только что образованной Оренбургской губернии.

Первый оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев активно взялся за калмыцкие дела, не обходя вниманием школу. 8 ноября 1744 г. он представил доклад Сенату, после утверждения императ-

рицей получивший силу закона. В нем предполагалось открыть еще несколько калмыцких школ, увеличить число учащихся в Ставропольской до 20-30 чел., «а буде пожелают, то и больше»⁵. Выбор учителей поручался на совместное решение губернатору, коменданту и протопопу.

В калмыцкие школы должны были помещаться, кроме природных калмыков, для изучения их языка дети русских священников и церковнослужителей. Таким образом их готовили «во священство, в переводчики и толмачи для всей губернии»⁶. Это было схоже с мыслями о совместном обучении детей разных национальностей, которые выдвигал В.Н. Татищев [6, с. 208].

Не все положения неплюевского доклада были реализованы в жизнь. Так, школа в городе осталась для всего Ставропольского калмыцкого войска единственной. Однако в целом начинание Змеёва, Тайшиной и Неплюева оказалось вполне жизнеспособным. В 1746 г. губернатор доносил Сенату, что калмыки «детей своих русской грамоте и письму охотно обучают», среди школьников есть несколько хорошо обученных говорить, читать и писать по-русски, о чем «ставропольский комендант и протопоп довольное имеют старание»⁷.

К концу 1760-х гг. ряд бывших учеников калмыцкой школы в Ставрополе уже служили в «священниках, переводчиках и толмачах», как было задумано при ее основании. Да и остальные, «будучи обучены», несли службу в калмыцком войске «с лутчею пользою»⁸.

Численность крещеных калмыков Заволжья в 1770 г. составляла около 8,5 тыс. чел. Они представляли две этнические группы: волжских калмыков и зюнгорских (джунгар) [5, с. 85].

В 1770 г. императрица Екатерина II одобрила доклад Сената, подтвердивший существование калмыцкой школы в Ставрополе⁹. В 70-е гг. в ней еще продолжал служить учителем Егор Ерофеев¹⁰. Он был одним из первых калмыков, кто получил образование в Славяно-греко-латинской академии. Вместе со своими товарищами в 1730-е гг. он подготовил первые переводы христианских молитв, символа веры и десяти заповедей на калмыцкий язык [7, с. 558].

По описаниям того времени, школа располагалась на террито-

⁵ Там же. Т. XII. № 9110.

⁶ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1216. Л. 10 об.

⁷ ПСЗ. Т. XII. № 9444. С. 763.

⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 816. Л. 19.

⁹ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1216. Л. 10 об.

¹⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 141. Л. 46.

рии Ставропольской крепости вместе с другими зданиями общественного назначения и представляла собой деревянную постройку на каменном фундаменте. Число учеников в 1760 г. было увеличено до 50 человек. На ее содержание отпускалось ежегодно 620 руб., и сверх того провиант для учащихся. Учеников разделяли «на три части», «в первой и второй по 14, в третьей – 22» человека. Ученики первой части получали жалованье 12 руб. в год, второй – 10 руб., третьей – 6 руб., а также месячный продовольственный паек, положенный солдату. В школе обучались и дети русских солдат «калмыцкому и российскому языкам и арифметике», пока для них не была построена в 1776 г. особая гарнизонная школа¹¹.

Согласно ведомости 1783 г., на пятьдесят учеников калмыцкой школы приходился один учитель. В 1800 г. в ней уже служили два учителя и переводчик [2, с. 23].

В ходе школьной реформы Екатерины II 1780-х гг. управление школьным делом на местах передавалось губернским Приказам общественного призрения. Калмыцкая школа номинально считалась в ведении такого Симбирского приказа, поскольку г. Ставрополь стал уездным городом Симбирской губернии. В указанное учреждение постоянно присылались войсковой канцелярией рапорты и ведомости о состоянии калмыцкой школы, ее учителях, учениках, служителях¹². Без ведома Приказа не разрешалось забирать из школы учащихся в другие заведения и на службу¹³.

Однако в организационном и в методическом отношении она реально не контролировалась губернским школьным начальством до тех пор, пока летом 1789 г. Ставропольская войсковая канцелярия сама не попросила принять в Главное народное училище Симбирска двух учеников калмыцкой школы «для обучения изданным правилам». Директором симбирских училищ являлся видный инженер, статистик, просветитель Т.Г. Масленицкий [3, с. 179]. Он отобрал для этой цели Николая и Василия Ефимовичей Ягодинских. Однако Приказ общественного призрения объявил войсковой канцелярии, что «для приготовления и обучения учебных предметов и нормальных правил» та может присылать столько учеников, «сколько ей рассудится и нужно будет». Приказ подчеркнул, что ему «приятно видеть желание калмыцкой войсковой канцелярии» обеспечить введение «в сию школу

¹¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 816. Л. 19; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. С. 65–66.

¹² РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1216. Л. 11; Д. 1217. Л. 20; Д. 1218. Л. 2 об., 4.

¹³ Там же. Д. 1216. Л. 10 об.–11.

нормального учения»¹⁴.

Братья Ягодинские происходили из детей церковников. В 1790 г. в Симбирском главном народном училище они проходили предметы второго класса и одновременно обучались «учительским должностям для малых народных училищ»¹⁵.

10 сентября 1791 г. директор симбирских училищ докладывал о завершении подготовки в Симбирске двух новых учителей – братьев Ягодинских¹⁶. 12 сентября они были выпущены с аттестатами в калмыцкую школу для организации там «нормального учения»¹⁷.

Шагом к установлению единообразия в обучении был также переход учеников калмыцкой школы на учебники, разработанные для малых народных училищ. Уже в 1789 г. войсковая канцелярия оплачивала покупку соответствующих книг для учащихся¹⁸.

Перевод ведомственных школ на «способ учения» – методику и учебники народных училищ, обеспечение их профессиональными учителями соответствовал общероссийской тенденции. В Ставропольской калмыцкой школе решалась общая для всех регионов и групп населения страны модернизационная задача. Государство посредством общеобразовательных школ старалось перехватить у традиционных институтов средства социализации молодежи, поскольку «элементы культуры могут передаваться от поколения к поколению только в результате социализации» [11, с. 1006]. Таким путем можно было установить контроль над протеканием в нужном русле процессов этнокультурного сближения народов России, достичь желательных для власти социальных и религиозных целей.

Рассматриваемый нами конкретный образовательный опыт калмыцкой школы продолжился в следующем XIX столетии. Однако это уже отдельная тема, выходящая за рамки настоящей статьи.

1. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1891. Вып. 3.
2. *Джунджузов С.В.* Школьное образование в Ставропольском калмыцком войске // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1-1.
3. История Самары (1586 -1917 гг.). Самара, 2015.
4. Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886.

¹⁴ Там же. Д. 1218. Л. 4 об.–5.

¹⁵ Там же. Д. 1190. Л. 2 об.

¹⁶ Там же. Д. 1225. Л. 3 об.

¹⁷ Там же. Д. 1192. Л. 3–4.

¹⁸ Там же. Д. 1219. Л. 3 об.

- Т. 3.
5. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Самара, 2014.
 6. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007.
 7. *Попов Н.А.* Татищев и его время. М., 1861.
 8. *Смирнов Ю.Н.* Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3-1.
 9. *Смирнов Ю.Н.* Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова – выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27.
 10. *Чайковская А.А.* Калмыки и их роль во внутренней и внешней политике России XVIII в. // Инновации и государство. Роль инноваций в технологической и социально-экономической жизни общества: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2017.
 11. *Mironov B.N.* Do Russians Need Cliotherapy? // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3-1).
 12. *Smirnov Yu.N.* The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3).

УДК 94(47).066, 94(47).07, 908

А.В. Белов¹

**Проблема «устройства» учебных заведений в Москве
в преддверии преобразований Екатерины II:
сеть частных школ и пансионатов в 1785-1786 гг.**

Учебные заведения; народные училища; реформа образования; Екатерина II; гимназии; пансионаты.

В статье на основании неопубликованных архивных документов описывается система школьного образования города Москвы в преддверии проведения Екатериной II реформы образования. Особое внимание уделяется частным учебным заведениям и пансионатам.

Требования реформы города, выраженные в указе об учреждении Приказа общественного призрения, ставили задачу создания по городам школ. Причем это должны были стать не отдельные случайные учебные заведения, а полноценная образовательная сеть, работа-

¹ Белов Алексей Викторович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., belovavhist@mail.ru.

ющая по общим программам и охватывающая все уезды страны.

Однако, несмотря на высочайшее распоряжение даже Москва не могла похвастаться благоустройством у себя подобной образовательной системы. По признанию самих сановников, в 1786 г. в «Первопрестольной» работало всего 3 школы. Причем и они (выражаясь словами самого отчета) были «имеющие токмо сию название и в домах самых мизерных»².

Судьба казенных школ в Москве в 1785 г. была не вполне ясна даже для высших администраторов. По их поводу велась переписка. Но скорее всего речь в ней шла пока только об устройении и финансировании. Например: «Школы же городские уже по всемилостивейшему пожалованию городам суммы, отойдут от содержания Приказа общественного призрения»³. Таким образом, в сентябре 1785 г. работа по «назначению» государственных школ в Москве еще только велась⁴. Лишь в январе следующего 1786 г. ожидалось поступление средств⁵. Этим-то (подготовкой к открытию и вопросами будущего финансирования) наверняка и было вызвано распоряжение императрицы предоставить отчеты о положении дел. На местах не были получены даже инструкции по предоставлению требуемых документов⁶.

В уездных городах народные школы открылись, согласно рапорту главнокомандующего Брюса, «при самом начале» 1786 г., что произошло благодаря «особо выделенной» лично императрицей суммы в 300 руб. «на каждый город». Скорее всего, на 28 января 1786 г. уездные школы не работали, или делалось это не в полном объеме и не везде. Дело в том, что в этот момент оказалось, что данные учебные заведения «учителями... для обучения грамоты не снабжены». На их место попытались привлечь священников, полагая, что те будут работать бесплатно, т.к. в распоряжении Управы благочиния не просто не было никаких свободных средств, а ее бюджет находился в сильном дефиците⁷. В ответ церковные власти, выражаясь текстом источника, «потребовали», чтобы «была произведена оплата»⁸.

Несмотря на отсутствие системы государственных школ (а также, по-видимому, благодаря этому) в городах Московской губернии

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 176.

³ Там же. Л. 176 об.

⁴ Там же. Л. 166.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 273.

⁸ Там же.

активно работали негосударственные пансионы и школы. Причем, некоторые из них существовали уже достаточно давно.

7 октября 1785 г. Екатерина II велела главнокомандующему провести в Москве «осмотр здесь находящихся училищ»⁹. Имелось в виду, частные «школы» и «пансионы», учрежденные «назначенными к тому особами»¹⁰. Требовалось познакомиться с состоянием заведений («пансионов, школ и училищ»), так и оценить «образ учения в них»¹¹. Все владельцы обязаны были предоставить от посещаемой ими церкви аттестат о своей «порядочной жизни». Таким образом, церковная община не только рекомендовала подателя с лучшей стороны, но и брала на себя ответственность за его негативные поступки.

Особое внимание (помимо прочего) придавалось преподаванию «Закона Божьего», что требовалось для всех вероисповеданий без ущемления норм каждого из них: «...по точности догматов православной нашей веры, а для иноверных по их исповеданиям...» – как писала сама императрица¹². Кроме того, важной частью акции было постановление всех частных учебных заведений под полный контроль Приказа общественного призрения, которому вменялся этот круг вопросов¹³.

В конце октября – начале ноября 1785 г. приступила к работе особая комиссия. В ее состав входило шесть человек. Два священнического звания: ректор Московской Академии и протоиерей Трехсвятительской церкви. Два профессора: Антон Барсов и Иоганн Матвей Шаден. И два чиновника: заседатель Иван Бантыш-Каменский и заседатель Семен Бабушкин. Члены комиссии не только фиксировали имеющееся положение дел в инспектируемых образовательных структурах, но и давали свою оценку их работе.

Всего в Москве в это время работало 11 учебных заведений: 8 «пенсионов» и 3 школы, которые охватывали по меньшей мере 7 из 20 частей города: 2-ю, 3-ю, 5-ю, 6-ю, 9-ю, 10-ю и 16-ю. У одного из образовательных учреждений местоположение указано не было¹⁴.

«Пенсион 1 во 2-й части» (как он фигурирует в материалах отчета) содержал француз и католик по вероисповеданию Франц фон Еинсен. Он же являлся единственным учителем. Заведение было открыто «по аттестату и дозволению Университета».

⁹ Там же. Л. 155.

¹⁰ Там же. Л. 165.

¹¹ ПСЗ. Т. XXII. № 16 275. С. 464–465.

¹² Там же. С. 465.

¹³ Там же. С. 466.

¹⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 167–170.

В пансионе обучалось и проживало 25 «благородных детей», родители которых платили по 150 руб. в год.

В ходе инспекции проводились опросы, которые показали, что «успехи в арифметике оказались довольные, в французском языке посредственные, в немецком еще все в началах». Но вот закону Божию детей не учили вовсе: многие не знали даже десяти заповедей. Такое положение дел «содержатель пансиона» объяснил просто: «первое непредписано было от начальства, второе родители сего не требовали». Впрочем, как отмечала комиссия, в заведении не были «примечено» никакого «суеверия, развращения и соблазна». Ф. фон Еинсену было рекомендовано (как и всем прочим содержателям) «дабы исполняя высочайшее Е.И.В. богоугодное намерение... обучали детей Божьему закону, приглашая на сие или священников ученых, или из московской академии учителей имеющих о учении и поведении аттестаты».

«Пенсион 2 в 3-й части» содержал католик француз Борденау. Завел он свое учреждение по аттестату данному «от университета».

В пансионе обучался 21 ребенок, причем как «мужеска» (19 чел.), так и «женская пола» (3 чел.), «которые [мальчики и девочки] между собою разделены покаями особенными». Плата «за содержание и воспитание» составляла в год по 150 руб. с каждого подопечного.

Обучающий Закону Божьему учитель при проверке «оказался к тому не способным; потому и успехи» его подопечных были «малы». По прочим дисциплинам дети показали: «во французском посредственны; в немецком так же мало знают, кроме одного ученика довольно знающего немецкой и французской язык; так же история и география равно и в арифметике учащиеся посредственно». По оценкам комиссии, «развращения, соблазна, искушения» замечено не было.

Содержателю было высказано только одно замечание: «дабы учителя в закон [Божий] переменил».

«Пенсион 3» не получил привязки к конкретному полицейскому району города Москвы. Его владельцем был также француз и католик де Форша. Свое учебное заведение он устроил по «аттестату данному от университета, которой 3-го года згорел».

В заведении находилось «детей мужеска пола 25», за содержание и обучение которых платили по 150 руб. в год.

Как показали проверочные испытания, «катехизису в сем пансионе не обучают, а потому некоторые учащиеся символа веры и заповедей Божьих не знают, в французском языке, в географии, и в истории успехов оказалось весьма мало, в немецком и российском ничего, а в

арифметике и геометрии также мало». Впрочем, и здесь комиссия не заметила «соблазна, развращения, и суеверия».

Содержателю предписали, чтобы он «не принимал более учить как только первым началам в языках», а также нашел для этого дела других более «искусных учителей».

«Пенсион 4 в 6-й части» принадлежал немцу – крестьянину Горну, который обустроил его по аттестату, данному от университета.

Всего в пансионе находилось 23 ребенка (16 «мужеска» и 7 «женеска» пола), в том числе 6 россиян. При этом «девицы» обучались в одном классе с мальчиками, что вызвало недовольство комиссии, предписавшей, чтобы дети обучались «раздельно».

Подопечные Горна имели «успехи довольные» в языках – французском и немецком. Причем, наиболее хорошо показали себя в этом вопросе девочки. Правда, все они были «иноверные». Знаниям детей в других дисциплинах (географии, истории, латинском и русском языке) члены комиссии дали также высокую оценку, за исключением катехизиса. По этому предмету пансионеры «всех исповеданий отвечали хорошо», кроме российских. Все 6 чел., как признала комиссия, «закону своего не знают», а «учитель русского языка оказался к обучению детей неспособен», в связи с чем, члены комиссии велели «отрешить» его от работы. Впрочем «суеверия, развращения и соблазна» комиссия так же не обнаружила.

За содержание и обучение в пансионе Горна платили по 150 руб. в год.

«Пенсион 5 в 9-й части» оказался незаконным. Его содержатель, француз-католик Дюбоф, умудрился открыть его «без дозволения и [без] аттестату университетского».

Детей учили языкам (французскому и немецкому), истории, географии и русской грамматике. Но при проверке во всех этих предметах пансионеры показали себя «очень с малыми успехами», а «в арифметике посредственно». Закон Божий здесь не преподавался. Оплата составляла 150 и 180 руб.

Комиссия отметила целый ряд недопустимых нарушений. Помимо отсутствия разрешения и аттестата еще было записано: «в доме нечистота», «закону не обучают», «воспитание не по всему порядочное», «успехов в учащихся мало», а также признано, что «содержание не соответствует получаемой с детей плате». В итоге было принято решение «пансион уничтожить».

Шестая по счету школа принадлежала штык-юнкеру Ефиму Войтеховскому, который был единственным в ней учителем. Дока-

зывая законность своих прав на преподавание детям, он представил «аттестат от генерал-поручика артиллерии Мертенса, которым засвидетельствовано, что из вышедших от него учеников 48 человек оказались все на экзамене действительно знающими артиллерию и 25 человек офицерами произведены».

Действительно, обучение у Е. Войтеховского велось с явно выраженной ориентацией на военное дело. Детей обучали «арифметике, геометрии с полевою практикою, тригонометрии, алгебре, артиллерийской науке, фортификации и нивелированию с черчением и иллюминированием планов». Во всех этих дисциплинах слушатели, как отметила комиссия, «очень похвальные успехи имеют». За обучение плата в год составляла 48 руб. Все дети приходили к Е. Войтеховскому домой, где и велось занятие. Постоянно проживающих у него на положении пенсионеров не было.

Комиссия особо одобрила «труды господина учителя», найдя его «достойным особенной рекомендации и похвалы».

«7 пенсион в 5-й части»¹⁵ содержал «бывший в университете профессор и конференции оннаго секретарь» господин Лангер, лютеранин по вероисповеданию. Учение проходило 15 чел.

Преподавались языки. Причем не только живые (французский и немецкий), но и латинский. А также история и география. Дети показали успехи «изрядные» во всех науках. Включая, в том числе и Закон Божий, который вел специально приглашенный «ученый священник». Пансион профессора Ленгера оказался единственным учебным заведением, из которого комиссия ушла удовлетворенной преподаванием данного предмета у русских детей.

Обучение и содержание стоило 150 руб. в год. За тех, кто приходили только на занятия, вносили по 75 руб.

Комиссия особо отметили, что «сей пансион во всех его частях изряден».

«Пансион 8 в 10-й части» содержал итальянец Бартолии, католик по вероисповеданию. Право на преподавание давал университетский аттестат. Всего в заведении находилось 30 учеников.

При проверки «дети из катехизиса ответствовали нехудо, в французском языке посредственно, в немецком не многие и то в началах. Равно и российском [языке]. В арифметике [показали себя] посредственно». За обучение и содержание Бартолии получал со своих учеников «по 150 руб. в год с каждого».

¹⁵ Там же.

Несмотря на проявленное не во всем совершенство знаний, комиссия признала, что «пансион не худой».

«9 пансион в 16-й части» принадлежал вдове мадам Екстерн, лютеранке по исповеданию. Это было возможно самое масштабное и дорогое учебное заведение города. Причем хозяйка не имела никакого требуемого для ее дела аттестата. Вместо этого она «объявила», что содержит пансион «с дозволения данного мужу ее бывшему цензору воспитательного дома».

В заведении содержалось 98 детей (60 мальчиков и 38 девочек). Согласно нормам того времени «девицы» обучались отдельно и в «особливых покаях».

В заведении преподавали: катехизис; историю, географию, геометрию, тригонометрию и фортификацию, российскую грамматику, французский и немецкий языки, а также учили переводам «с одного на другой язык». Занятия вели «по большей части действительные или бывшие учителя университетской гимназии или обучающиеся в университете студенты». Слушатели показали «во всех сих науках успехи изрядные».

Помимо качества преподавания, заведения отличал учрежденный хозяйкой «порядок во всем». Так, «дети малые и большие» были в процессе учебы «отделены» друг от друга и переводились «по мере успехов из одного в другой класс». Дом и спальни отличались чистотой, а приставленные к пансионером надзиратели и надзирательницы демонстрировали педагогические навыки («к детям показывали знание»).

При этом пансион вдовы Екстерн являлся самым дорогим заведением Москвы этого типа: за обучение и содержание брали в год «по 200 руб. и более»(!). Особо значительную плату вносили те, кого здесь обучали «петь и на клавикордах играть».

Комиссия, зная, что содержательница не имеет аттестата, все же решила не закрывать ее заведение. Было учтено то, что «в пансионе ея найдены успехи доволные [и] порядок изрядной». Кроме того, хозяйка представила какое-то «свидетельство, данное ей от почтенных особ», по-видимому, представителей московской аристократии, пользовавшихся услугами мадам.

Школа (десятая в списке) находилась при старой лютеранской кирхе, располагавшейся, скорее всего, в Немецкой слободе. Занятия здесь вел «ректор кенигсберхской церкви кантор».

Число детей не указывалось, но помимо мальчиков в школе были и «малолетние» девочки.

Учащиеся показали в «латинском языке и арифметике довольно успешные; в немецком посредственные, в французском и географии малые». Также им преподавались «иностранные законы своего исповедания», которые (как отмечала комиссия) немецкие дети «довольно знают, но 6 чел. российских оному ненаставлены».

Плата за обучения была дифференцирована: с «приходящих достаточных детей получают по 2 руб., с посредственных по 50 коп. на месяц... а с бедных ничего». При школе действовал и свой пансион, содержание в котором обходилось родителям в 100 руб. в год.

Школа (одиннадцатая в списке) действовала так же в Немецкой слободе, но при другой «новой лютеранской кирхе основанной 1649 года».

В ней было четыре класса, где детей «обучают по латыни, географии, арифметике немецкому, французскому, языкам». Занятия вел ректор Лау с двумя помощниками.

Помимо проживающих в слободе «немцев» в школе в октябре 1785 г. учились 17 русских. У всех детей были отмечены «успехи во французском довольные, в латинском, немецком, географии, истории посредственные». Русские дети (в отличие от их ровесников иноверцев) своего закона не знали.

Проживающие в слободе платили за уроки по 120 руб. в год, но были и приходящие, что говорит о популярности школы. С них собирали «по 2 рубля на месяц».

Применительно к обеим школам, находящимся в Немецкой слободе, комиссия высказала одно и то же замечание: «Чтоб они для обучения грекороссийского исповедания также и для российского языка имели учителей экзамированных». Если таковых найти не удалось, то «б российских детей не принимали».

Подводя итоги проверки, комиссия указала, что во всех училищах был найден общий недостаток: «нужда в книгах издаваемых ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению для употребления в народных училищах Российской империи, которых книг в Москве названия деньги сыскать не можно, а ежели бы они были, образ учения и лучшие успехи произойти могли».

Кроме того прямыми последствиями ревизии частных пансионов 1785 г. стали два указа, увидевшие свет 23 января и 12 августа следующего 1786 г. Связь между их содержанием и картиной состояния учебного дела в Москве очевидна. Первый документ предписал не заводить училищ без ведома Приказа общественного призрения соответствующей губернии. Второй – открыть Главные народные учи-

лица, чем ускорить формирования государственно-муниципальной системы народного просвещения на местах [1, с. 120-121]. Также было высказано требование: «посторонние училища и пансионы отнюдь не... допускаемы, есть ли они преподают учение не по правилам, изданным от Комиссии о Народных училищах, которая об них полное сведение иметь должна».

1. *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, с предварительными понятиями о статистике и Европе вообще в статистическом виде, сочиненное экстраординарным профессором Евдокимом Зябловский. Ч. 1-3. Кн. 1. СПб., 1808.

УДК 94(47).043-046 + 929

А.А. Селин¹

Новгородские татары и новокрещены XVI–XVII вв.: Опыт просопографического изучения²

Татары; новокрещены; Новгородская земля; расселение; конверсия; просопография.

Рассматривается история формирования и функционирования малой социальной группы в Новгородской земле второй половины XVI – начала XVII в. На основании ряда источников, реконструируется география расселения, и ставится проблема конверсии – переходу мусульман в православие. Выделяются этапы социально-политической истории новгородских татар и новокрещенов до начала Смутного времени. Используется просопографический метод: изучено 418 биографий татар и новокрещенов. Основными источниками являются документы Разрядного и Поместного приказов, а также Новгородской приказной избы. История новгородских татар началась в 1550-х гг., в это время группы татар из Астрахани и Казани были помещены в восточной части новгородских земель. В течение 1550–1611 гг. различные группы мусульманского населения из Азова, Крыма, Бухары продолжали появляться в Новгороде, обретая самоидентификацию. Исследуется также проблема перехода татар из ислама в православие.

Специфика территориальной и служебной организации Новгородской земли XVI–XVII вв. заключалась, в частности, в присутствии в ней многочисленных категорий (чинов) служилых людей, наиболее

¹ Селин Адриан Александрович, Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., Adrian.selin@gmail.com.

² Данный текст подготовлен в рамках проекта ПФИ НИУ ВШЭ «Трансформация режимов управления разнообразием: война, реформы, революции в Российской империи».

разнообразных в низах городской организации. Формирование особой категории «татар и новокрещенов» внутри новгородского служилого города в середине XVI в. вполне укладывалось в общую тенденцию к интеграции, «перемешиванию» разных категорий военных страт Московского государства. Нет сомнения в том, что реализовывавшие эту интеграцию Разрядный и Поместный приказы не ставили перед собой подобной задачи – их цели были значительно более простыми: усиление военной силы на Северо-Западе путем привлечения новых служебных групп и обеспечение их службы поместным жалованьем. В специфических условиях Новгородской земли «татары и новокрещены» сохраняли внутреннюю служебную организацию, не зависимую от других групп новгородского служилого города и были готовы инкорпорировать другие, не связанные с бывшими мусульманскими ханствами, но также чуждые для Новгорода группы служилых людей, не всегда мусульманского происхождения (крымцев, бухарцев, но и «волошан» и даже грузин). Этому способствовал впрочем и принцип учета разных групп служилого сословия в Разрядном ведомстве, выделявший «татар и новокрещенов» вплоть до конца XVII в. Постепенный переход большинства «татар» Северо-Запада в православие не вел к немедленной интеграции их с другими новгородскими служилыми людьми.

Сложный бюрократический язык Поместного и Разрядного приказов стал своеобразным ответом приказной управленческой практики на многообразие территорий, оказавшихся под властью московских царей в XVI в. Широкая номенклатура служилых чинов приводила к сложностям их учета Разрядом и местными властями, во взаимодействии Разрядного и Поместного ведомств, в местном управлении в целом. Термины, использовавшиеся дьяками для описания чинов разных уездов, «городов» часто совпадали, но не везде точно указывали на генезис того или иного чина, на синонимичность чинов в разных уездах. Так, пока не исследован вопрос о том, насколько «земцы» Пскова и Смоленска в XVI – начале XVII вв. были так же, как и в Новгороде Великом, сохранившими свои владения потомками представителей местных элит. В каком-то смысле выработанная в приказах терминология была способом упрощения управления, в особенности – управления малыми группами служилых людей.

Наиболее устойчивой группой служилых людей Новгорода Великого может считаться, пожалуй, именно группа новгородских татар-мусульман и новокрещенов как обладавшая дополнительными признаками, объединявшими своих представителей – религия и, веро-

ятно, язык. Эта группа была сформирована в Новгороде в течение XVI в. в результате раздач поместий служилым людям, переведенным из вновь присоединенных к Московскому царству поволжских мусульманских территорий. Новгород Великий был только первой территорией царства, где возникли небольшие островки татарского землевладения; позднее раздача поместий татарам-мусульманам и новокрещенам продолжилась на территории Ливонии.

Интеграция разных групп служилых людей татарского происхождения в новгородский «служилый город» шла несколькими этапами. Карамышевы, заметные среди лиц, получавших в середине XVI в. кормления в Новгородской и Псковской землях [1, № 53, 120, 126], несомненно, были связаны происхождением с выехавшими в Московское великое княжество татарами. Следующие фамилии, ставшие частью новгородского «города», верставшиеся на общих основаниях с представителями других групп – по пятинам, а не в рамках особой корпорации – дети боярские несомненно татарского происхождения Ададуровы и Изетдиновы. В середине XVI в. они становятся интегрированной частью верстанных по пятинам новгородских городских дворян³ [3, т. 4: 94, 137, 150, 151].

Около 1571/72 г. значительные группы татар оказываются в Новгородской земле, занимая целые большие территории, прежде всего в Бежецкой пятине, на востоке региона. Очередной этап переселения в Новгородскую землю татарских помещиков произошел после поражения в Ливонии в 1581-1583 гг. Так, в августе 1584 г. в Климентовском Тесовском погосте Водской пятины получили поместья «ругодивские новокрещены» – выведенные из Ливонии помещики-татары⁴.

К началу XVII в. новгородские татары обрели свою особую идентичность. Это связано с особенностями учета данной группы служилых людей. Летом 1602 г., в канун приезда в Новгород датского королевича Ханса новокрещены были собраны в городе для рассылочной службы⁵. Верстание татар и новокрещенов всех пятин новыми окладами в 1606 г. было осуществлено в особой десятне⁶.

Важным направлением для изучения этой группы является исследование социальной динамики, в сочетании с исследованием гео-

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 958. Л. 44, 86 об.–87, 108, 111.

⁴ Там же. Кн. 16 936. Л. 17–18 об.

⁵ Научно-исторический архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. I. Д. 18.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122.

графии расселения. Имеющийся материал позволяет описать два поколения татар и новокрещенов, используя весь комплекс источников по их служебной биографии. К настоящему моменту подготовлена открытая и пополняемая база данных (<http://sh.spb.hse.ru/chr/socialhistory>), охватывающая 418 персоналий татар, известных по источникам 1571-1606 гг. Более ранние сведения о новгородских татарах – крайне отрывочны. Источники же после 1606 г. следует, видимо, рассматривать в контексте более тесной интеграции этой группы в состав новгородского служилого города, несмотря на то, что как отдельная категория учета новгородские татары и новокрещены сохраняются вплоть до начала петровских реформ.

Появление первых татар в Новгородской земле было связано с переселением из Астраханского и Казанского царства после их завоевания. По наблюдения М.В. Моисеева, в середине XVI столетия Новгород был местом ссылки татарской аристократии, первоначально казанской [Моисеев 2013; 2016]. Известно об участии новгородских новокрещенов в полоцком походе 1563 г. (30 человек); однако до появления сохранной поместной документации эта корпорация выглядит безымянной; нельзя с уверенностью говорить и о месте испомещения ее членов.

Постоянный приток на Северо-Запад новых служилых людей и наделение их поместьями усложнял эту группу; к ней присоединялись все новые и новые страты. Известен факт испомещения в Новгородской земле в конце XVI в. двух арабов. В конце 1590-х гг. из Посольского приказа в Новгород была прислана часть двора бывшего крымского царевича Мурат-Гирея, так в Новгороде появились крымские татары. Некоторые новокрещены начала XVII в. были по происхождению представителями черкесских народов: в 1598/99 г. в Новгороде было принято на службу три новых новокрещена – «черкашенина». Были части дворов сибирских царевичей, малочисленные касимовские татары и «бухарене». К этой же группе новгородские власти, распределявшие поместья среди прибывавших новых претендентов, относили даже некоторых немусульманских деятелей. Таковым был, к примеру, Михаил Нармантов, «полоняник Грузинской земли». В десятне 1605/06 г. под категорией «татары» описаны явно не только мусульмане. Так, «полоняник Микулко Федоров сын Волохов» происходил видимо из молдаван или валахов.

После ухода московских войск из Ливонии в 1583-1584 гг. «юрьевские» и «ругодивские» служилые люди получили компенсацию за свои поместья в Новгородской земле и в некоторых других

уездах Северо-Запада. Таким образом группа новгородских татар усложнилась за счет притока татар-ливонских помещиков: в волости Удомля было испомещено 29 «юрьевских новокрещенов» и 27 «говейских казаков». После возобновления военных действий со Швецией в конце 1589 г. новгородские татары в числе других служилых людей были посланы под Ивангород. Некоторые из них погибли. В конце XVI – начале XVII вв. к новгородским «татарам и новокрещенам» были отнесены части дворов крымских царевичей, в Новгороде были испомещены выходцы из других мусульманских территорий, вошедшие в состав московского служилого сословия. На востоке Новгородской земли в 1590-е гг. получали поместья московские татарские толмачи, служащие Посольского приказа.

К 1602 г. относится самый ранний сохранившийся подробный список новгородских служилых татар-мусульман и новокрещенов. Вплоть до верстания 1605/06 г. в списках новгородских татар-мусульман и новокрещенов сохранялись указания на происхождение: казанские татары отделялись от астраханских, крымские от ногайских и проч. В 1605/06 г. для этой категории служилых людей была составлена особая десятня⁷. Десятня учла 200 с небольшим человек. Именно в этой единственной десятне, специально зафиксировавшей новгородских татар как особый служилый чин, начали стираться внутригрупповые границы.

В годы Смуты, в том числе в 1611–1617 гг. «татары и новокрещены» сохранялись как особый чин новгородского «города». Однако именно в это время они, как и другие группы служилых людей, понесли невосполнимые демографические потери. Уже в 1612 г. территории, где новгородские татары были испомещены, вышли из под контроля новгородского правительства. Вскоре волость Удомля полностью обезлюдела, находясь, видимо вне контроля каких бы то ни было правительств (до лета 1613 г.), равно как и Суглицкая волость, располагавшаяся к востоку от Тихвина, на дороге к Устюжне. Все сохранившиеся известия о новгородских «новокрещенах и татарах» 1611–1617 гг. относились собственно к Новгороду. С 1612 г. эти категории служилых людей стали получать поместья в западных районах Новгородской земли; сохранив верность новгородскому правительству в годы кризиса лета 1614 г., многие представители этой группы получили пригородные поместные владения. При этом производились и разовые денежные выплаты как поместным, так и беспоместным

⁷ Там же.

татарам-мусульманам и новокрещенам. Значительная часть однако осталась без поместных дач и довольствовалась денежными выплатами.

Боевые действия 1612-1615 гг., плен и обращение с пленными вели к изменениям в составе служилой группы новгородских татар, в том числе – к пополнению их состава. Так, взятый в плен в столкновении с московским войском служилый кадомский татарин Байбак Кудашев был освобожден по челобитной новгородского новокрещеного татарина Павла Таребердеева, который поручился за него перед новгородскими властями, и в сентябре 1615 г. пополнил ряды новгородских татар⁸.

В списке новгородского войска, составленном в марте 1613 г. ни один из новгородских татар не упомянут⁹. Летом 1613 г. новгородские татары были отправлены под Тихвин, где вместе с другими новгородскими служилыми людьми и со шведами участвовали в неудачной для себя осаде Тихвина монастыря. После столкновений под Бронницами с московской армией кн. Д.Т. Трубецкого летом 1614 г. новгородские татары не перешли на сторону Москвы.

После событий в Новгороде июня 1615 г. новгородские татары были принуждены к присяге королю Густаву Адольфу, и в том же году приняли участие в осаде королем Пскова. Отряд татар, по сообщениям лазутчиков, посланных из посольского стана на Песках, возглавил Никита Калитин, «а Микита де Калитин у короля думной дворянин и ныне пошел х королю подо Псков, а с ним в полку тотаровя всего 25 человек»¹⁰. Массовый переход татар на московскую сторону, под Тихвин произошел в самом начале 1616 г. 16 марта 1616 г. 12 новгородских «татар и новокрещен» были пожалованы сукном за «новгородский выход». Это была половина тех, кто полугодом ранее присягнул королю Густаву Адольфу. Остальные либо исчезли со страниц источников, либо оказались королевскими подданными.

Катастрофические события Смуты привели в первую очередь к мобилизации поместных дач татар и новокрещенов, до Смуты расположенных компактно, в бывших дворцовых волостях; значительная часть татар перешла на положение кормовых. Источники разрядного и поместного делопроизводства более не содержат указаний на происхождение служилых людей-татар из разных групп, преимущественно мусульманских, переселенных на Северо-Запад двумя поколениями

⁸ Riksarkivet (Stockholm). Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2: 41. Л. 2–3.

⁹ Там же. Serie 2: 172–В.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 312–316.

раньше.

После окончания Смуты новгородские «татары и новокрещены» сохранялись как особый чин, относящийся к низам служилого города. Их служба в это время – преимущественно в гонцах, «в осаде», в приставах. Поместные татары постепенно сливались с городскими дворянами и детьми боярскими. В переписных книгах 1646 г. и более поздних, в другой поместно-вотчинной документации принадлежность новгородских помещиков татарского происхождения к «татарам и новокрещенам» почти никогда не отмечалась, так как раздачи дворцовых волостей в это время прекращаются, и исчез приказной смысл указания на татарское происхождение предков помещиков. В качестве особой группы новгородских служилых людей сохранялись только не имевшие поместных дач новгородские кормовые татары. По всей вероятности ближе всего они были к служилым людям по прибору, новгородским казакам и стрельцам (в среде которых в течение XVII в. также наблюдается наследование детьми отцовского чина). К 1675 г. число новгородских «татар и новокрещенов» также исчислялось несколькими десятками. Но в этой категории во второй половине XVII в. учитывались только кормовые, т.е. не имеющие поместья, татары. Таким образом, чин «новгородские татары и новокрещены» сохранялся к тому времени только в разрядной документации, исчезнув из практики Поместного приказа. Вплоть до 1699 г. эта категория учитывалась в сметных росписях Новгорода. Согласно переписной книге Великого Новгорода 1678 г. новгородские татары не жили компактной группой, но в значительном числе жили бок о бок со служилыми казаками «беломестцами на тяглых местах» [2, с. 127, 129, др.].

Чем же были новгородские служилые татары – особой социальной группой или бюрократически выделяемой категорией – чином? Относящиеся к эпохе Смуты вышеприведенные примеры говорят о социальной самоидентификации. Она была связана, вероятно, с одной стороны, сохранением частью новгородских татар ислама, возможно – языка. После Смуты наблюдаются те же процессы, которые фиксируются в течение XVI в., когда испомещенные в Новгородской земле «на общих основаниях» татарского происхождения служилые люди так же на общих основаниях попадали в десяти и не выступали в качестве особого чина. Представления о социальном многообразии новгородского (или какого-то еще) общества базируются на данных московской деловой письменности. Преимущественно речь идет о памятниках, созданных в Поместном приказе и Разряде. Эти старейшие учреждения московской системы управления создавали чины, реаги-

руя на вызов многообразия земель и уездов, объединенных в Московском царстве. Насколько создававшиеся дьяками бюрократические категории соответствовали реальным различиям в социальных отношениях, иными словами – насколько границы между дискретными чинами были границами социальными? Полагаю, что ответ на такой вопрос можно попытаться дать только путем привлечения источников личного происхождения (крайне редко сохранившаяся частная переписка), либо судебно-следственных дел (изветные челобитные, материалы судебных тяжб и иных расследований), словом – те памятники, которые не связаны с намеренным приказным разделением общества, прежде всего служилого, на чины.

2. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ после отмены местничества. Изд. А. Юшков. М., 1898.
3. Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв.: Сб. док. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003.
4. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530-40-х гг. / Составитель К.В. Баранов. М., 2004.

УДК 94(438).04

П. Гаврон¹

Офицерская служба в подразделениях иноземного строя Речи Посполитой как социальный лифт в правление двух первых Вазов (1587–1648)²

Речь Посполитая XVI–XVII вв.; коронная армия; литовская армия; офицерский корпус; войска иноземного строя; социальный лифт; Сигизмунд III Ваза; Владислав IV.

Офицер, служивший в войсках иноземного строя в правление двух первых Вазов, имел различные карьерные перспективы. Некоторые из них – прежде всего, представители элиты из Королевской Пруссии, Ливонии и Курляндии – триумфально завершали военную службу назначениями на очень значимые, включая сенаторские, должности. Часть бывших офицеров, благодаря поддержке бывших командиров, пополнили ряды польско-литовской шляхты. Наконец, часть из них так и остались солдатами удачи. Это касается и офицеров родом из Королевской Пруссии, потомки которых в XVIII в. вошли в состав прусского офицерского корпуса Фридриха Великого.

В 1587-1648 гг. набор иностранных отрядов начинает играть все

¹ Гаврон Пшемислав, Университет кардинала Стефана Вышинского в Варшаве (Польша, Варшава), доктор истории, przemekgawron@wp.pl.

² Перевод с польского – О.С. Смирновой.

большую и большую роль в Польско-литовском государстве. В Короне – где существовала постоянная военная сила, такая как кварчаное (вербованное) войско – вплоть до 20-х гг. XVII в. ее использовали для усиления национальной кавалерии в ситуации, когда местность, на которой велись военные действия или характер войск противника требовали увеличить огневую мощь и при этом сохранить мобильность всей армии [13]. Национальным польским войскам обычно придавались пехота и рейтары, к которым после 1621 г. добавились драгуны. Аналогичная практика существовала и в армии Великого княжества Литовского с той разницей, что за отсутствием постоянных войск наемные части входили в состав армии, создаваемой специально для конкретной кампании [9, s. 407; 15]. Во время Владислава IV Вазы отряды драгун и пехоты, обученные по иностранному образцу, стали неотъемлемой частью кварчяных войск, хотя доминирующее положение все еще занимали гусары и казацкая кавалерия, относящиеся к так называемому «национальным строям» («национальному контингенту») [13, s. 65–71]³. В результате, в случае армии литовской – также, как и в коронной до 30-х гг. XVII в. – офицерская служба в иностранных отрядах не имела профессионального характера⁴, но по завершении военных действий была группа офицеров, задействованных в королевской гвардии и на службе у литовских магнатов⁵. В составе офицеров иностранного набора доминировали представители семей, происходивших из Королевской Пруссии, Ливонии, Курляндии, также иностранцы – главным образом немцы, ирландцы, шотландцы и англичане – хотя в 30-е гг. появляются также офицеры, происходившие с

³ AGAD. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. II. Rkps 45. K. 270–271, 335–340; Rkps 46. K. 94–95; Dz. III. Rkps 6. K. 436; Biblioteka Uniwersytetu Wrocławskiego. Rkps Akc. 1949/440. K. 35–36; ЦДІАУЛ. Ф. 9. Оп. 1. Сп. 357. С. 391.

⁴ На тему профессионального характера службы в польско-литовской армии во второй половине XVII в. см. М. Вагнера [12]. В отношении первой половины этого столетия состояние исследований оставляет желать лучшего [5]. Подробнее об этом см. в нашей рецензии [2].

⁵ Подробнее о королевской гвардии см. классические работы М. Нагельского [6; 7; 8]. О службе при дворах литовских магнатов см. труды У. Аугустиняк и К Жойдца [1, s. 362–368; 17; 18]. Существует определенная нехватка аналогичных исследований службы при дворах польских магнатов, хотя нужно заметить, что на службе киевского воеводы Томаша Замойского в сентябре 1625 г. находилась хорунга немецкой пехоты Эрнста фон Фитингхофа, который в 1626 г. стал капитаном коронной армии (AGAD. Archiwum Zamoyskich. Rkps 3112. S. 263; В. Muzeum Książąt Czartoryskich w Krakowie. Rkps 1772. S. 485).

территорий Короны и Великого княжества. В связи с разрозненным и полным лакун источниковым материалом, а также из-за отсутствия современных исследований, касающихся описываемого периода, трудно говорить о каком-либо подсчете в процентах.

Анализируя на основе доступного материала карьеру командующих иноземных наборов, можно сказать (разумеется, с некоторым упрощением) о различных моделях профессионального развития и продвижения по общественной лестнице офицерских кадров этого рода подразделений. В случае некоторых семей, происходящих из Королевской Пруссии (Вейеры), Лифляндии и Курляндии (Денхоффы, Корфы), военная служба, начатая еще в правление Сигизмунда Августа и успешно продолженная при его наследниках, позволила их членам возвыситься как материально, так и социально, вплоть до сенаторских чинов, хотя обычно только в рамках области, откуда они происходили. Примером может быть карьера Яна Вейера. Его отец, Эрнест Вейер – выходец с Лемборско-Бытовской земли – с 1560 г. сражался сначала в Ливонии, затем, в ходе экспедиций Батория, против войск Ивана IV Грозного. Он получил пожалование в Королевской Пруссии, где нажил немалое состояние, как в виде королевских владений, так и частных имений. Ян командовал войсками береговой обороны в первые годы XVII в., а затем полками немецкой пехоты во время Смоленской экспедиции Сигизмунда III (1609-1611) и Хотинской битвы (1621). Благодаря военной службе получил в 1613 г. титул каштеляна Эльблонгского, войдя таким образом – как первый представитель семьи – в Сенат. Умер в 1626 г., уже будучи воеводой Хельминским, имея при этом и титулы старост Пуцкого, Собовидского, Члуховского и Радзынского. Нужно отметить, что его старший брат Мельхиор, значительно менее активный в военной службе, чем Ян, также дослужился до титула сенатора, хоть и произошло это только в 1619 г., когда получил тот же титул каштеляна, что и младший брат. Военные семейные традиции продолжили сыновья Яна, прежде всего – Якуб, который после многолетней службы в войсках Габсбургов вернулся в Речь Посполитую, где служил командиром полка немецкой пехоты во время войн 1633-1635 гг, а затем руководил, как губернатор, гарнизоном приморских фортов во Владиславове и Казимеже, чтобы позже снова принять командование над иностранной пехотой во время войн половины XVII в. В должности воеводы Хельминского он и умер в 1657 г. В Сенате заседали также и его братья – Миколай и Людвиг, последний прославился и как отличный воин, сражавшийся под командованием брата [16].

В случае людей, происходивших из менее значимых семей ливонских или же вовсе иностранных, трудно говорить о таких головокружительных карьерах. Но следует отметить, что часть из них после завершения военной службы оставалась на службе у своих прежних командиров или иных магнатов, добиваясь со временем некоторого земельного владения и пополняя ряды шляхты. Примером подобного рода успеха (скорее это могло произойти в Великом княжестве Литовском, чем в Короне) могут послужить карьеры англичанина Джона Вильгельма Доновэйа или француза Вильгельма Барбериуша. Первый из них служил сначала в шведской армии, но перешел на литовскую службу в 1621-1622 гг., а в 1625-1629 гг. сражался в рядах литовской армии в должности командира роты иностранной пехоты, сначала под командованием гетмана польного Кшиштофа Радзивилла, а позднее – гетмана великого Льва Сапегы. Он командовал также пехотой во время Смоленской войны и восстания Хмельницкого. В 1654 г. получил пожалование, был связан как со Львом Сапегой (как арендатор Черей, Мелешкович и Городка), так и с Адамом Казановским (как арендатор Борисова) и Адамом Саковичем. Его сын Ян Ежи также служил в армии под командованием гетмана польного Януша Радзивилла, так же как отец получил пожалование в 1654 г. [10, s. 438 – 439; 1, s. 363]⁶.

Барбериуш, а точнее Вильгельм Барбер, служил под командованием Яна Кароля Ходкевича в Ливонии и в Московском государстве как командир отряда рейтар. Благодаря поддержке гетмана получил в 1607 г. имение, также пожалованное в Ливонии (Инфлянтах), и также был арендатором. Женившись на Дороте Рыбинской, произвел на свет двух сыновей: Хризостома и Миколая, который служил позже в коронной армии [17, s. 87, przypis 90].

Часть офицеров-иноземцев умерла или погибла во время службы королю и Речи Посполитой. Так поручик Жан Марион служил в драгунской роте Базиля Юдицкого во время польско-шведской войны в низовьях Вислы, затем в ноябре 1628 г. после смерти капитана принял командование над соединением, оставаясь в рядах коронной армии и после окончания военных действий против Густава II Адольфа, по крайней мере до февраля 1633 г. В 1635 г. погиб от рук взбунтовавшихся запорожских казаков на должности коменданта ново-

⁶ Anno 1629 rationarium liczby W. Xtwa Litew. do relatii w izbie poselskiej należące, Riksarkivet, Stockholm, Extranea IX Polen. Rkps 80. Nie paginowany.

построенной на Украине крепости Кодак [11, s. 326–329]⁷. Подобная же судьба была и у капитана Иоанна Сторка, который погиб во время морского сражения под Оливой в ноябре 1627 г., ранее он служил под командованием Сигизмунда III и гетмана коронного Станислава Конецпольского в Королевской Пруссии [4, s. 64]⁸.

Некоторые офицеры покинули Речь Посполитую, но на основе доступных источников нельзя однозначно утверждать, каковы были причины такого решения. Франк Крузебек, полковник шведского полка, который в 1617 г. перешел на литовскую службу, а через семь лет решил ее покинуть, был высоко оценен гетманом Кшиштофом Радзивиллом [14, s. 22]⁹. Интересным *curriculum vitae*¹⁰ мог бы также похвастаться ирландский капитан Джеймс Батлер, который служил в армии королевича Владислава Сигизмунда во время экспедиции на Москву, позднее сражался в Ливонии и Королевской Пруссии со шведами, чтобы после 1630 г. перейти под знамена Габсбургов. Вернулся, однако, в Речь Посполитую в связи со Смоленской войной 1632-1634 гг., а также в связи с приготовлениями к назревавшей войне с Турцией и Швецией в 1634-1635 гг., командовал полком драгун [2, s. 200-211].

Перед офицером, служившим в войсках иноземного строя, открывались различные возможности. Конечно, головокружительная карьера Яна и Якуба Вейеров являлась исключением; выражаясь иносказательно, она была зарезервирована для представителей элиты Королевской Пруссии, Ливонии и Курляндии. Однако можно проследить целый ряд судеб бывших офицеров, которые, благодаря поддержке своих прежних командиров, смогли инкорпорироваться в польско-литовское шляхтское сословие, вступая в брак с представителями местных элит и выслуживая себя имения. Не нужно, однако, забывать о тех солдатах удачи, которые по разным причинам так и остались наемниками, умирая на королевской службе или бросая ее в поисках лучшей жизни.

1. *Augustyniak U.* W służbie hetmana i Rzeczypospolitej. Warszawa, 2004.
2. *Frost R.I.* Scottish soldiers, Poland – Lithuania and the Thirty Years' War // *Scotland and the Thirty Years' War, 1618–1648* / Ed. S. *Murdoch*. Leiden; Boston; Köln, 2001.

⁷ ЦДІАУЛ. Ф. 9. Оп. 1. Сп. 381. С. 1677; Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Rkps 9531. S. 23, 35, 113, 115, 117, 120, 122.

⁸ В. Czart. Rkps 1772. S. 465.

⁹ Uniwersał K. Radziwiłła, Owanta, 28.V.1624 // Нацыянальны Гістарычны Архіў Беларусі, Мінск. Ф. 694. Оп. 7. Д. 764. Л. 1.

¹⁰ Жизненный путь – *лат.*

3. *Gawron P.* O kadrze oficerskiej armii koronnej doby Stefana Batorego i dwóch pierwszych Wazów (na marginesie pracy Karola Kościelniaka Kadra oficerska w wojsku koronnym w latach 1576–1648. *Studia nad zawodem wojskowym*, Toruń 2011, s. 253) // *Przegląd Historyczny*. T. CIV. Z. 1. Warszawa, 2013.
4. *Gawron P.* 1627, Oliwa. Warszawa, 2015.
5. *Kościelniak K.* Kadra oficerska w wojsku koronnym w latach 1576–1648. *Studia nad zawodem wojskowym*. Toruń, 2011.
6. *Nagielski M.* Gwardia królewska szkołą korpusu oficerskiego autoramentu cudzoziemskiego Rzeczypospolitej za dwóch ostatnich Wazów (1632–1668) // *Przegląd Historyczny*. T. LXXIII. 1982. Z. 3–4.
7. *Nagielski M.* Gwardia przyboczna Władysława IV (1632–1648) // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. T. XXVII. 1984.
8. *Nagielski M.* Społeczny i narodowy skład gwardii królewskiej za dwóch ostatnich Wazów (1632–1668) // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. T. XXX. 1988.
9. *Rachuba A.* Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku // *Przegląd Wschodni*. T. 3. Z. 3 (11). Warszawa, 1994.
10. *Rachuba A.* Udział „Inflantczyków” i oficerów cudzoziemskiego pochodzenia w życiu publicznym Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1569–1732 // *Rzeczpospolita państwem wielu narodowości i wyznań XVI–XVIII wiek* / Red. *T. Ciesielski, A. Filipczak-Kocur*. Warszawa; Opole, 2008.
11. *Serczyk W.A.* Na dalekiej Ukrainie. Dzieje Kozaczyzny do 1648 roku. Kraków, 1984.
12. *Wagner M.* Korpus oficerski wojska polskiego w drugiej połowie XVII wieku. Oświęcim, 2015.
13. *Wimmer J.* Wojsko i skarb Rzeczypospolitej u schyłku XVI i w I poł. XVII w. // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. T. XIV. Z. 1. Warszawa, 1968.
14. *Wisner H.* Kampania inflancka Krzysztofa Radziwiłła w latach 1617–1618 // *Zapiski Historyczne*. T. XXXV, 1970. Z. 1.
15. *Wisner H.* O wojsku i żołnierzach // *Item*. Rzeczpospolita Wazów. T. II. Wojsko Wielkiego Księstwa Litewskiego – dyplomacja – varia. Warszawa, 2004.
16. *Włodarski J.* Jakub, Mikołaj i Ludwik Wejherowie. Mężowie stanu Prus Królewskich i dowódcy wojskowi Rzeczypospolitej. Gdańsk, 2016.
17. *Żojdź K.* Patronat wojskowy i klientela hetmańska Jana Karola Chodkiewicza. Zarys problematyki // *Studia Historyczno-Wojskowe*. T. IV / Red. *Z. Hundert, J.J. Sowa, K. Żojdź*. Oświęcim, 2015.
18. *Żojdź K.* Klientela hetmana wielkiego litewskiego Jana Karola Chodkiewicza i jej losy po śmierci patrona // *Przegląd Historyczny*. T. CVI. Z. 1.

Служилые «немцы» в годы Смуты: карьерные взлеты и падения

Служилые «немцы»; Смутное время; XVII век; карьера.

В статье, на основе анализа нарративных источников, рассматриваются случаи стремительного продвижения по службе «немцев» в царствование Лжедмитрия I и Василия Шуйского. Делается вывод о том, что столь резкие карьерные взлеты были возможны только в условиях Смутного времени.

Смута в России начала XVII в. представляла собой сочетание двух видов войн – войн с армиями, теми или иными путями вторгшимися в Россию с территории сопредельных государств, и затяжной, то затухающей, то разгорающейся, гражданской войны. Любая обычная война приводит к усиленной (по сравнению с мирным временем) ротации командного состава; прежде всего, в силу необходимости замещать погибших и тяжело раненных начальных людей более высокого ранга их подчиненными. В условиях же гражданской войны возможны такие карьерные взлеты, которые просто немыслимы в ситуации гражданского мира и нормально функционирующей государственной машины. Надо полагать, что именно надежда на невозможную в обычных условиях карьеру и была одним из решающих факторов (не считая просто личного обогащения), подталкивавших служилых людей переходить из одного лагеря в другой. Представляется, что все вышесказанное относится и к иноземской части русского войска.

Первым эпизодом, связанным с карьерным ростом ряда служилых «немцев» в годы Смуты следует, вероятно, считать формирование Лжедмитрием I особой гвардии из уже находившихся на русской службе «немцев», призванной охранять особу «государя Дмитрия Ивановича».

Современники-иностранцы, писавшие о русской Смуте, практически в один голос говорят о недоверии Лжедмитрия I к русским как главной причине появления в царском дворце телохранителей-«немцев». Однако, тот факт, что в эту личную гвардию Самозванца набирали исключительно западноевропейцев, и современники не фиксиру-

¹ Скобелкин Олег Владимирович, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), д.и.н., olegskob@mail.ru.

ют наличия в ней поляков и литовцев, явно свидетельствует, о том, что Лжедмитрий в равной мере не доверял и своим союзникам из Речи Посполитой.

Когда была создана иноземная дворцовая стража? Все источники сходятся на том, что это произошло далеко не сразу после восшествия Самозванца на престол. И. Масса сообщает, что отряды телохранителей-западноевропейцев были созданы после того, как Лжедмитрий «присмотревшись к обычаям московитов, <...> стал осторожнее» [3, с. 118]. По сведениям автора «Сообщения о кровавой и страшной резне...» Лжедмитрий сначала рассчитал своих старых телохранителей, затем, по-видимому, пользовался услугами обычной дворцовой стражи московских царей, и только когда «начал примечать и понимать проделки русских», сформировал отряды иностранной гвардии [4, с. 56]. По Буссову, это произошло после того, как нетипичное для русских царей поведение Самозванца, а также его обручение с Мариной Мнишек вызвало раздражение и недоверие русской знати («когда недоверие русских стало заметно»). Поскольку, согласно автору «Московской хроники», в январе 1606 г. Лжедмитрий назначил трех капитанов командовать тремя отрядами гвардейцев [1, с. 110-112], формирование самих отрядов произошло, по-видимому, в конце 1605 г. Жак Маржерет, который сам стал командиром одного из отрядов телохранителей Самозванца, относит создание иноземной дворцовой охраны («Дмитрий велел нанять иноземную гвардию») ко времени посольства Афанасия Власьева в Польшу и совершения там обряда обручения Марины Мнишек и Лжедмитрия [2, с. 168], т. е. к сентябрю-ноябрю 1605 г.

Таким образом, исходя из сообщений современников, отряды иноземцев, составившие личную охрану Самозванца, были сформированы, скорее всего, или осенью 1605 г. или в начале зимы 1605/1606 гг.²

Что касается этнической принадлежности телохранителей-гвардейцев, то источники содержат об этом следующие сведения. Согласно «Сообщению о кровавой и страшной резне...» в отряд включили «ливонцев, а затем немцев и других иностранцев» [4, с. 56]. И. Масса сообщает о немцах, ливонцах и шведах [3, с. 118]. К. Буссов говорит, что Самозванец «взял себе личную охрану из одних только живших в

² Правда, А.И. Копанев полагал вполне вероятным, что немцы, служившие Борису, составили вооруженную охрану Лжедмитрия сразу же по въезду его в Москву [1, с. 352, комм. 57].

России немцев» [1, с. 112]. Одного из них он даже называет по имени – Мартин Сибельский, «некрещеный мамелюк родом из Пруссии» [1, с. 113]. Правда, следует иметь в виду, что Буссов в своем сочинении, говоря об иноземцах в России, обычно называет их «Teutschen», т. е. «немцы», «германцы». Однако, нередко по контексту ясно, что речь идет не только о выходцах из германских государств, а об уроженцах стран Западной Европы вообще. Иными словами, Буссов, на наш взгляд, употребляет слово «Teutschen» в том же значении, что и русские той эпохи слово «немцы» – в значении «западноевропейцы».

С учетом того, что командирами телохранителей стали француз, лифляндец из Курляндии (согласно другим версиям – англичанин или датчанин) и шотландец [1, с. 112; 3, с. 118; 4, с. 56], перечень, условно говоря, национальностей, к которым принадлежали телохранители, выглядит следующим образом: англичане, курляндцы, ливонцы, лифляндцы, немцы, французы, шведы и шотландцы.

Все источники сходятся на том, что общее количество гвардейцев-иноземцев составляло 300 человек, и они были разбиты на три отряда по 100 человек в каждом.

По поводу первой сотни, которой командовал Ж. Маржерет, сведения современников разнятся. Сам командир – капитан Маржерет – говорит, что командовал сотней стрелков [2, с. 168]. Буссов и автор «Сообщения...» считают их копейщиками [1, с. 112; 4, с. 56]. Масса называет их просто драбантами, т. е. телохранителями [3, с. 118].

Две остальные сотни все авторы дружно называют алебардщиками или, как Маржерет, алебардьерами. Однако относительно их командиров мнения вновь расходятся. По Буссову, капитаном одной из них был лифляндец из Курляндии Матвей Кнутсон (Mathias Knutson), а другой – шотландец Альберт Вандтман (Albertus Wandmann), которого обычно звали паном Скотницким, т. к. он долго жил в Польше [1, с. 112]. Согласно Массе, Матвей Кнутсен (Matthys Snoettsen) был, видимо, датчанином, так как приехал в Россию в составе свиты датского принца Иоганна – жениха Ксении Годуновой, а после смерти принца перешел на русскую службу. Второго капитана Масса, как и Буссов, считает шотландцем, однако называет другим именем – Альбрехт Лантон (Albrecht Lanton) [3, с. 70, 118]. Что касается неизвестного автора «Сообщения...», то он также полагает одного из командиров алебардщиков шотландцем, правда, по имени Альберт Фэнси (Albert Fancie), капитаном же второй сотни был Матвей Кнолсон (Mathew Knowlson), которого он считал англичанином [4, с. 56].

Помимо капитана, командира сотни, в каждом отряде были и

лейтенанты. О них упоминает вскользь И. Масса, говоря, что «эти три капитана вместе с лейтенантами были пожалованы деревнями и землями и сверх того ежегодно получали большое жалованье» [3, с. 118].

Тот факт, что три сотни служилых «немцев» вдруг превратились в царских телохранителей, ясно показывает, что уже в самом начале Смуты для иноземцев открылись небывалые карьерные возможности.

О том, что эти «гвардейцы» вдруг превратились в элитную группу служилых иноземцев свидетельствуют описания их экипировки.

Вооружение первой роты телохранителей (роты Маржерета) состояло из протазанов³. Лезвия были позолочены (или, по другой версии, на них был вычеканен «золотой царский герб»), а древки обтянуты красным бархатом, окованы серебряными позолоченными гвоздями, увиты серебряной проволокой, и с них свисали «разные кисти из шелковых нитей и из серебряной или золотой проволоки».

Телохранители двух других сотен были вооружены алебардами, на лезвиях которых с двух сторон был вытравлен «царский герб» [1, с. 112; 3, с. 118].

Помимо этого парадного холодного оружия гвардейцы Лжедмитрия I имели и огнестрельное оружие. Масса сообщает, что телохранители из первой сотни (подчиненные Маржерета) во время царских выездов всегда имели при себе заряженные пистолеты [3, с. 118]. Косвенным указанием на наличие огнестрельного оружия у гвардейцев роты Маржерета может служить то, что, как уже упоминалось, он сам в своих записках назвал своих солдат стрелками. По словам автора «Сообщения...», накануне московского восстания Самозванец приказал «всем из своей собственной гвардии являться в Замок с их заряженными аркебузами, и с пулею в дуле и с зажженными фитилями...» [4, с. 62], из чего следует, что все телохранители имели огнестрельное оружие.

По данным того же источника, Лжедмитрий планировал создать еще одну роту телохранителей, вооруженных исключительно огнестрельным оружием – сотню мушкетеров, однако «это решение бы-

³ У Буссова оружие названо бердышами. Однако, это – явно неточность перевода. Во-первых, в оригинале использовано слово «Partisanen»; во-вторых, бердыши не могут быть вооружением «копейщиков», как их называет тот же Буссов [1, с. 112, 238]. И, наконец, в-третьих, все авторы подчеркивают отличие этой сотни от двух сотен алебардчиков, что совершенно непонятно в случае вооружение всех трех рот топорами на длинном древке – алебардами или бердышами.

ло отложено» [4, с. 56].

Под стать парадному вооружению была и роскошная одежда, в которую облачили царских телохранителей. По словам Массы, солдаты из сотни Маржерета «были весьма роскошно одеты в бархат и золотую парчу, носили дорогие плащи». О бархате и парче пишет и автор «Сообщения...». Буссов добавляет, что плащи у них были бархатные с золотыми позументами [1, с. 112; 3, с. 118; 4, с. 56].

Что касается внешнего вида двух сотен алебардщиков, то здесь, как и в случае с именами их командиров, современники расходятся в своих описаниях. Согласно Массе, алебардщики обеих сотен носили кафтаны из фиолетового сукна, только в сотне, которой командовал шотландец, обшивки кафтанов были из зеленого бархата, а в другой сотне – из красного.

По Буссову, в роте шотландца носили штаны и камзолы из зеленого бархата, а рукава – из зеленой камки; во второй роте – «рукава, штаны и камзолы» были из красной камки. При этом он отмечает, что алебардщики второй роты носили темно-фиолетовые кафтаны с обшивкой из красных бархатных шнуров. Описания кафтанов «немцев» роты капитана-шотландца Буссов не приводит, заметив лишь, что «они отличались» цветом штанов, камзолов и рукавов. Следовательно, покроем и цветом кафтанов в обеих сотнях был одинаков.

Сведения автора «Сообщения...» несколько отличны и менее детальны; он говорит лишь, что алебардщики обеих сотен «были одеты в тонкое сукно с широкими бархатными отворотами, а по праздничным дням в красный малиновый бархат» [4, с. 56].

Служба гвардейцев заключалась в том, что, как писал Масса, они «должны были всегда окружать царя», а некоторые из них – «поочередно держать ночной караул во дворце». Несколько иначе рисует организацию дворцовых караулов Буссов. По его словам, это были, как мы бы сказали сейчас, суточные дежурства, причем в них участвовали все телохранители: «одна половина этой стражи должна была оберегать царя одни сутки, а другая половина – следующие сутки». Телохранители сопровождали Лжедмитрия и в случае царских выездов; однако, по сообщению Массы, при этом только копейщики Маржерета, «должны были следовать за ним верхом, ибо у каждого из них была лошадь; а алебардщики провожали царя пешком до ворот, где и ожидали его возвращения» [1, с. 112; 3, с. 118].

Помимо основной, караульной, службы, иноземцы из охраны Самозванца порой использовались и в других целях. Во время торжественной встречи Марины Мнишек сотня конных копейщиков

Маржерета окружала карету царской невесты, а двести алебардщиков шли пешком рядом с ней [1, с. 115].

Телохранители-иноземцы могли выступать и в роли царских гонцов в Москве: Буссов приводит случай, когда сообщить об отмене казни Василия Шуйского был послан некий немец Мартин Сибельский, «некрещеный мамелюк родом из Пруссии», причем доказательством того, что он послан самим царем, служила «царская шапка», которой он махал палачу, крича, что осужденный помилован.

Использовал Лжедмитрий своих телохранителей и в качестве своего рода «потешных» во время взятия снежной крепости весной 1606 г. По словам Буссова, это замысливалось как военное учение, чтобы научить «князей и бояр, как они должны оборонять, осаждать, штурмовать и брать крепости». Русские обороняли снежный вал, а сам он «со своими немцами» штурмовал укрепления. Хотя оружием должны были быть только снежки, но немцы пошли на нарушение правил – «примешали к снегу другие твердые вещества и насажали русским синяков под глаза», что едва не привело к кровавому конфликту [1, с. 113-114].

За свою службу гвардейцы Лжедмитрия получали весьма большое жалованье. По сведениям автора «Сообщения...», копейщики получали годовой доход «с некоторых поместий, на которых могли кормиться»; а алебардщики также получали годовой доход «от земель, закрепленных за ними» [4, с. 56].

Размеры жалованья, а также сам факт создания отряда телохранителей из западноевропейцев, породили в Москве разговоры о том, что царь «жалует немцев и отдает им предпочтение» [1, с. 115].

В царствование Василия Шуйского, когда маховик гражданской войны стал раскручиваться все сильнее, мы сталкиваемся с еще более блестящими карьерными взлетами. Шотландец капитан Альберт Вандтман (он же пан Скотницкий), бывший командир сотни телохранителей первого Самозванца, в какой-то момент изменил Шуйскому и перешел на сторону Болотникова. После этого он был поставлен воеводой в Калуге и отражал атаки войск Василия Шуйского. Сохранил он этот пост поначалу и при Лжедмитрии II, принимал его в воеводской резиденции, когда Тушинский вор бежал из своего лагеря, но затем впал в немилость, и был сначала смещен, а потом утоплен в Оке [1, с. 112, 148, 162, 164; 3, с. 70; 4, с. 56].

Во время осады Калуги на сторону осажденных из лагеря Шуйского перешел лифляндец Ганс Борк. Затем он снова перебежал на сторону московского правительства и, видимо, в качестве поощрения,

был поставлен Шуйским во главе отряда из ста «немецких конников». Вскоре, однако, он вторично изменил московскому царю и перешел на сторону Тушинского вора.

Изменил Василию Шуйскому и швед Лоуренс Буйк, «перекрещенный мамелюк русской веры». Измена эта привела к немислимому вне гражданской войны карьерному взлету: осенью 1608 г. швед был послан Тушинским вором в Ярославль, чтобы принять присягу тамошних жителей «и именем Димитрия управлять там» [1, с. 155].

1. *Буссов К.* Московская хроника, 1584–1613. М.; Л., 1961.
2. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.
3. *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
4. Сообщение о кровавой и страшной резне в городе Москве с ужасным и трагическим концом Димитрия, последнего князя, царствовавшего доныне // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991.

УДК 94(47).047; 929

О.А. Курбатов¹

**Начальные люди рейтарского строя в 1653–1658 гг.:
Опыт просопографического анализа выпускников первого
в России строевого офицерского училища
(по материалам РГАДА)**

Русское дворянство; военные реформы; полки «нового строя».

Рассматриваются причины и последствия создания первого в России строевого офицерского училища для подготовки командных кадров полков «нового строя» из состава русских дворян и детей боярских. На основании просопографического анализа выпускников училища сделан вывод о его важной роли в создании нового «социального лифта», связанного с военной службой, для выходцев из дворянской среды.

Рейтары в Западной Европе и России в XVI – начале XVII вв.

С середины XVI в. и на протяжении XVII столетия рейтары в Западной Европе (от нем. «Reiter» – всадник) представляли собой род кавалерии, ведущей бой в правильных, линейных боевых порядках; важной их особенностью было активное применение в ближнем бою огнестрельного оружия – пистолетов и карабинов. В эпоху кризиса ев-

¹ Курбатов Олег Александрович, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), к.и.н., olegkurbatov@yandex.ru.

ропейского воинского сословия этот разряд войска, который состоял из наемных «солдат удачи», стал альтернативой традиционной рыцарской, дворянской конницы, постепенно вытеснив ее из состава действующей армии или вынудив перейти на новые формы боя. В рейтарских ротах и полках, как и в пехоте, происходит создание профессионального офицерского корпуса, способного готовить к боевой службе новобранцев; утверждается единообразная номенклатура командных чинов и комплекс снаряжения рядовых всадников.

В Русском государстве рейтары в виде нескольких рот наемных немцев из Ливонии появились в эпоху Ивана Грозного, в 1570-х годах. Используя свою особенную тактику боя, роты «служилых немцев» приняли участие в войнах конца XVI в. и отличились в боях эпохи Смутного времени. В 1633 г. в Москве был сформирован целый полк рейтарского строя Самуила Шарля Де Эберта. Начальные должности в нем заняли порядка двухсот «иноземцев старого и нового выездов», западноевропейцев («немцев»), а рядовой состав набрали целиком «из русских людей» – дворян и детей боярских, служилых татар и даже дворянских холопов. Полк с успехом сражался под Смоленском; по окончании войны дорогостоящие рейтарские части были распущены по домам, однако периодически собирались вновь для участия в конкретных кампаниях с 1637 по 1644 гг. [4]

Вооружение русских рейтар первое время почти целиком закупалось в Европе. Оно включало в себя доспехи (шлем-«шишак» и кирасу – «латы», иногда также наруч на левую руку) и огнестрельное оружие (карабин на перевязи с крюком и пару пистолетов в седельных кобурах – «ольстрах»). При этом лошади и лошадиный убор, а также сабли оставались традиционными, привычными для русских воинов. Рейтарское обучение включало в себя умение держать конный строй, выполнять перестроения и слаженно действовать огнестрельным оружием. В то же время, русский ратник рейтарского строя не терял навыков степной службы и был способен по-прежнему эффективно действовать в индивидуальном бою и рассыпным строем.

Идея «совершенного солдата» и военные школы в странах Европы
в первой половине XVII в.

В XVI – начале XVII столетий под влиянием идей эпохи Ренессанса в странах Запада появляется теория «универсального» или «совершенного солдата». Человек, посвящая себя военному поприщу, должен был получить всестороннее воспитание и образование. Оно включало в себя и физическую подготовку (верховую езду, владение

всеми видами оружия, фехтование), и изучение права, Древней истории, античных и современных языков, и знакомство с военной теорией, и освоение основных научных дисциплин (математика, геометрия, физика). Поскольку совмещать университетское образование и «рыцарские науки» было практически невозможно, предполагалось открывать особые военные «академии» в столицах, при дворах монархов [7].

Подобные Военные или Рыцарские академии в первые годы XVII столетия открывались в городах Италии и Германии, самой известной стала «военная школа» или академия в Зигене, основанная графом Иоганном фон Нассау-Зиген, сподвижником знаменитого Морица Оранского, в 1616 г. Кроме того, функции академий приобрели некоторые элитные воинские части – такие как рота Королевских Мушкетеров во Франции (1622 г.), Лондонская «артиллерийская» рота в Англии и придворные телохранители различных германских и итальянских государей. Рядовые этих отрядов, как правило, знатные дворяне, после некоторого срока службы могли получить выгодное назначение в действующие войска в качестве строевых офицеров. Преподаватели академий нередко становились авторами печатных трактатов по военному делу и учебников по подготовке солдат. По окончании Тридцатилетней войны стали появляться офицерские строевые училища. В 1651 г. в Дании была основана военная академия в замке Фредериксборг, а в 1653 г. «рыцарская академия» в Пруссии, в городе Кольберг.

Рейтарский приказ и полк рейтарского строя Исака Фанбуковена в
1649 – 1654 гг.

В 1646 г. молодой русский царь Алексей Михайлович отправил своего тестя стольника Илью Даниловича Милославского в Голландию для нового набора иностранных офицеров. Главным консультантом русских чиновников стал голландец, майор Исаак Фанбуковен, как именовали его в русских документах. Одновременно был тщательно переведен с немецкого языка капитальный труд одного из преподавателей военной академии в Зигене, И. Якоби фон Вальгаузена, «Kriegskunst zu Fuss» – первая часть его трактатов о военном деле. Книгу издали в 1647 г. на Московском печатном дворе под названием «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» в количестве 1200 экземпляров. Знакомство с ней позволяло не только осваивать тонкости западной пехотной тактики, но и независимо оценивать знания и умения иностранных дворян, претендовавших на офицерские чины в цар-

ском войске.

В 1649 г. в Москве был учрежден Рейтарский приказ, во главе уже с боярином И.Д. Милославским, и начато формирование полка рейтарского строя. В него было разрешено добровольно записываться московским чинам, дворцовым служителям (сытникам, царицына чину детям боярским), а также городовым дворянам и детям боярским Замосковных, Заоцких и Украинных городов (то есть центральных уездов). В 1650 г. насчитывалось более 1400 рейтар, а вскоре их стало 2000 чел. Командиром второй «тысячи» рейтарского строя стал сын Исаака – полковник Филиппиус Альбертус Фанбуковен. В рейтары поступали преимущественно дети городской знати – выборных дворян и дворовых детей боярских². Прежде подобного рода знатная молодежь могла начинать службу в рядах «жилецов» – младшего разряда «московских чинов», заводя необходимые связи среди членов Государева двора. Теперь же более 400 жильцов сами влились в Рейтарский полк.

Программа обучения включала в себя строевые занятия, причем не только конного, собственно рейтарского строя, но и пехотного «солдатского», на базе устава 1647 г. Рейтары интенсивно тренировались в залповой стрельбе из карабинов и пистолетов, в хитроумных поворотах и перестроениях в конном строю, в «учении с пикой и мушкетом». Записка Фанбуковена об азах солдатского строя (1651 г.) показывает его не только как мастера экзерциций, но и как человека просвещенного, разделяющего взгляды видных военных теоретиков своей эпохи – те же понятия он несомненно внушал и своим подопечным. Иногда рейтары сопровождали «строем» царские выезды на загородную охоту, демонстрируя свои навыки на подмосковных полях. В 1652 г. один из иностранцев написал о результатах деятельности Фанбуковена: «Думают, что он их теперь так сильно обучил, что среди них мало найдется таких, которые не были бы в состоянии заменить полковника». В русской военной практике того времени иноземец в чине полковника воспринимался в качестве того самого «универсального солдата», в равной степени способного командовать и пехотными, и рейтарскими, и драгунскими частями, хорошо сведущего в артиллерии и инженерном деле.

Первые выпуски строевых офицеров (1653 – 1654 гг.)

Весной 1653 г. царь начал открытую подготовку к войне с

² Просопографический анализ определенной части рейтар полка Фанбуковена был проведен Н.В. Смирновым [6].

Речью Посполитой за Смоленск и единоверную Украину. Царь порой лично выезжал на Девичье поле (при Новодевичьем монастыре), чтобы провести смотры и разборы служилых людей, дворянских недорослей, служилых и иноземцев и т. п. Большой смотр всего полка Фанбуковена перед главой Иноземского, Рейтарского и Стрелецкого приказов боярином Милославским состоялся 28 июля 1653 г. По его результатам около 700 рейтар были признаны годными к первоочередному занятию командных должностей в полках «нового строя», получив звания от прапорщика до капитана (ротмистра). Интересно, что еще в течение года они по документам оставались дворянами «рейтарского строя» и формально превратились в начальных людей лишь с началом боевых действий, в мае 1654 г.

Остальные рейтары Фанбуковена в 1654 г. были распределены по шести новым рейтарским полкам (но большей частью остались в Первом, или в «первой тысяче рейтарского строя»). Впоследствии они также получили возможность первоочередного замещения вакантных офицерских должностей. Указание в челобитной на то, что рейтар служит в рейтарском строе с 1649 – 1651 гг., означало, что он прошел обучение в полноценной строевой академии и достоин стать начальным человеком у рейтар, драгун или солдат. Офицерский состав Московского выборного и Дворцового солдатских полков, созданных в 1657 г., был полностью укомплектован этими русскими рейтарами [5]. Один из первых выпускников академии, сытник Иван Петрович Савелов, в звании поручика, а затем капитана солдатского полка Ю. Гутцына прошел со своей ротой от Белгорода до Киева. После смерти всей своей семьи от чумы в 1655 г. он принял монашеский постриг в Киеве, послужил настоятелем видных монастырей, а затем стал новгородским митрополитом. В 1674 был избран предстоятелем Русской Православной Церкви под именем патриарха Иоакима (ум. в 1690 г.) [1, с. 33-35].

В условиях Русского государства середины XVII в. полк Исака Фанбуковена не стал полноценной Академией в идеальном смысле эпохи Ренессанса, ввиду недоступности для большинства русских дворян научных знаний, но как строевая школа может считаться выдающимся проектом и явлением европейского масштаба. Ни в одном государстве Европы компетентное военное обучение не охватывало сразу двух тысяч дворян, и далеко не все европейские академии существовали в течение целых пяти лет. Офицерский выпуск 1653 г. позволил заполнить все вакансии 30 новосформированных полков «нового строя», не занятые служилыми «немцами», раз и навсегда ут-

вердив преимущество «русских людей» среди командиров ротного звена [3]. Рейтарские же начальные люди с этих пор почти поголовно были представлены русскими дворянами – даже среди полковников последние стали теснить иностранцев после 1655 г.

Русские начальные люди рейтарского строя в 1654 – 1658 гг.:

Итог просопографического анализа

К сентябрю 1652 г. единственный на тот момент «стольник рейтарского строя» Венедихт Андреевич Змеев стал числиться не в рядовых, а в подполковниках полка Фанбуковена. После смотров у боярина Милославского, 9 августа 1653 г., последовало назначение в ротмистры еще пятерых русских дворян – Давыда Иванова сын Зыбина, князя Петра Васильева сына Мещерского, Степана Афанасьева сына Зубова, Федора Андреева сына Зыкова, Василия Дружинина сына Волжинского. Нетрудно заметить, что их число соответствует количеству новых полков рейтарского строя, намеченных к формированию в следующем году (шесть «тысяч») Все указанные дворяне стали кадровой верхушкой в Рейтарском приказе. Так, уже в конце 1654 г. Змеев стал полковником первой «тысячи», а в течение следующих нескольких лет и ротмистры получили чины подполковников или майоров; к началу 1660-х гг. почти все они стали полковниками рейтарского строя, а Змеев ко времени царствования Федора Алексеевича достиг звания думного генерала.

Что касается прочих начальных людей рейтарских полков, здесь начал действовать принцип замещения вакантных мест рядовыми рейтарами, вновь произведенными в офицерские звания. При этом вакансии заполнялись в своем полку – случаи перехода в другие «тысячи» поначалу редки. Это, конечно, не относится к солдатскому строю – туда рядовые рейтары могли поступить на вакансии из любого полка, только имея «справку» о годах «службы» в полку Фанбуковена.

Вакансии в полках заполнялись и в том случае, если офицер временно выбывал из строя – по ранению, болезни или попав в плен. В итоге, уже к 1656 г. сформировался внушительный «кадровый резерв» из тех, кто вернулся в строй. Поначалу этих офицеров стали использовать в качестве командиров временных рот рейтар-«зимовальщиков», которые несли службу в крепостях в период роспуска главной армии. Но уже через несколько лет «начальные люди рейтарского строя за полками» послужили основой офицерского корпуса новых полков, которые стали создаваться в территориальных округах – разрядах: Белгородском (три рейтарских полка 1658 г.) и Новго-

родском (три рейтарских полка 1659 г.) [2], а также в Смоленске (рейтарский полк 1659 г.); далее последовали полки из рейтар Мещерской земли и других уездов ведомства Казанского Дворца. Все это послужило новому взлету карьеры отдельных рейтар: так, ротмистры Иван Шепелев и Семен Скорняков-Писарев стали подполковниками рейтарского строя в Белгороде, а Дмитрий Дуров – майором Первого выборного полка солдатского строя в Москве.

Если проследить судьбу «московских» начальных людей, посланных в полки на окраины, то на примере новгородских полков можно увидеть следующую тенденцию: по мере выбытия старых офицеров их места занимали рейтары Новгородского разряда; в то же время, вернувшись в строй, прежние рейтары Фанбуковена устраивались, судя по всему, в свои прежние рейтарские или солдатские полки и не стремились возвращаться в Новгород.

Таким образом, офицерское училище Фанбуковена стало хоть не единственным, но одним из самых значимых новых «каналов» продвижения по службе представителей провинциального дворянства, которые появились в связи с созданием полков «нового строя» в середине XVII в. И опыт его существования заслуживает дальнейших исследований самого разнообразного характера: сугубо военно-исторического, генеалогического, создания и поддержки неформальных клиентских связей, компаративного (в сравнении с опытом иностранных школ подобного типа) и т. п.

1. Булычев А.А. О светской карьере будущего московского патриарха Иоакима Савелова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4.
2. Курбатов О.А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х-1660-х гг.: Дисс. ... к.и.н. М., 2003.
3. Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656 – 58 гг. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8.
4. Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656-1658 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2014. Т. 3.
5. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656 – 1671. М., 2006.
6. Смирнов Н.В. Состав «первого» рейтарского полка середины XVII века // Исследования по истории средневековой Руси. Сб. ст. в честь 80-летия Ю.Г. Алексева. СПб; М, 2006.
7. Lawrence D.R. The Complete Soldier. Military Books and Military Culture in Early Stuart England, 1603-1645. Linden and Boston, 2009.

**Головы и сотники московских стрельцов
при отражении вторжения войск королевича Владислава
в 1617–1618 гг.**

Россия XVII в.; Смуты; командиры среднего звена; стрельцы; головы и сотники; просопография.

Статья посвящена возможностям и перспективам просопографического метода в изучении командного состава среднего звена – головам и сотникам – московских стрельцов в период похода королевича Владислава на Москву в 1617–1618 гг.

На протяжении последних лет нами ведется работа по разработке и составлению просопографических баз данных и справочников по различным сторонам военной организации московского общества и государства в первой половине XVII в., некоторые предварительные и промежуточные итоги этой работы уже опубликованы [5; 6; 7]. По ряду тематических направлений мы координируем свою работу с уже имеющимися и разрабатываемыми аналогичными базами коллег [2; 14; 15; 16; 17 и ряд других].

Цель настоящей работы – рассмотреть возможности и перспективы просопографического метода в изучении персонального состава командиров московских стрельцов, проанализировать источниковую базу для проведения просопографических исследований и составления справочников и существующую историографию в отношении командного состава стрелецкого войска вообще и московских стрельцов в частности.

В рамках доклада и краткой статьи мы выбрали период похода королевича Владислава на Москву в 1617–1618 гг. как наиболее полно из всех событий Смуты освещенный источниками (в первую очередь, документальными, включая опубликованные) и наиболее изученный на современном уровне национальными историографиями практически всех сторон конфликта. Однако для освещения даже этого узкого периода потребовалась обработка базовых документальных источников за период 1613–1621 гг., т.к. пожалования за службы «в королевичи-

¹ Малов Александр Витальевич, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., Supilluliuma@yandex.ru.

чев приход» и «московское осадное сидение 127-го году»² служилые люди получали еще в 1621 г., а возможно и позже.

История изучения стрельцов Московского государства в целом и московских стрельцов в частности насчитывает уже не одно столетие. Однако, вехой, разделяющей историографию армии Московского государства XVI-XVII вв. на две неравные по значению части стала диссертация А.В. Чернова (1949 г.). Однако исследования стрельцов XVII в. и Черновым [18, л. 606-669] и его оппонентом С.Л. Марголиным [11] и рядом других историков основывались главным образом на документах второй половины столетия и не вышли на изучение командного состава стрелецкого войска. При всей впечатляющей историографии стрелецкого войска, начало формированию просопографической базы данных по головам московских стрельцов было положено М.Ю. Романовым [13], который своей работой по командованию стрелецкого гарнизона Москвы за 1613-1628 гг. (надеюсь, не без влияния наших дискуссий с автором) подвел итог под изучением московских стрельцов – их командования, структуры и численности – за 1613–1628 гг. [14]. В том же направлении продвигается и изучение городских стрельцов. На пополнение, совершенствование и развитие просопографических баз данных командного состава стрелецкого войска направлена и наша работа.

Однако нельзя согласиться с Романовым в перенесении им номерной иерархии московских стрелецких приказов 1670-90-х гг. на более ранний период. Само существование подобной иерархии должно было найти отражение в приказном делопроизводстве, чего однако не зафиксировано ранее цитируемых Романовым документов 1670-90-х гг. Вполне возможно, что появление номерной иерархии московских стрелецких приказов связано, во-первых, с появлением номерных обозначений московских выборных солдатских полков в 1660-е гг., а во-вторых, с постепенным ростом престижа чина головы московских стрельцов через пересечение его с придворным стольничьим чином и полковничьим нового строя. Ранее этих событий об иерархии приказов говорить не приходится. Автоматическое перенесение местничества «родословных людей» на низшие категории служилых людей и все московское общество чревато сотворением очередного мифа.

Романов в своих работах постарался учесть весь комплекс опубликованных материалов, и по большей части ему это удалось. Но

² Нашу позицию о времени окончания Смуты см.: [9].

здесь и сама возможность просопографического исследования по опубликованным источникам, а с другой стороны – ее ограниченность предопределены гибелью архива Стрелецкого приказа, почему все писавшие о стрельцах, опирались на документы второй половины XVII столетия. В этих условиях, исторической наукой уже накоплен опыт реконструкции утраченных архивных фондов: В.Н. Автократовым – на материалах Приказа военных дел, М.Г. Кротовым – на материалах не дошедших до нас десятен XVI в. С учетом их опыта и источниковой ситуации при проведении просопографических исследований и составлении справочников важнейшей задачей исследователя является поиск систематических источников, сохранивших информацию о жизни и деятельности исследуемых категорий людей, в нашем случае – голов и сотников московских стрельцов.

В контексте работы по реконструкции утраченного архива Стрелецкого приказа и просопографических штудий в отношении командования стрелецкого войска методически необходимо и исследование руководства и аппарата Стрелецкого приказа. Здесь следует указать, что бессменным судьей приказа за 1613-1622 гг. был князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский. Д.В. Лисейцев в работе о Панском приказе отметил очень важный и до сих пор недооцененный историками аспект деятельности Стрелецкого приказа в начальный период его возрождения после освобождения Москвы – традиционное совмещение судейства в Стрелецком приказе с Панским приказом [2, с. 67; 5]. К этому можно добавить и наше наблюдение: в первые годы возрождения государственного аппарата к конвоированию дипломатических представителей как российских, так и иностранных, с 1613 до 1620-х гг. привлекались служилые иноземцы вместо стрельцов – чего не бывало ни в досмутный период русской истории, ни позже. В 1617 г. голова нижегородских иноземцев Иван Булгаков получал на Казенном дворе ткани на стрелецкие знамена. Складывается впечатление, что ведомство князя А.В. Лобанова-Ростовского действовало в этот период как двуединый приказ. Естественно встает вопрос и о личности главы этого ведомства.

При проведении просопографических исследований особенно за период 1613–1626 гг. (до московского пожара) в условиях полной или частичной гибели архивов тех приказов, где ведались изучаемые категории служилых людей, важными фиксирующими документальными комплексами являются документы материально-финансового учета, в первую очередь, расходные книги. Для наших просопографических штудий [4; 5; 6; 7; 8] базовыми документальными комплексами, сохра-

нившими систематическую информацию, стали расходные книги Казенного приказа, частично введенные в научный оборот [1; 12, с. 1–381]. На сегодня обработаны книги за период 121-го (1612/1613) – 129-го (1620/21) гг., которые составили базовую источниковую основу нашего исследования³. Вопросы источникового значения архива Казенного приказа, и книг в первую очередь, нами неоднократно освещались [8; 10]. Конечно, попадание в разрядные записи является весьма важным биографическим фактом, однако выводы, сделанные на основе одних разрядных книг и нарративных сочинений могут привести лишь к искажениям исторической реальности. Наглядным примером стали попытки проследить службы голов московских стрельцов по этим источникам [20]⁴.

Книги Казенного приказа в нашем просопографическом исследовании дополнили опубликованные источники, среди которых наиболее значимы: Осадный список 1618 г. и Книга сеунчей 1613–1619 гг., расходные книги четвертных, Разрядного и Печатного приказов и, конечно, разрядные книги, сметные списки, боярские книги и списки, другие книги и столбцы Разрядного приказа, описи Москвы за первую половину XVII в., охватывающие Смуту тематические сборники документов.

Записи о пожалованиях в расходных книгах Казенного двора почти идентичны записям о придачах в окладных четвертных книгах, подобно придачи голове московских стрельцов Константину Григорьеву сыну Чернышеву: «за многия службы и за промысл, что он во 121 г. к Китаю-городу приступал и в городе многих литовских людей побивал» [19, с. 310] – хотя столь подробные записи – редкость. На Казенном дворе стрелецкие головы и сотники, а также стрельцы их приказов и сотен жаловались «за службу» («за многия службы»), «за промысл», «за посылку» («за станичную посылку»), «за выход» («за станичный выход»), «за полонское терпение», «за проход», «за приезд» («за степной приезд» – низовские стрельцы, «за сибирский приезд» – сибирские стрельцы), «за язычный привод» («за языки»), «за

³ РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 67. Л. 1–445; Кн. 203. Л. 1–517 об.; Кн. 204. Л. 1–808 об.; Кн. 205. Л. 1–500 об.; Кн. 206. Л. 1–567 об.; Кн. 277. Л. 1–355 об.; Кн. 278. Л. 1–260; Кн. 279. Л. 1–476 об.

⁴ Если бы от истории московских выборных солдатских полков мы располагали бы только этим набором источников, выводы, сделанные на них, ничем бы не отличались от выводов Шокарева в отношении голов московских стрельцов начала XVII в., тогда как боевые кровавые заслуги перед престолом и страной всех трех первых командиров двух выборных полков наглядно представлены в нашем монографическом исследовании.

сеунч», «за раны», «за осадное сиденье», «за вести». Часто названные статьи комбинировались, как правило «службы», «приезд», «проход», «сеунч», «посылка» и часто «полон» уточнялись, иногда развернуто. Например, голова московских стрельцов Михаил Рчинов в сентябре 1618 г. получил на Казенном дворе «за Можайскую службу и за сеунч» серебряный ковш с подписью в кругах: «Божиею милостию царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Руси», весом в гривенку 28 зол., 8 арш. камки куфтера червчатой, сорок соболей в 33 руб., 5 арш. тафты зеленой виницейки, дараги червчатые. Другой пример – пожалование «за литовской полон, и за терпенье, и за выход» головы Андрея Жукова в сентябре 1617 г. портищами зеленой камки адамашки и червчатого сукна лундыша. В то же время, к сожалению для исследователей, эти записи расходных книг часто не указывают какой сотни и какого приказа стрелец получил жалованье, а если указывается, то, как правило, только одно из приписных свидетельств: либо приказ, либо сотня. Также не всегда указывается статья пожалования – за что он получил жалованье, или указывается слишком лаконично: «за службу», «за выход»⁵.

Весьма примечательным является наблюдение, что пожалования на Казенном дворе стрельцов вообще и стрелецких голов и сотников в частности за период 1613–1621 гг. по масштабу заметно уступают пожалованиям как служилых по отечеству так и казаков. Крайне немногочисленны и записи об обеспечении с Казенного двора товарами и вещами деятельности Стрелецкого приказа. Все это заметно контрастирует с пожалованиями, начиная примерно с 1630 г. и до 1680-х гг., когда стрельцы и Стрелецкий приказ на порядок чаще мелькают на страницах расходных книг Казенного приказа. Также весьма заметно, что в указанный период на Казенном дворе чаще жаловались стрельцы с земель Казанского дворца – низовские и сибирские, – чем московские. Это очень важный факт, который может быть объяснен как прямыми поставками товаров в Стрелецкий приказ на жалованье подведомственным ему ратным людям, так и скромными масштабами московского стрелецкого гарнизона, который далеко не сразу после освобождения Москвы восстановил свою численность, доведя ее до численности предсмутного времени. Тезис Романова о четырехтысячной численности московского стрелецкого корпуса с момента освобождения Москвы в 1612 г. представляется слишком

⁵ О всей гамме смысловых значений этого вида пожалований и понятий «выход» и «выезд» см.: [6].

оптимистичным. Учитывая участие стрельцов в подавленном московском восстании 1611 г. и скромные возможности обоих ополчений по обеспечению и содержанию стрелецкого войска, которое могло находиться исключительно на полном довольствии Казны, и ряд других факторов, мы склонны предполагать, что процесс восстановления численности московского стрелецкого гарнизона имел очень медленную скорость. Однако это еще не означало изменений в структуре московского стрелецкого корпуса, во главе которого в начале Смуты стояли 8 стрелецких голов и около 40 сотников. Вполне возможно, что в условиях разорения вакансии голов и сотников не сразу замещались, но еще более вероятен некомплект стрелецких сотен и приказов, хотя и то и другое из последствий Смуты никак не противоречат друг другу.

Упоминания голов московских стрельцов в расходных книгах
Казенного приказа

голова\год	7125/ 1615/17	7126/ 1617/18	7127/ 1618/19	7128/ 1619/20
Веков Афанасий Иванов сын	–	+	+	–
Жуков Андрей Иванов сын	+	–	+	+
Мясной Лукьян Иванов сын	–	+	+	–
Полтев Борис Иванов сын	+	+	+	+
Пузиков Данила Юрьев сын	+	+	+	+
Рчинов Михаил Федоров сын	+	+	+	+
Темкин Михаил Петров сын	+	+	+	–
Чернышев Константин Григорьев сын	+	+	+	+

Также примечательной чертой эпохи стало частое упоминание при пожаловании стрельцов не приказов, а сотен, чего также не встречаем на протяжении последующих десятилетий XVII в. Это указывает на тот факт, что приказные люди и сами стрельцы часто ассоциировали свою службу с ближайшим командиром – сотником, а не с головой. И это также свидетельствует о медленном восстановлении московского стрелецкого корпуса, а также о возможном некомплекте голов за определенные месяцы, а возможно и годы.

Сложность реконструкции состава сотников московских стрельцов сводится не только к тому, что они меньше попадали в документы, но и в том, что за этот период документы, как правило, не указывают, в какой приказ входил тот или иной сотник со своей сотней, а зачастую и географию службы стрелецкого сотника: был ли он сотником московских стрельцов или городских, что опять же наглядно демонстрирует неактуальность иерархичности приказов для эпохи выхо-

да России из Смуты. Из более 90 упоминаемых расходными книгами стрелецких сотников лишь немногие записаны московскими, а очень многие – без иерархически-географических отсылок. Необычна судьба стрелецкого сотника Тимофея Топоркова, который в 1614 г. упоминается московским, а с начала 1616 г. и позже – сотником астраханских стрельцов: предположение о существовании двух стрелецких сотниках Тихонах Топорковых следует сразу отвергнуть, поскольку московский сотник также упоминается в связи с «астраханской службой».

За период 1617–1619 гг. московскими показаны следующие стрелецкие сотники:

Александров (Алексеев он же?) Давыд (приказ М.Ф. Рчинова);
Баграков Иван (приказ М.Ф. Рчинова);
Каменев Василий;
Колокольцев Иван;
Куломзин (Кулумзин) Скуриха (приказ М.П. Темкина);
Логвинов Несмеян;
Малатеин (Малатейн, Молатеин) Постник (приказ Б.И. Полтева);
Огарков Афанасий;
Радков (Ратков) Афанасий (приказ М.Ф. Рчинова);
Тимашев Федор (приказ Михаила Рчинова).

На материалах по истории командного состава московских стрельцов при отражении вторжения армии королевича Владислава в 1617–1618 гг. приходится констатировать, что в отношении истории стрелецкого войска вообще и московских стрельцов в частности предположений и вопросов остается больше чем доказанных фактов и ответов. Однако сама постановка этих вопросов и задач, которые по сути не были даже поставлены ни имперской, ни советской историографиями, свидетельствует о плодотворных тенденциях в развитии современной исторической науки. Разрешение же поставленных вопросов и задач сегодня невозможно без просопографических штудий, потенциал которых только начинает раскрываться.

1. *Забелин И.Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д.Н. Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты Ив. Забелиным. (1613-1634 гг.). Часть первая. М., 1882.
2. *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Москва; Тула, 2009.
3. *Лисейцев Д.В.* Панский (Иноземский) приказ в начале XVII века // Западноевропейские специалисты в России XV – XVII веков. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 24–25 сентября 2002 года). М., 2002.

4. Малов А.В. «Выход» и «выходцы» на завершающем этапе Смуты (1613–1619): определение терминологических границ (по данным расходных книг Казенного приказа) // Смутное время: итоги и уроки: Сб. мат-в второй Всероссийской научной конференции. Иваново – Кохма – Шуя, 20–22 апреля 2012 г. / Отв. ред. к.и.н. А.Ю. Кабанов. Иваново, 2012.
5. Малов А.В. Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // АЕ за 2009–2010 гг. М., 2013.
6. Малов А.В. Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613-1619 гг. (По данным приходо-расходных книг Казенного приказа) // Меншиковские чтения – 2015: Материалы Российской научной конференции: Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), 27 – 29 ноября 2015 г. / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб., 2015. Вып. 10.
7. Малов А.В. Выходцы из Речи Посполитой на службе царя Михаила Федоровича на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-польской научной конференции Москва, 24–26 октября 2012 г. М., 2016.
8. Малов А.В. Пушкарского чина люди по данным расходных книг Казенного приказа в завершающий период Смутного времени (1613-1619 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч.II. URL: <http://www.milhist.info/2016/05/20/malov> (20.05.2016).
9. Малов А.В. О времени окончания Смуты в Московском государстве начала XVII в. и вопросы о царской титулатуре, наименовании государства и его жителей // Власть и насилие в незападных обществах: актуальные проблемы исследований: сборник тезисов / Под ред. Г.В. Лукьянов, А.Л. Рябинин, С.А. Рагозина, И.А. Артемьев. М., 2016.
10. Малов А.В. Мастера Оружейного приказа в освобожденной Москве: Материалы к просопографии по данным расходных книг Казенного приказа. Ч. 1. 7122-й (1613/1614) – 7127-й (1618/1619) годы (в печати)
11. Марголин С.Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Московский областной педагогический институт. Ученые записки. Т. 27. Труды Кафедры истории СССР. Вып. 2. М., 1953.
12. Приходо-расходные книги Казенного приказа // РИБ. СПб., 1884. Т. IX.
13. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004.
14. Романов М.Ю. Командный состав стрелецкого гарнизона Москвы в период возрождения страны после Смуты (1613-1628) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. IX. URL: http://www.milhist.info/2017/03/06/romanov_1 (06.03.2017).
15. Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М., 2011.
16. Селин А.А. Проект создания HTML-базы данных «Новгородцы конца XVI – начала XVII вв.» // Староладожский сборник. Вып. 6. СПб.; Старая Ладога, 2003.
17. Скобелкин О.В., Юмашева Ю.Ю. Иноземцы на русской военной службе в первой трети XVII века: проблемы создания просопографической базы

данных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 1.

18. Чернов А.В. Строительство вооруженных сил русского государства в XVII веке (до Петра I): Дисс. ... д.и.н. М., 1949.
19. Четвертки Смутного времени (1604–1617) // Материалы, собранные и отредактированные членом-соревнователем Л.М. Сухотиным. М., 1912.
20. Шокарев С.Ю. Стрелецкие головы в социально-политической борьбе конца XVI – начала XVII века // Смутное время: итоги и уроки: Сб. материалов второй Всерос. Науч. конф. Иваново – Кохма – Шуя, 20-22 апреля 2012 г. / Отв. ред. канд. ист. наук А.Ю. Кабанов. Иваново, 2012.

УДК 94(47).046; 94(47).047; 94(47).048; 929

М.Ю. Романов¹

К вопросу о служебной «чести» начальных людей московских стрельцов в иерархии чинов Государева двора XVII в.

Государев двор; служебная иерархия; придворный чин; стрелецкий полковник; голова; полуголова.

Работа посвящена определению социального статуса дворян, проходивших службу на командных должностях в подразделениях московских стрельцов. Выдвигается предположение о возможности бытования чина стрелецкого головы как особой ступени в иерархии Государева двора XVII в. Рассматриваются основные этапы кадровой политики в отношении командиров московских стрельцов, направленной на повышение престижа их службы.

Принципы функционирования системы служебно-родового старшинства, оказывавшей значительное влияние на различные сферы государственной жизни России XVI-XVII вв., достаточно подробно освещены в трудах по истории Государева двора. Его иерархическая структура, в которой люди родословные изначально получали для своего карьерного продвижения определенные преференции, хорошо известна, как известна и неизменная заинтересованность верховной власти в продвижении по службе наиболее деятельных лиц из числа неродовитого дворянства, призванных внести «свежую кровь» в повседневную работу государственного аппарата. В этом контексте весьма актуальным остается вопрос о существовавших механизмах кадровой политики, позволявших обходить устоявшиеся в элитарных кругах представления о невысокой служебной «чести» низших служилых чинов, в т.ч. дворян, избранных для службы командирами

¹ Романов Максим Юрьевич, Московское краеведческое общество Союза краеведов России (РФ, Москва), moscovit64@yandex.ru.

московских стрельцов.

Отношение столичного дворянства к службе в стрелецком строе. Несмотря на немногочисленность источников по данной теме, можно с большой долей уверенности утверждать, что на протяжении всего XVII столетия представители дворянских родов, издавна служивших «по Москве», в массе своей рассматривали службу в головах московских стрельцов как «потерьку» для их родовой чести. В нашем распоряжении имеются всего пять документальных свидетельств, подтверждающих данную мысль, но весьма показательных: одно из них – местнический случай, при котором родство с головой московских стрельцов послужило причиной отказа истцу в судебном разбирательстве; другие факты – это два дела о бесчестии, в которых стрелецкая служба родни ставилась в упрек одной из сторон конфликта, а также близкие им по сути две челобитных стрелецких командиров, заявлявших о назначении на данную службу помимо их воли и просивших об отставке, чтобы от иных родов быть «ныне и впредь не в попрек, и не в понос, и не в укоризну». В последнем случае важно отметить, что челобитные были поданы в 1683 г., т.е. год спустя после официальной отмены местничества, что подчеркивает устойчивость подобных воззрений.

Социально-мировоззренческие истоки такого отношения к стрелецкой службе понятны. Созданные в ходе военных реформ середины XVI в. подразделения «выборных стрельцов из пищалей», составивших основу постоянного гарнизона столицы, не имели аналогов в иерархии русского войска и в силу своей новизны не могли пользоваться среди служилого сословия каким-либо авторитетом. Учитывая, что основу военной организации государства составляли кавалерийские подразделения – конные сотни дворян и детей боярских – служба в «пешем строе» традиционно рассматривалась как дело малопочетное, как удел захудавших собратьев.

В полной мере подобные взгляды нашли отражение в росписях придворных и иных чинов, проводившихся по случаю проведения различных официальных мероприятий в первой половине XVII в.: стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы, головы стрелецкие, сотники стрелецкие, подьячие, иноземцы, гости, гостиной сотни. Здесь вполне очевидно использование разрядными дьяками принципа служебно-хронологического старшинства при перечислении придворных чинов в общепринятом для того времени местническом порядке, хотя на практике дело обстояло значительно сложнее.

Правительственные мероприятия по повышению престижа

службы в головах московских стрельцов. С момента организации первых отрядов московских стрельцов власти стремились подчеркнуть важность для государства исполнения служилыми людьми по отечеству обязанностей командиров подразделений русской пехоты. Показателен тот факт, что несмотря на третьестепенное значение должности стрелецкого головы назначения на нее осуществлялись по именным царским указам, на основании которых составлялся наказ – должностная инструкция, определявшая обязанности и полномочия командира. Такая форма назначения делала невозможной уклонение кого-либо от стрелецкой службы, т.к. неисполнение государева указа приравнивалось к государственному преступлению. При этом на период исполнения обязанностей стрелецкого головы на служилого человека распространялось право именования в официальных документах с полным отчеством, предусматривавшим его написание с суффиксом «вич», подобно высшим должностным лицам городского управления.

Материальным стимулом верой и правдой послужить государю в стрелецких рядах выступали выплаты сравнительно высокого жалования из четвертных приказов («деньги из Чети»), которые в отличие от выплат в «городах» производились регулярно по годам, а не по истечении службы, которой могло и не «прилучиться», а также обязательные придачи к поместным окладам, приравненные по указу 1587 г. к земельным придачам, причитавшимся стольникам, стряпчим и дворянам московским.

Но даже, несмотря на столь значимые преференции для лиц, поступивших на стрелецкую службу, достаточно долго ее престиж среди придворных чинов оставался довольно низким, в силу чего основным контингентом для подбора кадров на должность стрелецких голов оставались городские дворяне, служившие по выбору в столице, а также их собратья из числа стрелецких сотников. Есть также основания предполагать, что к началу XVII в. сложилась практика назначения стрелецких голов и из числа жильцов – низшего придворного чина, хотя данный вопрос остается открытым.

Наиболее решительные меры по поднятию престижа стрелецкой службы впервые были предприняты правительством Михаила Федоровича, при котором в 1618 г. создается первый прецедент назначения головой столичных стрельцов придворного (Л.И. Мясного), уже имевшего чин дворянина московского, в то время как ранее пожалование этим чином выступало поощрением служилых людей после их отставки из стрелецких голов. Если в боярской книге 1616 г. мы не находим

ни одной фамилии действовавших на тот момент стрелецких командиров, то в 1626 г. семь из восьми «штатных» стрелецких голов уже обладали чином дворян московских и имели значительно более крупные денежные оклады по сравнению с предыдущими годами. В этот же период регулярной практикой придворной жизни становится приглашение московских стрелецких голов к государеву столу в праздничные дни совместно с представителями более высоких чинов.

В 1645 г. назначение в головы стряпчего А.С. Матвеева создает новый прецедент в придворной службе и позволяет связать данный чин со службой в стрельцах. К 1651 г. уже двое из восемнадцати стрелецких командиров имели чин стряпчих, а остальные числись дворянами московскими. Аналогичная кадровая политика в отношении старших командиров московских стрельцов была продолжена правительством Алексея Михайловича, при котором в 1663/1664 г. состоялись первые назначения в стрелецкую службу лиц, имевших придворный чин стольников. Ими стали сыновья бывших стрелецких голов Ф.И. Головленков и Е.М. Баскаков. В последующие годы подавляющее большинство их сослуживцев также были пожалованы стольничеством либо чином стряпчего, а к концу 1680-х гг. именование командиров московских стрелецких полков и их заместителей получило свое окончательное оформление и стало звучать, как «стольник и полковник», «стольник и полуполковник».

Параллельно с продвижением лиц, состоявших на стрелецкой службе, по лестнице придворных чинов увеличивались и затраты правительства на их содержание. Уже к 1660-м гг. поместные оклады большинства стрелецких голов достигли своего максимального значения – 1000 четей земли, а денежные оклады нередко превышали 100 руб. в год, не считая единоразовых выплат значительных сумм по различным поводам, а также регулярных пожалований продуктами питания и тканями. Подобное положение дел не могло не влиять на восприятие современниками реального статуса придворных, проходивших службу в стрелецком строе.

Изменения в иерархии придворных чинов и в их отношении к стрелецкой службе. Одними из первых уловили озвученные выше тенденции кадровой политики властей в отношении стрелецкой службы «приказные дельцы» – дьяки московских приказов дворянского происхождения. Начиная с 1640-х гг. все заметнее становится присутствие среди старших командиров московских стрельцов потомков видных представителей дьяческого чина, не менее «худого» по своей чести в глазах родовитого дворянства, но весьма влиятельного и по

своей старине какое-то время остававшегося формально «честнее» чина стрелецкого. Для сыновей приказных людей, при поддержке отцов и их покровителей, закрепившихся при Государевом дворе в чине стряпчих или дворян московских, проблема возможных в будущем «попреков» новой службой стояла не столь актуально и вполне компенсировалась потенциальными карьерными и материальными выгодами.

Во второй половине XVII в., в отличие от более раннего периода, мы наблюдаем формирование целых династий стрелецких голов и полковников, чьи отцы и деды когда-то руководили канцеляриями различных государственных ведомств. Это представители фамилий Коковинских, Спиридоновых, Лутохиных, Дохтуровых и др. Наиболее типична судьба потомков дьяка Петра Лутохина, происходившего из новгородских детей боярских. Его сын Юрий, уже в 1640-х гг. служивший при Дворе стряпчим, в 1666 г. получает назначение в головы московских стрельцов одного из рядовых подразделений. Спустя пять лет, Лутохин переводится на место командира элитного Стремянного приказа, который он возглавил уже в чине «стольника и полковника и головы московских стрельцов». В 1672-1673 гг., оставаясь на своей прежней должности, стрелецкий командир одновременно руководил работой Хлебного приказа, имевшего отношение к обеспечению военного гарнизона Москвы. После своей отставки в 1675 г. Ю.П. Лутохин выполняет ряд дипломатических миссий, а в дни стрелецкого бунта 1682 г. принимает постриг в Ниловой пустыни, откуда позднее перебирается в кремлевский Чудов монастырь, в котором занимает должность келаря вплоть до своей кончины в 1692 г.

Еще в свою бытность головой стрелянных стрельцов Лутохин устраивает на стрелецкую службу старшего сына Якова (Юрия), который первое время, видимо, не имел собственного подразделения и состоял на службе при отце, как заместитель, в силу его занятости делами Хлебного приказа. К 1676 г. Я.Ю. Лутохин становится полноценным командиром одного из стрелецких приказов и в 1680/1681 г. жалуется чином стольника и полковника. К этому же времени командиром другого стрелецкого полка назначается и его брат Алексей, также получивший чин стольника и полковника. Таким образом, представители третьего поколения безвестного в начале XVII в. рода Лутохиных уже в сравнительно молодом возрасте вливаются в ряды русской дворянской элиты. Правда, порог стольничества дьячим внукам преодолеть уже не удалось, а их высшим должностным достижением стало назначение А.Ю. Лутохина судьей Судного владимирского

приказа в 1690 г.

Иллюстрацией к высказанной мысли о превращении службы в головах московских стрельцов в своеобразный трамплин для дальнейшей государственной карьеры представителей «худородного» дворянства могут служить следующие наблюдения. Если к середине XVII в. из поколения стрелецких голов 1630-х гг., только двоим удалось выслужить думные чины (И.Д. Лопухин – из дьяков в думные дьяки в 1654 г., затем в думные дворяне в 1667 г.; Г.М. Оничков – из дворян московских в думные дворяне в 1659 г.), то к 1672 г. из поколения стрелецких голов и полковников 1650-1660-х гг. думным дворянством было пожаловано уже пять представителей (С.Ф. Полтев – не позднее ноября 1670 г.; А.С. Матвеев – не позднее января 1671 г.; Я.П. Соловцов – не позднее января 1671 г.; А.Н. Лопухин – 1672 г.; Ф.П. Нарышкин – 1672 г.). В дальнейшем их число только прирастало. Неизменно увеличивалось и количество стрелецких командиров, получавших после отставки назначение судьями как в военные, так и гражданские ведомства.

Закономерным результатом кадровой политики верховной власти в отношении стрелецкой службы стали значительные подвижки в иерархии придворных чинов. В частности, беглый подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин в своем известном сочинении о Московском государстве приводит следующие сведения, положенные в заглавие второй главы: «О царских чиновных людех: о боярех, и околничих, и думных и ближних людех, о стольниках, о стряпчих, о дворянех, о полковниках и головах стрелецких, о диакех, о жильцах и о всяких служилых и дворовых людех».

Данный чиновный ряд, сложившийся к началу 1660-х гг., отразил реальные сдвиги в представлениях современников о служебной чести тех или иных придворных чинов. Уже в 1643 г. жильцы, чьи отцы или дядя проходили службу в головах московских стрельцов, рассматривали этот факт как явление обыденное, подчеркивающее связь их рода со службой при Государевом дворе. Именно в контексте придворной службы упоминал в 1677 г. о своем прошлом головстве и опальный боярин А.С. Матвеев: «А служил я ... в житье, в Стряпчих, в Головах стрелецких; и был в полковых службах...».

Во второй половине XVII в., следуя кадровой политике правительства, процесс эволюции придворной чиновной лестницы продолжился и уже в 1682 г. роспись чинов выглядела следующим образом: бояре, окольничие, думные и ближние люди, стольники и «розных строев» полковники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы,

«начальные люди», городовые дворяне и дети боярские (полковой службы)... Под общим термином «начальные люди» подразумевался широкий круг лиц, многие из которых имели придворные чины, но не выше стряпчих, занимавших офицерские должности в стрелецких полках (полуполковники и капитаны) и в полках «нового строя». Включение в роспись на определенном месте данного условного чина отразило стремление дьяков Разрядного приказа обозначить, следуя принципу служебно-хронологического старшинства, иерархическое положение служилых людей, получивших назначения на сравнительно новые в структуре русского войска должности.

Подводя итог, следует отметить, что анализ сведений, относящихся к организации службы начальных людей московских стрельцов позволяет сделать предположение, что начиная с 80-х гг. XVI в., а возможно и ранее, постепенно набирает силу процесс трансформации обычной военной должности стрелецких голов в особый придворный чин, который в силу своей новизны и отдельной ведомственной подчиненности первоначально стоял вне рамок традиционных разрядных служб и рассматривался как обособленное «государское дело». Однако непременное участие голов московских стрельцов в придворной жизни, в боевых действиях, в т.ч. в составе Государева полка, неизбежно ставило вопрос о включении служилых людей по отчеству, находившихся на стрелецкой службе, в общую иерархию Государева двора.

Его решением стало поэтапное пожалование действовавших стрелецких голов все более высокими придворными чинами, выводившими их как отдельную корпорацию на более престижное по статусу место в существовавшей лестнице чинов. Символической точкой в этом процессе стал указ 1676 г., имевший именно корпоративное значение, согласно которому старшим командирам московских стрельцов повелевалось «быть на своей государеве службе в полках и в посылках з бояры и воеводы с первыми без товарищев». В целом, решение задачи по повышению престижа стрелецкой службы явилось процессом закономерным, отразившим насущную потребность правительства в развитии современной для своего времени военной организации, требовавшей дальнейшего совершенствования службы подразделений «пешего строя». Сама служба на командных должностях стрелецкого гарнизона Москвы превратилась в своего рода кузницу кадров, позволявшую выявлять служилых людей, обладавших необходимыми деловыми качествами, которых затем активно привлекали для повседневной работы в различных сферах государственного

управления.

УДК 94(477)

П. Кроль¹

Коллективный портрет старшины Запорожского войска в 1648-1687 гг.²

Козаки; Войско Запорожское; Гетманщина; Украина; казачья старшина; полковники; гетман.

В статье представлена эволюция казачьей элиты Гетманщины в ранге полковников и чинов другой генеральной старшины. Родилась она вместе с созданным Б. Хмельницким казачьим государством и стремительно трансформировалась в зависимости от личности и политики гетмана, его успехов, неудач или смерти, а также в зависимости от военно-политической ситуации на Украине. Эта социальная страта со времени приобретала все большую власть, стараясь расширить свое влияние и участие в управлении Гетманщиной, обрела имения и укрепила свое влияние среди казаков.

Формирование и эволюция казачьей элиты Войска Запорожского представляли собой весьма динамичные процессы. Эта социальная страта в XVII в., т.е. в период становления Гетманщины, не была – хотя так и может показаться, глядя на поднятое казаками восстание, – однородной массой. В ее состав входили представители различных слоев населения: старые казачьи семьи шляхетского происхождения, мещане и даже крестьяне. Однако с течением времени происходило обособление этой группы, а доступ в нее извне становился все труднее и труднее. Попасты в эту страту могли люди, связанные с гетманами или получившие их поддержку. Примером тому могут служить карьеры Ивана Выговского, Ивана Мазепы (служил сначала П. Дорошенко, потом – И. Самойловичу, при котором и сделал блестящую карьеру) и Филиппа Орлика. Сами гетманы всегда старались сохранить полный контроль над элитой, проводя соответствующую кадровую политику. Однако, были случаи вхождения в нее и новых людей, не из казачьего сословия или из показавшейся шляхты. Именно они и стали опорой, после первого периода существования казачьего государства (период правления Б. Хмельницкого), и постоянным источником пополнения казачьей элиты – генеральной

¹ Кроль Петр, Исторический институт Варшавского университета (Польша, Варшава), доктор истории, p.kroll@uw.edu.pl.

² Перевод с польского – О.С. Смирновой.

старшины и полковников. Нужно подчеркнуть, что во время первых пятидесяти лет существования казачьего государства – гетманщины – именно занимаемая должность, а не собственное имение или влияние, была определяющим фактором для попадания в число элиты.

Гетманы старались контролировать эту группу посредством организации выборов полковников полковыми казаками, или же назначением полковников в приказном порядке, если процесс выходил из-под контроля, полностью игнорируя результаты выборов. То же касалось и группы наиболее приближенных представителей элиты – генеральной старшины (обозный, войсковые есаулы, судьи, писарь). Часто случались изменения в обеих группах, когда гетманы старались ограничить количество занимаемых должностей. Большая часть их карьерных практик были непродолжительны и заканчивались на одной должности, т. к. средняя продолжительность пребывания на одной должности в составе старшины генеральной составляла 3,5 года, а для полковников – 1,5-2 года. Были и исключения, которые становились все чаще с течением времени (в Заднепровье в правление Ивана Самойловича). Со временем все труднее и труднее становилось попасть в ряды старшины, и все реже случались подобные примеры. Должности закреплялись за представителями определенных семей, имеющих влияние, клиентов, обширные имения. Связанные семейными узами, они превратились в отдельное, высшее привилегированное сословие.

Старшина, изначально находившаяся под сильным влиянием гетманов, от кадровой политики которых зависела (еще до Самойловича) принадлежность к правящей элите, со временем обрела уверенность в себе и начала активно заявлять свои политические амбиции. Кристаллизация казачьей старшины как политической элиты Гетманщины проявилась в корпоративной защите своих интересов – в открытом протесте и даже противодействии политике гетмана (элекция гетмана М. Ханенка в 1669 г. как реакция на протурецкую политику П. Дорошенко), и даже вплоть до свержения гетмана (государственный переворот на Левобережье и свержение Д. Многогрешного в 1672 г. и И. Самойловича в 1687 г.). Но это же наглядно свидетельствует как о замедленности процесса обособления казачьей элиты, так и о ее стремлении участвовать в управлении Гетманщиной, ограничивая власть гетмана коллегиальностью принимаемых решений. Идеалом в этом казачьей старшине несомненно, служили права и положение магнатерии и шляхты в Речи Посполитой. Казачья старшина увеличивала свой политический вес по мере укрепления своего

материально-финансового положения, в первую очередь за счет стабилизации земельных владений и закреплении должностей, чинов и доходных мест, связанных с территориями своих полков. Это вынуждало гетмана (со времени И. Мазепы) лавировать в своей кадровой политике, если он хотел сохранить контроль над Гетманщиной и удерживать в своих руках булаву. К сожалению, элите не хватило сил и ресурсов в борьбе за коллегиальность управления. Она сосредоточилась на борьбе за свой социальный и имущественный статус, и ради этого была готова к уступкам под влиянием как внешнеполитических (Москва), так и внутренних факторов. Тем самым казачья старшина отказалась от планов создания собственного государства, которые пытались реализовать несколько видных казачьих лидеров. Эгоизм старшины послужил одной из причин провала подобных планов и привел к разделу украинских земель двумя (а со временем и тремя) соседями. А через некоторое время – к ликвидации Гетманщины.

УДК 929; 94(47).048

В.С. Великанов¹

Просопографический анализ высшего командного состава русской армии в Первом Крымском походе 1687 года

Первый Крымский поход 1687 г.; командный состав русской армии в XVII в.; отмена местничества.

В статье рассматриваются правила формирования высшего командного состава русской армии в условиях отмены прежней системы местничества в 1687 г.

12 января 1681 г. было объявлено об отмене местничества – системы распределения государственных военно-административных должностей в зависимости от знатности рода и прежних заслуг и служб его представителей, а также положения конкретного человека внутри его рода: *«местничество отечественное отставить и вечно искоренить»*, и впредь *«у всяких дел быть всем меж себя без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаи не считаться, и никого не укорять, и никому ни над кем мимошедшими находы не вознащаться»*². Первым крупным военным конфликтом, в котором высший командный состав армии должен был формироваться по новым пра-

¹ Великанов Владимир Сергеевич, фонд «Русские Витязи» (РФ, Москва), к.э.н., vladvelikanov@inbox.ru.

² ПСЗ. Т. 2: 1676-1688. С. 375.

вилам, исходя из личных заслуг и достижений, стал Первый Крымский поход 1697 г. Эта кампания также интересна тем, что она пришлась на смену поколений в военной элите Российского государства. Все воеводы, командовавшие русскими армиями в бесконечных походах 1650-70-х годов к 1687 г. уже ушли из жизни: А.Н. Трубецкой (ск. 1680 г.), И.А. Хованский (казнен 1682 г.), Г.Г. Ромодановский (убит 15 мая 1682 г.) и А.Ю. Долгорукий (убит 15 мая 1682 г.).

Для участия в Первом Крымском походе была собрана гигантская армия. Несмотря на все задержки со сбором ратных людей на смотре, проведенном 16 мая, в наличии имелось 91 038 чел. из назначенных на службу 104 133 (за вычетом нескольких вспомогательных отрядов), т.е. явка составила 87,4 %³. Войска были разделены на 3 воеводских разрядных полка (корпуса): Большой полк, Новгородский и Рязанский. Во главе Большого полка встал сам князь Василий Васильевич Голицын, в «товарищи» к нему были назначены ближний боярин и наместник белгородский князь Константин Осипович Щербатов, ближний окольный и наместник серпуховский Венедикт Андреевич Змеев и думный генерал Аггей Александрович Шепелев. Также с Большим полком должны были действовать Севский полк ближнего окольного и севского воеводы Леонтия Романовича Неплюева и Низовой полк стольника Ивана Юрьевича Леонтьева. Последний насчитывал всего 2 тыс. чел., и его можно всерьез не рассматривать. Новгородский разрядный полк возглавил ближний окольный и наместник пермский Алексей Семенович Шеин с «товарищем» ближним окольным князем Данилой Афанасьевичем Барятинским. Рязанский разрядный полк – ближний боярин и наместник черниговский князь Владимир Дмитриевич Долгоруков и ближний окольный и наместник шацкий Петр Дмитриевич Скуратов [1, с. 378-380].

Знакомство с биографиями командующих трех основных разрядных полков (В.В. Голицын, А.С. Шеин, В.Д. Долгоруков), показывает, что ни один из них не имел реального боевого опыта. Голицын (1643-1714, т.е. в 1687 г. ему было 43 года) был талантливым политиком, администратором и дипломатом, и в 1670-х гг. несколько раз назначался воеводой вспомогательных (резервных) полков, но никогда не руководил войсками в реальных боевых условиях. Долгоруков (1638-1701; 49 лет) также формально имел опыт назначения «товарищем» в полк к своему дяде Ю.А. Долгорукову, и в 1679 г. да-

³ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 1275. Л. 437-453.

же был одним из полковых воевод в бескровном Киевском походе, но ни разу не участвовал в реальных боях. Он не имел каких-либо значимых заслуг или служебного опыта на военно-административных постах, и все его продвижение по служебной лестнице было связано исключительно с родством с царской династией (его мать была сестрой первой жены царя Алексея Михайловича) и влиянием его дядей, Ю.А. и П.А. Долгоруких [4, Т. 6, с. 527]. В послужном списке Шеина (1652-1700; 35 лет) также отсутствуют какие-либо значимые военно-административные службы и участие в боевых действиях: с 1672 г. – придворная служба (рында, «наряжал вина» и др.), в 1680-81 гг. воевода в Тобольске, в 1683-84 гг. – в Курске [4, Т. 23, с. 36-38]. Его стремительное продвижение по служебной лестнице было связано исключительно со знатностью рода и памятью о заслугах его деда, М.Б. Шеина. Т.е. воеводами трех главных полков были назначены царедворцы, никогда прежде войсками не командовавшие, и все заслуги которых ограничивались только происхождением.

«Товарищами» полковых воевод наоборот назначили людей, имевших значительный служебный опыт. Щербатов (дата рождения не установлена, вероятно, 1620-е) начал службу в 1650-х под командой своего отца Осипа Ивановича Щербатова и, вероятно, принял участие во всех основных кампаниях в Литве. В 1666 г. он был назначен «товарищем» киевского воеводы Петра Васильевича Шереметева (Большого), и самостоятельно провел несколько успешных операций против казаков, поддержавших Брюховецкого. В 1670-71 гг. он удачно действовал при подавлении Разинского восстания, разгромив несколько отрядов повстанцев. Затем вплоть до 1687 г. он больше не имел боевых служб, занимая преимущественно посты городских воевод (в Пскове, Астрахани, Енисейске и др.) [4, Т. 24, с. 101-102]. Щербатов был одним из сторонников партии малолетнего Петра и его назначение «товарищем» Голицына было, своего рода, внутривластным компромиссом. Змеев был одним из самых опытных и заслуженных русских офицеров. Начав службу рядовым рейтаром в полку И. Фанбуковина в 1649 г., к апрелю 1654 г. он был назначен подполковником в рейтарский полк фон Дроцки, а уже в августе принял полк вместо погибшего полковника. Змеев участвовал во всех основных походах в 1654-1660 гг., в 1678 г. отличился в Чигиринском походе и был произведен в думные генералы. В 1681 г. стал членом Ответной палаты, занимавшейся подготовкой военной реформы. В следующем 1682 г. Змеев стал фактически военным министром, став судьей одновременно Разрядного, Иноземного, Рейтарского и Пушкарского

приказов. В это же время он становится сторонником и ближайшим военным советником В.В. Голицына [3, с. 62-64]. Третий товарищ Голицына А.А. Шепелев с момента формирования командовал Первым Московским выборным солдатским полком, и участвовал с ним в Конотопском походе и сражении на реке Басе. В 1676 г. произведен в генерал-майоры, по итогам Чигиринского похода 1677 г. – генерал-поручик, а за отличие в походе 1678 г. – полный генерал. В 1681 г. так же, как и Змеев, был членом Ответной палаты [3, с. 63-65, 114-116].

Севский воевода Л.Р. Неплюев впервые упоминается на службе в 1658 г. в чине стряпчего. Во второй половине 1670-1680-х он практически бессменно находился на многочисленных воеводских службах в южных регионах (Севск, Переяславль, Киев, полковые службы) и считался одним из наиболее близких к В.В. Голицыну людей [4, Т. 11, с. 234-235].

Товарищ Долгорукова П.Д. Скуратов многие годы провел на южных рубежах (в Киеве, Белгороде, Севске), сначала «товарищем», а затем и самостоятельным воеводой. У него был опыт самостоятельных военных операций, но в первую очередь он был опытным администратором и дипломатом, хорошо знавшим регион. Многие годы он был заместителем и помощником Г.Г. Ромодановского, и его вряд ли можно было отнести к сторонникам Голицына. Его назначение в армию, вероятно, было связано с его исключительным опытом и знаниями. К сожалению, в апреле 1687 г. он неудачно упал с лошади и умер по дороге в Москву [4, Т. 16, с. 625-626]. Назначенный на его место стольник князь Борис Ефимович Мышецкий также имел многолетний военно-дипломатический и административный опыт службы на южных рубежах «товарищем» у Г.Г. Ромодановского и П.А. Долгорукова, и, вероятно, именно его близость Ромодановскому стала причиной его отсутствия в первоначальном списке воевод Первого Крымского похода.

Товарищ Шеина Д.А. Барятинский начал самостоятельную воеводскую службу в 1660-х гг., отличился при подавлении Разинского восстания, а в 1673-1677 гг., будучи томским воеводой, воевал с киргизами и калмыками. Таким образом, он имел опыт самостоятельных боевых операций и многолетнего руководства отдаленным и опасным приграничным регионом [4, Т. 2, с. 544].

Отдельно необходимо упомянуть о генералитете полков «нового строя». В 1687 г. насчитывал всего 9 генералов: 3 полных генерала (Агей Шепелев, Григорий Косагов и Венедикт Змеев), 2 генерал-поручика (герои чигиринской обороны 1677 г. Афанасий Траурнихт и

1678 г. Патрик Гордон) и 4 генерал-майора (Андрей Цей, Иван Лукин, Давид Граам и Яков Бильс). Также формально чин генерал-майора имел командовавший полком смоленской шляхты Володимер Иванович Швыйковской, но шляхта служила отдельным списком с собственными выборными командирами, и считать его «классическим» генералом некорректно. Полками «нового строя» он никогда не командовал, и в Иноземном приказе, ведавшим всеми офицерами полков «нового строя», не числился. О двух полных генералах, Шепелеве и Змееве, мы уже упомянули чуть ранее. Косагов с лета 1686 г. командовал отдельным небольшим корпусом, зимовавшим в Каменном Затоне. Шесть «оставшихся» генералов были распределены на службу следующим образом: в Большом полку – Гордон, Лукин и Граам; в Севском – Цей; в Новгородском – Траурнихт⁴. Генерал-майор Бильс был назначен на службу в полк князя М.А. Голицына, оставленный прикрывать Белгородскую Черту⁵. Все генералы-иноземцы (кроме Граама) к 1687 г. уже по несколько десятков лет служили России, отличившись в многочисленных боях и походах 1650-70-х гг., а Бильс – родился уже в Москве в семье придворного медика Валентина Бильса. Единственным исключением в общем ряду генеральских биографий является Граам (Грэм), который прибыл в Россию лишь в 1682 г. и сразу был принят на службу в генеральском звании. Такое решение властей было связано не столько с его военными талантами, сколько с представленными им документами о знатном происхождении (граф и барон) [2, с. 272-274; 3, с. 52]. Таким образом, русская армия в 1687 г. обладала немногочисленным (всего 7 чел. на почти 100-тысячную армию), но опытным генералитетом, который, однако, был почти весь сосредоточен в одном единственном Большом полку Голицына.

Приведенные сведения наглядно показывают, что несмотря на формальную отмену местничества, ключевым критерием при назначении на высшие командные посты в 1687 г. продолжала оставаться знатность рода, а не служебные заслуги и реальный опыт. Опытные и заслуженные воеводы и генералы могли претендовать лишь на должности «товарищей» при знатных царедворцах. Однако это нельзя считать проявлением чисто российской специфики: высшие командные посты практически во всех европейских армиях второй половины XVII в. занимают представители высшей знати, а социальные лифты

⁴ Там же. Оп. 6. Книги Московского стола. № 75. Л. 70–101 об.

⁵ Там же. Опись 9Г. Столбцы Белгородского стола. № 1072. Л. 733.

не работают «выше» первых генеральских чинов. Примечательно, что русские воеводы, которые сделают карьеру в правление царя Петра Алексеевича (Борис Петрович Шереметев, Петр Иванович «Меньшой» Хованский, Михаил Григорьевич Ромодановский) в 1687 г. по различным причинам (в первую очередь внутривойсковым) не получили никаких командных назначений в действующую армию.

1. ДРВ. М., 1791. Ч. 16.
2. *Ноздрин О.Я.* Происхождение и родственные связи генерал-поручика Дэвида Уильяма Грэма, известного как граф Граам, барон Морфейский // *Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции, 14-16 мая 2014 года.* СПб., 2014. Ч. 3.
3. *Рогожин А.А.* Генералитет полков «нового строя» в России второй половины XVII века. Дисс. ... к.и.н. Орел, 2014.
4. *Русский биографический словарь.* Т. 1-25. СПб, 1896-1918.

УДК 94(47).053

А.А. Рогожин¹

А.Д. Меншиков и его «креатуры»: патронаж в служебной карьере генералитета русской армии начала XVIII в.

Генералитет; служба; патронаж.

В статье затрагивается вопрос о покровительстве в среде генералитета русской армии в эпоху Великой Северной войны (1700-1721). Исследованы основные механизмы патронажа А.Д. Меншикова и его последствия.

Изучение патронажа в русской армии дает шанс определить те механизмы карьерного возвышения, благодаря которым некоторые, на первый взгляд, незаметные офицеры успешно продвигались в служебной иерархии. Одним из наиболее заметных покровителей в России начала XVIII в., имевших разветвленную сеть клиентов, был фаворит Петра I А.Д. Меншиков. С 1702 г. началось его резкое возвышение, о чем неоднократно писали в своих донесениях иностранные дипломаты в России [3, с. 239]. Однако даже А.Д. Меншикову были необходимы свои «креатуры» в генералитете, которые могли платить ему верностью за те благодеяния, что он мог им предоставить. В большинстве случаев процесс продвижения «своего» человека вверх в иерархии армейского командования был спрятан от постороннего

¹ Рогожин Александр Александрович, Орловский музыкальный колледж (РФ, Орёл), к.и.н.; rogozhin_alexander@bk.ru.

взгляда. Однако восстановить сеть клиентов А.Д. Меншикова в генеральской среде в начале XVIII в. все же возможно.

Первым клиентом А.Д. Меншикова из числа представителей генералитета стал генерал-майор К.Э. фон Ренне, один из самых способных кавалерийских командиров в русской армии периода Великой Северной войны [6, с. 106]. В 1703-1704 гг. в качестве командира драгунского полка он уже достиг первых успехов в рядах русской армии [4, с. 199-200, 282-284]. В 1704 г., всего через полтора года после поступления на русскую службу, Петр I пожаловал иностранцу чин генерал-майора². Однако стоит заметить, что к генеральскому чину К.Э. фон Ренне привели не только успехи в военных действиях. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что в России К.Э. фон Ренне смог быстро заслужить доброжелательное отношение к себе со стороны Петра I. При этом иностранец быстро сориентировался в окружении царя и расставил приоритеты. Уже в ноябре 1704 г. генерал-майор К.Э. фон Ренне писал А.Д. Меншикову об успехах полковника Г. фон Пфлуга, разбившего противника в сражении под Шкудами [5, с. 29]. Можно считать это письмо одним из самых ранних известий о завязавшихся тесных отношениях между иностранным генерал-майором и А.Д. Меншиковым. Сам же А.Д. Меншиков старался выдвигать свою «креатуру» перед Петром I, в своих письмах в превосходной степени описывая успехи генерал-майора [12, с. 787-788], а также, не стесняясь, писал о превосходном состоянии драгунских полков под его началом [12, с. 806-807]. Хотя тесные отношения иностранца с А.Д. Меншиковым появились уже после пожалования генеральского чина, они стали затем весьма и весьма интенсивными. Но рядом с князем были и командиры, чьи служебные успехи целиком зависели от его покровительства. В первую очередь среди них стоит выделить русских офицеров кн. А.И. Волконского, Я.В. Полонского, А.Г. Чернцова и Ф.Г. Чекина.

В 1705 г. в число клиентов А.Д. Меншикова попал драгунский полковник кн. А.И. Волконский. В начале 1705 г. А.Д. Меншиков отстранил от командования драгунским полком полковника Ф. Суэса и назначил командиром как раз кн. А.И. Волконского, вопреки стараниям генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, выдвигавшего на эту должность своего брата [5, с. 70-71; 6, с. 390]. После своего назначения командиром драгунского полка князь старался поддерживать тесные

² Поденная записка или журнал воинского (или инаго) поведения, 1704 года Генваря с 1-го числа // Походный журнал 1704 года. СПб., 1854. С. 54.

отношения с А.Д. Меншиковым. Он даже прибегал к советам сторонних лиц, когда нужно было узнать, по-прежнему ли он может рассчитывать на покровительство. В сентябре 1707 г. Я. Брюс писал А.И. Волконскому, что о нем «никакова зла у князя (А.Д. Меншикова. – А.Р.) не упоминалось» [2, с. 128].

Несколько позднее А.Д. Меншиков начал продвигать еще одного драгунского офицера, Я.В. Полонского. В 1702-1705 гг. Я.В. Полонский был майором драгунского полка В. Григорова [5, с. 86], а затем служил в драгунском полку генерал-майора И. фон Генске, вместе с которым был в битве под Калишем в 1706 г. [5, с. 443]. Осенью 1706 г. А.Д. Меншиков перевел Я.В. Полонского в Санкт-Петербург, назначив его подполковником своего Ингерманландского драгунского полка [7, с. 368]. В дальнейшем Я.В. Полонский не просто оставался клиентом «светлейшего князя», но даже женился на Татьяне Дмитриевне Арсеньевой, родственнице жены А.Д. Меншикова Дарьи [1, с. 27]³. В начале 1710-х гг. он стал приносить своему покровителю значительную выгоду. В конце 1710 г. генерал-майор Я.В. Полонский был назначен обер-комендантом Риги, и при его попустительстве агент А.Д. Меншикова Метсю вел беспошлинную торговлю лесом по Двине через Ригу [3, с. 317-318].

А.Г. Чернцов, еще один клиент А.Д. Меншикова, был связан со своим патроном аналогичным способом, будучи женатым на Пелагее Дмитриевне Арсеньевой, родной сестре жены Я.В. Полонского [1, с. 27]. В 1702 г. А.Г. Чернцов служил майором в драгунском полку М. Зыбина [6, с. 355], но в 1705 г. его перевели с повышением в чине до подполковника в драгунский полк еще одного клиента А.Д. Меншикова, кн. А.И. Волконского [7, с. 297]. Уже в следующем году по решению А.Д. Меншикова подполковник был переведен в только что организованный драгунский полк, набранный кн. Г.И. Волконским, причем к концу года стал его командиром в чине полковника [7, с. 302-303]. В 1707 г. был назначен командовать драгунским полком Г.А. Гейна, потому что его бывший командир был отпущен с русской службы, после чего А.Г. Чернцов был повышен в чине до бригадира. Интересно, что даже после смерти А.Г. Чернцова в 1717 г., его вдова при споре по поводу наследства жаловалась царю через посредничество именно А.Д. Меншикова, по-прежнему рассчитывая на него

³ Судя по всему, Я.В. Полонский женился на Т.Д. Арсеньевой не раньше 1712 г. [8, № 343, с. 249–250].

как на покровителя⁴.

По аналогии с карьерными путями Я.В. Полонского и А.Г. Чернцова можно проследить служебное продвижение Ф.Г. Чекина, хотя в отличие от своих товарищей он не был связан с семьей покровителя матримониальными отношениями. Вместе с Нижегородским драгунским полком, где он в чине подполковника был «за полковника», Ф.Г. Чекин участвовал в битве под Калишем в 1706 г. В феврале 1707 г. по приказу А.Д. Меншикова он был отправлен в Москву для обучения Тобольского драгунского полка. В январе 1708 г. Ф.Г. Чекин был пожалован чином полковника и по приказу А.Д. Меншикова назначен командовать Смоленским драгунским полком. После сражения у деревни Лесной в октябре 1708 г., этот офицер был пожалован чином бригадира и отправлен командовать драгунскими полками в Санкт-Петербург. Эти чины ему жаловались «по рассмотрению его князей светлости господина генерала и кавалера князя Меншикова» [10, с. 39-40]. В дальнейшем Ф.Г. Чекин продолжал прибегать к покровительству князя, когда нужно было решить спорное дело в свою пользу [9, № 1000, с. 836–837].

Русская часть генеральской клиентелы А.Д. Меншикова также продолжила выстраиваться и в 1710-е гг. В частности, А.К. Болобанов признавал, что пожалование его чином бригадира и назначение комендантом Пернау в 1714 г. произошло только благодаря «заступлению» князя⁵. Повышение полковника Я.С. Шамордина до бригадира также не обошлось без поддержки известного покровителя⁶.

Среди клиентов А.Д. Меншикова стоит выделить и иностранных офицеров, сумевших быстро заслужить покровительство князя, благодаря чему их карьера в России стремительно пошла «в гору». Особенно заметно участие князя в продвижении Томаса Эрнеста Антона Эзево-Гешева (известного в русских документах как Антон Ешхов или Гешев). Т.Э.А. Эзево-Гешев на русскую службу поступил в 1707 г., судя по всему, при заинтересованности в этом офицере лично А.Д. Меншикова. Иначе не понять, почему новичок в составе русской армии сразу же получил назначение командовать не просто полком, а драгунским Лейб-регimentом князя. Уже в следующем 1708 г. он был бригадиром [14, с. 298], но на этом его быстрый путь наверх не остановился. После смерти в 1709 г. Н. Инфланта А.Д. Меншиков

⁴ РГАДА. Ф. 198. Меншиков А.Д. Оп. 1. № 122. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. № 401. Л. 1–2.

⁶ Там же. № 1030. Л. 9–10, 11–13 об., 14–19 об., 20–20 об., 21–22.

продвигал на его место своего клиента Т.Э.А. Эзев-Гешева [13, с. 856]. В итоге при поддержке князя это назначение состоялось [13, с. 882], и 10 июля 1709 г. иностранец был пожалован чином генерал-майора [7, с. 445]. Вероятно, клиентом А.Д. Меншикова мог быть и И.Б. Вейсбах, но этот вопрос требует дополнительного изучения⁷. Из иностранцев покровительством князя в 1710-е гг. воспользовался Х. фон дер Ропп. Взлет его карьеры относился к 1707 г., когда из подполковников пехотного полка он стал генерал-адъютантом А.Д. Меншикова. Спустя год, в 1708 г., он был пожалован чином полковника и назначен командовать Астраханским драгунским полком, а в сентябре 1709 г. был переведен в Гренадерский драгунский полк. Став в марте 1716 г. бригадиром [10, с. 37-38], а в марте 1719 г. – генерал-майором⁸, Х. фон дер Ропп впоследствии писал князю, что с самого «начала моей его императорскому величеству службы имел я вашу светлость единого себе милостиваго патрона и содержен был высокой милости⁹».

Продвигая на те или иные посты свои «креатуры», князь получал лояльных ему командиров, занимавших относительно высокие позиции в иерархии армейского командования. Через своих «креатур» и просто верных ему персон князь продвигал новых клиентов, опутывая армию густой сетью своих ставленников на всех уровнях. Генералы, которые прибегали к покровительству князя, предупреждали о служебных неурядицах, которые могли потенциально вызвать царский гнев. Кроме того, клиенты князя исполняли бытовые поручения, в которых по каким-либо причинам было трудно или невозможно обойтись без их посредничества. В целом, основным требованием князя по отношению к своим ставленникам была верность и готовность быть полезным своему патрону в разных качествах. Но и для самих «креатур» князя его покровительство не завершалось с пожалованием им генеральского чина. Став клиентами князя, русские и иностранные командиры старались использовать его поддержку в широком круге вопросов, а именно в просьбах о собственном повышении и наградах¹⁰, повышениях или переводах родственников, приятелей или клиентов из числа подчиненных офицеров¹¹, просьбах о заступничестве при

⁷ См. подр. о нем [11].

⁸ РГАДА. Ф. 154. Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство. Оп. 2. № 249. Л. 33.

⁹ РГАДА. Ф. 198. Меншиков А.Д. Оп. 1. № 902. Л. 177–177 об.

¹⁰ См.: Там же. № 1030. Л. 9–10, 79–79 об.; № 401. Л. 1–1 об.

¹¹ В фонде 198 РГАДА осталось несколько десятков писем, адресованных А.Д. Меншикову различными «креатурами», в которых генералитет выступал сво-

служебных спорах [5, с. 29-30]¹², а также бытовых просьбах, которые не имели далеко идущих последствий и затрагивали скорее повседневные отношения князя со своей клиентелой¹³.

Среду генералитета русской армии эпохи Петра I можно представить себе как пространство борьбы, где встречались разные интересы. Для любого командира прочность занимаемой им позиции зависела не только от его собственно военных успехов, но и от той системы патронатно-клиентельных связей, в которую он был встроен. Предварительный анализ одной из таких систем, связанной с А.Д. Меншиковым, показывает, что путь князя наверх и его пребывание на служебной вершине были связаны с тщательным выстраиванием собственной клиентелы из числа генералов русской армии. Дальнейшее изучение этого вопроса, скорее всего, может уточнить некоторые нюансы действия патронажных механизмов или добавить новых имен в список клиентов, но основные очертания этой сети вырисовываются вполне отчетливо уже сейчас.

1. *Арсеньев В.С.* Род дворян Арсеньевых. 1389 г.-1901 г. Тула, 1903.
2. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса (1669-1735). Т. III. Письма Я.В. Брюса (1707 год) / Публ. подг. С.В. Ефимовым и Л.К. Маковской. СПб.; Щелково, 2006.
3. *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671-1725) / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 2009.
4. *Волынский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I (1698-1706 гг.). Кн. I. СПб., 1912.
5. *Волынский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I (1698-1706 гг.). Кн. II. СПб., 1912.
6. *Волынский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I (1698-1706 гг.). Кн. III. СПб., 1912.
7. *Волынский Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. I (1698-1706 гг.). Кн. IV. СПб., 1912.
8. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.В. Калачова. Т. II. (1712 г.). Кн. 1. (январь-июль). СПб., 1882.

его рода посредником между своим патроном и просителями. – См.: РГАДА. Ф. 198. Меншиков А.Д. Оп. 1. № 1030. Л. 20–20 об., 23, 25–25 об., 32–33, 34–34 об., 44–44 об., 47–47 об., 57–57 об., 80–81 об.

¹² Там же. № 902. Л. 83, 94–95, 100–100 об., 102–102 об., 105–105 об.; № 1030. Л. 35–36 об.

¹³ Там же. № 472. Л. 1; № 617. Л. 12 об.–13; № 1030. Л. 97–97 об.

9. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. V. Год 1715-й. Кн. II (июль-декабрь). СПб., 1897.
10. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2-х томах. Т. I. / Сост., вступ. статья, оформление К.В. Татарникова. М., 2015.
11. *Петрухинцев Н.Н.* Путь иноземца в военную элиту России (петровский генерал И.Б. Вейсбах) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. II. / Науч. ред. С.В. Ефимов. СПб., 2010.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. III. (1704-1705). СПб., 1893.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 2. М., 1952.
14. *Татарников К.В.* Русская полевая армия 1700-1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008.

УДК 94(438).04

Т. Чещельский¹

Офицеры польской и литовской армии в 1717-1733 гг.²

Речь Посполитая при Саксонской династии; польская и литовская армии XVIII в.; офицерский корпус; король Август II.

Одним из элементов процесса модернизации Коронной и Литовской армий Речи Посполитой в 1710-1720-х гг. была попытка повысить профессиональный уровень подготовки офицерского корпуса. Однако, предпринята она была только в частях иноземного строя Коронной армии. В 1717-1724 гг. его командный состав был усилен внушительной по размерам группой, более 100 офицеров, которые получили хорошую профессиональную подготовку и военный опыт, приобретенный во время службы в армиях стран Западной Европы, прежде всего – в Саксонии. Это способствовало росту лояльности офицерского корпуса к королю, но в силу ряда причин не привело к усилению армии Речи Посполитой.

1. Военные действия, проводимые на территории Речи Посполитой во время Великой Северной войны, ясно показали, что старопольское военное искусство находится в состоянии глубокого кризиса. Уже первые стычки со шведскими войсками, вторгшимися на земли Речи Посполитой, продемонстрировали в 1702 г. абсолютную беспомощность польских и литовских войск в конфронтации с модернизированными военными силами Карла XII. Более того, потенциал обеих армий Речи Посполитой значительно уступал и союзным

¹ Чещельский Томаш, Институт Истории Опольского Университета (Польша, Ополье), доктор хабилитованный, ciesielski2@wp.pl.

² Перевод с польского – О.С. Смирновой.

войскам, саксонским и российским. Все это, в конечном итоге, склонило лиц, отвечающих за войска Речи Посполитой, к инициированию процесса их модернизации. Начало было положено в 1705 г., а после 1709 г. процесс пошел интенсивнее. Среди причин слабости армии Речи Посполитой важным фактором оказался низкий уровень знаний и профессиональной подготовки офицерских кадров. Поэтому уже в первые годы Великой Северной войны королевский двор старался изменить состав офицерских кадров, «разбавляя» его иностранцами. Однако, иностранцы наполняли офицерский состав отрядов только пехоты, драгун и рейтар, – так называемого «иноземного строя» («иностранный контингент»), в то время как в национальных польских войсках – должности ротмистров, поручиков и хорунжих у гусар, в кавалерии панцерной, пятигорской и легкой – были зарезервированы для отечественной шляхты.

2. Во второй декаде XVIII в. уровень доверия Августа и его саксонского окружения польскому и литовскому офицерскому составу значительно снизился из-за его позиции во время внутреннего кризиса в Речи Посполитой в 1714-1716 гг. Абсолютное большинство офицеров оказалось связано с конфедератами, не сохраняя верности не только королю, но и гетманам Речи Посполитой. Более того, такую позицию заняли не только офицеры национальных «строев», но и многие офицеры в пехоте, среди драгун и рейтаров, в том числе и иностранцы. Поэтому, после получения контроля в 1717 г. над иностранным контингентом коронной армии, королевский двор начал процесс частичной ротации офицерского состава. Проводил ее фельдмаршал Якоб Генрих Флеминг, который не боялся идти на конфронтацию не только с гетманами, но и со шляхтой. Шляхте же особенно не нравилась кадровая политика Флеминга, который, командуя коронным иностранным контингентом, явно дискриминировал польско-литовскую католическую шляхту при назначениях на офицерские должности. Вместо нее он назначал в полки иностранцев или же шляхту с пограничных и ленных территорий Речи Посполитой протестантского вероисповедания. Что интересно, подобные изменения произошли и в полках пехоты и драгун литовской армии, хотя командование над ними сохранял гетман Поцей. Однако и он, после получения негативного для него опыта летом-осенью 1716 г., когда подавляющее большинство солдат и офицеров отказались ему повиноваться, перестал доверять офицерам польского католического шляхетского происхождения и начал отдавать предпочтение иностранцам и протестантам. В итоге в ходе реформирования обеих армий под конец

второй декады и в первой половине 20-х гг. XVIII в. офицерский корпус наполнился большим количеством немцев, французов, выходцами с Британских островов, ливонцами и курляндцами, а также жителями северо-западного и западного пограничья Польского Королевства.

3. Прием на службу множества иностранцев не привел к явному росту боеспособности коронной и литовской армий. Причины этого можно увидеть в ограничении влияния королевского двора на формирование офицерского корпуса с 1724 г., когда Якоб Генрих Флеминг вынужден был вернуть командование над полками пехоты и драгун великому гетману коронному. Нужно, однако, иметь в виду, что почти все офицеры, назначенные в армию Флемингом, сохраняли свои офицерские звания и должности и, по крайней мере, в течение нескольких десятков лет могли влиять на состав армии. Тем не менее, этого влияния оказалось недостаточно для модернизации армии до европейского уровня, хотя бы саксонской армии. Существенное влияние на это мог иметь слишком скромный военный бюджет Речи Посполитой, принятый на «немом» сейме, который с трудом позволил снарядить две небольшие армии, которые затем влачили жалкое существование. Это означало, что профессиональная подготовка и военный опыт призванных в 1712-1717 гг. офицеров оказались безвозвратно потеряны. Вместе с тем с течением лет они все больше и больше приспособивались к реалиям службы в польской и литовской армии, тем более, что служба в них была спокойная и безопасная, а от офицеров, особенно высокого ранга, не требовалось слишком много. Как правило, было достаточно личного присутствия в своем полку в течение нескольких недель раз в год, а когда офицер постоянно пребывал на месте своей службы, то от него требовалось только исполнение административных функций.

4. Важное влияние на общий уровень всего офицерского корпуса оказывал офицерский состав национальной кавалерии. Это была военно-сословная группа, которую не затронули изменения в армии Речи Посполитой со времен Северной войны и Таноградской конфедерации. Составлявшие национальную кавалерию хоругви гусарские, панцерные, пятигорские и легкие не были модернизированы в те годы ни по снаряжению, ни по обучению, ни по организации. Только из-за высокого спроса на офицерские чины при скромном военном бюджете Речи Посполитой решились на меры, которые, тем не менее, не могли эффективно повлиять на повышение боеспособности хоругвей. К ним относилось уменьшение численности рот: в среднем, до менее чем пятидесяти нижних чинов, а в самых маленьких хоруг-

вах – до менее тридцати жолнеров. Благодаря этому можно было поддерживать многочисленный офицерский корпус, который насчитывал порядка 400 ротмистров, поручиков и хорунжих. Это было слишком много для формирования, в котором должно было быть 8300 нижних чинов на жалованье, а реально служило не более 6,5 тыс. жолнеров. Офицерский состав национального контингента сохранил при этом свое шляхетское и католическое лицо. Социальное происхождение и религиозные взгляды были основными критериями для получения офицерского звания. От офицеров национальной кавалерии никто не ждал и не требовал профессиональной подготовки, военного опыта, а тем более образования – необходимого на воинской службе знания хотя бы основ арифметики и геометрии. Вполне достаточными считались знания, приобретенные во время домашнего образования, навыки верховой езды, стрельбы из огнестрельного оружия и владения саблями.

Подводя итоги. С 1709/1710 гг. до начала 20-х гг. XVIII в. была проведена ограниченная модернизация коронной и литовской армии. По крайней мере с 1717 г. одним из элементов этого процесса была попытка улучшить качество офицерского состава. К сожалению, все ограничилось только частью войск Речи Посполитой, может быть, самой ценной и сравнительно многочисленной – 12 тыс. жалований, что позволяло сохранять на службе ок. 10 тыс. жолнеров – иностранным контингентом коронной армии. В 1717-1724 гг. его офицерский корпус был усилен достаточно большой группой, свыше 100 офицеров, которые обладали хорошей профессиональной подготовкой и военным опытом, полученными в ходе службы в армиях стран Западной Европы, прежде всего – в Саксонии. Несомненно, это способствовало росту лояльности офицерского корпуса королю, хотя, как показали события 1733-1735 гг., – не дому Веттинов. Однако это не привело к продолжению процесса модернизации и увеличения военного потенциала армии Речи Посполитой по многим причинам. Едва ли не важнейшей из них была архаичность военной подготовки офицерских кадров национальной кавалерии.

Abstracts

Olga G. Ageeva. Ceremonious crowning commission 1797.

Russian imperial court; Commission for the crowning ceremony 1797.

The article discusses the coronation commission of Paul I of 1797. It shows the time of establishment and the terms of the commission's activity, its members and composition of ranks, their ceremonial and organizational duties for the preparation of the coronation, the awards and the gratuities received by them.

Michael O. Akishin. The law of war in the armed conflict between the Russians and Yenisei Kyrgyz (XVII century).

Law of war; the Russian state; history of Siberia; Khakassia.

The article establishes that an armed conflict with the Yenisei Kyrgyz does not fall under the European concept of «war» of the 16th – 17th centuries. Under the conditions of military operations, Russian servicemen were ordered to treat the civilians and prisoners humanely. Significant attention in relations with the Kyrgyz was attached to bilateral negotiations and oaths of loyalty. The kyshtim dependence of Kyrgyz from the state of Altyn Khans and the Dzungar Khanate conditioned the use of international legal mediation in Russian-Kyrgyz relations.

Aytugan I. Akmanov. Surveyors and inspectors of the General Survey of the Orenburg Province in the late 18th – early 19th centuries.

General land surveying; Bashkirs; surveyors; revision; disputable cases.

The study examines some aspects of the work of surveyors and inspectors of the General Land surveying on the materials of the Orenburg province of the turn of the XVIII – XIX centuries. The government, despite the difficulties, was able to begin to resolve important socio-economic problems in providing the population with the necessary land.

Irek G. Akmanov. The economic activity of the Bashkirs in the XVII – first half of the XVIII centuries.

Bashkirs; volosts; «roads»; cattle breeding; agriculture; bortnichestvo; «beaver rutting»; hunting; fishery; arable land.

Primary branch of the Bashkir economy of XVII – the first of the XVIII centuries was the semi-nomadic cattle breeding which was complemented with a bortnichestvo, hunting, collecting. During the studied period in the beginning northwest, then in southeast parts of the region agriculture slowly extends.

Vladimir A. Arakcheev. Landowner acquirer in the first half of the 17th century: The problem of inadequate forms of capital in Russia.

Capital; service people; «gosti»; «posadskie ludi»; fiscal policy.

In the article features of commercial and financial activity of the landowner of the first half of the XVII century are considered. The author develops the concept of L.V. Milov about «inadequate forms of capital» in Russia, based on the new archival sources.

Lyudmila M. Artamonova. The School for baptized Stavropol Kalmyks in the context of ethnoconfessional and educational policy in the 18th century.

History of culture; public education; history of the Volga region; colonization; the Orthodox Church.

The education of Kalmyks and the study of their language in Russia in the 18th century is analyzed in the article. It favored the interpenetration and mutual enrichment of cultures, preaching of Christianity, solving the administrative problems.

Marina V. Babich. Around 1730's Military reforms: Field Comissariat Project.

Military reforms of 1730's years; Field Comissariat; military equipment; military inspection.

Based on research of an archive source – Field Comissariat Project – the article discusses the traditional view of military government reform (1736) as an example of «ministerial principle».

Nikita V. Bashnin, Ivan A. Polyakov. Elaboration of prices database for Russia in the XVII century (Based on the materials of the account-books of the Vologda Bishop's House).

Prices; Russian North; Vologda province; Vologda Bishop's House; account-books; source study.

The article deals with the account-books of the Vologda Bishops' House of the 17th century as a source on the history of prices. Database on the prices of goods was compiled on the basis of information from the book of money income and expense 1648/49. The fluctuations in the price of fish were detected, which was due to its different weight when buying.

Aleksey V. Belov. The problem of «arrangement» of educational institutions in Moscow on the eve of the reforms of Catherine II: a network of private schools and boarding houses in 1785-1786.

Schools; public schools; education reform; Catherine II; gymnasium and pensions.

The study, based on the unpublished archival documents, describes the school system of the city of Moscow on the eve of Catherine II's education reform. Special attention is paid to private institutions and pensions.

Elena D. Bespalenok. The Smolensk Trade Company project as a reflection of the mentality of the elite of the West-Russian merchant class of the second half of the 18th century.

Merchants; merchant elite; mentality; public initiatives.

Article considers an initiative of elite of Smolensk merchants of establishing a trading company in Smolensk. This initiative aimed to protect the interests of all merchants of the city and reflected certain lines of mentality of the West-Russian merchant elite of the second half of the 18th century.

Volodymyr P. Bogdanov. On the status of 'imenitye ludi' Stroganovs in the light of the inscriptions on books

Stroganovs; inscriptions on books; genealogy; «imenitye people»; early printed books.

The article is devoted to the social status of the Stroganovs in the XVII century. The author (on the basis of the inscriptions on the old printed Cyrillic books) shows that by 1610 not all the Stroganovs obsessed the honorary right to be called a full middle name. Only of the descendants of Andrew and Peter Semenovich used the title of

«imenitye people». And, most likely, originally it was an honorable name, which had no legally fixed status. Only after the Sobornoe Ulozhenie of 1649 (where the status of «imenitye people Stroganovs» was officially registered) Stroganovs began to actively use this title until they obtained the title of barons in 1722.

Aleksandra V. Bogdanova. The secular population of the Solovetsky archipelago in the 18th century.

The Solovetsky monastery; archipelago; the secular population.

The article deals with the aspects of the social history of the Solovetsky monastery. The author examines the secular part of the population of the Solovetsky archipelago in the 18th century. Participation of different categories of the laity in the life of the monastery is characterized.

Anastasya A. Bogomazova. The acquisition of sea vessels by the Solovetsky monastery in the XVI - first half of the XVII centuries.

The Solovetsky monastery; Poduzhemye, lodja, soima, karbas.

On the basis of account-books of the Solovetsky monastery and its place of salt the article discusses the questions connected with purchase and building of sea courts for needs of a monastery.

Natalia Yu. Bolotina, Arkadiy I. Komissarenko, Antonina Yu. Kononova. The influence of natural and geographical factor upon the economic status of Korelian dvortsovye peasants.

Natural and geographical factor; the economic status of Korelian dvortsovye peasants; the «immigration and settlement» cadastre by I.I. Sumarokov; dozornye knigi; the second half of the 17th century; early 18th century.

The «immigration and settlement» cadastre by I.I. Sumarokov 1702-1703 includes the information about the influence of natural and geographical factor upon the economic life of Korelian dvortsovye peasants of Bezhetskiy and Novotorzhskij uezds.

Viktor E. Borisov. Relatives of Grigory S. Korob'in, deputy of Catherinian Legislative Commission: materials for biography.

Legislative Commission of 1767-1774; the Peasant question; G.S. Korob'in; nobility; the Age of Enlightenment.

The paper accumulates already known and newly discovered information about relatives and biography of Grigory S. Korob'in, deputy of Catherinian Legislative Commission. This information is used as a tool for explaining his position in debates on the Peasant question in the Commission.

Nikolay S. Borisov. The transfer of the Russian church metropolis from Kiev to Vladimir.

Russian History; Church history; metropolis.

The report examines the prerequisites, circumstances and significance of the transfer of the Russian church metropolis from Kiev to Vladimir in 1300.

Mikhail B. Bulgakov. Voevodskye rassyilschiki in the XVII century.

Government service; state employees; service and professional status; voevodskay administration; provincial authorities.

The article discusses the underinvestigated issue of the social position and

professional activities of voevodskye rassylschiki in Russia in the 17th century.

Dmitry A. Bykov. On the issue of publication of manorial documentation of lay landowners, mid-18th – mid-19th centuries.

Agrarian history; serfs; landlord's archives; management of the natural environment.

The article presents documents from Russian landlord's archives as sources for humanitarian and natural-science researches.

Pavel V. Chechenkov. Elite of the Nizhny Novgorod gentry corporation on the eve of the Smolensk war.

Muscovy; the gentry; gentry corporations; estates; Nizhny Novgorod.

The work is devoted to the analysis of the composition and social status of the elite part of the Nizhny Novgorod gentry corporation according to the registers of the 1630s in comparison with the information of earlier documents of a similar nature.

Marina S. Cherkasova. Zavolochye: the information to the extension and update of the concept.

The Russian North; Novgorod and Rostov; the colonization; watersheds of rivers; parishes; the dioceses.

The new documentary information about Zavolochye in the 16th-17th centuries:- Zavolotsk uezd on the Vazha land and Zavolotsk tithe of the Rostov episcopal cathedra on the territories adjacent to the Vologda uezd is presented and analyzed.

Liudmila A. Chernaya. Inscriptions on the triumphal gates of the Petrine era as a historical source.

Triumphal arches; historical source; classification; evolution; features.

For the first time, "inscriptions" on the triumphal arches of Petrovsky time become the object of a special source-study analysis. Classification of inscriptions on the content, language, formal-stylistic principle is carried out.

Dmitry A. Chernenko. The first results of GIS-mapping and statistical processing of information of the Economic notes about the population of towns and suburbs in Central Russia in the late XVIII - early XIX century.

Socio-economic history; historical geography; historical demography; GIS-technologies in historical research; agrarian history; the history of cities.

The work is devoted to the economic history of the Russian cities. The historical source in which this side of the life of the Russian city was described in sufficient detail are the Economic Notes to the General Survey. The first results of a statistical analysis of suburban land based on this source are presented in the article. The study showed that the total population of suburbs in Central Russia could vary significantly and sometimes reached significant values. In fact, it was in the suburbs where a significant and sometimes the largest part of the total population of many cities was located in the end of the 18th and early 19th centuries. Indeed, the population of suburbs has made more than half of the general population in every fourth city in Central Russia in this period. Therefore, it is obvious that the agrarian component of the urban economy was very important, and the urban economy was multistructural.

Sergey V. Chernikov. Factors of career growth and the formation post-Petrine

service elite.

Generals; ruling elite; army; service.

Analysis shows that the careers of the military elite living at the time of Peter the Great mainly depended on social origin, family ties and patronage. Such factors as skills, experience, or professionalism played but a small role. The Russian elite did adapt to the state's new «rational» requirements in the second third of the 18th century only.

Valentin D. Chernyy. Culture at the service of the state ideology of the Muscovy in the era of Ivan the Terrible.

Muscovy; embodiment in monuments; features of interpretation; representation.

The question of the peculiarities of the reflection in the monuments of Russian art culture if the state ideology of Muscovy is considered. The ways of representation of the main political ideas of statehood are analyzed.

Natalia A. Chetyrina. Family documents from the town hall Sergiyevski Posad (1782-1866).

Sergiyevski Posad; property; separate; donative; stopnie; sgovorna.

The practice of inheritance and partitions of movable and immovable property, conditions of possession obtained by inheritance, and property relations between relatives, are discussed, as well as the corresponding ideas about material and spiritual values.

Tomash Ciesielski. Officers of the Polish and Lithuanian army in 1717-1733.

Polish-Lithuanian Republic; Polish and Lithuanian army in the XVIII century; the officer corps; King Augustus II.

One of the elements of the process of modernization of the two armies of the Poland in the second and third decade of the eighteenth century was an attempt to improve the quality of the officers' staff. However, it took place only in the foreign part of the crown. In the years 1717-1724, its corps of officers was filled by a large group, over 100 officers, who possessed some professional experience of military service in the armies of Western Europe, primarily in Saxony. This undoubtedly contributed to the loyalty of this officer corps to the king, but did not lead to the strengthening of the military capabilities of the Polish army.

Eduard L. Dubman. Military people of the Southern part of Srednevolzhie and the uprising of S.T. Razin.

Military people; military Tatars, Chuvash, Mordva; Razshchina; townspeople and peasants; Southern part of Srednevolzhie; Simbirsk.

The article describes the features of mass participation of military men of Simbirsk, Karsunsk and from others defense lines in the events of Razin rebellion (September – the beginning of October 1670) in the Southern part of Srednevolzhie.

Dmitry Z. Feldman. On the question of deviant behaviour of the parties during the surveying works in the Bessarabian province (from the investigation of the Jewish colonists in 1854–1856).

Jewish agricultural colonies; the mid-19th century; the Bessarabian province; Bessarabian regional land survey office; boundary work; estates; deviant behavior; investigative case.

The case on clarification of the boundaries of the estates of major-General S.N.

Starov in Soroka uyezd (the archival fund of Bessarabian land survey office in RGADA) contains interesting documents on the history of Jewish agricultural colony Markuleshty. As can be seen from the documents, during the boundary work there was a criminal incident – a fight between farmers-colonists and soldiers who helped the surveyor.

Boris N. Florya. Peasant transitions in the North-Eastern Russia in the middle – the second half of the XV century.

Peasant transitions; prohibitions of peasant transitions; conditions of peasant transitions.

The article establishes the reasons for the ban of peasant transitions in North-Eastern Russia in the middle of the 15th century, and the development of prohibitions is traced. It also compares the conditions of the peasant transition in North-Eastern Russia in the second half of the 15th century and in Poland in the second half of the 14th century.

Ekaterina B. Frantsuzova. New sources for socio-economic study on Russian history of XVIth - XVIIth centuries.

Salt production; Solovetsky monastery; accounting documents; business books; income and expenditure books.

The article deals with aggregate sources, reflecting the main indicators of development of salt production in the Solovetsky monastery, the assessment of their reliability.

Alexey A. Frolov. Cadastral books on Novgorodian Land: collection of Pomestny Prikaz, col. 1209 RSAAD, inv. 3.

Cadastral books; Pomestny Prikaz; RSAAD; collection 1209; Novgorodian Land.

The article traces retrospectively a destiny of manuscripts formed collection 1209 in the Russian State Archive of Ancient Documents. Especial attention is paid to manuscripts of inventory 3 from Novgorodian land property archive. The base of it was formed by remains of archive of Novgorodian Prikaznaya Izba postponed before Time of Troubles.

Przemyslaw Gavron. Officer's service in the foreign formation troops of the Polish-Lithuanian Republic as a social Elevator in the reign of the first two kings of the Vasa dynasty (1587-1648).

Polish-Lithuania state; Polish army; Lithuanian army; officer corps; foreign modelled regiments; social climbing; Sigismund III Vasa; Wladislaus IV.

The officer, having served in foreign – modelled regiments in Polish – Lithuania Army, had a different possibilities of civilian career. Some of them – mostly members of social elites from Royal Prussia, Livonia or Courland – finished their service as members of senatorial order, sometimes with very prestigious offices, like Jakub Wejher. A part of ex – officers, thanks to the support of their commanders, was able to become nobles, having started their families and making reasonable money in the Commonwealth, e.g. John Donoway. It is not allowed to forget about many of them, who lost their lives on the King's and Commonwealth service or remained only "Soldiers of Fortune", having left country to find better employment abroad. Some officers from Ducal Prussia found their safe haven in Prussian army during Friedrich Wilhelm "Der Grosse" reign.

Vladimir N. Glaziev. Military service and participation in local authorities of Chernozem region gentry in the 17th century

Chernozem Region; XVII century; service; noblemen; small landowners; local authorities.

Service obligations of Chernozem gentry led to the social differentiation of this stratum. Noble elite were awarded with the access to local authorities for their service.

Aleksei A. Golubinskii. General Land Survey in the parcel of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra – ordinary and unusual in boundary process.

General Land Survey; The Holy Trinity-St. Sergius Lavra; attorneys; witnesses; ground notes; plans.

This article deals with preparing and realization of General Land Survey on the parcel of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra, including involving of attorneys and witnesses, technical aspects of boundary and its registration in survey acts.

Anton A. Gorskii. 700 years of first Moscow step to the status of all-Russian capital.

Moscow principality; Grand principality of Vladimir; Jurii Danilovich.

The article studies the fact of first occupation of Grand prince's throne by Moscow prince in the context of Old Russian traditions of inheritance.

Lyudmila P. Goryushkina. Polish-Lithuanian ambassadors' reception during the reign of Vasilii III and Ivan IV: brief study of exact dates.

Ambassadors' reception; exact dates; liturgical calendar; weekly cycle.

The article studies exact dates of Polish-Lithuanian ambassadors' reception at Moscow Court: relation with liturgical calendar and weekly cycle.

Anatoly L. Gryaznov. «And the land will be divided according to its shares»: the theory and practice of preserving the patrimonial landowning of the princes Kemsky.

Landownership; ancestral lands; property; genus.

The article studies the mechanisms of preserving patrimonial land tenure used by the princes Kemsky.

Alexandre Husson. Defensive organization on the territory of the Don's Voïsko in 1738.

Russia's Turkish War (1735–1739); Don Host; Don Host's defense; Crimean Khanate; Kalmyk Khanate.

The article highlights the main tactical directions, around which the Don Atamans' actions were developed, for the establishment of a defensive system on their territory during the 1738 military campaign.

Guzel V. Ibneyeva. Catherine II and the merchant community of Yaroslavl: an experience of political resolution of the problems of city self-government in the 60s. of the XVIII century.

Merchantry; magistrate; city self-government; petition.

The article analyzes Catherine II's actions for resolution of the conflict in the city community of Yaroslavl in 1767, which has been caused by the discontent of the merchants of the second and third guilds by the uneven and disorderly charges

imposed by the magistrate.

Ananiy G. Ivanov, Alexey A. Ivanov. Yasak Mari community of the Kozmodemyansk district in the late XVII – the first quarter of the XVIII century.

Yasak Mari community; functions; Kozmodemyansk district.

The article discusses the most important aspects of the village community of mountain Mari of Kozmodemyansk district dealing with land ownership, land use, fiscal and dexterous functions, peasant household and the position of yasak people during the Petrine reforms.

Mikhail V. Kalinin. Preparation trip of Catharine the Great to the Baltic governorates.

Trips of Catherine the Great; road duty; Baltic governorates.

The article discusses the stages of preparations for the journey of Catharine the Great to the Baltic governorates, as well as the organization of road reconstruction in the western Russian and Baltic governorates.

Elena V. Kamarauli. About the prospects of comparative analysis of the data cadastres and desyatni 20-30-ies of the XVII century.

Cadastres; desyatni; land service; the military service of the Corporation; serving «the city»; the Voronezh district.

The article discusses the scientific potential of the comparative analysis of cadastres and desyatni in the first third of XVII century. The aim of this work is to show the possibilities of sources to analyze the dynamic relationship of service and tenure.

Valery V. Kanishev. The influence of the «little ice age» on the peasant economy of South-Central Russia in first half XIX century.

The history of the climate; the South-Central Russia; the «little ice age»; the peasantry.

The article attempts to show the release mechanism of the Russian society of the Central region of the «little ice age», given the specific facts showing the effect of transient climatic processes on the peasant economy of the region.

Sofia I. Khazanova. The two editions of «The Ladder of Jacob»: A comparative study.

Redaction; Ladder; translate; list.

«The Ladder of Jacob», known only in Slavonic translation, has preserved two editions. The main difference of second edition is the large pray of Jacob with jewish words. The circumstances of the emergence of the editions are discussed.

Dmitry A. Khitrov. Borders of counties on Russian large-scale maps of the 18th century

Historical geography; historical cartography; GIS in historical research; maps of Petrine geodesists; General surveying.

The specifics of Russian large-scale maps of the XVIII century are considered, and especially the mapping of uezd borders on them.

Mikhail A. Kiselev. The announcement of the freedom of the Russian nobility to serve and not serve on January 17, 1762.

Russia in XVIII century; history of estates; Peter III.

The article analyzes the speech of Peter III in the Senate on January 17, 1762, during which he announced his decision to grant the Russian nobility the freedom to serve and not serve. It is shown that this was the result of the influence of European representations about nobility.

Kirill A. Kochegarov. The Riot of Grigory Kosagov regiment on Zaporozhie: the unknown episode of the first Crimean campaign of 1687.

First Crimean campaign; Grigory Kosagov; Zaporozhian Sech.

The riot of Grigory Kosagov regiment outburst in the end of July – beginning of August 1687 on *Zaporozhie*. The troops disliked the harsh winter service in 1686/1687 and left their position fearing that they will be obliged to serve all the next season.

Elena L. Konyavskaya. Smolensk in the Late XII – First Third of the XIII Century by Annalistic and Hagiographic Sources.

Annalistic information; Life of Abraham of Smolensk; trial.

The article analyzes the information of chronicles and the Life of Abraham of Smolensk, concerning the internal life of Smolensk.

Vera A. Kovrigina. Royal gunpowder mills on the river Yauza and their tenants: On the issue of the activities of Western European entrepreneurs in Russia XVII - the first quarter of the 18th century.

Manufactory; powder mills; entrepreneurship and state power; Western European «cessionaires»; forms of business activity.

The history of powder mills on the river Yauza in the 17th - first quarter of the 18th century is discussed, with the focus on the features of the powder manufactory, the relationship of state power and foreign entrepreneurs, legal conditions for holding and transferring mills to other tenants.

Elena S. Korchmina. The agreement between creditors and the debtor as a way of paying a noble debt at the turn of the 18th-19th centuries (the case of Prince AN Golitsyn).

The economic history of Russia XVIII-XIX centuries; nobility; debt; Golitsyn A.N.

One of the most effective ways of paying off a large debt of a Russian aristocrat is considered - a mutually beneficial agreement between the parties.

Lydia V. Koshman. Local communities of Russian cities in the late 18th – 19th centuries. Socio-legal status.

City of modern era; townspeople; estates; intelligentsia; suffrage.

Gradskoye obschestvo - a socio-legal institution in the city of modern times, its composition and transformation in the 19th century is analyzed.

Natalia V. Kozlova. «To perform any required work...»: «posluzhivcy» in the homes of inhabitants of Moscow.

Nobles; «boyar's men»; house-serfs; business activity; testaments; property status; entries of serfdom.

The article characterizes the position of the certain groups of house-servants, their real status, degree of dependence and personal liberty. The treatment of the business activity type, legal and property status of those house-serfs, who were defined in the

sources as «posluzhivets», is based on the entry books (registers) of the Moscow bondage office (*krepostnaya kontora*) within the first quarter of the XVIII cent.

Piotr Kroll. Portrait of the Cossack elite in the Army Zaporozhye in 1648-1687.

Cossacks; Hetmanat; Ukraine; Cossack elite; colonels; hetman.

This article presents the evolution of the Cossack elite - the Hetmanat - which was formed by the central offices of colonels and other Cossack elite. It has emerged during the process of building the state by B. Khmelnytsky and was subject to constant changes, first of all connected with the hetman's policy, his fall or death, and also the actions of the war (death). This group over time gained more and more power, trying to take part in governments, also gained wealth and influence among the Cossacks.

Tatjana A. Kruglova. Contemporaries of the Hetman K.G. Razumovsky about the Reasons for his Dismissal in 1764.

Little Russia; Hetman K.G. Razumovsky; Sergeants; reasons for the abolition of the Hetmanate; hereditary Hetmanate; historical tradition.

The article establishes the hypothesis about the emergence of the «Note about the cause of the dismissal from the dignity of the Hetman count Kirill Grigorievich Razumovsky» in the circle of high-ranked Ukrainian starshina in the late 18th century in the oral form.

Alexey O. Krylov. References to sources of homilies in the book of St. Dimitry of Rostov «Miracles of the Most Holy and Most Blessed Virgin Mary».

St. Dimitry of Rostov; Russian culture in second half of 17th century; Kievan theological tradition.

The report analyzes the author's references to sources of the homilies of St. Dimitry of Rostov in the book «The miracles of the Most Holy and Most Blessed Virgin Mary». St. Dimitry mainly resorted to the writings of the Eastern Fathers of the Church. St. John Chrysostom is quoted most often. If it was necessary to bring information from civil or natural history, St. Dimitry appealed to ancient authors or European writers of the 16th-17th centuries.

Oleg A. Kurbatov. Officers of a Reiter regiments in 1653–1658: Experience of the prosopographic analysis of graduates of the first Russian officer school (on materials RGADA).

Russian nobility; military reforms; regiments of «new order».

Examines the causes and consequences of the creation of Russia's first drill of the officers' school for training the command personnel of the regiments of «new order» from the Russian nobles and gentry. On the basis of a prosopographic analysis of the school graduates concluded its important role in the creation of a new «social lift», associated with military service, for gentry.

Igor V. Kurukin. «Fear of the future anxiety»: The original so-called «first application» of the nobles to empress Anna Ioannovna and its authors in a coup of 25 february 1730.

Anna Ioannovna; coup d'etat; «conditions»; guard.

The article is devoted to the finding in the RSHA of the original so-called «first application» of the nobles to empress Anna Ioannovna on 25 February 1730. According to the author, the document can be interpreted as the action of the

«party», which advocated the restoration of the autocracy.

Aleksei V. Laushkin. The Navigation functions of the coastal crosses in the Pomors manuscript sailing directions of the XVIII-XIX centuries.

Russian North; Pomors sailing directions; traditional sailing; cross.

The crosses mentioned in the Pomors sailing directions used to identify geographic objects, to lay the course in narrow waters and to designate convenient anchorages.

Iakov A. Lazarev. Evolution of the ideas of the Russian ruling elite about the ideal form of management of «Malorossia» in 1654-1764. (to the formulation of the problem).

Malorossia; the Russian ruling elite; The Voisko of Zaporozhye; Hetmanate Ukraine.

The paper considers the views of the Russian ruling elite on the ideal form of management of «Malorossia» in 1654-1764 and the reasons for their evolution. The author analyzes the shortcomings of the established sociological schemes of Russian-Ukrainian relations.

Arina V. Lazareva. «And there will be peace brought between states»: Russian ideas about Europe at the time of the first Romanovs.

Security; peace-time; cosmography; Russia; Holy Roman Empire.

The article analyzes the ideas of Europe in Russia under the first Romanovs. The need to recognize the legitimacy of the new ruling dynasty was linked to the search for an equal partner in Europe. Relying on a number of worldview stereotypes, Russian politicians saw the Holy Roman Empire as such a partner.

Pavel V. Lukin. The fines and executions of Prince Vladimir Svyatoslavich: South Slavic parallel to the 6504 (996) article of the Initial Chronicle.

Old Russian Law; Slavic Law; L.V. Milov; Old Russian chronicles; Venice; Ragusa; Serbia; Vladimir Sviatoslavich.

The article offers a new interpretation of the highly controversial issue of reliability of the account of the Primary Chronicle (under 996) on the alleged unsuccessful «judicial reform» of Prince Vladimir Sviatoslavich aimed at replacing fines for homicide with death penalty. Many historians (unlike L.V. Milov) tend now to argue that it is not a reliable evidence of any real events. A comparative study of a conflict in Ragusa in early 14th century over a similar issue with Serbia and Venice having been involved in it as reflected in Ragusan and Venetian sources shows that, on the contrary, it may be corroborated by undoubtedly trustworthy data.

Denis A. Lyapin, Irina N. Afanas'eva. Rural churches of Yelets uezd according to the pizovaya kniga of 1691.

The South of Russia; Yeletsky district; a rural Church; scribe description 1691.

The article is devoted to description of the size of the rural churches of Yelets uezd according to the pizovaya kniga of 1691. The authors come to the conclusion about the apparent shortage of churches in this region.

Alexandr V. Malov. The Heads and Centurions of the Moscow Streltsy in repelling the invading army of Vladislav in 1617-1618.

Russia of the XVII century; Smuta; the commanders of an average link; the Heads and centurions; Russian Streltsy (Sagittarians/Arquebusiers); prosopography

The article is devoted to possibilities and prospects of the prosopographic method in the study commanders middle managers – the Heads and Centurions – of the Moscow Streltsy (Sagittarians/Arquebusiers) in the period of the campaign the Prince Vladislav to Moscow, 1617-1618.

Tatiana A. Matasova. The sources of a «positive» image of Zoe Palaiologina in Russian historiography.

Zoe Palaiologina; Nikolay Karamzin; historiography; legends.

The essay discusses the reasons, time and nature of a regular «positive» image of Zoe Palaiologina as an eminent figure of Russian history. Based on a wide range of sources, the author comes to the conclusion that the «turning point» in this case was the 17th century.

Nikolaj A. Mininkov. Sysknye Nachalstva in the Don in the 18th century and the beginning to the formation of the inner administrative division of the Land of Voisko Donskoe.

Voisko Donskoe; administrative division; sysknye nachalstva; the movement of the Don Cossacks 1792-1794 years.

The emergence of administrative division in the Land of Voisko Donskoe in the eighteenth century was caused by the need for investigation of fugitives. Since the late 1780s the territories of investigators begin to form the administrative units.

Svetlana S. Mints. On the changes in the source studies of the post-modern era.

Postmodern; historiographical sources; historical context; mass sources.

The article focuses on the operational nature of the concept of «historical source» and related features of the source study of the Postmodern era: changing priorities for historians toward the source, transforming «traditional» sources and the emergence of new types of sources, folding source studies of historiography and other system historical disciplines. An example of such transformations is the transformation of the historical context (extrinsic knowledge in classical source study) into a source form.

Yury A. Mizis. Peculiarities of the formation of social psychology of the population of southern Muscovy in the 17th century.

Southern border; psychology; colonization; voevods; servicemen.

The article examines the features of the formation of social psychology in the South Russian borderland in the 16th–17th centuries, the intertwining of the old peasant psychology of bondmen and serfs, and the formation of a new psychology of the military class.

Vladimir I. Moryakov. Autocracy and serfdom in Russia in the assessment of Diderot and Reinal.

Reinal; Diderot; Catherine II; autocracy; serfdom; Education; natural and climatic conditions; enlightenment; supreme power; absolutism.

In the XVIII century, Russia became a powerful European power and it attracted the attention of Europeans, especially the French, who were influenced by the ideas of the Enlightenment, which reached its peak in France. French enlighteners Reinal and Diderot, who wrote about Russia, saw it as far from civilization. The main obstacle to the progress of the country was the autocratic system and serfdom.

Ludmila V. Moshkova. The oldest Russian books including diplomatic documents: the time of its formation.

Books including diplomatic documents; «posolskie knigi»; codicology; paleography; the beginning of the XVIth century.

The article is devoted to the definition the time of creation the oldest books including diplomatic documents of the last quarter of the 15th century and the beginning of the 16th century.

Tofiq T. Mustafazade. Classification and characteristics of the documents on History of Azerbaijan in the first quarter of 18 century in the Russian archives.

Azerbaijan; sources; Archives of the Foreign Policy of Russian Empire; 18th century; documents.

The author classifies and characterizes the documents on Azerbaijani history in the first quarter of 18th century in the central and regional archives of Russia.

Arthur R. Mustafin. Revisiting the Role of A.Ch. Luberas' Projects in the Collegial Reform of Peter the Great.

Collegial reform; Projects of A.Ch. Luberas, the history of statistics, the history of clerical and archival works.

The study shows that A.Ch. Luberas' projects did not have a significant influence on the course of the collegial reform of Peter I. A.Ch. Luberas was aimed at organizing the accounting in Russia.

Vladislav D. Nazarov. Ivan III, Sophia Palaeologus and Prince Vasily Kholmsky (to the history of political struggle in Russia at the turn of the 15th-16th centuries).

Dynastic crisis of the late XV - early XVI centuries; Ivan III as an arbiter of the political struggle of the court "parties"; Sophia Palaeologus and Basil III; clan kn. Patrikeevs; D.D. Kholmsky and his sons, Semyon and Vasily.

In this work, a systematic analysis of the political process in the Russian state in the 1490s – 1500s is undertaken. In the context of a complex study of domestic and international events, with the specification of the personal composition of the opposing factions and their orientation to one or another candidate for the status of co-regent-heir of Ivan III. The basis is the receipt of new, unintentional (passing) information from traditional narrative and documentary texts. This allowed us to clarify in many ways the motives and forms of the struggle of the court "parties", the changing status of Ivan III as a moderator and arbitrator, the role of Sophia Paleologus and her elder son Vasily, the position of Prince Kholmsky and the clan of Princes Patrikeev.

Sergei A. Nikonov. Marine coastal economy of the Saami of the Kola district in the second half of the 18th century.

Saami; sea fish and animal fisheries; Murmansk coast.

The article discusses one of the sectors of the economy of the Saami of the Kola district – fish and animal fisheries on the coast of the Barents and White seas. The main source of study was the statistical registers 1764 and 1785-1786. The registers helped to highlight the forms and techniques of fisheries and their relation with the development of trade relations, the volume of fish production.

Valery N. Nikulin. Rural community of peasants in Novgorod in the first post-

reform years.

Novgorod Province; peasantry; community; self-governing community of peasants; village headman; village community gathering.

This article explores the nature of the rural community in one of the north-west provinces of Russia. The structure of the rural authorities, their functions and activities are described. The article also describes the relationship between the members of the self-governing community of peasants and the elective rural administration.

Andrey I. Papkov. «Frontier» or «Ukraina»: two approaches to the study of the history of Russian the mastering of the Dnieper-Don forest-steppe in the XVI–XVIIth centuries.

Russian Tsarstvo; South of Russia; Dnepr-Don forest-steppe; Krym Khanstvo; Polish-Lithuanian Commonwealth; frontier; borderlands.

This article deals with the process of Russian territorial expansion to the south in the XVI–XVIIth centuries. The author compares the possibility of using different terms to describe this process.

Svetlana L. Perechitskaya. The runaways at the Volga-Don portage at the end of the XVIII century.

Peasantry; recruits; The Land of Voisko Donskoe; Tsaritsyn region; state audit; legalisation of social status.

The article sets out the main groups of runaways from Central Russia, Upper Volga regions to the Lower Volga and the Don regions at the end of the XVIII century; it demonstrates variants of their reintegration into the society and unveils the role of state institutions and private persons at the time of that process.

Alena N. Permiakova. «Sovereign's disgrace»: between law and tradition. Legal registration of the institute of opala in the second half of the XVII - first quarter of the XVIII century.

Disgrace; political crimes; the Council Code; «Slovo I delo».

The study focuses on the problem of the transformation of the institute of «sovereign's disgrace», its legal regulation. In this connection, it is proposed to look at this phenomenon from the standpoint of religious and legal approaches.

Konstantin V. Petrov. From the enactment of the law to its bringing to the population: administrative procedures in the 17th century Russia.

Muscovy; legislation; history of law, Russian state, medieval law, sources of law.

In the work on the basis of stolbtsy record keeping, the procedure for bringing the laws to the attention of the authorities and the population of the country is being investigated. Observations are given regarding the dating of laws and their entry into legal force.

Nikolaj N. Petrukhintsev. The officers of A.D.Menshikov's Ingermanland Regiment in the early 1720s

Officers, Peter's reforms, AD Menshikov

The article deals with the composition of the officer corps of one of the privileged regiments of the Russian army at the end of Peter's reign. It is shown that we was more democratic than the officer corps of the army as a whole.

Sergey V. Polekhov. The use of the word «knyazhestvo» in the documents of South-Western Rus' of the late 14th century.

Diplomatics; historical terminology; Podole; sphragistics; South-Western Rus'.

In the paper the problem of the meaning of the word «knyazhestvo» in the corroboration of the documents of the rulers of South-Western Rus' – dukes Koriatoviches (Koriatowicze) and Władysław Opolski – is considered in the light of their sphragistics, Ruthenian and Latin diplomatics. The author comes to the conclusion that the word «knyazhestvo» meant not a duchy or principality in the modern (territorial) sense, i. e. a territory ruled by a duke, but a ducal dignity, majesty; its appearance was caused by these dukes' tendency to strengthen their power.

Irina G. Ponomareva. Early information about Postel'niks, Postel'nichies and Postel'nyj put'.

Palace; Palace ranks; Postel'nik; Postel'nichiy and Postel'nyj put'.

This study touches upon the records mentioning postel'niks, postel'nichies and Postel'nichiy put' before the rule of Ivan III. The materials do not contradict narrative of them at a later time. We can assume that the postel'niks existed at the Moscow court in the XIV century already. The rank of postel'nichiy, possibly, appeared only in the XV century, along with the separation of its department from the Palace.

Petr I. Prudovsky. «In case they demand of him to travel to Stockholm...»: A clause in Russian ambassadorial instructions of the 17th century, its origin and use.

Source studies in Russian history; Ambassadorial chancellery (Posol'skii prikaz); diplomatic records; nakazy (ambassadorial instructions); 17th century; Russia and Sweden.

The study discusses the question of when and why a clause was added to the instructions given to diplomats going to Denmark, the Netherlands and other European countries via Swedish lands on the Southern coast of the Baltic sea, assuming that they could be required by the Swedish authorities to travel to Stockholm.

Viktor P. Pushkov. The portrait gallery of recruits of Verhokamyje.

Recruiting; anthropometry; physical description.

Lists of recruits with indication of their height, age and description of main portrait features (face, nose, colour of eyes, hair, eyebrows and special features) give a fair presentation of outlook of male population of Verhokamyje region in the 1710s-1730s.

Aleksey I. Razdorskiy. Government actions for fight against alcoholism in the 17th century: prerequisites, realization, results.

Antialcoholic policy; economic history.

In the article the prerequisites, realization and results of the government actions directed to fight against alcoholism in the 17th century both on local and at the nation-wide level are analyzed on the basis of the cash-books of Moscow of the 17th century.

Aleksandr A. Rogozhin. A.D. Menshikov and his «minions»: patronage in the

service career of the generals of the Russian army at the beginning of the XVIII century.

Generals; service; patronage.

The article touches upon the issue of patronage among the generals of the Russian army at the time of the Great Northern War (1700-1721), discussing the main mechanisms of the patronage of A.D. Menshikov.

Maxim J. Romanov. On the question of «service honour» of the officers of Moscow Streltsy in the hierarchy of the Tsar's court in the 17th century.

The Tsar's court; the official hierarchy; court rank, officers of the Moscow Streltsy

The work is devoted to determining the social status of the nobility, who served in command positions in the units of the Moscow streltsy. It discusses the possibility of the existence of the rank of the Head of the streltsy's as a special stage in the hierarchy of the Tsar's court, and considers the main stages of the personnel policy, which aimed to increase the prestige of their service.

Aleksandr P. Sannikov. Irkutsk almshouses of the XVIII century: the first experience of social charity in the Baikal region.

Irkutsk diocese; almshouse; Orthodox clergy; system of social charity.

The article discusses the history of the organization and activities of the first almshouses in the Baikal region. It was the experience of institutions of social charity. In a relatively short time in Baikal region they were 26. At the end of the XVIII century they lived 181 people. However, their content was scarce and life is tough.

Adrian A. Selin. Novgorod Tartars and Novokreschens (newly baptized Christians) XVI–XVII centuries: A prosopographic study.

Tartars; Newly-Baptized; Novgorod Land; settling; conversion; prosopography.

The article deals with the history of shaping of the small social group settled in Novgorod Land after 1550. The prosopographical method is used to study the group under consideration. About 418 biographies of Tartar and Newly Baptized were studied. The main sources for the study are documents from Razryad (service lists) and Pomestnyj Prikaz (Chancellery for Estates); also local Novgorod Court documents add information on the Tartar group. The history of Novgorod Tartars started in about 1550s; at that time, in mid-16th century, groups of Tartars from Astrakhan and Kazan were settled in local spaces in the eastern part of Novgorod Land (Sugletsa and Udomlya districts). They were at the czar's service; so they received land estates in Novgorod Land, settled with local Orthodox peasants. Then, during the considered time (1550-1611) different groups of Muslim population appeared in Novgorod (from Azov, Crimea, Bukhara); for long time these groups kept special self-identities. The conversion problem (transfer of Muslims to Orthodoxy) is also specially studied in the article: the baptizing process was slow but the Orthodox space surrounded local Tartar groups continuously led them to Orthodoxy. In 1605 there were 197 Newly Baptized Tartars and 48 Muslims. After the Time of Troubles the differences between local groups of Tartars disappeared. Districts of compact Tartar settling became waste. Most of the Tartars lost the land estates and started to serve for food and salary; but up to the Great Northern War the special group on Novgorod servicemen successfully preserved.

Oleg V. Semenov. Statutory yams charters as a source on the history of

government communications in the Moscow state of the mid-16th – 17th centuries.

Statutory charters; yam messenger system; yamshchik.

The article characterizes the statutory charters for yams sloboda, and analyzes their terms. It is shown, that the privileges of yamshchik did't generally differ from the other categories of the population.

Anton V. Sergeev. Mestnicheskie collisions of princely families of Muscovy in the 16th and 17th centuries: dynamics and tendencies.

Princely families; social status; mestnichestvo; dynamics.

In the article on the basis of the chronological register by Y. M. Eskin dynamics of the mestnichestvo conflicts of princely families is discussed and interpreted. The link between of number of collisions and the growth of social status is established.

Oleg V. Skobelkin. «Nemtsy» in the Russian military service during the Time of Troubles

Nemtsy at service; Time of Troubles; the 17th century; career.

In the article, on the basis of the analysis of narrative sources, cases of rapid promotion of the West-Europeans («Nemtsy») in the Russian military service in the reign of False Dmitry I and Vasilii Shuisky are considered. It is concluded that such a sharp career rises were possible only in the Time of Troubles.

Elena B. Smilianskaia. Autobiography, or a State Debenture bond? John Elphinstone's Narrative about His Service in Russia of the Age of Catherine the Great.

Russian Empire; British Naval Forces; Greek Archipelago; Russian fleet; Catherine the Great; Russo-Turkish wars.

In 2003 the Princeton University Library bought the collected papers of John Elphinston, the British seaman and rear admiral in Russian service during the reign of Catherine the Great, and among the other documents a big Narrative on Elphinstone's service during the Russian Archipelago Expedition in 1769-1771. Elphinstone's Narrative may be considered as a rather discreditable source for analysis of the Russian Court and especially of the Russian Navy, but it offers a rare opportunity to study a *detailed alternative version* of important events and of the British impact on the Russian naval history of the eighteenth century.

Yuri N. Smirnov. The contribution of V. Tatishchev and employees of the Orenburg expedition (commission) to the cultural development of the Russian frontier.

Russia in the 18th century; colonization; history of culture; education; linguistics.

The article shows the outstanding role of I. Kirilov, V. Tatishev, P. Richkov and other state and cultural figures in the establishment of state schools on the Volga-Ural territories, in learning languages of the peoples of Russia during the activity of the Orenburg expedition (commission).

Natalia V. Sokolova. Lexical unit «volost» in the XVI–XVII centuries Nizhny Novgorod sources (An attempt of historical and semantic analysis).

Volost; community; Nizhny Novgorod Volga region; metonymy; vagueness; lexico-semantic archaism.

The article presents the results of a historico-semantic study of the lexical unit

«volost» on a wide range of sources from the 16th to 17th centuries that relate to the Nizhny Novgorod Volga region. The study of context-dependent values in dynamics confirmed the hypothesis about the evolution of this concept's content.

Liliya G. Stepanova. Regional ecological history on the basis of the Economic Notes to the General Land Surveying of the Russian Empire: a comparative aspect.

Ecological history; Economic notes; General land-surveying; database; natural environment; the soil; forests; animal world; vegetable.

The article deals with the possibilities of studying the ecological history of the region on the basis of the materials of the Economic Notes to the General Land Surveying of the Russian Empire. A comparative analysis of the possibilities of these sources for Starorussky, Borovichevsky, Krestetsky and Valdai in Novgorod province districts is carried out.

Anastasia G. Suslina, Maxim L. Bogomolov. Kinship links in the peasant community in the second half of the XVIII century according to the documents of the village Spassky and some others in Ruzsky district.

Peasant community; peasant family; kinship links.

In the article the kinship links into one peasant community of Moscow province are reconstructed on the basis of the revizia documentation.

Arkadiy E. Tarasov. The Ivan`s III Camel: To Grand Duke gift for Pskov embassy in 1463/1464 year.

Medieval Rus`; old literature; archbishop Iona; canonic law; mentality; Novgorod; symbolic perception; sacredness; animal characters.

The article is an attempt to explain the symbolic meaning of the gift (a camel) by Ivan III for Pskov embassy as his answer to Pskov`s request for organizing new church dioceses.

Victoriya V. Tkachenko. Kyiv antiquities through the eyes of travelers of the 18th century.

Historical memory; travel; Kiev.

The report reflects the results of an analysis of the complex of memories of travelers of the 18th about visiting Kiev. Examples of travelers' perception of Kyiv are given.

Andrej S. Usachev. About the customer of manuscripts and «hegemonies of the monastery of the Trinity Monastery» in the Russian Church at a boundary of the 15th – 16th centuries.

History of the Russian Church; the sixteenth century; the Trinity Monastery; the Ryazan diocese; the Ryazan bishop Protasius; the manuscripts; colophons.

The identity of the customer of a number of manuscripts of the sixteenth century is considered. It becomes clear that in this role the Ryazan bishop Protasius (1496–1515/16) has acted. Apparently, he was a graduate of the Trinity Monastery. There he has lived after his retire. The appointment of Protasius on the Ryazan diocese has been connected with process of strengthening of positions of graduates of the monastery Trinity Monastery. Its abbot in 1495 became a metropolitan.

Lydmila N. Vdovina. About the history of some of the concepts in Russian political culture of XVIII century.

Historical concepts; Fatherland; nation; son of the Fatherland; citizen.

In the formation of Russian political culture in the XVIII century such historical concepts as «Fatherland», «nation», «citizen», «patriot» played an important role. Appealing to the texts of various sources, the author presents the content and evolution of these concepts. The analysis showed that the process of establishing the Imperial community, relied on ideological myths and their emotional perception.

Vladimir S. Velikanov. Prosopography of the Russian high-military command in 1687.

Crimean campaign of 1687; Russian high-military command; second half of the 17th century

The article is dedicated to the prosopography of the Russian high-ranked command in 1687. It shows that the origin and gentleness were still the key factors in military appointments in spite of the cancelation of the mestnichestvo in 1681.

Dmitriy M. Volodikhin. The nature of the regimental commander's prince D. V. Shchenia and boyar Y. Z. Koskin conflict in 1500.

Russia; Moscow-Lithuanian wars; the aristocracy; the military-political elite; the honor of the family (clan); the order of precedence.

In the late XV – early XVI century the newborn the Muscovite state political and military elite was formed. In this regard, extremely important was to form a single body of the elite of several heterogeneous elements, to provide her with the preservation of family honor and a high level of material well-being. Named tasks are performed through the overcoming of conflicts, one of which, the most famous, is analyzed in the article.

Alexandr V. Vorobev. Legislative Commission of 1700 and the fate of the Felony chancery in the beginning of the XVIII century.

Felony Chancery (Razboinyi prikaz); Legislative Commission of 1700; Petrine reforms; Moscow Judicial Chancery (Moskovskii Sudnyi prikaz).

The Felony Chancery (*Razboinyi prikaz*) was abolished by the edict of Peter I in 1701, though the cause and circumstances of this decision are obscured. There is some little-known data in the drafts of a special commission that was working to create the New Code of Law (*Ulozhenie*). Studying this data helps us to understand better the abolition of the Felony Chancery.

Igor N. Yurkin. The correspondence of Prince M. P. Gagarin and Razryadnyi Prikaz 1701 and 1702 years: approaches to the publication of the source for the history of science and technology in Early Modern times.

Ivanovsky Canal (channel); M. P. Gagarin; Razryadnyi Prikaz; the publication of historical sources.

The article discusses the perspectives of the the publication of the correspondence of M. P. Gagarin with the Razryadnyi Prikaz concerning the construction of the Ivanovsky channel. Criteria for the selection of documents for publication dedicated, as well as the level of preservation of the documents.

Rasikh B. Zaytunov. Issues of land security of the rural population of the Orenburg province in the second half of the XVIII century.

Orenburg region; the land; the Bashkirs; Ulozhennaya Comission; the economic development.

The article considers some peculiarities in the formation of landowning in the Orenburg province in terms of socio-economic development of the region in the second half of the 18th century.

Anastasia V. Zhiborkina. The demographic behaviour of the peasantry of the Velikiy Ustyug region in the 1st of 18 century.

Historical demography; demographic behavior; census books; peasant family.

The article is devoted to the demographic behaviour of peasants of Velikiy Ustyug region in the 1st quarter of 18 century on the census books. It deals with the problems of family structure, mating behavior, widowhood, etc. Besides the article is concerned with the problem of connection between the demographic behaviour and the socio-economic situation in the region.

Tatyana V. Zhibrova. «Price lists» of South Russian customs and pothouses of the XVII century as a historical source.

«Price lists»; custom; tavern; pothouse; customs head; tax-farmer.

The article concerns with the research of «price lists» of customs and pothouses in the South of Russia in the XVII century. The author analyses the facts, received from «price lists», their structure and contests, reasons of being written.

Vecheslav D. Zhukov. «The instructions about slaves» as a source on the history of state redamption of captives from the Crimea (1620 – 1630s).

The redemption of captives; the instructions; the Crimean Khanate; Ivan Fustov; Ivan Lomakin; Dmitry Skuratov; Nikita Postnikov.

The paper considers the type of documents previously not involved in the research “pamyati” for the redemption of prisoners. Their role in the activity of the Moscow embassies in the Crimea are shown.

Mariya A. Zin’ko. Mikulinsky uезд of the Russian state: status and structure.

Cadastres (books of scribes); uyezd (district); stan.

The article is devoted to the study of status and structure of Mikulinsky uезд. The author shows that Mikulinsky uезд became part of Tverskoy uезд in the middle of the XVIth century, and later, by the end of the century, it has turned into its stan.

Список сокращений

АВПРИ	Архив внешней политики Российской Империи
АЕ	Археографический ежегодник
ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией Академии наук
АИ	Акты Исторические
АСЗ	Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
АЮ	Акты юридические, или собрание старинных форм делопроизводства
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси
БРЭ	Большая Российская энциклопедия
ВОИДР	Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете
ГААО	Государственный архив Архангельской области
ГАВО-1	Государственный архив Волгоградской области
ГАВО	Государственный архив Воронежской области
ГАИО	Государственный архив Иркутской области
ГАНО	Государственный архив Новгородской области
ГАОО	Государственный архив Оренбургской области
ГАРО	Государственный архив Рязанской области
ГАРО-1	Государственный архив Ростовской области
ГАТО	Государственный архив Тульской области
ГИМ	Государственный исторический музей
ДАИ	Дополнения к актам историческим
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950
ДРВ	Древняя российская вивлиофика
ЛОИИ	Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАМЮ	Московский архив Министерства юстиции
МГИАИ	Московский государственный историко-архивный институт
НАРТ	Национальный архив Республики Татарстан
НГУАК	Нижегородская губернская ученая архивная комиссия
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГИМ	Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея

НИА СПбИИ	Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории
НИОР РГБ (= ОР РГБ) ОР РНБ	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПРП	Памятники русского права
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1.
ПСЗ-2	Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РАН	Российская академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РИБ	Русская историческая библиотека
РИО	Русское историческое общество
РНБ	Российская национальная библиотека
СЗ	Свод законов Российской империи. Законы о состояниях
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси
СПБИИ РАН	Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
ТОДРЛ	Институт русской литературы. Труды отдела древнерусской литературы
ЦДІАУЛ	Центральний Державний Історичний Архів України, м. Львів (Украина, Львов)
ЧОИДР	Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете
AGAD	Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie

Научное издание

Русь, Россия: Средневековье и Новое время.

Выпуск 5

Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова

Материалы к международной научной конференции

Труды исторического факультета МГУ: Выпуск 104
Серия II. Исторические исследования: 57

Техническое редактирование, верстка Л.П. Горюшкина